1806 1906

И. Б. М

Л. Гв. Ф. П

Исторія
лейбъ-гвардіи
Финляндскаго
полка

1806 — 1906

ИСТОРІЯ

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ

ФИНЛЯНДСКАГО

ПОЛКА

1806—1906 г.г.

Составилъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка
Капитанъ С. Гулевичъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
1825—1855 г.г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906 годъ.

Николай

Императоръ Николай I.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ

„Насакенъ, тебя я никогда не забуду". Слова Императора Николая I, обращенныя къ начальнику караула Л.-Гв. Финляндскаго полка Подпоручику Насакену, стоявшему на Петровской площади 14-го декабря и „первому признавшему,—какъ изволилъ выразиться Его Величество,—Государя Императора въ виду народа и мятежниковъ".

Глава I.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ день 14-го декабря 1825 года.

Восшествіе на престолъ Императора Николая I было сопряжено съ печальнымъ событіемъ 14-го декабря 1825 года.

Событіе это явилось слѣдствіемъ двойственности политики предыдущаго царствованія и той обстановки, въ которой находилось русское общество въ первой четверти XIX вѣка. Продолжительные заграничные походы русскихъ войскъ имѣли тоже не малое

значеніе для подготовки среди офицеровъ и дворянъ той партіи, которая привела Россію къ кровавому дѣлу 14-го декабря.

Въ одномъ изъ докладовъ [1] на Высочайшее Имя, составленномъ особой слѣдственной комиссіей по дѣлу о „событіи 14 декабря", о подготовкѣ и развитіи преступныхъ обществъ говорится слѣдующее: „Въ 1816 году нѣсколько молодыхъ людей, возвратясь изъ за-границы послѣ кампаній 1813, 1814 и 1815 годовъ, и знавъ о бывшихъ тогда въ Германіи Тайныхъ Обществахъ съ политическою цѣлью, вздумали завести въ Россіи нѣчто подобное... Побужденіемъ ихъ... была ложно понимаемая любовь къ отечеству, служившая для нихъ самихъ покровомъ безпокойнаго честолюбія; они не чувствовали, что... чрезъ предполагаемыя ими средства, никакая истинно полезная цѣль не могла быть достигнута!" Тѣмъ не менѣе дѣятельность ихъ была ведена довольно энергично. Масонскія ложи, существовавшія издавна, но не имѣвшія повидимому задачъ политическихъ, превратились, благодаря этой дѣятельности, въ цѣлый рядъ тайныхъ обществъ, преимущественно развивавшихъ не только либеральныя идеи, но и террористическія воззрѣнія, клонившіяся, главнымъ образомъ, къ уничтоженію самодержавія въ Россіи. Насколько замыслы тайныхъ обществъ были далеки отъ дѣйствительности, показываютъ слѣдующія положенія конституціи, выработанной однимъ изъ передовыхъ декабристовъ: раздѣленіе всей территоріи Россіи на самостоятельныя и независимыя области и образованіе для Русскихъ Евреевъ Іудейскаго Царства. „Едва вѣроятное и смѣшное невѣжество" выразилось въ этихъ постановленіяхъ, говоритъ о нихъ докладъ слѣдственной комиссіи.

Вслѣдствіе этого „невѣжества" декабристовъ относительно политическаго положенія современной имъ Россіи задуманный ими переворотъ не удался, а сами декабристы пали безполезными жертвами того преждевременнаго историческаго процесса, которой ими же былъ насильственно вызванъ къ жизни.

Хотя злоумышленныя общества * существовали уже и въ царствованіе Императора Алаксандра I, но особую дѣятельность они обнаружили только въ дни, послѣдовавшіе за кончиной Благословеннаго; воспользовавшись не вполнѣ ясной постановкой вопроса о престолонаслѣдіи, они рѣшили обманомъ привлечь на свою сторону расположенныя въ Петербургѣ части войскъ и съ ихъ помощью произвести переворотъ и ниспровергнуть правительство.

19-го ноября 1825 года скончался Императоръ Александръ I, но извѣстіе это дошло до злоумышленниковъ только 27-го ноября; одновременно съ этимъ они узнали и о присягѣ, уже принесенной Цесаревичу Константину Павловичу. Страхъ и досада овладѣли ими: казалось благопріятный моментъ былъ упущенъ. Однако, извѣстіе, что Цесаревичъ Константинъ Павловичъ рѣшительно отказался отъ короны, возбудило въ мятежникахъ новую надежду; они рѣшили прибѣгнуть къ обману, увѣряя народъ и войско, что Великій Князь Константинъ Павловичъ не отказывался отъ престола; возникшимъ при этомъ возмущеніемъ они полагали воспользоваться для своихъ преступныхъ цѣлей.

14-ое декабря было назначено днемъ обнародованія манифеста о восшествіи на

---

* Въ числѣ этихъ обществъ „Союзъ Благоденствія" игралъ важнѣйшую роль; существовало еще „Общество Военное", члены котораго узнавали другъ друга по надписи „за правду", вырѣзанной на клинкахъ шпагъ [2].

престолъ Императора Николая I, и въ этотъ же день преступники рѣшили нанести ударъ правительству. Предполагалось съ первымъ сбитымъ съ толку полкомъ идти къ слѣдующему и, распространивъ такимъ образомъ мятежъ, всѣмъ подговореннымъ войскамъ собраться на Сенатской площади. Тамъ предполагалось, что всѣ требованія бунтовщиковъ будутъ выполнены и Монархія рухнетъ, замѣненная на первое время Временнымъ Правленіемъ.

Но предположенія мятежниковъ не оправдались: въ этотъ историческій для Россіи день гвардія, хотя и была частью на сторонѣ мятежниковъ, склоненная къ тому обманомъ, но въ массѣ она осталась вѣрна присягѣ и спасла Россію.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ, всегда доблестный на поляхъ сраженій, и въ этотъ смутный день показалъ первымъ свою доблесть: онъ защищалъ въ самомъ началѣ бунта священную Особу Государя Императора и Зимній Дворецъ, гдѣ въ то время находились почти всѣ члены Августѣйшей фамиліи и высшіе государственные чины; караулъ Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ первымъ, который привѣтствовалъ Государя Императора Николая Павловича, какъ Императора; этотъ же караулъ, составляя утромъ 14-го декабря главнѣйшую войсковую охрану дворца, находился нѣкоторое время подъ личнымъ начальствомъ Государя Императора Николая Павловича. Событіе это Государь счелъ нужнымъ занести въ свой послужной списокъ [3].

Другой караулъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, стоявшій на Петровской площади у самой толпы бунтовщиковъ, выказалъ стойкость и твердость въ исполненіи своихъ обязанностей и тѣмъ снискалъ особое Высочайшее вниманіе.

Дѣятельность прочихъ частей Л.-Гв. Финляндскаго полка при усмиреніи мятежниковъ была тоже не маловажна. Такимъ образомъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ, сохраняя непоколебимую вѣрность присягѣ, принялъ доблестное и видное участіе въ прекращеніи мятежа 14-го декабря.

Печальное событіе это произошло слѣдующимъ образомъ.

25-го ноября получено было первое опредѣленное извѣстіе о весьма тяжеломъ положеніи Императора Александра I, находившагося тогда въ Таганрогѣ. Черезъ два дня, 27-го ноября, во время молебна о здравіи Государя, прискакалъ въ Зимній Дворецъ курьеръ съ письмами отъ князя Волконскаго и Генералъ-адъютанта Дибича, извѣщавшими Императрицу Марію Өеодоровну о кончинѣ Императора Александра I. „Узнавъ о семъ неожиданномъ бѣдствіи — говорится въ объявленіи „Русскаго Инвалида“ по этому поводу [4] — Высочайшіе Члены Императорской Фамиліи, Государственный Совѣтъ, Министры собрались въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ первый Его Высочество Великій Князь Николай Павловичъ, а за нимъ всѣ чиновники, тутъ находившіеся, также какъ всѣ полки Императорской гвардіи присягнули въ вѣрности и подданствѣ Его Величеству Императору Константину I“.

„Къ вечеру 27-го ноября“,—говорится въ запискахъ служившаго тогда офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка,—„вывели нашъ полкъ на улицу противъ госпиталя. К. И. Бистромъ объявилъ о кончинѣ Императора, поздравилъ съ новымъ Императоромъ Константиномъ; поднявъ шляпу, воскликнулъ: „Ура!“ и слезы покатились изъ глазъ его и многихъ воиновъ, бывшихъ въ походахъ съ Императоромъ Александромъ, который милостиво называлъ ихъ „любезными товарищами“. Офицеры подписали присяжный листъ въ госпитальной комнатѣ и съ полкомъ разошлись по казармамъ и по квартирамъ. Съ такимъ же настроеніемъ духа присягнули другіе полки“ [5].

На другой день должны были присягнуть всѣ чины полка, не успѣвшіе по разнымъ случаямъ принести присягу 27-го ноября * [6].

28-го ноября послѣдовало въ полку распоряженіе, явившееся слѣдствіемъ восшествія на престолъ Императора Константина I: 1-й карабинерной ротѣ было приказано „отнынѣ именоваться ротою Его Императорскаго Величества".

По принесеніи присяги старшему брату, Цесаревичу Константину Павловичу, находившемуся тогда въ Варшавѣ, Великій Князь Николай Павловичъ и вмѣстѣ съ нимъ всѣ высшіе государственные чины и все населеніе столицы ожидали съ нетерпѣніемъ отвѣта изъ Варшавы. Нетерпѣніе тѣмъ болѣе усиливалось, что слухи объ отреченіи отъ престола Императора Константина распространились повсюду; они порождали тревогу и безпокойство особенно сильное въ столицѣ. Конецъ ноября и начало декабря Петербургъ провелъ въ ожиданіи чего-то неопредѣленнаго, но грознаго; офиціальныя распоряженія носили характеръ недоконченности и, наводя на мысль о чемъ-то таинственномъ, вмѣстѣ съ тѣмъ указывали на тревожность общаго положенія. Распоряженія, отдаваемыя по гвардейскому корпусу, подтверждали это; такъ, въ приказахъ указывалось „гг. офицерамъ, стоящимъ въ караулахъ, дабы они ни въ какомъ случаѣ не отступали отъ порядка службы" и принимали ночью безъ замедленія всѣхъ „лицъ, кои по какому-либо случаю будутъ просить помощи и защиты отъ караула". [7]

Только 12-го декабря окончательно выяснился вопросъ о престолонаслѣдіи: Цесаревичъ Константинъ Павловичъ настоялъ на томъ, чтобы „поступить въ партикулярную жизнь", [8] и Великій Князь Николай Павловичъ сталъ Императоромъ. Черезъ день, 14-го декабря, былъ обнародованъ Высочайшій манифестъ о восшествіи на престолъ Императора Николая I и этотъ же день былъ назначенъ для присяги восшедшему на престолъ Государю.

Наступило 14-е декабря—роковой день по словамъ Императора Николая Павловича. Историческій для Россіи день начался сумрачнымъ и морознымъ декабрьскимъ утромъ.

Государь всталъ рано и сказалъ прибывшему къ нему раньше другихъ Генералъ-адъютанту Бенкендорфу: „Сегодня вечеромъ можетъ быть насъ обоихъ не будетъ болѣе на свѣтѣ, но по крайней мѣрѣ мы умремъ, исполнивъ нашъ долгъ".

Принявъ затѣмъ командира гвардейскаго корпуса Генерала Воинова, Императоръ Николай вышелъ въ залу, гдѣ были собраны всѣ Генералы и начальники отдѣльныхъ частей гвардіи. Государь объяснилъ имъ словесно, что, покоряясь неизмѣнной волѣ Цесаревича Константина Павловича, которому недавно вмѣстѣ съ ними присягалъ, Онъ находится вынужденнымъ выполнить волю своего старшаго брата и принять престолъ, какъ послѣдующій за нимъ въ родѣ. При этомъ Государь лично прочиталъ имъ манифестъ Императора Александра I объ отреченіи Цесаревича и самое отреченіе. Затѣмъ Императоръ спросилъ, не имѣетъ ли кто какихъ сомнѣній; всѣ Генералы отвѣчали, что никакихъ сомнѣній не имѣютъ. Тогда Государь, нѣсколько отступивъ, со свойственной ему осанкой и величіемъ сказалъ: „Послѣ этого вы отвѣчаете мнѣ головою за спокой-

---

* Нижніе чины магометане были приведены къ присягѣ 8-го декабря въ Кавалергардскихъ казармахъ.

ствіе столицы, а что до Меня касается, Я хоть часъ буду Императоромъ, то покажу, что этого достоинъ". Въ заключеніе всѣмъ Генераламъ было приказано отправиться немедленно въ Главный Штабъ, гдѣ и принять присягу, а затѣмъ ѣхать къ своимъ частямъ и приводить ихъ къ присягѣ на вѣрность службы Императору Николаю I [9]. Все это происходило рано утромъ, еще до разсвѣта.

Государь Императоръ Николай I передъ карауломъ Л.-Гв. Финляндскаго полка у Зимняго Дворца во время событія 14-го декабря 1825 года.

Лейбъ-Гвардіи Финляндскій полкъ * готовился въ это время къ заступленію въ караулъ, такъ какъ еще наканунѣ въ приказѣ по полку было объявлено, что караулы I отдѣленія будутъ заняты частями отъ полка. Разводъ было приказано произвести въ 10 час. утра, карауламъ же, наряженнымъ въ I отдѣленіе, надлежало прибыть къ 9½ час. утра въ дворцовый экзерциргаузъ [11]; вслѣдствіе этого Финляндцы, назначенные во всѣ караулы

---

* Происшествіе 14 декабря 1825 года описано по источникамъ, указаннымъ въ ссылкѣ 10-й къ этой главѣ [10].

I отдѣленія должны были быть вполнѣ готовы къ 8 часамъ; приготовленія же къ заступленію въ караулы начались съ самаго ранняго утра.

Пока происходили эти приготовленія нижнихъ чиновъ, всѣ офицеры полка по заранѣе присланному извѣщенію собрались къ 8 час. утра на квартирѣ полкового командира. Генералъ Воропановъ, прибывъ изъ дворца, поздравилъ офицеровъ съ вновь восшедшимъ на престолъ Императоромъ и передалъ имъ все только что выслушанное изъ устъ Государя; при этомъ Его Превосходительство прочелъ отреченіе отъ престола Августѣйшаго шефа полка Великаго Князя Константина Павловича и манифестъ Императора Николая I о Его восшествіи на престолъ. Вслѣдъ за этимъ офицеры разошлись по ротамъ и присяга была принесена безъ малѣйшаго затрудненія и сомнѣнія всѣми чинами 1-го и 2-го баталіоновъ, находившимися тогда въ Петербургѣ; не присягнули только люди 1-й карабинерной роты, бывшіе въ караулѣ въ V отдѣленіи въ Галерной гавани [12]. 3-й баталіонъ полка, расположенный въ это время на загородныхъ квартирахъ въ селѣ Гостилицахъ и окрестныхъ деревняхъ, присягнулъ нѣсколько позднѣе.

Почти одновременно съ полками Гвардейскаго корпуса присягали Сенатъ, Сѵнодъ и прочія гражданскія учрежденія. Въ 11 час. утра въ Зимнемъ Дворцѣ было назначено торжественное молебствіе, къ которому должны были прибыть всѣ офицеры Петербургскаго гарнизона. Съѣздъ къ молебствію начался заблаговременно, въ одиннадцатомъ часу дворецъ уже наполнился высшими начальствующими лицами и особами первыхъ классовъ.

Караулы Л.-Гв. Финляндскаго полка заступили своевременно и были уже на своихъ мѣстахъ, несмотря на то, что безпорядки въ Петербургѣ уже начались.

Въ караулы I отдѣленія заступилъ 2-й баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка; эти караулы были слѣдующіе:

На главную гауптвахту Зимняго Дворца—6-я егерская рота подъ командой Штабсъ-капитана Прибыткова при Поручикѣ Гречъ и Прапорщикѣ Боассель.

Во внутренній караулъ Зимняго Дворца — Поручикъ Тулубьевъ II.

Въ Адмиралтейство — Поручикъ Зейфертъ II.

На Петровскую площадь — Подпоручикъ Насакенъ I, заступившій вмѣсто Прапорщика Богданова, хотя по приказу и назначеннаго въ караулъ, но по болѣзни смѣненнаго [13].

Въ Губернскія присутственныя мѣста * — Подпоручикъ Куткинъ.

Въ Новое Адмиралтейство — Поручикъ Симборскій.

Въ Новую Голландію — Прапорщикъ Куломзинъ.

Въ Дворецъ Великаго Князя Михаила Павловича — Прапорщикъ князь Шаховской.

Дежурный по карауламъ — Полковникъ фонъ Моллеръ I.

Рунды: { Главный — Капитанъ Синявинъ.
Визитиръ — Подпоручикъ Насакенъ I. **

За младшаго штабъ-офицера — Полковникъ Окуловъ.

---

* Присутственныя мѣста помѣщались тогда тамъ, гдѣ нынѣ домъ Градоначальника.

** Визитиръ-рундъ, какъ младшій изъ рундовъ, пошелъ въ караулъ на Петровскую площадь за смѣненнаго по болѣзни караульнаго начальника.

Дежурные.

По полку — Капитанъ Вяткинъ.

По баталіонамъ { По 1-му — Прапорщикъ Мореншильдъ II.
„ 2-му — Подпоручикъ Насакенъ II.
„ госпиталю — Прапорщикъ Угрюмовъ.

Караулы въ прочія отдѣленія были назначены отъ полковъ: Л.-Гв. Московскаго, Гренадерскаго, Павловскаго и Учебнаго Карабинернаго [14].

Расходясь послѣ развода къ своимъ гауптвахтамъ, караулы Л.-Гв. Финляндскаго полка уже встрѣчали возмутившихся нижнихъ чиновъ нѣкоторыхъ прочихъ гвардейскихъ частей, караулу же Поручика Зейферта 2, направлявшемуся къ Адмиралтейству, пришлось столкнуться съ довольно значительнымъ числомъ бунтовщиковъ, стремившихся на Сенатскую площадь; задержанный ими караулъ отбился силой и пришелъ къ своему мѣсту въ полной исправности [15].

Въ это же время во дворецъ стали прибывать начальствующія лица гвардейскаго корпуса съ докладами о присягѣ. Бывшій уже давно во дворцѣ С.-Петербургскій Генералъ-губернаторъ — Генералъ-адъютантъ графъ Милорадовичъ донесъ Государю, что какъ въ городѣ, такъ и въ войскахъ все благополучно. Прибывшій затѣмъ, командовавшій гвардейской артиллеріей Генералъ-маіоръ Сухозанетъ доложилъ, что артиллерія присягнула, но что въ гвардейской конной артиллеріи офицерство выказало сомнѣніе въ справедливости присяги; вслѣдствіе этого Великій Князь Михаилъ Павловичъ былъ отправленъ „въ артиллерію для приведенія заблудшихъ въ порядокъ“.

„Спустя нѣсколько минутъ послѣ сего, — пишетъ въ своей запискѣ по этому поводу Государь Императоръ Николай Павловичъ, [16]—явился ко мнѣ Генералъ-маіоръ Нейдгартъ и, войдя ко мнѣ совершенно въ разстройствѣ, сказалъ: „Sire, le régiment de Moscou est en pleine insurrection, Chenchin et Frédericks (тогдашніе бригадный и полковой командиры) sont grièvement blésses et les mutins marchent vers le sénat; j'ai à peine pu les devancer pour Vous le dire; ordonnez de grâce au regiment Préobrajenski et à la garde à cheval de marcher contre“.

„Меня,— продолжаетъ Государь,— вѣсть сія поразила, какъ громомъ, ибо съ первой минуты Я не видѣлъ въ семъ первомъ ослушаніи дѣйствіе одного сомнѣнія, котораго всегда опасался, но, зная существованіе заговора, узналъ въ семъ первое его доказательство“.

Безпорядки начались въ Л.-Гв. Московскомъ полку; нѣсколько ротъ этого полка, „завлеченныя буйствомъ своихъ Капитановъ, овладѣли знаменами, принесенными къ полку для присяги и изранили своего бригаднаго командира Генералъ-маіора Шеншина (бывшаго командира Л.-Гв. Финляндскаго полка) и полкового командира Генералъ-маіора Фредерикса... толпа сія въ величайшемъ неистовствѣ взяла направленіе къ Исаакіевской плошади, увлекая силою встрѣчавшихся ей офицеровъ, но... другая часть полка осталась покорною и въ порядкѣ“. [17] Это было около 11 часовъ утра.

Государь описываетъ въ Своей запискѣ происшедшее тогда въ слѣдующихъ словахъ: „оставшись одинъ (послѣ доклада Генерала Нейдгарта), Я спросилъ себя, что мнѣ дѣлать и, перекрестясь, отдался въ руки Божіи, рѣшилъ Самъ идти туда, гдѣ опасность угрожала“. Государь, какъ былъ въ одномъ мундирѣ, въ сопровожденіи одного лишь Генералъ-

адъютанта Кутузова, отправился прежде всего на главную гауптвахту Зимняго Дворца, гдѣ стояла 6-я егерская рота Л.-Гв. Финляндскаго полка, только что заступившая на главную гауптвахту и потому еще не окончившая смѣну часовыхъ.

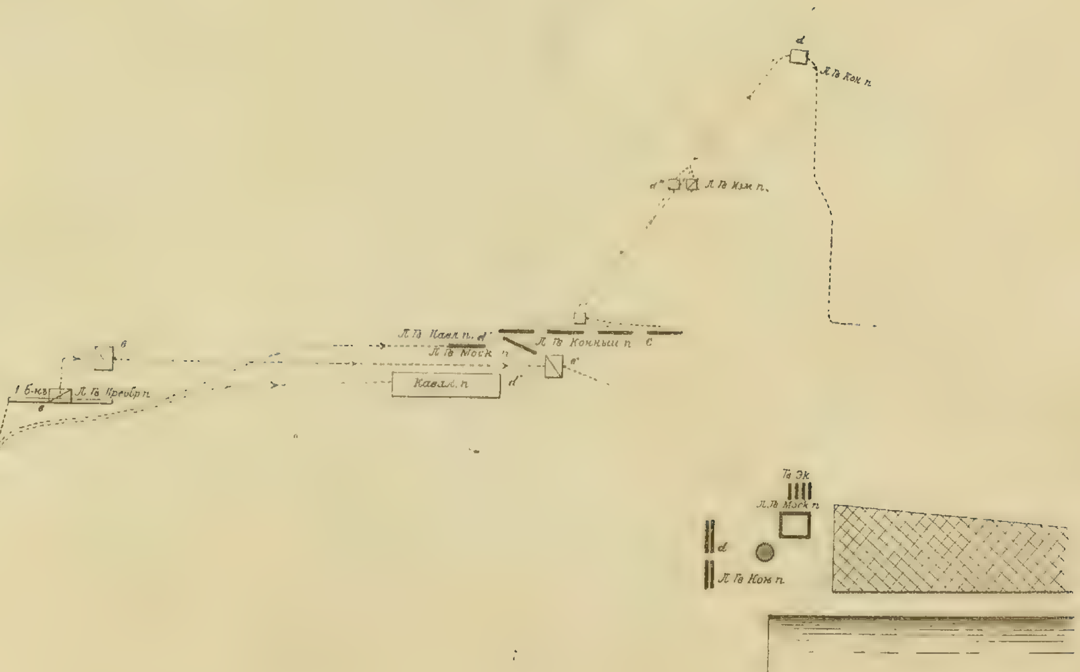
Указанныя неблагопріятныя извѣстія, полученныя Государемъ передъ этимъ, вызвали въ Немъ прежде всего желаніе убѣдиться въ вѣрности караула; къ этому присоединилось еще другое соображеніе: караульный начальникъ Штабсъ-капитанъ Прибытковъ, вслѣдствіе прежнихъ личныхъ распоряженій Императора Николая I, въ бытность Его Великимъ Княземъ и начальникомъ 2-й Гвардейской пѣхотной дивизіи, былъ отрѣшенъ за что-то отъ командованія ротою; это обстоятельство при тревожномъ состояніи того времени подало нѣкоторый поводъ къ сомнѣнію Императора Николая I въ вѣрности караула. Но напрасно было сомнѣніе встревоженнаго Государя: Финляндцы, только что присягнувшіе своему Императору, при первой же встрѣчѣ съ Его Величествомъ показали, что они выше всего ставятъ долгъ службы и твердо помнятъ слова присяги.

Вызванный Государемъ подъ ружье караулъ выстроился. Спускаясь по лѣстницѣ съ верхней площадки, Государь громко произнесъ: „Знамя салютуетъ". Караулъ отдалъ честь, знамя преклонилось, барабанщики ударили полный походъ и впервые Николай Павловичъ былъ встрѣченъ какъ Императоръ.

Подходя къ выстроенному караулу съ лѣваго фланга, на которомъ стоялъ Поручикъ Гречъ, Государь спросилъ — присягалъ ли караулъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, Государь поздоровался съ людьми, прошелъ по фронту и спросилъ людей, знаютъ ли они, что эта присяга была по точной волѣ Его брата Константина Павловича. Солдаты отвѣчали, что знаютъ и что присяга Его Величеству уже принесена. „Ребята,—продолжалъ Государь,—теперь надо показать вѣрность на самомъ дѣлѣ; Московскіе шалятъ, не перенимать у нихъ и свое дѣло дѣлать молодцами. Готовы ли вы умереть за Меня?" Солдаты радостно отвѣтили, что готовы умереть за своего Царя. Государь велѣлъ зарядить ружья; обратясь къ офицерамъ, Онъ сказалъ: „Васъ, господа, я знаю и потому ничего вамъ не говорю". Затѣмъ раздалась команда Его Величества: „Дивизіонъ впередъ, скорымъ шагомъ — маршъ" и Государь самъ вывелъ караулъ къ главнымъ воротамъ дворца, поставивъ его поперекъ воротъ съ внѣшней ихъ стороны. При этомъ, обратившись къ сопровождавшему Его Величество Принцу Евгенію Виртембергскому, Государь сказалъ: „Вашему Королевскому Высочеству поручаю свою семью"; бывшему тутъ же С.-Петербургскому коменданту Генералъ-лейтенанту Башуцкому Государь приказалъ находиться при караулѣ Финляндцевъ неотлучно, не трогаясь съ мѣста безъ особаго приказанія, сказавъ ему при этомъ: „а вашему превосходительству поручаю охрану замка".

„Съѣздъ ко дворцу уже начинался, — говоритъ записка Государя о событіяхъ того времени,—и вся площадь усѣяна была народомъ и перекрещивающимися экипажами. Многіе изъ любопытныхъ заглядывали на дворъ и кланялись Мнѣ въ ноги. Поставя караулъ поперекъ воротъ, обратился Я къ народу, который, Меня увидя, началъ сбѣгаться ко Мнѣ и кричать ура. Махнувъ рукой, Я просилъ, чтобъ Мнѣ дали говорить. Въ то же время пришелъ ко Мнѣ графъ Милорадовичъ и сказалъ: „Cela va mal, ils marchent au sénat, mais je vais leur parler", ушелъ—и Я болѣе его не видалъ, какъ отдавая ему послѣдній долгъ".

„Надо было Мнѣ выиграть время, дабы дать войскамъ собраться; нужно было отвлечь

Л. Гв. Кон. п.
Л. Гв. Изм. п.
Л. Гв. Кавал. п.
Л. Гв. Конный п.
Л. Гв. Моск. п.
Кавал. п.
1 Б-нъ
Л. Гв. Преобр. п.
Гв. Эк.
Л. Гв. Моск. п.
Л. Гв. Кон. п.

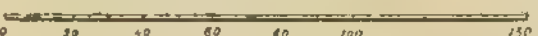
РАСПОЛОЖЕНІЕ
войскъ
ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

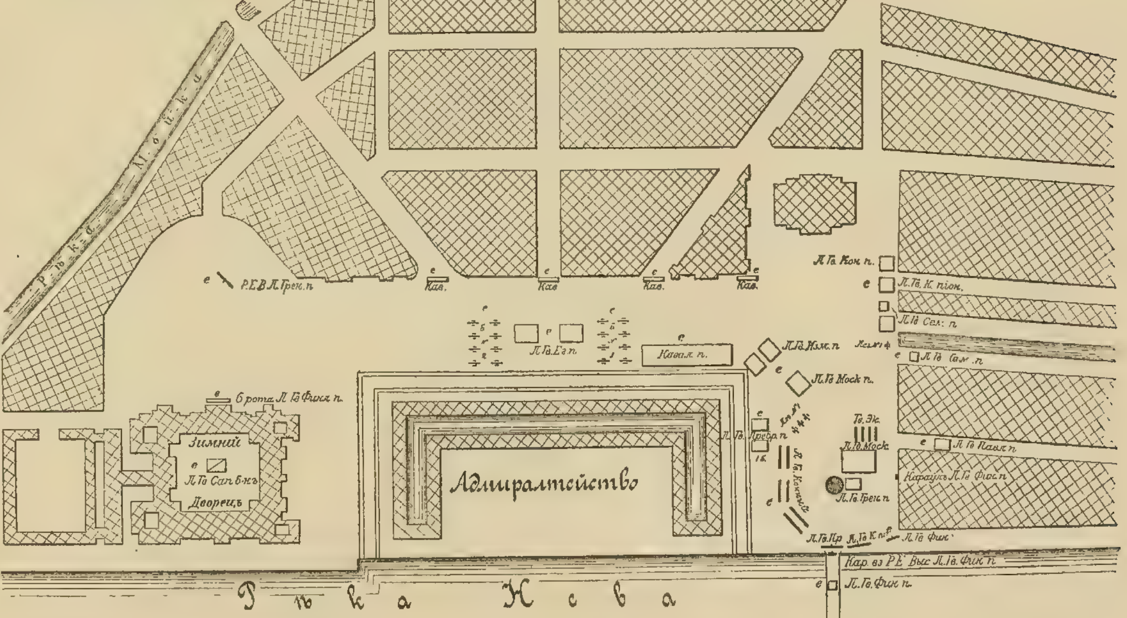
14 декабря 1825 г. на Петровской площади, близь Зимняго Дворца и постепенное ихъ прибытіе.

Съ современнаго плана (Библіотека Стрѣльнинск. Егерск. полка № 158)

Копировалъ Капитанъ Гуковъ.

a Выступленіе главнаго караула по личному приказанію Его Импер. Величества
в Прибытіе 1го бат. Л. Гв. Преобр. полка и его слѣдованіе онаго по личному приказанію Его Импер. Величества. c. Прибытіе Л. Гв. Коннаго полка
d Расположеніе 2хъ дивизіоновъ Л. Гв. Коннаго полка противъ мятежниковъ; 1й дивиз. отряжается въ обходъ. d. Прибытіе 3хъ ротъ Л. Гв. Павловскаго полка и d'' прибытіе Кавалергардск. полка. d''' Прибытіе Великаго Князя Михаила Павловича съ частью Л. Гв. Московск. полка и Л. Гв. Саперного б-на, занявшаго дворъ въ Зимнемъ Дворцѣ. d'''' Прибытіе Л. Гв. Измайловск. полка. e. Послѣднее расположеніе войскъ.

вниманіе народа чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ; всѣ эти мысли пришли Мнѣ какъ бы вдохновеніемъ, и Я началъ говорить народу, спрашивая, читали ли Мой манифестъ; всѣ говорили, что нѣтъ. Пришло Мнѣ на мысль самому его читать; у кого-то въ толпѣ нашелся экземпляръ; Я взялъ его и началъ читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый Богъ Меня поддержалъ".

Наконецъ Государю доложили, что 1-й баталіонъ Преображенскаго полка прибылъ къ Зимнему Дворцу; тогда Государь пошелъ сквозь толпу прямо къ баталіону. Съ этимъ баталіономъ Государь отправился къ Петровской площади, откуда уже начали раздаваться выстрѣлы.

Послѣ отбытія Государя отъ Зимняго Дворца ко дворцу подошелъ Л.-Гв. Саперный баталіонъ, вызванный по тревогѣ; этому баталіону было передано Высочайшее повелѣніе служить вмѣстѣ съ караулами охраной Зимняго Дворца. Саперы были введены на главный дворъ и расположились тамъ въ колоннѣ.

Едва Л.-Гв. Саперный баталіонъ успѣлъ выстроиться въ тылу караула Л.-Гв. Финляндскаго полка, продолжавшаго стоять передъ воротами Зимняго Дворца, какъ передъ малочисленнымъ карауломъ Финляндцевъ неожиданно появилась огромная толпа солдатъ Л.-Гв. Гренадерскаго полка, стремившаяся ко дворцу съ ружьями на перевѣсъ; впереди бѣжалъ офицеръ того же полка (какъ впослѣдствіи выяснилось баталіонный адъютантъ Поручикъ Поповъ), махавшій обнаженной шпагой. Мятежники стремительно подавались впередъ, увлекаемые своимъ предводителемъ и крича ура! Положеніе Финляндцевъ въ эту минуту было болѣе чѣмъ затруднительное: противупоставляя силѣ силу, надлежало начать кровопролитіе у самыхъ стѣнъ дворца, но находившійся неотлучно при караулѣ комендантъ, которому только что передъ этимъ была ввѣрена лично Государемъ охрана дворца, приказалъ караулу разступиться и пропустить мятежную толпу на дворцовый дворъ. Бунтовщики, прорвавшись какъ лавина во дворъ, тотчасъ же стали выбѣгать изъ него обратно, вслѣдствіе того, что офицеръ, ими предводительствовавшій, искалъ соединенія съ прочими мятежниками, у дворца же онъ не встрѣтилъ единомышленниковъ ни въ лицѣ Финляндцевъ, ни въ лицѣ гвардейскихъ саперъ; толпа мятежниковъ бросилась отъ дворца къ Сенатской площади для соединенія съ прочей толпой ихъ, уже собравшейся въ значительныхъ силахъ у памятника Петра Великаго.

Роль караула Л.-Гв. Финляндскаго полка въ минуты столкновенія его съ Лейбъ-Гренадерами и причина пропуска мятежниковъ С.-Петербургскимъ комендантомъ черезъ дворцовыя ворота объясняются слѣдующимъ образомъ въ запискахъ очевидца, офицера Л.-Гв. Сапернаго баталіона В. И. Фелькнера [18]: „нѣкоторые полагали, — пишетъ онъ,— что Генералъ Башуцкій принялъ Лейбъ-Гренадеръ за отрядъ, присланный самимъ Императоромъ на усиленіе защитниковъ Зимняго Дворца. Спрашивается, можно ли было признать посланною отъ Государя безпорядочную толпу солдатъ, безъ старшихъ начальниковъ и даже младшихъ офицеровъ, кромѣ одного молодого Подпоручика, бѣжавшаго въ ихъ главѣ съ обнаженною шпагою? Не вѣроподобнѣе ли приписать это распоряженіе вдохновленію долговременной опытности и присутствію духа стараго воина, который мгновенно сообразилъ, что присутствіе на дворцовомъ дворѣ Гвардейскаго Сапернаго баталіона достаточно ручалось за безопасность Зимняго Дворца и что одинъ взводъ Л.-Гв. Финляндскаго полка

не въ состоянiи бы былъ удержать нападенiе четырехъ ротъ Л.-Гв. Гренадерскаго полка, которыя, переколовъ въ случаѣ сопротивленiя Финляндцевъ, съ яростью бросились бы на саперовъ и что затѣмъ произошло бы еще большее напрасное кровопролитiе? Такъ или иначе, но Всеблагiй Промыселъ Божiй не допустилъ, чтобы дворъ русскихъ Императоровъ обагрился кровью ихъ тѣлохранителей".

Государь Императоръ Николай Павловичъ въ своей запискѣ по поводу 14 декабря опредѣленно указываетъ на то, что Генералъ Башуцкiй былъ введенъ въ заблужденiе Лейбъ-Гренадерами. „Они дошли до главныхъ воротъ дворца въ нѣкоторомъ устройствѣ, такъ что комендантъ почелъ ихъ за присланный Мною отрядъ для занятiя дворца". Въ той же запискѣ Государь упоминаетъ, что означенная толпа Лейбъ-Гренадеръ „шла съ намѣренiемъ овладѣть дворцомъ и въ случаѣ сопротивленiя истребить все Наше семейство".

Между тѣмъ, положенiе дѣлъ становилось все болѣе и болѣе серьезнымъ. Государь отдалъ приказанiе сбираться всѣмъ войскамъ на Адмиралтейскую площадь. Мятежники, „выстроившись кареемъ у монумента Петра I, не внимая гласу милосердiя Государя своего, дерзали [19] упорствовать въ злодѣйскомъ преднамѣренномъ дѣйствiи своемъ"; они не останавливались даже передъ стрѣльбой сначала противъ корпуснаго командира Генерала Воинова, а потомъ даже и противъ Священной Особы Государя Императора. „Мятежники выстроены были въ густой неправильной колоннѣ". Къ нимъ присоединилось множество неизвѣстныхъ лицъ во фракахъ, которые возбуждали солдатъ къ мятежу. Народъ, введенный частью въ заблужденiе, тоже сталъ колебаться, и многiе перешли въ ряды бунтовщиковъ.

Между тѣмъ на Сенатскую площадь прибывали одна за другой войсковыя части; Государь встрѣчалъ ихъ лично. Проѣзжая верхомъ мимо Петровской гауптвахты, расположенной въ зданiи Сената, Государь былъ встрѣченъ карауломъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, стоявшимъ подъ командой Подпоручика Насакена I; караулъ отдалъ честь Николаю Павловичу какъ Императору съ барабаннымъ боемъ. Такое отданiе чести Государю на глазахъ наибольшаго скопища бунтовавшихъ солдатъ и примкнувшей къ нимъ толпы имѣло въ тотъ моментъ выдающееся значенiе, какъ примѣрное проявленiе непоколебимой вѣрности законному Государю. Поздоровавшись съ карауломъ, Государь обратился съ милостивыми словами къ Подпоручику Насакену, „первому признавшему",—какъ выразился Его Величество,—„Государя Императора въ виду народа и мятежниковъ", и сказалъ: „Насакенъ, тебя я никогда не забуду". Такимъ образомъ роль этого караула, какъ это видно изъ милостиваго обращенiя Государя къ Подпоручику Насакену, была весьма значительна тѣмъ болѣе, что караулъ этотъ находился всего въ 75 шагахъ разстоянiя отъ мятежной толпы. Вѣрность долгу и присягѣ и примѣрный порядокъ, обнаруженный всѣми чинами караула, не могли не оказать сильнаго влiянiя на мятежниковъ: видъ караула, непоколебимо стоявшаго все время подъ ружьемъ въ самомъ центрѣ мятежа въ высшей степени импонировалъ на возмутившихся; отсюда ихъ просьбы и угрозы, направленныя ко всѣмъ чинамъ караула. Но все было тщетно; Финляндцы твердо и молодецки выстояли на своемъ посту и всякiй разъ, когда въ виду ихъ показывался Государь, отдавали Ему честь по всѣмъ правиламъ. Отдѣльные чины караула выказали тоже мужество и стойкость: каждые два часа производилась уставная смѣна часовыхъ, несмотря на то, что производить ее было очень трудно; такъ, одинъ изъ постовъ у дома Лобанова могъ быть смѣненъ не иначе, какъ проходя черезъ мятежное карре.

Государь Императоръ Николай I передъ карауломъ Л.-Гв. Финляндскаго полка на Петровской площади 14-го декабря 1825 года.

Подробное описаніе происшествія 14 декабря, составленное при штабѣ Его Величества, приводитъ дѣйствія караула Л.-Гв. Финляндскаго полка какъ примѣрныя, говоря: „Къ чести мундира послѣ сихъ постыдныхъ происшествій произошли и примѣры отличнаго исполненія своихъ обязанностей“. [20]

Доказательствомъ благотворнаго вліянія стойкости караула Л.-Гв. Финляндскаго полка на мятежныхъ солдатъ „служитъ переходъ отъ мятежниковъ двухъ нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Московскаго полка подъ защиту Финляндскаго караула“. [21] Весьма вѣроятно, что кромѣ этихъ двухъ образумившихся солдатъ, о которыхъ упоминаютъ документы того времени, число такихъ людей, вразумленныхъ стойкостью Финляндскаго караула, было значительно больше, заключая въ себѣ нижнихъ чиновъ и Гвардейскаго Экипажа и Л.-Гв. Гренадерскаго полка.

Тѣмъ не менѣе мятежъ усиливался. „Къ печальной массѣ Московскаго полка прибылъ Гвардейскій Экипажъ и примкнулъ отъ стороны Галерной, — пишетъ Государь въ своей запискѣ,— а толпа Гренадеръ стала съ другой стороны; шумъ и крикъ дѣлались безпрестанными и ихъ выстрѣлы перелетали черезъ голову. Наконецъ народъ началъ также колебаться, и многіе перебѣгали къ мятежникамъ, передъ которыми видны были люди невоенные. Однимъ словомъ ясно становилось, что не сомнѣніе въ присягѣ было истинной причиной бунта; существованіе другого важнѣйшаго заговора дѣлалось очевиднымъ. „Ура! Конституція!“ раздавалось и принималось чернью за ура, произносимое въ честь супруги Константина Павловича“.

Для подавленія мятежа были приняты всевозможныя мѣры; всѣмъ полкамъ было приказано сходиться къ Петровской площади, вмѣстѣ съ тѣмъ примѣнялись и примирительныя средства: къ мятежникамъ выходилъ въ полномъ облаченіи Митрополитъ Серафимъ; но его увѣщанія остались тщетны; также безуспѣшны были уговоры С.-Петербургскаго Генералъ-губернатора графа Милорадовича; этотъ боевой Генералъ, долгое время стоявшій во главѣ гвардіи и участвовавшій съ ней во многихъ сраженіяхъ, погибъ отъ руки измѣнника. Уговоры Великаго Князя Михаила Павловича, которому тоже угрожала явная опасность, не привели ни къ чему. Залпъ данный по Государю и безуспѣшность всѣхъ этихъ мѣръ заставили, наконецъ, прибѣгнуть къ силѣ оружія.

Въ это время положеніе мятежниковъ, окруженныхъ почти со всѣхъ сторонъ прибывшими къ Петровской площади частями гвардіи, становилось все болѣе затруднительнымъ и почти безвыходнымъ. Декабристъ баронъ В. Штейнгель въ своихъ запискахъ [22] представляетъ ихъ положеніе слѣдующимъ образомъ: „не имѣя силъ идти впередъ, они увидѣли, что нѣтъ уже спасенія назади. Жребій былъ брошенъ, диктаторъ къ нимъ не являлся. Въ карре было разногласіе. Оставалось одно, стоять, обороняться и ждать развязки отъ судьбы. Они это и сдѣлали“.

Между тѣмъ вѣрныя присягѣ гвардейскія части все ближе смыкали кольцо, окружавшее мятежниковъ и вскорѣ всѣ собранные полки гвардіи, выстроившіеся частью у Петровской площади, частью на прилегающихъ къ площади улицахъ, были готовы къ дѣйствіямъ. Въ числѣ этихъ частей находился и 1-й баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, свободный отъ караульнаго наряда.

Баталіонъ этотъ былъ приведенъ Генералъ-адъютантомъ графомъ Комаровскимъ, посланнымъ Государемъ въ казармы полка.

Въ казармахъ узнали о происшествіи на Петровской площади около 11-ти часовъ утра. Первымъ извѣстилъ объ этомъ Поручикъ баронъ Розенъ, ѣхавшій во дворецъ на молебствіе и встрѣтившій на Исаакіевскомъ мосту толпы народа. Поручикъ Розенъ тотчасъ же возвратился въ полкъ къ 1-му баталіону, который и засталъ выходящимъ изъ казармъ въ киверахъ и мундирахъ. Люди были выведены баталіоннымъ командиромъ Полковникомъ Тулубьевымъ, единственно „для избѣжанія толковъ и для сохраненія порядка". У казармъ уже находились Генералъ-адъютантъ Комаровскій и бригадный командиръ Генералъ Головинъ*. Баталіонъ былъ тотчасъ распущенъ, чтобы переодѣться въ шинели и фуражки и взять съ собою полную походную амуницію съ боевыми патронами. Едва баталіонъ выстроился вновь, какъ по приказанію Генералъ-адъютанта Комаровскаго онъ двинулся къ Сенатской площади.

Моментъ предшествовавшій этому выступленію полка описанъ графомъ Комаровскимъ слѣдующимъ образомъ: „не доѣзжая казармъ Финляндскаго полка, я встрѣтилъ одного изъ офицеровъ онаго и приказалъ ему позвать ко мнѣ баталіоннаго командира, которому я объявилъ полученное Высочайшее повелѣніе, спросивъ, увѣренъ ли онъ въ людяхъ, и что онъ головою своею отвѣчаетъ, если что противное случится. Баталіонный командиръ мнѣ на это сказалъ: „Позвольте спросить ротныхъ командировъ, но баталіонъ еще не весь присягалъ". Я приказалъ ихъ позвать къ себѣ; они всѣ мнѣ объявили, что въ своихъ солдатахъ совершенно увѣрены; особенно 1-й роты Капитанъ Вяткинъ сказалъ: „Люди рады со мною умереть!" Тогда я приказалъ вывесть весь баталіонъ съ ружьями, въ шинеляхъ, въ фуражкахъ, въ сумахъ и съ боевыми патронами. Мнѣ сказали, что бригадный командиръ Генералъ-маіоръ Головинъ дома; я послалъ его просить. Когда баталіонъ построился поротно, я сказалъ солдатамъ: „Императоръ нашъ Николай Павловичъ приказалъ мнѣ вести васъ противу измѣнниковъ; готовы ли вы за Него умереть?" Весь баталіонъ отвѣчалъ: „Рады умереть!" — „И въ томъ клянетесь?" Всѣ повторили: „Клянемся!"

Въ строю баталіона находились почти всѣ офицеры; впереди шла 1-я карабинерная рота подъ командой Капитана Вяткина. На пути Финляндцевъ встрѣтилъ принцъ Евгеній Виртембергскій съ повелѣніемъ отъ Государя спѣшить къ Сенатской площади.

Баталіону предстояло идти по набережной на Исаакіевскій мостъ, устроенный черезъ Неву на понтонахъ отъ зданія перваго кадетскаго корпуса къ памятнику Императора Петра I.

Л.-Гв. Финляндскому полку было предназначено замкнуть кольцо войскъ, оцѣплявшихъ мятежниковъ, которые продолжали стоять у памятника Петра Великаго, для чего нужно было преградить имъ выходъ съ площади со стороны Невы, главнымъ образомъ съ стороны Исаакіевскаго моста. Вмѣстѣ съ Финляндцами съ этой стороны должны были дѣйствовать часть Л.-Гв. Преображенскаго полка и Гвардейскіе Конно-піонеры.

Если вѣрить запискамъ декабриста барона В. Штейнгеля, то приближеніе Финляндцевъ подало мятежникамъ слабую надежду на улучшеніе ихъ положенія. „Инсургенты минутно

* Командиръ полка въ это время находился при одномъ изъ карауловъ 2-го баталіона.

были польщены",—говоритъ Штейнгель,—„приближеніемъ Финляндскаго полка, симпатіи котораго еще довѣряли". Но показаніе это само собою отпадаетъ; какъ дальнѣйшія дѣйствія полка, такъ и заявленія, поданныя на совѣщаніяхъ мятежниковъ, въ дни предшествовавшіе 14-му декабря, въ которыхъ говорилось, что на Л.-Гв. Финляндскій полкъ имъ разсчитывать нечего и что его они возмутить никакъ не могутъ, показываютъ, что Финляндцы были далеки отъ дѣйствій противъ присяги.

Взойдя на мостъ 1-й баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка выстроилъ взводы и остановился на серединѣ моста въ сомкнутыхъ ротныхъ колоннахъ. Толпы народа, бывшія на мосту, на набережной и на площади, доносившіеся крики бунтовщиковъ: „ура! Константинъ"! и раздававшіеся выстрѣлы служили несомнѣннымъ признакомъ близости мѣста бунта. Солдатамъ было приказано зарядить ружья, послѣ чего баталіонъ былъ двинутъ впередъ. Находившійся въ головѣ баталіона карабинерный взводъ роты Его Высочества двинулся по командѣ, но стоявшій въ затылокъ ему послѣдующій, стрѣлковый взводъ той же роты въ нерѣшительности замялся; такая остановка со стороны людей 1-ой карабинерной роты была вполнѣ понятна; какъ впослѣдствіи оказалось, рота эта не успѣла принять присяги Императору Николаю I, вслѣдствіе того, что только что смѣнилась съ караула; комадовавшій этимъ взводомъ Поручикъ баронъ Розенъ, принадлежавшій втайнѣ къ заговорщикамъ, воспользовался этимъ обстоятельствомъ и рѣшилъ, хотя бы путемъ обмана людей этого взвода, такъ или иначе, оказать содѣйствіе своимъ единомышленникамъ.

Сбитые съ толку своимъ офицеромъ, люди стрѣлковаго взвода недоумѣвали. Убѣжденія ротнаго командира Капитана Вяткина и Генералъ-адъютанта графа Комаровскаго не достигли цѣли: „мы не знали куда и на что насъ ведутъ—говорили стрѣлки карабинерной роты—ружья заряжены, сохрани Богъ убить своего брата. Мы присягали Государю Константину Павловичу, при присягѣ и у обѣдни цѣловали крестъ"!

Такимъ образомъ долгъ службы и святость присяги были въ точности соблюдены стрѣлками. На этихъ-то священныхъ чувствахъ и игралъ Поручикъ баронъ Розенъ, не остановившійся передъ тѣмъ, чтобы навести подозрѣніе на полкъ. Очевидецъ этого происшествія князь Суворовъ, впослѣдствіи Генералъ-адъютантъ, писалъ въ своихъ запискахъ: „Не (Л.-Гв. Финляндскій) полкъ и не ротный командиръ 1-й карабинерной роты Капитанъ Вяткинъ, а его Поручикъ былъ причиною, что полкъ могъ быть подозрѣваемъ [23]. Случайный недосмотръ, по которому въ головѣ баталіона очутились люди, не принимавшіе присяги Императору Николаю Павловичу, позволилъ разыграться вышеизложенному факту остановки взвода и полнѣйшему недоумѣнію его людей кому и какъ повиноваться".

Нѣкоторые изъ людей стрѣлковаго взвода двинулись впередъ; то были унтеръ-офицеры Кухтиновъ и Степановъ и 4 человѣка съ праваго фланга; тогда Поручикъ Розенъ подбѣжалъ къ нимъ и „возвратилъ ихъ на свои мѣста, угрожая заколоть шпагой того, кто тронется съ мѣста". Въ это время пули стали свистать, и люди нѣсколько осадили, но Поручикъ Розенъ снова ихъ заставилъ стоять на мѣстѣ.

Находившіеся за 1-й карабинерной ротой 1-я и 2-я егерскія роты было двинулись впередъ, но были остановлены взводомъ барона Розена, какъ свидѣтельствуетъ въ своемъ показаніи этотъ офицеръ. Вѣрнѣе же предположить, что ввиду уже состоявщейся въ

тотъ моментъ атаки мятежниковъ Л.-Гв. Коннымъ полкомъ и приготовленій къ обстрѣливанію ихъ картечью, надобность въ выдвиганіи впередъ пѣхотныхъ частей уже миновала; это тѣмъ болѣе относилось къ егерскимъ ротамъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, что 1 баталіону полка было предписано Государемъ занять частью площадь и частью Исаакіевскій мостъ.

Послѣдняя рота 1-го баталіона Л.-Гв. Финляндскаго полка, т. е. 3-я егерская, не стояла съ прочими ротами этого баталіона; еще до подхода его къ Исаакіевскому мосту рота эта, по приказанію бригаднаго командира Генерала Головина, была отряжена для охраненія положенныхъ черезъ Неву мостковъ, находившихся ниже моста.

Впослѣдствіи, съ движеніемъ баталіона по Исаакіевскому мосту, 3-я егерская рота подъ командой Капитана Бѣлевцова перешла по мосткамъ на ту сторону Невы и стала правымъ флангомъ возлѣ угла зданія Сената, выходящаго на набережную; здѣсь она замкнула послѣдній выходъ мятежникамъ съ Сенатской площади; влѣво отъ нея стояли Гвардейскіе Конно-піонеры, затѣмъ, часть Преображенцевъ, сзади которыхъ у самаго входа на мостъ стали карабинеры роты Его Высочества Л.-Гв. Финляндскаго полка, подъ начальствомъ Капитана Вяткина; въ 30-ти же саженяхъ отъ нихъ были расположены въ видѣ резерва стрѣлки этой роты и 1-я и 2-я егерскія роты.

Таково было расположеніе Финляндцевъ передъ заключительными дѣйствіями 14-го декабря. Что же касается до карауловъ 2-го баталіона, то они все время оставались на своихъ мѣстахъ, при чемъ караулъ полка Петровской гауптвахты находился довольно близко отъ 3-й роты.

Разбросанное расположеніе Л.-Гв. Финляндскаго полка не могло не затруднять дѣйствія чиновъ его въ той тяжелой въ нравственномъ отношеніи обстановкѣ, въ которую была поставлена тогда гвардія. Не только офицерамъ, но и солдатамъ приходилось разрѣшать вопросъ первостепенной политической важности, вопросъ для нихъ весьма осложненный проявленіями кажущейся вѣрности къ престолу, обнаруженной заговорщиками съ такою силою; немудрено, поэтому, что, видя уже кровь, проливаемую ихъ товарищами-гвардейцами, солдаты, для которыхъ все происшествіе было полнѣйшею неожиданностью, мучительно недоумѣвали.

Въ томъ же положеніи было офицерство и даже высшія начальствующія лица, которыя не давали себѣ яснаго представленія о происходившемъ въ день 14-го декабря; недоумѣніе и недоразумѣніе были всеобщи, а самый мятежъ такъ непредвидѣнъ, что его плохо понимали. Принцъ Евгеній Виртембергскій приводитъ по этому поводу въ своихъ воспоминаніяхъ два факта. Оказывается, что въ самый разгаръ подавленія революціонныхъ дѣйствій Генералъ Головинъ, прибывшій на Сенатскую площадь вмѣстѣ съ Финляндцами, былъ до такой степени мало освѣдомленъ, что спрашивалъ у Принца Виртембергскаго: „Да что же такое происходитъ? Да какого же мы ожидаемъ непріятеля?“ А Генералъ Бистромъ, командовавшій всей гвардейской пѣхотой, сказалъ тому же Принцу: „Будь я проклятъ, если знаю, о чемъ идетъ споръ“. Если такова была освѣдомленность Генераловъ, то что же говорить объ офицерахъ и нижнихъ чинахъ.

Атаки Л.-Гв. Коннаго полка и Кавалергардовъ на мятежниковъ оказались неудачными, вслѣдствіе гололедицы; послѣ этого оставалось дѣйствовать только артиллеріей.

„Я предчувствовалъ сію необходимость,—писалъ Императоръ Николай І-й въ своей запискѣ,—но, признаюсь, когда настало время не могъ рѣшиться на подобную мѣру, и Меня ужасъ объялъ... Опомнившись, Я видѣлъ, что или должно Мнѣ взять на себя пролить кровь нѣкоторыхъ и спасти почти навѣрное все, или, пощадивъ себя, жертвовать рѣшительно государствомъ". Приготовленія артиллеріи къ стрѣльбѣ, какъ предполагалъ Государь, должны были повліять на мятежниковъ устрашающимъ образомъ; но они продолжали упорствовать. Наконецъ, Государь рѣшилъ испробовать послѣднее средство, и послалъ Генералъ-маіора Сухозанета объявить мятежникамъ, что если толпа сейчасъ же не положитъ оружіе, то по ней будетъ открытъ артиллерійскій огонь; „ура"! и прежнія восклицанія были отвѣтомъ, и вслѣдъ за этимъ залпъ. Только послѣ этихъ дерзкихъ поступковъ, отдано было приказаніе артиллеріи стрѣлять картечью.

Я. Г. Насакенъ 1-й.

Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ зданіе Сената; такимъ образомъ картечь летѣла здѣсь надъ головой караула Подпоручика Насакена; второй и третій выстрѣлы ударили въ самую середину мятежной толпы, которая мгновенно вся разсыпалась, спасаясь на Галерную, на набережную, на Исаакіевскій мостъ и даже по льду рѣки Невы; однако, подъ тяжестью бѣжавшей толпы ледъ ломался, и многіе мятежники, бѣжавшіе въ Петропавловскую крѣпость, потонули, а спасшіеся бросились на Васильевскій островъ.

Мятежъ былъ прекращенъ, оставалось только преслѣдовать бѣгущихъ и принять необходимыя мѣры предосторожности для обезпеченія столицы и Зимняго Дворца. Съ этой цѣлью Петербургъ былъ разбитъ на участки, при чемъ Васильевскій островъ былъ ввѣренъ Генералъ-адъютанту Бенкендорфу.

Послѣ дѣйствія артиллеріи 1-й баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ переведенъ съ Исаакіевскаго моста на Васильевскій островъ, гдѣ и простоялъ всю ночь на Румянцевской площади.

Въ помощь Финляндцамъ для охраненія Васильевскаго острова были наряжены: 4 орудія Гвардейской конной артиллеріи, 2 эскадрона Конной гвардіи и 1 дивизіонъ Конно-піонеръ. Наибольшая же масса войска была сосредоточена у Зимняго Дворца и въ прилегающихъ къ нему улицахъ.

Всю ночь войска провели подъ открытымъ небомъ въ полной готовности къ ежеминутному дѣйствію; у артиллеристовъ были зажжены фитили, пѣхота же имѣла ружья заряженными. Наступившій къ вечеру довольно рѣзкій вѣтеръ при все усиливающемся морозѣ (болѣе 10°) заставилъ солдатъ разводить костры, у которыхъ они едва отогрѣвались. Всѣ улицы были въ эту ночь совершено спокойны и почти безлюдны; Петербургъ какъ бы замеръ подъ вліяніемъ ужасныхъ событій на Петровской площади.

Въ половинѣ седьмого часа вечера было совершено назначенное еще утромъ мо-

лебствіе о восшествіи на престолъ Императора Николая I-го. Такъ окончился день 14-го декабря, „эта нелѣпая трагедія нашихъ безумныхъ либералистовъ“, какъ выразился историкъ Карамзинъ, бывшій свидѣтелемъ всего тогда происходившаго.

„Провиденіе омрачило умы людей буйныхъ,—писалъ исторіографъ,—и они въ порывѣ своего безумія рѣшились на предпріятіе, столь же пагубное, сколь и не сбыточное: отдать государство власти неизвѣстной, свергнувъ законную. Обманутые солдаты и чернь покорились мятежникамъ, предполагая, что они вооружаются противъ Государя незаконнаго и что новый Императоръ есть похититель престола старшаго своего брата Константина“. Такимъ образомъ подстрекатели, прибѣгая ко лжи, привлекали къ себѣ довольно значительное число нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ многимъ пришлось жестоко расплатиться за свою излишнюю довѣрчивость; среди приставшихъ къ мятежу Финляндцевъ не было и для Л.-Гв. Финляндскаго полка день 14-го декабря прошелъ безъ потерь: раненыхъ, убитыхъ и пропавшихъ безъ вѣсти за этотъ день въ полку не имѣлось [24]. Не такъ благополучно прошелъ этотъ день въ другихъ частяхъ; по вѣдомости штаба гвардейскаго корпуса отъ 17-го декабря видно, что убыль нижнихъ чиновъ ранеными была довольно значительна; были также и убитые.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ принялъ въ свой госпиталь 15 раненыхъ нижнихъ чиновъ, принадлежавшихъ „къ сторонѣ противной“; около половины изъ нихъ скончались въ госпиталѣ отъ ранъ, оказавшихся нанесенными картечными выстрѣлами [25].

Насколько значительны были дѣйствія въ день возмущенія, показываетъ число ружей и предметовъ амуниціи, захваченныхъ патрулями на Васильевскомъ Островѣ; всего было доставлено: 139 заряженныхъ и частью поломанныхъ ружей, 162 тесака, столько же сумъ, барабаны и трубы [26].

Дѣйствія 3-го баталіона Л.-Гв. Финляндскаго полка, находившагося въ загородномъ расположеніи у села Гостилицы, въ день 14-го декабря заключались въ томъ, что баталіонъ этотъ, какъ только пришло къ нему извѣстіе о безпорядкахъ, былъ двинутъ въ Петербургъ; баталіоны прочихъ полковъ гвардіи, квартировавшіе за городомъ, были тоже отправлены изъ мѣстъ своего расположенія; всѣ эти баталіоны могли прибыть въ городъ не ранѣе вечера 14-го декабря, поэтому участія въ усмиреніи они не принимали никакого и были отправлены обратно по своимъ квартирамъ.

Стойкость и самоотверженіе, оказанныя войсками, оставшимися вѣрными своему долгу въ день 14-го декабря были Всемилостивѣйше щедро награждены.

Награды, полученныя чинами Л.-Гв. Финляндскаго полка за день 14 декабря, были слѣдующія: командиръ полка Генералъ-маіоръ Воропановъ былъ назначенъ Генералъ-адъютантомъ Его Императорскаго Величества. Бывшій 14-го числа дежурнымъ по карауламъ Полковникъ Моллеръ—Флигель-адъютантомъ къ Его Величеству. Дѣйствія его и отличіе такъ описаны въ памятныхъ замѣткахъ супруги [27] его Е. Н. Моллеръ*: „А. Ѳ. Моллеръ, Полковникъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, былъ дежурнымъ по караулу со своимъ баталіономъ въ Зимнемъ дворцѣ. Вдругъ подходитъ къ нему молодой кавалерійскій офицеръ съ

* Урожденной Муравьевой, родной сестры офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка, потомъ графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго.

командою, и говоритъ, что онъ посланъ смѣнить внутренній караулъ въ царскихъ комнатахъ и спрашиваетъ, гдѣ ходъ къ нимъ, что онъ его не знаетъ. Полковникъ Моллеръ усумнился въ немъ, но скрылъ это и указалъ ему совершенно противоположный и дальній ходъ черезъ Эрмитажъ и, вслѣдъ затѣмъ, послалъ своего офицера предупредить коменданта дворца, Генерала Мартынова, и министра двора, кн. Волконскаго, чтобы поспѣшно были приняты мѣры для задержанія подозрительнаго караула, направленнаго имъ черезъ Эрмитажъ. Вслѣдствіе этого, была выслана немедленно, по указанному ходу, команда на встрѣчу кавалерійскому караулу, который и былъ задержанъ; оказалось, что это были переодѣтые измѣнники и злоумышленники, посланные начальствомъ своимъ для совершенія ужаснаго злодѣянія, на погибель всей нашей Царской Фамиліи; .... письменное приказаніе объ этомъ было найдено у офицера, ведшаго караулъ, который во всемъ сознался.

„На другой день послѣ бунта, когда все миновало, 15-го декабря 1825 года, было назначено всѣмъ представляться новому Государю, Николаю Павловичу. Когда Государь вошелъ въ залъ, онъ подозвалъ Полковника Моллера и обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ съ слѣдующими незабвенными словами:

„Вотъ молодой офицеръ, которому я обязанъ тѣмъ, что имѣю сегодня удовольствіе говорить съ вами, и который доказалъ, что не довольно быть усерднымъ и преданнымъ, но надобно еще быть и умнымъ“.

„Въ этотъ день Полковникъ Моллеръ былъ назначенъ Флигель-адъютантомъ“.

Подпоручикъ Насакенъ I, бывшій въ день возмущенія начальникомъ караула на Петровской гауптвахтѣ, „за отличное исполненіе своей обязанности“ [28] былъ произведенъ въ Поручики и награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 степени. 27-го декабря Поручикъ Насакенъ былъ осчастливленъ особымъ представленіемъ Государю Императору въ Зимнемъ дворцѣ *. Поручикъ Зейфертъ, бывшій 14-го декабря караульнымъ начальникомъ въ Адмиралтействѣ, „за примѣрное исполненіе своихъ обязанностей“ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 4 степени. Бывшіе въ караулѣ на главной гауптвахтѣ Зимняго дворца, Штабсъ-капитанъ Прибытковъ, Поручикъ Гречъ и Прапорщикъ Боассель, также какъ и Подпоручикъ Куткинъ, бывшій караульнымъ начальникомъ въ Губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, были удостоены благоволенія Его Императорскаго Величества. Прочимъ офицерамъ полка всѣхъ трехъ баталіоновъ его объявлено было Высочайшее удовольствіе.

Нижніе чины полка получили денежныя награды въ слѣдующемъ размѣрѣ: караула главной гауптвахты—12 унтеръ-офицеровъ по 10 руб., 2 музыканта и 119 рядовыхъ по 5 рублей; караула Губернскихъ присутственныхъ мѣстъ—4 унтеръ-офицера по 10 руб., 1 музыкантъ и 55 рядовыхъ по 5 руб.; караула Петровской площади—3 унтеръ-офицера по 100 руб., 1 музыкантъ и 35 рядовыхъ по 50 руб.; всѣхъ же остальныхъ карауловъ—по 2 руб. на человѣка.

15-го декабря утромъ войска, стоявшія на площади всю ночь, удостоились Высочайшаго объѣзда; Государь благодарилъ войска за усердіе и вѣрность, ими оказанныя наканунѣ; при этомъ всѣмъ нижнимъ чинамъ было пожаловано по 2 р., по 2 винныя порціи и по 2 ф. рыбы на человѣка. Одновременно съ этимъ, баталіонамъ гвардіи, квартировавшимъ

* Поручикъ Насакенъ за отличіе былъ переведенъ въ роту Его Высочества [29].

за городомъ и вытребованнымъ въ Петербургъ, было приказано возвратиться въ мѣста ихъ расположенія, при чемъ нижнимъ чинамъ этихъ баталіоновъ было дано указанное выше пожалованіе въ половинномъ размѣрѣ [30].

Насколько Императоръ Николай I цѣнилъ услуги гвардіи, оказанныя Россіи въ день 14-го декабря, показываютъ слѣдующія, вѣчно-памятныя для гвардіи, слова духовнаго завѣщанія Его Величества [31].

„Благодарю славную, вѣрную гвардію, спасшую Россію въ 1825 году, а равно храбрые и вѣрные артиллерію и флотъ. Молю Бога, чтобы сохранилъ въ нихъ навсегда тѣ доблести, тотъ же духъ, коими при Мнѣ отличались: покуда духъ сей сохранится, спокойствіе государства и внѣ и внутри обезпечено, и горе врагамъ его“.

Событіе 14-го декабря выказало Л.-Гв. Финляндскій полкъ съ наилучшей стороны; Финляндцы своей вѣрностью къ престолу, обнаруженной съ особой силой чинами карауловъ, ими тогда выставленныхъ, удостоились обратить на себя особенное вниманіе Императора Николая I. Но если Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ полномъ своемъ составѣ и дѣйствовалъ такъ доблестно въ день подавленія бунта, то, къ сожалѣнію, нельзя то же сказать про нѣкоторыхъ изъ офицеровъ его. Увлеченные ложнымъ либерализмомъ того времени, сильно распространеннымъ въ обществѣ и въ войскахъ, они поддались его вліянію и заплатили ему пагубную дань.

Насколько либеральныя тенденціи были сильны тогда въ русской арміи, показываютъ слѣдующія слова записки Императора Александра I, напечатанныя еще въ 1824 году: „есть слухи,—говоритъ эта записка [32]—, что пагубный духъ вольномыслія или либерализма разлитъ или, по крайней мѣрѣ, сильно уже разливается и между войсками; что въ обѣихъ арміяхъ, равно какъ и въ отдѣльныхъ корпусахъ, есть по разнымъ мѣстамъ тайныя общества или клубы, которые имѣютъ притомъ секретныхъ миссіонеровъ для распространенія своей партіи“.

Хорошей подготовкой такого положенія вещей служили библейскія общества и масонскія ложи, особенно распространившіяся во второй половинѣ царствованія Императора Александра I. Высшее общество какъ обѣихъ столицъ, такъ и провинціи охотно поступало въ ряды „вольныхъ каменьщиковъ“; въ одномъ Петербургѣ въ 20-хъ годахъ насчитывалось около полутора десятка масонскихъ ложъ * [33], изъ которыхъ многія были очень многолюдны. Около сотни гвардейскихъ офицеровъ насчитывалось въ этихъ ложахъ; въ числѣ ихъ вѣдомости 1822 года указываютъ и на офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Полковника Митькова, Штабсъ-капитана Буссе и Подпоручика Чиляева [34]. 1-го августа 1822 года былъ подписанъ Высочайшій рескриптъ о закрытіи масонскихъ ложъ и всѣхъ другихъ тайныхъ обществъ; рескриптъ 1-го августа былъ слѣдствіемъ реакціи во взглядахъ на поддержаніе порядка внутри Имперіи и въ войскахъ [35].

Тѣмъ не менѣе вліяніе тайныхъ обществъ и масоновъ, а также и дѣятельность

---

* Въ 1822 году въ С.-Петербургѣ были слѣдующія 14 ложъ: Елизаветы-Добродѣтели, Трехъ Свѣтилъ, Трехъ Добродѣтелей, Орфея, Дубовой долины къ вѣрности, Бѣлаго Орла, Палестины, Соединенныхъ Друзей, Избраннаго Михаила, Орла Россійскаго, Петра къ Истинѣ, Александра Коронованнаго Пеликана, Пламенѣющей Звѣзды, Умирающаго Сфинкса.

„миссіонеровъ“, о которыхъ упоминаетъ цитируемая записка Императора Александра I, были такъ успѣшны, что „въ происшествіи въ столицѣ 14-го декабря“ приняли мятежное участіе болѣе 50 офицеровъ гвардейскаго корпуса.

Наибольшее число этихъ офицеровъ было въ Гвардейскомъ Экипажѣ и въ Кавалергардскомъ полку [36].

Л.-Гв. Финляндскій полкъ имѣлъ такихъ офицеровъ нѣсколько человѣкъ.

Во главѣ ихъ нужно поставить Поручика князя Оболенскаго, адъютанта командовавшаго всей пѣхотой гвардейскаго корпуса Генерала Бистрома. Князь Оболенскій былъ однимъ изъ главнѣйшихъ членовъ революціи. По опредѣленію слѣдственной коммисіи виновность его выражена слѣдующимъ образомъ [37].

„Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; по разрушеніи Союза Благоденствія, установилъ вмѣстѣ съ другими тайное Сѣверное общество; управлялъ онымъ и принялъ на себя пріуготовлять сочиненія для содѣйствія цѣли общества; приготовлялъ главныя средства къ мятежу; лично дѣйствовалъ въ оныхъ оружіемъ съ пролитіемъ крови, ранивъ штыкомъ графа Милорадовича; возбуждалъ другихъ и принялъ на себя въ мятежѣ начальство“.

Князь Оболенскій былъ присужденъ къ смертной казни съ отсѣченіемъ головы, но, по Высочайшему повелѣнію, это наказаніе было замѣнено пожизненной ссылкой въ каторжныя работы *.

Полковникъ Митьковъ „участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли“. Онъ былъ присужденъ къ политической смерти, т. е. къ положенію головы на плаху, а потомъ къ ссылкѣ на вѣчную каторжную работу; по Высочайшему повелѣнію каторжная работа была сокращена ему до 20 лѣтъ, по истеченіи которыхъ онъ подлежалъ ссылкѣ на поселеніе.

Штабсъ-капитанъ Рѣпинъ „принадлежалъ къ тайному обществу знаніемъ сокровенной цѣли и приготовлялъ товарищей къ мятежу“; старанія Рѣпина привлечь насколько возможно болѣе Финляндскій полкъ къ мятежнымъ дѣйствіямъ были безуспѣшны. На одномъ изъ засѣданій революціонеровъ онъ заявилъ, что „сей полкъ увлечь за собою не можетъ никто изъ согласившихся участвовать въ бунтѣ“ [38].

Поручикъ баронъ Розенъ лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, остановивъ свой взводъ. Онъ и Штабсъ-капитанъ Рѣпинъ сосланы въ каторжную работу на 10 и на 8 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

Поручикъ Цебриковъ, „по показанію свидѣтелей, въ день мятежа 14-го декабря произносилъ возмутительныя слова Морскому Экипажу, когда онъ шелъ на Петровскую площадь, самъ подходилъ къ толпѣ мятежниковъ, и ввечеру далъ пристанище одному изъ первѣйшихъ бунтовщиковъ князю Оболенскому“.

Кромѣ того изъ дополнительныхъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что пре-

---

* Поручикъ князь Оболенскій въ сущности не былъ кореннымъ Финляндцемъ. Въ 1824 году, по должности адъютанта командовавшаго всей пѣхотой гвардейскаго корпуса, онъ былъ переведенъ „въ награду трудовъ его“ изъ Л.-Гв. Павловскаго въ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, т.-е. изъ полка молодой гвардіи въ полкъ старой гвардіи. Такіе переводы дѣлались тогда за особыя отличія.

ступленіе Поручика Цебрикова заключалось еще и въ томъ, что онъ подговаривалъ солдатъ своего полка не идти противъ бунтовщиковъ въ то время, когда они стояли на Исаакіевскомъ мосту; здѣсь дѣйствовалъ онъ вмѣстѣ съ Поручикомъ барономъ Розеномъ.

Поручикъ Цебриковъ былъ приговоренъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ „къ лишенію чиновъ съ написаніемъ въ солдаты съ выслугою", но, по Высочайшему повелѣнію, наказаніе это было усилено и онъ былъ разжалованъ въ солдаты безъ выслуги и съ лишеніемъ дворянства *.

Караулъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ 14-го декабря 1825 года.

„Прикосновенными къ тайнымъ обществамъ" оказались еще два офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка Поручикъ Добринскій и Подпоручикъ Богдановъ; первый изъ нихъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ 43-й егерскій полкъ, а второй отправленъ въ составѣ Своднаго Гвардейскаго полка [39] въ походъ на Кавказъ и въ Персію **.

Офицеры, сторонники революціи, желали всячески привлечь на свою сторону своихъ товарищей однополчанъ, въ особенности проводилъ пропоганду Поручикъ Рѣпинъ. Онъ приглашалъ на совѣщаніе младшихъ своихъ товарищей Поручика барона Розена и Подпоручиковъ Базина, Бурнашева, Насакиныхъ I и II, Прапорщиковъ Богданова, Мореншиль-

* Всѣ означенныя наказанія преступныхъ офицеровъ были впослѣдствіи смягчены особыми Высочайшими повелѣніями.

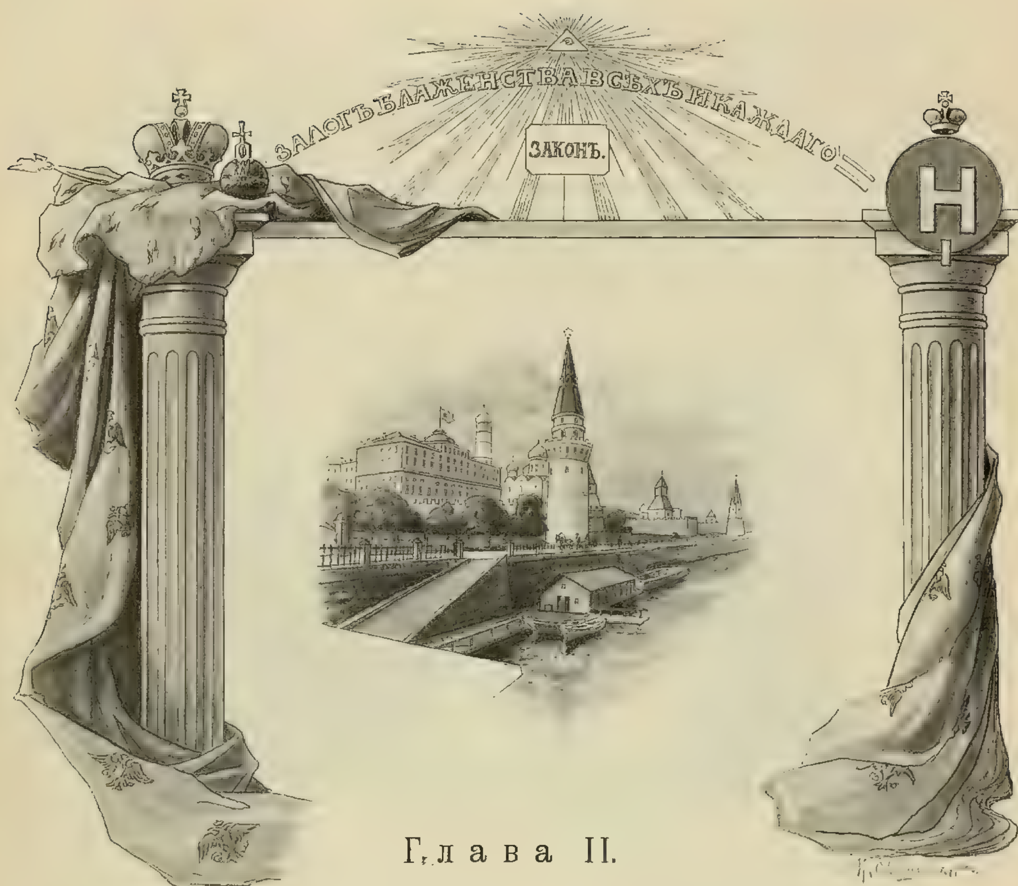
** Гвардейскій Сводный полкъ былъ составленъ изъ мятежныхъ чиновъ Л.-Гв. Московскаго и Гренадерскаго полковъ съ присоединеніемъ къ нимъ таковыхъ отъ прочихъ полковъ. Онъ храбро сражался въ Персіи въ 1827 г.

довъ I и II, Гольдгоэра и Нумерса; этимъ офицерамъ онъ вмѣстѣ съ Поручикомъ княземъ Оболенскимъ старался внушить свои идеи.

Полковникъ Моллеръ *, бывъ членомъ тайнаго общества, рѣшительно отказался еще наканунѣ 14-го декабря отъ всякихъ преступныхъ дѣйствій [40].

* Подробныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, принимавшихъ участіе въ событіи 14-го декабря 1825 года, можно почерпнуть изъ слѣдующихъ источниковъ: Государственный архивъ, I отдѣлъ, лит. В, №№ 336, 337, 349, 350; Архивъ департамента полиціи, дѣло № 61, часть I, экспед. I, 1826 г.; Архивъ канцеляріи Военнаго Министерства, секретная опись 1826 г., дѣло № 13/165. Свѣдѣнія же о дальнѣйшей судьбѣ ихъ имѣются въ дѣлахъ Арх. канц. Воен. Мин., Арх. департамента полиціи и нѣкоторыхъ другихъ архивовъ, а также въ запискахъ декабристовъ, ихъ перепискѣ и показаніяхъ ихъ родственниковъ. Выписки изъ означенныхъ документовъ сдѣланы для историческаго архива Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Глава II.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ началѣ царствованія Императора Николая I.

Мирное время передъ походами 1828—1829 гг. и 1831 года. — Жизнь баталіоновъ полка, оставшихся въ С.-Петербургѣ за время Турецкой и Польской войнъ 1828—1831 годовъ.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій по вступленіи на престолъ Императора Николая I было пожалованіе полкамъ гвардіи мундировъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра I.

Въ Высочайшемъ приказѣ отъ 15-го декабря 1825 года [1], по этому поводу было отдано слѣдующее:

„Храброе русское воинство! Вѣрные защитники Царя и Отечества.

Кого изъ васъ не поразила страшная вѣсть, погрузившая Насъ и всю Россію въ горесть неописанную? Вы лишились Государя, Отца-Благодѣтеля, Сотрудника въ подвигахъ безсмертныхъ. Но, да неунываютъ сердца ваши! Онъ свыше зритъ на васъ и благословляетъ плоды неусыпныхъ трудовъ Его объ устройствѣ вашемъ. Въ самые сіи дни горести вы, вѣрные, храбрые воины, пріобрѣли новую незабвенную славу, равную той, которую запечатлѣли вы своею кровію, поражая враговъ Царя и Отечества! ибо доказали своимъ поведеніемъ, что вы и твердые защитники Престола Царскаго на полѣ бранномъ и кроткіе исполнители закона и воли Царской во время мира.

Въ знакъ Нашей къ Вамъ любви и въ вознагражденіе по заслугамъ вашимъ, вамъ полки Гвардіи—Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій, Егерскій, Финляндскій, Павловскій, Кавалергардскій, Конный, Гусарскій, Конно-Егерскій и Гвардейская артиллерія, жалую тѣ самые собственные Его Величества мундиры, кои Государь, вашъ благодѣтель, Самъ носить изволилъ, храните сей знакъ и да хранится онъ въ каждомъ полку какъ святыня, какъ памятникъ и для будущихъ родовъ незабвенный“.

Торжество принятія мундировъ полками гвардіи произошло 19-го января 1826 года.

Отъ каждаго изъ полковъ было наряжено для этой цѣли по взводу, отъ пѣхоты — по гренадерскому въ 30 рядовъ, а отъ кавалеріи — въ 12 рядовъ, при надлежащемъ числѣ оберъ и унтеръ-офицеровъ. При каждомъ изъ взводовъ находились музыканты и ротные барабанщики полка.

Въ 11 часовъ утра всѣ взводы были выстроены противъ Салтыковскаго подъѣзда Зимняго Дворца, въ двѣ линіи, по старшинству полковъ, пѣхотные — въ первой линіи, кавалерійскіе — во второй; артиллерійскіе взводы стали на лѣвые фланги линій. Къ тому же времени прибыли во дворецъ для принятія и несенія мундировъ по одному штабъ-офицеру отъ каждаго полка съ двумя ассистентами въ чинѣ Поручика. Вынесенные мундиры были встрѣчены „отданіемъ чести съ полнымъ походомъ“, при чемъ штабъ-офицеры съ ассистентами, несшіе мундиры, встали противъ своихъ взводовъ, какъ становятся знамена.

Во время шествія взводовъ съ мундирами впереди, музыканты и барабанщики все время играли „подъ знамена“. По прибытіи взводовъ съ мундирами къ своимъ полкамъ, они были встрѣчены полками „выстроенными въ кареяхъ“, съ отданіемъ „полной чести“. Затѣмъ, по отслуженіи панихиды по Императорѣ Александрѣ I, мундиры были положены въ полковыя церкви, въ мѣста назначенныя для ихъ вѣчнаго храненія.

Во все время церемоніи всѣ войска были въ полномъ траурѣ [2].

6-го марта 1826 года состоялась встрѣча останковъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра I, а 13-го марта было совершено погребеніе. Въ обѣихъ церемоніяхъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ принималъ участіе, отдавая послѣдній долгъ своему Державному Основателю. При встрѣчѣ полкъ стоялъ на Большой Садовой улицѣ, а при погребеніи — на Новой Садовой * [3].

---

* Въ печальную комиссію былъ назначенъ отъ 2 Гвард. пѣх. див. Л.-Гв. Финл. п. Капитанъ Бѣлевцовъ, который удостоился получить за это брилліантовый перстень цѣною 812 р.

Неутѣшна была скорбь русскаго народа, русскаго воинства и русской гвардіи въ эти печальные дни. Казалось сама природа раздѣляла тяжелыя чувства людей: въ оба дня печальнаго торжества пасмурная погода съ вѣтромъ, снѣгомъ и даже вьюгой соотвѣтствовала настроенію присутствовавшихъ. Очевидецъ этого событія писалъ: „нужно было быть современникомъ той эпохи и свидѣтелемъ этой печальной церемоніи, чтобы постигнуть всю полноту мыслей и чувства при видѣ этого гроба. Подлинно можно было бы, подражая словамъ Ѳеофана Прокоповича при погребеніи Петра Великаго, сказать: „Что видимъ? что дѣлаемъ? — Александра I погребаемъ" [4].

Походъ гвардіи въ Москву для участія въ коронаціи Императора Николая I

Въ ознаменованіе этого событія были выбиты и выданы медали дежурившимъ при гробѣ Его Величества офицерамъ — серебряныя, нижнимъ чинамъ—бронзовыя [5].

19-го марта послѣдовало въ частяхъ гвардейскаго корпуса другое торжество, сопряженное съ именемъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, то было прочтеніе грамотъ на Георгіевскія знамена, пожалованныя еще въ царствованіе Императора Александра I [6]. Грамота, выданная по этому случаю Л.-Гв. Финляндскому полку, была слѣдующаго содержанія [7]:

Божіею Милостію
Мы Николай Первый,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій
и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Лейбъ-Гвардіи Финляндскому полку.

Въ награду знаменитыхъ подвиговъ мужества и храбрости, оказанныхъ въ минувшую достославную войну противъ французскихъ войскъ, пожалованныя сему полку въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ знамена, съ изображеніемъ ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія, повелѣваемъ, по прочтеніи предъ всѣмъ полкомъ сей грамоты Нашей, употреблять на службу Намъ и Отечеству съ вѣрностію, усердіемъ и храбростію Россійскому воинству толико свойственными.

Пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

НИКОЛАЙ.

С.-Петербургъ
марта 15-го дня 1826 г.

Въ томъ же году, въ іюнѣ мѣсяцѣ полку была дарована Высочайшая грамота на серебряныя трубы, пожалованныя за Лейпцигское сраженіе 4-го октября 1813 года. Грамота, выданная полку на трубы, была слѣдующая [8]:

Божіею Милостію
Мы Николай Первый,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій
и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Лейбъ-Гвардіи Финляндскому полку.

Въ награду знаменитыхъ подвиговъ мужества и храбрости, оказанныхъ въ минувшую достославную войну противъ французскихъ войскъ, пожалованныя сему полку въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ серебряныя трубы повелѣваемъ употреблять на службу Намъ и Отечеству.

Пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

НИКОЛАЙ.

Въ Царскомъ Селѣ
іюня 4-го дня 1826 года.

Какъ на выдающіеся факты мирной жизни полка за 1826 годъ можно указать на слѣдующіе.

21-го мая офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка имѣли счастье представляться юному Императору [9].

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Лейбъ Гвардіи Финляндскому полку.

Въ награду знаменитыхъ подвиговъ мужества и храбрости, оказанныхъ въ минувшую достославную войну противъ Французскихъ войскъ, пожалованныя сему полку въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ знамена, съ изображеніемъ Ордена Святаго великомученика и побѣдоносца Георгія, повелѣваемъ, по прочтеніи предъ всѣмъ полкомъ сей грамоты нашей, употреблять на службу намъ и Отечеству съ вѣрностію, усердіемъ и храбростію Россійскому воинству толико свойственными.

Пребываемъ къ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Николай.

Въ С. Петербургѣ
Марта 15 дня
1826 года

Черезъ нѣкоторое время полкъ получилъ предписаніе бригаднаго командира Генералъ-адъютанта Головина, гдѣ было объявлено, что „Ея Величество изволитъ изъявить, чтобы Полковниковъ супруги представлялись къ Ихъ Величествамъ“ [10].

Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о выставленіи полкомъ почетнаго караула для встрѣчи Эрцъ-Герцога Фердинанда Прусскаго и на представленіе всѣхъ офицеровъ полка Генералъ-фельдмаршаламъ Герцогу Веллингтону и Князю Вреде, прибывшимъ тогда въ Петербургъ.

Въ серединѣ апрѣля 1826 года 1-й баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка выступилъ въ Москву для участія вмѣстѣ съ прочими баталіонами гвардейскихъ полковъ въ торжествахъ коронаціи Государя Императора Николая I.

1-й баталіонъ полка былъ командированъ „въ полномъ комплектѣ“ своихъ ротъ, имѣя въ каждой изъ нихъ по 20 унтеръ-офицеровъ и по 230 рядовыхъ [11]. Онъ входилъ въ составъ 2-й сводной бригады, составленной изъ 4-хъ баталіоновъ полковъ Л.-Гв. Измайловскаго, Павловскаго, Егерскаго и Финляндскаго. 2-я сводная бригада, вмѣстѣ съ 1-й сводной, составляла пѣхоту гвардейскаго отряда, командированнаго въ Москву.

Начальствованіе надъ этимъ отрядомъ было поручено Великому Князю Михаилу Павловичу, начальствованіе надъ пѣхотой — Генералу Шеншину, бывшему командиру Л.-Гв. Финляндскаго полка [12].

Баталіонъ полка пошелъ въ Москву подъ командой Флигель-адъютанта Полковника Моллера; ротными командирами были: роты Его Высочества — Капитанъ Вяткинъ, 1-й — Капитанъ Титовъ, 2-й — Штабсъ-Капитанъ Румянцевъ и 3-й — Капитанъ Бѣлявцовъ [13]. Прибывъ въ Москву, баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка расположился частью въ Спасскихъ, частью въ Покровскихъ казармахъ [14].

Съ баталіономъ были отправлены 2 патронныхъ ящика, 1 лазаретная карета, 2 подводы для своза амуниціи и заболѣвающихъ и по 1 повозкѣ на роту для офицеровъ. Лошади подъ обозъ были частью отъ полка, а частью отъ фурштатскаго баталіона и обывательскія.

Довольствіе людей со дня выступленія было, согласно положенія — три дня въ недѣлю мясная порція и четыре — винная порція. Во все время похода люди довольствовались свѣжимъ хлѣбомъ, для чего высылались впередъ хлѣбопеки.

Новое обмундированіе командированнаго баталіона, тщательно упакованное, было сдано въ комиссаріатъ, для отправки въ Москву заблаговременно.

Маршрутъ войскамъ былъ составленъ черезъ слѣдующіе пункты: Пулково, Любань, Чудово, Новгородъ, Валдай, Коломна, Тверь и Клинъ. Эти 727½ верстъ пути были сдѣланы баталіономъ въ 47 дней, имѣя дневки черезъ 2—3 дня; переходы были отъ 14 до 31 версты, въ среднемъ около 22 верстъ.

Праздникъ Св. Пасхи былъ встрѣченъ гвардейскимъ отрядомъ въ пути; по Высочайшему повелѣнію для встрѣчи его была назначена всѣмъ войскамъ двухдневная дневка [15].

„Походъ въ Москву на коронацію былъ для насъ прогулкою“, — говоритъ въ своихъ запискахъ участникъ его, баталіонный адъютантъ Поручикъ Титовъ, посланный туда за полкового адъютанта отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка [16]. „Вступленіе гвардейскихъ бата-

ліоновъ въ древнюю столицу было всякій разъ весьма блистательно", — свидѣтельствуетъ онъ. „Множество дамъ въ экипажахъ и толпы народа встрѣчали насъ".

Съ прибытіемъ въ Москву Государя въ концѣ іюля начались торжественныя празднества. Помимо офиціальныхъ торжествъ устраивались еще многія празднества общественными учрежденіями, должностными и частными лицами. „Баламъ, танцовальнымъ вечерамъ и обѣдамъ не было конца, — пишетъ Н. А. Титовъ — я едва успѣвалъ быть вездѣ, и на службѣ и въ обществѣ. Аристократія танцовала три раза въ недѣлю у посланниковъ французскихъ: герцога Рагузскаго, по средамъ и графа де-ла-Ферроне, по воскресеньямъ, и у англійскаго, герцога Девонширскаго, по пятницамъ. Испанскій посланникъ Бриньо-ле-Саль давалъ также балы. Кромѣ того, балы бывали почти всякій день у жителей Москвы, а случалось и по два бала въ одинъ вечеръ. Наши русскіе вельможи старались роскошью и великолѣпіемъ превзойти другъ друга".

Изъ обѣдовъ былъ замѣчателенъ данный гвардіи городомъ Москвой. Онъ былъ устроенъ въ городскомъ манежѣ; это огромное зданіе было раздѣлено на 3 части: „первая составляла садъ изъ экзотическихъ огромныхъ растеній, песочныя дорожки вели въ обѣденное отдѣленіе. Столъ Государя стоялъ у одной стѣны, а отъ него радіусами длинные столы, гдѣ помѣщалось офицерство. Въ третьемъ отдѣленіи—нижніе чины. Обѣдъ былъ и обильный и вкусный" [17].

Большой парадъ гвардіи и гренадеръ, бывшій 3-го октября на Ходынскомъ полѣ, противъ Петровскаго дворца привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе *. „Это было дѣйствительно замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ военное торжество", — говоритъ одинъ изъ очевидцевъ [18]. — „Въ строю было по примѣрному разсчету моему... 80 тысячъ войскъ. Они были построены въ шесть длинныхъ линій, фронтомъ и центромъ противъ дворца, пѣхота — въ четырехъ переднихъ линіяхъ, кавалерія — въ пятой и артиллерія — въ шестой, гвардія на правыхъ флангахъ, и при прекрасной погодѣ представляли прекрасный видъ. Вся Москва собралась любоваться этимъ военнымъ зрѣлищемъ. Государь, сопровождаемый иностранными принцами и послами и многочисленною блистательной свитой, объѣзжалъ всѣ линіи галопомъ и, несмотря на то, объѣздъ всѣхъ линій продолжался довольно долго, а прохожденіе войскъ церемоніальнымъ маршемъ еще долѣе, такъ что парадъ кончился не ранѣе 4-хъ часовъ. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ блистательный, но, къ сожалѣнію, пыль была величайшая".

Л.-Гв. Финляндскій полкъ, участвуя во всѣхъ торжествахъ, церемоніяхъ и парадахъ, удостаивался Высочайшаго одобренія и наградъ; такъ за разводы въ Высочайшемъ присутствіи 13, 15 и 24 августа нижніе чины командированнаго баталіона получили по 2 рубля на человѣка отъ Государя Императора [19]; Поручикъ Титовъ, уже извѣстный тогда какъ композиторъ военныхъ маршей, часто исполняемыхъ на разводахъ и парадахъ, получилъ въ награду не въ зачетъ полугодовой окладъ жалованья **. Прочіе офицеры командированнаго баталіона были награждены орденами, а нѣкоторые и денежными пособіями.

---

* Государь самъ лично проводилъ войска церемоніальнымъ маршемъ мимо Государынь Императрицъ.

** Н. А. Титовъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: „не забуду также, какъ въ Москвѣ 1 августа 1826 года былъ церковный парадъ. На этомъ парадѣ играли два новыхъ марша моего сочиненія, и когда

Помимо того, въ ознаменованіе событія благополучнаго корованія Императора Николая I, нижніе чины, прослужившіе ко дню коронаціи 20 лѣтъ, были уволены въ отставку [20].

30-го октября баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка выступилъ изъ Москвы вмѣстѣ съ прочими частями гвардіи и черезъ Тверь и Новгородъ прибылъ въ Петербургъ.

Первое время по возвращеніи баталіона въ Петербургъ было посвящено Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ подготовкѣ къ полковому празднику, впервые справляемому въ царствованіе Государя Императора Николая I. Характеръ полкового праздника нисколько не измѣнился въ новое царствованіе, даже день празднованія его остался тотъ же, т. е. 13-го декабря, не будучи перенесенъ на 12-е декабря, какъ это можно было бы ожидать [21].

Обученіе рекрута стойкѣ въ началѣ царствованія Императора Николая I.

Начало царствованія Императора Николая I застало Л.-Гв. Финляндскій полкъ подъ командой Генералъ-адъютанта Николая Ѳаддѣевича Воропанова. Назначеніе его командиромъ полка состоялось еще въ послѣдній годъ предыдущаго царствованія — 14-го марта 1825 года.

Генералъ Воропановъ былъ кореннымъ офицеромъ Л.-Гв. Измайловскаго полка, въ которомъ прослужилъ почти четверть вѣка, сдѣлалъ много походовъ и участвовалъ съ честью во многихъ сраженіяхъ. Во всѣхъ войнахъ съ французами, начиная съ самой первой, онъ принималъ участіе; при Аустерлицѣ онъ контуженъ въ лицо, а при Фридландѣ раненъ въ лѣвую руку пулею на вылетъ. За три мѣсяца до назначенія его командиромъ полка, онъ былъ произведенъ въ Генералъ-Маіоры, какъ „состоящій при начальникѣ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи“ [22].

я стоялъ съ музыкантами Л.-Гв. Егерскаго полка, то Государь Императоръ подозвалъ меня къ себѣ, изволилъ спросить, мои ли это марши и на отвѣтъ, что мои, изъявилъ мнѣ свое одобреніе,—и марши эти, переложенные на фортепіано, были мною доставлены Государынѣ Императрицѣ.“ Въ 1828 году, на балу во дворцѣ Титовъ былъ представленъ лично Государемъ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. „Le voici“,—сказалъ Императоръ Николай I, подводя Титова, „l'auteur de toutes ces jolies marches que nous entendons jouer tous les jours à la parade, Titoff, et dans ce moment on joue une marche de sa composition“. Въ то время хоръ Л.-Гв. Преображенскаго полка игралъ тихій маршъ, передѣланный Титовымъ изъ романса La Sentinelle.

Генералъ Воропановъ, командуя полкомъ непродолжительное время, съ 1825 по 1829 годъ, пережилъ съ Финляндцами тяжелые дни декабрьскаго событія 1825 года и сдѣлалъ съ полкомъ походъ въ Турцію 1828—1829 годовъ. За примѣрное состояніе полка, обнаруженное чинами его 14-го декабря 1825 года, онъ былъ пожалованъ Генералъ-адъютантомъ Его Императорскаго Величества, а за славныя дѣйствія полка въ Турецкую кампанію онъ удостоился многихъ наградъ. При крайне опасномъ и изолированномъ положеніи южнаго отряда, дѣйствовавшаго подъ Варной, Генералъ-адъютантъ Воропановъ былъ дѣятельнѣйшимъ помощникомъ начальника этого отряда, и въ сраженіяхъ сентября мѣсяца 1828 года выказалъ „примѣрную неустрашимость“ и распорядительность. Особенно же отличился онъ въ сраженіи 16-го сентября, когда ему былъ ввѣренъ одинъ изъ центральныхъ редутовъ; здѣсь онъ „съ неустрашимостью нѣсколько разъ отбивалъ непріятеля, нападавшаго на его редутъ и распорядительностію своею много способствовалъ къ отраженію непріятеля“ [23]. Алмазные знаки ордена св. Анны 1-й степени были наградой храброму Генералу [24].

„Къ сожалѣнію, — говоритъ одинъ изъ служившихъ при Генералѣ Воропановѣ офицеровъ, [25] — на возвратномъ пути изъ Турецкой кампаніи, въ 1829 году, 12-го декабря, онъ скончался отъ рака въ груди“.

Далѣе записки того же офицера даютъ слѣдующую о немъ характеристику: „Н. Ѳ. Воропановъ во все время командованія полкомъ своимъ откровеннымъ и дружескимъ обращеніемъ съ офицерами заслужилъ всеобщую любовь.... Характера былъ прекраснаго, доброты удивительной. Офицерамъ помогалъ при всякомъ случаѣ. Любилъ женщинъ и игралъ въ карты. При разговорѣ всегда прибавлялъ „съ“. Офицерамъ почти всѣмъ говорилъ ты, прибавляя: „любезный-съ“...

Отношенія Генералъ-адъютанта Воропанова къ нижнимъ чинамъ были въ то суровое время самыя лучшія, за что и они платили ему привязанностью и благодарностью.

Обыденная казарменная жизнь, въ которую полкъ только что вошелъ послѣ декабрьскихъ событій и возвращенія баталіона изъ Москвы, была неожиданно прервана: 6-го мая 1827 года Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ полномъ составѣ вступилъ въ г. Кронштадтъ * [26] для несенія караульной службы, въ виду отплытія флотскихъ экипажей въ Средиземное море [27]. Въ скоромъ времени въ Кронштадтѣ остался лишь 1-й баталіонъ полка, продолжавшій занимать тамъ караулы вмѣстѣ съ Лейбъ-Егерями.

Служба въ Кронштадтѣ была тяжелая, не смотря на то, что Финляндцы и чередовались съ Лейбъ-Егерями. Одинъ изъ офицеровъ, отбывшихъ эту командировку, пишетъ про нее: „Безпрестанно доставалось или въ караулъ, или на разныя дежурства, кромѣ баталіоннаго. На этихъ дежурствахъ, по спеціально флотскимъ постамъ, дежурили также морскіе штабъ-офицеры, которые, не знаю почему, назывались совѣтниками... Вообще эти дежурства были не скучныя. Мы, однако, имѣли достаточно времени, чтобы познакомиться съ кронштадтскимъ обществомъ, были на вечерахъ въ клубѣ, у адмираловъ Огильви, Рикорда и пр.“ [28].

---

* Численность полка при этомъ была слѣдующая: генералъ—1, штабъ-офицер.—6, оберъ-офиц.—35, унт.-офиц.—156, муз.—105, рядов.—1776, нестр.—33.

Въ началѣ февраля 1828 года первые баталіоны Л.-Гв. Финляндскаго и Егерскаго полковъ отбыли изъ Кронштадта, сдавъ занимаемые ими караулы армейскимъ баталіонамъ. Одновременно съ ихъ вступленіемъ въ свои казармы третьи баталіоны Финляндцевъ и Лейбъ-Егерей должны были очистить имъ мѣста въ казармахъ и выступить въ загородное расположеніе. Баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка расположился въ с. Суздальскомъ, повидимому, очень широко и свободно: каждая изъ ротъ занимала болѣе 200 дворовъ [29].

Въ то же время 2-й баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, квартировавшій нѣкоторое время въ Ораніенбаумѣ, приказано было перевести въ Новую Деревню [30] и ея окрестности.

Вообще за промежутокъ времени 1826—1828 годовъ квартирное расположеніе Л.-Гв. Финляндскаго полка отличалось крайней разбросанностью и частыми перемѣщеніями. Части полка, иногда даже роты его, располагаясь отдѣльно въ различныхъ пунктахъ, постоянно мѣняли свои квартиры. Помимо расположенія полка и баталіоновъ его въ Кронштадтѣ и Ораніенбаумѣ, части его стояли въ Новой Деревнѣ, с. Суздальскомъ, дер. Сурженкѣ [31], с. Гостилицахъ и въ Парголовѣ; двѣ роты полка стояли одно время въ казармахъ Л.-Гв. Гренадерскаго полка.

Такое частое перемѣщеніе имѣло повидимому причиной событія 14-го декабря 1825 года—по крайней мѣрѣ достовѣрно, что роты, квартировавшія въ казармахъ Л.-Гв. Гренадерскаго полка, были туда помѣщены вслѣдъ за этимъ событіемъ [32].

Новое царствованіе началось для Л.-Гв. Финляндскаго полка, какъ и для всей гвардіи, при обстановкѣ такой же суровой, какъ и въ предыдущее царствованіе; служба по прежнему была трудна, особенно караульная. Императоръ Николай Павловичъ, знатокъ военнаго дѣла, практически прошедшій его съ самыхъ первыхъ ступеней, зналъ всѣ его детали и входилъ во всѣ подробности службы Своей гвардіи. Не одна только строевая служба привлекала вниманіе юнаго Императора; продовольственная часть, медицинское и санитарное состояніе войскъ гвардіи сдѣлались сразу же предметами Высочайшихъ заботъ. Такъ, по продовольственной части было отдано распоряженіе обращать положенныя нижнимъ чинамъ зарабочія деньги на улучшеніе пищи въ артеляхъ, для освидѣтельствованія же наличныхъ продуктовъ въ провіантскихъ магазинахъ были назначаемы Полковники частей С.-Петербургскаго гарнизона, при чемъ каждому изъ нихъ поручалась одна группа магазиновъ. Тогда же тяжело больныхъ нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса было приказано отправлять на излѣченіе въ Ораніенбаумъ [33].

Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ начавшееся царствованіе, обративъ на себя особенное вниманіе Императора Николая Павловича въ печальный день 14-го декабря 1825 года, вступилъ во вторую четверть вѣка своего служенія Престолу и Отечеству, ободряемый царскими милостями; особенно милостиво относился Государь Императоръ къ офицерскому составу Л.-Гв. Финляндскаго полка [34], показавшаго въ наступившихъ въ скоромъ времени кампаніяхъ 1828 и 1831 годовъ, что онъ былъ вполнѣ достоинъ этихъ милостей.

1828 годъ прекратилъ для полка мирный періодъ его жизни.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ составѣ 1-го и 2-го баталіоновъ выступилъ изъ С.-Петербурга въ апрѣлѣ 1828 года для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ Турецкой кампаніи и возвратился къ мѣсту своего постояннаго пребыванія почти черезъ два года, въ февралѣ

1830 года *. Затѣмъ, проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, полкъ снова былъ призванъ на поле брани и принялъ участіе въ подавленіи возстанія Польши въ 1831 году. За время этого своего похода полкъ тоже оставлялъ одинъ—2-й баталіонъ въ Петербургѣ, жизнь котораго протекла въ общемъ при условіяхъ аналогичныхъ съ жизнью 3-го баталіона въ 1828—29 годахъ.

Долгій промежутокъ времени пребыванія Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Турціи 3-й баталіонъ его провелъ въ С.-Петербургѣ, входя въ составъ оставшихся войскъ, и исполняя по отношенію къ своему полку роль запаснаго баталіона.

Главное назначеніе его состояло въ обученіи и отправленіи чиновъ на укомплектованіе полка, находившагося на театрѣ военныхъ дѣйствій. Уже весною 1829 года онъ отправилъ на пополненіе полка одну роту усиленнаго состава, въ 266 строевыхъ чиновъ при 3-хъ оберъ-офицерахъ. Офицерами въ этой ротѣ были: Поручикъ Гизингеръ — за ротнаго командира и Прапорщики Ганецкій 2-й и Шевелевъ — младшими офицерами. Строевые нижніе чины роты распредѣлялись по численности слѣдующимъ образомъ: унтеръ-офицеровъ—20, музыкантовъ—6, рядовыхъ старослужащихъ—3 и молодыхъ—223. Нестроевыхъ при ротѣ состояло: лазаретныхъ служителей—1, оружейныхъ учениковъ—1, фурштатовъ—1, денщиковъ 3, а всего нестроевыхъ было 6 человѣкъ. Общій составъ роты былъ 272 нижнихъ чина [35].

Выдѣленіе этого значительнаго числа чиновъ изъ 3-го баталіона было для него тѣмъ тяжелѣе, что численность его была сравнительно не велика; такъ въ маѣ 1828 года она доходила всего лишь до 884 строевыхъ нижнихъ чиновъ и 352 рекрутъ, при 2-хъ штабъ-офицерахъ и 11-ти оберъ-офицерахъ [36]. Для пополненія этой убыли, равнявшейся почти третьей части наличнаго состава старослужащихъ, въ началѣ 1829 года отъ баталіона былъ командированъ для выбора рекрутъ младшій штабъ-офицеръ Полковникъ Шванвичъ; въ результатѣ 3-й баталіонъ имѣлъ весною 1829 года наиболѣе сильный составъ изъ 74 унтеръ-офицеровъ, 29 музыкантовъ, 1017 рядовыхъ и 261 рекрутъ [37]. При этомъ составѣ дальнѣйшее укомплектованіе дѣйствующихъ баталіоновъ было возможно, хотя и требовало для обученія отправляемыхъ людей усиленнаго труда.

При этихъ условіяхъ офицерскій составъ имѣлъ особенно важное значеніе, но, къ сожалѣнію, составъ этотъ отличался отъ обычнаго состава корпуса офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка: вслѣдствіе командировокъ офицеровъ 3-го баталіона на Кавказъ и въ другія мѣста, некомплектъ былъ пополненъ 13 молодыми офицерами, выпущенными изъ Пажескаго и Кадетскихъ корпусовъ, а также изъ Царскосельскаго лицея; всего было къ веснѣ 1829 года 2 штабъ-офицера и 25 оберъ-офицеровъ [38].

Составляя болѣе половины всего числа оберъ-офицеровъ баталіона, эти офицеры отсутствіемъ служебнаго опыта ставили дѣло обученія рекрутъ въ особенно тяжелыя условія. Вскорѣ, офицерскій составъ баталіона былъ еще болѣе ослабленъ, такъ какъ съ разрѣшенія Великаго Князя Михаила Павловича изъ баталіона было откомандировано

---

* Боевыя дѣйствія 1-го и 2-го баталіоновъ полка въ Турецкой кампаніи 1828—29 гг. изложены въ слѣдующей главѣ, здѣсь же описана жизнь 3-го баталіона за время отсутствія дѣйствовавшихъ въ Турціи баталіоновъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Нашему Лейбъ Гвардіи Финляндскому полку.

Въ награду знаменитыхъ подвиговъ, мужества и храбрости, оказанныхъ въ минувшую достославную войну противъ Французскихъ войскъ, пожалованныя сему полку въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ серебряныя трубы, Повелѣваемъ употреблять на службу Намъ и Отечеству.

Пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

Въ Царскомъ Селѣ Іюня 9 дня 1826 года

Николай.

еще 8 офицеровъ въ третьи баталіоны прочихъ полковъ гвардіи, въ которыхъ недостатокъ въ офицерскихъ чинахъ былъ еще больше. [39].

Изъ офицеровъ полка, бывшихъ въ командировкѣ на Кавказѣ, погибъ геройской смертью Подпоручикъ Дубровскій.

„Русскій Инвалидъ“ посвятилъ слѣдующія прочувственныя строки этому мужественному офицеру Л.-Гв. Финляндскаго полка [40]: „Сей молодой человѣкъ, пламеннаго характера, соединявшій образованность съ качествами простого воина, служилъ похвально въ прошедшую Персидскую войну.

„Въ наступившую же Турецкую онъ не довольствовался обыкновеннымъ исполненіемъ своего долга: вездѣ, гдѣ встрѣчалась особенная опасность, неотступно убѣждалъ онъ своего полкового командира посылать его предпочтительно предъ прочими. Подъ Карсомъ находился онъ въ траншеяхъ и въ минуту приступа обратилъ на себя вниманіе главныхъ начальниковъ, когда, распоряжаясь стрѣлками, неустрашимо бросился онъ на турокъ, защищавшихъ стѣны и башни. Общее уваженіе Эриванскаго карабинернаго полка, при коемъ онъ находился, было воздаяніемъ таковаго его поведенія и служило поощреніемъ къ новому усердію.

„9-го августа, въ сраженіи близъ Ахалцыха, когда турецкія войска со всѣхъ сторонъ окружили русскихъ и мечтали истребить небольшой корпусъ Графа Паскевича-Эриванскаго, кровопролитный бой происходилъ предъ центромъ, гдѣ глубокій и многоизгибистый оврагъ позволялъ турецкой пѣхотѣ вести упорное нападеніе. Въ семъ мѣстѣ баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка, съ отличною твердостію, отражалъ болѣе двухъ часовъ отчаянные порывы турокъ, до того времени, пока былъ высланъ въ подкрѣпленіе сводный Егерскій полкъ, подъ начальствомъ Полковника Синявина, состоявшій изъ 3-хъ ротъ Эриванскаго карабинернаго и стольких же 41-го Егерскаго полковъ. Сіе подкрѣпленіе спустилось съ горы въ глазахъ всего корпуса. Подпоручикъ Дубровскій съ карабинерными застрѣльщиками, презирая опасность, миновалъ изгибы оврага и по верху онаго бросился въ турецкую толпу, защищавшую знамена и совершенно прикрытую мѣстоположеніемъ.

„Гибельный огонь встрѣтилъ храбрыхъ, кои безостановочно достигли до непріятеля, не взирая на уронъ, имъ причиненный, и штыками вытѣснили его изъ оврага. Смертоносная пуля поразила Дубровскаго въ грудь и онъ черезъ часъ умеръ; — но два турецкихъ знамя были взяты его стрѣлками.

„Солдаты, вѣрно оцѣнивающіе военныя достоинства своихъ начальниковъ, искренно грустили о Дубровскомъ: „мы потеряли офицера, говорили они, да какого, ужъ точно стоившаго своего званія“. Таковая смерть достойна россіянина“.

Мы же къ этому можемъ прибавить: „такова смерть достойна офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка!“

Издалека слѣдя за боевою дѣятельностью своихъ однополчанъ, сражавшихся въ горахъ Кавказа и Турціи, офицеры и нижніе чины 3-го баталіона Л.-Гв. Финляндскаго полка несли въ Петербургѣ нелегкую службу.

Работы въ баталіонѣ было много: подготовляя укомплектованія для дѣйствующихъ баталіоновъ, 3-й баталіонъ несъ въ то же время крайне тяжелую гарнизонную службу и

вмѣстѣ съ тѣмъ изучалъ новые боевые пріемы, вырабатываемые на театрѣ военныхъ дѣйствій. Особенное вниманіе привлекало тогда стрѣлковое дѣло: стрѣльбой стали заниматься много больше, чѣмъ прежде; вмѣстѣ съ тѣмъ маршировки, ружейные пріемы и „деплояды“ не переставали имѣть главное значеніе въ обученіи рекрутъ, которыхъ тогда поступало въ баталіонъ особенно много.

Тяжела была служба офицеровъ, не выходившихъ изъ нарядовъ, но еще тяжелѣе было солдатамъ. Самые трудные мѣсяцы были для нихъ зимніе и особенно осенніе, когда, кромѣ службы, дѣлались частыя ученья на Смоленскомъ полѣ и люди заняты были вольными работами. Цифры болѣзненности вполнѣ подтверждаютъ, что [41] въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ было всего за три мѣсяца 17 случаевъ заболѣванія, тогда какъ августъ далъ 51 и сентябрь 23 заболѣвшихъ. Эти указанія лучше всего свидѣтельствуютъ, насколько тяжело было нижнимъ чинамъ 3-го баталіона въ осенніе мѣсяцы.

Командиромъ оставшагося баталіона былъ назначенъ Полковникъ Окуловъ. Баталіонъ стоялъ въ казармахъ, а въ лѣтнее время выходилъ въ лагерь въ Красное Село.

Среди усиленныхъ трудовъ Финляндцы были поражены горестнымъ извѣстіемъ: въ ночь на 24-е октября 1828 года скончалась Государыня Императрица Марія Θеодоровна. Печальное событіе это было возвѣщено въ „Русскомъ Инвалидѣ“ [42] въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Ужасное, неожиданное несчастіе постигло Императорскій Домъ и Россію. Государыня Императрица Марія Θеодоровна, послѣ кратковременной, тяжкой болѣзни, въ ночь съ 23-го на 24-е октября скончалась. Нельзя изобразить глубокой горести Государя Императора, Государыни Императрицы Александры Θеодоровны и Августѣйшей Фамиліи. Всѣ вѣрноподданные поражены симъ печальнымъ происшествіемъ; на всѣхъ лицахъ видна скорбь искренняя, сердечная. Никогда и ни на какомъ престолѣ міръ не видалъ Царицы столь дѣятельной, столь неутомимой въ благотвореніяхъ“.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ особенно глубоко чувствовалъ постигшее всѣхъ горе: въ лицѣ Императрицы Маріи Θеодоровны онъ терялъ милостивую покровительницу Императорскаго баталіона, положившаго начало полку; даже самая мысль о созданіи всей милиціи, а въ числѣ ея и Императорскаго баталіона, принадлежала Государынѣ Императрицѣ, почему существованіе полка неразрывно съ именемъ Ея Величества.

Весь 3-й баталіонъ принималъ участіе въ церемоніалѣ погребенія Императрицы Маріи Θеодоровны.

9-го ноября разрѣшено было нарядить отъ каждой роты по 6 унтеръ-офицеровъ и 60 человѣкъ рядовыхъ, для поклоненія тѣлу въ Бозѣ почившей, а 13-го числа весь баталіонъ, имѣя по 24 ряда во взводахъ, при 7 унтеръ-офицерахъ въ каждомъ изъ нихъ, провожалъ свою Государыню въ вѣчную почивальню. Штабсъ-капитанъ Амонтъ стоялъ на часахъ у гроба Ея Величества. Офицеры были въ полномъ траурѣ: всѣ металлическія принадлежности, кромѣ гербовъ, были покрыты флёромъ. Стоя на Петербургской сторонѣ, близъ Троицкаго моста, во взводной колоннѣ справа, и сдѣлавъ 6 залповъ, баталіонъ отдалъ послѣднюю честь въ Бозѣ почившей Императрицѣ.

„Нѣсколько времени спустя, пришлось 3-му баталіону помолиться и за упокой души своего полковаго командира: 30-го ноября была отслужена панихида по усопшемъ Николаѣ

Өаддѣевичѣ Воропановѣ, на могилѣ котораго общество офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка соорудило памятникъ на средства, собранныя по подпискѣ между своими товарищами" [43].

Затѣмъ прошло еще болѣе года серьезной службы 3-го баталіона, а въ февралѣ 1830 года прибылъ, наконецъ, изъ Турецкаго похода въ Петербургъ Л.-Гв. Финляндскій

Обученіе рекрутъ маршировкѣ въ началѣ царствованія Императора Николая I.

полкъ и соединился вновь со своимъ 3-мъ баталіономъ. Такимъ образомъ, отдѣльная жизнь этого баталіона, продолжавшаяся около 2-хъ лѣтъ, прекратилась и баталіонъ зажилъ снова одною жизнью со всѣмъ полкомъ.

Едва возвратился Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ Петербургъ, какъ уже въ началѣ марта 1830 года вступилъ въ командованіе имъ Генералъ-маіоръ Павелъ Сергѣевичъ Берниковъ. Произведенный въ офицеры въ 1805 году въ Л.-Гв. Семеновскій полкъ онъ, принимая участіе въ кампаніи 1807 года, былъ награжденъ за сраженіе подъ Фридлан-

домъ золотою шпагою съ надписью „за храбрость“; на седьмомъ году службы, въ чинѣ Маіора, былъ назначенъ командиромъ Орловскаго пѣхотнаго полка, имѣя отъ роду 24 года. Во главѣ Орловцевъ онъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, получивъ за отличія въ сраженіяхъ чины Подполковника и Полковника, Монаршее благоволеніе, ордена: св. Анны 2 степени съ алмазами, св. Владиміра 3 и 4 степени съ бантомъ, и Королевскій Прусскаго достоинства. При Бородинѣ подъ нимъ была убита лошадь, а другая, замѣнившая ее, была ранена; подъ Малоярославцемъ тоже была убита его лошадь. Въ апрѣлѣ 1822 года Полковникъ Берниковъ былъ произведенъ въ Генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 2-й пѣхотной дивизіи. 20-го января 1830 года, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ командиромъ Л.-Гв. Финляндскаго полка и прибылъ къ полку 1-го марта 1830 года [44].

Л.-Гв. Финлядскимъ полкомъ Генералъ Берниковъ командовалъ недолго: въ 1833 году его замѣстилъ Генералъ Офросимовъ. Но и за это краткое время, командованіе полкомъ большею частью лежало на старшихъ Полковникахъ, Флигель-адъютантѣ Полковникѣ Моллерѣ и его преемникахъ; произошло это вслѣдствіе назначенія Генерала Берникова еще въ іюнѣ 1831 года командиромъ 3-й гвардейской пѣхотной бригады [45], а въ октябрѣ того же года — 4-й гвардейской пѣхотной бригады. Хотя командованіе бригадами и не освобождало его отъ командованія полкомъ, какъ о томъ и было объявлено въ приказѣ по полку, но, тѣмъ не менѣе, Генералъ Берниковъ не имѣлъ возможности отдаться вполнѣ службѣ въ полку и вникать во всѣ полковые интересы. Этому мѣшали его служебныя, какъ бригаднаго командира, обязанности. Даже въ кампанію 1831 года это сказалось сразу: до полученія бригады Генералъ Берниковъ вывелъ полкъ въ походъ, шелъ съ полкомъ въ Польшу, командовалъ въ сраженіяхъ мая мѣсяца и, вообще, находился безотлучно во главѣ полка; далѣе же, едва состоялось его новое назначеніе, какъ командованіе полкомъ перешло въ другія руки; даже во время штурма Варшавы онъ не былъ при полку [46].

По вступленіи въ командованіе Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ Генерала Берникова, мирный періодъ для полка продолжался недолго, менѣе 8-ми мѣсяцевъ, съ февраля по ноябрь 1830 года. За это время полку пришлось пережить холерную эпидемію, отъ которой болѣзненность и смертность среди нижнихъ чиновъ его весьма возросла, особенно въ мартѣ, апрѣлѣ, іюлѣ, августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ. Вслѣдствіе особаго Высочайшаго повелѣнія полки гвардейскаго корпуса, для возможнаго уменьшенія эпидеміи, были выведены весной 1830-го года изъ Петербурга въ ближайшія его окрестности. Л.-Гв. Финляндскій полкъ, собравъ свои роты, изъ которыхъ часть была расположена въ Новой Деревнѣ и на Выборгской сторонѣ для содержанія карауловъ, выступилъ 30-го апрѣля въ село Кипень, въ окрестностяхъ котораго и расположился на широкихъ квартирахъ; полковой штабъ и 1-й баталіонъ заняли самое село Кипень, а второй и третій баталіоны расположились въ селѣ Высоцкомъ и Дятлицахъ. Въ этомъ расположеніи полкъ былъ раскинутъ такъ широко, что занималъ 3800 дворовъ.

Широкія квартиры сразу оказали благотворное вліяніе на уменьшеніе въ полку заболѣваемости, которая упала сразу почти въ пять разъ; смертность также понизилась [47].

Число больныхъ и умершихъ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку за 1830 годъ было слѣдующее [48]:

	Заболѣло.	Умерло.		Заболѣло.	Умерло.
Январь	5	1	Іюль	205	7
Февраль	65	7	Августъ	242	5
Мартъ	124	6	Сентябрь	175	5
Апрѣль	207	14	Октябрь	167	2
Май	44	10	Ноябрь	143	6
Іюнь	164	8	Декабрь	115	4

За время расположенія Л.-Гв. Финляндскаго полка на широкихъ квартирахъ ввиду трудности однообразнаго обученія рекрутъ, ихъ пришлось собрать въ одномъ мѣстѣ — въ деревнѣ Сокули и поручить завѣдыванію одного офицера—Поручика Боасселя; въ помощь ему были назначены Поручики Гизингеръ и Моренщильдъ [49].

17-го іюня полкъ пришелъ изъ загороднаго расположенія въ лагерь подъ Красное Село, гдѣ пробылъ 5 недѣль [50]. Лагерныя занятія этого года не могли развиться въ надлежащей степени изъ-за эпидеміи, но опытъ только что миновавшей турецкой кампаніи 1828 года, несомнѣнно, долженъ былъ на нихъ нѣсколько отразиться. 25-го іюля полкъ вернулся въ Петербургъ изъ лагеря и осенью принималъ участіе втеченіе нѣсколькихъ дней въ обыкновенныхъ маневрахъ, послѣ которыхъ продолжалъ нести караульную службу въ Петербургѣ, имѣя 1-й батальонъ своего полка расположеннымъ въ Новой Деревнѣ до 7-го декабря [51].

Генералъ-маіоръ П. С. Берниковъ.

Командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка съ 1830 по 1833 годъ.

Осень и начало зимы 1830 года прошли въ полку тихо, безъ всякихъ выдающихся событій. Изъ числа распоряженій, касавшихся гвардіи за вторую половину этого года, слѣдуетъ отмѣтить Высочайшее повелѣніе, отъ 5 августа, которымъ золоченыя копья на знаменахъ всѣхъ полковъ гвардейской пѣхоты приказано было замѣнить литыми орлами изъ золоченой бронзы или серебряными, по цвѣту мундир-

ныхъ пуговицъ. Такимъ образомъ съ этого времени Л.-Гв. Финляндскій полкъ имѣетъ на своихъ знаменахъ орлы.

Недолго пришлось полку пробыть въ Петербургѣ: въ декабрѣ того же 1830 года онъ выступилъ въ походъ въ Польшу, оставивъ свой 2-й баталіонъ въ столицѣ на продолжительное время — около $14^1/_2$ мѣсяцевъ.

Командиромъ 2-го баталіона былъ Полковникъ Офросимовъ 3-й, назначенный по возвращеніи Финляндцевъ изъ Польскаго похода командиромъ Л.-Гв.Финляндскаго полка. Служба и условія жизни 2-го баталіона были очень тяжелы и повліяли прежде всего на увеличеніе убыли чиновъ его, какъ больными, такъ и умершими. Тотчасъ по выступленіи полка въ походъ 2-й баталіонъ насчитывалъ въ своихъ рядахъ 1 штабъ-офицера, 23 оберъ-офицеровъ, 74 унтеръ-офицера, 38 музыкантовъ, 801 рядового и 20 рекрутъ. Больныхъ при этомъ баталіонъ имѣлъ 6 унтеръ-офицеровъ, 4 музыканта и 83 рядовыхъ. Затѣмъ численность больныхъ стала уменьшаться и упала въ августѣ 1831 года до 36 рядовыхъ, прочихъ чиновъ больныхъ не было; послѣ этого уменьшенія числа больныхъ къ декабрю того же года численность больныхъ достигла почти до первоначальнаго предѣла — больныхъ состояло въ это время 2 унтеръ-офицера, 1 музыкантъ и 74 рядовыхъ. За этимъ шло незначительное пониженіе численности больныхъ баталіона [52].

Что касается числа умершихъ въ баталіонѣ, то оно тоже было довольно значительно, а именно умерло: отъ обыкновенныхъ болѣзней—47, отъ холеры—15, а всего—62 [53]. Убыль эту нельзя не признать значительной, особенно принявъ въ соображеніе, что убыль въ 1 и 2 баталіонахъ полка, отбывшихъ цѣлую кампанію и участвовавшихъ во многихъ сраженіяхъ, была только немногимъ болѣе убыли 2-го баталіона.

Одной изъ причинъ увеличенія этой убыли была свирѣпствовавшая тогда въ Петербургѣ холера, начавшаяся еще до выступленія Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Польшу, но особенно усилившаяся во время пребыванія гвардіи въ Западномъ краѣ; вслѣдствіе этого 2-й баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, какъ остававшійся тогда въ Петербургѣ, пострадалъ отъ холерной эпидеміи довольно значительно.

Эта же эпидемія, увеличивъ болѣзненность въ войскахъ, была причиной народныхъ волненій и извѣстнаго бунта на Сѣнной площади, вызвавшаго военное положеніе Петербурга. Такимъ образомъ служба оставшихся гвардейскихъ баталіоновъ стала очень тяжелой, а это въ свою очередь немедленно же отразилось на повышеніи числа больныхъ въ гвардіи.

Открывшаяся 14-го іюня холера сразу приняла угрожающіе размѣры; народъ заволновался, подстрекаемый агитаторами, и, наконецъ, вспыхнулъ настоящій бунтъ: всѣ мѣры охраненія и даже уходъ за больными въ лѣчебницахъ онъ принималъ за преднамѣренныя отравленія, почему и обрушился на докторовъ и полицію. 22-го іюня бѣшеная толпа разбила холерную больницу, но народъ нѣсколько утихъ послѣ того, какъ Генералъ-губернаторъ провелъ по площади съ барабаннымъ боемъ баталіонъ Л.-Гв. Семеновскаго полка.

23-го числа Государь прибылъ изъ Петергофа и сказалъ народу знаменитую рѣчь Свою на Сѣнной площади, законченную словами: „Самъ лягу, но не попущу (безпорядка), и горе ослушникамъ“! Народъ въ восторгѣ и слезахъ кричалъ ура, и порядокъ былъ возстановленъ.

По отъѣздѣ Государя Петербургъ былъ объявленъ на военномъ положенiи и раздѣленъ на участки; каждый участокъ былъ ввѣренъ особой воинской части, которая и отвѣчала за сохраненiе въ немъ спокойствiя. Пѣшiе патрули и конные разъѣзды день и ночь наблюдали за порядкомъ въ своихъ участкахъ; объявлено было жителямъ, что если послѣ 11 часовъ пополудни и до 5-ти часовъ пополуночи патрули или разъѣзды откроютъ даже 5 человѣкъ вмѣстѣ собравшихся, то таковыхъ будутъ забирать подъ стражу, какъ нарушителей общаго спокойствiя.

„Служба была трудная — пишетъ въ своихъ запискахъ гвардейскiй офицеръ, — гвардейскiе полки были тогда въ Польскомъ походѣ, оставались только одни вторые баталiоны... достаточные только для занятiя карауловъ, а не для того, чтобы исполнять еще службу военнаго положенiя, которое было тягостно, но недолго продолжалось“ [54].

Если служба оставшихся въ С.-Петербургѣ гвардейскихъ баталiоновъ требовала изъ-за народныхъ волненiй усиленныхъ нарядовъ, то и сама по себѣ она не была легка: обычные наряды были тоже не малы, такъ какъ караулы выставлялись часто, кромѣ того оставшiеся въ Петербургѣ баталiоны, подобно тому, какъ это было во время Турецкой кампанiи 1828 года, должны были усиленно подготовлять рекрутъ и изучать всѣ новшества, приходившiя съ театра войны.

Число рекрутъ во 2-мъ баталiонѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка было довольно значительно, доходя до 200 человѣкъ [55].

Нововведенiй, выработанныхъ подъ влiянiемъ опыта войны, было то же не мало: появились большiя требованiя къ стрѣльбѣ, приступили къ обученiю фехтованiю на штыкахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ парадная сторона дѣла продолжала предъявлять свои строгiя и настойчивыя требованiя; парадовъ и смотровъ было много, къ каждому шли репетицiи. Даже музыкантамъ дали новое занятiе — обученiе саперному дѣлу при Л.-Гв. Саперномъ баталiонѣ [56].

При значительномъ числѣ рекрутъ остававшимся въ Петербургѣ баталiонамъ гвардiи стоило много усилiй выполнять все имъ предписываемое. Л.-Гв. Финляндскаго полка баталiонъ исполнялъ все это надлежащимъ образомъ, доказательствомъ чему являются постоянныя поощренiя Государя Императора и начальствующихъ лицъ чинамъ баталiона; такъ, Полковникъ Офросимовъ удостоился получить пять разъ Высочайшiя благоволенiя, объявленныя ему по разнымъ случаямъ [57]; многiе офицеры баталiона получили полугодовой окладъ жалованья за отлично усердную службу [58], а нижнiе чины — наградныя деньги; на Высочайшихъ смотрахъ и ученьяхъ баталiонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка представлялся тоже хорошо; такъ, на ученiяхъ 15-го и 16-го iюня въ Высочайшемъ присутствiи въ баталiонѣ былъ найденъ „во всемъ должный порядокъ и устройство и правильность движенiй“ [59].

Во время холерныхъ безпорядковъ гвардейскiе баталiоны были выведены изъ казармъ и стояли въ палаткахъ: баталiоны первой дивизiи на Семеновскомъ плацу, баталiоны второй — на полковыхъ плацахъ или площадяхъ.

Баталiонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, расположенный лагеремъ у своихъ казармъ, оберегалъ порядокъ на Васильевскомъ Островѣ, посылая роты и взводы въ разныя мѣста; наряды имъ выставляемые тогда были такъ велики, что какъ нижнiе чины, такъ и офицеры почти изъ нихъ не выходили; въ ежедневный нарядъ назначалось около 15 офицеровъ,

50 унтеръ-офицеровъ, 25 музыкантовъ и 600 рядовыхъ [60]. Самый сильный изъ карауловъ былъ у Сѣнной площади — въ 130 рядовыхъ, 10 унтеръ-офицеровъ, 4 музыканта и 3 офицера.

Хотя порядокъ въ столицѣ и былъ скоро возстановленъ, но холера не уменьшалась: умирало до 600 человѣкъ въ день. 28-го іюня Государь писалъ Фельдмаршалу графу Паскевичу: „Здѣсь у насъ послѣдовали новыя весьма важныя затрудненія... Буйство возросло до того, что два госпиталя разграбили и убили лѣкаря и другихъ. Мнѣ удалось унять народъ Своими словами безъ выстрѣла, но войска, стоя въ лагерѣ, безпрестанно въ движеніи, чтобъ укращать и разсѣивать толпы"... Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ, отъ 4-го іюля, Государь сообщалъ графу Паскевичу: „Здѣсь со вчерашняго дня, благодаря Милосердному Богу, холера нѣсколько слабѣетъ, но дѣйствія ея были ужасны и на всѣ состоянія... Въ войскѣ потеря сносна, но въ Кронштадтѣ ужасна!.." [61].

Распространенію эпидеміи не могла противодѣйствовать медицинская наука того времени; крѣпкій уксусъ и хлористая известь были ея главнѣйшими, но безсильными средствами противъ болѣзни. Санитарныя мѣры, впрочемъ, приносили большую пользу, что доказывается малой смертностью въ гвардейскихъ баталіонахъ, гдѣ на поддержаніе этихъ мѣръ было обращено должное вниманіе. Моральное состояніе имѣло тоже не малое значеніе, особенно на излѣчимость болѣзни; поэтому въ гвардейскихъ баталіонахъ людей веселили во всю: каждый день вечеромъ играла музыка, пѣли пѣсенники и нижніе чины забавлялись разными играми.

Больныхъ и умершихъ отъ холеры въ баталіонѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка, благодаря вышеизложенному, было сравнительно немного: всего умерло отъ нея 15 нижнихъ чиновъ, а больныхъ было, въ самый разгаръ эпидеміи въ іюнѣ мѣсяцѣ, 65 человѣкъ, считая въ этомъ числѣ больныхъ и отъ прочихъ болѣзней [62].

Л.-Гв. Финляндскій полкъ не только сберегъ своихъ людей отъ эпидеміи, но и оказалъ значительную помощь въ борьбѣ съ холерой жителямъ Васильевскаго острова: его госпиталь былъ всецѣло предоставленъ бѣднымъ обитателямъ мѣстности прилегающей къ казармамъ и Галерной гавани. При этомъ пришлось много поработать Поручику князю Шаховскому, которому было ввѣрено попеченіе о больныхъ.

Такимъ образомъ въ то тяжелое время, переживаемое Петербургомъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ сослужилъ весьма важную двойную службу: онъ охранялъ порядокъ и помогалъ въ борьбѣ съ эпидеміей.

Къ бѣдствію, постигшему тогда Россію, присоединилось еще и новое несчастіе:

Въ іюлѣ 1831 года 2-й баталіонъ Л.-Гв. Финлянскаго полка узналъ о кончинѣ незабвеннаго Шефа Финляндцевъ, Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича. Высочайшій манифестъ отъ 22 іюня слѣдующимъ образомъ всенародно объявилъ о кончинѣ Его Высочества [63]:

„Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Среди печальныхъ сердцу Нашему событій, Всевышнему угодно было усугубить горесть Нашу. Любезнѣйшій Братъ Нашъ Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, пораженный заразительною болѣзнію, въ Витебскѣ свирѣпствовавшею, послѣ сильныхъ, но скоротечныхъ страданій скончался отъ холеры въ пятнадцатый день сего

мѣсяца. — Съ душою скорбною, но съ смиреніемъ къ неисповѣдимымъ опредѣленіямъ Царя Царей возвѣщаемъ всенародно о постигшей Домъ Нашъ печали".

14-го августа состоялась печальная церемонія встрѣчи у Московской заставы и торжественное перенесеніе останковъ Его Высочества въ Петропавловскій соборъ.

На церемоніи присутствовали всѣ части С.-Петербургскаго гарнизона, выстроенныя отъ заставы до крѣпости. Баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка стоялъ у Царицына луга, вдоль дома Салтыкова, среди частей, которыхъ Шефомъ былъ Цесаревичъ [64]. Всѣ эти части выслали своихъ представителей къ тѣлу Его Высочества еще во время слѣдованія его къ Петербургу; такъ въ церемоніалѣ выноса тѣла Цесаревича изъ Витебскаго Успенскаго собора было указано, что „по обѣимъ сторонамъ колесницы (должны слѣдовать) офицеры, унтеръ-офицеры и рядовые Лейбъ-Гвардіи полковъ, коихъ былъ Шефомъ въ Бозѣ почившій Е. И. В. Цесаревичъ" [65].

Насколько вообще Великій Князь Константинъ Павловичъ пользовался любовью не только подчиненныхъ ему войскъ, но и населенія, показываетъ фактъ перевезенія Его останковъ черезъ селенія на людяхъ; такъ, крестьяне Краснаго Села просили этого какъ милости; послѣдовавшее на это Высочайшее разрѣшеніе указывало: „черезъ первую половину слободы провозить тѣло русскимъ крестьянамъ, черезъ вторую — маймистамъ" [66].

Въ 11 часовъ утра началось церемоніальное шествіе отъ Московской заставы; процессія двигалась медленно и только въ 2 часа пополудни пришла къ Петропавловскому собору.

Печальную процессію, сопровождавшую тѣло Цесаревича, открывалъ отрядъ казаковъ. За колесницею ѣхалъ верхомъ со Своею свитою Императоръ. Шествіе замыкали: рота дворцовыхъ гренадеръ, придворные служители Цесаревича, рота Л.-Гв. Павловскаго и эскадронъ Л.-Гв. Коннаго полка.

Во все время шествія продолжался, не переставая, проливной дождь.

Такъ какъ въ то время въ Петербургѣ свирѣпствовала холера, да и Цесаревичъ скончался отъ этой болѣзни, считавшейся тогда безусловно заразительною, то, въ виду санитарныхъ предосторожностей, публика, противъ существующаго обыкновенія, не была допускаема въ соборъ для поклоненія усопшему Великому Князю и Императорская Фамилія не присутствовала на совершавшихся по Немъ панихидахъ [67].

17-го августа происходило погребеніе Цесаревича. Вся пѣхота была размѣщена на куртинахъ и внутри Петропавловской крѣпости [68]. 2-й баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ выстроенъ тоже въ крѣпости.

При опусканіи гроба Цесаревича въ могилу всѣ валы крѣпости загремѣли отъ залповъ и пушечныхъ выстрѣловъ; то была послѣдняя воинская почесть отданная Цесаревичу, такъ любившему Русскую армію.

Печально возвратились войска и въ числѣ ихъ 2-ой баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ казармы, отдавъ послѣдній долгъ своему незабвенному Шефу.

Черезъ $1^{1}/_{2}$ съ небольшимъ мѣсяца Петербургскій гарнизонъ праздновалъ побѣдоносное окончаніе Польской войны; торжественный парадъ и молебствіе происходили на Царицыномъ лугу [69]. Радость о взятіи Варшавы охватила всѣхъ. „Смотръ и вся церемонія были прекрасны, — извѣщалъ Государь гр. Паскевича, — войска было 19,000 при 84 ору-

діяхъ, погода прекрасная и видъ чрезвычайный" [70]. Въ этотъ же день былъ обнародованъ Высочайшій манифестъ, въ которомъ объявлялось, что „возженная измѣной война прекратилась". Бывшимъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, частямъ гвардіи и арміи оставалось только вернуться въ Россію. 13-го марта 1832 года въ Высочайшемъ присутствіи 2-й баталіонъ, держа ружья на караулъ, встрѣтилъ свои другіе два баталіона, вступившіе въ Петербургъ изъ Польши съ новыми лаврами для побѣднаго вѣнка Л.-Гв. Финляндскаго полка.

20-го марта, черезъ недѣлю по вступленіи полка въ столицу, Государь смотрѣлъ полкъ по новому, только что произведенному, ранжиру [71], а черезъ день 2-й баталіонъ ушелъ за городъ [72] по обычному росписанію и мирная жизнь спокойно вошла въ свою колею для всего Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Этимъ закончился періодъ обособленнаго существованія 2-го баталіона полка, во время Польской войны 1831 года, почти тождественный таковому же 3-го баталіона полка за время военныхъ дѣйствій Финляндцевъ за Балканами. Военныя же дѣйствія Л.-Гв. Финляндскаго полка, какъ въ Турціи въ 1828 году, такъ и въ Польшѣ въ 1831 году, дали возможность выказать ему тѣ высокія боевыя качества, которыми онъ всегда обладалъ.

Предметомъ описанія послѣдующихъ главъ и будетъ участіе полка въ кампаніяхъ 1828 и 1831 годовъ.

Императоръ Николай I на Сѣнной площади въ Петербургѣ во время холерныхъ безпорядковъ 1831 года.

(Съ барельефа памятника Императора Николая I).

„Гг. штабъ и оберъ-офицеры Л.-Гв. полковъ Егерскаго, Финляндскаго и артиллеріи покрыли себя (въ сраженіи 26-го сентября 1828 года, подъ Варною) вѣчною славою. Вселяя въ нижнихъ чиновъ, презрѣніемъ опасностей и личною неустрашимостью, духъ смѣлости и мужества, они внушили войскамъ ту непреодолимую твердость, которой всегда сопутствуетъ вѣрная побѣда".

(Н. Лукіяновичъ. Біографія Генер.-адъют. Бистрома, 1841 г., стр. 26).

Глава III.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ войнѣ съ Турціей 1828 года.

Наступившій 1828 годъ былъ ознаменованъ для гвардіи походомъ ея въ Турцію для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ давнишняго врага Россіи — Оттоманской Порты. Выдвинутый на очередь восточный вопросъ и крайне тягостное положеніе Греціи и хри-

стіанъ Балканскаго полуострова не могли разрѣшиться мирнымъ путемъ. Въ виду этого еще Императоръ Александръ I — первый изъ европейскихъ государей поднявшій голосъ о необходимости защиты турецкихъ христіанъ — объявилъ въ октябрѣ 1825 года, что оружіемъ заставитъ Турцію подчиниться требованіямъ Россіи. Императоръ Николай I, вступивъ на престолъ, далъ рѣшительный оборотъ политикѣ Россіи въ восточномъ вопросѣ: манифестомъ 14-го апрѣля 1828 года было возвѣщено открытіе войны съ Турціей [1].

Россія начала свои приготовленія къ этой войнѣ еще въ 1827 году.

Для дѣйствій на Европейскомъ театрѣ войны Россія выставила 2-ю армію, состоявшую изъ 3-хъ армейскихъ корпусовъ, расположенныхъ до открытія военныхъ дѣйствій въ южныхъ губерніяхъ. Численность ея была около 75 тысячъ человѣкъ.

Въ виду того, что силы турокъ достигли до 180 тысячъ человѣкъ, считая въ томъ числѣ и иррегулярныя ихъ войска, русскую 2-ю армію рѣшено было усилить двумя корпусами: 2-мъ армейскимъ и гвардейскимъ. Эти войска прибыли ко 2-й арміи послѣ перехода ея черезъ Дунай.

На Азіатскомъ театрѣ Россія выставила не болѣе 14 тысячъ человѣкъ.

Приготовленія къ войнѣ быстро коснулись гвардіи. 22-го февраля 1828 года послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя начальника Главнаго Штаба Его Величества, Генералъ-адъютанта Графа Дибича, о предназначеніи войскъ гвардейскаго корпуса „къ движенію по видамъ военнымъ“ и о „приведеніи ихъ въ военное положеніе“ [2].

Л.-Гв. Финляндскій полкъ съ полнымъ восторгомъ встрѣтилъ Высочайшее повелѣніе о выступленіи въ походъ противъ турокъ. Горячее желаніе засвидѣтельствовать боевыми подвигами свою безпредѣльную вѣрность Державному Вождю русскаго воинства облегчало полку трудныя минуты перехода отъ мирной жизни къ военной.

Основной идеей объявленной войны было освобожденіе христіанъ отъ ига мусульманства, что придало ей характеръ крестоваго похода. Выразилось это даже и въ медали, выбитой по случаю объявленія этой войны, на лицевой сторонѣ которой изображена во образѣ женщины вѣра, вручающая крестъ и мечъ стоящему предъ нею воину [3].

Однако, общество отнеслось къ войнѣ довольно равнодушно и особаго проявленія національнаго чувства не оказало. Неоднократно побѣждаемая Россіей, Турція уже была слишкомъ ослаблена, чтобы внушать либо ненависть, либо опасеніе. Новые лавры казались неизбѣжны, а на жертвы людьми и средствами смотрѣли какъ на неизбѣжное зло, необходимое для поддержанія чести государства и пользы торговли [4]. Зато военная молодежь восхищалась предстоявшими опасностями и славою.

Приготовленія гвардіи, а въ числѣ ея и Л.-Гв. Финляндскаго полка къ походу велись систематично и не торопясь; времени было достаточно, такъ какъ на приготовленія назначено было болѣе пяти недѣль.

Согласно Высочайшаго рескрипта отъ 22-го февраля каждый гвардейскій пѣхотный полкъ долженъ былъ двинуться въ дѣйствующую армію въ составѣ 2-хъ баталіоновъ; 3-ьи баталіоны, оставаясь въ Петербургѣ, должны были укомплектовать первые два баталіона такъ, чтобы каждая рота состояла изъ 20 унтеръ-офицеровъ и 230 рядовыхъ; по выступленіи же полковъ въ походъ 3-ьи баталіоны предназначались исполнять роль запас-

ныхъ баталіоновъ, высылая новыя укомплектованія на пополненіе убыли въ дѣйствующихъ баталіонахъ [5].

Для укомплектованія 1-го и 2-го баталіоновъ полка, которые сдали всѣхъ своихъ рекрутъ въ 3-й баталіонъ, были выбраны лучшіе люди этого баталіона за исключеніемъ ефрейторовъ и артельщиковъ [6]. Вслѣдствіе оказавшагося все-таки некомплекта нижнихъ чиновъ мобилизовавшихся баталіоновъ, пришлось ихъ пополнить рекрутами своего полка и людьми, выбранными, кромѣ того, изъ 2-го пѣхотнаго корпуса, расположеннаго тогда на югѣ Россіи [7]; люди эти, какъ имѣлось въ виду, должны были присоединиться къ полку на маршѣ.

По отношенію къ офицерамъ было отдано приказаніе по корпусу, не переводить ихъ изъ баталіона въ баталіонъ ни подъ какимъ предлогомъ, безъ особаго каждый разъ на то разрѣшенія корпуснаго командира [8]. Приказаніе это не имѣло большого значенія для Л.-Гв. Финляндскаго полка въ виду того, что комплектъ офицеровъ былъ заполненъ и распредѣленіе ихъ между баталіонами было равномѣрно. На офицерскій составъ полка было обращено особое вниманіе еще въ 1827 году, когда некомплектъ ихъ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку былъ наибольшимъ изъ всего гвардейскаго корпуса; такъ по вѣдомости іюля мѣсяца этого года, составленной въ штабѣ корпуса, въ полку недоставало 12 офицеровъ [9]. Некомплектъ офицеровъ полка былъ пополненъ производствомъ 4-хъ камеръ-пажей и 6-ти кадетъ [10]; помимо того въ томъ же 1827 году было произведено въ офицеры въ свой полкъ 3 подпрапорщика полка; нѣсколько офицеровъ переведено было въ полкъ изъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ, а двое — изъ генеральнаго штаба [11].

Сверхкомплектъ офицеровъ былъ откомандированъ на Кавказъ, на время военныхъ тамъ дѣйствій *.

Всѣмъ офицерамъ было выдано не въ зачетъ полугодовой окладъ жалованья, а имѣвшимъ верховыхъ лошадей—годовой окладъ [12]. Сверхъ этого въ каждый гвардейскій пѣхотный полкъ было выдано по 6 тысячъ рублей въ распоряженіе командировъ полковъ, для раздачи по ихъ усмотрѣнію пособій офицерамъ; выдавались и именныя пособія; такъ, Полковникъ Офросимовъ получилъ 2 тысячи рублей на уплату долговъ, въ счетъ жалованья а Штабсъ-Капитанъ Насакенъ—тысячу рублей въ единовременное пособіе [13].

Всѣ нижніе чины 1-го и 2-го баталіоновъ въ концѣ марта получили изъ Петербургскаго арсенала [14] новыя ружья прежняго 7-ми линейнаго общаго пѣхотнаго образца.

Обозъ полка былъ приведенъ въ порядокъ, подъемныя лошади частью куплены вновь, на что было отпущено 9,625 рублей; пополненіе конскаго состава было поручено Капитану Бѣлевцову [15]. Нештатный обозъ полка было разрѣшено составить изъ офицерскихъ повозокъ или вьюковъ, смотря по желанію; величина его опредѣлялась отпускомъ фуража отъ казны каждому изъ офицерскихъ чиновъ, согласно положенію: полковому командиру— на 12 лошадей, Полковнику — на 5, Капитану и Штабсъ-капитану — на 2, полковому адъютанту — на 5, баталіонному — на 4 лошади [16].

---

*) Изъ командированныхъ офицеровъ Подпоручикъ Дубровскій палъ геройской смертью въ сраженіи у Ахалцыха, 9 авг. 1828 г., состоя при 3 б-нѣ Эриванскаго полка. Онъ „первый проложилъ дорогу въ ряды непріятеля" при атакѣ ихъ (В. Потто. Кавказск. война, т. IV, стр. 141).

Мундирныя вещи и обувь, помимо имѣвшихся на людяхъ надѣтыми и частью въ ранцахъ, были отправлены впередъ въ г. Могилевъ, въ м. Тульчинъ и въ г. Балту, лежащіе недалеко отъ границы, съ тѣмъ, чтобы полкъ, достигнувъ этихъ пунктовъ, могъ возобновить свое обмундированіе и обувь [17]. Сапоги, отправленные впередъ для гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, были имъ отпущены въ мартѣ мѣсяцѣ по особому Высочайшему повелѣнію; переда ихъ были выкроены изъ отмѣненныхъ черныхъ кожаныхъ крагъ, а голенища—изъ юфтовой бѣлой кожи [18]. Мундировъ было послано 2,016 и брюкъ—2,016 [19]; перевозка ихъ была произведена частью въ сухарныхъ фурахъ, надобности въ которыхъ не представлялось полкамъ въ виду довольствія ихъ на маршѣ хлѣбомъ, и частью на вольнонаемныхъ лошадяхъ. Сухарныя фуры были переданы въ войска изъ фурштатскихъ баталіоновъ.

Довольствіе частей гвардейскаго отряда во все время похода было приказано производить свѣжимъ хлѣбомъ, для чего отъ каждаго полка отправлялись впередъ двѣ команды хлѣбопековъ [20], каждая въ составѣ 8 унтеръ-офицеровъ и 64 рядовыхъ; хлѣбопеками Л.-Гв. Финляндскаго полка завѣдывали Подпоручики Князь Оболенскій и Демидовъ [21]. На мѣстахъ дневокъ для войскъ заготовлялись заблаговременно: провіантъ, фуражъ и дрова для хлѣбопеченія, „какъ сіе было во время похода гвардіи въ 1826 году къ Москвѣ"; довольствіе людямъ производилось въ размѣрѣ, указанномъ также въ 1826 году.

Какъ на курьезъ въ этомъ отношеніи можно указать на распоряженіе объ отпускѣ войскамъ гвардейскаго корпуса ручныхъ мукомольныхъ мельницъ; были ли онѣ выданы и долго ли продержались въ гвардіи — неизвѣстно [22].

Для леченія заболѣвавшихъ устроены были черезъ каждые 6 или 8 переходовъ малые лазареты, гдѣ больные оставались до выздоровленія; каждый изъ поступавшихъ туда нижнихъ чиновъ долженъ былъ имѣть при себѣ оружіе, мундирныя и амуничныя вещи [23]

Полки гвардейскаго корпуса были раздѣлены на время марша на двѣ колонны— правую подъ командой Генерала Чичерина и лѣвую подъ командой Генерала Бистрома; каждая изъ колоннъ дѣлилась на отдѣленія.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ, былъ назначенъ во 2-е отдѣленіе правой колонны; въ томъ же отдѣленіи лѣвой колонны находился Л.-Гв. Измайловскій полкъ; оба полка должны были выступить одновременно.

Согласно общимъ распоряженіямъ, войска гвардейскаго корпуса до вступленія 1-го ихъ отдѣленія въ Подольскую губернію, т. е. до начала іюля, числились въ 1-й арміи, а послѣ этого — во 2-й [24].

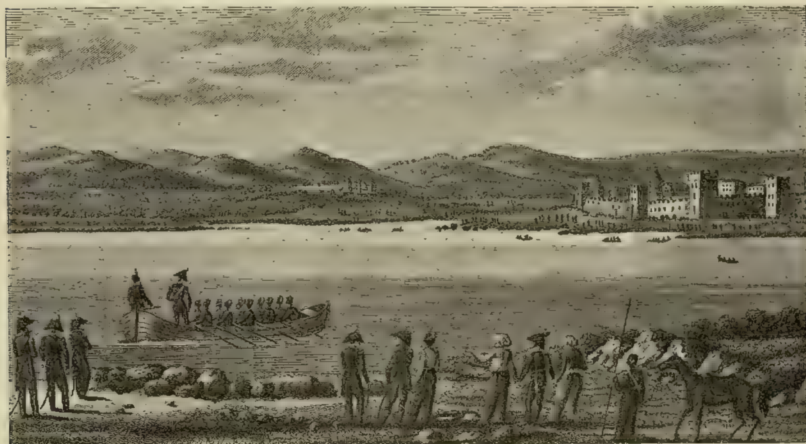
Первоначальный маршрутъ Л.-Гв. Финляндскому полку былъ опредѣленъ до Тульчина, черезъ Красное Село, Гатчину, Псковъ, Островъ, Полоцкъ, Рогачевъ, Мозырь, Житоміръ и Винницы [25].

3-го апрѣля 1828 года Л.-Гв. Финляндскій полкъ выстроился совершенно готовымъ къ походу, къ 10 часамъ утра, по Загородному проспекту, въ ожиданіи Высочайшаго смотра. Здѣсь же стоялъ и Л.-Гв. Измайловскій полкъ; оба полка были подъ общей командой командира Л.-Гв. Финляндскаго полка, Генералъ-Адъютанта Воропанова [26].

Государь Императоръ, въ сопровожденіи Государынь Императрицъ и Принцевъ

Оранскаго и Прусскаго, изволилъ прибыть на сопутствованіе и прощальный смотръ отправлявшихся въ походъ Финляндцевъ и Измайловцевъ. Оба полка представились Государю „въ совершенномъ порядкѣ во всѣхъ частяхъ, особенно по устройству обозовъ". Пройдя церемоніальнымъ маршемъ мимо своего Державнаго Вождя и Государынь Императрицъ, бодро выступилъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ походъ, имѣя въ своемъ составѣ слѣдующее число: * генераловъ 1, штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 34, унтеръ-офицеровъ 160, музыкантовъ 89, рядовыхъ 1777 [27].

Въ числѣ рядовыхъ и музыкантовъ было 154 человѣка рекрутъ и кантонистовъ [28]. Рекруты каждаго баталіона были сведены въ особые взводы. Денщиковъ было: казенныхъ — 48 и собственныхъ — 27. Отъ гвардейской фурштатской бригады было прикомандировано къ полку: 1 унтеръ-офицеръ, 17 рядовыхъ и 36 лошадей [29].

Переправа Императора Николая I на турецкій берегъ Дуная у м. Сатунова, въ 1828 году.

Обозъ полка состоялъ: *а*) полковой: патронныхъ ящиковъ — 8, ящикъ для казны — 1, провіантскихъ фуръ — 8, аптека — 1, лазаретныхъ каретъ — 2, повозокъ для инструментовъ — 1, для музыкантовъ — 1, бричка для больныхъ — 1; *б*) ротный: 16 артельныхъ телѣгъ и 1 музыкантская; *в*) офицерскій: полкового командира — 2 экипажа, штабъ-офицеровъ — 4, оберъ-

*) Въ строевомъ рапортѣ полка за 3 апр. численность полка показана нѣсколько иная, а именно: ген. 1, шт.-оф. 4, об.-оф. 31, унт.-оф. 136, музык.: компл. 89, некомпл. 37; рядовыхъ 1564, нестр. 81; помимо того при полку было гвард. фуршт. бригады 16 рядов. и 1 нестроевой. Разница въ показаніяхъ произошла потому, что стр. рап. показалъ наличное число чиновъ, бывшихъ въ строю на Высочайшемъ смотру 3 апр., а мѣс. рап. число, дѣйствительно выступившихъ въ походъ.

офицеровъ — 9 [30]. Лошадей было кромѣ 36 — фурштатской бригады — еще 45 подъемныхъ полковыхъ.

Порядокъ полка на походѣ былъ слѣдующій: впереди на одинъ переходъ шли квартирьеры, подъ командой Поручика Наумова; непосредственно передъ полкомъ шелъ авангардъ отъ 1-го баталіона; сзади двигался обозъ: сначала казенный, затѣмъ офицерскій и артельный; за обозомъ шелъ аріергардъ отъ 2-го баталіона [31].

Согласно маршруту полку надлежало пройти до Тульчина $1{,}506^{1}/_{4}$ верстъ въ 97 дней; походъ былъ не спѣшный, дневки были назначены черезъ 2—3 дня, а переходы были невелики, отъ 13 до 35 верстъ, въ среднемъ же около 22 верстъ [32].

4-го апрѣля, при проходѣ черезъ Гатчину Императрица Марія Ѳеодоровна удостоила офицеровъ полка приглашеніемъ на обѣдъ во дворецъ, а нижнимъ чинамъ Ея Величество приказала выдать улучшенную порцію. Ея Величество изволила провожать полкъ самымъ сердечнымъ образомъ и, по русскому обычаю, — съ хлѣбомъ-солью. Принося самую искреннюю вѣрноподданническую благодарность Государынѣ Императрицѣ, Финляндцы и не предполагали, что уже никому изъ нихъ не придется больше видѣть Августѣйшую основательницу Императорскаго баталіона милиціи, положившаго начало Л.-Гв. Финляндскому полку.

Походъ полка былъ легкій. Полное довольствіе, мирныя условія и весенняя погода дѣлали его скорѣе военной прогулкой. Вскорѣ настали чисто весенніе, теплые дни. Разнообразіе мѣстностей, повсюду радушный пріемъ жителей, весна въ своемъ праздничномъ нарядѣ, прекрасная погода — все это благопріятно вліяло на здоровье людей, такъ что, несмотря на дальній путь, со времени выступленія изъ Петербурга до причисленія ко 2-й (дѣйствующей) арміи, въ теченіе 3 мѣсяцевъ, сдано было Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ въ госпитали больныхъ только 7 строевыхъ и 2 нестроевыхъ, а всего 9 человѣкъ. Кромѣ того, было человѣкъ 10—15 слабыхъ при полку нижнихъ чиновъ [33].

„Когда послѣ ночлега или дневки,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Прапорщикъ П. Максимовъ [34], служившій тогда въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, — роты прибывали къ назначенному пункту на дорогѣ и баталіоны трогались въ путь, то офицеры, всѣ верхами, собирались за своими баталіонами и тутъ начинались разсказы о приключеніяхъ, иногда довольно забавныхъ; шуткамъ не было конца. Хорошее расположеніе духа поддерживалось дружествомъ общества Финляндцевъ. Время шло быстро; не успѣли и замѣтить, какъ пришлось проходить бессарабскія степи, гдѣ сильно страдали отъ жары и жажды".

Другой офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка, Капитанъ П. Румянцевъ, свидѣтельствуетъ о походѣ нѣсколько иначе. „Ты жалуешься на скуку, — пишетъ онъ однополчанину въ Петербургъ [35], — хотѣлъ бы даже въ походъ, говоришь? Не завидуй нашему, ...онъ право единообразенъ и не веселъ".

Третій участникъ этого похода, сдѣлавшій его въ рядахъ Л.-Гв. Егерскаго полка, указывая что походъ былъ вообще, не труденъ, говоритъ, что довольствіе офицеровъ было поставлено прекрасно, а помимо того при гвардейскихъ полкахъ были маркитанты. „Въ походѣ—пишетъ онъ [36]—если сойдутся три, четыре роты, то и полковой маркитантъ останавливался и предлагалъ свой товаръ, а у него были всякія закуски, водки и разныя

вина, табакъ, карты, даже перчатки, сапожный товаръ и многое другое, что необходимо въ походѣ. Но такъ какъ артели брали всегда съ собою готовый завтракъ, то маркитанту бывала плохая пожива, развѣ когда спросятъ бутылку хорошаго вина.

На привалѣ захватывала ночь; вотъ тутъ-то маркитанту было выгодно, особенно если сходилось много ротъ. Вся его провизія съѣдалась, и часто дѣло доходило до шампанскаго. Зажженные свѣчи и фонари у маркитанта, разложенные костры освѣщали эту живую картину".

Подобныя картины наблюдались во всѣхъ полкахъ гвардейскаго корпуса, такъ какъ всѣ они имѣли при себѣ маркитантовъ, назначенныхъ С.-Петербургской городской думой изъ купцовъ *).

При выступленіи изъ г. Пскова къ полку прибылъ Штабсъ-Капитанъ Гречъ, переведенный въ полкъ изъ Капитановъ Пажескаго корпуса, а въ г. Рогичевѣ къ полку присоединились ожидавшіеся 107 человѣкъ, выбранныхъ изъ 2-го пѣхотнаго корпуса; на нихъ въ Кіевѣ были приняты ружья и боевые патроны (60,000) [38].

Во время первыхъ переходовъ было нѣсколько несчастныхъ случаевъ изъ-за лошадей; такъ, лѣкарь Коссе, Прапорщикъ Заливкинъ и денщикъ Полковника Офросимова пострадали довольно сильно отъ ударовъ лошадей, а одинъ рядовой утонулъ при купаньѣ лошади.

Отъ Винницы войска направлены были не къ Тульчину, какъ назначено было, а черезъ Могилевъ къ Сатунову и кр. Исакчѣ, уже бывшей въ то время въ нашихъ рукахъ.

Все время слѣдованія по Бессарабіи, вредный ея климатъ съ сильными жарами днемъ и холодомъ ночью, при отсутствіи воды, угрожалъ лихорадками; противъ заболѣванія людей принимались мѣры: строго запрещалось ѣсть сырые фрукты и овощи, приказывалось надѣвать набрюшники.

Южный край, по которому шелъ тогда полкъ, былъ совершенно отличенъ отъ прежде пройденнаго. Отъ самаго Днѣстра тянулась безлѣсная и безплодная степь, гдѣ деревья встрѣчались чрезвычайно рѣдко.

„Ну что тебѣ сказать о Бессарабіи?" — говоритъ въ своемъ товарищескомъ посланіи Капитанъ Румянцевъ [38]. — „Ахъ, какъ она дурна, избави Богъ всякаго быть въ ней! Перейдя Днѣстръ въ Могилевѣ... до самаго Дуная кромѣ высочайшихъ горъ, покрытыхъ сожженной отъ жару травою мы ничего не видали — стоитъ мертвый видъ обширныхъ степей; въ 2 дня навелъ не только для глазъ и на душу какую-то тоску"...

Но въ офицерской семьѣ полка жизнь на походѣ была не скучной.

„Когда достигли береговъ Дуная", — говоритъ другой участникъ кампаніи Прапорщикъ Максимовъ, — „веселая наша жизнь приняла довольно мрачный видъ: приказано было

---

*) Маркитанты при своемъ назначеніи къ полкамъ гвардіи, производившемся иногда и помимо ихъ желанія, получали изъ суммъ военнаго министерства по 5 тыс. рубл. пособія, а нѣкоторые и по 8; они должны были быть во все время похода при своихъ полкахъ. Въ мартѣ 1830 г. маркитанты гвард. полковъ подали прошеніе на Высоч. Имя о награжденіи ихъ за войну 1828 года медалями, учрежденными за эту войну, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что и они тоже были участниками ея, рисковавшими жизнью (трое изъ нихъ умерло „отъ климата, имѣющаго въ тѣхъ краяхъ смертоносное вліяніе на здоровье"—говорится въ прошеніи), а также и тѣмъ, что они могли потерять свои капиталы. Въ просьбѣ ихъ Государь имъ отказалъ [37].

бросить наши повозки и разрѣшено взять одну вьючную лошадь на 2-хъ офицеровъ. Грустно было разставаться съ вещами и на легкѣ двигаться на чужой сторонѣ".

27-го іюля, въ 7-мъ часу утра состоялась переправа Л.-Гв. Финляндскаго полка черезъ Дунай, эту знаменитую рѣку въ лѣтописяхъ русскихъ войнъ съ турками. Переправа совершилась у м. Сатунова, гдѣ уже давно были наведены понтонные мосты для передовыхъ частей русской арміи, начавшихъ здѣсь переправляться ровно за 2 мѣсяца до этого, съ 27-го мая.

Перейдя черезъ Дунай, Л.-Гв. Финляндскій полкъ вступилъ на непріятельскую территорію, почему дальнѣйшій походъ уже нельзя было совершать при условіяхъ мирнаго времени. Кромѣ указаннаго выше сокращенія офицерскаго обоза, тогда же послѣдовало распоряженіе объ уменьшеніи и ротнаго обоза; за то полковой обозъ былъ увеличенъ прибавленіемъ 10 палаточныхъ ящиковъ и 2 повозокъ для уксуса и спирта, такъ что въ общемъ величина обоза осталась почти безъ измѣненія.

Въ Турцію Л.-Гв. Финляндскій полкъ вступилъ въ слѣдующемъ числѣ чиновъ:

Генераловъ—1, Штабъ-офицеровъ—4, Оберъ-офицеровъ—35, унтеръ-офицеровъ—158, музыкантовъ—88, рядовыхъ—1,866, нестроевыхъ—80, казенныхъ денщиковъ—49, гвард. фуршт. бригады—16 [39].

Съ переходомъ за Дунай довольствіе войскъ было усилено: мясная порція стала отпускаться по шести разъ въ недѣлю, вмѣсто четырехъ; при каждомъ полку было приказано имѣть гурты скота, а полковые фуры должны были вмѣщать въ себѣ провіантъ на 9 дней. Тогда же предписано было маркитантамъ имѣть двухмѣсячный запасъ соли, считая по 1 фунту на каждаго человѣка; рекомендовалось также полкамъ имѣть значительные запасы уксуса, перца и, если возможно, то и спирта [40].

Такія мѣры принимались въ виду весьма вреднаго климата той мѣстности, по которой надлежало двигаться гвардейскому корпусу. Участникъ этого похода такъ описываетъ его [41].

„Днемъ съ ранняго утра солнце нестерпимо пекло насъ, а тотчасъ по захожденіи его наступали тьма и сильныя: роса, сырость и холодъ, такъ что днемъ нужно было одѣваться какъ можно легче, а ввечеру и ночью, напротивъ, какъ можно теплѣе, чтобы не схватить злой молдавской лихорадки".

Въ исходѣ іюля мѣсяца вся гвардія, переправившись черезъ Дунай, стала общимъ лагеремъ невдалекѣ отъ мѣста своей переправы и здѣсь ожидала дальнѣйшихъ распоряженій. Самое близкое будущее для гвардейцевъ было совсѣмъ неизвѣстно въ то время, за-то слуховъ была масса. Говорили, что Султанъ готовъ уплатить 150 милл. піастровъ, Государь же отвѣчалъ, что эта контрибуція была бы достаточна до перехода черезъ Дунай, и соглашался лишь на 300 милл. піастровъ. Но мусульманская гордость и другіе слухи подавали надежду, что придется „иступить тѣ сабли" которыя тогда отпускались офицерами.

Къ тому времени расположеніе русской арміи было таково: главныя силы (3 и 7 корпуса съ 4-й конно-егерской дивизіей), имѣя во главѣ Витгенштейна, главнокомандующаго дѣйствующей арміей, осаждали Шумлу; Генералъ Ротъ (двѣ бригады 16 пѣх. дивизіи и 4 уланская дивизія) блокировалъ Силистрію; Генералъ Бороздинъ (17 пѣх. дивизія, одна бригада 16-й пѣх. дивизіи и четыре полка кавалеріи) охранялъ Валахію, имѣя отдѣльные отряды противъ Журжева, Турну, Кале и Виддина. Особый отрядъ

Князя Меньшикова, силою до 16 баталіоновъ, съ конницей и артиллеріей, осаждалъ Варну при содѣйствіи эскадры Адмирала Грейга (8 линейныхъ кораблей, 5 фрегатовъ и 13 мелкихъ судовъ).

Турецкія силы, почти вдвое превосходныя, большею частью занимали крѣпости извѣстнаго четырехугольника, выставивъ до 30 тыс. человѣкъ по Дунаю, на пространствѣ отъ Журжева до Виддина. Главныя силы ихъ, подъ начальствомъ Сераскира Гуссейнъ-Али-Паши, въ числѣ до 50 тысячъ, обороняли Шумлу; Варну оборонялъ храбрый Юсуфъ-Паша съ гарнизономъ около 20 тыс. человѣкъ. Остальная часть занимала различные пункты въ раіонѣ турецкаго четырехугольника крѣпостей.

Основной планъ Витгенштейна состоялъ въ томъ, чтобы, отрѣзавъ турецкія войска, сосредоточенныя въ четырехугольникѣ крѣпостей, двинуться на Константинополь и однимъ ударомъ закончить войну. Однако, для этого необходимо было запереть турецкіе отряды въ крѣпостяхъ, или же овладѣть этими послѣдними. Между тѣмъ русская армія и безъ того слабѣйшая численно, ослабленная болѣзнями, была прикована къ турецкимъ крѣпостямъ, обороняемымъ сильными гарнизонами. При этихъ условіяхъ выполненіе плана кампаніи замедлилось. Положеніе это казалось русскому главнокомандующему Генералу Витгенштейну настолько критическимъ, что онъ уже принялъ рѣшеніе снять осаду крѣпостей и отступить къ Ени-базару. Прибытіе на театръ военныхъ дѣйствій свѣжихъ войскъ, во главѣ которыхъ былъ гвардейскій корпусъ, измѣнило намѣреніе Витгенштейна, и онъ предположилъ направить гвардію къ Шумлѣ—наиболѣе важной, по его мнѣнію, крѣпости. Однако, при существовавшихъ тогда обстоятельствахъ, гораздо важнѣе было овладѣть Варной, такъ какъ при этомъ скорѣе и безопаснѣе можно было приступить къ дальнѣйшему выполненію основного плана кампаніи.

Императоръ Николай Павловичъ, лично направлявшій дѣйствія русскихъ войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, былъ того же мнѣнія, выразивъ это въ письмѣ къ начальнику Главнаго Штаба, Генералу Дибичу, отъ 20-го августа: „Я думаю,— писалъ Государь,— что присутствіе гвардіи будетъ гораздо необходимѣе у Варны, чтобы ускорить ея паденіе, нежели у Шумлы“ [42]. Вслѣдствіе этого гвардія была направлена къ Варнѣ.

Простоявъ нѣсколько дней въ общемъ гвардейскомъ лагерѣ у Сатунова, Л.-Гв. Финляндскій полкъ двинулся въ первомъ эшелонѣ гвардейскаго корпуса вмѣстѣ съ Л.-Гв. Егерскимъ и Казачьимъ полками, Л.-Гв. Конно-Піонернымъ эскадрономъ, баталіономъ гвардейскихъ саперъ и соотвѣтствующимъ количествомъ артиллеріи, подъ общей командой Генерала Головина. Такъ какъ обстановка еще не вполнѣ выяснилась, то и маршруты 1-го эшелона мѣнялись нѣсколько разъ; по послѣднему изъ нихъ приказано было двигаться по дорогѣ вдоль западнаго берега Чернаго моря къ городу Коварнѣ, расположенному на берегу моря, верстахъ въ 50 сѣвернѣе Варны. Въ Коварнѣ гвардія была остановлена на нѣкоторое время и расположилась лагеремъ.

„За этимъ первымъ эшелономъ, — пишетъ участникъ похода [43], — слѣдовалъ командовавшій гвардіей Генералъ-адъютантъ Деперадовичъ, со свитой и штабомъ, а за ними — прочіе бригадные эшелоны, въ одномъ переходѣ одинъ за другимъ.

„Первый переходъ нашъ былъ до кр. Исакчи, и близъ нея былъ первый военно-походный ночлегъ нашъ на бивакахъ, со всѣми военными предосторожностями по уставу,

хотя въ нихъ собственно и не было особенной надобности, такъ какъ весь край впереди до Варны уже былъ въ нашей власти и мы шли въ 3-й линіи.

„Второй переходъ нашъ былъ до города Бабадага. Мы шли по пресловутой „Добруджѣ", болѣе обильной болотами и озерами, чѣмъ лѣсами и горами; а если и встрѣчались холмы, то совершенно обнаженные отъ всякой растительности. Поэтому и видъ былъ однообразный и унылый, и, за отсутствіемъ тѣни, солнце пекло безъ жалости, да къ тому же, по всему этому главному пути сообщенія арміи валялись зловонные трупы павшихъ лошадей и воловъ изъ-подъ военныхъ транспортовъ. Но, съ приближеніемъ къ Бабадагу, мѣстность становилась все гористѣе и лѣсистѣе и, наконецъ, къ самому Бабадагу, лежавшему въ глубокой горной котловинѣ, мы спустились съ высокихъ горъ и расположились лагеремъ въ разстояніи около версты отъ города".

За Бабадагомъ, картина стала мѣняться: лѣсъ началъ рѣдѣть, горы становились отложе и взору наконецъ открылась голая степь, простиравшаяся верстъ на 200. Зной продолжался; отъ павшаго дохлаго рогатаго скота и лошадей, лежавшихъ по дорогѣ, воздухъ былъ наполненъ вредными испареніями. Не дологъ, но труденъ былъ путь отъ Исакчи до кр. Коварны [44].

Особенне тягостно было отсутствіе воды; лишеніе ея чувствовалось еще на переходахъ до Бабадага, миновавъ же этотъ пунктъ, воды стала совсѣмъ мало. Встрѣчавшіеся фонтаны и колодцы оказались заваленными падалью и мѣшками съ мыломъ; очистить ихъ было трудно, а иногда и невозможно изъ за значительной глубины ихъ, доходившей до 50 — 70 саженей; если же и встрѣчались чистые колодцы, то вода и въ нихъ была плохая съ большимъ содержаніемъ извести и пить ее приходилось не иначе какъ съ уксусомъ.

„Нельзя не упомянуть также и о насѣкомыхъ, сильно безпокоившихъ людей и лошадей. На первыхъ падали съ деревьевъ черноватыя насѣкомыя въ видѣ большихъ блохъ или клоповъ, которыхъ уничтожить, по ихъ многочисленности, не было рѣшительно никакой возможности; лошади же, въ особенности верховыя, страдали отъ мухъ на подобіе огромныхъ шмелей, которыхъ онѣ не могли отгонять будучи лишены хвоста—тогда слѣдовало энглизировать верховыхъ лошадей" [45].

Для облегченія походныхъ движеній войскамъ гвардіи было разрѣшено отступить отъ формы одежды: галстуки были сняты, воротники мундировъ разстегнуты, а манерки повѣшены на тесакахъ, чтобы запасшись на привалѣ водою съ уксусомъ, можно было легче утолять жажду на походѣ [46].

Впечатлѣнія похода за Дунаемъ такъ выражены офицеромъ полка, Капитаномъ Румянцевымъ „О поскорѣй бы къ Варнѣ, — писалъ онъ тогда, — мы здѣсь начинаемъ скучать, да не худо совсѣмъ бы кончить походъ; воевать съ турками не такъ легко какъ думали; . . . всѣмъ, которые будутъ утверждать, что воевать съ турками можно шутя, говори, кричи даже, что неправда вздоръ. Они неопасны можетъ быть, но климатъ ихъ страшенъ". Въ другомъ письмѣ изъ Коварны онъ пишетъ: „О климатѣ и говорить нечего, ложась спать, каждый изъ насъ не ручается встанетъ ли здоровый".

Трудности похода до Коварны и вредный климатъ тотчасъ отразились на санитарномъ состояніи Л.-Гв. Финляндскаго полка и повлекли за собою довольно значительное число заболѣвавшихъ; такъ, за 11 дней этого похода было отправлено въ госпитали 48 нижнихъ

чиновъ [47], что составило окола $^{1}/_{4}$ всей потери полка больными за время пребыванія его внѣ предѣловъ Россіи въ 1828 году [48].

Въ это же время полкъ понесъ тяжелую утрату. „На одномъ изъ переходовъ,—пишетъ участникъ похода, офицеръ Л.-гв. Егерскаго полка—[49], заболѣлъ превосходный человѣкъ, котораго всѣ мы любили и уважали—Илья Ивановичъ Ростовцевъ, бывшій егерь, а потомъ Полковникъ Финляндскаго полка. Его отправили въ Кюстенжи, въ госпиталь, гдѣ онъ и скончался“ *.

Съ 13-го по 24-е августа Л.-гв. Финляндскій полкъ съ прочими частями гвардіи простоялъ въ Коварнѣ; стоянка тамъ прошла въ работахъ по разгрузкѣ кораблей, доставлявшихъ съѣстные припасы съ моря. Въ это время, какъ и въ дальнѣйшемъ развитіи военныхъ дѣйствій, флотъ нашъ оказывалъ большую помощь войскамъ гвардіи, прижатымъ къ самому морскому берегу; на флотѣ же одно время было сосредоточено высшее командованіе арміей: тамъ на кораблѣ „Парижъ“ имѣлъ свое пребываніе Государь Императоръ.

Русская гвардія на походѣ въ Турціи, въ 1828 г.

(Съ гравюры того времени).

Въ Коварнскомъ лагерѣ обстановка была уже совсѣмъ боевая; безпрерывная стрѣльба доносилась изъ подъ Варны и днемъ и ночью. Эти звуки давали знать Финляндцамъ, что, не сегодня такъ завтра они сойдутся съ врагомъ. 22-го августа за два дня до выступленія изъ Коварны, Капитанъ Румянцевъ писалъ въ Петербургъ Подпоручику Титову: „Увы любезный, можетъ быть эти строки послѣднія! невольно подумаешь, слыша эти выстрѣлы подъ Варной“ **).

Дальнѣйшій путь полка лежалъ къ боевымъ позиціямъ у крѣпости Варны. На этомъ пути пришлось испытать значительныя затрудненія: горы съ крутыми подъемами и спусками, узкія дефиле и горныя тропы, заваленныя камнями, дѣлали движеніе гвардіи и особенно ея обоза страшно трудными.

---

*) И. И. Ростовцевъ былъ роднымъ братомъ извѣстнаго впослѣдствіи дѣятеля, графа Я. И. Ростовцева. Узнавъ о кончинѣ И. И. Ростовцева, Государь пожаловалъ вдовѣ его 10 тыс. руб.

**) Въ этомъ же письмѣ Капитанъ Румянцевъ приводитъ объ отличіи подъ Варной Генерала П. Я. Купріянова, бывшаго офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка, служившаго еще въ первомъ составѣ Императорскаго баталіона милиціи. „Павл. Яковл. Купріяновъ, — пишетъ онъ, — получилъ вдругъ (т. е. одновременно) три раны, но неопасные; онъ самъ повелъ полки бригады своей, видя, что полковой командиръ началъ теряться; а—а—каковъ!“.

„Отъ Коварны,—пишетъ участникъ похода—[51], мы продолжали слѣдовать вдоль берега моря до Бальчика, но на слѣдующемъ переходѣ уже свернули на „путь правый", т. е. пошли направо, черезъ горныя ущелья, въ глубокую котловину, на днѣ которой лежала деревенька Теке-Кёй (Кёй—по турецки деревня). Спускъ въ эту котловину и подъемъ изъ нея были до того круты и неудобны для колесныхъ обозовъ, что немало усилій, трудовъ и времени стоило войскамъ спускать и поднимать ихъ. Предвидя это (хотя и недовольно рано), меня послали осмотрѣть береговую дорогу, но я нашелъ ее, хотя и чрезвычайно живописною, но совершенно неудобною для движенія войскъ и особенно колесныхъ обозовъ.

„Изъ трущобы Теке-Кёй, сущей „волчьей долины" Фрейшюца, мы уже слѣдовали по нагорнымъ высотамъ въ виду моря, но и здѣсь движеніе было не легко, тѣмъ болѣе что приходилось идти, во избѣжаніе сильной жары, не днемъ, а ночью". Темныя ночи въ незнакомой гористой мѣстности на скалистыхъ, высокихъ берегахъ Чернаго моря были весьма опасны для переправлявшихся здѣсь войскъ: малѣйшій невѣрный шагъ могъ стоить жизни. Въ виду этого войска 1-го эшелона гвардіи, а въ томъ числѣ и Л.-Гв. Финляндскій полкъ совершали этотъ переходъ съ зажженными фонарями. [52]

Несмотря на всѣ трудности перехода отъ Коварны къ Варнѣ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ сдѣлалъ его довольно быстро, пройдя 45 верстъ въ 2 дня. 26 августа, почти пять мѣсяцевъ спустя послѣ выступленія своего изъ Петербурга, полкъ прибылъ подъ Варну, гдѣ и расположился лагеремъ на сѣверной сторонѣ крѣпости вмѣстѣ съ прочими частями 1-го эшелона.

Едва части эшелона расположились лагеремъ, какъ имѣли счастье привѣтствовать Государя Императора Николая Павловича, объѣзжавшаго ряды солдать при громкихъ и продолжительныхъ крикахъ „ура!" „Отличный порядокъ и блестящій видъ, въ коемъ найдены сіи войска,—говоритъ офиціальное извѣстіе съ театра войны,—столь же удивительны какъ и бодрость солдатъ послѣ дальняго и труднаго похода, въ продолженіе коего гвардейскіе полки не имѣли, кромѣ обыкновенныхъ растаховъ, ни одного дня отдохновенія отъ С.-Петербурга до Коварны" [53].

Л.-гв. Финляндскій полкъ тогда представился въ блестящемъ видѣ, а командовавшій въ походѣ полкомъ Флигель-адъютантъ Полковникъ Моллеръ „за примѣрное сбереженіе людей и охраненіе порядка въ продолженіе сего похода до крѣпости Варны" былъ удостоенъ Высочайшаго благоволенія, объявленнаго въ приказѣ [54].

Къ 1-му сентября вся гвардія собралась на сѣверной сторонѣ Варны. „Устроившись въ нашемъ лагерѣ,—пишетъ участникъ этого похода, [55]—мы пошли взглянуть на Варну съ края сѣверной горы—и что за чудная картина представилась нашимъ взорамъ. Прямо передъ нами, глубоко внизу въ долинѣ, лежала крѣпость Варна, омываемая съ юга длиннымъ и узкимъ заливомъ Девно, а съ востока примыкавшая къ морю, на которомъ былъ расположенъ нашъ Черноморскій флотъ, линія очередныхъ судовъ котораго обстрѣливала крѣпость; далѣе же простиралось безбрежное море. У подошвы сѣверныхъ высотъ, на берегу моря, находились пристань и склады военныхъ запасовъ, а противъ пристани, на морѣ, 100 пушечный корабль „Парижъ", на которомъ имѣли пребываніе Государь, его свита и главный штабъ. Крутые скаты сѣверныхъ высотъ были покрыты

виноградниками, между которыми извивались дороги сверху внизъ къ пристани и къ нашимъ траншеямъ и редутамъ. Къ западу отъ крѣпости заливъ Девно, постепенно суживаясь, простирался на нѣсколько верстъ. Наконецъ, къ югу отъ Варны были видны возвышавшіяся уступами горы, почти совершенно обнаженныя, за исключеніемъ рѣдкихъ кустарниковъ и небольшихъ рощъ, между которыми видны были дороги, ведшія въ Варну съ юга. Вотъ та чудная панорама Варны и окружавшей ее мѣстности, представившаяся намъ и которою мы любовались и въ этотъ первый разъ и въ каждый послѣдующій день, какъ бы съ высокаго балкона и съ птичьяго полета!"

Не долго пришлось Л.-Гв. Финляндскому полку стоять вмѣстѣ съ прочими частями гвардіи. Упорные слухи, оправдавшіеся впослѣдствіи о подходѣ на помощь Варны вспомогательнаго корпуса паши Омеръ-Вріоне, со стороны Константинополя, побудили выслать особый отрядъ на южную сторону Варны съ назначеніемъ замкнуть блокаду Варны и воспрепятствовать прорыву къ ней корпуса Омеръ-Вріоне [56].

Въ составъ этого отряда, ввѣреннаго Генералу Головину, вошли: 4-я бригада гвардіи— Л.-Гв. Финляндскій и Егерскій полки, 4 баталіона армейской пѣхоты, 2-й Бугскій уланскій полкъ, 2 эскадрона Свирскаго Конно-Егерскаго полка, одна рота саперъ, казаки и 14 орудій.

Къ этому времени осада Варны, несмотря на ежедневно происходившія кровопролитныя столкновенія съ турками, оставалась попрежнему безуспѣшной, такъ какъ линія блокады была открыта съ юга и потому крѣпость безпрепятственно получала и свѣжія подкрѣпленія и запасы всякаго рода. Замкнуть блокаду съ юга и составило задачу отряда Генерала Головина.

29-го августа, подъ вечеръ, получили гвардейцы 4-й бригады приказаніе о выступленіи въ обходъ Варны. „Приготовленія были недолгія, — говоритъ участникъ похода [57], — часть вещей сложили на этой сторонѣ при палаткахъ и больныхъ, которые здѣсь оставались, а сами взяли только немного бѣлья лишнюю пару сапогъ и кое-что необходимое. Все это наложили или на своихъ вьючныхъ лошадей или на ословъ, надѣли ранецъ, въ которомъ были табакъ и кое-какія ежедневно нужныя вещи, за поясъ заткнули пистолеты, въ одну руку взяли саблю, въ другую чубучекъ, и въ такомъ видѣ пристроились къ своимъ баталіонамъ.

„Когда спустились съ горы по дорогѣ къ лиману, ночь уже наступила. Шли ночью, чтобы движенія нашего не замѣтили турки. Пока было свѣтло, раздавался веселый разговоръ, но съ наступленіемъ темноты замолкли разговоры и молча дошли мы до оконечности лимана, въ м. Габеджи*.

Около этого селенія находился редутъ, занятый своднымъ баталіономъ 10-й пѣхотной дивизіи *; это были послѣднія русскія войска, съ которыми разстался отрядъ Генерала Головина. Здѣсь были оставлены слабые и заболѣвшіе на послѣднемъ переходѣ; Л.-Гв. Финляндскій полкъ отчислилъ таковыхъ 9 человѣкъ; при нихъ оставлены были 2 лазаретныхъ фуры при 2-хъ унтеръ-офицерахъ и надзирателѣ за больными. [58]

„Здѣсь, — продолжаетъ далѣе участникъ похода, — сдѣлали долгій привалъ и въ восемь часовъ утра (30 августа) пошли далѣе въ обходъ Варны. Все время шли мы тѣсной доро-

---

*) Изъ отряда Генерала Акинфіева.

гой въ густомъ лѣсу; отрядъ растянулся длинною кишкою, что очень затрудняло движеніе, такъ что только уже къ ночи пришли въ какую-то котловину, гдѣ едва умѣстился отрядъ; хвосты колоннъ упирались въ лѣсъ и головы отстояли только на нѣсколько саженъ отъ того же лѣса. Сварили кое-какую пищу и завалились усталые спать. Утромъ 31-го пошли далѣе; тотъ же путь чащею былъ невыносимъ; наконецъ, впереди прояснѣло, деревья стали рѣже, и мы вошли на волнистую мѣстность, усаженную рѣдкими, но высокими и развѣсистыми деревьями; отсюда опять лѣсомъ, опять открытыми холмами; наконецъ, съ пространной плоской возвышенности спустились въ долину, опять взобрались на совершенно такую же огромную площадь, стали на краю горы... и передъ нами открылась Варна, только съ другой стороны. Пушечный выстрѣлъ далъ знать о нашемъ прибытіи; съ сѣверной стороны намъ отвѣчали. Такимъ образомъ, мы заключили Варну въ свои объятія".

Мѣстность къ югу отъ Варны и самая крѣпость Варна представляютъ собою въ общихъ чертахъ слѣдующее: [59]

Варна лежитъ на берегу Чернаго моря, къ сѣверу отъ впаденія въ него небольшой рѣчки Девно, которая, расширяясь западнѣе Варны, образуетъ лиманъ Девно, шириною доходящій до 800 саженъ. Впереди крѣпости, южнѣе ея, рѣчка опять значительно суживается и впадаетъ въ Черное море. Къ югу отъ Девно, верстахъ въ 10—12, течетъ другая рѣчка Камчикъ, направляясь при своемъ окончаніи, передъ впаденіемъ въ море, почти паралельно лиману Девно.

Пространство между этими двумя рѣчками, ограниченное съ востока моремъ, а на западъ, доходящее до дер. Гассанъ-Лара и Пейнерджи, служило мѣстомъ дѣйствій отряда Генерала Головина. Мѣстность эта, представляющая собою одинъ изъ сѣверо-восточныхъ отроговъ большихъ Балканъ, перерѣзана во многихъ направленіяхъ глубокими оврагами. Почти параллельно лиману Девно тянется хребетъ возвышенностей. Къ р. Камчику онъ спускается довольно отлогими скатами, а у лимана Девно образуетъ довольно возвышенный нагорный берегъ съ утесистыми скалами.

На этомъ пространствѣ существуютъ двѣ цѣпи возвышенностей: одна, ближе къ Варнѣ, на которой были расположены наши войска, а другая, отстоящая отъ первой версты на $1^1/_2$—2, имѣетъ гору Куртепе, на которой появились впослѣдствіи полчища паши Омеръ-Вріоне.

По этой мѣстности пролегала главная транспортная константинопольская дорога, идущая изъ-за р. Камчика къ кр. Варнѣ. Ее-то оберегать и надо было, не пропуская въ крѣпость никакихъ транспортовъ и подкрѣпленій. Были дороги еще западнѣе главной, по которымъ можно было добраться до дер. Пейнерджи, лежавшей совершенно въ виду крѣпости; поэтому эта деревня представляла изъ себя также весьма важный пунктъ.

Все описываемое пространство покрыто было густымъ лѣсомъ и колючимъ кустарникомъ, а такъ какъ притомъ оно было перерѣзано глубокими оврагами, то и не представляло удобствъ для движенія войскъ большими массами.

Положеніе малочисленнаго отряда Генерала Головина, силою около $5^1/_2$ тысячъ человѣкъ, отдѣленнаго отъ остальныхъ войскъ русской арміи естественными препятствіями, было очень рискованно. Не говоря уже о томъ, что отрядъ этотъ могъ легко попасть одновременно подъ удары изъ крѣпости и со стороны корпуса Омеръ-Вріоне, войска

Генерала Головина не имѣли пути отступленія: съ одной стороны было море, съ другой—лиманъ Девно, а съ третьей—крѣпость; къ тому же усилить Генерала Головина можно было только съ моря, но и то въ крайности.

Предвидя эту крайность, въ одно время съ движеніемъ отряда Генерала Головина, приступили къ устройству пристани на морскомъ берегу близъ мыса Галата-Бурту и при ней расположена была рота Гвардейскаго экипажа [60].

Появленіе отряда Генерала Головина на южной сторонѣ Варны, произвело на ея гарнизонъ такое сильное впечатлѣніе, что съ турецкой стороны послѣдовало сообщеніе о немедленной сдачѣ крѣпости, оказавшееся, впрочемъ, ложнымъ [61]. Турки вскорѣ выяснили малочисленность отряда и начали вновь возлагать надежды на прибытіе корпуса Омеръ-Вріоне.

Окрестности Варны въ 1828 году.

(Съ акварели съ натуры).

Императоръ Николай I, слѣдя за дѣйствіями частей гвардейскаго корпуса, особенно опасался за отрядъ Головина. По словамъ одного изъ свитскихъ офицеровъ, А. Веригина,—„въ особенности же заботилъ Царя высланный уже въ южную сторону отрядъ; выбѣжавшіе изъ ближайшихъ окрестностей, болгары положительно утверждали, что турецкій корпусъ паши Омеръ-Вріоне идетъ по дорогѣ изъ Праводъ и занялъ дер. Гаджи-асанларъ въ 18-ти верстахъ отъ мѣста расположенія отряда Генерала Головина. Всѣ эти тревожныя извѣстія не остановили однакоже Государя въ рѣшеніи своемъ лично обозрѣть его на мѣстѣ“ [62].

Между тѣмъ отрядъ Головина, прибывъ на указанное мѣсто, сталъ готовиться къ встрѣчѣ съ противникомъ. „Первые дни, — говорятъ записки участника похода, [63] —

прошли въ выборѣ позиціи, вслѣдствіе чего часто перемѣняли мѣста; наконецъ, окончательно установились такъ, что часть войска расположилась внизу, на песчаной долинѣ, лицомъ къ Варнѣ, занявъ цѣпью все пространство отъ моря до лимана, а Егеря съ Финляндцами стали на возвышенности, лицомъ къ Константинополю. Авангардъ былъ посланъ на противолежащую возвышенность, называемую Куртепэ. Когда мѣста были всѣмъ назначены, пѣхота принялась помогать саперамъ строить редуты; выстроили ихъ три и флешь при входѣ въ оврагъ, который огибалъ весь правый флангъ нашей позиціи. Въ довольно значительномъ разстояніи сзади редута устроили вагенбургъ, въ которомъ былъ помѣщенъ весь казенный и офицерскій обозъ и маркитанты; тутъ же лежали больные до отправленія ихъ на сѣверную сторону. Сообщеніе съ этой стороной производилось моремъ, черезъ пристань на мысѣ Галата. Баталіоны расположились сзади редутовъ въ колоннахъ къ атакѣ, ружья въ козлахъ, амуниція на ружьяхъ, ранцы подъ головами на пукахъ соломы. Чтобы укрыться отъ солнечнаго жара, солдаты подѣлали навѣсы изъ вѣтвей. Нашъ палаточный обозъ былъ оставленъ на сѣверной сторонѣ. Палатки были только у штаба Генерала Головина, который стоялъ на бугрѣ между Егерскимъ и Финляндскимъ полками".

Прибывъ къ главной транспортной константинопольской дорогѣ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ раздѣлился: „1-й баталіонъ остался на мѣстѣ, а изъ 2-го баталіона 2-я карабинерная и 5-я и 6-я егерскія роты посланы были, вмѣстѣ съ 3-мъ взводомъ легкой № 2 артиллерійской роты, впередъ къ двумъ фонтанамъ; 4-я же егерская рота направлена была въ подкрѣпленіе баталіона 19-го Егерскаго полка, находившагося въ ущельѣ противъ крѣпости (на нижней позиціи). Черезъ два дня, т. е. 3-го сентября, 5-я и 6-я егерскія роты двинуты были вмѣстѣ съ однимъ орудіемъ еще впередъ къ р. Камчику, гдѣ въ то время находился наблюдательный отрядъ Полковника Лазича. Вечеромъ того же дня и остальныя роты 2-го баталіона (т. е. 2-я карабинерная и 4-я егерская) были посланы туда же со вторымъ орудіемъ, а весь отрядъ порученъ былъ Фл.-ад. Полковнику Залусскому. Время это было для 2-го баталіона весьма нелегкое. Посылая партіи для наблюденія за непріятелемъ, баталіону этому приходилось почти все время стоять въ каре, съ орудіями по угламъ, въ ожиданіи весьма возможныхъ нападеній конныхъ турокъ. 6-го сентября 2-й баталіонъ вернулся къ полку, но тотчасъ же назначенъ былъ занять своими аванпостами пространство до 4-хъ верстъ, отъ лимана до моря, оберегая, такимъ образомъ, весь южный отрядъ, со стороны р. Камчика и дер. Гассанъ-Лара. Наконецъ, 9-го числа, когда были замѣчены войска Омеръ-Вріоне, 2-й баталіонъ поставленъ былъ на верхней позиціи въ каре и замѣненъ 1-мъ баталіономъ.

„Первый баталіонъ, оставаясь на возвышенности, также не былъ въ бездѣйствіи; роты его поперемѣнно то помогали 19-му Егерскому полку въ постройкѣ укрѣпленій, на нижней позиціи, то прикрывали его работы, то сами строили укрѣпленія на верхней позиціи или ходили на фуражировки. Работы производились большею частью подъ выстрѣлами непріятеля, къ счастью такъ неудачными, что никакого вреда отъ нихъ не было".

Въ первыхъ числахъ сентября, тотчасъ по прибытіи на южную сторону крѣпости, отряду Головина въ общемъ жилось хорошо. Турки безпокоили мало; только 1-го сентября утромъ они сдѣлали вылазку изъ крѣпости, направивъ на отрядъ Головина отрядъ въ 500 кавалеристовъ, быстро отбитый нѣсколькими пушечными выстрѣлами [64]. Участникъ

похода, пишетъ слѣдующее объ этомъ времени [65]: „Началось привольное житье; Галатская пристань и фуражировки доставляли намъ изобиліе въ пищѣ и фуражѣ; скота было множество, такъ что роты иногда убивали быка для того только, чтобы полакомиться филеемъ, печенкой и легкими. Офицеры настроили себѣ роскошные бараки изъ жердей и вѣтвей, въ которыхъ не было недостатка; а тузы, т. е. полковники, выкопали землянки въ нѣсколько комнатъ съ полами и каминами; лучшая была Полковника Саргера *, которую всѣ ходили смотрѣть какъ рѣдкость.

„У офицеровъ были цѣлыя конюшни, въ которыхъ стояли турецкія лошадки и подъ масть подобранные ослы. У меня была буйволица, которая доставляла молоко густое, какъ сливки. Въ первые дни сентября мы не только отдохнули совершенно отъ дальняго похода, но и начали уже скучать отъ бездѣйствія...

„Пока мы спокойно продолжали стоять на южной сторонѣ, Генералъ Головинъ принималъ разныя мѣры къ обезпеченію нашей позиціи; выстроили редуты внизу противъ Варны и еще одинъ редутъ у насъ, лѣвѣе прежнихъ (№ 4). О турецкомъ войскѣ не было никакого слуха".

5-го сентября гвардейская бригада отряда Генерала Головина удостоилась посѣщенія Государемъ въ своемъ расположеніи на позиціи. Въ этотъ день утромъ Государь прибылъ къ Галатской пристани на катерѣ съ корабля „Парижъ", сѣлъ на простую казачью лошадь и въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ свиты и конвоя, направился къ Л.-Гв. Финляндскому и Егерскому полкамъ, слѣдуя по горной тропѣ весьма трудной для проѣзда, а иногда и невозможной; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Государь шелъ даже пѣшкомъ. По такой дорогѣ пришлось проѣхать около 4-хъ верстъ. Хотя отъ пристани и вела другая дорога, недавно проложенная для сообщеній съ верхнимъ отрядомъ, но по ней проѣздъ Государя былъ невозможенъ: она обстрѣливалась съ крѣпостныхъ валовъ и еще наканунѣ нѣсколько матросовъ, ѣхавшихъ съ провіантскими подводами, были убиты на этой дорогѣ [66].

Прибывъ къ отряду Головина, „Государь, — пишетъ очевидецъ, [67] — въ подробности осмотрѣлъ всю позицію верхняго южнаго отряда, здоровался съ людьми каждой роты и, лично указавъ мѣсто для постройки укрѣпленія, тѣмъ же путемъ и на той же казачьей лошади возвратился чрезъ нѣсколько часовъ къ пристани для отплытія на флотъ. Въ тотъ же вечеръ противъ передовыхъ постовъ отряда показались непріятельскіе разъѣзды", а черезъ нѣсколько дней начались и довольно серьезныя столкновенія Финляндцевъ и Егерей съ передовыми отрядами наступавшаго корпуса Омеръ-Вріоне.

Столкновенія произошли при фуражировкахъ, производившихся въ виду недостатка въ фуражѣ, который войска отряда Головина должны были добывать сами, такъ какъ съ моря отрядъ получалъ только провіантъ.

Первое столкновеніе произошло 9-го сентября. Въ этотъ день „съ утра,—какъ говорится въ запискахъ Лейбъ-Егеря**, —послана была большая партія фуражировъ подъ при-

*) Бывшаго Финляндца, а тогда Лейбъ-Егеря.

**) „25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерскомъ полку". Воен. Сборн. 1877 г. № 2. Описаніе этого дня А. Лукьяновича (Описаніе Турецкой комп. 1828—1829 г. ч. II) нѣсколько разнится отъ записокъ Лейбъ-Егеря, но мы предпочли эти послѣднія какъ показанія строевого офицера, а также и потому, что въ описаніи Лукьяновича встрѣчаются иногда неточности.

крытіемъ двухъ взводовъ: Егерскаго съ Поручикомъ Эрнестомъ Тизенгаузеномъ и Финляндскаго, при Подпоручикѣ Демидовѣ *. Они пошли въ довольно отдаленную деревню Гаджи-Гассанъ-Ларъ и нашли тамъ въ изобиліи немолоченнаго хлѣба, скота и птицъ. Пока навьючивали найденное, офицеры увидали вдали кучку конныхъ людей, которыхъ приняли за нашъ кавалерійскій отрядъ. Когда все было уложено, пустились въ обратный путь: впереди шелъ взводъ Финляндцевъ, потомъ вереница фуражировъ, а въ заключеніе взводъ Егерей. Не успѣли они втянуться въ узкую дорогу по лѣсной чащѣ, какъ впереди послышались выстрѣлы; турки перерѣзали дорогу командѣ; но Демидовъ со своими Финляндцами разомъ отогналъ ихъ штыками и очистилъ путь для фуражировъ, которые и поскакали въ лагерь; нѣкоторые изъ нихъ побросали свои вьюки, а другіе, посмышленнѣе, все въ цѣлости доставили на позицію. Но не всѣ успѣли проскакать. Турки снова высыпали изъ лѣса, и Финляндцамъ пришлось опять прогонять ихъ штыками и преслѣдовать выстрѣлами. Между тѣмъ, Егеря, въ свою очередь, были атакованы съ большимъ ожесточеніемъ, какъ турецкой кавалеріей, такъ и пѣхотой; отбиваясь отъ нихъ, шли они къ лагерю вслѣдъ за Финляндцами по узкой дорогѣ, извивающейся по густому лѣсу. Прискакавшіе въ лагерь фуражиры подняли тревогу и въ ту же минуту наряжена была 3-я рота Л.-Гв. Егерскаго полка подъ командой Капитана Крузе для выручки взводовъ Егерей и Финляндцевъ.

„Прибытіе Крузе помогло,—продолжаютъ записки Лейбъ-Егеря,—свѣжіе люди не заботились о защитѣ, а сами бросились впередъ и далеко прогнали турокъ, которые, увидѣвъ подкрѣпленіе, не тревожили больше Егерей. Съ пѣснями возвратились рота и взводъ назадъ, и вечеромъ не было конца разсказамъ; офицеры тотчасъ раскупили у солдатъ принесенные имъ трофеи съ убитыхъ: сабли, ятаганы, чалмы и проч. Однако, было семь убитыхъ и пять раненыхъ фуражировъ и егерей. Всѣ мы веселые заснули сладкимъ сномъ въ нашихъ баракахъ".

Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку потери за этотъ день были очень незначительны: ранено было 2 рядовыхъ [68]. Полковыя вѣдомости показываютъ, что раненъ былъ также 1 унтеръ-офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка, но нѣсколько ранѣе — 5-го сентября [69], что вѣроятно надо отнести къ какой--либо перестрѣлкѣ на передовыхъ постахъ.

Это первое боевое столкновеніе части Л.-Гв. Финляндскаго полка показало туркамъ безстрашіе Финляндцевъ и ихъ искусство въ штыковой работѣ, несмотря на превосходство силъ противника. Стычка 9-го сентября осчастливила нижнихъ чиновъ Монаршей похвалой: въ письмѣ 11-го сентября Дибичу, Государь писалъ про Финляндцевъ и Егерей, что они „отдѣлались молодцами и еще привели съ собою лошадей, отбитыхъ у турокъ" [70].

На слѣдующій день, 10-го сентября Финляндцамъ снова пришлось дѣйствовать противъ непріятеля, но уже въ большихъ силахъ, а именно въ составѣ 2-хъ ротъ.

Столкновеніе 9-го сентября показало, что число турецкихъ войскъ противъ отряда

---

*) Мѣс. рап. Л.-Гв. Финл. п. (М. О. А. Г. Ш. № 10149) и книга формулярныхъ списковъ офицеровъ полка (М. О. А. Г. Ш. № 9149) указываетъ, что въ день 9-го сент. изъ офицеровъ полка принималъ участіе въ сраженіи лишь одинъ Подпоручикъ Демидовъ.

Генерала Головина значительно увеличилось; обстоятельство это могло служить подтвержденіемъ уже давно ходившихъ слуховъ о наступленіи паши Омеръ-Вріоне къ Варнѣ.

Съ цѣлью окончательнаго выясненія этихъ слуховъ и раскрытія непріятельскихъ (силъ, наступавшихъ къ Варнѣ, предпринята была усиленная рекогносцировка особымъ отрядомъ, составленнымъ изъ Л.-Гв. Егерскаго полка (безъ 1-й карабинерной и 3-й егерской ротъ) [71], 1-й егерской роты Л.-Гв. Финляндскаго полка *, 2-хъ эскадроновъ конныхъ егерей, 2-хъ орудій Донской артиллеріи и эскадрона уланъ. Начальство надъ этимъ отрядомъ было ввѣрено Полковнику польской службы, Флигель-адъютанту Императора Николая I, гр. Залусскому. Назначеніе это состоялось по особому приказанію, экстренно посланному съ корабля „Парижъ".

Одинъ изъ присутствовавшихъ тогда при главной квартирѣ писалъ о гр. Залусскомъ: „выборъ этотъ былъ не только неудаченъ, но даже пагубенъ. Не зная ни войскъ, ему ввѣренныхъ, ни той трудной лѣсистой мѣстности, по которой наступалъ непріятель и поэтому требовавшей крайней осторожности въ дѣйствіяхъ, Полковникъ Залусскій пренебрегъ всѣмъ, и своею оплошностью, если не болѣе, подвергъ истребленію весь гвардейскій Егерскій полкъ" [72].

День 10-го сентября 1828 года навсегда будетъ памятенъ въ исторіи Л.-Гв. Егерскаго полка, какъ день гибели почти всего полка. Это несчастье Лейбъ-Егерей, неразлучныхъ боевыхъ товарищей Финляндцевъ было весьма горестно для всѣхъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка; сначала никто не хотѣлъ вѣрить несчастью своихъ товарищей-однобригадниковъ, но къ вечеру печальная вѣсть подтвердилась. Въ своихъ запискахъ о вечерѣ этого дня Лейбъ-Егерь говоритъ [73]:

„Пробираясь бивакомъ Финляндскаго полка, я заглянулъ въ одинъ баракъ: тамъ финляндскіе офицеры) Гречъ, Булацель и Майновъ пили чай. Съ какою жадностью проглотилъ я стаканъ чаю, предложенный мнѣ этими добрыми людьми, которые истинно сострадательно отнеслись къ нашему несчастію. Они требовали отъ меня подробностей, но я говорить не могъ. Когда подошелъ къ расположенію (своего) полка, тамъ все было печально: небольшія кучки шопотомъ переговаривались, слуги плакали о невернувшихся господахъ своихъ, и въ вагенбургѣ раздавались стоны раненыхъ. Въ землянкѣ Саргера свѣтился огонь; я вошелъ туда: на скамейкѣ лежалъ раненый Алексѣй Игнатьевъ, за столомъ сидѣли Василій Ростовцевъ, Герардъ и Загоскинъ, уткнувъ въ руки усталыя головы. Это все, что вышло изъ битвы (Полковникъ Уваровъ былъ въ своемъ баракѣ). Ихъ разсказъ въ нѣсколькихъ словахъ положилъ конецъ сомнѣнію: дѣйствительно, полкъ былъ уничтоженъ".

Гибель Лейбъ-Егерей произошла слѣдующимъ образомъ. Въ 2 часа пополудни отрядъ Залусскаго неожиданно наткнулся на турецкій станъ, раскинутый въ 12-ти верстахъ отъ нашего лагеря. „Первымъ движеніемъ Егерскаго полка — писалъ Государь въ письмѣ къ гр. Дибичу, отъ 11-го сентября [74] — было броситься на него; но Залусскій остановилъ Егерей и началъ стрѣлять изъ пушекъ, т. е. разрушилъ хорошее, чтобы не сдѣлать ничего.

---

*) Рота Финл. полка была послана вмѣсто 1-й караб. роты Егер. полка, бывшей въ тотъ день на рекогносцировкѣ.

Турки, захваченные врасплохъ, такъ что должны были еще сѣдлать лошадей, завязали перестрѣлку. Тогда Залусскій, найдя себя слишкомъ слабымъ для того, чтобы атаковать ихъ, приказалъ полку отступать, а самъ увелъ съ собою конныхъ Егерей и оба орудія. Такимъ образомъ онъ первымъ прибылъ въ лагерь, бросивъ свою пѣхоту. Тогда Егерями, повидимому, овладѣлъ паническій страхъ!— такъ или иначе, но вернулось всего 800 человѣкъ съ 11-ю офицерами и Полковникомъ Уваровымъ; остальные взяты въ плѣнъ, убиты или разсѣялись. Всѣ прочіе офицеры убиты или пропали безъ вѣсти. Вернулось еще два

Л.-Гв. Финляндскій полкъ отбиваетъ атаку турецкой кавалеріи въ сраженіи 16-го сентября 1828 года, подъ Варной.

офицера, изъ коихъ одинъ раненъ четырьмя пулями и 103 человѣка раненыхъ нижнихъ чиновъ, объ остальныхъ мы ничего не знаемъ; говорятъ, что Гартунгъ, Саргеръ и Буссе * убиты.

*) Саргеръ и Буссе, бывшіе офицеры Л.-Гв. Финл. полка.

„Это ужасно и невѣроятно! Я тотчасъ послалъ Бистрома принять начальство, произвести слѣдствіе и привести полкъ въ порядокъ; онъ только что сообщилъ мнѣ, что за полкъ отвѣчаетъ и что онъ будетъ держаться на своей позиціи; а также, — что турки, повидимому, потянулись къ лиману, можетъ быть съ цѣлью напасть на правое крыло и пробиться съ этой стороны, въ городъ... Любезный другъ, у меня сердце разрывается отъ этого печальнаго и непонятнаго события" *... Но затѣмъ, какъ выяснилось, единственной причиной гибели нашего отряда оказался его начальникъ.

Дѣйствія двухъ ротъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ злополучный день 10-го сентября были незначительны.

1-я егерская рота, выступившая вмѣстѣ съ Л.-Гв. Егерскимъ полкомъ, вскорѣ была назначена гр. Залусскимъ въ резервъ, прикрывать артиллерію отряда. „Будучи расположена на дорогѣ, рота эта, вмѣстѣ съ орудіями, отступила, по приказанію гр. Залусскаго, не зная объ участи Л.-Гв. Егерскаго полка, который, разсыпавшись по лѣсу, потерялъ связь и даже направленіе пути, что и было главною причиною такихъ огромныхъ потерь его" [76].

Изъ офицеровъ полка въ этотъ день участвовали въ дѣйствіяхъ противъ турокъ: Штабсъ-капитанъ Насакенъ 1-й, Поручикъ Насакенъ 2-й и Прапорщикъ Заварицкій. У всѣхъ трехъ въ формулярныхъ спискахъ [77] значится одно и то же: „сентября 10-го, въ экспедиціи Полковника Флигель-адъютанта графа Залусскаго, при ретирадѣ, для прикрытія орудій" находились. Кромѣ того вмѣстѣ съ 1-ю егерскою ротою выступилъ въ эту экспедицію и Прапорщикъ Киновичъ, бывшій за адъютанта при начальникѣ отряда [78].

Одновременно съ отправленіемъ отряда гр. Залусскаго, послана была 4-я егерская рота Л.-Гв. Финляндскаго полка подъ командою Капитана Тулубьева, отыскивать роту Его Высочества Л.-Гв. Егерскаго полка, которая, будучи послана въ 7 часовъ утра на рекогносцировку, не возвращалась. Обѣ эти роты соединились въ виду турокъ и, послѣ маленькой стычки, прибыли благополучно на позицію.

Въ этотъ день убыль Финляндскаго полка состояла изъ: 1 убитаго, 2 раненыхъ и 3 контуженныхъ нижнихъ чиновъ и 1 казеннаго денщика, пропавшаго безъ вѣсти [79].

Извѣстіе о пораженіи отряда гр. Залусскаго сильно встревожило Государя и Главную Квартиру; безъ малѣйшаго замедленія приняты были самыя энергичныя мѣры къ усиленію войскъ, находившихся къ югу отъ Варны; численность ихъ, за потерями и за отдѣленіемъ нѣкоторыхъ частей собственно для блокады крѣпости, едва достигала 3½ тысячъ человѣкъ. 11-го и 12-го сентября были перевезены моремъ и высажены Л.-Гв. Павловскій и Гренадерскій полки, съ одной батареей. Весь отрядъ былъ ввѣренъ Генералъ-адъютанту Бистрому, доблестному генералу, бывшему командиру Лейбъ-Егерей.

---

*) Черезъ нѣсколько дней послѣ этого начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества писалъ командующему гвардейскимъ корпусомъ: „послѣ постыднаго происшествія 10-го сентября, постигшаго большую часть Л.-Гв. Егерскаго полка, — Государь Императоръ, считая остатки возвратившіеся съ дѣла сего, недостойными служить въ рядахъ гвардіи, Высочайше повелѣть соизволилъ: всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Егерскаго полка, бывшихъ въ дѣлѣ 10-го сентября, исключить немедленно изъ полка, переведя офицеровъ тѣми же чинами, а нижнихъ чиновъ выписавъ въ армейскіе полки" [75]).

Кромѣ того, составленъ былъ особый кавалерійскій отрядъ изъ 1-й бригады легкой гвардейской дивизіи, подъ командою Генералъ-адъютанта Сухозанета, который двинулся черезъ переправу при Гебедже на праводскую дорогу, стараясь войти въ соединеніе съ направленными къ Варнѣ войсками принца Евгенія Виртембергскаго. Хотя князю Витгенштейну предписано было отдѣлить изъ главной арміи все, что только было возможно, но какъ послѣ всѣхъ дѣлъ въ теченіе лѣта и убыли отъ болѣзней, двухъ-баталіонные полки не составляли даже 1,000 штыковъ, то принцъ Виртембергскій выступилъ изъ Шумлы съ одною слабою бригадою 19-й пѣхотной дивизіи. По соединеніи же съ отрядомъ Сухозанета, который былъ усиленъ изъ Девно тремя пѣхотными полками, всѣ силы, которыми могъ располагать принцъ, не превышали 8,476 человѣкъ.

Еще меньшее число людей имѣлъ подъ ружьемъ Генералъ Бистромъ, противъ котораго стоялъ уже 40,000 турецкій корпусъ *, сильно укрѣпившійся и готовый къ бою.

Такимъ образомъ, несмотря на всѣ подкрѣпленія, частію высаженныя моремъ, частію двинутыя изъ-подъ Шумлы, оба отряда наши на южной сторонѣ Варны составляли не болѣе 15,000 тыс., то есть едва треть противъ непріятельскаго корпуса, подступавшаго съ цѣлью пробиться во что бы то ни стало въ крѣпость. Къ тому же Генералъ Бистромъ былъ разобщенъ отъ отряда принца Виртемберскаго густыми, сплошными лѣсами, гдѣ на разстояніи болѣе 20 верстъ не было никакихъ удобныхъ сообщеній.

Все это дѣлало положеніе отряда Генерала Бистрома весьма опаснымъ. Тѣмъ болѣе опаснымъ являлось расположеніе Л.-Гв. Финляндскаго полка, выдвинутаго впереди всѣхъ прочихъ частей этого отряда и, слѣдовательно, подверженнаго первымъ ударамъ во много разъ превосходныхъ силъ противника.

Къ 11-му сентября, т. е. на другой день послѣ катастрофы съ отрядомъ гр. Залусскаго, расположеніе Л.-Гв. Финляндскаго полка было слѣдующее: 2-я и 3-я егерскія роты съ 2-мя орудіями Донской конно-артиллерійской роты расположены были впереди верхней позиціи, въ резервѣ передовыхъ постовъ, укрытыми въ лощинѣ; роты Его Высочества, 4-я егерская и 2-й баталіонъ стояли на верхней позиціи, позади редутовъ и флешп, въ колоннахъ къ атакѣ, вмѣстѣ съ остатками Л.-Гв. Егерскаго полка, численностью не болѣе роты.

Вскорѣ однако это расположеніе было измѣнено; Генералъ Бистромъ, осмотрѣвъ мѣстность и признавъ важность прочнаго занятія дер. Пейнерджи, послалъ туда 2-й баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка съ эскадрономъ Бугскихъ уланъ и 2-мя орудіями подъ командою баталіоннаго командира Полковника Офросимова. При этомъ Полковникъ Офросимовъ получилъ отъ Генерала Бистрома строжайшее приказаніе „держаться до послѣдней крайности, не пропуская непріятеля въ крѣпость и не уступая ему позиціи“ [80].

Категорически отданное приказаніе и упоминаніе въ немъ о послѣдней крайности показываютъ, что положеніе было очень серьезно и что атака корпусомъ Омеръ-Вріоне ожидались тогда съ часу на часъ. Опасность для 2-го баталіона Л.-Гв. Финляндскаго полка была тѣмъ болѣе значительна, что при своемъ движеніи къ д. Пейнерджи онъ, спустившись

---

*) Мольтке, въ своей исторіи этой кампаніи, опредѣляетъ силу корпуса Вріоне въ 50 т. чел.

съ горы, сейчасъ же попалъ подъ выстрѣлы съ крѣпостныхъ валовъ Варны; по счастью турки стрѣляли не мѣтко и батальонъ при своемъ движеніи не потерпѣлъ урона.

Наконецъ, 13-го сентября войска Южнаго отряда увидѣли передъ собою весь 30-ти-тысячный турецкій корпусъ, показавшійся непрерывной линіей со стороны рѣки Камчика и дер. Пейнерджи. Пушечный выстрѣлъ и четыре большія пороховыя вспышки возвѣстили гарнизону Варны о подходѣ подкрѣпленій.

Въ этотъ и въ послѣдовавшіе два дня турки ограничились лишь подготовительными дѣйствіями, высматривая положеніе русскихъ войскъ; происходили только незначительныя столкновенія передовыхъ цѣпей, кое-гдѣ съ русской стороны ходившихъ въ штыки.

Обѣ стороны усиленно укрѣпляли свои позиціи, готовясь къ бою.

1-й баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка принималъ участіе въ этихъ работахъ и въ ночь съ 13-го на 14-е сентября превратилъ занимаемую имъ флешь въ редутъ сильной профили, затѣмъ двѣ роты его заняли этотъ редутъ, а двѣ другія размѣстились въ сосѣднемъ.

16-го сентября 2-й баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ смѣненъ въ дер. Пейнерджи баталіонами изъ отряда принца Евгенія Виртембергскаго и переведенъ въ тотъ же день на нижнюю позицію, въ ущелье противъ южной стороны Варны, для противодѣйствія ожидавшейся вылазкѣ турецкаго гарнизона. Здѣсь 2-й баталіонъ простоялъ весь день 15-го сентября.

Со времени подхода Омеръ-Вріоне южный отрядъ былъ въ очень тяжелыхъ условіяхъ. „Служба Л.-Гв. Финляндскаго полка и вообще отряда, — говоритъ въ своихъ запискахъ Генералъ Киновичъ, бывшій тогда Прапорщикомъ, [81]—за все время была тяжелая, а съ 9-го сентября, когда передъ нами появились полчища Омеръ-Вріоне и заняли позицію на пушечный выстрѣлъ отъ нашего расположенія, мы, можно сказать, не смыкали глазъ и одна шеренга въ каре постоянно стояла подъ ружьемъ".

Согласно общимъ распоряженіямъ, 16-го сентября соединенные отряды принца Евгенія Виртембергскаго, Генераловъ Сухозанета и Бистрома должны были атаковать войска Омеръ-Вріоне съ тѣмъ, чтобы по возможности отбросить ихъ отъ Варны. Предположеніе это не осуществилось: отряды принца Евгенія и Генерала Сухозанета опоздали и 5-тысячному отряду Генерала Бистрома пришлось съ утра отбивать атаки всего 40-тысячнаго корпуса Омеръ-Вріоне, поддержаннаго сильной вылазкой Варнскаго гарнизона *, тщетно поджидая для перехода въ наступленіе прибытія прочихъ отрядовъ.

Общее расположеніе войскъ къ югу отъ Варны въ этотъ день было слѣдующее.

Главныя силы турокъ стояли у Куртепе; фронтомъ къ нимъ, частью занимая редуты, стоялъ на верхней позиціи малочисленный отрядъ Бистрома; выдѣленный отъ него отрядъ Головина расположенъ былъ на нижней позиціи фронтомъ къ Варнѣ съ цѣлью противо-

---

*) Авторъ записокъ „25 лѣтъ въ Л.-Гв. Егерскомъ полку" („Воен. Сбор." 1877 г. № 2) говоритъ (стр. 393), что Омеръ-Вріоне атаковалъ южный отрядъ 16-го сентября, вслѣдствіе извѣщенія его перебѣжчикомъ татариномъ Аминовымъ, будто бы бѣжавшимъ изъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Аминовъ якобы передалъ пашѣ о малочисленности отряда Бистрома. Авторъ прибавляетъ въ своихъ запискахъ, что объ этомъ „носился слухъ". Подтвержденія этого слуха мы не нашли ни въ официальной перепискѣ, ни въ запискахъ и воспоминаніяхъ участниковъ похода.

дѣйствовать вылазкамъ Варнскаго гарнизона. Къ Гассанъ-Лару съ утра должны были подойти отряды Генерала Сухозанета и принца Виртембергскаго.

Однако предположенія Главной Квартиры не осуществились.

Пока отрядъ генерала Сухозанета производилъ развѣдку турецкаго корпуса Омеръ-Вріоне, выяснивъ, что силы турокъ у Куртепе якобы незначительны—не болѣе 8 тысячъ и то деморализованныхъ,—Омеръ-паша перешелъ въ наступленіе и обрушился всѣми своими силами на отрядъ Бистрома, атаковавъ его съ фронта, обоихъ фланговъ и отчасти съ тыла. Поддержанный Варнскимъ гарнизономъ, Омеръ-Вріоне торжествовалъ бы побѣду, если бы не удивительная стойкость и мужество гвардейскихъ полковъ отряда Бистрома.

Окруженный со всѣхъ сторонъ, Бистромъ не могъ разсчитывать на какую-либо поддержку: извѣстить Генерала Сухозанета было невозможно, а принцъ Виртембергскій прибылъ къ Гассанъ-Лару только вечеромъ.

Къ началу атаки турокъ расположеніе полка, занимавшаго правый участокъ позиціи отряда Генералъ-адъютанта Бистрома, было таково: полкъ стоялъ на верхней позиціи, имѣя роту Его Высочества и 1-ю Егерскую въ редутѣ № 1, 2-ю и 3-ю Егерскія въ редутѣ № 2, а 2-й баталіонъ—правѣе редута № 1, у оврага, въ каре [82].

Баталіонами въ этотъ день командовали—1-мъ Флигель-адъютантъ Полковникъ Моллеръ и 2-мъ Полковникъ Офросимовъ.

Командиръ полка, Генералъ-адъютантъ Воропановъ находился при 1-мъ баталіонѣ въ редутѣ № 2, тамъ же, какъ въ важнѣйшемъ пунктѣ, былъ и Генералъ Бистромъ.

За редутами расположенъ былъ обозъ, въ общемъ вагенбургѣ, построенномъ въ видѣ каре изъ плотно сдвинутыхъ, съ поднятыми вверхъ оглоблями, повозокъ [83]. Вся казенная и собственная прислуга офицеровъ и люди, находившіеся при повозкахъ, были вооружены запасными ружьями и снабжены патронами. Къ нимъ присоединена была и часть матросовъ, прибывшихъ съ кораблей для усиленія отряда.

Возвышенность, на которой расположенъ былъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, отдѣлялась отъ позиціи войскъ Омеръ-Вріоне глубокою лощиною впереди и крутымъ и глубокимъ оврагомъ справа; тутъ-то и стоялъ 2-й баталіонъ Финляндцевъ [84].

Около 11 часовъ утра неожиданно началось наступленіе противника противъ лѣваго фланга верхней позиціи. Л.-Гв. Павловскій и Гренадерскій полки храбро отражали турецкую кавалерію и многочисленные таборы пѣхоты. Почти одновременно начались и дѣйствія турокъ противъ нашего праваго фланга, гдѣ были Финляндцы и Лейбъ-Егеря. Обстрѣлявъ артиллерійскимъ огнемъ многочисленныхъ своихъ батарей передовыя части отряда Генерала Бистрома, густыя колонны турецкой пѣхоты, предводимыя самимъ Омеръ-Вріоне, двинулись впередъ, направляя главный ударъ на редуты № 1 и № 2, обороняемые Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ съ остатками Л.-Гв. Егерскаго полка. Несмотря на удачное дѣйствіе нашихъ орудій съ редутовъ и огня стрѣлковъ, турки шли впередъ и заставили отступить къ редутамъ выдвинутыя незадолго до того наши цѣпи стрѣлковъ. Приблизившись на картечный выстрѣлъ, турки остановились на короткое время и затѣмъ, оправившись, двинулись снова впередъ; достигнувъ кустарниковъ, расположенныхъ невдалекѣ передъ редутами, войска Омеръ-Вріоне открыли ружейный огонь, сильный, но безпорядочный. Кава-

лерія ихъ, шедшая до этого передъ пѣхотой, отошла на нѣкоторое время за фланги. Готовилась рѣшительная атака.

Ожидая эту атаку, ряды Л.-Гв. Финляндскаго полка стояли въ полномъ, спокойствіи. Люди 1-го баталіона, занимавшаго редуты, оканчивали послѣднія работы: входы въ редуты заваливались турами и фашинами и наглухо задѣлывались. 2-й баталіонъ стоялъ въ каре, грозно ощетинясь штыками. До приказанія стрѣлять все безмолствовало.

Между тѣмъ, послѣ незначительной остановки турки вдругъ поднялись и съ дикими криками ринулись впередъ; ихъ кавалерія, гарцуя передъ пѣхотными частями, приблизи-

Переходъ Русской арміи черезъ Балканы, въ 1828 году

(Съ нѣмецкой иллюстраціи того времени).

лась настолько, что изъ редутовъ можно было отличить цвѣтъ одежды каждаго всадника [85]. Еще нѣсколько минутъ и турки были бы у самыхъ редутовъ. Въ этотъ моментъ Генералъ Бистромъ скомандовалъ: „начинай, ребята, молодцы“! и со стороны русскихъ загрохотали и пушки и ружья.

Этотъ сильнѣйшій огонь остановилъ турокъ; ихъ кавалерія, частями выѣхавшая впередъ, смѣшалась, стала волноваться и поворачивать назадъ. Оправившись, она, однако, повторяла нападенія, но каждый разъ неудачно, теряя все болѣе людей отъ огня изъ редутовъ.

„Зорко слѣдившій за атакою кавалеріи, — говоритъ Полковникъ Ф. Ростковскій [85] въ составленной имъ Исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка, со словъ участника похода, — Генералъ Бистромъ, взглянувъ въ сторону 2-го баталіона Л.-Гв. Финляндскаго полка, ахнулъ и началъ что-то во весь голосъ командовать: ему показалось, что 2-й баталіонъ, не выдержавъ атакъ турецкой конницы, смѣшался и представлялъ изъ себя толпу. Это показавшееся Генералу Бистрому разстройство сильно встревожило храбраго и всѣми любимаго Карла Ивановича, и вотъ онъ, въ порывѣ энтузіазма, посылалъ громкимъ голосомъ слова ободренія нашему 2-му баталіону, не щадя и крѣпкаго русскаго слова, звучавшаго въ этотъ моментъ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ другую пору. Но чтожъ было такое въ дѣйствительности во 2-мъ баталіонѣ? Выдержавъ двѣ-три ужасныя атаки, баталіонъ, стоявшій въ каре, ожидая новой атаки, и желая нанести возможный вредъ противнику, моментально, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, вдругъ перестроился въ два полубаталіонныя каре на нѣкоторомъ разстояніи одно отъ другого и замеръ какъ вкопанный для встрѣчи новой атаки турецкой кавалеріи. Она также была отбита, какъ и всѣ предыдущія—вотъ это-то перестроеніе, результатъ прекраснаго обученія и дружнаго состава, и показалось Генералу Бистрому разстройствомъ. Въ сущности же оно доказало насколько всѣ чины знали свое дѣло и каковъ въ полку былъ порядокъ въ то время. Перестроиться подъ постоянными атаками такой настойчивой и неустрашимой кавалеріи, какъ турецкая, изъ одного въ два каре—дѣло не легкое" [86].

Дальнѣйшія дѣйствія 2-го баталіона были также доблестны. Когда турки предприняли обходъ нашего праваго фланга, то 2-й баталіонъ, подъ командой Полковника Офросимова спустился въ ровъ, идя по которому, противникъ хотѣлъ зайти въ тылъ нашего расположенія, и, вытѣснивъ оттуда непріятеля, закрылъ своимъ движеніемъ тылъ позиціи [87]. Участникъ этого сраженія, офицеръ Л.-Гв. Егерскаго полка, пишетъ въ своихъ запискахъ [88]: „второй Финляндскій баталіонъ, стоявшій на самомъ правомъ флангѣ, губительной пальбой отбилъ у турокъ охоту къ новымъ нападеніямъ".

Изъ офицеровъ 2-го баталіона былъ раненъ въ грудь на вылетъ Штабсъ-капитанъ Зейфортъ [89]; особенно отличились: Капитанъ Бѣлевцовъ, который, какъ сказано въ представленіи о немъ Генерала Бистрома, „отличною храбростію и неустрашимостію, содѣйствовалъ пораженію непріятеля, командуя 2-мъ полубаталіономъ 2-го баталіона" [90]; Поручикъ Насакенъ 2-й; этотъ офицеръ, какъ видно изъ того же представленія, „находясь со взводомъ во рвѣ редута № 1, при сильной атакѣ непріятеля, съ неустрашимостью бросился на него въ штыки и опрокинулъ". Золотая шпага была наградой его доблести [91].

Изъ нижнихъ чиновъ 2-го баталіона особенно отличился рядовой 6-й егерской роты Аѳанасій Чепыженко. „Непріятельская пуля попала (ему) въ грудь... и, пробивъ амуничные ремни и шинель, остановилась въ груди. Рядовой Чепыженко, перемогая боль и не теряя присутствія духа, вытащилъ окровавленную пулю изъ раны, пустилъ ее въ дуло своего ружья, и съ словами: „лети туда, откуда прилетѣла, выстрѣлилъ по непріятелю. Вслѣдъ затѣмъ, самъ наскоро перевязавъ рану, рядовой Чепыженко не оставлялъ своего мѣста до окончанія дѣла" [92].

Дѣйствія 1-го баталіона Л.-Гв. Финляндскаго полка носили въ общемъ оборонительный

характеръ: онъ во все время сраженія стоялъ въ редутахъ и стойко отражалъ атаки турокъ.

Въ то время какъ одна часть корпуса Омеръ-Вріоне напрягала всѣ усилія охватить нашу позицію съ фланга и тыла и терпѣла каждый разъ неудачу, встрѣчая штыки и огонь 2-го баталіона Л.-Гв. Финляндскаго полка, массы непріятельской пѣхоты, засѣвшія въ кустахъ противъ редутовъ № 1 и № 2, постепенно усиливались, подавались все ближе къ редутамъ, обстрѣливая ихъ защитниковъ безпрерывнымъ огнемъ. Чтобы отогнать возможно дальше отъ редутовъ скрывавшихся въ кустахъ турокъ, Генералъ Бистромъ вызвалъ охотниковъ отъ Л.-Гв. Финляндскаго и Егерскаго полковъ; охотники нѣсколько разъ штыками опрокидывали турокъ, но послѣдніе, получая новыя подкрѣпленія, тотчасъ занимали прежнія мѣста свои.

„Наконецъ турки, — говоритъ изслѣдователь войны 1828 года, Капитанъ Лукьяновичъ, [93] — въ намѣреніи кончить дѣло рѣшительнымъ ударомъ, всѣми своими силами, съ ужаснымъ крикомъ, ринулись на нашу позицію, въ одно и то же время какъ въ оврагѣ, такъ и передъ редутами. Отважнѣйшіе изъ нихъ со знаменами въ рукахъ, презирая опасность, какой подвергали ихъ дѣйствія нашей артиллеріи и сильный огонь пѣхоты, устремились въ средину нашихъ рядовъ и сдѣлались жертвою своей отважности. Причиною такой отчаянной храбрости нѣкоторыхъ турокъ было то, что они надѣялись схватить здѣсь Генерала Бистрома, за голову котораго паша Омеръ-Вріоне назначилъ важную награду. Но сія смѣлость непріятеля только удвоила твердость, мужество и храбрость нашихъ малочисленныхъ войскъ. Поощрямыя личнымъ примѣромъ неустрашимости своихъ офицеровъ и подкрѣпляемые отличнымъ дѣйствіемъ артиллеріи, которая по мѣрѣ опасности усиливала свой огонь и на пули отвѣчала картечью, они не замѣчали и не страшились превосходныхъ силъ непріятеля. Въ эту рѣшительную минуту Генералъ Бистромъ, вызвавъ отважнѣйшихъ изъ редута № 2 и подавъ условленный къ тому сигналъ редуту № 1 и баталіонамъ, находившимся въ оврагѣ, лично принялъ надъ ними начальство и ударилъ въ штыки на турокъ, чѣмъ остановилъ ихъ стремленіе, сломилъ и заставилъ искать спасенія въ бѣгствѣ; при чемъ Штабсъ-капитаномъ Л.-Гв. Егерскаго полка Крузе, находившимся съ ротою въ оврагѣ, отбито одно зеленое знамя“

Отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ штыки ходили команды Подпоручика князя Оболенскаго и Прапорщика Максимова. Въ одно мгновеніе вскочили они на брустверъ, спустились въ ровъ, поднялись изъ него и подъ сильнѣйшимъ огнемъ „съ быстротою и неустрашимостью“ [96] бросились на турокъ и штыками обратили ихъ въ бѣгство. Здѣсь былъ раненъ въ ногу Подпоручикъ кн. Оболенскій, награжденный за свою храбрость золотымъ оружіемъ. Прапорщика Максимова тотчасъ послѣ дѣла Генералъ Бистромъ поздравилъ орденомъ св. Анны 4 ст.; Портупей-юнкеръ князь Орбеліани, фельдфебеля 4-й и 5-й егерскихъ ротъ Федоръ Волковъ и Никонъ Пономаревъ и унтеръ-офицеръ 1-й егерской роты Семенъ Грековъ, ходившіе охотниками во время штыковыхъ атакъ, получили Георгіевскіе кресты по личному назначенію начальника отряда [94].

„Опасаясь, чтобы увлекшаяся горсть охотниковъ не наскочила на превосходнаго непріятеля, Генералъ Бистромъ выслалъ въ помощь имъ роту Капитана Румянцева. Вскорѣ турки, сидѣвшіе вразсыпную, подобравъ лѣвою рукою свои широкія шаровары и держа

ружье въ правой, бросились скакать черезъ кустики и удирать отъ небольшого числа русскихъ солдатъ. Капитанъ Румянцевъ обратилъ окончательно непріятеля въ бѣгство и гналъ ихъ далеко. Получивъ затѣмъ приказаніе вернуться, Капитанъ Румянцевъ и Прапорщикъ Максимовъ, собравъ сколько возможно было взять съ собою значковъ, ружей, пистолетовъ и другихъ трофеевъ, сложили ихъ передъ Генераломъ Бистромомъ" [95]. За свои славныя дѣйствія Капитанъ Румянцевъ былъ награжденъ золотой шпагой съ надписью за храбрость.

„Убѣгая отъ позиціи нашей въ совершенномъ безпорядкѣ, говоритъ Капитанъ Лукьяновичъ, — и столь же скоро, сколь быстро атаковали оную, подъ сильнымъ преслѣдованіемъ пѣхоты и частію кавалеріи, турки оставили за собою слѣдъ, усѣянный ихъ трупами. Гг. штабъ и оберъ-офицеры Л.-Гв. полковъ Егерскаго и Финляндскаго и артиллеріи покрыли себя при этомъ случаѣ вѣчною славою. Вселяя въ нижнихъ чиновъ, презрѣніемъ опасностей и личною неустрашимостію, духъ смѣлости и мужества, они внушили войскамъ ту непреодолимую твердость, которой всегда сопутствуетъ вѣрная побѣда" [96].

Генералъ Бистромъ въ своемъ представленіи къ наградамъ [97] выразился объ офицерахъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, самымъ лестнымъ образомъ: „вообще всѣ гг. офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка, бывшіе въ дѣйствіи,—говоритъ онъ,—съ отличнымъ мужествомъ и неустрашимостью другъ передъ другомъ соревновали къ исполненію своихъ обязанностей, стремясь отражать многочисленнаго противника".

Участникъ этого сраженія въ рядахъ полка, впослѣдствіи Генералъ-лейтенантъ Киновичъ, говоритъ о финляндскихъ офицерахъ: „молодые офицеры научились, по примѣру старшихъ своихъ товарищей и храбрыхъ, хладнокровныхъ и стойкихъ старыхъ нашихъ солдатъ, смѣло смотрѣть въ глаза смерти" [98].

Отличился изъ молодыхъ офицеровъ Прапорщикъ Заливкинъ, который, находясь при Генералѣ Бистромѣ въ должности адъютанта, „подъ жестокимъ огнемъ, между толпами непріятельскими, передавалъ отдаваемыя приказанія съ неустрашимостью" [99].

Нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго полка не отставали въ доблестяхъ отъ своихъ начальниковъ. Кромѣ рядового Чепыженки, отличился еще рядовой Загородный, который при атакѣ турками редута, занятаго Финляндцами, бросился изъ редута черезъ брустверъ и ровъ и закололъ многихъ турокъ на глазахъ стрѣлковъ Л.-Гв. Егерскаго полка [100].

Сраженіе 16-го сентября закончилось блестящимъ успѣхомъ русскаго оружія: значительно превосходныя числомъ полчища Омеръ-Вріоне были отбиты, не взирая на самыя отчаянныя усилія. Этотъ успѣхъ достигнутъ былъ самоотверженной стойкостью отряда Генерала Бистрома; не допустивъ Омеръ-Вріоне прорваться въ крѣпость, войска Генерала Бистрома существенно содѣйствовали окончательному успѣху осады Варны и слѣдовательно скорѣйшему побѣдному исходу всей кампаніи 1828 года. „Сія побѣда впослѣдствіи покорила намъ крѣпость, не знавшую до того побѣдителя" — говоритъ надпись на иконѣ, бывшей у Генерала Бистрома въ этомъ сраженіи [101] — „и послужила къ успѣху благополучнаго окончанія войны".

Такихъ блестящихъ результатовъ отрядъ Генерала Бистрома достигъ при сравнительно очень малыхъ потеряхъ.

Убыль Л.-Гв. Финляндскаго полка была тоже незначительна.

Изъ офицеровъ [103] ранено 2: Штабсъ-капитанъ Зейфортъ—въ грудь и Подпоручикъ князь Оболенскій * — въ ногу **.

Потери полка нижними чинами были: убитыми—9 рядовыхъ; ранеными — 2 унтеръ-офицера, 1 музыкантъ, 48 рядовыхъ, а всего ранеными—51; контуженными—11 рядовыхъ; всего же выбыло изъ строя: 2 офицера и 71 нижній чинъ [103].

По сравненію съ наличнымъ составомъ полка потери составляли:

	Убитыми.	Ранеными.
офицеровъ	—	16,66 *
нижнихъ чиновъ	0,44	3,06.

18-го сентября произошло новое столкновеніе южнаго отряда съ корпусомъ Омеръ-Вріоне.

Вслѣдствіе ошибочныхъ донесеній Генерала Сухозанета о слабости корпуса Омеръ-Вріоне, Генералу Бистрому было приказано для поддержки отряда Принца Евгенія Виртембергскаго атаковать Омеръ-Вріоне.

„Тщетно Генералъ Бистромъ, близко видѣвшій непріятеля,—пишетъ одинъ изъ офицеровъ штаба, на глазахъ котораго все это происходило, [104] — представлялъ свои соображенія о невѣрности свѣдѣній; тщетно также принцъ Виртембергскій, чрезъ нарочно посланнаго адъютанта своего, Полковника Молоствова, сообщалъ Дибичу, что, по точнымъ извѣстіямъ отъ перебѣжавшихъ изъ турецкаго лагеря болгаръ, корпусъ паши Омеръ-Вріоне, усиленный войсками, пришедшими изъ-за Балканъ, превышаетъ даже 40,000 человѣкъ, — но отмѣны не послѣдовало".

Справедливость представленій Принца Виртембергскаго и Генерала Бистрома вполнѣ оправдалась: атака, предпринятая одновременно отрядами этихъ Генераловъ, была отбита вслѣдствіе малочисленности атакующихъ, сильныхъ оборонительныхъ свойствъ турецкаго лагеря и трудно доступной мѣстности.

Самое сраженіе 18-го сентября происходило такъ.

Генералъ Бистромъ, не ослабляя обороны своихъ позицій, могъ выдѣлить не болѣе 4-хъ баталіоновъ, около 2-хъ тыс. чел. Отрядъ принца Виртембергскаго считалъ въ своихъ рядахъ до 8½ тысячъ человѣкъ, при этомъ около ¼ этого числа составляла кавалерія. Всего же для атаки 25-тысячнаго слишкомъ корпуса Омеръ-Вріоне, занимавшаго сильную и кромѣ того укрѣпленную позицію, было назначено не болѣе 10½ тысячъ русскихъ, притомъ раздѣленныхъ на два отряда, удаленныхъ другъ отъ друга на 15 верстъ.

Тѣмъ не менѣе, войска отряда принца Виртембергскаго, поддержанные баталіонами Генерала Бистрома храбро начали наступленіе. И тутъ и тамъ русскіе дѣйствовали главнымъ образомъ штыками. Изъ отряда принца Виртембергскаго особенно отличился Азов-

---

*) Извѣстный потомъ своими учено-архивными трудами директоръ Моск. Архива Минист. Иностр. Дѣлъ и издатель многихъ историческихъ сборниковъ.

**) Кн. Оболенскій былъ раненъ въ ногу, какъ о томъ свидѣтельствуетъ его формулярный списокъ и представленіе Ген. Бистрома, но въ одномъ изъ мѣс. рап. полка ошибочно показанъ контуженнымъ.

*) Число офицеровъ полка, принимавшихъ участіе въ сраженіи 16-го сентября, было, какъ показываютъ форм. списки,—33.

скій полкъ. Турецкія укрѣпленія уже частью были въ нашихъ рукахъ, но малочисленная пѣхота русская буквально тонула въ огромныхъ массахъ турокъ. Баталіоны Генерала Бистрома три раза ходили въ атаку на турецкія укрѣпленія, доходили до рва ихъ, но не могли сломить упорство гораздо сильнѣйшаго противника.

Участникъ этого сраженія, Лейбъ-Егерь [105], пишетъ въ своихъ запискахъ: „18-го (сентября) должна была совершиться атака на турокъ принцемъ Евгеніемъ — въ лѣвый флангъ, а нами — во фронтъ. 1-му баталіону Л.-Гв. Гренадерскаго полка и нашему назначено было идти на редутъ, возведенный турками на ихъ лѣвомъ флангѣ; Финляндскій баталіонъ долженъ былъ идти прямо и обезпечивать нашу атаку. Остальные баталіоны: Павловскіе, Гренадерскій и Финляндскій—въ резервѣ.

„Въ два часа наша артиллерія открыла огонь по турецкой позиціи. Мы, выстроенные въ колоннахъ, стояли на мѣстахъ въ готовѣ. А когда послышались выстрѣлы за Куртепе, и густой дымъ охватилъ тыльную оконечность лѣваго турецкаго фланга, намъ велѣно было идти впередъ. Въ турецкомъ лагерѣ замѣчалось сильное движеніе. Спустясь въ лощину, подали лѣвыя плечи впередъ, и шли на одной линіи съ Лейбъ-Гренадерами, параллельно турецкой позиціи. Финляндскій баталіонъ остановился, немного ниже высоты редута, на который мы шли".

Дѣйствія 2-го баталіона Л.-Гв. Финляндскаго полка противъ турецкой конницы, пытавшейся охватить лѣвый флагъ отряда Генерала Бистрома, описаны въ біографіи этого Генерала такъ [106]: „2-й баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, во время второй атаки нашей, когда значительная масса непріятельской кавалеріи показалась съ праваго фланга своего лагеря и взяла направленіе, чтобы ударить на атакующія войска наши во флангъ и частію съ тыла, былъ выдвинутъ съ позиціи и, при содѣйствіи артиллеріи, тотчасъ заставилъ непріятеля возвратиться въ лагерь. Турки нѣсколько разъ покушались совершить свое намѣреніе, но всегда дѣйствіемъ артиллеріи и готовностію 2-го баталіона Л.-Гв. Финляндскаго полка принять ихъ на самомъ маршѣ, были отражаемы" *.

Изъ 15 участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ офицеровъ раненъ 1—а именно, отличившійся 16-го сентября Прапорщикъ Заливкинъ—въ правое предплечіе пулею на вылетъ. По сравненіи съ наличнымъ составомъ полка эта потеря составляла 3.3%. Свѣдѣній о потерѣ нижнихъ чиновъ полка за этотъ день не имѣется; мѣсячный рапортъ полка за сентябрь 1828 года показываетъ, что 18-го числа умерло отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи съ турками, три человѣка рядовыхъ, но когда именно они были ранены неизвѣстно [107].

Несмотря на неудачу атаки отрядовъ принца Виртембергскаго и Генерала Бистрома, дѣло 18-го сентября, въ связи съ сраженіемъ 16-го числа, имѣло значительное вліяніе на дѣйствія Омеръ-Вріоне: вновь пробиваться къ Варнѣ онъ уже не рѣшался. Тѣмъ не менѣе положеніе южнаго отряда было попрежнему весьма труднымъ.

Вылазки изъ крѣпости съ одной стороны и численное превосходство силъ Омеръ-

---

*) Книга формулярныхъ списковъ Л.-Гв. Финляндскаго полка показываетъ, что въ дѣлѣ 18 сентября участвовала только половина состоявшихъ тогда налицо офицеровъ полка; это служитъ достаточнымъ подтвержденіемъ, что въ дѣлѣ 18 сентября принималъ участіе только одинъ батальонъ полка.

Вріоне съ другой заставляли нашихъ быть каждую минуту на сторожѣ. Тревожностью этого времени только и можно объяснить постоянныя движенія частей отряда въ разныя стороны. Численность людей была такъ мала, что въ ложементахъ употреблялись даже хитрости; чтобы увеличить видимое число войскъ люди ставили свои кивера на гребень бруствера, а сами одѣвали фуражки—тогда и это имѣло свое значеніе [108].

Офицеровъ въ полку было тоже недостаточно: нѣкоторые были въ командировкахъ по разнымъ случаямъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ тыловыхъ учрежденіяхъ и другихъ полкахъ; такъ, послѣ дѣла 18-го сентября четверо офицеровъ полка—Прапорщики Майновъ, Заварицкій, Фацарди и фонъ-деръ-Флитъ были откомандированы въ Л.-Гв. Егерскій полкъ [109].

Насколько тяжело было тогда положеніе южнаго отряда, видно изъ разсказа очевидца, князя Суворова.

Сценка изъ пребыванія гвардіи въ Малороссіи въ 1829 году.

28-го сентября Генералъ Бистромъ получилъ черезъ Флигель-адъютанта, князя Суворова Высочайшее повелѣніе держаться во что бы то ни стало; князю Суворову было повелѣно объявить при этомъ начальнику южнаго отряда, что „онъ головою отвѣчаетъ за удержаніе своей позиціи до слѣдующаго дня“ [110]. На слѣдующій день ожидалась сдача Варны, возможная лишь при отсутствіи поддержки ея гарнизона корпусомъ Омеръ-Вріоне. Но ночь, проведенная въ томительно тревожномъ состояніи всѣми частями отряда Генерала Бистрома, прошла благополучно. Л.-Гв. Финляндскій полкъ провелъ ее стоя въ баталіонныхъ каре, во 2-й линіи, куда онъ былъ переведенъ изъ ложементовъ еще наканунѣ, смѣненный вновь прибывшими 37 и 38 Егерскими полками [111].

29-го сентября послѣдовала сдача крѣпости Варны; съ паденіемъ ея измѣнился весь ходъ кампаніи 1828 года: перевѣсъ явно склонился на нашу сторону. Паденіе этой крѣпости, связанной со славнымъ для турокъ воспоминаніемъ объ историческомъ пораженіи подъ ея стѣнами Польскаго короля Станислава, оказало сразу угнетающее вліяніе на духъ турецкихъ войскъ.

Такое же вліяніе произвело оно и на корпусъ Омеръ-Врїоне и онъ немедленно отступилъ за р. Камчикъ.

Одержанный русскими успѣхъ зависѣлъ въ значительной степени отъ доблестныхъ дѣйствій отряда Генерала Бистрома. Л.-Гв. Финляндскій полкъ по справедливости можетъ раздѣлить блестящую славу, заслуженную этимъ отрядомъ.

2-го октября Л.-Гв. Финляндскій полкъ предсталъ на Высочайшій смотръ, построившись съ утра у тѣхъ же редутовъ, гдѣ за нѣсколько дней до этого онъ такъ славно сражался.

Въ 7 часовъ утра прибылъ Государь; поздоровавшись съ полкомъ, Его Величество осчастливилъ полкъ слѣдующими словами: „Благодарю за службу, вы мнѣ отстояли Варну и Я самъ васъ туда введу".

Затѣмъ, объѣхавъ войска и обнявъ Генерала Бистрома, Государь повелъ ихъ съ распущенными знаменами черезъ крѣпость на сѣверную ея сторону, гдѣ Л.-Гв. Финляндскій полкъ и присоединился къ прочимъ войскамъ гвардейскаго корпуса [112].

Черезъ нѣкоторое время принято было рѣшеніе двинуть войска гвардейскаго корпуса обратно въ Россію. Такимъ образомъ участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ турецкой кампаніи 1828 года оканчивалось.

За участіе въ этой кампаніи полкъ былъ щедро награжденъ [113]: командиръ полка, Генералъ-адъютантъ Воропановъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени съ алмазами; ордена св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ были удостоены: Флигель-адъютантъ Полковникъ Моллеръ, Капитанъ Румянцевъ, Штабсъ-капитаны Зейфертъ, Грибовскій и Симборскій и Подпоручикъ кн. Оболенскій; Капитаны Тулубьевъ и Бѣлевцовъ получили банты къ тому же ордену. Капитанъ Румянцевъ, Поручикъ Насакинъ 2-й и Подпоручикъ князь Оболенскій кромѣ того награждены были золотыми шпагами съ надписью „за храбрость". Затѣмъ офицеры полка удостоились еще 25 различныхъ награжденій, а всѣ офицеры получили не въ зачетъ годовой окладъ жалованья.

Награды нижнимъ чинамъ были тоже щедры: они получили по 13 георгіевскихъ крестовъ на роту, всего на полкъ 104 знака [114], кромѣ того имъ пожаловано за всю кампанію по 5 рублей, а за пребываніе въ южномъ отрядѣ сверхъ того по 2 рубля [115] на каждаго человѣка.

Мужество русскаго гвардейскаго солдата, проявленное имъ въ войну 1828 года, нашло себѣ достойное награжденіе: по приказанію Государя Императора Николая I, бывшій въ С.-Петербургѣ Преображенскій всей гвардіи соборъ сталъ какъ бы памятникомъ войны 1828 года. На главныхъ воротахъ его ограды воспроизведены были въ увеличенномъ видѣ бронзовыя медали, выбитыя въ честь этой войны, съ надписью: „за турецкую войну 1828 и 1829 годовъ" *. Тамъ же помѣщены и орудія, отбитыя у турокъ. Кромѣ того всѣмъ участникамъ войны были выданы медали.

---

*) Въ этомъ соборѣ хранится икона Св. Николая Чудотворца, принадлежавшая Генералу Бистрому и сопутствовавшая ему во всѣхъ многочисленныхъ его походахъ; въ сраженіи 16-го сент. подъ Варной икона эта была на барбетѣ редута № 2, который такъ храбро защищался Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ; впослѣдствіи икона эта чудеснымъ образомъ перешла въ походѣ 1831 г. изъ рукъ поляковъ русскимъ [116].

10-го октября Л.-Гв. Финляндскій полкъ двинулся съ сѣверной стороны Варны въ обратный походъ въ Россію [117]. Полкъ шелъ вмѣстѣ съ Лейбъ-Егерями, своими товарищами по бригадѣ. Прочіе гвардейскіе полки шли тоже по-бригадно.

Первый ночлегъ 3-й бригады Финляндцевъ и Лейбъ-Егерей былъ въ Тетскіой. На маршѣ къ этому пункту бригада была осмотрѣна командующимъ всей пѣхотой гвардейскаго корпуса, Генералъ-адъютантомъ Бистромомъ и найдена имъ „въ совершенномъ порядкѣ“ [118].

11-го октября вечеромъ полкъ прибылъ въ Коварну. На этомъ второмъ переходѣ „встрѣтилось довольно трудностей“ при подъемѣ на гору по Тетскіойскому дефиле: здѣсь орудія и обозы приходилось поднимать на лямкахъ и на рукахъ.

12-го октября, послѣ дневки въ Коварнѣ, 3-я гвардейская бригада, направилась къ Дунаю, вдоль берега Чернаго моря.

Поздняя осень давала себя чувствовать и въ горахъ было холодно, грязь была страшная, особенно отъ Бабадага до Исакчи. „Артиллерія, слѣдовавшая при каждой изъ бригадъ пѣхоты, вязла и на подъемахъ солдаты вытаскивали ее на себѣ,—пишетъ въ своихъ запискахъ участникъ похода;—съ обозомъ также было много хлопотъ и въ помощь ему приходилось наряжать особыя роты“ [119].

Желая избѣгнуть самаго разгара ненастья, Генералъ Бистромъ просилъ Великаго Князя Михаила Павловича разрѣшить двигать гвардейскую пѣхоту по горамъ безъ дневокъ; однако, въ виду утомительности марша по гористымъ дорогамъ, уже покрытымъ грязью, форсировать движеніе не было разрѣшено.

Для офицеровъ походъ черезъ Балканы прошелъ весело и оживленно; общество офицеровъ всей бригады проводило время вмѣстѣ; по вечерамъ процвѣтала карточная игра; „сначала играли въ бостонъ, а потомъ непремѣнно въ банкъ или штоссъ; метали и понтировали до утра, а чуть свѣтъ и въ походъ“ [120].

Условія похода, за исключеніемъ состоянія дорогъ, были хороши: на всѣхъ дневкахъ и ночлегахъ войска находили заранѣе заготовленные для гвардіи припасы въ изобиліи. Нижніе чины были снабжены надлежащей одеждой своевременно; такъ, напр., зимнія шаровары были даны солдатамъ еще въ Бабадагѣ. Полки имѣли хорошія палатки, зачастую двойныя и согрѣваемыя на ночь горящимъ спиртомъ. Для облегченія людей, начальство ходатайствовало сдать боевые патроны передъ выступленіемъ изъ Варны остававшимся тамъ войскамъ съ цѣлью освободившіяся патронныя двуколки назначить для перевозки раненыхъ и слабыхъ нижнихъ чиновъ и тяжестей. По всей вѣроятности означенное ходатайство было разрѣшено для пѣхоты гвардейскаго корпуса Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ [121].

При эшелонѣ 3-й гвардейской бригады шло около шести тысячъ плѣнныхъ турокъ, конвоируемыхъ Л.-Гв. Казачьимъ полкомъ. Положеніе турокъ было очень тяжело: „у нихъ,—пишетъ участникъ похода,—палатокъ не было и они коченѣли подъ дождемъ. Предъ выступленіемъ въ походъ, по утрамъ, многихъ находили умершими. Наша солдатская пища была туркамъ не въ привычку; пока былъ кофе, они имъ довольствовались; но вообще имъ было очень плохо, и говорятъ, что едва ли половина изъ нихъ дошла до Россіи“.

23-го октября, въ м. Сатуновѣ, на Дунаѣ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ „перешелъ черезъ

границу въ предѣлы Россіи". По этому поводу былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, въ присутствіи Августѣйшаго командира корпуса. Вступленіе въ родные края вызвало общую радость.

Участникъ похода, Капитанъ Румянцевъ говоритъ въ письмѣ отъ 23 октября: „Сегодня по полуночи въ 8-мъ часу вторично.... перешли широкій Дунай, опять въ Россіи, счастливы потому-что уже не въ Турціи! О! Турція изъ насъ никто и никогда ее не забудетъ! въ подлунной, мнѣ кажется, нѣтъ земли сквернѣе, климата вреднѣе и жизни скучнѣе.... Если бы ты испыталъ, что перенесли мы.... Не только роты, гвардейскаго корпуса не хотѣлъ бы въ другой разъ въ нее вести".

„Наконецъ перешли мы Дунай,—пишетъ другой участникъ похода [122],—и какъ обрадовались, увидя на другой сторонѣ выстроенные въ камышахъ бараки, въ которыхъ наши бородачи продавали икру, балыки и прочія хорошія вещи. Первый ночлегъ былъ въ

Медаль за Турецкую войну 1828—29 гг.

Карагачѣ. Ничто не можетъ сравниться съ наслажденіемъ отдыха въ теплой избѣ, послѣ трехмѣсячныхъ ночей на воздухѣ, въ послѣднее время сыромъ и холодномъ".

При переходѣ черезъ границу войска подверглись „необходимѣйшей окуркѣ" [123]. Дѣлалось это во избѣжаніе заноса въ русскіе предѣлы чумы, начавшей тогда распространяться подъ Варною и, по счастью, не коснувшейся гвардіи; впрочемъ, полезно ли было это окуриваніе — неизвѣстно. Изъ офицеровъ полка только одному Подпоручику Муравьеву (впослѣдствіи графу Муравьеву-Амурскому), состоявшему при Генералъ-адъютантѣ Головинѣ, пришлось остаться въ Варнѣ въ разгаръ эпидеміи. Одно изъ наградныхъ представленій о Муравьевѣ говоритъ между прочимъ слѣдующее: „во время же свирѣпствовавшей въ Варнѣ заразы при различныхъ порученіяхъ и при посѣщеніи зараженныхъ никогда не останавливался предъ очевидною опасностію сдѣлаться жертвою своего усердія, а тѣмъ самымъ показалъ твердость духа"... Слѣдующій чинъ былъ наградой доблестному офицеру [124].

Около трехъ мѣсяцевъ пробылъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ Турціи и за это время понесъ слѣдующую убыль: 214 рядовыхъ было отправлено въ госпитали за ранами и болѣзнями; 57 умерло отъ ранъ и болѣзней и 10 убито въ сраженіяхъ. Общая же убыль и прибыль чиновъ полка въ кампаніи 1828 года съ 27-го іюля по 23-е октября видна изъ слѣдующей вѣдомости [125]:

	Вступило въ Турцію.	Вернулось въ Россію	Прибыло въ Турціи.	УБЫЛО ВЪ ТУРЦІИ.					
				Въ командировки (продолжительныя).	Въ госпитали ранеными и больными.	Умершими отъ ранъ и болѣзней.	Убитыми.	Бѣжавшими.	Всего убыло.
Генераловъ	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Штабъ-офицеровъ . . .	4	2	1 произвед. изъ л.-гв. Изм. полка	1	1	1	—	—	3
Оберъ-офицеровъ . . .	35	27	—	2	6	—	—	—	8
Унтеръ-офицеровъ. . .	158	136	1 изъ командировки	2	19	2	—	—	23
Музыкантовъ	88	78	—	—	7	3	—	—	10
Рядовыхъ	1,866	1,563	3 выздоровѣвшихъ изъ госпиталей	15	214	57	10	4	300
Нестроевыхъ	80	70	—	—	4	4	—	—	8
Казенныхъ денщиковъ	49	40	—	—	6	3	—	—	9
Фурштатовъ	16	13	—	—	1	2	—	—	3

Переименовано: изъ рядовыхъ въ фурштаты — 6, изъ казенныхъ денщиковъ въ фурштаты — 1, изъ фурлейтовъ въ казенные деньщики — 6.

Больные и раненые, общее число которыхъ составляло болѣе одной девятой части всего числа чиновъ перешедшихъ за границу, были постепенно эвакуированы въ разные госпиталя, главнымъ образомъ въ Одессу, куда они отправлялись на особо зафрахтованныхъ по этому случаю судахъ. Для нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса былъ назначенъ корабль „Скорый", вмѣстимостью единовременно на 500 больныхъ. Съ 3-го октября онъ началъ свои рейсы въ Одессу [126].

Большинство больныхъ были жертвой перемежающейся лихорадки и кроваваго поноса, сильно свирѣпствовавшихъ въ полкахъ южнаго отряда, наиболѣе подвергнувшагося вредному вліянію нездороваго климата западнаго побережья Чернаго моря при особенно тяжелой боевой обстановкѣ [127].

Со второго перехода отъ границы полкъ сталъ двигаться уже по-ротно, совершенно въ условіяхъ мирнаго времени. По маршруту полкъ двигался въ направленіи на Кіевъ. Походъ былъ очень легкій; стоянки часты и продолжительны, иногда по нѣскольку дней, квартиры были хороши, помѣстительны и даже широки; такъ при расположеніи полка въ окрестностяхъ Болграда, онъ занималъ деревни Манту и Вадалуй-Исака (на р. Прутѣ), имѣвшія въ сложности около 200 дворовъ, которые полностью были отведены полку [128]. На квартирахъ людямъ предоставлялись всѣ удобства; особенно пріятна была первая баня

послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ передовой линіи и на аванпостахъ. „Въ Болградѣ мы отлично вымылись въ банѣ, — пишетъ въ своихъ запискахъ участникъ похода, [129] — что совершенно насъ очистило, пріободрило и освободило отъ кусающихъ непріятностей".

Въ Болградѣ же присоединился къ полку весь его обозъ. Съ прибытіемъ обоза появился даже комфортъ, особенно у офицеровъ: почти всѣ они ѣхали верхами, а частный офицерскій обозъ былъ очень значителенъ. Командиръ полка и штабъ-офицеры ѣхали въ своихъ экипажахъ; на каждыхъ двухъ оберъ-офицеровъ имѣлось по повозкѣ, при которой шло по 3 человѣка прислуги (2 казенныхъ и 1 собственный денщикъ). За полкомъ шелъ маркитантъ съ четырьмя прикащиками и везъ много товара какъ для офицеровъ, такъ и для нижнихъ чиновъ [130].

Походъ полка продолжался полтора мѣсяца, черезъ Кишиневъ и Балту на Голованевскъ. Во время квартированія полка въ Балтѣ произошелъ въ этомъ городѣ сильный пожаръ: вечеромъ 23-го ноября при сильномъ вѣтрѣ загорѣлся мѣстный рынокъ, состоявшій изъ множества еврейскихъ лавокъ, наполненныхъ саломъ, хлопчатою бумагою и другими товарами. „Пожаръ произвелъ бы весьма гибельныя послѣдствія безъ содѣйствія четырехъ ротъ Л.-Гв. Финляндскаго полка,—свидѣтельствовалъ Балтскій полиціймейстеръ,—дѣтельностью и усердіемъ коихъ пламя было въ скорости погашено". Около 600 нижнихъ чиновъ полка работало на пожарѣ, уничтожившемъ 78 еврейскихъ лавокъ [137].

Подойдя къ г. Голованевску, Подольской губерніи, полкъ сталъ тамъ на зимнія квартиры, согласно предварительной дислокаціи, по которой гвардія должна была расположиться на зимовыхъ квартирахъ въ Подольской, Волынской и Кіевской губерніяхъ [131]. Въ Голованевскѣ и лежащемъ недалеко отъ него Бершадѣ полкъ простоялъ зиму и весну, съ 28-го ноября по 23-е мая. Такая продолжительная остановка вызвана была необходимостью имѣть гвардейскій корпусъ, въ видѣ резерва нашей арміи, оставшейся на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Стоянка въ окрестностяхъ Голованевска была очень удобна для полка: люди были хорошо и широко размѣщены по квартирамъ уже приноровленнымъ для войсковыхъ надобностей, такъ какъ гвардейскому корпусу былъ отведенъ прежній раіонъ квартированія 2-й арміи и 3-й гусарской дивизіи, стоявшихъ тамъ довольно продолжительное время [132].

Зима, проведенная полкомъ на югѣ Россіи, была благодатна во всѣхъ отношеніяхъ; провинціальное спокойствіе и тишина накладывали мирную печать на жизнь полка, утомившагося во время пребыванія на южной сторонѣ Варны. Офицеры нѣсколько скучали въ непривычной для нихъ обстановкѣ, хотя иногда устраивались вечеринки у „лучшихъ пановъ" и командиръ полка Генералъ-адъютантъ Воропановъ приглашалъ на общіе роскошные обѣды. Только корпусная квартира, расположенная въ Тульчинѣ, верстахъ въ 60-ти, вносила разнообразіе и оживленіе.

Полки по очереди содержали тамъ караулы, отправляясь туда на мѣсяцъ. Л.-Гв. Финляндскій полкъ пробылъ въ Тульчинѣ для несенія карауловъ весь мартъ мѣсяцъ 1829 года. Тамъ ежедневно производился разводъ съ церемоніей очередной ротѣ, въ присутствіи Великаго Князя Михаила Павловича. При этомъ Его Высочество обыкновенно приказывалъ разсчитать роту на 4 взвода и производилъ четырехвзводное ученье до самыхъ

мелочей [133]. Представленіе баталіоновъ Великому Князю требовало весьма тщательной предварительной подготовки; поэтому, едва снѣгъ сбѣжалъ и земля пообсохла, начались ученія; сначала шереножныя и ротныя, а потомъ, когда роты были сведены на болѣе тѣсныя квартиры, приступили къ ученіямъ по-баталіонно [134]. Такимъ образомъ въ строевомъ отношеніи было много дѣла.

Въ хозяйственномъ отношеніи было не меньше работы: матеріальная часть, особенно обозъ полка, пострадавшій отъ походныхъ движеній по горамъ Балканскаго полуострова, требовали основательнаго исправленія.

24-го мая 1829 года Финляндскій полкъ выступилъ въ лагерь при Тульчинѣ, гдѣ и пробылъ до 2-го августа [135].

Для устройства этого лагеря послано было 8 унтеръ-офицеровъ и 160 рядовыхъ при Прапорщикѣ Киновичѣ. Въ то же время отправленъ былъ туда же Прапорщикъ Максимовъ съ хлѣбопеками. Лагерь этотъ скоро принялъ видъ красносельскаго и мало чѣмъ отъ него отличался, а въ отношеніи служебномъ былъ совершенно тождественъ. Какъ въ Красномъ Селѣ тотчасъ по вступленіи корпусный командиръ дѣлалъ смотръ, а вскорѣ за тѣмъ 19-го іюня произведенъ былъ Высочайшій смотръ, и на слѣдующій день ученье въ присутствіи Его Величества. Затѣмъ слѣдовали маневры и въ промежутки различныя многократныя репетиціи парадовъ и смотровъ. Ни малѣйшихъ пунктиковъ не было забыто—все пройдено, все повторено. Одна только стрѣльба еще не пріобрѣла правъ гражданства, хотя на эту отрасль обученія, какъ кажется, въ лагерѣ подъ Тульчинымъ обращали нѣсколько больше вниманія, чѣмъ это было до того времени; опытъ кампаніи 1828 года вѣроятно началъ колебать сильно и глубоко вскоренившееся убѣжденіе о пулѣ-дурѣ. Для обученія въ стрѣльбѣ составлена была особая команда. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ присланы были и розданы въ роты правила стрѣльбы въ цѣль, составленныя въ дежурствѣ гвардейскаго корпуса. Въ іюлѣ Великій Князь Михаилъ Павловичъ дѣлалъ смотръ стрѣльбы и попавшимъ въ бѣлый кругъ, которыхъ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку нашлось двое, пожаловалъ по 10 руб., а тѣмъ, которыхъ пули легли въ черный кругъ, — по 5 руб.; такихъ молодцовъ оказалось 28.

Во время пребыванія полка въ лагерѣ къ нему прибыла изъ Петербурга усиленная рота, въ числѣ 266 человѣкъ, подъ командою Поручика Гизингера, при Прапорщикахъ Ганецкомъ и Шевелевѣ.

Лагерное время этого года, въ гигіеническомъ отношеніи, было для полка неблагопріятно. Съ выступленіемъ съ просторныхъ квартиръ, вблизи Голованевска, сразу увеличилось число заболѣвавшихъ нижнихъ чиновъ, наибольшая цифра которыхъ пришлась на іюль мѣсяцъ. Различныя болѣзни, занесенныя изъ Турціи, жаркое лѣто, къ которому не привыкъ нашъ солдатъ, при усиленныхъ лагерныхъ занятіяхъ, дѣйствовали разрушительно на его здоровье.

Число заболѣвшихъ въ полку помѣсячно было слѣдующее: Въ мартѣ—15, апрѣлѣ—28, маѣ—75, іюнѣ—81, іюлѣ—159, августѣ—31.

Съ окончаніемъ лагернаго времени Л.-Гв. Финляндскому полку пришлось раздѣлить свои роты. Часть ихъ, а именно рота Его Высочества, 1-я и 2-я егерскія, 2-я карабинерная и 5-я егерская содержали караулы въ м. Тульчинѣ, а остальныя три—кор-

донную цѣпь и квартировали: 4-я егерская въ г. Балтѣ, а 3-я и 6-ая въ г. Шошневѣ на Днѣстрѣ.

Въ сентябрѣ Л.-Гв. Финляндскій полкъ выступилъ на новыя квартиры въ м. Смѣло, гдѣ и пробылъ почти весь октябрь. Здѣсь получено было окончательное распоряженіе о возвращеніи въ Петербургъ.

Полковой обозъ отправленъ былъ впередъ въ Кіевъ 11-го, а полкъ выступилъ 24-го октября и двигался на Смоленскъ, Духовщину въ Петербургъ.

Полкъ шелъ все время поротно, собираясь передъ вступленіемъ въ города у заставъ или не въ далекомъ отъ нихъ разстояніи. Это вступленіе исполнялось всегда съ церемоніею и по формѣ, для чего высылался авангардъ и аріергардъ (по одному взводу), наряжались ассистенты къ знаменамъ. Походъ приходилось совершать зимою, а потому, въ видахъ сбереженія здоровья нижнихъ чиновъ, при сильной мятели или во время большихъ морозовъ, разрѣшалось заходить въ ближайшія деревни и останавливаться, хотя бы на цѣлыя сутки, располагаясь на тѣсныя квартиры. Люди имѣли подъ мундирами полушубки. Двигались безъ особой поспѣшности: дневки бывали черезъ два—три перехода. Продовольствіе было хорошее, хлѣбъ давали свѣже-испеченный, почему впереди полка двигались двѣ партіи хлѣбопековъ. Офицеры слѣдовали верхами и отбывали походъ со всѣми удобствами..

Встрѣчъ особенныхъ, тогда не дѣлали—это не было какъ-то принято. Но радушіе и расположеніе обывателей къ возвращавшимся войскамъ высказывались въ то время въ любезностяхъ по отношенію къ офицерамъ и въ чаркѣ вина, фунтѣ мяса и т. п. для каждаго солдата. Кіевъ, Черниговъ, Стародубъ, Смоленскъ и другіе города соперничали въ этомъ отношеніи другъ передъ другомъ. По отзыву участвовавшихъ въ походѣ особенно памятны угощенія: г. Кіева, гдѣ предложены были нижнимъ чинамъ даровыя бани съ мыломъ и пожертвовано по 3 чарки вина и три мясныхъ порціи на человѣка; и богатаго черниговскаго помѣщика, стараго Генерала Екатерининскихъ временъ, Ширяя, который въ Стародубѣ задалъ для офицеровъ, какъ говорится, обѣдъ на славу, а нижнимъ чинамъ выдалъ по 1 фунту мяса и чаркѣ вина. Съ бо̀льшимъ еще удовольствіемъ вспоминалось время, проведенное въ г. Смоленскѣ, гдѣ полкъ остановился вслѣдствіе бывшей сильной мятели. Городское общество, пользуясь этимъ случаемъ, устроило великолѣпный вечеръ съ танцами. На другой день, въ отвѣтъ на любезность жителей Смоленска, полкъ также устроилъ вечеръ и пригласилъ всѣхъ дворянъ; офицеры, какъ хозяева, угощали своихъ гостей, дамъ и дѣвицъ: вина, конфетъ и сластей было въ изобиліи, ужинъ прекрасный; всѣ остались довольны и было очень весело. На третій день помѣщикъ Кернъ и комендантъ города Смоленска, пользуясь, правду сказать разрѣшеніемъ останавливаться только въ случаѣ мятели, произвели самую ужасную мятель на бумагѣ, донеся о мнимой мятели куда слѣдуетъ, и не выпустили полкъ. Дружное смоленское общество хотѣло пробыть съ офицерами Л.-Гв. Финляндскаго полка еще одинъ вечеръ. „Мы провели, — говоритъ Прапорщикъ П. Максимовъ,—три вечера въ Смоленскѣ и до того познакомились и, можно сказать, сдружились, что когда кончился третій вечеръ, то мы прощались какъ съ родными. Пріемъ жителей Смоленска произвелъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе и останется навсегда въ памяти тѣхъ, кто былъ тогда съ нами“.

Другой участникъ этого похода описываетъ пребыванiе въ Смоленскѣ такимъ образомъ [136]. „Въ Смоленскѣ мы вполнѣ отдохнули и тѣлесно, и душевно. Жители этого города приняли насъ отлично: балы, вечера и обѣды смѣнялись безостановочно. Многiе офицеры полковъ нашей колонны, т. е. Финляндцы, Измайловцы, Павловцы, Саперы, Конно-Пiонеры отпросились остаться въ Смоленскѣ. Изъ этой молодежи составился довольно многочисленный наборъ для баловъ, вслѣдствiе чего залы А. С. Храповицкаго, Павла Васильевича Энгельгардта, Шубинскаго, Коменданта Керна и проч. блистали гвардейскими мундирами, красотою и нарядами дамъ, изобилiемъ и роскошью угощенiй и ужиновъ. Такiе балы и въ Петербургѣ были бы не изъ послѣднихъ. Всѣ офицеры повлюблялись, а иные и серьезно. Погулявъ 10 дней въ Смоленскѣ, мы догнали полки на походѣ“.

Отъ Смоленска, откуда полкъ выступилъ 17-го декабря, путь шелъ на Духовщину, Холмъ, Старую Руссу, Новгородъ, Тосну, Царское Село и Петербургъ.

За Духовщиной декабрьскiе морозы стали давать себя чувствовать; снѣга были тоже такъ велики, что роты шли справа рядами. „Холода были сильные,—говорятъ записки участника похода—[137], офицеры шли пѣшкомъ въ шинеляхъ, надѣтыхъ въ рукава, перепоясанныхъ шарфами и сабельными портупеями. На головахъ большiе наушники и кивера въ чехлахъ. Видъ офицеровъ въ этомъ костюмѣ былъ бы ничего, если бы не ранецъ, надѣтый подъ шинелью, черезъ что офицеры были похожи на верблюдовъ. Переходы дѣлали большiе; привалы рѣдко. На квартиры приходили всегда въ сумерки; квартиры были чистыя и просторныя, потому что располагались по богатымъ ямамъ. Столъ накрытъ, горячiй супъ въ кострюлѣ; поѣшь и ляжешь спать до вечера; напьешься чаю и опять спать. Выступали обыкновенно до свѣта“.

Съ прибытiемъ къ Новгороду вышли на большую петербургскую дорогу; здѣсь близость конца похода уже стала ощущаться, а потому всѣ повеселѣли, хотя самый городъ, имѣвшiй тогда совершенно казарменный видъ, мало располагалъ къ веселью.

Съ приближенiемъ къ Петербургу [138] особенно замѣтно было старанiе привести по возможности въ порядокъ все, что, за время похода, поопустилось, на что такъ сказать, смотрѣли сквозь пальцы. Особенно старались достигнуть порядка въ Царскомъ Селѣ, гдѣ назначенъ былъ смотръ Великаго Князя Михаила Павловича. Обозамъ, всѣмъ повозкамъ и всему нестроевому штату приказано было пройти Царское Село ночью, до разсвѣта; офицерамъ—быть въ форменныхъ наушникахъ (это первое требованiе о наушникахъ; до того времени приказывалось имѣть ихъ при себѣ), а людямъ надѣть непремѣнно набрюшники. Полкъ собрался, при вступленiи въ Царское Село, не у заставы, какъ это дѣлалось, во всѣхъ городахъ а за 3 версты до нея, въ дер. Липцы, и уже отсюда, выславъ авангардъ при Прапорщикѣ Максимовѣ и арiергардъ подъ командою Прапорщика Заливкина, двинуся въ полномъ порядкѣ. 27-го января Л.-Гв. Финляндскiй полкъ прибылъ въ Красное и простоялъ тутъ до 6-го февраля.

Здѣсь получено было извѣстiе о смерти Генералъ-адъютанта Воропанова бывшаго въ отпуску и о назначенiи новаго командира, Генералъ-маiора Берникова, командовавшаго передъ тѣмъ 1-ю бригадою 2-й пѣхотной дивизiи.

Изъ Краснаго Л.-Гв. Финляндскiй полкъ не сразу пошелъ въ Петербургъ, а остановился въ Вологодской Ямской.

Въ Петербургъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ вступилъ, вмѣстѣ съ Лейбъ-Егерями, 9-го февраля. Императоръ Николай I. сдѣлалъ смотръ вступившимъ полкамъ, и, оставшись всѣмъ вполнѣ доволенъ, объявилъ Высочайшее благоволеніе всѣмъ офицерамъ, а нижнимъ чинамъ пожаловалъ по 2 руб., по 2 ф. говядины и 2 чарки вина. Слѣдующіе нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ офицерамъ, прибывшимъ изъ похода, приходилось являться по начальству заключили послѣднія служебныя обязанности ихъ по отношенію къ только что минувшему походу въ Турцію. Вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ нижніе чины, прослужившіе безпорочно 20 лѣтъ были уволены въ отставку.

Затѣмъ настала опять обыденная жизнь, опять все стихло, а кампанія 1828 года и славныя дѣйствія Финляндцевъ въ сраженіяхъ ея, стали отходить въ область исторіи, находя въ ней подобающее имъ почетное мѣсто.

Преображенскій всей гвардіи соборъ.

„1-й Егерской ротѣ приказано было (въ сраженіи 5-го мая у Соколова) удерживать непріятеля на мосту.... Ты не можешь вообразить съ какимъ мужествомъ исполнено это порученіе, несмотря на жестокую канонаду.... Всѣ усилія непріятеля овладѣть мостомъ остались безуспѣшными.... Его Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ, находившись лично въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ и бывъ самъ свидѣтелемъ, какъ стояли Финляндцы подъ картечью, изволилъ отзываться: „Ни одинъ не мигнулъ глазомъ. Я буду самъ писать къ Брату“.

(Изъ письма офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка Л. Горемыкина, участника похода 1831 г.).

Глава IV.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Польской войнѣ 1831 года.

Выступленіе въ походъ.—Дѣйствія у Остроленки.—Дѣло у Соколова (Якаца), 5-го мая.—Дѣло у д. Рудки, 8-го мая.

Конецъ 1830 года былъ ознаменованъ въ политической жизни Россіи весьма прискорбнымъ событіемъ—возстаніемъ Польши.

Присоединенная до этого къ Россіи не такъ давно, но успѣвшая за короткое время своего пребыванія подъ скипетромъ Русскаго Монарха вкусить плоды кроткаго и благодѣтельнаго управленія, Польша увлеклась революціонными вѣяніями Западной Европы. Событія іюльской революціи во Франціи и возстаніе Бельгіи оказались примѣрами слишкомъ соблазнительными и Польша прибѣгла къ оружію противъ Россіи, предавъ забвенію всѣ оказанныя ей Русскимъ Монархомъ благодѣянія.

Возстаніе поляковъ началось въ Варшавѣ 17-го ноября 1830 года самымъ предательскимъ образомъ; первою жертвою заговора едва не сдѣлался Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, лишь случайно избѣгнувшій смерти.

Еще съ августа мѣсяца до Петербурга стали доходить слухи о томъ, что въ Варшавѣ неспокойно; но имъ сначала не придавали должнаго значенія. Съ теченіемъ времени слухи эти, все усиливаясь, повели къ принятію, въ началѣ ноября, нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности въ военномъ вѣдомствѣ; такъ, 10-го ноября отставки и отпуска были пріостановлены для офицеровъ.

Наконецъ, 25-го ноября Императоръ Николай Павловичъ былъ впервые извѣщенъ о кровавомъ событіи въ Варшавѣ. На другой день, 26-го числа, Государь, присутствуя по обыкновенію на очередномъ разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ, лично объявилъ гвардейцамъ о мятежѣ *[1]. Выѣхавъ верхомъ по окончаніи развода на середину манежа, Государь подозвалъ всѣхъ присутствовавшихъ офицеровъ и, обратясь къ нимъ, сказалъ: „Господа офицеры ко мнѣ!... ближе!... ближе!...“ и когда Государя совсѣмъ окружили, Онъ продолжалъ: „Вамъ первымъ съ полнымъ довѣріемъ сообщаю полученное изъ Варшавы извѣстіе“ и затѣмъ объявилъ о польскомъ возстаніи [2].—„Я уже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы указанныя мною войска двинулись къ Варшавѣ,—закончилъ Государь,—а если будетъ нужно, то пойдете и вы, Моя гвардія, пойдете наказать измѣнниковъ и возстановить порядокъ и оскорбленную честь Россіи. Знаю, что Я во всѣхъ обстоятельствахъ могу полагаться на васъ“. Единодушный взрывъ негодованія охватилъ мгновенно всѣхъ присутствовавшихъ; раздался восторженный крикъ: „веди насъ противъ мятежниковъ; мы отомстимъ за оскорбленную честь Россіи“. Цѣловали у Государя руки, ноги, одежду, при крикахъ „ура!“ [3]. Подписанное вслѣдъ за этимъ Высочайшее повелѣніе указывало „о немедленномъ приготовленіи отдѣльнаго гвардейскаго корпуса къ выступленію въ походъ“ [4].

Возстаніе Польши застало русскую армію врасплохъ: раскинутая на значительномъ пространствѣ по широкимъ квартирамъ и только что перенесшая сильную эпидемію холеры, она не была въ состояніи немедленно изготовиться къ борьбѣ съ внезапно появившейся 35-ти тысячной польской арміей. Для полной готовности ея нужно было значительное время: мобилизація и сосредоточеніе ближайшихъ корпусовъ къ западной границѣ могли окончиться только въ январѣ 1831 года, гвардейскій же корпусъ могъ прибыть въ Польшу въ полной готовности лишь къ первымъ числамъ марта 1831 года.

Въ частяхъ гвардейскаго корпуса всѣ приготовленія къ походу было приказано „рѣшительно окончить“ къ 25-го декабря, т. е. на мобилизацію гвардіи было дано 24 дня [5].

Отъ полковъ гвардейской пѣхоты назначены были въ дѣйствующую армію 1-е и 3-и баталіоны; 2-е же ихъ баталіоны вошли въ составъ резервной арміи Гр. Толстого [6].

Такъ какъ полки гвардіи содержались тогда въ полномъ составѣ, мобилизація весьма упрощалась, но, несмотря на это, хозяйственной части полковъ предстояли значительныя хлопоты по приведенію всей матеріальной части въ готовность къ походу.

Главное вниманіе въ этомъ отношеніи вызвали обозы; впрочемъ и здѣсь дѣло

---

*) Всенародное объявленіе о возстаніи Польши было произведено позднѣе—Высоч. манифестомъ 12-го декабря 1830 года.

упростилось присоединенiемъ фурштатскихъ баталiоновъ къ полкамъ на такихъ же основанiяхъ, какъ и въ кампанiю 1828 года. Согласно этому, Л.-Гв. Финляндскiй полкъ получилъ изъ гвардейской фурштатской бригады въ дѣйствующiе баталiоны 8 фуръ и 14 подъемныхъ лошадей; при нихъ перешло нижнихъ чиновъ: 1 унтеръ-офицеръ, 16 рядовыхъ-фурштатовъ и 1 нестроевой; въ баталiонъ полка, оставляемый въ Петербургѣ, было передано оттуда же 4 фуры, 5 роспусковъ и 5 саней, при 8 рядовыхъ-фурштатахъ [7].

Вообще распоряженiя по хозяйственной части были такiя же какъ и для похода 1828 года: отпускъ лазаретныхъ вещей, предметовъ обмундированiя и снаряженiя, заготовки и отпуска провiанта и фуража, различные денежные отпуска и прочее совершалось на прежнемъ основанiи [8]. Что касается до подготовки вооруженiя къ походу, то выступавшiе баталiоны получили новыя ружья отъ оставляемыхъ баталiоновъ, сдавъ имъ старыя [9].

Среди приготовленiй къ походу Л.-Гв. Финляндскiй полкъ обычнымъ порядкомъ отпраздновалъ свой полковой праздникъ: 13-го декабря состоялся церковный парадъ въ Высочайшемъ присутствiи, послѣ котораго офицеры были приглашены въ Зимнiй Дворецъ къ завтраку. Здѣсь, въ числѣ приглашенныхъ, находился вновь назначенный главнокомандующимъ гр. Дибичъ-Забалканскiй, намѣревавшiйся на другой день отбыть на театръ военныхъ дѣйствiй. Это послужило темой оживленныхъ разговоровъ о предстоявшемъ походѣ гвардiи, дававшемъ, въ свою очередь, новые побудительные мотивы торопиться приготовленiями въ путь [10].

26-е декабря было назначено днемъ выступленiя Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Послѣднiе дни полкъ провелъ въ сборѣ: 2-й баталiонъ, ушедшiй послѣ полкового праздника за городъ, возвратился оттуда и, расположившись въ казармахъ вмѣстѣ съ баталiонами, готовившимися къ выступленiю, помогалъ имъ въ ихъ сборахъ. Хотя въ казармахъ, разсчитанныхъ на два баталiона, и было довольно тѣсно, но Финляндцы были очень рады провести всѣ вмѣстѣ послѣднiе дни передъ походомъ и потому веселые говоръ, шумъ и пѣсни слышались по цѣлымъ днямъ [11].

24-го декабря полкъ отбылъ смотръ корпуснаго командира Великаго Князя Михаила Павловича, пожелавшаго Финляндцамъ добраго пути и удачъ въ бояхъ.

Еще до этого смотра двинулись въ походъ двѣ команды полковыхъ хлѣбопековъ: первая выступила 21-го декабря, подъ командой Прапорщика Заварицкаго, вторая—23-го декабря, подъ командой Прапорщика Гана.

Послѣ смотра Великаго Князя, въ первый день праздника Рожд. Христ. выступили квартирьеры полка, подъ командой Подпоручика Киновича [12].

Наконецъ наступилъ и день выступленiя всего полка. Въ 10 часовъ утра, 26-го декабря Л.-Гв. Финляндскiй полкъ былъ выстроенъ на Калинкинскомъ проспектѣ, въ ожиданiи Государя Императора Николая Павловича. Прибывъ къ полку и объѣхавъ его ряды, Государь пропустилъ баталiоны церемонiальнымъ маршемъ и затѣмъ полкъ тронулся въ походъ, провожаемый Государемъ до Трiумфальныхъ воротъ. Здѣсь Государь лично самъ скомандовалъ полку „къ ногѣ“, „отмыкай штыки“ и „надѣвай полуначалища“. При этомъ, въ виду мороза въ 30 градусовъ, Государь разрѣшилъ нижнимъ чинамъ завязать лица платками и, пожелавъ добраго пути, разстался съ Финляндцами [13].

Составъ полка при выступленіи, былъ слѣдующій [14]: генераловъ 1, штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 37, унтеръ-офицеровъ 160, музыкантовъ 106, рядовыхъ 1840, нестроевыхъ 66; денщиковъ: казенныхъ 45, собственныхъ 22, инвалидовъ 7; прикомандированныхъ изъ гвард. фурш. бригады: унтеръ-офицеровъ 1; рядовыхъ 16; нестроевой 1. Лошадей при полку было: подъемныхъ полковыхъ 49; фурштатскихъ 36; кромѣ того при полку состояли собственнныя и верховыя офицерскія лошади.

Обозъ полка былъ слѣдующій: *а*) Полковой: денежный ящикъ—1; патронныхъ ящиковъ—8; лазаретныхъ каретъ—2; бричекъ для больныхъ—2; аптека—1; повозка для инструмента—1; провіантскихъ фуръ—8; казначейскій полуфурокъ—1. *б*) Ротный: артельныхъ ротныхъ повозокъ—16; артельная музыкантская повозка—1. *в*) Офицерскій—повозокъ: полкового командира—1; штабъ-офицеровъ—2; оберъ-офицеровъ—9 [15]. При полку слѣдовали обозъ и лошади корпуснаго командира, Великаго Князя Михаила Павловича [16].

Согласно общимъ распоряженіямъ, войска гвардейскаго корпуса двинулись двумя колоннами: правая колонна—вся пѣхота — черезъ Нарву и Ригу, лѣвая — вся кавалерія — черезъ Псковъ, Печеру и Якобштатъ; артиллерія шла при соотвѣтствующихъ дивизіяхъ [17]. Правой колонной командовалъ Генералъ-Адъютантъ Шеншинъ, бывшій командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Войска этой колонны на время марша были раздѣлены на десять отдѣленій, въ первомъ изъ которыхъ двигался Л.-Гв. Финляндскій полкъ [18].

Маршрутъ полка былъ слѣдующій: Стрѣльна, Чирковицы, Ямбургъ, Нарва, Юрьевъ, Рига, Поневѣжъ, Ковно, Сувалки и Ломжа.

Полкъ шелъ по-ротно, въ города же вступалъ въ полномъ составѣ. Дневки были черезъ 2—3 дня, переходы не велики, а потому походъ, особенно въ началѣ, былъ нетруденъ, чему не мало способствовало значительное число обывательскихъ подводъ, наряжаемыхъ полку съ цѣлью облегчить маршъ солдатамъ.

Офицерамъ во время похода было приказано быть въ сюртукахъ, при шарфахъ и въ киверахъ, на которыхъ надѣты были чехлы; мундиры одѣвались лишь въ торжественныхъ случаяхъ.

Офицеры дѣлали походъ съ полными удобствами, даже съ роскошью; такъ, у нѣкоторыхъ имѣлись брички на четверки и тройки лошадей, съ щегольскими запряжками, по дюжинамъ столоваго бѣлья, погребцы „съ чайною и столовою полевою посудою и хрусталемъ", кожанные тюфяки и охотничьи ружья; у Поручика Демидова была даже маленькая библіотека, состоявшая изъ 2-хъ книгъ соч. Вейса, 4-хъ томовъ соч. Пушкина а „остальныя шесть—касательно до службы и фронта" [19].

Въ началѣ похода полку пришлось перенести сильные морозы и мятели, свирѣпствовавшіе до прибытія полка въ Ригу.

Двигаясь впереди всей гвардейской пѣхоты, Л.-Гв. Финляндскій полкъ 3-го января торжественно вступилъ въ городъ Нарву; 28-го января, при еще болѣе торжественной обстановкѣ и многочисленной публикѣ, послѣдовало вступленіе полка въ Ригу [20].

Отведенныя здѣсь отличныя квартиры согрѣли иззябшихъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ. „Суточный растахъ" *, проведенный здѣсь полкомъ, былъ очень пріятенъ; нижніе

---

* Дневка.

чины отдохнули, а офицеры и развлеклись. „Рига пресоблазнительный городъ для молодежи, — пишетъ участникъ похода, — и мы провели въ немъ время очень весело. По мѣрѣ того, какъ полки проходили черезъ городъ—въ немъ накоплялось много отсталыхъ, которые до тѣхъ поръ наслаждались жизнію, пока не осталось ни копѣйки въ карманахъ. Сказывали, что послѣ прохода гвардейскихъ войскъ въ рижскомъ клубѣ не осталось ни одной бутылки вина, ни одной нераспечатанной колоды картъ и рижане, вздыхая, говорили: „Garde Zeit—goldene Zeit“ [21].

На маршѣ къ Ригѣ полкъ получилъ приказъ по дѣйствующей арміи, отданный 1-го января 1831 года [22], Главнокомандующимъ графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ, объ открытіи военныхъ дѣйствій противъ поляковъ. Въ приказѣ этомъ, между прочимъ, говорилось слѣдующее:

Стычка косиньеровъ съ русскими войсками въ 1831 году.

По французской гравюрѣ 1831 года

„Мы идемъ на рать для всѣхъ насъ небывалую, въ вѣрныхъ сердцахъ русскихъ никогда неожиданную, — спѣшимъ на покореніе преступниковъ, взбунтовавшихъ Царство Польское противъ Государя, нами обожаемаго, который осыпалъ сихъ неблагодарныхъ измѣнниковъ безпримѣрными милостями и многимъ изъ нихъ недавно даровалъ великодушное прощеніе. Преступныя покушенія сихъ крамольниковъ дерзнули даже помышлять на жизнь Августѣйшаго брата Нашего Монарха, который въ продолженіе 15-ти лѣтъ оставался имъ благодѣтельнымъ начальникомъ и покровителемъ.

„Да покажетъ имъ штыкъ русскій, что умыслы ихъ столь же ничтожны, какъ и злодѣйски. Да покоритъ еще разъ благоустройство и храбрость русскихъ легкомысліе и буйное своеволіе...

„Итакъ, пойдемъ съ радостнымъ духомъ и твердою вѣрою на брань священную за Государя и Отечество. Да благословитъ насъ Всемогущій Богъ вновь доказать свѣту,

что русскіе воины всегда готовы храбростію и вѣрностію достичь исполненія священной воли возлюбленнаго Монарха: никогда не уступать ни внѣшнимъ, ни внутреннимъ врагамъ и самомалѣйшей части того, что пріобрѣтено кровію русскаго".

Приказъ этотъ вполнѣ соотвѣтствовалъ воодушевленію двигавшихся войскъ. То же одушевленіе господствовало и среди Финляндцевъ, горѣвшихъ желаніемъ вступить поскорѣе въ бой. Характерно въ этомъ отношеніи письмо молодого офицера полка, Поручика Н. Н. Муравьева, (впослѣдствіи Гр. Муравьева-Амурскаго) писанное еще за нѣсколько дней до выступленія: „Мы выступаемъ первые изъ всего корпуса, яко послѣдній полкъ... Между прочимъ представляю тебѣ довольно странный объ себѣ расчетъ. Предположительно, что если понадобится гвардейская пѣхота, то, во 1-хъ, будетъ употреблена 2-я, т. е. наша, дивизія; если изъ дивизіи сей понадобится одна бригада, то употребятъ, конечно, нашу, т. е. 2-ю въ дивизіи; если изъ бригады понадобится одинъ полкъ, то употребятъ, конечно, нашъ, какъ второй въ бригадѣ; если изъ полка понадобится одинъ баталіонъ, то употребятъ, конечно, нашъ, какъ второй въ полку; если изъ баталіона понадобится одна рота, то употребятъ, конечно, нашу 9-ю, какъ послѣднюю въ баталіонѣ; если наконецъ изъ роты понадобится одинъ взводъ, то употребятъ, конечно, мой, т. е. второй въ ротѣ... изъ всего гвардейскаго корпуса я имѣю наибольшую надежду быть въ дѣлѣ, а это не послѣднее мое желаніе... Желаніе мое быть въ походѣ и въ дѣлѣ весьма неограниченно"... Всѣ письма Поручика Муравьева съ похода проникнуты настоящимъ пыломъ.—„Ура! ура! ура! Съ новымъ годомъ и съ моимъ походомъ поздравляю тебя",—писалъ онъ своему брату. „Неужели судьба будетъ столько несправедлива, что не вознаградитъ меня... хотя двумя сраженіями? Господи, да будетъ воля Твоя" [23].

Нѣкоторымъ офицерамъ полка посчастливилось въ данномъ случаѣ болѣе чѣмъ Поручику Муравьеву: Штабсъ-Капитанъ Насакенъ 2-й, Поручикъ Нумерсъ и Подпоручикъ Майновъ еще съ 13-го декабря были командированы, по Высочайшему повелѣнію, въ 6-й пѣхотный корпусъ и въ рядахъ Несвижскаго карабинернаго полка приняли участіе въ сраженіяхъ ранѣе своихъ однополчанъ. Въ первомъ же дѣлѣ они выказали себя достойными своего славнаго полка; всѣ трое за свои доблестныя дѣйствія получили орденъ св. Владиміра 4 степ., а впослѣдствіи и слѣдующій чинъ [24].

Съ выступленіемъ полка изъ Риги погода измѣнилась, прежніе морозы прекратились, но зато настали сырость, вѣтеръ, грязь, вредно отражавшіеся на здоровьѣ нижнихъ чиновъ и офицеровъ. За время 2-хъ недѣльнаго перехода отъ Риги до Ковны полкъ отправилъ въ госпитали 29 больныхъ нижнихъ чиновъ и 2-хъ офицеровъ; это число было весьма значительно, принявъ во вниманіе, что на маршѣ полка отъ Петербурга до Риги, длившемся вдвое дольше, заболѣло 18 человѣкъ [25].

12-го февраля Л.-Гв. Финляндскій полкъ прибылъ въ Ковну, гдѣ получилъ маршрутъ для своего движенія въ Ломжу—кратчайшимъ путемъ черезъ Сувалки. Въ Ковнѣ полкъ простоялъ 12 дней, ожидая подхода прочихъ полковъ дивизіи. За это время онъ отдохнулъ отъ похода, расположившись на тѣсныхъ квартирахъ, на правомъ берегу Нѣмана.

24-го февраля [26], отслуживъ молебенъ въ присутствіи Великаго Князя Михаила Павловича, Л.-Гв. Финляндскій полкъ переправился черезъ Нѣманъ и вступилъ въ предѣлы мятежной Польши.

Передъ вступленіемъ въ ея предѣлы войска получили инструкцію * подъ заглавіемъ „Правила для наблюденія во время марша, на бивакахъ, на тѣсныхъ квартирахъ и въ самомъ бою" [27], заключавшую въ себѣ сжатое изложеніе основныхъ положеній военнаго искусства той эпохи. Инструкція эта, излагая основныя тактическія указанія, имѣла тѣмъ бо́льшее практическое значеніе, что ею же руководствовалась и польская армія, воспитанная по указаніямъ Цесаревича.

Основныя положенія инструкціи 1830 года о веденіи боя были слѣдующія [28]:

Въ боевомъ порядкѣ располагать пѣхоту въ двѣ линіи, въ колоннахъ къ атакѣ, имѣя вторую линію отъ первой не ближе 300 шаговъ, при чемъ въ каждой пѣхотной дивизіи третья часть должна составлять резервъ. Артиллерію ставить преимущественно въ серединѣ бригадъ, имѣя батарейныя роты на позиціи, а легкія въ резервѣ. Казаки на флангахъ позиціи для наблюденія. Часть регулярной кавалеріи располагается на открытыхъ мѣстахъ позиціи, въ двѣ линіи, при чемъ вторая никогда не развертывается за первой. За второй линіей пѣхоты имѣть нѣсколько эскадроновъ кавалеріи, скрытно расположенныхъ, чтобы внезапно броситься на непріятельскихъ стрѣлковъ, или на его колонны, пришедшія въ безпорядокъ, или на его батареи, уже частью сбитыя Въ весьма большихъ отрядахъ, корпусахъ,—имѣть общій резервъ изъ $^1/_3$—$^1/_4$ всей пѣхоты и большей части кавалеріи.

При расположеніи войскъ на позиціи заботиться, чтобы не обнаруживать ихъ до времени, а наборотъ, по возможности, скрыть отъ взоровъ противника; важнѣйшіе же пункты позиціи должны быть заблаговременно заняты батарейной артиллеріей, прикрытой стрѣлками.

Что касается стрѣлковъ, то предписывалось отъ баталіона не высылать болѣе 100 застрѣльщиковъ и вообще не распускать баталіона въ стрѣлки.

При наступленіи пѣхотныхъ колоннъ онѣ прикрываются застрѣльщиками, а тѣ, которыя назначены для рѣшительнаго удара, всегда устраиваютъ впереди себя густую цѣпь стрѣлковъ. Колонны подходятъ къ непріятелю на 50—100 шаговъ безъ выстрѣла, а затѣмъ бросаются въ штыки, застрѣльщики преслѣдуютъ непріятеля. При атакѣ колонны задней линіи идутъ въ 300 шагахъ за интервалами передней.

Отъ Ковны полкъ двигался на Ломжу, черезъ Маріамполь, Сувалки и Щучинъ. Въ виду того, что дорога эта пролегала черезъ земли Царства Польскаго, войскамъ гвардейскаго корпуса было приказано принимать охранительныя мѣры во время движенія и особенно во время остановокъ и ночлеговъ; при этомъ соблюдались слѣдующія правила: часовые ставились на всѣхъ въѣздахъ и послѣ зари число часовыхъ увеличивалось; патрулированіе между смежными ротами производилось возможно чаще, патрули были сильны; нижнимъ чинамъ приказано было не оставлять оружія въ домахъ изъ опасенія, чтобы имъ не воспользовались поляки [29]. По той же причинѣ было приказано прекратить высылку командъ хлѣбопековъ, почему полкъ перешелъ на довольствіе сухарями; но артельныя повозки высылались попрежнему впередъ на мѣста дневокъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы приготовлять людямъ варку во благовремени. Затѣмъ, послѣдовало распоряженіе объ умень-

* Издана въ январѣ 1830 года.

шеніи офицерскаго обоза, при чемъ полагалось: полковнику имѣть 1 повозку, оберъ-офицерамъ на роту—1 и штабъ-лѣкарю—1.

Одновременно съ этимъ приказано было всѣмъ чинамъ гвардіи имѣть со дня перехода черезъ границу на киверахъ у репеекъ еловыя вѣтви, на подобіе султановъ, для отличія отъ польскихъ войскъ [30].

Движеніе полка отъ Ковны до Ломжи совершалось довольно медленно: дневки дѣлались черезъ каждые два дня марша, а переходы были отъ $17^1/_2$ до 35 верстъ, въ среднемъ же около 22 верстъ [31]. Полкъ двигался въ составѣ своей дивизіи, слѣдуя въ головѣ ея. Погода неблагопріятствовала этому маршу: съ переходомъ за Нѣманъ, бывшая до этого времени совершенно теплая погода измѣнилась и наступили сильные холода, продолжавшіеся до прибытія въ Ломжу [32]; при этомъ недостаточность въ продовольствіи еще болѣе увеличивала вліяніе этихъ холодовъ.

Но особенно тяжело отзывалась на нижнихъ чинахъ и на офицерахъ затаенная, а иногда и не скрываемая вражда мѣстныхъ жителей. Л.-Гв. Финляндскому полку пришлось испытывать ее на себѣ и на второмъ, послѣ перехода границы, ночлегѣ, близь дер. Скратцы, полку удалось даже открыть довольно значительный складъ оружія, заготовленный помѣщикомъ Шульцемъ [33]. При столь враждебномъ отношеніи пришлось принимать усиленныя мѣры предосторожности, что конечно утомляло нижнихъ чиновъ и вызывало увеличеніе числа больныхъ: за двѣ недѣли похода отъ Ковны до Ломжи изъ состава полка выбыло 64 строевыхъ нижнихъ чина больными [34].

10-го марта Л.-Гв. Финляндскій полкъ прибылъ въ Ломжу, откуда и началъ свои дѣйствія противъ польскихъ войскъ.

Событія на театрѣ военныхъ дѣйствій съ начала кампаніи 1831 года, происходившія главнымъ образомъ къ западу отъ Варшавы, заключались въ томъ, что русская армія пыталась дѣйствовать рѣшительнымъ образомъ противъ Варшавы, около которой сосредоточены были главныя силы поляковъ. 13-го февраля произошло сраженіе при Гроховѣ неподалеку отъ Варшавы; хотя поляки и были разбиты, но армія ихъ успѣла отступить за Вислу и прикрылась этой рѣкой.

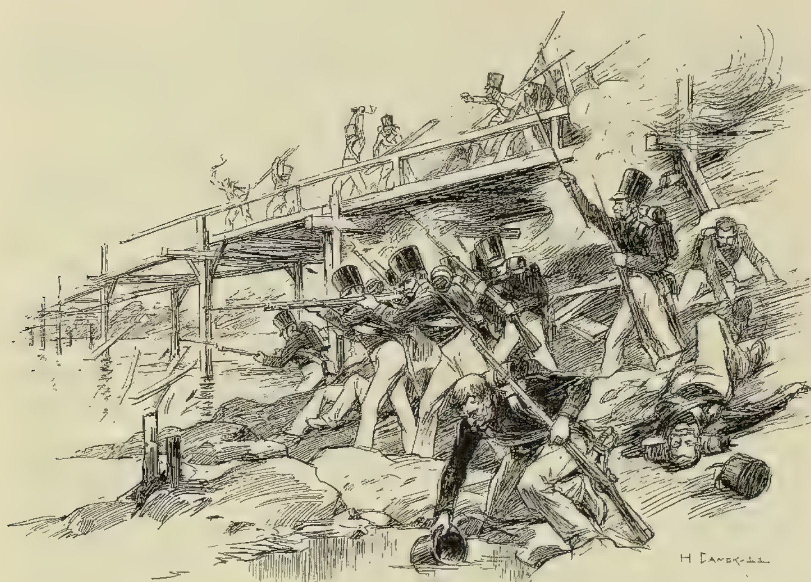
Потерпѣвшій пораженіе при Гроховѣ, польскій главнокомандующій кн. Радзивиллъ былъ замѣненъ Скржинецкимъ; новый главнокомандующій старался усилить численность польской арміи и поднять ея духъ; одновременно съ этимъ поляки завязали съ Дибичемъ переговоры объ условіяхъ перемирія. Русскій главнокомандующій ставилъ первымъ условіемъ безусловную покорность со стороны поляковъ; вслѣдствіе этого переговоры прекратились и дѣйствія русской арміи продолжались: расположившись по квартирамъ между Варшавой, Сѣдльцемъ и Радзынемъ, она по прежнему угрожала столицѣ Польши.

Къ этому времени былъ высланъ къ Остроленкѣ отрядъ бар. Сакена (бригада пѣхоты, бригада уланъ, 3 казачьихъ полка и 8 орудій), имѣвшій задачею обезпечить подходъ подкрѣпленій изъ гренадеръ и гвардіи по Ковенскому шоссе и охранять спокойствіе въ Плоцкомъ воеводствѣ.

Съ своей стороны поляки для наблюденія и обороны Ковенскаго тракта, выдвинули туда отрядъ Уминскаго (4 кавалерійскихъ полка и 16 конныхъ орудій), ставшій на правомъ берегу Нѣмана.

Расположеніе отряда Уминскаго въ раіонѣ Остроленки не угрожало опасностью русскимъ, такъ какъ Остроленка уже была занята отрядомъ генерала Сакена и къ ней уже подходила гвардія. Это было въ первой половинѣ марта, т. е. какъ разъ въ то время, когда Л.-Гв. Финляндскій полкъ вмѣстѣ съ прочими гвардейскими полками былъ уже у Ломжи.

13-го марта Л.-Гв. Финляндскій полкъ переночевалъ въ Остроленкѣ и на другой день двинулся къ м. Мястково [35], верстъ на 15 по направленію къ Ломжѣ. Пока полкъ шелъ къ Мястково, у Остроленки 14-го марта произошло дѣло отряда Уминскаго съ отрядомъ Сакена, усиленнымъ Л.-Гв. Сапернымъ баталіономъ и частями гвардейской

Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ дѣлѣ у Якаца 5 мая 1831 года.

артиллеріи; Уминскій былъ отбитъ [36], чему не мало способствовало предмостное укрѣпленіе, возведенное гвардейскими саперами. Такимъ образомъ гвардія сразу-же начала боевыя дѣйствія противъ поляковъ. Такая роль гвардіи противорѣчила взглядамъ и Государя и Главнокомандующаго.

Генералъ Пузыревскій, изслѣдователь этой войны прямо говоритъ: „при выступленіи гвардіи изъ столицы не предвидѣлось надобности въ ея содѣйствіи на театрѣ войны. Выдвигая этотъ корпусъ въ Царство Польское, Дибичъ желалъ только прикрыть литов-

скую границу однимъ присутствіемъ гвардіи между Бугомъ и Наревомъ и дать ей возможность расположиться въ мѣстности, еще не истощенной войною“ [37].

Такого же точно мнѣнія былъ по этому предмету и Государь Императоръ. Послѣ дѣла при Остроленкѣ, 14-го марта, Государь писалъ Главнокомандующему, въ письмѣ отъ 22-го марта [38]: „Вѣроятно вы уже знаете также о нападеніи, произведенномъ на Остроленку Уминскимъ, пришедшимъ съ двухъ сторонъ; судя по первому извѣстію, полученному мною, первая атака не удалась ему, но гвардія уже была въ дѣлѣ, чего Я особенно просилъ васъ избѣгать. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что гвардія, составляющая резервъ арміи въ 120,000 человѣкъ, сражающейся противъ 80,000 поляковъ, должна находиться на аванпостахъ“.

Это выдвиганіе гвардейскаго корпуса впередъ предпринято было въ соотвѣтствіи съ подходомъ русской арміи къ Варшавѣ, причемъ въ Главной Квартирѣ полагали, что отрядъ Генерала Сакена достаточно прикрываетъ гвардейскіе резервы. Бой нѣкоторыхъ частей у Остроленки не оказалъ вліянія на взгляды Главной Квартиры и высылка гвардіи впередъ продолжалось, коснувшись и Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Послѣ дѣла 14-го марта командиръ гвардейскаго корпуса, Великій Князь Михаилъ Павловичъ нашелъ нужнымъ [39] сдѣлать слѣдующія распоряженія:

„1) Устроивъ прочнымъ образомъ мостовое укрѣпленіе, при переправѣ чрезъ р. Наревъ, по важности пункта Остроленки, непремѣнно удерживать оный отрядами Генералъ-Маіора Сакена и даже въ случаѣ необходимости подкрѣпить оный Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ.

„2) Остальныя войска 2-й гвардейской дивизіи соединить въ окрестностяхъ м. Мястково, на тѣсныхъ квартирахъ, исключая Л.-Гв. Павловскаго полка, оставленнаго въ г. Кольно вмѣстѣ съ 6-ю ротами гренадерскаго Графа Аракчеева полка, 4-мя орудіями и однимъ эскадрономъ Л.-Гв. Казачьяго полка, который постами своими вдоль рѣки Пыссекъ наблюдаетъ за пространствомъ между Новгородомъ и границею Пруссіи.

„3) Л.-Гв. Уланскій полкъ перевести въ м. Трошинъ, а Л.-Гв. Гусарскій въ с. Пыски, дабы остальные полки легкой кавалерійской дивизіи могли тотчасъ войти въ соединеніе со 2-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею.

„4) Оставляя Л.-Гв. Конно-Егерскій полкъ съ легкою № 2 батареею въ Андржеевѣ, въ видѣ авангарда 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, сблизить лѣвый флангъ 2-й бригады сей дивизіи къ сторонѣ Замброва для совершеннаго обезпеченія направленія къ городу Бѣлостоку. Сообщеніе между Л.-Гв. Конно-Егерскимъ и Л.-Гв. Гусарскимъ полками будетъ производиться 2-мя эскадронами Л.-Гв. Казачьяго полка, расположенными въ Шумовѣ.

„5) 1-ю кирасирскую дивизію сблизить нѣсколько къ г. Ломжѣ.

„6) Въ случаѣ покушенія непріятеля переправиться чрезъ р. Наревъ близъ Остроленки, защита сего пункта предоставлена Генералъ-Маіору Барону Сакену при содѣйствіи Генералъ-Адъютанта Бистрома, имѣющаго въ такомъ случаѣ присоединить къ войскамъ правой колонны три первые полка легкой гвардейской кавалерійской дивизіи съ легкою № 1 батареею.

„7) Разъѣзды велѣно посылать отъ Остроленки до Рожанъ и изъ Червина до Прже-

тицы и по направлении къ Вышкову, равно какъ и съ сего послѣдняго города прямой дорогой изъ Андржеева".

Таковы были распоряженія по гвардейскому корпусу отданныя передъ ожидавшимся столкновеніемъ съ противникомъ. Между тѣмъ поляки снова покушались овладѣть Остроленкой, пунктомъ весьма важнымъ для обѣихъ сторонъ, такъ какъ здѣсь Ковенское шоссе пересѣкало р. Нѣманъ по хорошему постоянному мосту. Для удержанія Остроленки былъ назначенъ отъ гвардіи, въ половинѣ марта, особый отрядъ, въ составѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка, Л.-Гв. Саперпаго баталіона, 8-ми орудій батарейной № 3-й роты и 4-хъ—легкой № 2-й роты, подъ общей командой командира Л.-Гв. Финляндскаго полка Генералъ-Маіора Берникова [40]. „Для большаго усиленія и обезпеченія Остроленки" былъ придвинутъ туда и Л.-Гв. Уланскій полкъ [41]. Отрядъ Сакена въ это время перешелъ въ Говорово, откуда и высылалъ наблюдательные разъѣзды, а три полка 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи стали отъ Черемны до Венсово, для поддержки, въ случаѣ надобности, отряда Генерала Сакена.

16-го марта, съ полученіемъ этого приказанія, Генералъ Берниковъ тотчасъ же выступилъ изъ Мясткова и въ тотъ же день занялъ Остроленку ввѣреннымъ ему отрядомъ, вслѣдствіе чего противникъ отказался отъ своихъ покушеній на этотъ пунктъ.

Вскорѣ Финляндцамъ пришлось двинуться далѣе. Отступленіе непріятеля и необходимость очистить отъ мелкихъ партій поляковъ все пространство между Бугомъ и Наревомъ побудили Командира Гвардейскаго Корпуса, Великаго Князя Михаила Павловича, назначить для этого новый особый отрядъ, подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Бистрома. Въ этотъ отрядъ вошли Л.-Гв. Финляндскій полкъ совмѣстно съ Л.-Гв. Павловскимъ полкомъ, Л.-Гв. Саперпымъ и Финскимъ стрѣлковымъ баталіонами и 3-й батарейной ротой. 25-го марта отрядъ Генерала Бистрома былъ уже въ Пржетиче—въ 30-ти верстахъ къ югу отъ Остроленки, выдѣляя во время движенія незначительныя части пѣхоты въ помощь кавалерійскимъ разъѣздамъ; такъ, отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Говоровѣ были оставлены двѣ роты, а въ Острополахъ—другія двѣ роты [42]. Отрядъ Бистрома продвинулся до Вышкова—всего верстъ въ 50 отъ Варшавы—и тутъ, въ виду слишкомъ выдвинутаго положенія, получилъ приказаніе вернуться снова къ Остроленкѣ. 30-го марта отрядъ Бистрома прибылъ по назначенію, а Л.-Гв. Финляндскій полкъ расположился по прежнему въ Мястковѣ.

Между тѣмъ событія на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій приняли для русской арміи неблагопріятный оборотъ: корпусъ Бар. Розена, отдѣленный отъ главныхъ силъ, былъ разбитъ 19-го марта, у д. Дембе-Вельке, неподалеку отъ Варшавы, втрое сильнѣйшимъ противникомъ. 31-го марта Дибичъ, опасаясь за свой тылъ, отступилъ съ главными силами къ Сѣдльцу. Окончательно отказавшись отъ переправы черезъ Вислу и дѣйствій противъ Варшавы, Дибичъ вообще пріостановилъ на нѣкоторое время военныя дѣйствія.

Событія эти вызвали чрезвычайный подъемъ духа поляковъ; мятежъ разрастался, охватывая съ удивительной быстротой огромные раіоны: Литва, Волынь, Подолія заволновались и тамъ появились значительныя шайки вооруженныхъ инсургентовъ. Русскія войска, окруженныя со всѣхъ сторонъ польскими войсками и повстанческими бандами,

оказались въ весьма затруднительномъ положеніи. Такъ случилось и съ гвардіей, путь отступленія который былъ перерѣзанъ въ нѣсколькихъ пунктахъ [43]. Въ такомъ же опасномъ положеніи пробылъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ нѣсколько дней, пока не получилъ приказанія снова двинуться впередъ. Это движеніе было вызвано извѣстіями изъ штаба Главнокомандующаго о томъ, что значительный польскій отрядъ, силою въ шесть полковъ пѣхоты съ артиллеріею, направился отъ м. Ливъ къ м. Каменчику [44], съ цѣлью переправиться здѣсь на правый берегъ р. Буга. Противъ этого отряда двинута была вся 2-я гвардейская пѣхотная дивизія. За 2-й дивизіей двинулась и вся гвардія. 10-го апрѣля, пройдя черезъ Червинъ около 45 верстъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ, вмѣстѣ съ прочими полками дивизіи, прибылъ въ Островъ.

Такъ какъ вскорѣ выяснилось, что поляки къ Каменчику не наступаютъ, то Л.-Гв. Финляндскій полкъ, въ составѣ 2-й гвардейской дивизіи, былъ двинутъ къ м. Вонсеву. Вслѣдствіе извѣстій отъ Генерала Сакена, стоявшаго у Шелкова, о приближеніи къ нему противника въ значительныхъ силахъ, вся 2-ая гвардейская дивизія готовилась продолжить свой маршъ на Рожаны, на подкрѣпленіе отряда Генерала Сакена. Между тѣмъ, 11-го апрѣля, получено было приказаніе главнокомандующаго о сосредоточеніи всей гвардіи у м. Нуръ. Поэтому маршъ на Рожаны не состоялся и 12-го апрѣля Л.-Гв. Финляндскій полкъ прибылъ въ м. Нуръ; черезъ четыре дня тамъ сосредоточился и весь гвардейскій корпусъ. Здѣсь расположеніе гвардейскаго корпуса было обезпечено постройкой 2-хъ мостовъ черезъ рѣку З. Бугъ; благодаря этому гвардія могла свободно оперировать или на правомъ берегу рѣки, или на лѣвомъ, въ направленіи на Сѣдльцъ, гдѣ тогда располагались главныя силы русской арміи [45].

Дѣйствія въ послѣднемъ направленіи вполнѣ бы соотвѣтствовали общему плану русскаго главнокомандующаго, принятому тогда въ основу дѣйствій русской главной арміи. По этому плану, русская армія, сосредоточившись у Сѣдльца, должна была обойти фланговымъ маршемъ, черезъ Скуржечь и Куфлевъ, польскій авангардъ, стоявшій у Костржина и затѣмъ, движеніемъ на Калушинъ или Минскъ, отбросить главныя силы поляковъ на Ливъ и далѣе къ Бугу, гдѣ и окружить ихъ съ сѣвера гвардіей, а съ юга—главной арміей.

Планъ этотъ не имѣлъ успѣха, такъ какъ Скржинецкій, во-время предупрежденный [46], началъ отступать. Вслѣдствіе этого, главныя силы русской арміи отошли назадъ и стали лагеремъ между Калушинымъ и Сѣдльцемъ, а гвардія возвратилась въ Остроленку.

Обратное движеніе гвардіи должно было начаться 19-го апрѣля, но такъ какъ на это число приходился первый день св. Пасхи, то Августѣйшій командиръ гвардейскаго корпуса Великій Князь Михаилъ Павловичъ испросилъ разрѣшеніе отложить выступленіе на одинъ день. 20-го апрѣля гвардія выступила изъ Нура, черезъ Островъ, и 23-го апрѣля прибыла къ Остроленкѣ. Здѣсь Л.-Гв. Финляндскій полкъ сталъ бивакомъ въ трехъ верстахъ отъ города и пробылъ до 29-го апрѣля.

Во время стоянки подъ Остроленкой полкъ подвергся холерной эпидеміи, свирѣпствовавшей тогда въ войскахъ обоихъ противниковъ и особенно сильно распространившейся въ русской арміи, куда холера была занесена съ Каспійскаго моря казаками.

Еще съ марта мѣсяца русскія войска начали страдать отъ этой страшной болѣзни; съ особенной силой она распространилась въ апрѣлѣ и дошла до гвардіи во второй половинѣ этого мѣсяца, послѣ сильныхъ дождей и вообще сырой погоды.

Мѣры борьбы съ холерой были малодѣйствительными; особый комитетъ, учрежденный для этой цѣли главнокомандующимъ, предписывалъ войскамъ предохранительныя мѣры, совершенно не соотвѣтствовавшія военно-походной обстановкѣ, а именно: хорошую пищу, теплую одежду, предохраненіе ногъ отъ сырости и проч.; нѣкоторыя указанія комитета впрочемъ выполнялись, напр., подбавка къ водѣ перцу, перемѣны войсковыхъ квартиръ для избѣжанія продолжительнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ и проч. Въ числѣ лѣчебныхъ мѣръ лучшей считалось кровопусканіе. [47].

Собственно для войскъ гвардейскаго корпуса устроенъ былъ по приказанію Великаго Князя Михаила Павловича холерный госпиталь въ Ломжѣ съ отдѣленіемъ въ Остроленкѣ. Гвардейскія части снабдили, по мѣрѣ возможности, этотъ госпиталь разными вещами изъ своихъ походныхъ лазаретовъ. Съ удаленіемъ полка отъ Ломжи больныхъ указано было сдавать въ Бѣлостокскій военный госпиталь. Но въ случаѣ невозможности такой сдачи больныхъ размѣщали въ особо отведенныхъ для этого домахъ или цѣлыхъ деревняхъ, строго изолированныхъ цѣпями часовыхъ отъ офицерскихъ карауловъ. Для Л.-Гв. Финляндскаго полка особое холерное отдѣленіе имѣлось въ д. Сулки.

Для предохраненія войскъ отъ заразы со стороны мѣстныхъ жителей никому изъ посторонниxъ не дозволялось вступать въ расположеніе биваковъ; доставляемые же войскамъ продукты, фуражъ и дрова крестьяне должны были складывать на какомъ-либо заранѣе назначенномъ мѣстѣ, непремѣнно внѣ черты оцѣпленія; оттуда, уже по удаленіи крестьянъ, нижніе чины сами доставляли продукты артелямъ.

Въ полкахъ гвардейскаго корпуса холера болѣе всего свирѣпствовала въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Л.-Гв. Финляндскій полкъ во время стоянки подъ Остроленкой въ полномъ своемъ составѣ былъ оцѣпленъ въ продолженіе цѣлой недѣли, начиная съ 23-го апрѣля. Первый холерный случай въ полку произошелъ 19-го апрѣля; черезъ два дня полкъ уже отправилъ къ Цѣхановскому коменданту 12 больныхъ; въ этотъ же день явился и первый смертельный исходъ отъ холеры [48]. Къ концу мая эпидемія стала уменьшаться. Какъ велики были потери Л.-Гв. Финляндскаго полка во время этой эпидеміи, документами точно не выясняется; сопоставляя, однако, нѣкоторыя документальныя данныя *, можно съ большимъ вѣроятіемъ считать, что въ полку холерой переболѣло около 12% наличнаго состава **; смертельный исходъ болѣзни *** составлялъ немного менѣе одной трети [50] всѣхъ заболѣваній; исходя изъ этого, можно заключить, что отъ холеры погибло около 3—4% наличнаго состава полка.

---

* По разности численностей полка 14-го марта—1999 нижн. чиновъ и 27 мая—1617 нижн. чиновъ—убыло 341; повыключеніи отсюда убывшихъ по разн. случаямъ 162 нижн. чина, останется для больн. 219 чел., что составитъ, по сравненію съ численностью 27 мая, около $11\frac{1}{2}$% [49].

** Имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи точныя указанія о численности больныхъ въ полку, относящіяся къ маю мѣсяцу, показываютъ слѣдующее: въ лазаретѣ больныхъ—36 рядовъ, въ госпиталяхъ больныхъ—4 офицеровъ, 16 унтеръ-офицеровъ, 13 музыкантовъ и 289 рядовыхъ [51].

*** Руководствуясь статистическими данными для всей русской арміи.

Къ началу мая въ главной квартирѣ польской арміи принятъ былъ новый планъ дѣйствій, составленный начальникомъ штаба арміи, Прондзинскимъ. По этому плану, польская армія должна была скрытнымъ движеніемъ подойти къ отдѣльно стоявшему у Остроленки гвардейскому корпусу, разбить его до прибытія главныхъ силъ русской арміи и, овладѣвъ такимъ образомъ всей сѣверной частью театра военныхъ дѣйствій, заставить Дибича очистить все Царство Польское, а можетъ быть даже и прекратить войну. Такимъ образомъ надежды поляковъ, связанныя съ предположеннымъ ими уничтоженіемъ русскаго гвардейскаго корпуса, были очень обширны; отъ выполненія этого плана, по мнѣнію ихъ, зависѣлъ исходъ всей кампаніи и самостоятельное существованіе Польши, какъ отдѣльнаго государства, такъ страстно желаемое польскими патріотами.

Какъ ни преувеличены были эти мечтанія, несомнѣнно однако, что задуманная Прондзинскимъ операція могла дать самые блестящіе результаты; не говоря о нравственномъ впечатлѣніи, если бы удалось разгромить гвардейскій корпусъ, поляки пріобрѣтали бы въ свою власть такіе стратегически важные пункты, какъ Остроленка и Ломжа, съ ихъ громадными складами разныхъ предметовъ довольствія.

Особенное значеніе имѣла Ломжа, сильно укрѣпленная и представлявшая собою базу и опорный пунктъ всего гвардейскаго корпуса; тамъ находилась Главная Квартира Великаго Князя, госпитали, парки, обозы и пр.; отсюда, наконецъ, гвардія держала въ покорности всю страну между Бугомъ и Наревомъ и все Августовское воеводство [52].

Существовали и другія причины, побуждавшія польскаго полководца стремиться къ побѣдѣ надъ русской гвардіей. Успѣхъ этого предпріятія отвлекъ бы вниманіе поляковъ отъ внутреннихъ смутъ и неурядицъ, сплотилъ бы всю націю воедино и поднялъ бы духъ всего Польскаго народа. Самая побѣда надъ гвардіей казалась легка, ибо Скржинецкій считалъ гвардейцевъ „петербургскими господчиками (панычами)", неспособными къ стойкому и мужественному сопротивленію [53]. Однако всѣ эти блестящія надежды разбились о гвардейскіе штыки, несмотря на почти двойное превосходство силъ поляковъ....

Принявъ заманчивый планъ Прондзинскаго, Скржинецкій сразу-же началъ колебаться и

терялъ время въ противорѣчивыхъ распоряженіяхъ, пока наконецъ Князь Чарторижскій не настоялъ на немедленномъ исполненіи задуманной операціи.

Сосредоточивъ къ 1-му мая у Сѣроцка 45 тысячъ, Поляки начали наступленіе на линію Нуръ, Остроленка и Ломжа, занятую гвардіей и отрядомъ Генерала Сакена, всего до 27 тысячъ.

Расположеніе гвардейскаго корпуса въ послѣднихъ числахъ апрѣля, т. е. къ началу наступленія поляковъ, было слѣдующее: 1-я гвардейская пѣхотная дивизія стала впереди Ломжи; 2-я — двумя эшелонами по шоссе къ Остроленкѣ: 4-я ея бригада—полки Л.-Гв. Егерскій и Финляндскій—на бивакахъ въ трехъ верстахъ отъ Остроленки, а 3-я бригада—между Мястковомъ и Ломжею; легкая гв. кавалерійская дивизія частью была въ готовности дѣйствовать съ 4-ю гв. пѣхотную бригадою къ Остроленкѣ, частью обезпечивала расположеніе корпуса со стороны Сѣроцка и Вышкова и наконецъ служила связью съ Нуромъ и главными силами арміи; 1-я ея бригада находилась близъ Остроленки въ окрестностяхъ Ржекуня и Суска; Л.-Гв. Казачій полкъ стоялъ въ Пржетыче, имѣя эскадронъ въ Перембахъ; Л.-Гв. Гусарскій полкъ—за нимъ, въ Пыскахъ, имѣя эскадронъ, для поддержки казаковъ, въ Вонсевѣ; Л.-Гв. Конно-Егерскій полкъ—въ Островѣ и Андржеевѣ. 2-я бр. 1-й кирасирской дивизіи находилась въ окрестностяхъ Снядова и Грабова, составляя резервъ легкой гв. кавалеріи, а 1-я гв. кирасирская бригада отодвинута была за Ломжу и размѣщена въ Кольно, Щучинѣ и Августовѣ. Главная Квартира Великаго Князя—въ Ломжѣ. Отрядъ Сакена возвратился отъ Рожана къ Остроленкѣ и оставался попрежнему за Наревомъ [54].

Первыя свѣдѣнія о сосредоточеніи польскихъ войскъ у Сѣроцка были получены въ корпусной квартирѣ 29-го апрѣля. Вечеромъ того же дня, для развѣдки непріятеля штабъ гвардейскаго корпуса выслалъ авангардъ, подъ начальствомъ Генералъ-Адъютанта Бистрома, въ составѣ 4-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, Л.-Гв. Финскаго стрѣлковаго баталіона, 1-й бригады легкой гвардейской кавалерійской дивизіи *, трехъ эскадроновъ Л.-Гв. Казачьяго полка и легкой № 1-й конной батареи.

Отряду приказано было въ бой не ввязываться и при встрѣчѣ значительныхъ силъ противника отступать, наводя его на главныя силы гвардіи [55].

Въ составѣ этого отряда Л.-Гв. Финляндскій полкъ, въ ночь съ 29-го на 30-е апрѣля, выступилъ со своего бивака у Остроленки и двинулся къ Вонсеву, по направленію на Сѣроцкъ.

1-го мая Генералъ Бистромъ, слѣдуя со своимъ авангардомъ отъ Вонсева на Пржетыче, узналъ, что у с. Велондки находится около семи тысячъ польскихъ войскъ.

Получивъ эти свѣдѣнія, Корпусная Квартира приказала Генералу Бистрому отступать къ Снядову, такъ какъ главныя силы корпуса были въ верстахъ 35, между Снядовымъ и Зембровымъ, да и крайне пересѣченная мѣстность не соотвѣтствовала наступленію отряда Генерала Бистрома.

Во исполненіе этого приказанія Генералъ Бистромъ отступилъ къ Вонсеву, оставивъ въ Пржетыче передовой отрядъ Генерала Полешки—командира Л.-Гв. Егерскаго полка,—

* Л.-Гв. Драгунскій и Уланскій полки.

состоявшій изъ 3-го баталіона Л.-Гв. Егерскаго полка, 2-хъ ротъ Л.-Гв. Финскаго стрѣлковаго баталіона, 3-хъ эскадроновъ Л.-Гв. Казачьяго полка и 2-хъ орудій [56].

Между тѣмъ польская армія, наступала тремя колоннами: одна—силою въ 4,200 человѣкъ, подъ начальствомъ Дембинскаго, шла по правому берегу Нарева къ Остроленкѣ, гдѣ былъ оставленъ отрядъ Остенъ-Сакена; другая—средняя и вмѣстѣ съ тѣмъ главная колонна—въ 30,000 человѣкъ, подъ начальствомъ самого главнокомандующаго Скржинецкаго, направлялась на Ломжу черезъ Вонсево и Снядово; и наконецъ третья колонна Лубенскаго, силою въ 12,000 человѣкъ, была направлена вверхъ по Бугу и Нуру, чтобы, уничтоживъ тамъ мосты, прервать связь гвардіи съ главными силами русской арміи.

4-го мая произошло у Пржетича столкновеніе отряда Полешко съ превосходнымъ въ силахъ авангардомъ средней колонны Скржинецкаго. Храбро отбиваясь на протяженіи 20 верстъ, отъ Пржетиче до деревни Брудки, роты Лейбъ-Егерей и Финскихъ стрѣлковъ 5-го мая присоединились къ авангарду Бистрома.

Изъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе прикомандированный къ Л.-Гв. Егерскому полку Полковникъ Ланевскій-Волкъ I-й; онъ, какъ говорится въ представленіи объ отличившихся офицерахъ,—„при отступленіи съ двумя ротами съ примѣрною неустрашимостью удерживалъ сильное стремленіе непріятеля, произведя жестокое въ рядахъ ихъ пораженіе“. Орденъ Св. Анны 2-й степ. былъ за это ему наградой [57].

На слѣдующій день, 5-го мая, очередь сразиться съ врагомъ выпала на долю Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Въ этотъ день авангардъ Генерала Бистрома, имѣвшій задачею прикрыть сосредоточеніе гвардейскаго корпуса у Снядова, стоялъ у м. Соколово за р. Оржъ; при этомъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, занимавшій непосредствено Соколово, расположенъ былъ впереди прочихъ частей.

Имѣя въ тылу два дефиле, удержаніе которыхъ имѣло важное значеніе [58], Генералъ Бистромъ предполагалъ заставить поляковъ развернуться у Соколова и выказать свои силы, а потому къ подходу польскаго авангарда выстроилъ свой отрядъ въ боевой порядокъ.

Часовъ около 3-хъ дня польскій авангардъ, силою въ 4 полка пѣхоты и 6 полковъ конницы при 16 орудіяхъ, показался передъ Соколовымъ и, завидя гвардейцевъ, развернулся вдоль самой рѣчки Оржъ.

Между тѣмъ, Генералъ Бистромъ отправилъ уже свой отрядъ за дефиле, къ дер. Старый Якацъ, для занятія высотъ у этого пункта. Прикрытіе движенія всего отряда, а слѣдовательно и оборона обоихъ дефиле выпали на долю Финляндцевъ, оставленныхъ съ этою цѣлью у Соколова.

Къ этому времени расположеніе Л.-Гв. Финляндскаго полка было таково: весь полкъ, кромѣ одной роты, сталъ на позиціи за ручьемъ, позади селенія, въ которомъ въ видѣ передового отряда оставлена было 1-я гренадерская рота, подъ командой Штабсъ-Капитана Насакена 1-го [59].

Едва противникъ выслалъ свои боевыя цѣпи, какъ 1-я Егерская рота получила при-

казаніе перейти ручей Оржъ по мосту и удерживать его до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ разобранъ при помощи гвардейскихъ саперъ. Какъ только рота успѣла перейти мостъ, она сосредоточила на себя все вниманіе противника, который тотчасъ направилъ на нее „сильный картечный и ружейный огонь"; многочисленные непріятельскіе стрѣлки поражали роту перекрестнымъ огнемъ, но ни дѣйствіе польской артиллеріи, ни огонь стрѣлковъ не могли поколебать роту Финляндцевъ; предводимая храбрыми баталіоннымъ и ротнымъ командирами, Капитаномъ Тулубьевымъ и Штабсъ-Капитаномъ Насакеномъ, при Поручикѣ Берѣ и Прапорщикахъ Горемыкинѣ и Познякѣ, рота стойко „съ отличной храбростью и мужествомъ", въ точности выполнила данное ей порученіе, неустрашимо отражая „сильные натиски непріятеля". Командовавшій полкомъ Флигель-Адъютантъ Полковникъ Моллеръ тоже находился при ротѣ [60].

Гр. А. И. Аминовъ.

Когда саперы разломали мостъ рота „въ совершенномъ порядкѣ" перешла обратно за ручей.

Этимъ была завершена лишь первая задача, возложенная на Финляндцевъ. Предстояло еще выполненіе и второй подобной задачи: удержать противника возможно дольше на мосту у Ст. Якаца, съ тѣмъ, чтобы дать возможность главнымъ силамъ авангарда Бистрома безпрепятственно пройти по длинной греблѣ за мостомъ у Ст. Якацъ. Задача эта, возложенная на Л.-Гв. Финляндскій полкъ, была исполнена главнымъ образомъ той-же 1-й Егерской ротой. Желая овладѣть переправой, поляки трижды ходили въ атаку на греблю, но всякій разъ Финляндцы ихъ отбрасывали [61].

16 непріятельскихъ орудій поражали перекрестнымъ огнемъ 1-й баталіонъ, расположенный на высотахъ, и 1-ю Егерскую роту, прикрывавшую мостъ, но несмотря на это Штабсъ-Капитанъ Насакенъ 1-й, дѣльными своими распоряженіями, ободряя людей, достигъ того, что мостъ былъ своевременно разобранъ. Л.-Гв. Финляндскій полкъ остался здѣсь на аванпостахъ и охранялъ своею цѣпью весь отрядъ Ген. Бистрома.

Въ дѣлѣ подъ Якацомъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ принималъ лично участіе и для ободренія людей, находящихся подъ сильнымъ огнемъ, выѣзжалъ къ застрѣльщичьей цѣпи, гдѣ подвергалъ Свою жизнь большой опасности.

Въ дѣлѣ 5-го мая Л.-Гв. Финляндскій полкъ понесъ слѣдующія потери: изъ офицеровъ раненъ Подпоручикъ Насѣкинъ и контужены Поручики Бар. Аминовъ и Лихонинъ; по численности потери полка были:

	Въ офицерахъ.	Въ нижн. чинахъ.
убитыми.	—	2
ранеными	1	10
контуженными.	2	4

Убыль эта по отношенію къ наличному составу полка, который не превышалъ 32 офицеровъ и 1,800 нижнихъ чиновъ, составляетъ:

	Въ офицерахъ.	Въ нижн. чинахъ.
убитыми.	—	0,11%
ранеными и контуженными. .	9,38%	0,78% [62].

Изъ офицеровъ полка въ этотъ день особенно отличились Полковникъ Моллеръ и Штабсъ-Капитанъ Насакенъ 1-й; награды же, пожалованныя прочимъ офицерамъ полка за это дѣло [63], показываютъ, что всѣ они явились достойными своихъ славныхъ товарищей.

Официальное описаніе дѣйствій гвардейскаго корпуса въ маѣ 1831 года говоритъ о дѣлѣ 5-го мая: „Въ сей день при защитѣ моста въ особенности отличился Л.-Гв. Финляндскій полкъ“ [64].

О храбрости Финляндцевъ свидѣтельствуетъ и слѣдующая выдержка изъ „письма офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка къ брату“, касающуюся дѣла 5-го мая [65].

„Въ ночь перешли мы,—пишетъ онъ, *—на позицію къ Соколову. Нашъ полкъ смѣнилъ Егерей. Около пяти часовъ пополудни непріятель напалъ на насъ: 1-й Егерской ротѣ приказано было удержать непріятеля на мосту до тѣхъ поръ, покуда отступитъ весь отрядъ и саперы успѣютъ сломать мостъ. Ты не можешь вообразить, съ какимъ мужествомъ исполнено это порученіе, несмотря на жестокую канонаду. — Разломавъ мостъ, отрядъ ретировался изъ дер. Старыя Якацы, къ которой надобно приближаться по узкой и длинной плотинѣ. Всѣ усилія непріятеля овладѣть мостомъ остались безуспѣшными; та же 1-я рота, осыпаемая картечью, разломала его. Его Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ, находившись лично въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ и бывъ Самъ свидѣтелемъ, какъ стояли Финляндцы подъ картечью, изволилъ отзываться: „Ни одинъ не мигнулъ глазомъ. Я буду Самъ писать къ Брату“.—Но удивительно ли это. Высокій примѣръ неустрашимости Царскаго Брата одушевлялъ насъ. Всѣ готовы летѣть за Нимъ на смерть“.

Въ итогѣ дѣло Л.-Гв. Финляндскаго полка 5-го мая позволило авангарду Генерала Бистрома пройти спокойно два дефиле и воспрепятствовало полякамъ напасть въ превосходныхъ силахъ и раздавить авангардъ гвардейскаго корпуса.

6-го мая весь гвардейскій корпусъ расположился на позиціи между Снядовымъ и Якацемъ, охраняемой Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ, оставшимся у Якаца.

Гвардія въ этотъ день ожидала атаки противника; имѣя 23 тысячи противъ 30 тысячъ поляковъ, гвардія восполнила недостатокъ численности, занявъ весьма

---

* Авторъ письма, вѣроятно, Прапорщикъ Л. Горемыкинъ; заключаемъ по сходству стиля этого письма съ прочими его письмами.

выгодную позицію для оборонительнаго боя у Снядова. Однако польскій главнокомандующій Скржинецкій, озабоченный за свой тылъ, ограничился въ этотъ день лишь дѣйствіями противъ отряда Сакена у Остроленки. Сакенъ отступилъ, а поляки заняли Мястково и Клячково.

Получивъ извѣстіе объ этомъ, а также о занятіи правой колонной поляковъ переправы у Нура, Великій Князь Михаилъ Павловичъ приказалъ гвардейскому корпусу отступать 7-го мая на Тыкочинъ, черезъ Гачъ, Рудки, Менжчникъ и Лопуховъ. Такое движеніе гвардіи, завлекавшей за собою поляковъ, подставляло ихъ подъ фланговый и даже тыловой ударъ главныхъ силъ русской арміи. Одновременно съ этимъ Великій Князь выполнялъ также и данное ему главнокомандующимъ предписаніе — отступать къ Бѣлостоку.

Все 6-е число Л.-Гв. Финляндскій полкъ стоялъ противъ передовыхъ частей польскихъ войскъ, но до боя дѣло не доходило.

7-го мая, на разсвѣтѣ, выступилъ обозъ гвардейскаго корпуса; въ 9 часовъ утра двинулись главныя силы. Только авангардъ Бистрома остался на своемъ прежнемъ мѣстѣ, охраняя, какъ и раньше, всю гвардію.

Подъ вечеръ было получено приказаніе отступать и частямъ авангарда Бистрома— Л.-Гв. Финляндскому и Егерскому полкамъ. Движеніе ихъ отъ Ст. Якаца совершалось съ большою поспѣшностью. Участникъ этого похода, сдѣлавшій его въ рядахъ Л.-Гв., Финляндскаго полка, Подпоручикъ П. Максимовъ, пишетъ объ этомъ движеніи [66]: „польскія войска слѣдовали за нами по пятамъ, не давая отдыху ни днемъ, ни ночью, такъ что наши солдаты, буквально выбившись изъ силъ, то и дѣло засыпали на ходу и падали отъ крайняго утомленія“. Другой участникъ похода, офицеръ Л.-Гв. Егерскаго полка, пишетъ о движеніи 7-го мая авангарда Бистрома [67]: „Пока мы шли, безпрестанно пріѣзжали адъютанты съ приказаніемъ идти скорѣе. По горизонту поднималась пыль отъ двигавшихся пѣшихъ и конныхъ польскихъ войскъ. Подойдя къ Снядову, мы были восхищены зрѣлищемъ, которое передъ нами открылось. Весь гвардейскій корпусъ былъ выстроенъ въ боевомъ порядкѣ; заходящее солнце играло на штыкахъ, каскахъ и кирасахъ. Великій Князь съ большой свитой объѣзжалъ линіи и здоровался съ войсками. Мы стали по жалонерамъ въ свои гнѣзда. Противъ насъ выстраивалась польская армія. Мы какъ будто предлагали ей помѣряться съ нами, но поляки вызова не приняли и ночь наступила“.

8-го мая, утромъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ прибылъ въ дер. Рудки и остановился не переходя плотины. Въ этотъ день аріергардъ отряда Генералъ-Адъютанта Бистрома составлялъ Л.-Гв. Егерскій полкъ *.

День былъ очень жаркій. Поляки отстали. Людямъ данъ былъ краткій отдыхъ.

Разрѣшено были снять ранцы и поставить ружья въ козлы, въ ожиданіи приготовленія пищи. Офицеры позволили себѣ снять сюртуки и, прикрывшись кое-какъ отъ палящаго солнца, легли отдохнуть, мечтая, какъ утолятъ они свой голодъ вкусной кашей

* Описаніе дѣла 8-го мая взято изъ Исторіи Л.-Гв. Финляндск. полка Ф. Ростковскаго, какъ составленное со словъ участника похода, А. Ѳ. Гана.

съ говядиной; все было тихо, только одни кашевары и деньщики суетились. Вдругъ раздалась команда: „надѣвай ранцы и разбирай ружья, скорѣй, скорѣй“. Причиной тому былъ прискакавшій казакъ, донесшій, что непріятель, въ большомъ числѣ, не болѣе какъ въ 3-хъ верстахъ отъ бивака и сильно тѣснитъ Л.-Гв. Егерскій полкъ. Пропалъ и голодъ, пропала и усталость; только солдатики поглядывали съ сожалѣніемъ на котлы, которые были опрокинуты съ недоваренной говядиной. Финляндскій полкъ почти бѣглымъ шагомъ долженъ былъ возвратиться въ мѣстечко Рудки и двинуться дальше на выручку Лейбъ-Егерей. Положеніе ихъ становилось опаснымъ: утомленные быстрыми переходами, они выбивались изъ силъ противъ двухъ дивизій смѣлаго до дерзости непріятеля, подъѣзжавшаго частью на подводахъ и хорошо понимавшаго всю важность скорѣйшаго занятія дер. Рудки: съ паденіемъ этого пункта артиллерійскій паркъ гвардейскаго корпуса попалъ бы непремѣнно въ руки непріятеля.

Удержаніе рудкинскаго лѣса становилось не по силамъ одному Л.-Гв. Егерскому полку, безпрестанно бросавшемуся въ штыки, чтобы выбивать изъ лѣса наступавшія многочисленныя колонны поляковъ.

Въ это время прибылъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ и привезено было приказаніе Генерала Бистрома „во что бы то ни стало удержаться до наступленія ночи“.

3-й баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка усилилъ всѣ посты, занятые до того времени Лейбъ-Егерями, а 1-й баталіонъ поставленъ былъ въ резервѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ: рота Его Высочества, подъ командою Поручика Барона Аминова, за Рудками; 1-я егерская, Штабсъ-Капитана Насакена, лѣвѣе деревни, а 2-я и 3-я егерскія, подъ командою Капитана Тулубьева, при Капитанѣ Наумовѣ, Штабсъ-Капитанѣ Базинѣ, Подпоручикѣ Максимовѣ и Прапорщикѣ Карцевѣ, посланы были Генераломъ Полешко вправо отъ сел. Рудки, для занятія узкой дорожки, выходившей изъ лѣса. Такъ какъ всѣ роты были размѣщены и прикрытія для знаменъ не оставалось, то, въ видахъ осторожности, знамена были переданы карабинерному взводу роты Его Высочества, для доставленія ихъ въ Л.-Гв. Гренадерскій полкъ, расположенный сзади *.

Л.-Гв. Егерскій полкъ былъ весь въ цѣпи и, бросившись съ барабаннымъ боемъ и крикомъ „ура“, прогналъ поляковъ до опушки лѣса, но здѣсь свѣжія подкрѣпленія, полученныя непріятелемъ, заставили храбрыхъ, но усталыхъ уже Егерей податься назадъ. Тогда введены были въ дѣло четыре роты Л.-Гв. Финляндскаго полка. Была пора. Будь упущена минута, дѣло было бы неисправимо. Два орудія Поручика Сабо, начавшаго уже отходить, лежали въ канавѣ безъ помощи въ людяхъ, дравшихся въ цѣпи. При опрокинутыхъ орудіяхъ стоялъ, съ обнаженною саблею, храбрый командиръ 3-й карабинерной роты Л.-Гв. Егерскаго полка, Капитанъ Баронъ Врангель. ** Въ отчаянномъ молчаніи, онъ поджидалъ отступавшую цѣпь; но дружное „ура“ Финляндцевъ воскресило истощенныя силы славныхъ Егерей; новый напоръ перемѣшанной цѣпи Финляндцевъ и Лейбъ-егерей, бросившейся въ штыки, опрокинулъ наступавшихъ поляковъ. Лѣсъ былъ очищенъ

* Со словъ отставного унтеръ-офицера Л.-Гв. Финл. п. Андрея Иванова.

** Впослѣдствіи командиръ 3-го пѣхотнаго корпуса, умершій въ званіи члена Военнаго Совѣта.

и пушки спасены. Ожесточенный бой продолжался до поздняго вечера; Финляндцы и Лейбъ-Егеря исполнили выпавшую на ихъ долю задачу: главныя силы гвардейскаго корпуса, съ огромнымъ артиллерійскимъ паркомъ, утопавшимъ въ ломженскихъ пескахъ *, успѣли отойти къ Желткамъ и Тыкочину.

Наступленіе ночи и двѣ колонны, направленныя непріятелемъ въ обходъ лѣса, съ обѣихъ сторонъ, принудили Генерала Полешко отступить къ Рудкамъ. Смѣнивъ цѣпь Л.-Гв. Егерскаго полка застрѣльщиками Л.-Гв. Финляндскаго полка, Ген. Полешко вывелъ пѣхоту изъ лѣса, подъ прикрытіемъ двухъ эскадроновъ кавалеріи, и пошелъ къ Менженину.

Непріятель долженъ былъ также ограничить наступленіе занятіемъ лѣса потому, что цѣпь его, атакуемая взводами нашей кавалеріи, не могла выйти изъ лѣса, а колонны не могли выстроиться въ лѣсу, по случаю наступившей темноты.

А. Д. Тулубьевъ.

Дѣло кончилось, но надо было собраться, надо было провѣриться и вызвать изъ лѣса оставшихся, за которыми посланъ былъ исправлявшій должность адъютанта Прапорщикъ Рябининъ. Время шло, а Рябинина не было. Наконецъ, въ расположеніе полка примчалась его лошадь, одна, безъ сѣдока; раздавшіеся еще кое-гдѣ рѣдкіе отдѣльные выстрѣлы дали поводъ заключить, что Прапорщикъ Рябининъ убитъ **. Въ то же время недосчитались 2-й и 3-й егерскихъ ротъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, посланныхъ подъ начальствомъ Капитана Тулубьева Генераломъ Полешко вправо отъ дер. Рудки для прикрытія отъ противника со стороны лѣсной дороги тамъ проходившей никто не зналъ что съ ними и гдѣ онѣ. Пока дѣлались всѣ распоряженія и составлялись различныя предположенія по этому предмету, съ аванпостовъ донесли, что роты съ Капитаномъ Тулубьевымъ пришли, но многихъ въ ихъ рядахъ недосчитывались, многіе шли раненые и всѣ были до такой степени усталыми, что Подпоручикъ Максимовъ, по его собственнымъ словамъ, дойдя до полка, упалъ безъ чувствъ отъ изнеможенія.

---

* Дороги отъ Менженина до Тыкочина были такъ песчаны, говоритъ Смидтъ, въ своемъ сочиненіи (т. 2 стр. 286), что для вытаскиванія изъ глубокаго песка парковыхъ фуръ пришлось употребить весь Л.-Гв. Павловскій полкъ.

** Впослѣдствіи Прапорщикъ Рябининъ, при взятіи гор. Варшавы, прибылъ къ полку какъ освобожденный, силою самыхъ обстоятельствъ, изъ плѣна. Онъ былъ, вечеромъ 8-го мая, раненъ два раза, схваченъ неожиданно наскочившими на него поляками, обезоруженъ и отосланъ военно-плѣннымъ въ Варшаву.

Дѣйствія ротъ Капитана Тулубьева заключались въ слѣдующемъ. Выступивъ, по приказанію Генерала Полешко, по узкой лѣсной дорожкѣ, Капитанъ Тулубьевъ остановился на первой попавшейся полянѣ, черезъ которую пролегала эта дорожка дальше. Выждавъ немного и замѣчая, что слышавшаяся передъ тѣмъ перестрѣлка съ непріятелемъ утихаетъ, Капитанъ Тулубьевъ, желая воспользоваться наступавшей, повидимому, тишиною, поручилъ Подпоручику Максимову испросить новыхъ приказаній Генерала Полешко, на случай отступленія Лейбъ-Егерей и вообще гвардіи, а самъ расположился посреди поляны. Отвѣтъ не замедлилъ получиться: Подпоручикъ Максимовъ передалъ приказаніе „оставаться на мѣстѣ“. Къ этимъ словамъ, Генералъ Полешко: добавилъ „потомъ я дамъ знать“. Такое категорическое приказаніе должно было быть и было исполнено Капитаномъ Тулубьевымъ въ точности.

Нужно сказать, что Подпоручикъ Максимовъ, возвращаясь къ ротѣ, едва могъ къ ней уже добраться [88].

Въ его отсутствіе, шедшая по той же лѣсной дорожкѣ часть польскаго, какъ впослѣдствіи было дознано, авангарда наткнулась на наши роты и вступила съ ними въ перестрѣлку.

Будучи сильно тѣснимы превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, почти окружившимъ роты, Капитанъ Тулубьевъ построилъ каре и уже изъ трехъ фасовъ стрѣлялъ въ насѣдавшихъ поляковъ. Въ это время прибылъ Подпоручикъ Максимовъ съ приказаніемъ Генерала Полешко. Это еще болѣе укрѣпило всѣхъ въ необходимости держаться и не пропускать непріятеля дальше. Горсть храбрыхъ Финляндцевъ, выбиваясь изъ силъ, отстрѣливалась какъ могла.

Положеніе было весьма опасное и крайне неудобное: обѣ роты поставлены были въ одно каре среди поляны, кругомъ которой опушка лѣса занята была сильною непріятельскою цѣпью, каждый стрѣлокъ, которой, помѣщаясь въ кустахъ или за деревьями, могъ почти безнаказанно выпускать свои пули, выбирая по произволу жертвы для своей цѣли.

Число молодцовъ нашихъ начало уменьшаться; убитые и раненые значительно сократили ряды ротъ. Къ опасности ихъ положенія прибавилось новое обстоятельство: не хватало патроновъ—всѣ разстрѣляли. Но и это не смутило Финляндцевъ: убитые и раненые дали возможность поправить дѣло. Наконецъ и этотъ запасъ началъ приходить къ концу. Тогда явились удальцы которые бросаясь впередъ, добывали патроны съ убитыхъ поляковъ, лежавшихъ поблизости каре. Дальнѣйшее положеніе ротъ было бы весьма критическимъ, если бы вскорѣ не наступилъ вечеръ и не послышались въ сторонѣ непріятеля звуки сигнальныхъ рожковъ. Поляки, прекративъ перестрѣлку, понемногу начали уходить въ лѣсъ и затѣмъ оставили въ покоѣ Капитана Тулубьева съ его храбрыми подчиненными.

Пооправившись и перевязавъ, насколько было можно, своихъ раненыхъ, Капитанъ Тулубьевъ сталъ ждать приказанія; но уже совершенно стемнѣло, а отъ начальства никто не являлся. Не зная, чѣмъ долженъ объяснить свое неопредѣленное положеніе, Капитанъ Тулубьевъ рѣшился наконецъ оставить свою позицію и идти на соединеніе съ полкомъ. Но гдѣ онъ и куда идти? По счастью, дорога и мѣстность были знакомы къ сторонѣ

сел. Рудки и къ плотинѣ, гдѣ варили кашу. Рѣшено было двигаться по этому направленію. Приближаясь къ селенію, Капитанъ Тулубьевъ, въ видахъ осторожности, послалъ впередъ Подпоручика Максимова съ нѣсколькими людьми, а самъ съ ротами пріостановился. Вскорѣ послышалось два-три выстрѣла, и вернувшійся офицеръ донесъ, что наткнулся на польскую цѣпь. Тогда, взявъ влѣво, рота направилась черезъ поля, засѣянныя рожью, и различныя дренажныя канавки, внизъ къ плотинѣ. Здѣсь посланный впередъ тотъ же Подпоручикъ Максимовъ скоро вернулся съ радостною вѣстью, что плотина занята русскими, что онъ, на окликъ замѣтившаго его часоваго „кто идетъ", сказалъ „свои Финляндцы" и что, вслѣдъ за отвѣтомъ, ему послышалась бойкая русская рѣчь.

Цѣпь, къ которой прибылъ отрядъ Капитана Тулубьева, состояла изъ роты Его Высочества Л.-Гв. Финляндскаго полка съ Поручикомъ барономъ Аминовымъ и людей Л.-Гв. Егерскаго полка.

Пройдя ее, 2-я и 3-я егерскія роты прибыли благополучно къ полку, который былъ уже въ то время у мѣст. Менженина.

Вскорѣ люди Л.-Гв. Егерскаго полка были отозваны и лицомъ къ непріятелю осталась одна цѣпь изъ людей роты Его Высочества Л.-Гв. Финляндскаго полка. Начальникъ цѣпи, командовавшій въ то время ротою Его Высочества, баронъ (впослѣдствіи Генералъ-Адъютантъ и графъ) Аминовъ, не получая никакого распоряженія и оставаясь въ цѣпи съ частью стрѣлковаго взвода, долго не рѣшался двинуться за ушедшимъ полкомъ и отступилъ только вслѣдствіе категорическаго приказанія Генерала графа Ностица, прибывшаго случайно на наши аванпосты" *. Такъ кончился день боя при Рудкахъ, весьма знаменательный для Финляндцевъ.

Въ дѣлѣ 8-го мая убыль Л.-Гв. Финляндскаго полка состояла:

	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.
Убито и безъ вѣсти пропало	—	38
Ранено	—	53
Контужено	2 **	6

Принимая во вниманіе, что составъ полка мало измѣнился съ 5-го числа, потери въ дѣлѣ подъ Рудками, составятъ:

	Въ офицерахъ.	Въ нижнихъ чинахъ.
Убитыми	—	2,13%
Ранеными и контуженными	6,45%	3,31%

Офиціальное описаніе штаба гвардейскаго корпуса такъ отозвалось о дѣйствіяхъ Л.-Гв. Финляндскаго полка и Лейбъ-Егерей въ сраженіи 8-го мая: „Въ сей день, — говорится тамъ, — примѣрная храбрость и отличный воинскій духъ войскъ 4-й гвардейской пѣхотной бригады... явились въ новомъ блескѣ: не взирая на усталость отъ безпрерывныхъ дѣйствій противъ мятежниковъ и на превосходство силъ сихъ послѣднихъ, мужественно противустояли имъ и, упорно защищая каждый шагъ въ продолженіи шести ча-

* Со словъ Генералъ-Адъютанта графа Аминова.

** Поручики Аммонтъ и Демидовъ.

совъ, удерживали сильный натискъ его и дали тѣмъ запасному артиллерійскому парку время переправиться черезъ рѣку Наревъ" [69].

Авторъ же вышеприведеннаго письма, офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка [70], такъ описываетъ сраженіе этого дня:

„8-го мая поляки настигли насъ у м. Рудки. Многочисленные обозы и пушки не успѣли еще переправиться за Наревъ и потому намъ приказано было держаться до слѣдующаго дня. Завязалась жестокая перестрѣлка, продолжавшаяся отъ 3 часовъ пополудни до 11 вечера. Можешь вообразить, сколько было шуму. Весь Егерскій и, кромѣ двухъ ротъ, весь нашъ полкъ были разсыпаны въ стрѣлкахъ и вступили въ дѣло; непріятель противъ насъ былъ въ 16,000. Генералы Полѣшко и Берниковъ, люди съ большою опытностію, увѣряютъ, что подобнаго ружейнаго огня имъ никогда не удавалось видѣть. Всѣ усилія непріятеля заставить насъ сойти съ позиціи, остались тщетными. Ночь прекратила бой".

Памятникъ у Якаца.

Глава V.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Польской войнѣ 1831 года.

Сраженіе у Тыкочина 9 мая.—Окончаніе отступательнаго марша-маневра гвардіи.—Движеніе къ Варшавѣ.—Августѣйшіе Шефы полка Цесаревичъ Константинъ Павловичъ и Великій Князь Константинъ Николаевичъ.—Полкъ подъ Варшавой.

„4-я бригада (полки Л.-Гв. Финляндскій и Егерскій) составляетъ для всѣхъ предметъ удивленія". (Изъ письма офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка Л. Горемыкина, участника похода 1831 г).

Послѣ блестящаго арьергарднаго боя 8-го мая при сел. Рудки, гдѣ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, совмѣстно съ Лейбъ-Егерями, доблестно отразилъ всѣ атаки вдвое превосходившаго по численности отборнаго отряда Поляковъ, полку пришлось черезъ нѣсколько часовъ, не отдохнувъ послѣ боя, двинуться дальше по направленію къ Тыкочину, прикрывая отступленіе всего гвардейскаго корпуса. Въ часъ пополуночи выступилъ полкъ и на другой день рано утромъ, 9-го мая, прибылъ къ тыкочинской переправѣ, гдѣ ему снова пришлось блистательно отразить нападеніе во много разъ превосходившаго по численности противника и тѣмъ самымъ обезпечить отступленіе прочихъ частей гвардейскаго корпуса [1]. Однако, 9-го мая, Л.-Гв. Финляндскій полкъ одинъ выдержалъ на своихъ плечахъ прикрытіе отступленія гвардіи такъ какъ тыкочинскій бой легъ всею тяжестью на однихъ Финляндцевъ: неразлучные ихъ соратники въ войну 1831 года — Лейбъ-Егеря поспѣли на выручку своихъ товарищей по бригадѣ лишь къ самому концу сраженія.

Движеніе 4-й бригады послѣ цѣлаго ряда крайне утомительныхъ маршей и нѣсколькихъ боевъ было такъ тяжело, что и солдаты и офицеры шли черезъ силу; нѣкоторые

подсаживались на лафеты орудій, другіе на лошадей спѣшивавшихся кавалеристовъ [2]. „По прибытіи къ Тыкочину, — пишетъ участникъ похода, — едва колонны составили ружья и сняли ранцы, какъ тутъ же люди и офицеры, измученные до истощенія послѣднихъ силъ, повалились и заснули“ [3].

Это движеніе 4-й бригады, оказавшееся столь утомительнымъ, было крайне необходимо, такъ какъ Поляки, наступая нѣсколькими колоннами, сильно насѣдали на гвардейскій корпусъ и имѣли намѣреніе, захвативъ переправы у Тыкочина и м. Жолтки, совершенно отрѣзать гвардію отъ главныхъ силъ русской арміи. Къ тому же въ Корпусной Квартирѣ не было точныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ главныхъ силъ графа Дибича.

9-го мая главныя силы гвардейскаго корпуса двигались къ Бѣлостоку через м. Жолтки, близъ котораго и переправились через Наревъ. Авангардъ Бистрома двигался къ тыкочинской переправѣ, съ цѣлью, перейдя тамъ Наревъ, подъ прикрытіемъ этой рѣки соединиться съ главными силами.

Противникъ въ этотъ день сдѣлалъ два весьма энергичныхъ нападенія на гвардейскій корпусъ, пытаясь захватить переправы через Наревъ у Жолтковъ и у Тыкочина. Въ первомъ пунктѣ онъ былъ отбитъ дѣйствіями гвардейской артиллеріи и Л.-Гв. Семеновскаго полка, во второмъ—дѣйствіями Л.-Гв. Финляндскаго полка и частью гвардейской артиллеріи. Бой у Тыкочина, т. е. тамъ гдѣ сражался Л.-Гв. Финляндскій полкъ, имѣлъ бо̀льшее значеніе въ виду того, что туда направлялись главныя силы польской арміи, съ которыми слѣдовалъ самъ главнокомандующій ихъ — Скржинецкій.

Въ то время какъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, слѣдовавшій въ арьергардѣ отряда Генерала Бистрома, подходилъ рано утромъ къ Тыкочину, всѣ приготовленія къ уничтоженію здѣсь переправы были уже окончены: 70 человѣкъ гвардейскихъ саперъ, по указанію Генерала Шильдера, подготовили снятіе настилки четерыхъ тыкочинскихъ мостовъ, составлявшихъ здѣсь одну общую переправу, протяженіемъ болѣе версты. Первоначальное распоряженіе о сожженіи мостовъ было отмѣнено въ виду того, что со стороны Жолтковъ слышалась сильная канонада: происходившій тамъ бой возбуждалъ опасеніе, что Поляки направятъ свои главныя силы именно къ этому пункту, съ цѣлью предупредить тамъ весь гвардейскій корпусъ. Въ такомъ случаѣ окончательное уничтоженіе тыкочинской переправы могло оказаться весьма невыгоднымъ для русскихъ. Со стороны Корпусной Квартиры весьма естественно было предположить, что главныя силы русской арміи предпримутъ фланговое движеніе и тѣмъ самымъ непремѣнно заставятъ польскую армію начать отступленіе къ Варшавѣ и тогда тыкочинская переправа будетъ необходима для преслѣдовании отступающихъ отрядовъ поляковъ [4].

Л.-Гв. Финляндскій полкъ, подходившій къ переправѣ позади прочихъ частей авангарда Бистрома, уже успѣлъ перевести черезъ Наревъ свой 3-й баталіонъ; перешли также мосты 2-я и 3-я егерскія роты 1-го баталіона. Остались на лѣвомъ берегу рѣки лишь другія двѣ роты этого же баталіона—рота Его Высочества и 1-я егерская. Имъ было приказано остановиться для временнаго удержанія противника передъ самой переправой, съ тѣмъ, чтобы саперы успѣли кончить приготовленія къ уничтоженію мостовыхъ настилокъ.

Начальствованіе надъ обѣими ротами, охранявшими переправу, было ввѣрено Флигель-

Адъютанту Полковнику Моллеру. Рота Его Высочества должна была выставить цѣпь на окраинѣ города Тыкочина, а 1-я егерская—служить ей поддержкою.

Въ частности расположеніе ихъ было таково: окраину города заняла цѣпь стрѣлковаго взвода роты Его Высочества; цѣпь эта укрылась за заборами; въ городѣ на площади былъ поставленъ караулъ отъ 1-й егерской роты, подъ командою Прапорщика Теслева; онъ былъ расположенъ ближе всего къ цѣпи стрѣлковаго взвода; нѣсколько сзади помѣстился карабинерный взводъ роты Его Высочества; 1-я же егерская рота стала въ резервѣ у выхода изъ города [5]: остальныя двѣ роты 1-го баталіона—2-я и 3-я егерскія расположились по ту сторону Нарева, у самой переправы, подъ начальствомъ Капитана Тулубьева.

Третій баталіонъ полка остановился въ верстахъ трехъ отъ переправы.

Впереди Тыкочина, на довольно значительномъ разстояніи, стояли казачьи посты, оберегавшіе отъ нечаяннаго нападенія передовыхъ частей противника [6].

Но противникъ не показывался и у Тыкочина все было тихо; зато со стороны Жолтковъ была слышна не умолкавшая канонада; отдѣленные слишкомъ десяти-верстнымъ разстояніемъ отъ Жолтковъ, Финляндцы относились совершенно спокойно къ этой канонадѣ. Третій баталіонъ, при которомъ находилась одна батарея гвардейской конной артиллеріи, расположился на отдыхъ: измученные нижніе чины сбросили ранцы, сняли амуницію, сапоги, чтобы воспользоваться удобной минутой и близостью воды и освѣжить наболѣвшія и отекшія отъ жары и постоянной усталости ноги; отдыхъ и спокойствіе водворились полные. Одинъ изъ офицеровъ 3-го баталіона, Подпоручикъ Ганъ такъ описываетъ утро этого дня [7]: „Храбрый нашъ вождь Генералъ Бистромъ, появлявшійся всегда въ минуту опасности и незадолго передъ симъ лично торопившій переходъ войскъ по полуразобранному мосту, уѣхалъ изъ Тыкочина, по направленію слышавшихся выстрѣловъ. Отъѣздъ его вселилъ нашему аріергарду увѣренность, что задача отряда была исполнена и наступила очередь главнымъ силамъ гвардіи сразиться съ Поляками, съ которыми они, прикрываемые частями аріергарда, до сего времени еще не встрѣчались. Увѣренность была такъ велика, что даже оставшійся старшимъ въ отрядѣ, бригадный командиръ, Генералъ Полешко, соперничавшій всегда съ Генераломъ Бистромомъ, кто раньше поспѣетъ на опасность, легъ отдохнуть. Все какъ-то настроилось мирно и спокойно; никто и не помышлялъ, что это спокойствіе было затишьемъ передъ бурей, разразившейся въ ужасахъ кровопролитнаго боя. Канонада подъ Жолтками утихала и даже совершенно прекратилась“.

Вдругъ, въ 3 часу пополудни, послышались выстрѣлы вблизи, со стороны Тыкочина, гдѣ стояли роты 1-го баталіона Л.-Гв. Финляндскаго полка. То было начало тыкочинскаго дѣла, столь славнаго для Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Мѣстность, гдѣ разыгралось дѣло на берегу Нарева и самая рѣка эта представляли собою слѣдующее.

Наревъ образовывалъ въ своемъ теченіи рядъ небольшихъ острововъ, омываемыхъ развѣтвленіями рѣки. Не будучи широкъ въ своемъ руслѣ, онъ, со всѣми своими притоками, занималъ весьма обширное, болотистое, почти непроходимое пространство, отдалявшее его берега на разстояніе, много превосходившее дѣйствительность выстрѣла тогдашняго семилинейнаго гладкоствольнаго кремневаго ружья. Оба берега соединялись

между собою посредствомъ упомянутыхъ острововъ нѣсколькими мостами, гатями и плотинами; поэтому переправа представляла длинную ломанную линію. На лѣвомъ берегу первый мостъ былъ не великъ и отъ него проходила довольно длинная плотина; дальше шло нѣсколько мостовъ и гатей и наконецъ послѣдняя длинная плотина, упиравшаяся въ правый берегъ. Сѣверная окраина города Тыкочина окаймлена была толстою каменною стѣною, имѣвшею одинъ выходъ—ворота противъ перваго моста. Такое расположеніе переправы давало Полякамъ ту выгоду, что, при занятіи сѣверо-восточной окраины города своею артиллеріею, а нижней части теченія рѣки—густою цѣпью застрѣльщиковъ, путь отступленія Л.-Гв. Финляндскаго полка проходилъ бы подъ выстрѣлами орудій и стрѣлковыхъ цѣпей Поляковъ. Противодѣйствовать этому можно было бы, занявъ весьма удобныя для обороны развалины замка, находившагося на одномъ изъ островковъ, прямо противъ выходныхъ воротъ изъ города. Однако ни островокъ, ни замокъ заняты не были [8].

Расположеніе двухъ Финляндскихъ ротъ къ югу отъ тыкочинской переправы показываетъ насколько въ отрядѣ Генерала Бистрома были мало освѣдомлены о дѣйствительномъ направленіи и намѣреніяхъ Поляковъ.

Принятое отрядомъ Генерала Бистрома расположеніе было бы соотвѣтственно лишь въ предположеніи, что тыкочинской переправѣ могутъ угрожать незначительныя передовыя части противника; появленія же главныхъ силъ польской арміи въ нѣсколько десятковъ тысячъ никто тамъ не ожидалъ. Между тѣмъ Поляки именно и предприняли атаку Тыкочина крупнымъ отрядомъ, въ составѣ нѣсколькихъ дивизій пѣхоты.

Наступленіе этихъ значительныхъ силъ поставило двѣ роты Л.-Гв. Финляндскаго полка и 70 человѣкъ гвардейскихъ саперъ, бывшихъ съ ними, въ крайне тяжелое и даже критическое положеніе. Участь этой горсти гвардейцевъ висѣла на волоскѣ: Поляки легко могли отрѣзать путь отступленія защитникамъ переправы, да и самое отступленіе могло быть совершено не иначе какъ по единственному мосту, обстрѣливавшемуся на протяженіи цѣлой версты перекрестнымъ и анфиладнымъ огнемъ польскихъ батарей и стрѣлковъ. Къ довершенію всего, отступая, Финляндцы и саперы должны были разобрать мостовую настилку подъ огнемъ и на виду у противника.

Было около 3 часовъ пополудни, когда на плечахъ отступавшихъ казаковъ появились въ густыхъ колоннахъ и довольно длинныхъ линіяхъ непріятельскія войска [9]. Они съ воодушевленіемъ спѣшили овладѣть городомъ. Появленіе Поляковъ привѣтствуемо было жителями Тыкочина колокольнымъ звономъ и выраженіемъ самаго искренняго и сердечнаго сочувствія. Ободряемые притомъ пальбою, открывшеюся изъ оконъ домовъ, по мелкимъ русскимъ отрядамъ, бывшимъ въ городѣ, Поляки съ яростью бросались на нашихъ солдатъ.

Сознавая всю опасность положенія ротъ Его Высочества и 1-й егерской и невозможность вступать въ дѣло съ значительно превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, рѣшено было отозвать эти роты назадъ. 1-я егерская рота, какъ бывшая назади, спокойно отошла по плотинамъ и частью разобраннымъ уже мостамъ. Вмѣстѣ съ нею переправился и карабинерный взводъ роты Его Высочества, подъ командою Поручика Гизингера. Стрѣлковый же взводъ долженъ былъ быть, по распоряженію Фл.-Ад. Полковника Моллера, смѣненъ бывшею въ Тыкочинѣ командою выздоровѣвшихъ армейскихъ солдатъ, начальникомъ

которой былъ состоявшій по армейской пѣхотѣ Поручикъ Семеновъ.—Командиръ стрѣлковаго взвода Л.-Гв. Финляндскаго полка Поручикъ баронъ Аминовъ собралъ цѣпь и отступалъ медленно къ переправѣ. Въ нѣкоторыхъ переулкахъ оставались еще небольшія кучки солдатъ, неустрашимо смотрѣвшихъ въ глаза смерти. На площади былъ караулъ, подъ командою Прапорщика Теслева, о снятіи котораго не было получено еще никакого приказанія.

Караулъ Прапорщика Теслева погибаетъ на своемъ посту.

Поручикъ баронъ Аминовъ не рѣшился самъ отозвать караулъ, поставленный лично командиромъ баталіона, а Прапорщикъ Теслевъ, хотя и сознавалъ всю опасность и, можно сказать, безвыходность своего положенія, не хотѣлъ и думать объ оставленіи порученнаго ему поста, безъ распоряженія своего начальства. Горячо и сердечно простились два пріятеля. Нужно сказать, что Прапорщикъ Теслевъ былъ всегда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Поручикомъ барономъ Аминовымъ. Они еще болѣе сблизились, когда баронъ Аминовъ, будучи сильно контуженъ въ дѣлѣ подъ Якацомъ и, оставшись въ строю, пользовался любезными услугами юнаго офицера, ухаживавшаго за нимъ

какъ самый лучшій фельдшеръ и преданный другъ. Крѣпко поцѣловались друзья и поцѣлуй молодого прапорщика былъ послѣднимъ, которымъ онъ прощался съ жизнью, со всѣми своими розовыми надеждами.

Стрѣлковый взводъ роты Его Высочества, оставшійся послѣднимъ въ городѣ, отступилъ къ мосту, но здѣсь онъ встрѣтилъ неожиданное препятствіе: первый мостъ былъ разобранъ и отъ него оставались только столбы съ балками. Надо было, для спасенія себя, перебраться на ту сторону. Не долго думая, то ползкомъ, то перескакивая съ балки на балку, перешли стрѣлки первый мостъ. Хотя разобранный мостъ и могъ уже служить пріостановкою для поляковъ, но необходимо было совсѣмъ разрушить и слѣдующіе мосты для возможной задержки непріятеля.

Надежда скоро соединиться съ остальными своими товарищами, за Наревомъ, подбавляла силы работавшимъ и оставшаяся еще мостовая настилка слѣдующихъ мостовъ быстро разбрасывалась въ болото и рукава рѣки.

Поляки въ это время еще не выходили изъ города: они разсчитывались съ горстью оставшихся храбрецовъ. Добравшись до плотины, Поручикъ баронъ Аминовъ испросилъ разрѣшенія бывшаго тамъ командира 1-го баталіона Флигель-Адъютанта Полковника Моллера на отозваніе Прапорщика Теслева съ его карауломъ. Обрадованный полученнымъ приказаніемъ и взявъ съ собою 4-хъ горнистовъ, бросился онъ назадъ, зная, что всякая минута промедленія была гибельна для его пріятеля. Встрѣчавшіеся на пути раненые Финляндцы убѣждали Поручика барона Аминова въ безцѣльности его усилій, но чувства диктовали ему другое. Достигнувъ перваго моста, онъ съ горечью однако убѣдился въ справедливости слышаннаго: на противуположномъ берегу уже стояли польскія орудія, заѣхавшія съ другой стороны города и громившія плотину и мосты картечью, въ сферѣ которой оказался и самъ баронъ Аминовъ. Къ тому же ворота были заперты; одинъ унтеръ-офицеръ Л.-Гв. Сапернаго баталіона, бывшій при разборкѣ моста, заперъ ихъ на ключъ, какъ тогда всѣ говорили, и бросилъ ключъ въ рѣку. Чтобы исполнить все возможное, Поручикъ баронъ Аминовъ приказалъ горнистамъ играть сигналъ отступленія, но Прапорщикъ Теслевъ не слышалъ его среди грома пушекъ, да и слышать уже не могъ.

Въ промежутокъ этого времени люди Прапорщика Теслева, послѣ отчаяннаго сопротивленія, были частью перебиты, частью раненые и безпомощные взяты въ плѣнъ. Прапорщикъ же Теслевъ, по показанію раненыхъ нижнихъ чиновъ, найденныхъ послѣ въ Тыкочинѣ, палъ, пораженный пулею, направленною изъ окна одного изъ сосѣднихъ къ площади домовъ; оффиціальные же документы показываютъ, что Прапорщикъ Теслевъ, разсыпавъ своихъ людей въ цѣпь, бросился въ штыки на Поляковъ, при чемъ и погибъ геройской смертью. Тѣ же, которымъ удалось такъ или иначе спастись, подверглись тоже горькой участи; многіе изъ нихъ, ослабленные боемъ и израненые, не въ силахъ были перебраться черезъ разобранный мостъ и утонули въ рѣкѣ.

Между тѣмъ поставленныя на лѣвомъ берегу непріятельскія орудія открывшія картечный огонь по отступавшимъ, не позволяли Финляндцамъ оставаться дольше на совершенно открытой переправѣ, почему рѣшено было, быстро отступивъ по мостамъ и пер-

вой плотинѣ и остановившись гдѣ было возможно на самомъ болотѣ, разсыпать цѣпь стрѣлковъ.

Перейдя подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ часть послѣдней длинной плотины, роты расположились на болотѣ слѣдующимъ образомъ. Одинъ взводъ и застрѣльщики 1-й егерской роты разсыпаны были въ цѣпь по обѣ стороны плотины, а другой взводъ той же роты сталъ въ резервѣ, по лѣвую сторону плотины, у конца ея. Прибывшая вскорѣ рота Его Высочества поставлена была, въ ротной колоннѣ, по правую сторону плотины, также у конца ея. Вслѣдъ затѣмъ стрѣлковый взводъ выдвинутъ былъ Полковникомъ Моллеромъ впередъ и разсыпанный смѣнилъ правую половину цѣпи 1-й егерской роты, такъ какъ у этихъ людей всѣ патроны были уже разстрѣляны. Смѣненная цѣпь отправлена была ко взводу 1-й егерской роты, бывшему въ резервѣ.

Поляки въ это время успѣли разломать ворота, наскоро исправили мосты и въ густыхъ колоннахъ наступали по плотинѣ, подъ покровительствомъ огня своихъ орудій.

Тогда завязался оживленный бой. Наши стрѣлки поражали учащеннымъ огнемъ двигавшагося непріятеля, который, въ свою очередь, будучи вооруженъ отличными двухствольными ружьями, далеко превосходившими русское кремневое гладкоствольное ружье наносилъ Финляндцамъ сильнѣйшій вредъ. Притомъ артиллерія его безъ умолку стрѣляла. По счастью выстрѣлы ея направлены были главнымъ образомъ въ сарай, стоявшій на правомъ берегу, около котораго никого не было и потому артиллерійскій огонь, если и былъ чувствителенъ, то очень мало.

Очевидно было, что безъ артиллеріи невозможно остановить поляковъ. Сознавая это, Фл.-Ад. Полковникъ Моллеръ послалъ, при самомъ началѣ дѣла, въ расположеніе 3-го баталіона Л.-Гв. Финляндскаго полка за дежурнымъ взводомъ артиллеріи Поручика Спафарьева.

Въ ожиданіи прибытія орудій, на правомъ берегу, противъ самой плотины, насыпанъ былъ нашими ротами брустверъ съ амбразурами на два орудія.

Съ теченіемъ времени дѣло принимало для насъ весьма опасное положеніе. Хотя выстрѣлы наши и выводили у непріятеля людей изъ строя, но доставалось это намъ недаромъ. Поляки отчаянно бросались впередъ, застилая путь свой трупами; передніе замѣщались напиравшими сзади; ряды падали, а ихъ мѣста занимала надвигавшаяся сзади живая стѣна. Минута была критическая. Напоръ былъ такъ настойчивъ, что роты Л.-Гв. Финляндскаго полка приготовились для встрѣчи непріятеля штыками; чѣмъ бы кончилась эта расправа, трудно сказать: сила и численное превосходство могли одержать верхъ. По счастью, въ это время подоспѣлъ прискакавшій отъ 3-го баталіона Л.-Гв. Финляндскаго полка Поручикъ Спафарьевъ съ двумя дежурными орудіями. Съ быстротою молніи снялись они съ передковъ и мѣткая картечь разомъ отрезвила восторженный порывъ Поляковъ. Бой хотя и продолжался ожесточенный, упорный, кровавый и наши еще продолжали изнемогать подъ губительнымъ огнемъ Поляковъ, но подоспѣвшія орудія все-таки значительно пріостановили противника.

Въ это время въ польской арміи получено было извѣстіе о быстромъ приближеніи главной русской арміи, подъ командою графа Дибича. Извѣстіе это повергло главнокомандующаго Поляковъ Скржинецкаго, такъ удачно, повидимому, преслѣдовавшаго рус-

скую гвардію, въ область обычныхъ ему сомнѣній и нерѣшительности и онъ призналъ необходимымъ не только прекратить такъ энергически веденное наступленіе, но и отступить, двигаясь съ возможною поспѣшностью къ своему опорному пункту — гор. Остроленкѣ. Поляки, вслѣдствіе этого, начали слабѣе наступать и вскорѣ совершенно прекратили бой у Тыкочина.

Такимъ образомъ, благодаря только во-время подоспѣвшему извѣстію, обязанъ былъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ выходомъ изъ весьма опаснаго положенія, хотя дѣло принимало для него лучшій оборотъ: поляки уже обратились въ бѣгство съ моста, когда къ вечеру 3-й баталіонъ прибылъ на выручку своего 1-го баталіона. Вскорѣ стрѣльба изъ орудій и ружей умолкла, сраженіе кончилось и только раненые, отправлялись на перевязочный пунктъ.

Потери Л.-Гв. Финляндскаго полка въ дѣлѣ подъ Тыкочинымъ были слѣдующія: *а*) офицеровъ: убитъ 1—Прапорщикъ Теслевъ, раненъ 1—Поручикъ бар. Аминовъ и контуженъ 1—Прапорщикъ Базилевскій; *б*) нижнихъ чиновъ: убито—6, ранено—35, контужено—9.

Принимая во вниманіе, что здѣсь участвовали только роты 1 баталіона, въ составѣ котораго могло быть, по всѣмъ даннымъ, исключивъ потери въ двухъ предыдущихъ дѣлахъ, не болѣе 15 офицеровъ и 850 нижнихъ чиновъ, убыль составитъ: въ офицерахъ — убитыми 6,66%, ранеными и контуженными 12,32%; въ нижнихъ чинахъ—убитыми 0,70% ранеными и контуженными 5,06%.

Такъ окончилось тыкочинское дѣло, изъ котораго съ честью вышелъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, показавъ здѣсь свое обычное мужество и стойкость въ исполненіи долга, не щадя жизни своихъ чиновъ. Блестящій примѣръ исполнительности долга показалъ въ тыкочинскомъ дѣлѣ Прапорщикъ Теслевъ и нижніе чины его караула, заплатившіе жизнью за точное и примѣрное выполненіе обязанностей караульной службы.

Насколько трудно было въ этотъ день сражаться утомленнымъ солдатамъ 4-й гвардейской пѣхотной бригады показываетъ слѣдующее описаніе Лейбъ-Егеря. Къ концу сраженія, когда поляки во что бы то ни стало хотѣли перейти по мостамъ Нарева и выбить Финляндцевъ изъ ихъ расположенія у переправы, Генералъ „Бистромъ прислалъ къ Генералу Полешко адъютанта съ приказаніемъ вести Егерскій полкъ на мостъ и не перепускать поляковъ. Генералъ, измученный до болѣзни, отвѣчалъ, что вести полкъ не въ состояніи, что всѣ штабъ-офицеры и много оберъ-офицеровъ переранено, а что касается до солдатъ, то пусть адъютантъ поѣдетъ и самъ попробуетъ разбудить ихъ. Удостовѣрившись лично въ физической невозможности вести Егерей въ дѣло, адъютантъ доложилъ о томъ Генералу Бистрому, и посланъ былъ на мостъ Финляндскій полкъ (точнѣе говоря 3-й батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ придвинутъ къ 1-му). Наши бригадные собратья, — говоритъ онъ въ заключеніе, — съ торжествомъ выполнили свою обязанность; они цѣлый день дрались, уничтожали всѣ попытки Поляковъ перейти черезъ мосты и не выпустили ихъ изъ города“ [10].

Въ бою 9 мая Л.-Гв. Финляндскій полкъ выказалъ всегда ему присущія высокія боевыя качества и дѣйствія его чиновъ въ этотъ день несомнѣнно надо признать блестящими [11]: несмотря на громадное превосходство силъ противника, Финляндцы не только удержали

тыкочинскую переправу, но и прогнали Поляковъ съ моста, нанеся имъ чувствительный уронъ и выведя изъ ихъ строя 6 офицеровъ и 500 нижнихъ чиновъ.

Дѣйствія наиболѣе отличившихся въ этомъ сраженіи офицеровъ представлены Августѣйшимъ командиромъ гвардейскаго корпуса, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ въ слѣдующихъ словахъ [12]:

„Полковникъ Моллеръ 9-го мая, при отступленіи за Наревъ, былъ оставленъ съ двумя ротами въ м. Тыкочинѣ, для прикрытія переправы и удержанія мостовъ, исполнилъ сіе съ тою блестящею распорядительностью и храбростью, какихъ можно ожидать отъ достойнѣйшаго штабъ-офицера, такъ что, несмотря на жестокій огонь непріятельской артиллеріи и на многія рѣшительныя и смѣлыя покушенія непріятеля въ превосходныхъ силахъ, мосты, остались за нами, будучи покрыты непріятельскими трупами“ *.

Генералъ Бистромъ, командиръ 4-й гвард. бригады, составлявшей въ кампанію 1831 года „предметъ удивленія“.

„Штабсъ-Капитанъ Насакенъ I, 9-го мая, находясь съ ротою у переправы чрезъ Наревъ, подъ Тыкочинымъ, первый отразилъ натискъ непріятеля, благоразумными распоряженіями и хладнокровнымъ мужествомъ сохранилъ порядокъ въ ротѣ при переходѣ по бревнамъ разобраннаго моста, подъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, и въ продолженіе всего сраженія подавалъ личною храбростію достойный примѣръ подчиненнымъ“.

„Поручикъ Беръ, 9-го мая, при удержаніи непріятеля на переправѣ чрезъ Наревъ подъ Тыкочиномъ, командуя взводомъ, первый сдѣлалъ отпоръ непріятелю въ мѣстечкѣ, сохранилъ порядокъ при переходѣ черезъ мостъ, ходилъ со взводомъ въ штыки при

* Въ этомъ дѣлѣ подъ Полковникомъ Моллеромъ была ранена гранатою лошадь, но онъ самъ остался невредимъ, какъ о томъ сообщилъ намъ сынъ его — есаулъ А. А. Моллеръ.

обратномъ овладѣніи мостами и вообще мужествомъ своимъ и неустрашимостію много способствовалъ къ успѣху сраженія".

„Прапорщикъ Теслевъ, 9-го мая, при удержаніи переправы чрезъ р. Наревъ, подъ Тыкочиномъ, командуя застрѣльщиками въ самомъ мѣстечкѣ, первый остановилъ напоръ мятежниковъ, бросившись на нихъ въ штыки, гдѣ и остался тяжело раненый".

Врачи полка, штабъ-лѣкарь Воскобойниковъ и батальонный лѣкарь Руфиновъ выказали въ этомъ сраженіи, какъ и въ предшествовавшихъ, „похвальное усердіе и пренебреженіе собственной опасности, оказывая скорое пособіе раненымъ воинскимъ чинамъ подъ огнемъ непріятельской артиллеріи".

Едва Л.-Гв. Финляндскій полкъ отбилъ противника и сталъ приводить въ порядокъ ряды 1-го своего баталіона, какъ получено было приказаніе: отряду Генерала Бистрома, собравшись въ 5 верстахъ отъ Тыкочина, слѣдовать далѣе къ Бѣлостоку. Въ часъ пополуночи выступилъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ изъ-подъ Тыкочина и, пройдя всю ночь по сыпучему песку, къ 10 часамъ утра прибылъ въ д. Хвосты, гдѣ и расположился бивакомъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній.

Здѣсь закончился весьма знаменательный отступательный маршъ-маневръ гвардейскаго корпуса, прикрытіемъ которому во все время этого марша служила 4-я гвардейская пѣхотная бригада, т. е. полки Л.-Гв. Финляндскій и Егерскій. Окончился этотъ маршъ въ виду прекращенія наступленія главныхъ силъ польской арміи и отхода ея на Ломжу и Остроленку, во избѣжаніе удара главныхъ силъ русской арміи, перешедшей къ тому времени черезъ Бугъ.

Несмотря на то, что польскій главнокомандующій, Генералъ Скржинецкій, выставлялъ походъ противъ русской гвардіи какъ свою побѣду, вся операція польской арміи оказалась не болѣе какъ ударомъ по воздуху и стратегически побѣда была несомнѣнно на сторонѣ гвардейскаго корпуса: онъ искустно избѣгнулъ отдѣльнаго пораженія, а польская армія не только была напрасно утомлена форсированными маршами, но подъ конецъ операціи очутилась въ рискованномъ положеніи, выдвинувшись такъ далеко къ берегамъ Нарева. Значительнѣйшая доля успѣха, достигнутаго русской гвардіей, должна быть приписана отряду Генерала Бистрома и преимущественно храбрымъ полкамъ 4-й гвардейской бригады — Финляндцамъ и Лейбъ-Егерямъ, грудью отстаивавшимъ каждый шагъ въ столь трудныхъ, вообще, аріергардныхъ бояхъ.

Одинъ изъ изслѣдователей этого похода говоритъ, что отступленіе гвардіи къ Бѣлостоку „было въ высшей степени блистательно, славно и удачно, такъ что Скржинецкій былъ на каждомъ шагу задерживаемъ и не только не захватилъ трофеевъ, но у него самого при отступленіи выхватывали плѣнныхъ и онъ цѣлыхъ семь сутокъ былъ задержанъ гвардіей—на свою бѣду и... всѣ предположенія его были разрушены" [13].

Беззавѣтное мужество славной 4-й гвардейской бригады угнетающе подѣйствовало на духъ польскихъ войскъ. Участникъ похода, офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка, писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ о польскомъ главнокомандующемъ: „по словамъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Тыкочинѣ, Скржинецкій употреблялъ всѣ усилія, чтобы убѣдить на драку свое войско: оно рѣшительно отказывается сражаться съ гвардіею" [14].

Дѣйствія Финляндцевъ и Егерей при отступательномъ маршѣ-маневрѣ вызывали

восхищеніе всего гвардейскаго корпуса. Участникъ похода пишетъ о легкой гвардейской бригадѣ слѣдующее: „4-я бригада составляетъ для всѣхъ предметъ удивленія; невозможно сдѣлать ретираду въ большемъ порядкѣ на маневрахъ. Всѣ наперерывъ старались чѣмъ-нибудь доказать на дѣлѣ чувство своего удивленія. Кавалерія вывозила раненыхъ изъ боя на своихъ лошадяхъ, артиллерія брала ихъ на лафеты, и при той ретирадѣ ни одна повозка не досталась въ руки непріятеля, обагрявшаго каждый шагъ своею кровію" [15].

Такимъ образомъ Финляндцы поддержали здѣсь свою всегдашнюю боевую славу и, сражаясь въ этомъ походѣ рядомъ съ Лейбъ-Егерями, какъ то было въ походы 1812—1814 годовъ и въ турецкую войну 1828 года, еще тѣснѣе установили съ ними рыцарское боевое товарищество. Оба полка заслужили здѣсь отличнѣйшую оцѣнку и объ ихъ „блистательныхъ подвигахъ" было тотчасъ доведено до Высочайшаго свѣдѣнія, какъ о томъ доносилъ главнокомандующему Августѣйшій командиръ гвардейскаго корпуса, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, въ отношеніи отъ 18 іюля 1831 г. [16].

Съ прибытіемъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ д. Хвосты совпало затишье на театрѣ военныхъ дѣйствій. 10-го и 11-го мая Поляки, стоя у Тыкочина и Жолтковъ, не предпринимали наступательныхъ дѣйствій противъ передовыхъ частей русской арміи. Поэтому Л.-Гв. Финляндскій полкъ могъ впервые послѣ четырехдневнаго безостановочнаго движенія и трехъ сраженій отдохнуть и подкрѣпить свои силы. Впрочемъ, не весь полкъ могъ воспользоваться столь необходимымъ отдыхомъ. Генералъ Бистромъ оставилъ на шестой верстѣ отъ Тыкочина 9-ю Егерскую роту, подъ командою Штабсъ-Капитана Крутова, и приказалъ ей, расположившись боевымъ порядкомъ, встрѣтить противника, въ случаѣ его наступленія, а также принять на себя охраненіе мелкихъ командъ. Весь день, 10-го мая, простояла рота на указанномъ ей мѣстѣ и только вечеромъ присоединилась къ полку [17].

Двухдневная дневка у Хвостовъ была проведена полкомъ вмѣстѣ съ тѣмъ и не въ малыхъ хлопотахъ и заботахъ: надо было произвести учетъ людей, опредѣлить число убывшихъ убитыми и ранеными въ сраженіяхъ, отправить раненыхъ въ полковой лазаретъ, выписать оттуда выздоравливающихъ легко раненыхъ [18] и произвести приготовленія къ дальнѣйшему походу по части матеріальной и оружейной, такъ какъ полку стало извѣстно, что весь гвардейскій корпусъ получилъ назначеніе преслѣдовать отступавшаго противника и вступить съ нимъ въ бой вмѣстѣ съ главными силами русской арміи.

За маршъ-маневръ въ авангардѣ Генерала Бистрома съ 4-го по 11-е мая чины Л.-Гв. Финляндскаго полка получили слѣдующія награды [19].

Командиръ полка, Генералъ-Маіоръ Берниковъ—золотую шпагу, алмазами украшенную; Флигель-Адъютантъ, Полковникъ Моллеръ—золотую полусаблю и орденъ св. Владиміра 3-й степени; Полковники: Окуловъ—орденъ св. Анны 2-й степени, Звенигородскій—тотъ же орденъ съ Императорской короной; Ланевскій-Волкъ — орденъ св. Анны 2-й степени и орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; Ширмо-Щербинскій — орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; Капитаны: Тулубьевъ — золотую полусаблю и орденъ св. Анны 2-й степени съ Императорской короной; Воецкій, Аммонтъ и Нелидовъ — св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; Штабсъ-Капитаны: Насакенъ 1-й—золотую полусаблю и св. Анны 2-й степени, Насакенъ 2-й и Крутовъ — св. Анны 2-й степени, Базинъ — св. Вла-

диміра 4-й степени съ бантомъ и св. Анны 2-й степени; Поручики: Наумовъ—св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и св. Анны 4-й степени; фонъ-Шульцъ и Муравьевъ — св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; Гизингеръ, Демидовъ, Беръ и баронъ Аминовъ—св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и св. Анны 3-й степени; Лихонинъ—св. Владиміра 4-й степени и св. Анны 3-й степени съ бантомъ; лѣкарь Воскобойнниковъ — св. Владиміра 4-й степени.

Прочіе офицеры были награждены орденами св. Анны 3-й степ. съ бантомъ, тѣмъ же орденомъ 4-й степени, а также изъявленіемъ Высочайшаго благоволенія *).

Награды нижнимъ чинамъ были слѣдующія: на всѣхъ участвовавшихъ въ сраженіяхъ мая мѣсяца пожаловано 44 Георгіевскихъ креста; тремъ Фельфебелямъ и одному унтеръ-офицеру назначенъ двойной окладъ жалованья; 26 нижнихъ чиновъ получили по червонцу за взятыхъ ими въ плѣнъ, въ сраженіи при Якацѣ [20].

Вскорѣ послѣ тыкочинскаго дѣла 9-го мая обстоятельства измѣнились на театрѣ военныхъ дѣйствій въ пользу русской арміи. Польская армія, угрожаемая дѣйствіями на ея сообщенія главными силами русскихъ войскъ, должна была покинуть свои позиціи у Нарева. 11-го мая „съ чрезвычайною поспѣшностью“ отступила она отъ Тыкочина и отъ Жолтковъ, держа направленіе на Рудки и Ломжу. Отступленіе это обратилось въ настоящее бѣгство; весь путь былъ усѣянъ ранеными, больными и массой брошенныхъ предметовъ снаряженія и вооруженія; отсталые солдаты сдавались въ плѣнъ цѣлыми толпами [21]. „Скржинецкій, — писалъ участникъ похода, — улепетываетъ благимъ матомъ“ [22].

Въ первый день отступленія поляковъ преслѣдовала только гвардейская кавалерія; со второго дня, т. е., съ 12-го мая, преслѣдованіе началось и гвардейской пѣхотой, двигавшейся форсированными маршами на Остроленку. Движеніе это было ведено быстро и энергично. Особенно форсированно двигалась пѣхота 13-го мая. День былъ жаркій и удушливый, облака пыли окутывали колонны, но войска шли бодро, весело, въ нетерпѣливомъ ожиданіи боя, котораго непріятель такъ избѣгалъ за послѣдніе дни [23]. Въ первые три дня марша гвардія прошла 110 верстъ, преслѣдуя по пятамъ мятежниковъ, „не давая имъ отдыха и забывая о собственномъ отдохновеніи“ [24].

2-я гвардейская пѣхотная дивизія при этомъ движеніи шла вся вмѣстѣ, черезъ Гачъ и Снядовъ, составляя сильный эшелонъ въ хвостѣ правой колонны главныхъ силъ. Л.-Гв. Финляндскій полкъ, двигаясь въ числѣ прочихъ ея полковъ, испытывалъ всѣ тягости этого марша; въ день 13-го мая полкъ сдѣлалъ переходъ въ 40 слишкомъ верстъ до Снядова, гдѣ 2-я дивизія остановилась въ ожиданіи подхода 1-й гвардейской дивизіи.

14-го мая подошла 1-я дивизія и послѣ полудня весь гвардейскій корпусъ тронулся къ Остроленкѣ, вслѣдъ за главными силами русской арміи.

*) Офицеры эти были слѣдующіе: Поручики: Сумароковъ, Ратьковъ, Киновичъ, Максимовъ, Заварицкій; Прапорщики: Горемыкинъ и Базилевскій получили—орденъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ, при чемъ послѣдніе двое удостоились сверхъ того Высочайшаго благоволенія Лѣкарь Руфиновъ — орденъ св. Анны 3-й степени. Поручикъ Бабушкинъ и Прапорщики: Кн. Орбеліани, Мухановъ, Ганъ, Шмитъ, Шевелевъ, Кн. Шаховской, Карцовъ, Скалонъ, Насѣкинъ, Познякъ, Бекъ и Гр. Коновницинъ—ордена св. Анны 4-й степени „за храбрость“ при чемъ послѣдніе сверхъ того — изъявленія Высочайшаго благоволѣнія.

Пока гвардія подходила къ этому пункту, польская армія была разбита главными силами русскихъ войскъ, предводимыхъ Фельдмаршаломъ Дибичемъ, въ сраженіи подъ Остроленкой. Результаты этого сраженія были громадны: около 10 тысячъ поляковъ выбыло изъ строя, польская армія сразу упала духомъ, главнокомандующій ея, Скржинецкій, говорилъ, подобно Костюшкѣ, „finis Polonies", и благоразумнѣйшіе изъ поляковъ перестали съ этого дня сколько-нибудь серьезно разсчитывать на возстановленіе самостоятельности Польши.

Въ этомъ сраженіи гвардіи не пришлось участвовать. „14 мая на походѣ къ Остроленкѣ,—пишетъ участникъ похода, гвардейскій офицеръ,—слышались вдали глухіе раскаты выстрѣловъ. При Остроленкѣ происходило сраженіе; мы поспѣшили на соединеніе съ арміею. Къ 3-мъ часамъ утра 15-го числа, мы успѣли соединиться съ нею, сдѣлавъ нѣсколько усиленныхъ переходовъ. Сраженіе было уже кончено. Непріятель отброшенъ за Наревъ" [25].

Гвардейскій корпусъ расположился въ двухъ верстахъ отъ города, гдѣ только что кончилась битва.

Биванъ русской арміи въ походѣ 1831 года.

16-го мая Л.-Гв. Финляндскій полкъ вмѣстѣ съ прочими полками дивизіи представился на смотръ Главнокомандующему арміей, послѣ чего, переправившись черезъ Наревъ, расположился бивакомъ въ дер. Дымусы, гдѣ и простоялъ на дневкѣ трое сутокъ [26].

18-го мая весь гвардейскій корпусъ предсталъ передъ Главнокомандующимъ. „Послѣ столь изнурительныхъ маршей,—доносилъ Главнокомандующій на Высочайшее Имя,—я съ удовольствіемъ могу сказать, съ удивленіемъ смотрѣлъ на сей отличный корпусъ, не видя рѣшительно никакихъ слѣдовъ изнеможенія; люди сохранили тотъ же бодрый и здоровый видъ, какой имѣли въ С.-Петербургѣ на постоянныхъ квартирахъ; аммуниція въ совершенной исправности; лошади въ полномъ тѣлѣ; однимъ словомъ, не нужно желать, чтобъ когда-либо войска сіи были въ лучшемъ положеніи, нежели въ какомъ находятся нынѣ подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества, неусыпнымъ попеченіямъ коего симъ они обязаны" [27].

Однако санитарное состояніе гвардіи въ то время оставляло желать лучшаго; такъ было и съ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ. Стоянка въ д. Дымусахъ замѣчательна по громадному количеству больныхъ, отправленныхъ полкомъ въ различные госпитали и лазареты. Всего отправлено было 174 нижнихъ чина въ слѣдующіе военные госпиталя: въ Бѣлостокскій — 150 больныхъ, въ Ломжинскій — 9, въ Остроленскій — 6; кромѣ того въ Снядово отправлено 7 чел. больныхъ и 2 въ подвижной гвардейскій лазаретъ [28]. Число больныхъ такъ значительно уменьшило ряды полка, что ихъ приказано было тотчасъ же

пополнить нижними чинами, состоявшими при полковомъ обозѣ; „людей, находящихся въ вагенбургѣ,—говоритъ приказъ по полку, отъ 18-го мая,—взять въ роты всѣхъ, безъ остатка".

Громадная численность больныхъ полка объясняется тѣми трудностями и лишеніями, которыя пришлось перенести всѣмъ чинамъ за время только что минувшихъ форсированныхъ маршей и нѣсколькихъ сраженій. Къ этому надо еще прибавить больныхъ холерою, не перестававшей держаться въ войскахъ. Раненыхъ и больныхъ осчастливила вниманіемъ Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна: во всѣ полки гвардейскаго корпуса была дважды послана лично изготовленная Ея Величествомъ корпія; нѣкоторое количество корпіи было получено и отъ Короля Прусскаго [29].

Отдохнувъ въ Дымусахъ полкъ былъ передвинутъ сначала въ м. Глинки, гдѣ простоялъ два дня, а потомъ м. Маково; прибывъ въ это послѣднее 21-го мая, полкъ расположился тамъ лагеремъ на цѣлый мѣсяцъ, до 22-го іюня.

Движеніе полка къ Макову и мѣсячная его тамъ стоянка находилась въ связи съ приготовленіемъ русскихъ войскъ къ подходу къ Варшавѣ, съ цѣлью рѣшительныхъ дѣйствій противъ польской арміи, сосредоточившейся въ окрестностяхъ своей столицы.

Пребываніе Л.-Гв. Финлядскаго полка въ Маковскомъ лагерѣ позволило утомленнымъ офицерамъ и солдатамъ отдохнуть и возобновить свои силы. Къ сожалѣнію, число больныхъ въ этомъ лагерѣ было велико. Несомнѣнно, что значительную роль играла и холера. Одинъ изъ участниковъ этого похода указываетъ на ея сильное распространеніе. „Въ теченіе этого времени холера не унималась,—пишетъ онъ,—главною жертвою былъ Фельдмаршалъ графъ Дибичъ, внезапно скончавшійся 29-го мая, близъ Полтуска, въ мызѣ Клешовѣ" [30].

Другою ея жертвою, для Л.-Гв. Финляндскаго полка особенно тяжелою и невознаградимою, былъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, тоже внезапно скончавшійся 15-го іюня, въ $7^1/_2$ час. вечера, въ г. Витебскѣ [31].

Тяжела была эта утрата Л.-Гв. Финляндскому полку: съ кончиной Его Высочества полкъ лишился истиннаго своего благодѣтеля, основателя и своего перваго Шефа, искреннѣйшимъ и сердечнѣйшимъ образомъ связаннаго съ полкомъ узами любви и преданности. Для полка и его первообраза — Императорскаго батальона милиціи — Цесаревичъ сдѣлалъ такъ много, какъ больше было невозможно сдѣлать. Непосредственно участвуя въ его образованіи и въ его переформированіяхъ, Великій Князь первое время его существованія жилъ съ нимъ, можно сказать безъ преувеличенія, одной жизнью, вникая во все касающееся любимаго Имъ Императорскаго батальона, а потомъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Его „непосредственное начальство", а впослѣдствіи и назначеніе Шефомъ полка были лишь оффиціальнымъ подтвержденіемъ того положенія, въ которое Цесаревичъ Самъ Себя поставилъ по отношенію къ Императорскому батальону и Л.-Гв. Финляндскому полку.

Къ крайнему сожалѣнію всѣхъ Финляндцевъ отъѣздъ Цесаревича, въ 1813 г., въ Варшаву, для созданія тамъ польской арміи, той самой, съ которой, по ироніи судьбы, русскимъ войскамъ пришлось сражаться въ эту войну, не могъ не отдалить ихъ отъ горячо любимаго Шефа; только первый батальонъ, командированный въ Варшаву и развернув-

шійся впослѣдствіи въ Л.-Гв. Волынскій полкъ, продолжалъ попрежнему имѣть счастье находиться подъ командой Его Высочества. Финляндцы же, оставшись въ Петербургѣ, хотя и лишились въ лицѣ Цесаревича своего начальника и руководителя, но связь между Августѣйшимъ Шефомъ и полкомъ никогда не прекращалась. Связь эта была глубокой по чувствамъ и самой сердечной. Цесаревичъ, несмотря на всѣ пережитыя имъ несчастія и разочарованія, находясь въ самомъ угнетенномъ состояніи духа, незадолго передъ кончиной, встрѣтился случайно съ однимъ изъ бывшихъ Финляндцевъ, Полковникомъ Маринымъ, и выказалъ къ нему, какъ къ старому Финляндцу, самыя горячія чувства. Его Высочество, милостиво принявъ Полковника Марина во время представленія, назначилъ явиться къ нему не въ офиціальное время. Здѣсь, „во время разговора со мною,—пишетъ Полковникъ Маринъ [32],—(Великій Князь) вспомнилъ обо всѣхъ офицерахъ батальона Императорской милиціи и (Л.-Гв. Финляндскаго) полка съ самаго основаніи (его); разспрашивалъ меня о каждомъ изъ нихъ, называя по фамиліи: „кто куда дѣвался, или гдѣ находится въ службѣ"? и даже зналъ характеристику каждаго. Таковые вопросы и вниманіе Его Высочества, — продолжаетъ Маринъ, — изумили меня и останутся незабвенными для всѣхъ насъ, имѣвшихъ счастье служить подъ Его начальствомъ. . Прощаясь со мною и перекрестивъ меня, Великій Князь сказалъ: „прощай, да смотри, не пропадай". Слова эти незабвеннаго Шефа Л.-Гв. Финляндскаго полка останутся навсегда... врѣзанными въ моемъ сердцѣ", — заключаетъ Полковникъ Маринъ.

Это простое и сердечное отношеніе Цесаревича къ Финляндцу было послѣднимъ Его добрымъ словомъ къ представителю полка; черезъ четыре дня послѣдовала внезапная кончина Его Высочества.

Вѣсть о кончинѣ Августѣйшаго Шефа поразила Финляндцевъ своею неожиданностью. Горе всѣхъ чиновъ полка было искренне и велико; многіе изъ старослуживыхъ нижнихъ чиновъ и нѣкоторые изъ офицеровъ еще служили при Его Высочествѣ, прочіе знали Его любовь къ полку по разсказамъ своихъ однополчанъ, а потому и чувства глубокой скорби какъ тѣхъ, такъ и другихъ при полученіи печальнаго извѣстія были понятны.

Исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка, составленная Полковникомъ Ф. Ростковскимъ, приводитъ о почившемъ первомъ Шефѣ полка слѣдующія прочувственныя слова, къ которымъ нельзя не присоединиться: „Миръ праху Твоему незабвенный благодѣтель Л.-Гв. Финляндскаго полка. Если не сами, то черезъ устныя преданія, мы знаемъ и помнимъ все, что сдѣлано Тобою для нашихъ товарищей, а передавая это печатному слову, мы сохранимъ его далеко въ будущемъ, когда сами сойдемъ по слѣдамъ предшественинковъ" [33].

Въ Витебскѣ, гдѣ скончался Цесаревичъ, въ память Его Высочества, устроенъ былъ на Замковой улицѣ Маріавитскій женскій монастырь. Торжество погребенія Цесаревича происходило въ С.-Петербургѣ, 17-го августа [34]. Второй батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, бывшій тогда въ С.-Петербургѣ, участвовалъ, въ полномъ составѣ, въ печальной церемоніи и отдалъ послѣдній долгъ своему Шефу *).

---

*) Черезъ двѣ недѣли съ небольшимъ по кончинѣ Цесаревича вышло въ свѣтъ первое жизнеописаніе Его Высочества, въ видѣ отдѣльной книги, подъ заглавіемъ „Жизнь Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича", 1831 г. Москва. Одинъ экземпляръ этой весьма рѣдкой книги хранится въ музеѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Другой утратой полка за это время была смерть Генерала Шеншина, бывшаго командира полка, числившагося въ полковомъ спискѣ. Генералъ Шеншинъ дѣлалъ походъ, командуя 1-й гвардейской пѣхотной дивизiей, и, на переходѣ къ Снядову, еще 13-го мая, почувствовалъ себя плохо. Когда пришли въ Снядово Василiй Никаноровичъ уже началъ страдать отъ припадковъ холеры и, не имѣя возможности слѣдовать далѣе, остался тамъ; „черезъ нѣсколько дней скончался почтенный и благородный Шеншинъ", — пишетъ П. А. Тучковъ [35].

Отъ холеры, а также и отъ другихъ болѣзней, выбыло изъ рядовъ полка, во время его стоянки въ Маковѣ, 47 больныхъ нижнихъ чиновъ; исключительно же отъ холеры за то же время умерло 10 нижнихъ чиновъ [36].

Въ общемъ, холерная эпидемiя въ войскахъ гвардейскаго корпуса была распространена въ довольно значительной степени; объ этомъ свидѣтельствуютъ принятыя начальствомъ мѣры; напримѣръ, приказано было, несмотря на лѣтнее время, нижнимъ чинамъ носить зимнiе брюки; затѣмъ, во избѣжанiе заразы, издана была и объявлена войскамъ особая инструкцiя для похоронъ нижнихъ чиновъ, умиравшихъ отъ этой болѣзни [37].

Стоянка полка въ Маковѣ по отношенiю къ довольствiю была вполнѣ обезпечена: сухари полкъ получалъ изъ складовъ въ Рожанахъ, куда былъ съ этою цѣлью командированъ Прапорщикъ Кн. Орбелiани [38]; хлѣбопеченiе производилось средствами полка; для увеличенiя команды хлѣбопековъ, роты прислали по 8 человѣкъ рядовыхъ [39]; остальные продовольственные припасы покупались полкомъ въ окрестностяхъ лагеря, для чего командировался одинъ офицеръ со всѣми ротными артельными повозками [40]. Вообще довольство въ лагерѣ было полное, такъ какъ Главнокомандующимъ были приняты заблаговременно всѣ подготовительныя для этого мѣры, а успѣхъ нашего оружiя привлекъ мѣстное населенiе къ поставкѣ продуктовъ.

Изъ важнѣйшихъ событiй того времени является назначенiе новаго Главнокомандующаго, графа Паскевича-Эриванскаго, вмѣсто покойнаго гр. Дибича. Озаренный недавней славой въ войнахъ съ Персiей и Турцiей, Паскевичъ былъ очень популяренъ и войска ожидали его съ нетерпѣнiемъ; съ его прибытiемъ всѣ надѣялись на скорый и блестящiй конецъ войны.

13-го iюня состоялся его прiѣздъ въ Главную Квартиру; въ этотъ день гвардiя впервые увидѣла своего Главнокомандующаго, 15-го же графъ Паскевичъ дѣлалъ смотръ гвардейскому корпусу. Къ встрѣчѣ новаго Главнокомандующаго и къ смотру гвардейцы готовились усиленно; въ числѣ распоряженiй, объявленныхъ въ приказѣ по Л.-Гв. Финляндскому полку, по этому поводу, между прочимъ говорилось: „усы имѣть нафабренные и быть, сколь можно чище одѣтымъ въ полной парадной формѣ, въ мундирахъ съ открытыми лацканами" [41]. „Корпусъ былъ построенъ передъ своими бивуаками, — пишетъ участникъ похода,—и Фельдмаршалъ принятъ войсками съ замѣтнымъ восторгомъ. Солдаты, утомленные переходами, безъ всякихъ доселѣ послѣдствiй, ожидали чего-то новаго, рѣшительнаго, надѣялись на скорую развязку" [42].

На другой день, 16-го iюня, въ 7 час. вечера, Л.-Гв. Финляндскiй полкъ былъ на смотру корпуснаго командира Великаго Князя Михаила Павловича. Полкъ выстроился разсчитаннымъ на 4 двухротные батальона [43]. Такой разсчетъ впервые былъ сдѣланъ еще

26-го мая; батальоны были составлены слѣдующилъ образомъ: 1-й батальонъ изъ ротъ: Его Высочества и 2-й Егерской; 2-й батальонъ: 1-й и 3-й Егерскихъ; 3-й батальонъ 3-й Карабинерный и 8-й Егерской; 4-й батальонъ 7-й и 9-й Егерскихъ.

Командирами батальоновъ были назначены: Флигель-Адъютантъ Полковникъ Моллеръ, Капитанъ Тулубьевъ, Полковники Окуловъ и Романовичъ [44].

Парады и смотры въ Маковѣ были довольно часты. Нѣсколько разъ смотрѣлъ полкъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ. 23-го мая Его Высочество лично раздавалъ Георгіевскіе кресты наиболѣе отличившимся нижнимъ чинамъ полка [45]. 26-го мая былъ смотръ 4-й гвардейской пѣхотной бригады. На смотру этомъ Великій Князь благодарилъ весь полкъ и высказалъ особенную Свою милость къ Поручику барону Аминову, которому раны едва позволяли стоять во фронтѣ. Вызвавъ его передъ бригаду, Великій Князь обнялъ и крѣпко поцѣловалъ этого храбраго офицера [46].

Въ Маковѣ же 20-го іюня всѣ офицеры полка приносили благодарность Августѣйшему корпусному командиру за полученныя ими боевыя награды [47]. Незадолго до этого Генералъ-Лейтенантъ Бистромъ, подъ славнымъ начальствомъ котораго такъ отличились Л.-Гв. Финляндскій и Егерскій полки, былъ награжденъ Георгіемъ 2-й степени; такая награда любимаго вождя была встрѣчена съ радостью его подчиненными и, 9-го іюня, всѣ офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка поздравляли доблестнаго генерала съ боевымъ орденомъ [48].

Нижніе чины полка получили въ это же время награды за недавнія славныя свои дѣйствія въ сраженіяхъ: имъ была послана часть Георгіевскихъ крестовъ, нѣкоторыхъ перевели на старшій окладъ жалованья, другимъ прощены были штрафы и они получили нашивки за отличную службу [49].

Въ командномъ отношеніи во время пребыванія въ Маковѣ произошла перемѣна: командиръ полка, Генералъ-Маіоръ Берниковъ вступилъ въ начальствованіе 3-й гвардейской пѣхотной бригадой, а временно командовать полкомъ назначенъ былъ Флигель-Адъютантъ Полковникъ Моллеръ, „съ тѣмъ, однако,—писалъ объ этомъ въ приказѣ Генералъ Берниковъ,—чтобъ все внутреннее управленіе полкомъ оставалось, попрежнему, въ полномъ моемъ завѣдываніи" [50].

Со второй половины іюня мѣсяца Л.-Гв. Финляндскій полкъ сталъ готовиться къ предстоявшему въ близкомъ будущемъ дальнѣйшему походу. 20-го іюня полкъ отправилъ въ м. Цѣхановъ бо̀льшую часть своего обоза, а 22-го іюня и самъ выступилъ въ дальнѣйшій походъ въ числѣ прочихъ полковъ гвардейскаго корпуса и всей дѣйствующей арміи.

Русская армія, главныя силы которой располагались между Маковымъ и Насѣльскомъ, выступивъ въ походъ, имѣла конечною цѣлью достиженіе Варшавы, гдѣ предполагалось разбить польскую армію. Переходъ арміи черезъ Вислу было рѣшено сдѣлать въ нижнемъ ея теченіи съ тѣмъ, чтобы не особенно удаляться отъ Данцига, откуда русская армія получала всѣ нужные предметы довольствія, заготовленные въ этомъ порту въ громадномъ количествѣ. Съ этой цѣлью пунктомъ переправы первоначально былъ избранъ Плоцкъ.

Русская армія двинулась къ Плоцку 4-мя колоннами: авангардъ Гр. Витта, лѣвая колонна кн. Шаховского, правая колонна Великаго Князя Михаила Павловича и отдѣльная колонна гр. Палена [51].

Л.-Гв. Финляндскій полкъ шелъ въ правой колоннѣ, черезъ Цѣхановъ, Гостиславль, Раціонжъ и Сетропнъ [52].

26-го іюня Л.-Гв. Финляндскій полкъ, въ числѣ прочихъ частей, прибылъ къ Плоцку [53]. Движеніе русскихъ войскъ со второго перехода сопровождалось величайшими трудностями, такъ какъ войска тонули въ невылазной грязи, дождь лилъ не переставая и проселочныя дороги были въ ужасномъ состояніи; болота, находившіяся между дорогами, разобщили наступавшія колонны, что представляло серьезную опасность въ случаѣ удара противникомъ во флангъ. Но непріятельская армія бездѣйствовала, ограничиваясь наблюденіемъ движенія русскихъ войскъ; Скржинецкій готовился дать сильный отпоръ подъ Варшавой и отбросить къ западу русскія войска, поставивъ тѣмъ самымъ ихъ въ безвыходное положеніе [54]. Движеніе нашихъ войскъ было такъ трудно, что болѣе 10 — 15 верстъ переходы не дѣлались. Ночевать приходилось въ полѣ, подъ дождемъ; слабымъ укрытіемъ служили шалаши, наскоро построенные изъ хвороста; ложились прямо на мокрую землю, подстилая тонкій слой скошеннаго хлѣба. Часто приходилось простаивать подъ открытымъ небомъ всю ночь на передовыхъ постахъ, съ тѣмъ, чтобы на завтра, несогрѣвшись, продожать походъ [55]. При такихъ условіяхъ двигался Л.-Гв. Финляндскій полкъ, вмѣстѣ съ Лейбъ-Егерями, въ авангардѣ гвардейскаго корпуса.

Дойдя до Плоцка, русская армія простояла тамъ 4 дня, дѣлая видъ что начинаетъ переправу черезъ Вислу; между тѣмъ отрядъ Палена былъ посланъ въ Оссѣкъ, для устройства тамъ дѣйствительной переправы. Пунктъ этотъ былъ избранъ въ виду благопріятныхъ условій для постройки мостовъ и близости Торна, откуда можно было пріобрѣтать всѣ необходимые матеріалы.

30-го іюня русская армія двинулась по правому берегу Вислы къ мѣсту переправы. Л.-Гв. Финляндскій полкъ шелъ черезъ Сикорону, Камень-Котовъ, Липно и Воля, съ остановками по два дня въ послѣднихъ двухъ пунктахъ.

7-го іюля русская армія переправилась черезъ Вислу.

На другой день былъ объявленъ слѣдующій приказъ по дѣйствующей арміи.

„Воины! 28-го числа прошедшаго мѣсяца вы оставили Пултускъ; — непріятель не осмѣлился на васъ напасть ни на переправахъ рѣкъ и болотъ, ни при проходахъ тѣснинъ. Онъ слѣдовалъ за нами. Бывъ увѣренъ въ вашей доблести, я хотѣлъ дать вамъ случай пріобрѣсть новый вѣнокъ славы, и въ то самое время, какъ нужно было шесть дней для устроенія, мы остановились дожидать его; но непріятель, увидя вашу готовность сразиться, не смѣлъ идти впередъ. Между тѣмъ мосты готовы и мы на другомъ берегу Вислы, а непріятель спѣшитъ защищать Варшаву.

„Воины! я благодарю васъ за ваши труды; но намъ осталось еще много совершить. Непріятель въ гордости своей ожидаетъ насъ; — пойдемъ, друзья, и докажемъ ему, что тамъ успѣхъ вѣрный, гдѣ въ сердцѣ каждаго любовь къ Государю и Отечеству".

Маршъ полка до Оссѣка былъ тоже затруднителенъ и своими неблагопріятными условіями вызвалъ значительное увеличеніе числа больныхъ въ полку: 27 нижнихъ чиновъ было отправлено во время движенія отъ Плоцка, тогда какъ при движеніи до Плоцка ихъ было всего 13 [56]. Среди больныхъ были и холерные; 2 нижнихъ чина умерли отъ этой болѣзни. Большое число больныхъ заставило обратить вниманіе на медицинскую часть.

Въ приказѣ по полку 2-го іюля по этому поводу было объявлено слѣдующее: „лѣкарю Руфинову слѣдовать и становиться всегда съ полкомъ для поданія помощи внезапно заболѣвающимъ". Черезъ нѣсколько дней снова повторяется то же распоряженіе [57]: „Гг. штабъ-лѣкарю Воскобойникову и лѣкарю Руфинову находиться по очереди безотлучно при полку и становиться всегда на бивуакахъ".

Но зато со времени подхода къ Оссѣку продовольствіе людей, бывшее раньше недостаточнымъ, стало улучшаться изъ-за приближенія къ магазинамъ; такъ, 1-го іюля полку былъ выданъ провіантъ на 6 дней [58].

Во время этого перехода тремъ офицерамъ полка не подвезло: Великій Князь Михаилъ Павловичъ, обгоняя полкъ замѣтилъ ихъ ѣхавшими верхами и вдобавокъ не на своихъ мѣстахъ, за что имъ былъ объявленъ выговоръ въ приказѣ по полку [59].

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, Августѣйшій Шефъ полка.

Съ портрета въ музеѣ полка.

Переправившись черезъ Вислу, русская армія цѣлую недѣлю до 14-го іюля простояла близъ Оссѣка, производя крупныя хозяйственныя работы. Пять тысячъ человѣкъ денно и нощно пекли сухари въ 540 печахъ, выстроенныхъ по приказанію Главнокомандующаго, подъ наблюденіемъ командира Л.-Гв. Гренадерскаго полка Генералъ-Маіора Шипова. Въ теченіе 5 дней обращено было въ сухари 10 тысячъ четвертей муки, т. е. такое количество, которое прусскіе комиссары не могли бы приготовить въ 4 мѣсяца *). Въ результатѣ армія имѣла 14-ти-дневный запасъ провіанта, преимущественно въ сухаряхъ [60]. Въ этихъ работахъ принималъ участіе и Л.-Гв. Финляндскій полкъ, которому было отведено для выпечки шесть печей, построенныхъ въ д. Держковой; 64 рядовыхъ и 8 унтеръ-офицеровъ, подъ наблюденіемъ Подпоручика Заварицкаго, выпекали хлѣбъ для текущаго довольствія и сухари для двухнедѣльнаго запаса [61].

*) У нихъ не было такого количества рабочихъ рукъ, да и работать они не могли такъ интенсивно.

Тогда же производились обширныя закупки картофеля и другихъ припасовъ у Пруссаковъ и Поляковъ; щедро даваемыя цѣны дѣлали нашихъ враговъ нашими поставщиками и всѣ войска стали получать обильное продовольствіе.

Тогда же, во время стоянки Л.-Гв. Финляндскаго полка вблизи Оссѣка, у Юзефова, полкъ былъ осчастливленъ назначеніемъ ему Шефомъ — Великаго Князя Константина Николаевича, втораго сына Государя Императора Николая I-го. Въ приказѣ по полку, отъ 10-го іюля 1831 года, это радостное для полка событіе было объявлено въ слѣдующихъ словахъ:

„Высочайшимъ Его Императорскаго Величества приказомъ, іюня въ 25-й день отданнымъ, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ назначенъ Шефомъ сего полка. О чемъ по полку и объявляю".

Съ этого дня 1-я карабинерная рота стала именоваться ротой Его Высочества *). Восторженно было встрѣчено назначеніе полку молодого Шефа; радостная вѣсть быстро облетѣла всѣхъ Финляндцевъ и озарила ихъ трудовую походную жизнь новымъ свѣтомъ: милость Царская, проявленная въ эти минуты полку, показала ему столь драгоцѣнное Государево довѣріе; эти знаки Монаршаго вниманія облегчили полку походные труды и удвоили силы всѣхъ чиновъ его; въ послѣдовавшемъ вскорѣ штурмѣ Варшавы полкъ показалъ своими геройскими дѣйствіями, что былъ достоенъ довѣрія къ нему Государя Императора.

Отъ Оссѣка Русская армія двинулась къ Варшавѣ черезъ Ловичъ. Л.-Гв. Финляндскій полкъ шелъ на Гостынинъ, Голенекъ и Попово близъ Ловича, куда прибылъ 22-го іюля, черезъ мѣсяцъ по выступленіи изъ Макова. Отъ Попова полкъ, съ остановками въ Аркадіи и Вильгельмовѣ, прибылъ 6-го августа въ Валендовъ, гдѣ и вступилъ въ число прочихъ войскъ, обложившихъ Варшаву [62].

Во время слѣдованія полка къ Варшавѣ отъ Оссѣка и нахожденія его въ осадномъ корпусѣ до дня штурма Варшавы, т. е. до 25-го августа онъ опять потерялъ очень много нижнихъ чиновъ больными, какъ отъ холеры, такъ и отъ другихъ болѣзней, при чемъ потери отъ послѣднихъ были значительно больше. Здѣсь больныхъ было отправлено въ различные госпиталя и лазареты 156 человѣкъ; изъ нихъ больше половины относится ко времени движенія полка отъ Оссѣка до Голенека, т. е. за время съ 7-го по 21-е іюля, когда заболѣло 88 человѣкъ [63]. По сравненію съ наличной численностью полка число, больныхъ было болѣе 10 процентовъ. Изъ этого числа умершихъ было сравнительно немного, всего 11 нижнихъ чиновъ [64].

Такое значительное число больныхъ имѣло причиной тяжелыя условія похода русской арміи къ Варшавѣ. Дурная погода, сырая и дождливая до такой степени, что иногда проливные дожди шли по четверо сутокъ не переставая, размокшія дороги и постоянное ожиданіе атаки со стороны противника во время марша оказали свое вредное дѣйствіе. Дожди были такъ сильны, что одежда солдатъ промокала насквозь; даже патроны были подмочены и ихъ приказано было немедленно передѣлать [65].

Между тѣмъ польская армія стояла спокойно и не мѣшала наступленію русскихъ къ

---

*) Т. е. получила свое прежнее наименованіе, бывшее у нея ранѣе до кончины перваго Шефа полка — Цесаревича Константина Павловича.

Варшавѣ. Тщетно Варшавское правительство предписывало Главнокомандующему польскими силами задержать это наступленіе русскихъ, которые, какъ выяснила 22-го іюля рекогносцировка польскаго авангарда, уже заняли Ловичъ: Скржинецкій продолжалъ бездѣйствовать, занимаясь исключительно политическою борьбою. Общее негодованіе и попытка судить были справедливымъ возмездіемъ Скржинецкому. Въ то же время въ Варшавѣ происходило сильнѣйшее революціонное движеніе и возникшіе раздоры и смуты породили чрезвычайную неурядицу. Событія эти отразились и на качествахъ польской арміи: отсутствіе твердаго руководительства ослабило ее, а состоявшееся наконецъ смѣщеніе бездарнаго Скржинецкаго, замѣщеннаго Генераломъ Дембинскимъ, было слишкомъ поздно, что бы предпринять что-либо противъ русской арміи.

Однако графъ Паскевичъ не счелъ возможнымъ воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами. Не смотря на весьма настойчивыя представленія энергичнаго начальника штаба арміи, графа Толя, Паскевичъ рѣшилъ подходить къ Варшавѣ постепенно, со всею возможною осторожностью и 6-го августа приступить къ ея обложенію [66].

Почти съ перваго дня обложенія Варшавы русской арміей начались во всѣхъ русскихъ войскахъ обширныя саперныя работы къ подготовкѣ штурма непріятельской столицы.

Съ 9-го августа начались эти работы въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, хотя еще во время своего расположенія у Ловича, въ Аркадіи, полкъ производилъ саперныя работы, принимая участіе въ постройкѣ мостовъ у этого селенія, по указаніямъ гвардейскихъ саперъ [67].

Вся гвардейская пѣхота принимала дѣятельное участіе въ саперныхъ работахъ подъ Варшавою. Л.-Гв. саперный баталіонъ явился здѣсь въ роли руководителя: 16 унтеръ-офицеровъ и 64 рядовыхъ, при офицерахъ, ежедневно отдѣлялись въ каждую гвардейскую пѣхотную дивизію и показывали вязку фашинъ, плетеніе туровъ, изготовленіе штурмовыхъ лѣстницъ и приготовленіе „вновь назначеннаго шанцеваго матеріала“ [68].

За это время Л.-Гв. Финляндскій полкъ произвелъ слѣдующія работы.

9-го, 10-го, 11-го, 12-го, 20-го и 21-го августа производилось приготовленіе фашинъ; въ первый изъ этихъ дней отъ полка наряжено было 200 рядовыхъ, 4 унтеръ-офицера и 1 офицеръ; въ послѣдовавшіе дни нарядъ былъ приблизительно такой же; въ послѣдніе два дня нарядъ былъ въ 48 и 96 рядовыхъ, 2 унтеръ-офицера, при 1 офицерѣ. Число изготовленныхъ полкомъ фашинъ было очень велико, если принять во вниманіе, что въ послѣдній день этой работы, т. е. когда работало 96 человѣкъ, связано было 295 фашинъ [69].

Приготовленія „вновь назначеннаго шанцеваго матеріала“ производились съ 11-го по 18-го августа, при чемъ ежедневно наряжалось отъ полка около 200 рядовыхъ и 16 унтеръ-офицеровъ, при 2 офицерахъ [70].

Постройка мостовъ производилась людьми полка 10-го, 20-го и 21-го августа, при чемъ работали въ первый день 36 рядовыхъ и 2 унтеръ-офицера; во второй день—60 рядовыхъ и 4 унтеръ-офицера, при 2 офицерахъ и въ послѣдній — 48 рядовыхъ и 2 унтеръ-офицера, при 1 офицерѣ [71].

Постройка лѣстницъ производилась 21-го и 22-го августа, при нарядахъ въ 32 рядовыхъ и 4 унтеръ-офицера, при 1 офицерѣ и—въ 20 рядовыхъ и 2 унтеръ-офицера, при 1 офицерѣ [72].

Изготовленіе плетня производилось полкомъ лишь одинъ день, 22-го августа, при чемъ наряжено было 128 рядовыхъ и 6 унтеръ-офицеровъ, при 1 офицерѣ [73].

Въ тотъ же день 250 рядовыхъ и 21 унтеръ-офицеръ, при 2 офицерахъ, были наряжены отъ полка для переноски 200 рогатокъ [74].

Помимо этихъ работъ, нижніе чины полка принимали участіе въ постройкѣ полевого укрѣпленія, строившагося впереди лагеря 1-й Кирасирской дивизіи, для обученія нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса штурму. Рабочіе отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка строили это укрѣпленіе 13-го, 14-го, 19-го, 20-го и 21-го августа, при чемъ наряжалось каждый разъ около 90 рядовыхъ [75].

Укрѣпленіе это нижніе чины гвардейскихъ полковъ во время занятій должны были брать ежедневно штурмомъ, для чего въ каждомъ полку было заведено по 20 штурмовыхъ лѣстницъ.

Нельзя сказать, чтобы эти послѣднія занятія были охотно исполняемы войсками. По отзыву служившихъ въ то время въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, какъ начальствующія лица такъ и сами войска относились къ нимъ недружелюбно, и если упражненія эти и исполнялись, то только какъ приказаніе Главнокомандующаго. Не будучи вовсе обучены головоломнымъ гимнастическимъ упражненіямъ, солдаты не могли примѣниться и пріучить себя съ ловкостью переходить, въ полномъ вооруженіи, рвы по балкамъ, черезъ нихъ перекинутымъ, всходить на лѣстницы и прыгать съ высоты. Эти упражненія имѣли своимъ результатомъ скорѣе дурное вліяніе: неопытные солдаты могли только убѣдиться насколько они были опасны вообще и какой требовали ловкости, а потому каждый изъ нихъ не могъ себѣ даже представить, какъ онъ исполнитъ ихъ подъ пулями и картечью непріятеля. Какъ не сочувственно относились къ этому приказанію Фельдмаршала, можно заключить изъ того, что всѣ лѣстницы и фашины были брошены тотчасъ какъ войска, а въ числѣ ихъ и Л.-Гв. Финляндскій полкъ, попали въ сферу непріятельскихъ выстрѣловъ [76].

Всѣ указанныя саперныя работы и практическія упражненія отнимали у нижнихъ чиновъ массу времени, начинаясь рано утромъ, часовъ въ шесть, а иногда даже въ три часа утра; рабочій день продолжался долго и нижніе чины утомлялись непривычной для нихъ службой, тѣмъ болѣе, что бывали еще и другія работы, напримѣръ, рубка дровъ, иногда въ очень большихъ размѣрахъ [77], сборъ соломы и сѣна и проч.; тогда-же заготовлялись запасы фуража для интендантскаго склада въ д. Лози, при чемъ за доставленные матеріалы интендантство уплачивало войскамъ по опредѣленной таксѣ [78].

Помимо работъ, связанныхъ съ осадой Варшавы, нижніе чины и офицеры полка несли усиленную караульную службу. Кромѣ обычныхъ нарядовъ: по полку, въ караулы, въ штабъ дивизіи, къ начальнику всей пѣхоты гвардейскаго корпуса, къ корпусному командиру и къ Главнокомандующему, назначались еще сильные караулы для прикрытія резервной артиллеріи состоявшей при гвардейскомъ корпусѣ; такъ, 20-го іюля „1-й и 2 й полубатальоны" Л.-Гв. Финляндскаго полка были назначены прикрывать артиллерію вмѣсто батальона Л.-Гв. Павловскаго полка [79]; 26-го іюля и 2-го августа для этой же цѣли были наряжены 8-я и 2-я егерскія роты полка, „въ полномъ числѣ чиновъ" [80].

Въ числѣ другихъ менѣе значительныхъ нарядовъ слѣдуетъ упомянуть назначеніе

фуражировъ для сбора сѣна и овса полковымъ лошадямъ и командировки артельныхъ повозокъ, подъ начальствомъ младшихъ офицеровъ, въ г. Ловичъ за сухарями [81].

Такимъ образомъ всѣ вышеуказанныя работы, наряды, командировки и практическія занятія создали какъ для нижнихъ чиновъ полка, такъ и для офицеровъ далеко не легкую служебную обстановку во время нахожденія полка подъ Варшавой.

Во второй половинѣ августа закончились подъ Варшавой главнѣйшія подготовительныя работы, оставалось довершить ихъ штурмомъ мятежной столицы Польши, такъ какъ переговоры съ Поляками были безплодны. Русская армія спокойно готовилась къ предстоявшимъ ей кровавымъ днямъ. Готовился и Л.-Гв. Финляндскій полкъ: всѣ офицеры и солдаты его съ нетерпѣніемъ ждали штурма Варшавы, на валахъ которой выказали выдающуюся храбрость и доблесть, къ чести русскаго оружія и своего славнаго мундира.

„Полки Л.-Гв. Гренадерскій, Егерскій и Финляндскій были въ ближайшемъ огнѣ, сверхъ того послѣдній изъ нихъ съ примѣрною храбростію увѣнчалъ приступъ Іерусалимской заставы и проникнулъ далеко внутрь города“.

(Изъ донесенія на Высочайшее Имя Главнокомандующаго Гр. Паскевича)

„Не стану описывать рвеніе и мужество нашихъ; оно знакомо... еще въ Турецкомъ 1828 года походѣ. Скажу только, что мундиръ нашъ, коимъ ознаменованы безсмертные подвиги полка подъ Фридландомъ, пріобрѣлъ нынѣ новую славу и я горжусь ею, какъ участникъ оной. Признаюсь, что храбрость пѣхоты была здѣсь выше человѣческаго понятія“.

(Изъ письма офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка Л. Горемыкина, участника штурма Варшавы).

Глава VI.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Польской войнѣ 1831 года.

Штурмъ Варшавы 25-го и 26-го августа — Окончаніе войны.

Во второй половинѣ августа, по прибытіи подкрѣпленій къ русской арміи, уже давно расположенной передъ столицей мятежной Польши, Главнокомандующій Гр. Паскевичъ созвалъ военный совѣтъ, въ которомъ приняло участіе десять высшихъ чиновъ арміи. На совѣтѣ были предложены вопросы: 1) необходимо ли овладѣть Варшавой штурмомъ и 2) какъ повести его наилучшимъ образомъ.

На первый вопросъ послѣдовалъ единодушный отвѣтъ въ утвердительномъ смыслѣ; относительно же второго мнѣнія раздѣлились: одни, въ томъ числѣ Паскевичъ и Толь, предлагали штурмовать Варшаву съ южной стороны; другіе стояли за штурмъ съ западной стороны, т. е. со стороны Воли. Послѣднее мнѣніе восторжествовало и окончательно рѣшено было вести атаку съ западной стороны на Волю и на главную ограду между Вольской и Іерусалимской заставами [1]. Такое рѣшеніе явилось результатомъ тщательнаго обсужденія значенія отдѣльныхъ участковъ всей линіи укрѣпленій города Варшавы.

Укрѣпленія Варшавы состояли изъ трехъ отдѣльныхъ линій. Внѣшняя изъ нихъ, или боевая, протяженіемъ до 16 верстъ, проходила отъ Вержбно (противъ Мокотовской заставы) черезъ Раковецъ (противъ Іерусалимской заставы), Волю (противъ Вольской заставы), Парижъ (противъ Повонзской заставы) до редута у Потаки; она огибала городъ въ разстояніи около 2-хъ верстъ отъ его заставъ. Сильнѣйшимъ пунктомъ ея было укрѣпленіе Воля, вынесенное къ западу отъ городской черты на 2 версты, по калишскому шоссе. Въ начертаніи оно представляло собою сомкнутый редутъ съ полубастіонами на углахъ и редюитомъ въ юго-западномъ углу; протяженіе фронтовъ редута было въ 300 шаговъ. Остальныя укрѣпленія боевой линіи были слабѣе; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ у Раковца, не были даже окончены. Профиль всѣхъ верковъ первой линіи была довольно значительная; многія изъ укрѣпленій были замкнуты съ горжи; взаимное удаленіе ихъ было отъ 300 до 400 сажень.

Вторая линія укрѣпленій, отстоя отъ городской ограды на 200 — 300 саженей, была особенно сильна у калишскаго шоссе; укрѣпленія ея были меньше укрѣпленій первой линіи, но все-таки они были сильны, имѣя рвы съ полисадами и сомкнутыя горжи.

Третью линію укрѣпленій составлялъ городской валъ, идущій по внѣшней городской чертѣ; высота и толщина этого вала была до 10 футовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ былъ усиленъ люнетами и флешами, частью вынесенными сажень на 50 впередъ. Сильнѣйшимъ пунктомъ третьей линіи была Іерусалимская застава, съ ея укрѣпленіями №№ 15, 16 и 18 [2].

Оцѣнивая укрѣпленія Варшавы, члены военнаго совѣта остановились на атакѣ ея съ западной стороны въ виду слѣдующихъ причинъ: эта сторона была сильнѣйшая, такъ какъ тамъ находилась Воля; овладѣвъ въ началѣ приступа этимъ самымъ сильнымъ пунктомъ, штурмующія войска сразу пріобрѣтали двойное преимущество: нравственное удовлетвореніе отъ взятія сильнѣйшаго укрѣпленія было бы полнѣйшее; взятіе прочихъ укрѣпленій этимъ бы облегчилось; положеніе противника, въ данномъ случаѣ, было бы обратнымъ: отдавъ при началѣ штурма важнѣйшій пунктъ своей первой линіи, онъ сразу долженъ былъ упасть духомъ [3].

Прежде чѣмъ штурмовать Варшаву русскій главнокомандующій, дѣйствуя согласно указаніямъ Государя Императора, вступилъ съ польскимъ правленіемъ въ переговоры, обѣщая отъ имени Государя полную амнистію всѣмъ возставшимъ. Отвѣтомъ на это народное правленіе прислало извѣщеніе, гдѣ было между прочимъ сказано: „Поляки подняли оружіе за національную независимость въ тѣхъ предѣлахъ, какіе издревле отдѣляли ихъ отъ Россіи; народное правленіе ожидаетъ извѣщенія... въ какой мѣрѣ Его Величеству Императору благоугодно исполнить ихъ желаніе"... Послѣ такого отвѣта никакіе дальнѣйшіе переговоры не могли имѣть мѣста и оставалось только положиться на крѣпость русскаго штыка.

Днемъ штурма было назначено 25-е августа.

Силы сторонъ въ это время были таковы: у Поляковъ за укрѣпленіями Варшавы было расположено 50 тысячъ человѣкъ, у Русскихъ готовившихся къ штурму — 70 тысячъ человѣкъ [4].

На основанiи общаго рѣшенiя военнаго совѣта было опредѣлено „атаковать только съ третьею частью силъ, остальныя же двѣ трети держать въ резервѣ".

Согласно съ этимъ русскiя войска, двинувшiяся съ различныхъ сторонъ, заняли въ темнотѣ наступавшей наканунѣ штурма ночи свои первоначальныя позицiи. Они стали полукругомъ, огибая первую линiю варшавскихъ укрѣпленiй, съ западной и отчасти южной стороны, на разстоянiи около двухъ верстъ.

Расположенiе ихъ въ общихъ чертахъ было таково: 1-й пѣхотный корпусъ гр. Палена сталъ на калишскомъ шоссе, на высотѣ с. Хржанова; онъ имѣлъ назначенiемъ атаковать Волю. 2-й пѣхотный корпусъ барона Крейца расположился правѣе с. Влохи; его назначенiе заключалось въ атакѣ укрѣпленiй вправо отъ Воли. Отрядъ Муравьева, поставленный у Ракова, долженъ былъ атаковать въ направленiи на Раковецъ. Отрядъ Штрандмана имѣлъ цѣлью демонстрировать отъ Служевца, гдѣ онъ стоялъ, по Люблинскому шоссе. Кавалерiйскiе отряды стали: одинъ на лѣвомъ флангѣ у Хржанова, другой — правѣе отряда Муравьева.

Изъ перечисленныхъ частей 1-й и 2-й корпуса были силою около 12 тысячъ человѣкъ каждый, а прочiе отряды — отъ $1^1/_2$ до 3 тысячъ.

Во второй линiи стали: Гренадерскiй корпусъ — 11 тысячъ человѣкъ — сзади 1-го корпуса; резервная кавалерiя и артиллерiя — правѣе гренадеръ; гвардейскiй корпусъ — $15^1/_2$ тысячъ человѣкъ — у Опаче-Велке, противъ промежутка между корпусомъ Крейца и отрядомъ Муравьева.

Въ общемъ, расположенiе гвардiи было самое удаленное отъ войскъ первой линiи, приблизительно на двѣ версты; расположенiе это было центральнымъ по отношенiю къ общей линiи штурмующихъ колоннъ.

Оборона укрѣпленiй Варшавы была возложена на два корпуса польской армiи: корпусъ Дембинскаго оборонялъ правую половину укрѣпленiй, начиная отъ укрѣпленiя № 54 вплоть до Вислы; корпусъ Уминскаго — лѣвую половину укрѣпленiй, отъ укрѣпленiя № 54 до Люблинскаго шоссе.

24-го августа, въ 4 часа пополудни, вся гвардейская пѣхота вмѣстѣ съ артиллерiей, подъ начальствомъ Великаго Князя Михаила Павловича, снялась съ своихъ биваковъ при Волендовѣ и двинулась черезъ Волице и Рашинъ къ Опаче-Велке, гдѣ и стала въ ожиданiи штурма [5].

Назначенiе гвардiи въ резервъ шло въ разрѣзъ ея страстному желанiю идти первой на штурмъ непрiятельской столицы и вступить на бастiоны ея во главѣ прочихъ войскъ. Поэтому, когда стало извѣстнымъ о болѣе скромной роли, предназначенной гвардiи въ день штурма Варшавскихъ укрѣпленiй, множество гвардейскихъ офицеровъ стали осаждать просьбами главнокомандующаго разрѣшить имъ участвовать въ штурмѣ въ качествѣ охотниковъ. Одинъ изъ первыхъ историковъ кампанiи 1831 года, Ф. Смитъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ, говоритъ по этому поводу [6]: „Многiе офицеры гвардейскихъ полковъ просили дозволенiя принять непосредственное участiе въ штурмѣ. Фельдмаршалъ согласился на это, но какъ *всѣ оказались желающими* и каждый, соревнуя съ товарищами, старался выставить въ свою пользу самые основательные доводы, то онъ и приказалъ рѣшить споръ жребiемъ" [7]. За офицерами высказывали желанiе идти на штурмъ и нижнiе чины. „Общее

соревнованіе гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, — говоритъ другой историкъ войны 1831 г. Н. Лукьяновичъ [8],—представляло умилительное зрѣлище: каждому хотѣлось быть въ числѣ избранныхъ воиновъ, всякъ считалъ для себя верхомъ награды — первому взойти на неприступныя укрѣпленія Варшавы или пасть на нихъ. Это вынудило начальниковъ назначить охотниковъ по жребію. Даже нижніе чины, увлеченные примѣромъ офицеровъ, единодушно желали находиться въ числѣ охотниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ предлагали товарищамъ трудовыя деньги за уступку своего жеребья!.. Напрасно! никто, ни за какое возмездіе не хотѣлъ уступить завидной чести".

При вызовѣ охотниковъ Л.-Гв. Финляндскаго полка происходили тѣ же сцены. „Когда приказано было назначить съ каждой роты гвардейскаго полка по 12-ти человѣкъ охотниковъ",—пишетъ участникъ похода офицеръ полка [9], — капитанъ Т., въ присутствіи всѣхъ насъ, вызвалъ желающихъ: *вся рота вышла*; и солдаты одинъ передъ другимъ, наперерывъ, испрашивали сіе позволеніе, такъ что капитанъ находился въ затрудненіи, стараясь по возможности удовлетворить каждаго".

Даже оффиціальныя бумаги того времени подчеркнули эти отрадные факты и не остановились передъ описаніемъ вызова охотниковъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, выдѣливъ изъ нихъ двухъ карабинеровъ — Бурмистрова и Хорунжина.

Описаніе говоритъ о нихъ слѣдующее [10]:

„Карабинеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка роты Его Высочества Хорунжинъ, имѣвшій уже Георгіевскій крестъ за Турецкую войну, при выборѣ охотниковъ испрашивалъ, какъ особенной милости, быть въ числѣ оныхъ и на вопросъ ротнаго командира Капитана Тулубьева, что побуждаетъ его столь настоятельно просить о семъ, отвѣчалъ: — „Недавно, будучи опасно боленъ, далъ я обѣтъ въ случаѣ выздоровленія отслужить молебенъ и въ первомъ сраженіи идти въ застрѣльщики. Богъ услышалъ мою молитву и помогъ мнѣ чрезъ два дня облегченіемъ." — Сей карабинеръ, получивъ позволеніе быть въ числѣ охотниковъ, имѣлъ счастіе спасти жизнь Л.-Гв. Павловскаго полка Полковнику Федяеву *.

„Той же роты Карабинеръ Бурмистровъ, выслужившій уже узаконенный для солдатъ срокъ, былъ назначенъ въ число охотниковъ. Молодые солдаты упрекали его, что онъ отнимаетъ у нихъ случай отличиться; на сіе Бурмистровъ отвѣчалъ, что, отслуживъ свой терминъ (полный срокъ службы), желаетъ непремѣнно вмѣсто отставки положить свою голову за Царя и за Православную Русь. Желаніе его исполнилось, на приступѣ одного изъ редутовъ онъ палъ смертельно раненый пулею" **.

Послѣ многочисленныхъ просьбъ главнокомандующій разрѣшилъ выставить въ охотники съ каждаго гвардейскаго пѣхотнаго полка по 4 офицера и по 100 нижнихъ чиновъ при 10-ти унтеръ-офицерахъ [11]. Охотниками Л.-Гв. Финляндскаго полка были Поручики Демидовъ и Сумароковъ [12], фамиліи прочихъ двухъ офицеровъ документы не указываютъ.

---

* Карабинеръ Хорунжинъ за особое отличіе былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и представленъ къ двойному окладу жалованья, которое давалось тогда особенно отличавшимся георгіевскимъ кавалерамъ (Моск. отд. Арх. Гл. Шт., Инст. деп. 3 ст. 2 отд. № 1079, 1831 г.).

** Карабинеръ Олимпій Бурмистровъ скончался въ полковомъ лазаретѣ 28-го августа (прик. по Л.-Гв. Финляндскому полку 1831 года, августа 28).

Помимо того отъ каждой бригады было назначено по одному штабъ-офицеру, каковымъ отъ 4-й гвардейской пѣхотной бригады, былъ Полковникъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Романовичъ [13].

24-го августа охотники предстали на смотръ Августѣйшему командиру Гвардейскаго Корпуса, Великому Князю Михаилу Павловичу, а въ ночь выступили къ передовымъ войскамъ.

Всѣ охотники были соединены въ 5 полубаталіоновъ, по 200 человѣкъ въ каждомъ; первый изъ нихъ былъ присоединенъ къ первому корпусу, послѣдній — ко второму, съ назначеніемъ идти въ головѣ штурмующихъ колоннъ; прочіе три были оставлены въ резервѣ до полученія дальнѣйшихъ приказаній. Такимъ образомъ, охотники Л.-Гв. Финляндскаго полка, какъ входившіе въ составъ 4-го полубаталіона, на первое время не имѣли возможности привести въ исполненіе свое непремѣнное желаніе идти въ переднихъ рядахъ атаковавшихъ войскъ [14].

Въ полночь съ 24-го на 25-е августа всѣ части русской арміи заняли указанныя имъ мѣста; люди были въ мундирахъ, въ полупарадной формѣ, какъ для праздника, но безъ ранцевъ. Ни единый звукъ не нарушалъ безмолвной тишины, ни одинъ костеръ не пылалъ подъ сводомъ звѣзднаго неба. Въ виду того, что Фельдмаршалъ графъ Паскевичъ намѣревался произвести атаку врасплохъ, диспозиціей было предписано войскамъ провести ночь „въ боевомъ порядкѣ, не разводя огней и соблюдая величайшую тишину“ [15]; приказано было также поддерживать огни на прежнихъ позиціяхъ, чтобы ввести противника въ заблужденіе.

„25-го августа въ 3 часа утра,—предписывалось въ диспозиціи,—войска должны быть готовы къ бою. Новая диспозиція извѣститъ ихъ о дальнѣйшихъ движеніяхъ“.

Тѣмъ не менѣе, передвиженіе русской арміи было открыто поляками со сторожевыхъ пунктовъ на обсерваторіи и на колокольнѣ одной изъ церквей Варшавы и къ вечеру польскіе начальники получили увѣдомленіе: „Русская армія занимаетъ позицію передъ Волею“ [16].

Съ прибытіемъ гвардіи въ Опаче-Вельке, отъ нея отправлены были команды въ главное инженерное депо за штурмовыми лѣстницами, фашинами и турами, которые и были отданы по распоряженію главнаго инженера, Генерала Дена *.

Обозъ гвардейскаго корпуса былъ отправленъ еще заблаговременно въ Надаржинъ, гдѣ и поступилъ подъ охраненіе 6-го Егерскаго полка съ 4-мя орудіями.

Около полуночи гвардія стала въ боевой резервный порядокъ. Баталіоны 4-й гвардейской пѣхотной бригады, т. е. Л.-Гв. Финляндскаго и Егерскаго полковъ, были поставлены въ первую линію гвардейскаго корпуса. Стоя въ боевыхъ колоннахъ, гвардейцы заканчивали приготовленія къ бою [17]; черезъ три часа надлежало быть совсѣмъ готовымъ. Эти три часа русская армія провела въ напряженномъ ожиданіи предстоявшаго штурма, оказавшагося весьма кровопролитнымъ. „Смотря по личнымъ наклонностямъ каждаго, нѣкоторые томились мрачными предчувствіями; но большинство, — говоритъ

---

* Тогда же людямъ выдано по чаркѣ вина.

Ф. Смитъ, — предавалось радостнымъ надеждамъ на подвиги и отличія. Въ русской арміи немногіе сомнѣвались въ успѣхѣ; въ нисшихъ чинахъ, которые вообще менѣе доступны сомнѣнію и болѣе довѣряютъ увлеченію молодости и физической силѣ, положительно не было такихъ; вѣдь штурмъ искони былъ любимой развязкой боя русскихъ войскъ и почти всегда увѣнчивался счастливымъ результатомъ. Не говоря уже о штурмѣ Суворова (хотя многіе и его припомнили, потому что теперь имъ предстоялъ совершенно подобный же подвигъ противъ того же самаго непріятеля, даже противъ того же самаго города), большинство припоминало счастливыя покоренія турецкихъ крѣпостей въ послѣднюю войну, подвиги подъ Карсомъ, Ахалкалакомъ, Ахалцыхомъ, давшіе самые блестящіе результаты, при соразмѣрно незначительномъ уронѣ. Радость солдатъ, когда

Общій видъ Варшавы.

Съ гравюры начала XIX столѣтія.

они узнали о предстоящемъ штурмѣ, была такъ велика, что даже больные просили позволенія принять въ немъ участіе. Начальники большею частью провели ночь въ раздачѣ приказаній и исполненіи разныхъ распоряженій; немногимъ изъ нихъ удалось посвятить остатокъ времени тревожному сну. Нижніе чины имѣли также мало отдыха; нѣкоторыя части пришли на мѣста ихъ расположенія весьма поздно и должны были большую часть ночи провести подъ ружьемъ. Потому при первыхъ лучахъ разсвѣта все зашевелилось. Всѣ сердца были проникнуты величіемъ и важностью минуты: не только ихъ слава и блескъ, но даже, нѣкоторымъ образомъ, спасеніе арміи и отечества зависѣло отъ успѣха штурма. Не удайся онъ, и кто могъ бы предвидѣть, чѣмъ окончится война, потому что въ такомъ случаѣ можетъ быть и иностранныя державы рѣшились бы вмѣшаться. Для Поляковъ дѣло шло объ осуществленіи мечты самостоятельности и независимости; для Русскихъ—объ ихъ военной славѣ, о торжествѣ и могуществѣ ихъ отечества" [18].

Настроеніе польской арміи не было въ соотвѣтствіи съ серьезнымъ и торжественнымъ настроеніемъ русскихъ войскъ. Польскія войска были увѣрены въ неприступности своихъ укрѣпленій, а потому ждали штурма какъ погибели своего врага. Генералъ Бемъ, начальникъ укрѣпленій первой линіи, смѣло ручался, что оборона продолжится нѣсколько

дней, если не недѣль и что Русскіе будутъ непремѣнно отброшены. Комендантъ Воли, престарѣлый Генералъ Совинскій, наполеоновскій ветеранъ, потерявшій ногу подъ Бородинымъ, говорилъ, что „пока онъ живъ, Русскіе не войдутъ въ это укрѣпленіе“ [19]. Увѣренность въ побѣдѣ * дѣлала Поляковъ беззаботными и веселыми; они съ радостью ждали штурма варшавскихъ валовъ, которые должны были, по ихъ мнѣнію, послужить могилою всей русской арміи.

По диспозиціи на 25-е августа гвардейскому корпусу приказано было слѣдовать за 2-мъ корпусомъ Барона Крейца, имѣвшимъ цѣлью атаку укрѣпленій №№ 54 и 55, расположенныхъ между Волей и Раковецомъ. „Какъ только артиллерія начнетъ пальбу,— говорится въ диспозиціи, — гвардія расположится въ 500 саженяхъ позади 2-го корпуса... въ резервномъ порядкѣ, имѣя интервалы между баталіонами, по крайней мѣрѣ, на 50 шаговъ“ [21].

„Въ 3 часа (утра) 25-го числа,—пишетъ участникъ сраженія, Прапорщикъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Л. И. Горемыкинъ [22],—колонны наши, съ фашинами, плетнемъ и штурмовыми лѣстницами, двинулись стройно впередъ и остановились на позиціи въ виду стѣнъ мятежной столицы“. Съ разсвѣтомъ Главнокомандующій объѣхалъ колонны, приготовленныя къ штурму и, оставшись при войскахъ 2-го корпуса, ожидалъ минуты наступленія своей арміи.

„Въ 5 часовъ [23],—говоритъ Прапорщикъ Горемыкинъ,—раздался громъ первой пушки и черезъ нѣсколько минутъ по всему протяженію линіи (версты на $2^1/_2$) открылась сильнѣйшая канонада; до 200 орудій ревѣли и каждую секунду, посылая смерть въ защищавшія укрѣпленія, разрушали высокія ихъ твердыни. Ужасный громъ съ обѣихъ сторонъ продолжался около двухъ часовъ, пороховое облако клубилось въ небесной лазури, образуя картины, которыя вы представить не можете; на лѣвомъ флангѣ, сильнѣйшемъ пунктѣ нашей атаки, черный дымъ возвѣстилъ пожаръ, сильное пламя пробивалось сквозь гущу его, объяло мигомъ нѣсколько строеній, порывистый вѣтеръ раздувалъ его, огонь становился съ каждымъ мгновеніемъ сильнѣе и сильнѣе, и, наконецъ, превратилъ въ пепелъ достойную свою жертву. Нѣсколько дымныхъ столбовъ, подымающихся съ ужаснымъ трескомъ, давали намъ знать, что зарядные ящики летѣли на воздухъ. На правомъ флангѣ продолжалась канонада съ равною же силою. Наконецъ, передовыя колонны двинулись на приступъ. Сильнѣйшія атаки были направлены на лѣвомъ нашемъ флангѣ — на деревню Воля, и въ центрѣ—на большой редутъ.

На укрѣпленія Воли двинулась сначала колонна Генерала Лидерса изъ состава 1-го корпуса, а потомъ и весь 1-й корпусъ. Отчаянное сопротивленіе противника заставило направить на Волю вспомогательныя колонны Генераловъ Мартынова, Берга, Малиновскаго и Набокова. Послѣ весьма упорной защиты Воли, Поляки принуждены были ее отдать ворвавшимся со всѣхъ сторонъ русскимъ храбрецамъ. Колонны 2-го корпуса, еще до взятія Воли, овладѣли двумя редутами правѣе калишскаго шоссе. На правомъ флангѣ, со стороны Мокотова и краковскаго шоссе противникъ также былъ оттѣсненъ, выбитый изъ укрѣпленій у. Ра-

* Одинъ только Уминскій имѣлъ недобрыя предчувствія и съ опасеніемъ смотрѣлъ на будущее [20].

ковца и Шопы. Такимъ образомъ, къ 3 часамъ дня важнѣйшіе участки первой боевой линіи Поляковъ очутились въ нашихъ рукахъ и всѣ попытки противника вернуть ихъ были безсупѣшны,—этимъ и кончился первый день штурма. Успѣхъ штурмующихъ колоннъ превзошелъ предположенія главнокомандующаго; такой результатъ былъ достигнутъ славными дѣйствіями русской арміи.

Что же касается до дѣйствій въ этотъ день Л.-Гв. Финляндскаго полка, то они ограничились, согласно общей диспозиціи, лишь движеніемъ полка за колоннами 2-го корпуса. Непосредственнаго участія въ бою полкъ не принималъ и все время находился въ общемъ строю 4-й гвардейской пѣхотной бригады, вмѣстѣ съ своими боевыми товарищами, Лейбъ-Егерями, подъ общей командой Генерала Полешко [24].

Въ 5 часовъ утра 25-го августа Л.-Гв. Финляндскій полкъ, стоявшій уже давно въ боевыхъ резервныхъ колоннахъ, двинулся впередъ, ближе къ первой линіи, и по мѣрѣ ея наступленія, подавался за ней. Это движеніе полкъ совершалъ вмѣстѣ съ прочими частями гвардейскаго корпуса, наступавшаго отъ Опаче-Велке правѣе Скороше и Силисы. Все это время Л.-Гв. Финляндскій полкъ находился въ 1-й линіи гвардейскаго корпуса [25].

Въ 9 часовъ утра начальникъ 4-й гвардейской пѣхотной бригады, Генерала Полешко, по приказанію командующаго пѣхотою гвардейскаго корпуса, Генерала Бистрома, двинулъ 4 и 5 гвардейскія пѣхотныя бригады, т. е. полки Л.-Гв. Финляндскій, Егерскій, Литовскій и Волынскій,съ ихъ артиллеріею, вправо къ дер. Щенсливицы. Здѣсь онѣ были встрѣчены Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, лично указавшимъ Генералу Полешкѣ позицію для его отряда у названной деревни. На этой позиціи отрядъ былъ выстроенъ по-бригадно въ двѣ линіи, примыкая правымъ флангомъ къ деревнѣ Щенсливицы, а фронтомъ къ шоссе. Назначеніе отряда Генерала Полешки состояло въ подкрѣпленіи, въ случаѣ надобности, отряда Генерала Муравьева, дѣйствовавшаго въ первой линіи сначала противъ укрѣпленій у Раковца, а потомъ, въ дневные часы сраженія, у Воли. Отрядъ Генерала Полешко до 11 часовъ утра стоялъ, ожидая каждую минуту движенія впередъ; въ это время прибылъ къ нему главнокомандующій и, объѣхавъ линіи полковъ, приказалъ 5-ю бригадою подкрѣпить войска отряда Муравьева, а 4-ю бригаду оставить на занимаемой ею позиціи у Щенсливицы [26]. Здѣсь Финляндцы и Егеря и простояли весь день перваго штурма, такъ и не получивъ приказанія въ немъ участвовать. Находившійся въ то время въ рядахъ полка Прапорщикъ Горемыкинъ пишетъ о боѣ 25-го августа [27]: „Корпусъ нашъ, составляя резервъ, двигался по мѣрѣ обшаго движенія впередъ; наша бригада, находясь въ головѣ, приняла въ гости себѣ нѣсколько ядеръ и конгреевыхъ ракетъ, но ни одна вреда не причинила. Около вечера ружейный огонь утихъ, а канонада продолжалась изрѣдка, почти во всю ночь и утихла на разсвѣтѣ... Этимъ кончился бой 25-го числа“.

Охотники Л.-Гв. Финляндскаго полка также не принимали участія въ сраженіи 25-го августа; только полковые врачи, штабъ-лѣкарь Воскобойниковъ и баталіонный лѣкарь Руфиновъ исполняли свои боевыя обязанности, дѣлая перевязки и операціи раненымъ прочихъ полковъ [28].

Ночь на 26-е августа и утро этого дня Л.-Гв. Финляндскій полкъ провелъ стоя на той же позиціи у Щенсливицы. „Мы,—пишетъ Прапорщикъ Горемыкинъ, — утро провели покойно, — занимались закапываніемъ убитыхъ, перевязкою раненыхъ“; тѣхъ и

другихъ было много, какъ у противника такъ и у насъ: поляки потеряли въ первый день штурма около 7 тысячъ [29] человѣкъ, а русскіе—около 3 тысячъ. Утромъ же были сняты караулы и патрули, охранявшіе за ночь съ удвоенными мѣрами предосторожностей русскія колонны отъ нечаяннаго нападенія [30].

По диспозиціи на 26 августа [31] войскамъ русской арміи приказано было въ 4 часа утра стать въ ружье. Къ этому времени расположеніе ихъ было таково:

Большая часть войскъ 1-го корпуса Генерала Палена, около 9 тысячъ человѣкъ, стала къ ю.-в. отъ Воли; самая Воля была занята 7-ю баталіонами. 2-й корпусъ барона Крейца, силою въ 12 тысячъ человѣкъ, занялъ позицію впереди укрѣпленій №№ 54 и 55. Отрядъ Муравьева, около 7 тысячъ человѣкъ, расположился у Раковца, имѣя за собою, въ частномъ резервѣ, 4 гвардейскую пѣхотную бригаду поставленную за Щенсливицами. Отрядъ Штрандмана, силою въ 1200 человѣкъ, сталъ передъ Служевцомъ. Изъ общаго резерва—гвардія, подъ начальствомъ Великаго Князя Михаила Павловича, численностью около 10 тысячъ человѣкъ, стала за 2-мъ корпусомъ, а гренадеры, около 10 тысячъ человѣкъ,—у редута № 57. Резервныя кавалерія и артиллерія расположились недалеко отъ прочихъ частей общаго резерва. Отдѣльный кавалерійскій отрядъ кн. Хилкова сталъ сѣв. Воли.

Общая численность указанныхъ частей, съ придачей къ нимъ небольшихъ отрядовъ, простиралась до 67 тысячъ человѣкъ.

Въ расположеніи польской арміи 26-го августа утромъ замѣтно было сосредоточеніе значительныхъ силъ между Вольской и Іерусалимской заставами. Корпусъ Уминскаго разположился отъ Іерусалимской заставы, занятой дивизіей Мюльберга, до люблинскаго шоссе, выставивъ отдѣльные отряды въ Круликарню, Сельце и Черняковъ. Корпусъ Дембинскаго сталъ отъ Вольской заставы вправо. Общая численность польскихъ войскъ доходила до 32 тысячъ человѣкъ [32].

Штурмъ укрѣпленій Варшавы предписано были произвести по двумъ направленіямъ: „Корпусу графа Палена (1-му) наступать лѣвѣе калишскаго шоссе и атаковать укрѣпленія № 23 и 24; корпусу барона Крейца (2-му) овладѣть укрѣпленіями № 21 и 22“ [33].

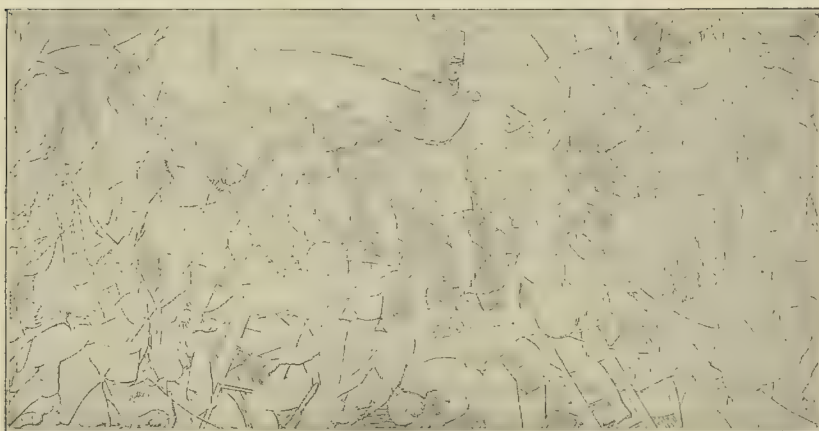
Отрядъ Муравьева, отвлекая на себя вниманіе противника, долженъ былъ поддерживать атаку поименованныхъ корпусовъ. Взявъ указанные редуты, входившіе въ составъ второй линіи варшавскихъ укрѣпленій, штурмующія колонны должны были идти на приступъ самаго города, взять городской валъ, т. е. третью линію обороны, и ближайшіе къ нему дома, а потомъ ужъ распространяться по городскимъ улицамъ.

Назначеніе гвардіи во время второго штурма было такое же, какъ и въ день перваго штурма: она должна была составлять резервъ войскъ боевой линіи. При этомъ 4-я гвардейская пѣхотная бригада, расположенная за отрядомъ Муравьева, предназначена была для поддержки этого послѣдняго. Въ виду того, что отряду Генерала Муравьева предписывалось, согласно предварительныхъ распоряженій, лишь поддержаніе атаки 1-го и 2-го корпусовъ, 4-й гвардейской бригадѣ, какъ можно было предполагать, предстояла весьма пассивная роль—служить резервомъ второстепеннаго отряда, назначеннаго чуть ли не для демонстраціи. На самомъ же дѣлѣ, отряду Муравьева и 4-й гвардейской пѣхотной бригадѣ пришлось сыграть весьма видную роль въ общемъ ходѣ сраженія 26-го августа.

Утро этого дня въ рядахъ русской арміи прошло спокойно въ виду переговоровъ веденныхъ тогда съ поляками. Но безплодность переговоровъ привела снова къ сраженію, окончившемуся на этотъ разъ взятіемъ Варшавы.

Въ часъ дня Фельдмаршалъ гр. Паскевичъ далъ сигналъ начала штурма. Батареи всей нашей боевой линіи сразу открыли огонь, Поляки отвѣчали. Начало канонады было для насъ очень неудачно: однимъ изъ первыхъ ядеръ былъ контуженъ Главнокомандующій кн. Паскевичъ. Командованіе арміей перешло къ начальнику штаба, гр. Толю.

Начало сраженія — артиллерійскій его періодъ — заставило сразу же измѣнить диспозицію для наступленія нашихъ войскъ. Произошло это потому, что центральная

Штурмъ Варшавы 26 авг. 1831 г.

Съ проекта памятника Императору Николаю I.

112-орудійная батарея Поляковъ, загнувъ частью свой фронтъ, наносила значительный вредъ нашей центральной 120-орудійной батареѣ. Для противодѣйствія губительному продольному огню польской артиллеріи и былъ выдвинуть впередъ отрядъ Муравьева. Ему было приказано, въ противность указаній диспозиціи, начать наступленіе ранѣе прочихъ войскъ; корпуса же Крейца и Палена должны были двинуться впередъ уже потомъ.

При такомъ положеніи дѣла 4-я гвардейская пѣхотная бригада, назначенная для поддержки отряда Генерала Муравьева, не могла конечно долго оставаться въ бездѣйствіи. Едва только отрядъ Муравьева дошелъ до второй линіи укрѣпленій, какъ ему понадобилась помощь гвардейцевъ 4-й бригады; эту помощь и оказалъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

Вступленіе Финляндцевъ въ боевую линію произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Генералъ Муравьевъ, наступая со своимъ отрядомъ, раздѣлилъ его на двѣ колонны: лѣвую, подъ начальствомъ Полковника Лукаша, онъ направилъ на укрѣпленіе № 81; правую, подъ начальствомъ Полковника Зота,—на укрѣпленіе № 78. Едва нѣсколько

ротъ Луцкаго полка изъ колонны Полковника Лукаша ворвались въ укрѣпленіе № 81, переколовъ и отбросивъ его защитниковъ, какъ сами были атакованы четырьмя баталіонами корпуса Уминскаго, скрытно расположенными неподалеку за корчмою; эту атаку польскихъ баталіоновъ поддержала артиллерія противника, дѣйствовавшая картечью съ самыхъ близкихъ разстояній. Въ завязавшемся крайне кровопролитномъ бою укрѣпленіе № 81 нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки, пока не подошелъ туда Л.-Гв. Финляндскій полкъ [34].

Въ 2 часа дня 4 гвардейская пѣхотная бригада, стоя у Щенсливицы, получила, черезъ адъютанта командира гвардейскаго корпуса, Полковника Философова, приказаніе „идти вередъ на подкрѣпленіе Генералъ-Лейтенанта Муравьева и, перейдя по правую сторону (краковскаго) шоссе, выстроить войска по направленію къ Варшавѣ и ожидать приказанія“ [35].

„Едва 4-я гвардейская пѣхотная бригада выстроилась въ боевую позицію“, какъ Генералъ Муравьевъ приказалъ ей двинуться впередъ и, раздѣлившись, направить Лейбъ-Егерей съ Л.-Гв. Финскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, входившимъ въ составъ бригады, въ прикрытіе батарей, стоявшихъ у краковскаго шоссе, а Л.-Гв. Финляндскій полкъ послать впередъ, въ боевую линію, на поддержку лѣвой колонны своего отряда, изнемогавшей въ бою за укрѣпленіе № 81.

Офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка, Прапорщикъ Горемыкинъ, участникъ штурма, такъ описываетъ [36] первые часы боя и вызовъ полка въ боевую линію. „Въ часъ пополудни 26-го числа опять раздался пушечный выстрѣлъ,—за нимъ другой, третій и наконецъ канонада распространилась быстро по всей линіи изъ занятыхъ наканунѣ редутовъ и батарей въ полѣ; ядра сыпались въ городъ, производя вездѣ гибельное разрушеніе. Массы кавалеріи, подкрѣпляемыя конной артиллеріей, стали на позиціи между двумя шоссе и пѣхотныя колонны двигались на штурмъ; въ короткое время нѣсколько редутовъ были взяты и войска съ крикомъ „ура“, подъ градомъ ядеръ и пуль, посреди лопающихся гранатъ и гибельнаго дѣйствія ракетъ, стали опять мять Поляковъ въ самый городъ. Въ это время наша бригада (полки Л.-Гв. Финляндскій и Егерскій) была послана на подкрѣпленіе праваго крыла атаки“.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ, по выраженію командира 4-й бригады Генерала Полешки, [37] „не взирая на перекрестный огонь орудій изъ непріятельскихъ батарей, поспѣшалъ впередъ, имѣя впереди себя всей бригады охотниковъ, подъ командою Полковника Романовича“. Другой участникъ штурма, офицеръ полка [38], такъ описалъ это движеніе Финляндцевъ: „я не могъ надивиться той твердой рѣшимости, тому порядку, въ коемъ шли колонны къ побѣдѣ. Пять гранатъ въ одно почти время взорвало у насъ въ баталіонѣ, не оставляя и слѣда въ рядахъ, мгновенно сомкнувшихся. Первый картечный выстрѣлъ вынесъ изъ фронта знаменщика и нѣсколько рядовыхъ; тутъ мы пошли еще скорѣе“. Генералъ Полешко какъ бы предвидѣлъ быстроту наступленія Л.-Гв. Финляндскаго полка, почему и приказалъ охотникамъ „оставить на мѣстѣ весь шанцевый инструментъ и лѣстницы [39]. Вмѣстѣ съ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ шли состоявшія при немъ 4 орудія 2-й легкой гвардейской роты, подъ командою Полковника Козлянинова.

Подходъ Л.-Гв. Финляндскаго полка къ тому мѣсту, гдѣ сражались Луцкіе и Самогит-

скіе гренадеры колонны Полковника Лукаша, сразу же измѣнилъ тамъ положеніе дѣлъ въ пользу нашего оружія. Финляндцы, не смотря на сильнѣйшій огонь противника, храбро бросились въ штыки на выручку гренадеръ. Это дало возможность Самогитскому полку, находившемуся влѣво отъ укрѣпленія № 81, броситься во флангъ непріятелю и, послѣ упорнаго боя, вновь занять окопы вмѣстѣ съ Финляндцами; тогда и Луцкіе гренадеры, вытѣсненные до этого изъ укрѣпленія и опрокинутые въ ровъ, снова ворвались въ него и укрѣпленіе осталось за нами [40]. Преслѣдуемые Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ и гренадерами баталіоны Уминскаго начали отступленіе вдоль краковскаго шоссе [41].

Уже поляки отступали отъ укрѣпленія № 81, отброшенные штыками Финляндцевъ и гренадеръ, когда три Кирасирскіе полка, направленные на этотъ пунктъ гр. Толемъ, выстраивали боевой порядокъ, чтобъ атаковать противника; но это оказалось поздно: польская пѣхота была уже опрокинута

Пока лѣвая колонна отряда Генерала Муравьева вела бой за укрѣпленіе № 81, правая колонна его, подъ командой Полковника Рота, двинулась въ атаку на укрѣпленія № 78. Несвижскій карабинерный полкъ при подходѣ къ укрѣпленію былъ атакованъ польской кавалеріей; на выручку его выдвинулись сначала Л.-Гв. Драгунскій, а потомъ Л.-Гв. Гусарскій полки, врубившіеся въ колонны Поляковъ; при содѣйствіи этой лихой кавалерійской атаки укрѣпленіе № 78 было взято, хотя и весьма дорогою цѣною.

На этомъ и окончился первый періодъ сраженія 26-го августа. Было около 5 часовъ дня, когда прибылъ изъ Варшавы уполномоченный съ просьбой остановить штурмъ; но въ виду того, что представители Поляковъ не хотѣли опредѣленно выразиться за полную подчиненность Россіи, штурмъ продолжался. Подготовка общей атаки была закончена русскими батареями центра своевременно и польская артиллерія сбитая ими еще днемъ принуждена была скрыться за городскіе валы.

Около 5-ти часовъ началось наступленіе колоннъ 1-го и 2-го корпусовъ, взявшихъ направленіе на Вольскую и Іерусалимскую заставы. Пока эти колонны подходили къ 3-й линіи укрѣпленій, т. е. къ городской чертѣ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ, въ числѣ прочихъ частей отряда Муравьева, поступившаго въ командованіе Генерала Полешко, тоже пробивался впередъ, подаваясь вдоль краковскаго шоссе по направленію къ Іерусалимской заставѣ. Полку было приказано наступать „по направленію къ непріятельской батареѣ, стоявшей у корчмы“ [42], куда эта батарея отступила съ предыдущей своей позиціи; указанная корчма находилась недалеко отъ Іерусалимской заставы, впереди укрѣпленія № 16. Прочія части отряда Полешки наступали правѣе полка. Сравнивая положеніе полка съ положеніемъ этихъ прочихъ частей отряда, не трудно прійти къ выводу, что Л.-Гв. Финляндскому полку приходилось много труднѣе, чѣмъ имъ: онъ наступалъ противъ артиллеріи противника, а онѣ—противъ пѣхоты. Но Финляндцы храбро наступали, поддерживаемые искустными дѣйствіями 2-й легкой гвардейской артиллерійской роты Полковника Козлянинова.

Охотники 4-й бригады попрежнему шли передъ полкомъ и, подойдя къ саду передъ корчмой, вытѣснили засѣвшихъ тамъ непріятельскихъ стрѣлковъ.

Колонны отряда Полешко наступая по пятамъ за отходившимъ непріятелемъ, слились съ наступавшими колоннами 2-го корпуса бар. Крейца, тоже направлявшимися на Іерусалим-

скую заставу; то были полки Шлиссельбургскій, Ладожскій и Олонецкій пѣхотные и 3-й и 4-й Карабинерные съ состоявшими при нихъ артиллерійскими частями. Генералъ Полешко, какъ старшій, получилъ приказаніе отъ Генералъ-квартирмейстра арміи, Генералъ-адъютанта Нейдгарта, взять подъ свою команду всѣ вышеозначенные полки вмѣстѣ съ Л.-Гв. Финляндскимъ и Луцкимъ и Самогитскимъ гренадерскими полками [43].

Было около 6 часовъ вечера, уже наступали сумерки, но пламя, охватившее предмѣстье, часть городскихъ домовъ и мельницы къ сѣверу Чисты, освѣщало окрестности, гдѣ уже столько часовъ происходило кровопролитное сраженіе. Нѣкоторые генералы, въ томъ числѣ Генералъ-квартирмейстръ Нейдгартъ, докладывали гр. Толю, что, въ виду наступленія вечера, было бы лучше отложить штурмъ самаго города до утра. Толь отвѣтилъ: „теперь или никогда“ и приказалъ приступить къ штурму городского вала

По этому приказанію русскія колонны въ сумеркахъ наступавшаго вечера приближались съ разныхъ сторонъ къ городской чертѣ. Главныя усилія Поляковъ были направлены къ оборонѣ Вольской и Іерусалимской заставъ, особенно послѣдней, гдѣ они сосредоточили наибольшую массу войскъ корпуса Уминскаго. Къ этой заставѣ наступалъ весь отрядъ Генерала Полешки.

Имѣя на правомъ флангѣ баталіоны Л.-Гв. Финляндскаго полка, колонны Генерала Полешки двигались въ боевомъ порядкѣ къ редутамъ № 15 и 16, которые лежали на пути къ заставѣ. Подходя къ этимъ укрѣпленіямъ, Генералъ Полешко нѣсколько задержалъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, предназначивъ его въ свой резервъ; вся же остальная пѣхота, выбивъ противника изъ укрѣпленій № 15 и 16, пошла безостановочно въ атаку на Іерусалимскую заставу и примыкавшій къ ней главный валъ. Но здѣсь „упорное сопротивленіе мятежниковъ, засѣвшихъ за валомъ и около полисадовъ и рогатки остановили на нѣкоторое время успѣхи нашего оружія“ [44]; тогда былъ выдвинутъ впередъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

Участникъ штурма, адъютантъ гр. Толя, Штабсъ-Капитанъ Веригинъ [45] описываетъ событія тѣхъ минутъ слѣдующимъ образомъ:

„Около семи часовъ вечера, всѣ передовые люнеты и редуты были уже въ нашихъ рукахъ; но валъ, со всѣми прикрывающими его наружными укрѣпленіями, и двѣ каменныя заставы, Вольская и Іерусалимская, были еще упорно защищаемы Поляками.

„Графъ Толь, бдительно слѣдя за ходомъ штурма, остановился на взятомъ лишь передъ тѣмъ укрѣпленіи № 22. Ряды тѣлъ лежали передъ рвомъ укрѣпленія, адъютантъ за адъютантомъ привозили и отвозили приказанія во всѣ стороны.

„Налѣво отъ этого мѣста пылали загорѣвшіяся мельницы, горѣли и другія строенія и, съ наступавшею болѣе и болѣе темнотою ночи, освѣщали грозную картину послѣднихъ часовъ штурма Варшавы. Громъ орудій, ружейная стрѣльба, шумъ барабановъ и крики войскъ,—все слилось въ общій гулъ и переносило мысли и чувства въ какой то новый міръ, страшный, но торжественный.

„Въ эту минуту, подскакавшій ко рву укрѣпленія адъютантъ отъ князя Горчакова, которому графъ Толь ввѣрилъ общее начальство надъ войсками, отдѣленными для овладѣнія Іерусалимскою заставой, громко доносилъ графу Толю, стоявшему на брустверѣ укрѣпленія, что Поляки крѣпко держатся за этою заставой, что два приступа уже отбиты

и необходимо подкрѣпленіе. Едва успѣлъ этотъ присланный повернуть лошадь, какъ новый посланный отъ князя Горчакова, бывшій адъютантъ графа Дибича, Мухановъ, привезъ извѣстіе, что самъ князь Горчаковъ раненъ и что необходимо подкрѣпить войска, которыя дерутся у Іерусалимской заставы.

„Графъ Толь повернулся къ окружающимъ и, подозвавъ меня, сказалъ: „Скачите къ гвардейской Егерской бригадѣ Генерала Полешко и ведите ее; не возвращайтесь ко мнѣ прежде, чѣмъ будетъ окончательно взята застава и вы введете артиллерію въ городскую улицу. Далѣе же—ни шагу".

„Въ минуту былъ я вновь на конѣ. Начинало уже смеркаться.

„Я скакалъ мимо Чистенскихъ садовъ, гдѣ передъ тѣмъ происходила жаркая перестрѣлка съ храбрыми войсками 2-го корпуса. Среди свѣжихъ слѣдовъ рукопашнаго боя, груды тѣлъ и при наступившей уже темнотѣ ночи, достигъ я поля между краковскимъ шоссе и Чистенскими садами, гдѣ вскорѣ увидѣлъ движущуюся темную толпу, и на вопросъ: „какія войска" мнѣ отвѣчали солдаты: „Финляндскій полкъ". Отыскавъ Генерала Полешко и передавъ ему приказаніе графа Толя, я повелъ полкъ прямо къ Іерусалимской заставѣ. Храбрый Генералъ Полешко ожидалъ только указаній, куда направить баталіоны".

Медаль за взятіе Варшавы въ 1831 году.

Генералъ Полешко изображаетъ происшедшее съ полкомъ въ эти минуты слѣдующимъобразомъ [46]: „Я приказалъ Л.-Гв. Финляндскому полку, стоявшему въ резервѣ, двинуться впередъ съ барабаннымъ боемъ: 1-му и 2-му баталіонамъ прямо по дорогѣ къ заставѣ, а 3-му и 4-му, принявъ влѣво и обойдя позаредутомъ № 16, цѣлой массой взойти лѣвѣе рогатки прямо на главный валъ, что и было исполнено въ точности и 4-й баталіонъ, подъ командою Капитана Воецкаго, первый взошелъ на оный; съ тѣмъ вмѣстѣ взошли на валъ армейскіе полки". Изъ ротъ 4-го баталіона, атаковавшаго непріятельскія укрѣпленія „среди жестокаго пушечнаго и картечнаго огня, въ совершенномъ порядкѣ", впереди другихъ шла 7-я Егерская рота; храбрость этой роты была достойно вознаграждена: ей первой удалось взойти на Варшавскіе валы и тѣмъ со славой увѣнчать штурмъ полка [47].

Бывшій во время сраженія въ рядахъ полка, Прапорщикъ Л. Горемыкинъ такъ описываетъ [48] наступленіе полка въ колоннахъ къ атакѣ, съ барабаннымъ боемъ: „непріятель встрѣтилъ насъ сперва ядрами, потомъ гранатами—и, наконецъ, картечью перекрестно съ трехъ батарей, несмотря на ужасный огонь, который... былъ сильнѣе бородинскаго; мы быстро подошли къ предмѣстью города, откуда поворочены вправо на щоссе для занятія

Іерусалимскихъ воротъ. Въ это время раненъ Генералъ-Адъютантъ князь Горчаковъ; нашего полка контужены: Капитаны Амонтъ, Нелидовъ, Поручикъ баронъ Аминовъ; опять подлѣ меня картечью раненъ находившійся въ охотникахъ Поручикъ Сумароковъ— въ ногу и руку, и Прапорщику графу Кронгельму ядромъ оторвало ногу—онъ скончался черезъ часъ; убитъ гвардейской артиллеріи Прапорщикъ Чашниковъ. Между тѣмъ уже въ городѣ гремѣло „ура", по улицамъ ружейная пальба уподоблялась грохоту барабановъ, ящики летали на воздухъ и пожаръ начинался уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ города и около центра его; часть гвардейской кавалеріи ворвалась въ улицы и рубила тамъ безъ пощады... Мы подвигались къ Іерусалимскимъ воротамъ, непріятель встрѣтилъ насъ батальоннымъ огнемъ изъ ружей и пустилъ нѣсколько ракетъ, но не остановилъ колоннъ, которыя съ удивительнымъ порядкомъ почти бѣгомъ приближались къ воротамъ. Часть полковъ 2-й Гренадерской дивизіи, Вологодскій пѣхотный и 11-й Егерскій, вмѣстѣ съ нашимъ заняли, наконецъ, ворота и прилежащія укрѣпленія, послѣ жестокаго и довольно продолжительнаго огня" *.

Въ письмѣ другого офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка о наступленіи полка вечеромъ 26-го августа говорится, между прочимъ, слѣдующее [49]: „Уже былъ сумракъ, когда не только огонь ружейный и картечный, освѣщавшій торжественнымъ заревомъ геройскую смерть храбрыхъ, но и самый адъ, казалось, не могъ бы остановить насъ, близкихъ къ цѣли"...

По взятіи Іерусалимской заставы рогатки были тотчасъ отперты и охотники Л.-Гв. Финляндскаго полка „преслѣдовали бѣгущаго непріятеля болѣе версты по (Іерусалимской) аллеѣ" [50]; на захваченномъ мѣстѣ охотники устроили пикеты и были потомъ подкрѣплены Кіевскимъ Гренадерскимъ и Гренадерскимъ Принца Мекленбургскаго полками.

Баталіоны Л.-Гв. Финляндскаго полка и остальные полки отряда Генерала Полешко были остановлены у городского вала. 1-й и 2-й Финляндскіе баталіоны составили резервъ у редута № 16, а 3-й—у самой Іерусалимской заставы; баталіоны прочихъ полковъ, войдя въ городъ, расположились близь заставы.

Темнота осенняго вечера заставила прекратить сраженіе, какъ вдругъ патрули наши открыли присутствіе довольно значительнаго числа Поляковъ, скрывшихся въ редутѣ № 14 и въ лагерѣ около него; они открыли огонь по нашимъ патрулямъ. Тогда Генералъ Полешко приказалъ 4-му баталіону Л.-Гв. Финляндскаго полка выслать стрѣлковъ въ цѣпь и обстрѣливать лагерь противника вмѣстѣ съ двумя орудіями гвардейской артиллеріи; лагерь былъ зажженъ и Поляки бѣжали, засѣвшіе же въ редутѣ были выбиты 3-мъ баталіономъ Л.-Гв. Гренадерскаго полка и тоже бросились въ бѣгство.

„Около 10 часовъ огонь сталъ утихать, выстрѣлы становились рѣже и рѣже и, наконецъ, къ глубокой полночи совсѣмъ прекратились". Сраженіе 26-го августа кончилось: мятежная Варшава пала передъ стопами Государя и огромныя ея укрѣпленія со многими пушками смирились передъ русскимъ штыкомъ.

Черезъ день послѣ второго штурма Фельдмаршалъ доносилъ Государю Императору

---

* Выписка приведена съ исправленной орѳографіей и безъ сокращеній нѣкоторыхъ словъ подлинника.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Нашему Лейбъ-Гвардіи Финляндскому полку.

Отличное мужество, оказанное Лейбъ-Гвардіи Финляндскимъ полкомъ въ дѣлахъ противъ Польскихъ мятежниковъ и особенно при С. Соколовѣ, занятіи моста въ Якацахъ, при С. Рудки и при штурмѣ Варшавскихъ укрѣпленій 25 и 26го Августа 1831го года, обратили на оный особенное Наше вниманіе, въ ознаменованіе коего Всемилостивѣйше жалуя ему препровождаемыя у сего Георгіевскія трубы, съ надписью: за Варшаву 25 и 26го Августа 1831го года, Повелѣваемъ, по прочтеніи сей Нашей Грамоты предъ полкомъ, употребить трубы на службу Намъ и Отечеству, съ вѣрностію, усердіемъ и храбростію, толико Россійскому воинству свойственными. — Пребываемъ Императорскою Нашею милостію къ сему полку благосклонны.

Николай.

С. Петербургъ.
12го Декабря 1832 года

„Варшава у ногъ Вашихъ, польская армія по назначенію моему отходитъ къ Плоцку, съ революціоннымъ Правительствомъ еще не рѣшено,—о чемъ имѣю счастье Вашему Императорскому Величеству донести“ [51]. Съ этого момента всякая надежда на самостоятельность Польши исчезла и законная власть вошла въ свои права.

30-го Августа былъ объявленъ приказъ по дѣйствующей арміи [52], въ которомъ Главнокомандующій восхвалялъ мужество и доблести русскихъ войскъ; въ немъ, между прочимъ, говорилось:

„Еще одинъ знаменитый подвигъ вѣнчаетъ новою славою васъ, храбрые воины! Гордая столица Польши пала передъ вами! Ни обширныя твердыни, ни отчаянная защита не остановили храбрыхъ!..

„Здѣсь новые подвиги вновь показали врагамъ, сколь ничтожно всякое сопротивленіе передъ мощною десницею вашею! Пораженные ужасомъ, они склонили чело...

„Такъ блистательно окончены незабвенные 25-е и 26-е августа, дни памятные для Россіи другою знаменитою битвою за цѣлость и славу отечества! Орлиный полетъ, которымъ вы перенеслись чрезъ тройной рядъ непріятельскихъ укрѣпленій, сооруженныхъ тысячами рукъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, изумилъ дерзостныхъ враговъ и они не осмѣлились болѣе продлить своего упорства въ улицахъ Варшавы, гдѣ новые валы и палисады могли представить имъ тысячи другихъ средствъ къ оборонѣ.

„Славу, стяжанную вами, кромѣ другихъ трофѣевъ, свидѣтельствуютъ 120 орудій, большею частію отбитыхъ грудью вашею, храбрые!

„Обязанный вамъ толико знаменитыми и счастливыми событіями, я повергъ къ стопамъ Всемилостивѣйшаго Государя нашего полное засвидѣтельствованіе о столь безсмертныхъ подвигахъ вашихъ. Мнѣ трудно было отличить предъ Монархомъ храбрѣйшихъ изъ васъ: назвать одного значило наименовать всю армію. При искренномъ благодарственномъ воззваніи къ Богу силъ, покровительствующему оружіе наше, воздадимъ, храбрые товарищи, долгъ чистаго сокрушенія о падшихъ со славою на полѣ чести. Съ воспоминаніемъ ихъ подвиговъ да утвердится каждый изъ насъ въ томъ мнѣніи, что армія, столь мужественная и столь хорошо устроенная, останется навсегда непобѣдимою“.

Высочайшій приказъ по дѣйствующей арміи, отъ 6-го октября, въ слѣдующихъ, навсегда памятныхъ и дорогихъ для русской арміи словахъ, выразилъ чувства, Монаршей благодарности и признательности всей Россіи къ храбрымъ войскамъ, взявшимъ столицу мятежниковъ [53]:

„Воины! Вы оправдали мои ожиданія,—писалъ Государь.—Я ввѣрилъ вамъ усмиреніе мятежной Польши, защиту Отечества, и вы явили себя достойными хранителями его спокойствія и чести. Едва возвратясь изъ Тавриза, изъ Адріанополя, вы и нынѣ, въ борьбѣ съ отчаяннымъ непріятелемъ, умѣли переодолѣть всѣ трудности и своими незабвенными подвигами на берегахъ Вислы, Буга, Нарева, въ глубокихъ рвахъ и на раскатахъ Варшавы, еще болѣе возвысили блескъ Россійскаго оружія. Судьба увѣнчала ваши усилія: мятежъ усмиренъ, Царство Польское возвращено Державѣ Россійской и, видя конецъ своихъ бѣдственныхъ волненій, сами побѣжденные благословляютъ наши побѣды. Храбрые воины! Господу силъ принадлежитъ первая слава. Но возславъ къ нему дань благодаренія нашего, Я обращаюсь къ вамъ, благодарю васъ именемъ торжествующаго признательнаго отечества. На васъ устре-

млены взоры Россіи; она гордится вами и память вашихъ славныхъ дѣлъ сохранитъ въ своихъ лѣтописяхъ. Вы съ храбростію соединяете другія еще возвышеннѣйшія доблести истиннаго воина — увѣренность въ побѣдѣ, снисхожденіе къ падшимъ, готовность къ примиренію съ противниками, когда они возвращаются къ долгу; и всюду жизнь и собственность безоружныхъ жителей были для васъ священны. Воины, продолжайте оправдывать Мою довѣренность и по возстановленіи мира, соблюденіемъ строгой подчиненности и благоустройства въ рядахъ вашихъ, и въ покоренномъ краѣ внушайте, какъ прежде, любовь къ себѣ и порядку, любовь и приверженность къ престолу Моему и уваженіе къ Россіи".

Даже побѣжденный противникъ отдавалъ дань удивленія храбрости русскихъ войскъ, штурмовавшихъ Варшаву; у одного изъ офицеровъ польской арміи невольно вырвались слова, свидѣтельствующія о геройствѣ русскихъ колоннъ, взявшихъ варшавскія твердыни. „Je n'ai pas cru, — воскликнулъ онъ, — qu'une telle bravoure était encore de notre siècle!“ [54].

Не малую долю славы русской арміи могли по справедливости принять на себя полки гвардіи, участвовавшіе въ штурмѣ, ихъ охотники и Л.-Гв. Финляндскій полкъ ворвавшійся однимъ изъ первыхъ въ Варшаву. Въ донесеніи главнокомандующаго на Высочайше имя по этому поводу было сказано [55]: „Изъ всѣхъ десяти гвардейскихъ полковъ охотники при каждомъ штурмѣ находились впереди колонны и, по свидѣтельству каждаго изъ отдѣльныхъ начальниковъ, вездѣ доказали самую блистательную и неустрашимую храбрость. Полки Л.-Гв. Гренадерскій, Егерскій и Финляндскій были въ ближайшемъ огнѣ, сверхъ того послѣдній изъ нихъ съ примѣрною храбростію увѣнчалъ приступъ Іерусалимской заставы и проникнулъ далеко внутрь города“.

Такимъ образомъ въ день взятія Варшавы Л.-Гв. Финляндскій полкъ, взойдя первымъ изъ гвардейскаго корпуса на валы польской столицы, съ честью поддержалъ свое славное боевое имя и выказалъ тутъ обычный ему высокій доблестный духъ.

Слова письма участника штурма въ рядахъ полка подтверждаютъ это [56]. „Не стану описывать рвеніе и мужество нашихъ,—пишетъ одинъ изъ офицеровъ полка, — оно знакомо... еще въ Турецкомъ 1828 года походѣ. Скажу только, что мундиръ нашъ, коимъ ознаменованы безсмертные подвиги полка подъ Фридландомъ, пріобрѣлъ нынѣ новую славу и я горжусь ею, какъ участникъ оной. Признаюсь, что храбрость пѣхоты была здѣсь выше человѣческаго понятія“...

„Отличное мужество, оказанное Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ“ при штурмѣ Варшавы, а также и при дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ въ маѣ 1831 года, обратили на полкъ особенное вниманіе Верховнаго Вождя Русской арміи и полкъ удостоился полученія георгіевскихъ серебряныхъ трубъ съ надписью „за Варшаву 25 и 26 августа 1831 года“ [57].

Подобной награды были удостоены за штурмъ Варшавы лишь 7 частей *, а за всю кампанію 1831 года еще 2 части ** [58].

---

* Л.-Гв. Финляндскій и Л.-Гв. Гусарскій полки, Сѣвскій и Принца Вильгельма Прусскаго пѣхотные полки, Л.-Гв. Саперный баталіонъ и 3-й Гвардейской и Гренадерской артиллерійской бригады батарейная № 1 и легкая № 2 роты

** Л.-Гв. Конно-артиллерійская батарейная батарея и Л.-Гв батарейная № 5 рота.

Высочайшая грамота полку о пожалованіи георгіевскихъ серебряныхъ трубъ была слѣдующая [59]:

Божію Милостію
Мы Николай Первый,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій
и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Лейбъ-Гвардіи Финляндскому полку.

Отличное мужество, оказанное Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ въ дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ и особено при с. Соколовѣ, занятіи моста въ Якацахъ, при с. Рудки и при штурмѣ Варшавскихъ укрѣпленій 25 и 26 августа 1831 года, обратили на оный особенное Наше вниманіе, въ ознаменованіе коего Всемилостивѣйше жалуя ему препровождаемыя у сего Георгіевскія трубы съ надписью, за Варшаву 25 и 26 августа 1831 года, повелѣваемъ, по прочтеніи сей Нашей Грамоты предъ полкомъ, употребить трубы на службу Намъ и Отечеству съ вѣрностью, усердіемъ и храбростью, толико Россійскому воинству свойственными. Пребываемъ Императорскою Нашею Милостіею къ сему полку благосклонны.

На подлинной подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою

„*НИКОЛАЙ*“

С.-Петербургъ
12-го декабря 1832 года.

Кромѣ этой награды чины полка получили много личныхъ боевыхъ награжденій, свидѣтельствововшихъ о мужествѣ и доблести ихъ. Офиціальные же документы даютъ слѣдующія показанія о дѣятельности нѣкоторыхъ офицерахъ полка при штурмѣ Варшавы.

„Полковникъ Моллеръ, командуя полкомъ подъ сильнимъ непріятельскимъ пушечнымъ огнемъ, подвигалъ баталіоны впередъ въ устроенномъ порядкѣ и, находясь самъ впереди полка, личною храбростію служилъ примѣромъ для своихъ подчиненныхъ“.

Баталіонные и ротные командиры „сохранили ввѣренныя имъ части среди жестокаго пушечнаго и картечнаго огня въ совершенномъ порядкѣ, (исполняли) всѣ движенія съ отличною точностью и сами служили подчиненнымъ своимъ примѣромъ мужества и присутствія духа“.

Капитанъ Воецкій сверхъ того велъ командуемый имъ 4-й баталіонъ „на штурмъ съ примѣрнымъ мужествомъ и съ 7 Егерскою ротою изъ первыхъ взошелъ на непріятельскіе окопы“.

Капитанъ Нелидовъ, „будучи контуженъ ядромъ въ руку, оставался во фронтѣ до тѣхъ поръ, пока другая контузія картечью въ ногу не заставила его ряды оставить“.

Поручикъ Баронъ Аминовъ, „получа сильную контузію ядромъ въ бокъ, оставался во фронтѣ, пока силы позволяли“ [60].

Прапорщикъ графъ Кронгельмъ, смертельно раненый при приближеніи полка къ Іерусалимской заставѣ, выказалъ себя въ послѣднія минуты жизни истиннымъ героемъ; на

сожалѣніе солдатъ, выносившихъ съ поля сраженія своего истекавшаго кровью офицера, что онъ такъ рано умираетъ, Прапорщикъ Кронгельмъ отвѣчалъ: „я умираю рано, но умираю славною смертью“ [61]!

Полковникъ Романовичъ, командовавшій охотниками Л.-Гв. Финляндскаго и Егерскаго полковъ, „велъ ихъ среди жестокаго огня съ отличнымъ мужествомъ и завладѣлъ непріятельскими окопами“.

Поручикъ Демидовъ „находился въ охотникахъ, велъ свою часть подъ картечью съ отличнымъ мужествомъ и вошелъ съ нею въ непріятельскій окопъ“.

Вступленіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Варшаву, во главѣ русской арміи.

Поручикъ Сумароковъ, „находясь въ охотникахъ, съ частью оныхъ отдѣлясь, напалъ стремительно на непріятеля, бывъ раненъ пулею въ руку, оставался во фронтѣ и продолжалъ успѣхъ свой до тѣхъ поръ, пока не завладѣлъ непріятельскими окопами, гдѣ, получивъ другую тяжелую рану въ ногу, (былъ) вынесенъ изъ фронта [62]“.

Дѣйствія охотниковъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ, по рапорту [63] Полковника Романовича, представлены такъ: „въ продолженіе всего дѣйствія ввѣренныхъ мнѣ охотниковъ при штурмѣ г. Варшавы, считаю долгомъ и пріятнѣйшей обязанностію свидѣтельствовать... съ какимъ усердіемъ и ревностію всѣ гг. офицеры, бывшіе въ охотникахъ, способствуя

къ цѣли моихъ распоряженій, съ примѣрною храбростію управляли своими частями, а нижніе чины, одушевляясь такимъ примѣромъ, дѣйствовали со свойственною имъ неустрашимостію". Генералъ-Адъютантъ графъ Паленъ, командовавшій при штурмѣ Варшавы 1-мъ корпусомъ, отозвался объ охотникахъ гвардейскаго корпуса, что они „дрались какъ львы и налетали на укрѣпленія какъ орлы" [64]!

Нестроевые чины полка показали себя тоже доблестными подъ огнемъ; полковые врачи „во время сраженія на перевязочныхъ пунктахъ, съ отличнымъ усердіемъ и примѣрнымъ соревнованіемъ, дѣлали перевязки и операціи раненымъ", а полковой квартермистръ Лазаревъ и аудиторъ Захарченко „во все время сраженія подъ выстрѣлами съ отличнымъ усердіемъ распоряжалися выносомъ раненыхъ изъ фронта и доставленіемъ ихъ въ мѣста перевязки" [65]; оба они добровольно взяли на себя эти тяжелыя обязанности и были ранены.

Потери Л.-Гв. Финляндскаго полка при штурмѣ Варшавы были слѣдующія: убиты и скончались отъ ранъ: Штабсъ-Капитанъ Нумерсъ и Прапорщикъ графъ Кронгельмъ; ранены: Поручикъ Сумароковъ (2 раны), аудиторъ 12-го кл. Захарченко и полковой квартирмейстръ 12-го кл. Лазаревъ; контужены: Капитанъ Нелидовъ (2 контузіи), Поручикъ баронъ Аминовъ и Подпоручикъ графъ Коновницынъ [66].

Въ численномъ отношеніи потери были:

а) офицеровъ: убито и умерло отъ ранъ—2, ранено — 3, контужено — 3. По сравненію съ наличнымъ составомъ: убито и умерло отъ ранъ 3,33%, ранено и контужено 20%.

б) нижнихъ чиновъ.

		Ун.-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Всего.
Въ штурмѣ участвовало		132	102	1,450	1,674
убито	въ колоннахъ	1	—	10	11
	охотниковъ	1	—	3	4
ранено	въ колоннахъ	8	4	34	46
	охотниковъ	—	1	16	17
контужено	въ колоннахъ	1	—	14	15
	охотниковъ	—	—	1	1
пропало	въ колоннахъ	—	—	—	—
	охотниковъ	—	—	1	1
всего убыло	въ колоннахъ	10	4	58	72
	охотниковъ	1	1	21	23
Итого		11	5	79	95

убитыми и безъ вѣсти пропавшими 0,95%

ранеными и контуженными . . . . 4,69% [67].

По отношенію къ общей потерѣ гвардейскаго корпуса, потери Л.-Гв. Финляндскаго полка составляютъ около одной пятой [68].

Въ общемъ-же ихъ нельзя не признать сравнительно незначительными, особенно при-

нимая во вниманіе, что Л.-Гв. Финляндскій полкъ сражался въ одномъ изъ наиболѣе упорно защищаемомъ Поляками пунктѣ и былъ однимъ изъ первыхъ полковъ Русской арміи взошедшимъ на валы Варшавы.

Награды за штурмъ Варшавы были слѣдующія [69]: командиръ полка, Генералъ-маіоръ Берниковъ * получилъ орденъ св. Анны 1 ст. съ Императорской короной [70]; Полковники: Моллеръ — Св. Станислава 2 степени, Романовичъ и Тулубьевъ — св. Анны 2-ой ст. съ Императорской короной, Окуловъ—св. Владиміра 4-ой ст.; Капитаны—Аммонтъ, Воецкій, Нелидовъ и Штабсъ-Капитанъ Крутовъ — св. Анны 2-ой ст.; Штабсъ-Капитанъ Базинъ, Поручики—Наумовъ, Гизингеръ, фонъ-Шульцъ, Демидовъ, баронъ Аминовъ, Беръ, Лихонинъ и Прапорщики Горемыкинъ и Базилевскій — золотыя полусабли съ надписью „за храбрость"; Поручикъ Сумароковъ, Подпоручики Киновичъ, Максимовъ, Заварицкій и графъ Коновницынъ — св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Остальные офицеры и классные чиновники ** были награждены орденами св. Анны 3 ст. съ бантомъ и 4 ст. „за храбрость", орденами св. Станислава 3 ст., чинами, изъявленіемъ Высочайшаго благоволенія и подарками по чину.

Нижнимъ чинамъ было пожаловано 107 знаковъ отличія военнаго ордена. Охотники получили: раненые—по 4, не раненые—по 1 червонцу [71], а всѣ строевые—по 5 руб. сер. [72]. Нѣкоторые нижніе чины удостоились особыхъ Высочайшихъ милостей, а именно [72]: фельдфебелямъ Гусеву и Панфилову повелѣно производить $^2/_3$ прапорщичьяго жалованія; фельдфебелю Арчебасову, унтеръ-офицерамъ Андрееву, Бакулину и Хорунжину—двойной окладъ жалованія. Фельдфебелю Пономареву, рядовымъ Коробову и Синицыну—прощены штрафы, а рядовымъ Чаплину, Сисоеву и Сидорову прощены штрафы съ производствомъ въ унтеръ-офицеры.

Кромѣ перечисленныхъ наградъ, и офицеры и нижніе чины, принимавшіе участіе въ штурмѣ Варшавы, были награждены серебряными медалями съ надписью „За взятіе штурмомъ Варшавы"; право ношенія этой медали было предоставлено строевымъ чинамъ, военнымъ врачамъ и священникамъ [73]. Затѣмъ были пожалованы всѣмъ участникамъ кампаніи 1831 года серебряныя медали, выбитыя въ память этой войны [74] и польскій знакъ отличія за военныя достоинства (Virtuti militari), для генераловъ и офицеровъ—золотой крестъ, а для нижнихъ чиновъ—серебряный [75].

Варшава пала 26 августа. Сраженіе этого дня кончилось поздно вечеромъ. Штурмовавшія польскую столицу русскія войска остались на ночь на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застали послѣднія минуты боя; кое-гдѣ впрочемъ были незначительныя перемѣщенія. Л.-Гв. Финляндскій полкъ провелъ ночь съ 26 на 27 августа у Іерусалимской заставы, гдѣ наканунѣ онъ выказалъ такое „отличное мужество".

---

* Генералъ Берниковъ, во время штурма командовалъ не полкомъ, а бригадою.

** Орденъ св. Анны 3-ей ст. съ бантомъ—Подпоручики Бобарыкинъ, кн. Орбеліани и Мухановъ; Прапорщики Ганъ, Шмитъ, Шевелевъ, кн. Шаховской, Карцовъ, Скалонъ Гауштейнъ, Познякъ и Бекъ. Орденъ св. Анны 3-ей ст.—Квартермистръ Лазаревъ.—Орденъ св. Станислава 3-ей степени—Штабъ-лекарь Воскобойниковъ. Слѣдующимъ чиномъ—Штабсъ-капитаны Нелакенъ I и Грибовскій. Чинъ Коллежскаго ассесора — Штабъ-лекарь Клоссе. Орденъ св. Анны 4-ой ст. „за храбрость" — Прапорщикъ Леонтьевъ. Изъявленія Высочайшаго благоволенія удостоился аудиторъ Захарченко, а лекарь Руфиновъ—подарка по чину.

Ночь въ общемъ прошла спокойно, хотя польскія войска стояли совсѣмъ близко отъ русскихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были слышны одиночные выстрѣлы, раздавалась иногда и артиллерійская стрѣльба, но все это скоро прекращалось. Русская армія стояла въ полной готовности къ бою, имѣя половину своихъ войскъ подъ ружьемъ; не желая сами продолжать кровопролитіе, русскіе разсчитывали на мирное разрѣшеніе переговоровъ съ представителями польскаго народнаго правленія. Уполномоченный сейма, гр. Круковецкій написалъ на Высочайшее имя письмо съ изъявленіемъ полной готовности со стороны польскаго народа безусловно покориться волѣ Монарха. Условія предъявленныя русскимъ главнокомандующимъ къ Полякамъ заключались, главнымъ образомъ, въ слѣдующихъ пунктахъ: польская армія очищаетъ Варшаву, русская армія ее занимаетъ; польская армія можетъ занять опредѣленныя ей области и сосредоточить тамъ всѣ свои отдѣльные отряды; польская армія подчиняется Государю Императору; военныя дѣйствія прекращаются [76].

Въ 5 часовъ утра Варшава была покинута своими защитниками, а въ 7 часовъ послѣдовало вступленіе въ нее побѣдоноснаго русскаго войска [77]. Гвардіи была предоставлена честь первой вступить въ павшую Варшаву. Л.-Гв. Финляндскому полку, какъ особенно отличившемуся въ штурмѣ 26 августа, была предоставлена честь открывать вступленія въ Варшаву Русской арміи.

Приготовленія къ занятію Варшавы дѣлались ночью. За нѣсколько часовъ до вступленія въ нее русскихъ войскъ начальствующія лица собрались у Іерусалимской заставы. Здѣсь были Великій Князь Михаилъ Павловичъ, гр. Толь, гр. Виттъ—уже назначенный Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, баронъ Корфъ—вновь назначенный комендантъ Варшавы, гр. Бергъ и многіе другіе; Главнокомандующій гр. Паскевичъ отсутствовалъ, продолжая страдать отъ контузіи. Въ гвардейскихъ полкахъ спѣшно готовились къ предстоявшему торжеству, приводя въ порядокъ обмундированіе и аммуницію—разорванныя и испачканные за минувшіе часы сраженія; къ шинелямъ въ которыхъ предстояло вступить въ Варшаву, пришивали свѣжіе воротники, чистили и подшивали все, что возможно [78].

Въ 7 часовъ утра началось вступленіе русскихъ войскъ въ Варшаву съ 4-ой гвард. пѣхотной бригады [79]. Впереди шелъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, за нимъ Лейбъ-Егеря. При бригадѣ двигалась часть гвардейской артиллеріи. Этотъ передовой отрядъ, весьма незначительный по своей силѣ, вступая въ огромный непріятельскій городъ-крѣпость, за два часа до этого занятый цѣлой непріятельской арміей, безъ сомнѣнія долженъ былъ принимать всевозможныя мѣры осторожности, тѣмъ болѣе, что со стороны Поляковъ можно было ожидать всякихъ выходокъ до нападенія изъ-за угла включительно. Поэтому Финляндцы и Егеря шли съ заряженными ружьями, а артиллеристы имѣли не только заряженныя орудія, но и зажженные фитили, будучи готовыми во всякую минуту занять высоты лѣваго берега рѣки Вислы.

Въ моментъ вступленія 4-ой бригады въ Варшаву гр. Паскевичъ отправилъ извѣстное донесеніе Государю Императору, начинающееся словами: „Варшава у ногъ Вашихъ“ Флигель-адъютантъ Князь Суворовъ явился вѣстникомъ этого событія [80].

Шествіе направилось отъ Іерусалимской заставы по большой Топольной аллеѣ, Новому Свѣту, на Саксонскую площадь. Повсюду лежали баррикады, улицы были полны народа; депутаціи встрѣчали войска, начиная съ самаго ихъ вступленія въ городъ; у Іеру-

салимской заставы ожидала депутація отъ магистрата, имѣя во главѣ президента Осинскаго; депутація привѣтствовала войска хлѣбомъ-солью [81]. „По виду она казалась составленной изъ нѣмцевъ-ремесленниковъ, такъ много тамъ проживавшихъ", — пишетъ участникъ похода [82].

Вслѣдъ за 4-ой бригадой, на часъ позднѣе, вступили въ Варшаву прочіе полки гвардейскаго корпуса.

Участникъ похода, офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка, Прапорщикъ Л. И. Горемыкинъ, такъ описываетъ свои впечатлѣнія при вступленіи въ Варшаву [83]: „27-го числа, часовъ въ 5 или 6 утра, громкое „ура" огласило воздухъ, графъ Толь ѣздилъ по войску и поздравлялъ съ побѣдою. Послѣ чего нашей бригадѣ было приказанно итти въ городъ; полкъ вступилъ прежде всѣхъ, а я, находясь въ головѣ его, со взводомъ вошелъ первый. Пройдя Іерусалимскія ворота, мы шли по большой прекрасной Топольной аллеѣ и потомъ поворотили на главную улицу, а оттуда на Прагскій мостъ и потомъ вошли въ укрѣпленія Праги, по занятіи коихъ нашею бригадою и прочіе полки гвардіи, съ музыкой и распущенными знаменами вошли въ городъ. Во все продолженіе нашего шествія народъ толпился по улицамъ, изъ окошекъ выглядывали женщины и съ любопытствомъ смотрѣли на побѣдоносное войско".

Гвардія, тотчасъ по вступленіи, размѣстилась на площадяхъ города и заняла всѣ караулы. Л.-Гв. Финляндскій полкъ расположился въ укрѣпленіяхъ Праги, по обѣимъ сторонамъ воротъ главной куртины, гдѣ немедленно выставилъ отъ себя караулы [84].

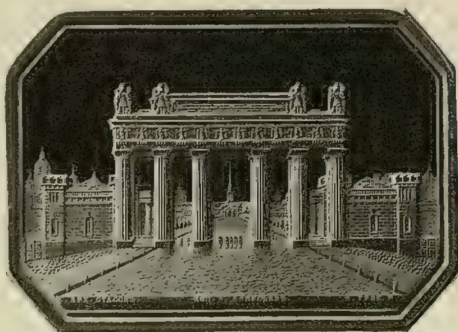
Великій Князь Михаилъ Павловичъ занялъ дворецъ Намѣстника, а гр. Паскевичъ, прибывшій въ Варшаву вечеромъ, — Бельведеръ. Въ обоихъ этихъ пунктахъ были выставлены сильные караулы.

Вообще наряды по караульной службѣ были очень значительны и сразу обременили войска своею тяжестью. Мѣры предосторожности принятыя въ обширныхъ размѣрахъ, какъ и полагается въ непріятельскомъ городѣ, еще болѣе стѣснили войска гвардейскаго корпуса. Такъ, кромѣ многихъ карауловъ отъ каждой бригады ежедневно назначался одинъ баталіонъ дежурнымъ; на каждую ночь ко дворцу Намѣстника посылалась дежурная рота при 3-хъ офицерахъ и вообще по городу разсылались частые и сильные патрули. Ежедневно въ 6 часовъ вечера дѣлалась перекличка, а въ 7 часовъ всѣ нижніе чины надѣвали полную амуницію, въ которой и оставались на всю ночь [85]. Увольненіе въ отпускъ разрѣшалось въ исключительныхъ случахъ; нижніе чины почти имъ не могли пользоваться, офицеры же пользовались по очереди, при чемъ одновременно увольнялось не болѣе 1-го штабъ-офицера и 2-хъ оберъ-офицеровъ [86]. Въ каждой части города назначались плацъ-адъютанты изъ строевыхъ офицеровъ. Такъ, въ Прагѣ, гдѣ стоялъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, первымъ плацъ-адъютантомъ былъ назначенъ отъ полка Подпоручикъ Киновичъ [87].

Въ общемъ жизнь гвардейскаго корпуса въ Варшавѣ походила на жизнь въ Парижѣ въ 1814 году: какъ тогда, такъ и теперь наряды и караулы обременяли и солдатъ и офицеровъ и строгости въ 1831 году были ничуть не менѣе, чѣмъ въ 1814 году.

Участникъ похода, офицеръ Л.-Гв. Егерскаго полка, пишетъ въ своихъ запискахъ: „Несносно и очень трудно было стоять намъ въ Прагѣ. Карауловъ было много: въ бастіонахъ, равелинѣ и особенно при арестантахъ—польскихъ офицерахъ" [88].

Пребываніе гвардіи въ Варшавѣ было прервано на нѣсколько дней маршемъ къ Ломнѣ, по дорогѣ къ Модлину, на подкрѣпленіе 1-го корпуса, назначеннаго для дѣйствія противъ польской арміи, сосредоточившейся у Модлина *. Эти дѣйствія были вызваны новымъ оборотомъ политики Поляковъ. Очистивъ Варшаву, Поляки забыли, что еще недавно едва избѣгли гибели, и снова рѣшились добиваться оружіемъ своей независимости; собравшись въ Закрачимѣ, члены правленія подъ предсѣдательствомъ Немоіевскаго, отвергли заявленіе безусловнаго повиновенія Государю Императору, подписанное гр. Круковецкимъ. Вслѣдствіе этого, армія ихъ было направилась къ Модлину, представлявшему значительныя стратегическія выгоды; оттуда Поляки надѣялись начать новую борьбу, разсчивывая окончить ее болѣе счастливо.

Тріумфальныя ворота въ С.-Петербургѣ у Московской заставы, въ память кампаній Персидской, Турецкой и Польской 1826—31 гг.

Для возможнаго стѣсненія подвозовъ къ польской арміи, Гр. Паскевичъ стянулъ недалеко отъ Модлина русскія войска, на подкрѣпленіе которыхъ была двинута и гвардія изъ Варшавы. Дойдя до Ломны, верстъ на 25 къ с.-в. отъ Варшавы 11-го сентября, Л.-Гв. Финляндскій полкъ, какъ и прочіе полки гвардіи, былъ отозванъ назадъ къ Варшавѣ, вслѣдствіе благопріятнаго для насъ оборота дѣлъ. Черезъ нѣкоторое время, 26-го сентября, послѣдовала сдача Модлина и съ этого момента войну уже можно было считать совершенно законченной.

4-го октября русская армія торжествовала окончаніе войны. Участникъ похода такъ описываетъ бывшіе по этому случаю молебствіе и парадъ.

„На лѣвомъ берегу Вислы, на равнинѣ подъ Варшавою, между Іерусалимскою и Вольскою заставою, на мѣстѣ, гдѣ въ 25-е и 26-е августа горѣла жестокая битва, 4-го октября представилось зрѣлище восхитительное: армія храбрыхъ, столь грозная въ дни боя, смиренно приносила Богу силъ, издревле хранящему оружіе Русское, теплую молитву за окончаніе войны кровопролитной и губительной“.

Послѣ молебствія была совершена панихида съ колѣнопреклоненіемъ всѣхъ войскъ. Затѣмъ артиллерія дала залпъ въ 303 выстрѣла, встрѣченный громкимъ и долго не смолкаемымъ „ура“. Далѣе состоялся парадъ. „Какой-то священный восторгъ былъ душою войска“,—говоритъ участникъ парада, описывая его [89].

* Нынѣ Ново-Георгіевскъ.

6-го октября началось выступленіе гвардіи изъ Варшавы для слѣдованія ея обратно на постоянныя квартиры. 1-го октября Государь писалъ Главнокомандующему по поводу гвардіи: „прошу отправить (ее) елико можно скорѣе, дабы уменьшить издержки и главное удалить какъ наискорѣе отъ заразы“ (польскаго либерализма) [90].

4-я пѣхотная бригада открыла это выступленіе. Очевидецъ, описывая его, между прочимъ, касается и того состоянія, въ которомъ находилась тогда гвардія.

„Императорско-Россійская Гвардія, стоявшая здѣсь на квартирахъ со времени взятія Варшавы, и отличавшаяся строгою военною дисциплиною и образцовымъ поведеніемъ, сегодня пополудни выступила отсюда“,—писалъ онъ [91]. Приказъ по дѣйствующей арміи, отданный по выступленіи гвардіи изъ Варшавы, не только подтвердилъ это, но представилъ состояніе гвардейскаго корпуса въ блестящемъ видѣ. Приказъ по этому поводу говоритъ слѣдующее [92]:

„Сего числа выступаютъ въ Россію послѣдніе полки Гвардейскаго Корпуса. Разставаясь съ сими войсками, толикимъ геройствомъ себя ознаменовавшими, я считаю долгомъ объявить:

„Среди всѣхъ трудностей усиленныхъ маршей, среди превратностей утомительной войны, они не переставали сохранять устройство, которое есть залогъ побѣды.

„Въ дни минувшихъ опасностей, они просили какъ награды, дозволенія искать смерти при штурмовыхъ колоннахъ. Ихъ охотники, въ числѣ отборныхъ воиновъ, при штурмѣ Варшавскомъ, были примѣромъ мужества и доказали, что достойны чести быть Гвардіею Государя Императора.

„Наконецъ, по прекращеніи военныхъ дѣйствій, войска сіи блестящимъ порядкомъ своимъ удивили побѣжденную Варшаву.

„Устройство, красота, мужество соединены въ семъ отличномъ корпусѣ“.

Вмѣсто гвардіи Варшава была занята гренадерами.

Движеніе гвардейскаго корпуса къ Петербургу совершалось весьма медленно, съ продолжительными остановками во многихъ пунктахъ. Маршрутъ полка лежалъ черезъ Пултускъ, Ломжу, Ковно, Виндаву, Митаву, Юрьевъ, Ямбургъ, Стрѣльну и Петербургъ.

Полки гвардейскаго корпуса были раздѣлены на двѣ колонны: въ правой шла вся кавалерія, въ лѣвой—вся пѣхота.

Во время похода соблюдались всѣ мѣры предосторожности: квартиры и биваки окружались цѣпями [93], за жителями наблюдали зорко. На случай появленія вооруженныхъ шаекъ мятежниковъ были составлены подробнѣйшія инструкціи, съ указаніями какъ дѣйствовать противъ нихъ.

Въ Пултускѣ гвардія была остановлена на нѣсколько дней по случаю переформированія гвардейскихъ бригадъ пѣхотныхъ дивизій. Оставаясь по прежнему въ 4-й бригадѣ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ себѣ новыхъ товарищей по бригадѣ—Л.-Гв. Павловскій полкъ—вмѣсто Лейбъ-Егерей. Новая организація гвардейской пѣхоты была такова: 1-я дивизія—полки Л.-Гв. Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій и Егерскій; 2-я дивизія—полки Л.-Гв. Московскій, Гренадерскій, Павловскій и Финляндскій; 3-я дивизія—Л.-Гв. Литовскій, Гренадерскіе Императора Австрійскаго и Короля Прусскаго и Л.-Гв.

Волынскій. Къ 1-й дивизіи былъ причисленъ Л.-Гв. Саперный баталіонъ, ко 2-й—Гвардейскій Экипажъ, къ 3-й—Л.-Гв. Финскій стрѣлковый баталіонъ [94].

Начиная съ послѣднихъ чиселъ октября, пройдя Сувалки, полкъ сталъ высылать впередъ двѣ партіи хлѣбопековъ, почему явилась возможность довольствовать людей свѣжимъ хлѣбомъ; до этого пункта, довольствіе производилось сухарями, такъ какъ высылка хлѣбопековъ считалась опасной. За Сувалками движеніе Л.-Гв. Финляндскаго полка приняло спокойный и совершенно мирный характеръ. Мѣры предосторожности болѣе не были нужны, полкъ шелъ свободнѣе, имѣя за собою 26 подводъ для отсталыхъ и другихъ надобностей [95].

26-го ноября полкъ прибылъ въ Виндаву, гдѣ ему были назначены „зимовыя квартиры" почти на два мѣсяца. Такая остановка назначалась и для всѣхъ гвардейскихъ полковъ, представляя собою карантинъ, который войскамъ было необходимо выдержать, въ виду бывшей на театрѣ военныхъ дѣйствій холеры. Другой причиной расквартированія гвардіи около Виндавы была необходимость использовать собранные тамъ значительные запасы зернового хлѣба [96].

У Виндавы полкъ былъ расположенъ на просторныхъ квартирахъ, занимая около $2^1/_2$ сотенъ дворовъ. Стоянка эта ничѣмъ особеннымъ не отличалась, все было тихо, мирно, даже занятій не производилось никакихъ. Полкъ содержалъ только военную почту на разстояніи 58 верстъ [97].

24-го января 1832 года полкъ выступилъ со своихъ квартиръ и черезъ 6 недѣль, 13-го марта прибылъ въ Петербургъ. Походъ до Петербурга прошелъ спокойно; на маршѣ полкъ пополнялся людьми выписывавшимися изъ Рижскаго и другихъ госпиталей, для пріемки которыхъ назначались офицеры полка [98], что показываетъ, что число больныхъ въ полку было значительно.

Въ день вступленія Филяндцевъ въ Петербургъ, Государь писалъ князю Паскевичу: „завтра вступаетъ послѣдній полкъ гвардіи; всѣ воротились въ отличномъ порядкѣ и добромъ духѣ" [99].

Общая убыль чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка за время кампаніи 1831 года была сравнительно не велика. Нижеслѣдующая таблица, показываетъ эту убыль въ баталіонахъ, бывшихъ на войнѣ и въ баталіонѣ полка, остававшемся въ Петербургѣ. Данныя этой таблицы слѣдующія [100].

	Умерло.												
	Отъ обыкнов. болѣзн.	Отъ холеры.	Отъ ранъ.	Скоропост.	По разн. происш.	Итого	Пропавш. и захваченъ въ плѣнъ.	Убит.	Самовольно отлучив.	Выключ. въ армію.	Произвед. въ офицеры.	Въ инвал. и гарниз.	Всего убыло.
1-й и 3-й бат. бывшіе въ походѣ.	75	36	26	4	2	143	5	46	5	5	6	16	226
2-й бат. остававшійся въ Петербургѣ	47	15	—	—	—	62	—	—	1	17	3	30	113
Итого	122	51	26	4	2	205	5	46	6	22	6	46	339

Въ день прибытія полка въ С.-Петербургъ, 13-го марта, онъ былъ удостоенъ привѣтствованія Государя Императора и Государыни Императрицы.

Ставъ на конѣ, противъ знамени 2-го баталіона, выстроеннаго развернутымъ фронтомъ по Екатерингофскому проспекту, Государь благодарилъ проходившіе церемоніальнымъ маршемъ взводы. Стоявшій же на мѣстѣ, 2-й баталіонъ все это время держалъ на караулъ, а барабаны его били „походъ". Ея Величество Императрица Александра Θеодоровна, остановившись въ экипажѣ, у церкви св. Великомученицы Екатерины, также милостиво привѣтствовала Л.-Гв. Финляндскій полкъ. На Васильевскомъ островѣ, на набережной Невы, у казармъ, совершено было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, послѣ котораго всѣ разошлись по своимъ помѣщеніямъ [101] и въ полку снова началась мирная жизнь.

Польскій знакъ отличія за военныя достоинства (Virtuti militari).

Парадъ при открытіи Александровской колонны 30 августа 1834 года.

Глава VII.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ царствованіе Императора Николая I.

Мирное время 30—50-хъ г. г.—Положеніе полка.—Командиры.—Августѣйшій Шефъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ.—Важнѣйшія событія.—Первая исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка Генерала А. Марина, 1846 года.

„Финляндскій полкъ такой полкъ, на мундирѣ котораго нѣтъ ни одной пылинки".

(Слова Государя Императора Николая I).

По возвращеніи Л.-Гв. Финляндскаго полка изъ польскаго похода 1831 года, насталъ для него продолжительный періодъ мирной жизни, длившійся почти двадцать пять лѣтъ, до послѣднихъ годовъ царствованія Императора Николая I. Мирной жизни полка за это время хотя и угрожали перерывы, но въ дѣйствительности они не коснулись ея.

Такъ, въ 1839 году, когда политическая обстановка въ государствахъ Западной Европы была крайне неспокойна, Государь Императоръ Николай Павловичъ писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Генералъ-Фельдмаршалу князю Паскевичу: „Я намѣренъ двинуть за границу (армейскіе) . . . и гвардейскіе пѣшіе корпуса" [1]. Затѣмъ, немного болѣе чѣмъ черезъ полтора года, въ 1840 году, гвардія снова была близка къ отправленію въ походъ, какъ то видно изъ письма Государя, отъ 2-го октября, къ тому же лицу: „Время намъ собственно вооружаться или стать на военную ногу еще не настало; въ декабрѣ мѣсяцѣ, вѣроятно, вопросъ войны или мира рѣшится; тогда въ 6 недѣль мы бу-

демъ готовы и, съ половины февраля, двинувшись, будемъ перваго мая на театрѣ войны. Для сего мы явимся съ (армейскими) . . . корпусами при нужномъ числѣ казаковъ, а гренадеры, гвардія и гвард. кавал. корп. въ резервѣ — вслѣдъ за арміей“ [2].

Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1849 году, во время Венгерской кампаніи гвардія уже дѣйствительно пошла въ походъ; однако гвардейскій корпусъ не принималъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и былъ даже далеко отъ театра войны, почему походъ 1849 года въ сущности представлялъ собою походъ мирнаго времени. Точно также и въ 50-е годы, когда разразилась Восточная война и вниманіе всего міра было сосредоточено на севастопольской эпопеѣ, гвардейскій корпусъ хотя и готовился отстаивать столицу Россіи отъ высадки соединенной англо-французской эскадры, но боевыхъ столкновеній, за малыми исключеніями, съ ней не имѣлъ. Послѣдовавшій затѣмъ въ 1855—56 гг. походъ гвардіи къ западнымъ границамъ имѣлъ уже вполнѣ мирный характеръ. Такимъ образомъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ почти все царствованіе Императора Николая I, начиная съ 1832 года, провелъ въ мирной обстановкѣ.

Положеніе полка за это время оставалось все такимъ же блестящимъ, какъ и въ прежнее царствованіе. Новые лавры, пріобрѣтенные славными дѣйствіями полка въ Турецкой и Польской кампаніяхъ и непоколебимая вѣрность Престолу, обнаруженная его чинами во время памятнаго событія декабря мѣсяца 1825 года, подняли репутацію полка на еще бóльшую высоту; въ годы же мирной жизни, точнымъ исполненіемъ воинской службы, неуклоннымъ поддержаніемъ строгаго порядка и образцовой дисциплиной, полкъ достигъ такого состоянія, что заслуживалъ всегда самые лестные отзывы Верховнаго Вождя Русской арміи. Полкъ ежегодно удостоивался многихъ выраженій удовольствія со стороны Государя Императора. Такъ „журналъ важнѣйшихъ событій полка“ за 1850 годъ въ графѣ о наградахъ помѣстилъ слѣдующее: [3]. „Въ теченіе 1850 года Л.-Гв. Финляндскій полкъ удостоился получить Высочайшее благоволеніе: 24-го февраля за внезапный Высочайшій смотръ 1 и 2 баталіонамъ, апрѣля 6-го—за Высочайшій смотръ 2 баталіону, 30-го апрѣля—за Высочайшій смотръ 1, 2 и 3 баталіонамъ, іюня 2-го—за Высочайшій смотръ 1, 2 и 3 баталіонамъ, 17-го, 18-го и 19-го—за маневры 1, 2 и 3 баталіонамъ, іюля 7-го—за тревогу, 24-го—за дивизіонное ученье, 26-го—за линейный маневръ, 30-го, 31-го и августа 1-го, 2-го, 3-го, 4-го и 5-го—за маневры, августа 10-го—за Высочайшій смотръ, декабря 13-го—за церковный парадъ по случаю полкового праздника и 14-го—за внезапный смотръ“. Какъ высоко ставилъ Императоръ Николай I Л.-Гв. Финляндскій полкъ, показываютъ слѣдующія вѣчнопамятныя для всѣхъ чиновъ полка слова Его Величества, сказанныя Генералу графу Ребиндеру при назначеніи его командиромъ Л.-Гв. Финляндскаго полка: „это подушка, на которой ты можешь отдохнуть“. А на одномъ изъ обѣдовъ при Высочайшемъ Дворѣ по случаю полковаго праздника Государь Императоръ такъ отозвался: „Финляндскій полкъ такой полкъ, на мундирѣ котораго нѣтъ ни одной пылинки“ *.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ достиженіи полкомъ столь блестящихъ результатовъ главнѣйшую роль играло общество офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка и руководители

---

* Со словъ гр. Ребиндера, сооообщенныхъ бывшимъ офицеромъ Л.-Гв. Финл. полка Генералъ-Лейтенантомъ Бѣлокопытовымъ [4].

его—командиры полка, Генералы: Воропановъ, Берниковъ, Офросимовъ, Вяткинъ, Крыловъ и графъ Ребиндеръ.

Дѣятельность первыхъ двухъ принадлежитъ періоду военныхъ дѣйствій полка въ кампаніяхъ начала царствованія Императора Николая I, т. е. въ Турецкую и Польскую войны *; дѣятельность послѣдующихъ продолжалось во все остальное мирное время означеннаго царствованія.

По возвращеніи Л.-Гв. Финляндскаго полка изъ похода 1831 года полкъ принялъ Генералъ Офросимовъ.

Генералъ-маіоръ Михаилъ Александровичъ Офросимовъ командовалъ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ довольно продолжительное время, около шести лѣтъ, съ 1833 по 1839 годъ. Это былъ первый командиръ, назначенный изъ своихъ офицеровъ полка, хотя кореннымъ Финляндцемъ онъ не былъ. Начавъ службу въ офицерскихъ чинахъ въ 1816 году въ Л.-Гв. Измайловскомъ полку, онъ былъ переведенъ въ 1825 году въ Л.-Гв. Егерскій полкъ, съ производствомъ въ полковники. Въ декабрѣ 1826 года состоялся его переводъ въ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, гдѣ Полковникъ Офросимовъ командовалъ 2-ымъ баталіономъ. 25-го іюля 1833 года онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командующимъ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ, когда полкъ и былъ имъ принятъ въ весьма краткое время — въ 2 дня. Высочайшимъ приказомъ 1-го января 1834 года утвержденъ въ должности полкового командира.

Михаилъ Александровичъ участвовалъ, въ рядахъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, въ Турецкой кампаніи 1828—1829 годовъ и за сраженіе 16-го сентября награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени, а за осаду Варны—бриллiантовыми знаками къ этому ордену и Высочайшей признательностью. Такимъ образомъ боевая служба Генерала Офросимова была непродолжительна и онъ былъ первый изъ его командировъ, не участвовавшимъ въ Наполеоновскихъ войнахъ. Относительно меньшій боевой опытъ Генерала Офросимова восполнялся его выдающимися административными способностями и рѣдкими личными качествами во всѣхъ отношеніяхъ.

Человѣкъ просвѣщенный, съ широкимъ взглядомъ на вещи, онъ довелъ всѣ отрасли полковой службы до такого отличнаго состоянія, что Л.-Гв. Финляндскій полкъ за время его командованія удостаивался постоянно Высочайшихъ похвалъ и былъ даже поставленъ въ примѣръ всей гвардіи. Самое вступленіе Генерала Офросимова въ должность командира полка было отмѣчено командиромъ гвардейскаго корпуса Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ: за быстрый въ 2 дня пріемъ полка, Генералу Офросимову была объявлена благодарность по корпусу; формулярный же его списокъ заполненъ Высочайшими благодарностями за смотры, маневры, ученья и даже „за отличное производство полкомъ батальнаго огня“ [5]. Кромѣ того, за время своего командованія полкомъ онъ получилъ ордена св. Станислава 1-й степени и св. Анны 1-й степени.

Въ Л.-Гв. Финляндскомь полку Михаилъ Александровичъ, по свидѣтельству всѣхъ служившихъ тогда офицеровъ, пользовался истинной любовью и глубокимъ уваженіемъ своихъ подчиненныхъ. При выходѣ его изъ полка, общество офицеровъ, въ знакъ распо-

* О Генералахъ Воропановѣ и Берниковѣ изложено выше.

ложенія къ своему командиру, поднесло ему прекрасной работы картину, большой цѣнности, съ изображеніемъ всѣхъ офицеровъ полка [6].

Время командованія Генерала Офросимова замѣчательно введеніемъ многихъ улучшеній и въ службѣ и въ бытѣ солдата. Такъ, усилено было обученіе унтеръ-офицеровъ грамотѣ; установлены были лучшія правила о съѣстныхъ артеляхъ; увеличился отпускъ мяса солдатамъ; срокъ службы нижнимъ чинамъ былъ сокращенъ; стрѣлковое дѣло въ полку начало прочно развиваться. Наконецъ, въ то же время состоялись извѣстные Калишскіе маневры и празднества, участіе въ которыхъ принимали и нѣкоторые чины полка.

Черезъ нѣкоторое время по сдачѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка, Генералъ Офросимовъ получилъ въ командованіе 2-ю гвардейскую пѣхотную дивизію.

Императоръ Николай Павловичъ очень любилъ М. А. Офросимова и былъ къ нему особенно внимателенъ. „Сослуживцы Офросимова разсказываютъ, — говоритъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ его современниковъ [7], — что, когда онъ командовалъ гвардейской дивизіей, то однажды Николай Павловичъ былъ особенно доволенъ смотромъ этой дивизіи. По окончаніи ученія Государь подъѣхалъ къ Офросимову, благодарилъ его за службу и между прочимъ милостиво сказалъ: „Дай мнѣ поцѣловать твою мордочку"... и потянулся исполнить свое желаніе; но случилось, что у Офросимова разстегнулись въ то время чешуйки подъ каскою, а такъ какъ ему хотѣлось быть по формѣ, то онъ въ волненіи торопился застегнуть ихъ и (какъ это обыкновенно случается при такой спѣшности) ему не удавалось это скоро исполнить, чрезъ что поцѣлуй замедлился и могъ выйти неудачнымъ, въ особенности, если принять въ соображеніе, что Государь и генералъ были верхами, и лошади ихъ не стояли покойно. Тогда Николай Павловичъ милостиво повторилъ: „Да цѣлуй же". Эта сцена не прошла незамѣченной для всѣхъ бывшихъ на смотру и еще болѣе убѣдила окружающихъ въ расположеніи Государя къ Офросимову".

Впослѣдствіи Генералъ Офросимовъ былъ Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ и оставилъ по себѣ прекрасную память въ Москвѣ. Имя его было небезызвѣстнымъ въ литературѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ: онъ писалъ стихи, романсы и комедіи на русскомъ и французскомъ языкахъ *.

Съ 1839 по 1846 годъ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ командовалъ Генералъ-Маіоръ Александръ Сергѣевичъ Вяткинъ, начавшій службу въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку еще нижнимъ чиномъ, въ званіи юнкера, въ 1815 году; черезъ 2 года, въ 1817 году, портупей-юнкеръ Вяткинъ былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ прапорщика, въ свой же полкъ, гдѣ и прослужилъ 11 лѣтъ, до 1828 года, когда былъ переведенъ въ Л.-Гв. Егерскій полкъ съ производствомъ въ полковники. Съ Лейбъ-Егерями отбылъ онъ Турецкую кампанію 1828 года, участвуя во многихъ сраженіяхъ, изъ которыхъ за сраженіе 18-го сентября былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени. Въ 1835 году произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ состоять при 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи; къ этому мѣсту служенія Генералъ Вяткинъ прибылъ по окончаніи командировки въ Берлинъ, состоявшейся по особому Высочайшему повелѣнію послѣ Калиш-

* Изъ комедій его пользовались наибольшимъ успѣхомъ „Мальтійскій кавалеръ", передѣланный изъ пьесы Скриба „Simple histoire", и „Плащъ или мужъ, какъ и всякій" (Антрактъ 1868 г. № 7); изъ романсовъ—„Коварный другъ" и „Уединенная сосна".

скихъ маневровъ. Съ 1835 по 1839 годъ командовалъ Гренадерскимъ Императора Франца I полкомъ, а въ 1839 году, въ бытность свою въ Петербургѣ, по повелѣнію Великаго Князя Михаила Павловича, принялъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ. Принятіе полка было имъ совершено въ одинъ день, 10-го апрѣля, за что и была объявлена благодарность въ приказѣ по гвардейскому корпусу.

Командованіе Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ Генерала Вяткина было такое же блестящее, какъ и его предшественника, Генерала Офросимова. Генералъ Вяткинъ былъ замѣчательнымъ строевикомъ и представлялъ всегда полкъ въ отличномъ видѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя благодарности и выраженія Высочайшихъ благоволеній за смотры, маневры и ученья, помѣщенныя въ его формулярномъ спискѣ [8].

Генералъ-Маіоръ М. А. Офросимовъ
Командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка 1833—1839 гг.

Одинъ изъ его товарищей по службѣ въ Л.-Гв. Егерскомъ полку, описывая обратный походъ изъ Турціи въ 1828 году и стоянку Егерей въ Саврани, зимой 1828—1829 годовъ, пишетъ между прочимъ: „Когда снѣгъ сбѣжалъ и земля нѣсколько просохла, начались ученія. Сперва шереножное и по-ротно, а потомъ свели роты на болѣе тѣсныя квартиры и начались ученья по-баталіонно. (Полковникъ) Вяткинъ, мастеръ своего дѣла, приступилъ основательно и классически прошелъ весь курсъ [9]". Такой отзывъ достаточно характеризуетъ Генерала Вяткина, какъ строевого командира. Его отличныя способности въ хозяйственномъ отношеніи и къ стрѣлковому дѣлу доказываются тѣмъ, что состоянія этихъ отраслей въ командуемомъ имъ полку находилось въ такомъ прекрасномъ состояніи, что онъ былъ назначенъ членомъ комитета о продовольствіи нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса и Высочайше утвержденнаго комитета объ улучшеніи штуцеровъ и ружей; за полезную дѣятельность въ обоихъ комитетахъ Генералъ Вяткинъ былъ удостоенъ Монаршихъ благоволеній [10].

Впослѣдствіи Генералъ Вяткинъ, будучи Виленскимъ комендантомъ, явился однимъ изъ сподвижниковъ гр. М. Н. Муравьева-Виленскаго.

Съ 1846 по 1853 годъ командиромъ Л.-Гв. Финляндскаго полка состоялъ Генералъ-

Маіоръ Сергѣй Сергѣевичъ Крыловъ. Прослуживъ 25 съ лишнимъ лѣтъ въ Л.-Гв. Егерскомъ полку, отъ юнкера до полковника, онъ, въ 1843 году, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ состоять при гвардейскомъ корпусѣ. Въ 1845 году Генералъ Крыловъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 3-й гренадерской дивизіи, а въ январѣ мѣсяцѣ 1846 года получилъ въ командованіе Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

До службывъ Л.-Гв. Финляндскомъ полку онъ участвовалъ въ кампаніи 1830—1831 г. противъ польскихъ мятежниковъ и за отличія въ сраженіяхъ награжденъ орденами св. Анны 3-й степени и св. Владиміра 4-й степени съ бантами. Въ 1844 г. былъ командированъ въ Екатеринославскую губернію за пріемомъ рекрутъ, „что и исполнилъ съ точностью"; такого рода командировки давались лицамъ, пользовавшимся особымъ довѣріемъ.

Принялъ Генералъ Крыловъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ такъ же быстро какъ и оба его предшественника, при чемъ ему была выражена особенная благодарность въ приказѣ по гвардейскому корпусу.

Командуя полкомъ онъ былъ награжденъ орденами: св. Анны 1 степени, Императорской короной на этотъ орденъ и орденомъ св. Владиміра 2 степени.

Венгерскій походъ 1849 года Л.-Гв. Финляндскій полкъ сдѣлалъ подъ командой Генерала Крылова [11].

По отзыву офицеровъ „Генералъ Крыловъ былъ добрѣйшій человѣкъ, очень снисходительный; въ детали службы не входилъ" [12]; по отзыву нижнихъ чиновъ онъ былъ „строгій начальникъ по службѣ, но душа-человѣкъ въ частности" [13] (т. е. внѣ службы).

Въ Крымскую кампанію Генералъ Крыловъ командовалъ 3-ей гренадерской дивизіей, съ которой и участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Въ 1862 году состоялось его назначеніе С.-Петербургскимъ комендантомъ.

Съ производствомъ Генералъ-маіора Крылова въ генералъ-лейтенанты, 19 апрѣля 1853 года, командиромъ Л.-Гв. Финляндскаго полка назначенъ былъ Генералъ-маіоръ Мясоѣдовъ. Въ оберъ-офицерскихъ чинахъ онъ служилъ въ Л.-Гв. Литовскомъ полку, а съ производствомъ, въ 1843 г., въ полковники, переведенъ въ Л.-Гв. Финляндскій полкъ. Пробывъ въ немъ до 1848 г., т. е. до назначенія командиромъ Карабинернаго фельдмаршала князя Барклая-де-Толли полка, Николай Ивановичъ Мясоѣдовъ съумѣлъ расположить къ себѣ всѣхъ и былъ извѣстенъ какъ добрый и хорошій начальникъ.

Не суждено однако было Генералу Мясоѣдову командовать Финляндцами: не доѣхавъ до Петербурга, онъ умеръ въ дорогѣ и мѣсто его занялъ Генералъ-маіоръ графъ Ребиндеръ, — послѣдній командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ царствованіе Императора Николая I.

Фердинандъ Федоровичъ гр. Ребиндеръ кончилъ курсъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ и вышелъ въ офицеры въ Л.-Гв. Семеновскій полкъ въ 1828 г. Прослуживъ въ этому полку до 1850 года, онъ, въ чинѣ полковника, былъ назначенъ командиромъ 2-го Учебнаго Карабинернаго полка. Въ 1853 году въ маѣ мѣсяцѣ назначенъ командующимъ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ, а въ декабрѣ произведенъ въ генералъ-маіоры съ утвержденіемъ въ должности.

Гр. Ребиндеръ совершилъ кампаніи турецкую 1828 года и противъ польскихъ мятежниковъ 1830—31 года и участвовалъ въ Венгерскомъ походѣ 1849 года. Въ 1831 году онъ

отличился въ сраженіи 9 мая при Желткахъ, на переправѣ черезъ рѣку Наревъ, „гдѣ находился съ командою нижнихъ чиновъ при разборѣ моста подъ безпрестанными выстрѣлами орудій"; за храбрость здѣсь имъ оказанную, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4 степени, съ надписью на полусаблѣ „за храбрость". При взятіи штурмомъ Варшавы 25 и 26 августа 1831 года, онъ находился въ числѣ охотниковъ гвардейскаго корпуса, такъ прославившихся храбростью и удалью въ эти памятные дни; за участіе въ этихъ сраженіяхъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ.

Въ 1835 году гр. Ребиндеръ былъ командированъ въ составѣ гвардейскаго отряда въ г. Калишъ на маневры въ присутствіи Короля Прусскаго. Въ 1848 году на него было возложено отвѣтственное порученіе — формированіе запасныхъ баталіоновъ Л.-Гв. Семеновскаго полка въ г. Москвѣ [14].

Служба гр. Ребиндера въ учебныхъ карабинерахъ, 2-мъ полкомъ которыхъ онъ командовалъ, сказалась тотчасъ по принятіи имъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Особые пріемы обученія, выработанные у карабинеровъ, имѣвшихъ тогда значеніе образцовыхъ войскъ для арміи, были примѣнены имъ въ гвардейскомъ полку, гдѣ существовали свои, издавна сложившіеся пріемы обученія значительно отличавшіеся отъ вводимыхъ новымъ командиромъ. Настойчивость и чрезвычайная требовательность ко всѣмъ самымъ мелочнымъ служебнымъ отправленіямъ какъ солдата, такъ и офицера, проявленныя при этомъ гр. Ребиндеромъ, дѣлали службу при немъ очень тяжелой: суровость служебной обстановки солдатъ, смягчаемая личнымъ вліяніемъ прежнихъ командировъ, усиливалась чрезмѣрной строгостью Генерала Ребиндера [15].

Самъ постоянно присутствуя на всѣхъ ученіяхъ частей полка, зная каждаго солдата въ отдѣльности, гр. Ребиндеръ не пропускалъ ни малѣйшей ошибки, ни малѣйшаго отступленія отъ уставныхъ требованій и жестоко каралъ за все; фронтовыя тонкости того времени, весьма трудныя для усвоенія, представляли обширное поле для взысканій строгаго начальника, а Генералъ Ребиндеръ прославился именно этимъ на весь гвардейскій корпусъ. Къ тому же, то время было господствомъ не только строгихъ взысканій, но и палочной и кулачной расправы, которыя тоже входили въ систему гр. Ребиндера. Въ результатѣ въ полку создалась весьма тяжелая обстановка; непривычные къ такому обращенію солдаты какъ-то притихли. Только графиня Ребиндеръ, облегчавшая насколько было возможно тяжкое бремя нижнихъ чиновъ, смягчала ихъ жизнь; „ее солдаты любили какъ родную мать". Генералъ же хотя и „нравился по внѣшнему виду своей представительностью и молодецкой геройской выправкой", не могъ привязать къ себѣ сердца своихъ подчиненныхъ [16].

Время командованія полкомъ Генерала гр. Ребиндера продолжалось не долго, около двухъ лѣтъ. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра II и съ принятіемъ новыхъ гуманныхъ началъ для русской арміи гр. Ребиндеръ долженъ былъ выйти въ отставку и полкъ получилъ новаго командира Генерала Ганецкаго.

Изъ высшихъ начальствующихъ лицъ наибольшимъ значеніемъ въ время царствованія Императора Николая I пользовались Августѣйшіе командиры гвардейскаго корпуса Великій Князь Михаилъ Павловичъ и Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Обаятельная личность Великаго Князя Михаила Павловича, стоявшаго во главѣ гвар-

діи до 1849 года, имѣла громадное значеніе для всего гвардейскаго корпуса, жизнь котораго направлялась Его Высочествамъ во всѣхъ деталяхъ. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, какъ и преемникъ его Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, относились къ Л.-Гв. Финляндскому полку съ наилучшей стороны. Строгое и справедливое отношеніе Ихъ Высочествъ привязывало къ нимъ сердца всѣхъ гвардейцевъ. Любовь гвардейскихъ солдатъ и офицеровъ къ Михаилу Павловичу общеизвѣстны, узы же связывавшія Цесаревича Александра Николаевича, впослѣдствіи Императора Александра II, въ гвардіи зародились еще съ малолѣтства Его Высочества. Л.-Гв. Финляндскій полкъ имѣлъ счастье тоже пользоваться благорасположеніемъ своихъ Высокихъ начальниковъ, нерѣдко посѣщаемый ими.

Одно изъ первыхъ посѣщеній полка Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ, тогда еще малолѣтнимъ, произошло вскорѣ по прибытіи полка изъ Варшавы, 4-го Іюля 1832 года. Воспитатель Цесаревича К. Мердеръ такъ описалъ это посѣщеніе въ своихъ запискахъ [17]:

„Его Высочество ѣздилъ со мною въ казармы Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка, смотрѣть раненыхъ въ числѣ 528 человѣкъ, прибывшихъ изъ Царства Польскаго. Большая часть изъ нихъ принадлежитъ къ числу охотниковъ, бывшихъ на штурмѣ Варшавы. Воинственныя лица этихъ храбрыхъ сіяли еще геройскимъ огнемъ, даровавшимъ имъ побѣду въ рѣшительную минуту. Государь Наслѣдникъ говорилъ почти съ каждымъ и сказалъ имъ, что онъ весьма доволенъ лично знать столь храбрыхъ защитниковъ отечества. Прощаясь съ ними, Онъ изъявилъ желаніе, чтобы каждому выдали по рублю".

Весной того же года Полковникъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Романовичъ имѣлъ счастье быть полезнымъ Его Высочеству. Наслѣдникъ, совершая верховую прогулку по Марсову полю, упалъ, вслѣдствіе неожиданнаго скачка лошади черезъ веревку, на мостовую и впалъ въ безпамятство. Великій Князь пришелъ въ чувство послѣ того какъ ему брызнули въ лицо водой; необходимо было, въ этомъ случаѣ отвести ослабѣвшаго Великаго Князя во дворецъ.

„Къ счастію между лицами, собравшимися вокругъ насъ,—пишетъ К. Мердеръ—[18], находился Полковникъ Романовичъ, который предложилъ свою коляску; я принялъ его предложеніе съ благодарностью и такимъ образомъ привезъ Его Высочество во дворецъ".

Черезъ 2 недѣли послѣ этого паденія, не имѣвшаго къ счастью никакихъ послѣдствій, Полковникъ Романовичъ удостоился приглашенія къ столу Его Высочества [19].

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ до своего назначенія Главнокомандующимъ Гвардейскимъ и Гренадерскимъ корпусами послѣдовательно проходилъ нисшія должности; съ 1842 года Его Высочество, подобно Своему Августѣйшему Родителю, Императору Николаю Павловичу, командовалъ 2-ю Гвардейской пѣхотной дивизіей, въ которой состоялъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ; съ 1844 года Наслѣдникъ занималъ должность Командующаго всею гвардейскою пѣхотою [20].

Такимъ образомъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ имѣлъ счастье видѣть въ лицѣ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича своего начальника продолженіи весьма многихъ лѣтъ, начиная съ самаго юнаго возраста Его Высочества.

Сороковые годы были также знаменательные для Л.-Гв. Финляндскаго полка тѣмъ,

что въ рядахъ полка служилъ Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, Августѣйшій Шефъ полка.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ родился 9 сентября 1827 года и тотчасъ же былъ зачисленъ въ списки Л.-Гв. Измайловскаго полка. Четырехъ лѣтъ отъ роду, 25 іюня 1831 года, Его Высочество былъ назначенъ шефомъ Л.-Гв. Финляндскаго полка [21].

Помимо того Великій Князь состоялъ Шефомъ Морского училища, Гвардейскаго экипажа и армейскихъ полковъ Имени Его Высочества: 6-го Уланскаго Волынскаго, 13-го Гусарскаго Нарвскаго, 5-го Драгунскаго Каргопольскаго, 14-го Гренадерскаго Грузинскаго и 21-го пѣхотнаго Муромскаго, 1-го флотскаго Генералъ-Адмирала экипажа, 1-го Черноморскаго флотскаго Генералъ-Адмирала экипажа, полковъ Имени Его Высочества: Прусскаго Рейнскаго Гусарскаго № 9, Австрійскаго 18-го пѣхотнаго и Баварскаго 6-го легко-коннаго; числился Его Высочество въ слѣдующихъ полкахъ: Л.-Гв. Измайловскомъ, Литовскомъ, Волынскомъ; въ баталіонахъ Л.-Гв. во 2-мъ стрѣлковомъ и 4-мъ стрѣлковомъ Императорской Фамиліи; въ полкахъ Л.-Гв. Конномъ, Кирасирскомъ Его Величества, Уланскомъ Его Величества и Гродненскомъ Гусарскомъ, въ 1-й Гвардейской батареѣ 3-й Гвардейской и Гренадерской артиллерійской бригады и въ 3-й батареѣ Гвардейской Конноартиллерійской бригады [22].

Генералъ-Маіоръ А. С. Вяткинъ
Командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка 1839—1846 гг.

Служба и вся жизнь Великаго Князя Константина Николаевича были посвящены главнымъ образомъ русскому флоту, во главѣ котораго Его Высочество находился болѣе четверти вѣка; дѣятельность Великаго Князя, какъ государственнаго человѣка, была весьма обширна; что же касается до военной Его службы, то она была сравнительно незначительной и протекла, главнымъ образомъ, въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, начавшись съ самыхъ юныхъ лѣтъ.

Еще въ дѣтскіе годы Великому Князю приходилось иногда радовать старыхъ усачей роты Его Высочества своимъ присутствіемъ между ними во время празднествъ или нѣкоторыхъ внутреннихъ парадовъ [23]. Въ сентябрѣ же 1835 года, произведенный въ офицеры,

Великій Князь „находился первый разъ во фронтѣ прапорщикомъ, со взводомъ Л.-Гв. Финляндскаго полка", на Калишскихъ празднествахъ и маневрахъ [24]. Такимъ образомъ офицерскіе эполеты Великій Князь обновилъ въ рядахъ полка, котораго состоялъ Шефомъ.

Затѣмъ началась строевая служба Его Императорскаго Высочества, исполняемая Имъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ. Записки одного изъ гвардейскихъ офицеровъ того времени говорятъ о службѣ Великаго Князя Константина Николаевича въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку слѣдующее: „каждое утро отправлялся Онъ на ученье въ 19-ю линію Васильевскаго острова; но во время ледохода на Невѣ мосты разводили, и сообщеніе съ зарѣчною мѣстностью становилось затруднительнымъ и даже опаснымъ. Это однако не остонавливало Великаго Князя въ исполненіи Его обязанностей; даже въ морозъ и дурную погоду онъ переѣзжалъ рѣку на лодкѣ, а на другой сторонѣ его уже ждалъ извозчикъ, всегда получавшій отъ молодого офицера рубль за доставленіе его въ полкъ" [25].

Картина художника Griffe, относящаяся къ 1845 году, изображаетъ одинъ изъ моментовъ пребыванія Его Высочества въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку; Великій Князь представленъ тамъ передъ фронтомъ своей шефской роты Л.-Гв. Финляндскаго полка.

28 ноября 1847 года Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ назначенъ командующимъ 1-мъ баталіономъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Это назначеніе, осчастлившее полкъ, состоялось черезъ день по принятіи Его Высочествомъ присяги, по случаю совершеннолѣтія [26]. Молодой Великій Князь былъ тогда женихомъ; торжественный въѣздъ Высоконарѣченной Невѣсты Его Высочества, Ея Свѣтлости Принцессы Александры Альтенбургской, впослѣдствіи Великой Княгини Александры Іосифовны, состоялся 16 октября того же года; Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ числѣ прочихъ полковъ гвардіи былъ выстроенъ по пути слѣдованія параднаго кортежа, по Загородному проспекту.

20-го января 1848 года Великому Князю Константину Николаевичу, за отличное состояніе 1-го баталіона Л.-Гв. Финляндскаго полка, было объявлено Высочайшее благоволеніе; это была первая награда, пожалованная Его Высочеству „по званію командовавшаго баталіономъ".

30-го августа 1848 года состоялось бракосочетаніе Августѣйшаго Шефа полка; въ этотъ день 1-й баталіонъ Финляндцевъ занималъ караулъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Его Высочество вспомнилъ и тутъ о Финляндцахъ и пожаловалъ людямъ караула 720 рублей; помимо того всѣ чины полка были Высочайше пожалованы по 1 рублю на человѣка [27].

1-го сентября 1848 года Великій Князь былъ назначенъ командующимъ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ „по наружной части"; 6-го сентября слѣдующаго года состоялось назначеніе Его Высочества на должность командира 4-й гвардейской пѣхотной бригады, въ которую входили полки Л.-Гв. Павловскій, Финляндскій и Гвардейскій Экипажъ. Съ 1853 года Великому Князю было ввѣрено управленіе Морскимъ Министерствомъ. Съ этого времени прекратилась служба Его по военно-сухопутному вѣдомству, но не прекратилась связь Его Высочества съ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ, которая навсегда осталась такой же, какъ и раньше. Письма и телеграммы Великаго Князя служатъ доказательствомъ этого драгоцѣннаго для полка вниманія Августѣйшаго Шефа. Такъ, въ письмѣ къ Генералу

Константинъ

Е. И. В. Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Августѣйшій Шефъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Фот. Р. Голике и А. Вильборгъ

Гольтгоеру, бывшему офицеру Л.-Гв. Финляндскаго полка, Великій Князь писалъ въ 1852 году [28].

„Прошу васъ поклониться всѣмъ моимъ милымъ товарищамъ, Павловскимъ, Финляндскимъ и Морскимъ и поздравить ихъ съ наступающимъ новымъ годомъ. Скажите имъ всѣмъ, что хотя вдали, Я часто вспоминаю объ нихъ и душевно обрадовался, узнавъ изъ письма Наслѣдника о нашемъ удачномъ полковомъ праздникѣ. Надѣюсь, если Богу угодно, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, опять увидимся".

Много лѣтъ спустя въ 1881 году Августѣйшій шефъ писалъ слѣдующія незабвенныя для Л.-Гв. Финляндскаго полка слова: „Лучшія воспоминанія моей молодости соединены съ полкомъ. Командуя сперва баталіономъ, потомъ полкомъ, наконецъ, бригадою, увѣренъ, что Финляндцы будутъ всегда достойны своей исторической славы"... [29]. Со стороны супруги Августѣйшаго шефа — Великой Княгини Александры Іосифовны постоянно проявлялось самое сердечное и внимательное отношеніе къ Л.-Гв. Финляндскому полку, съ глубокимъ чувствомъ цѣнимое всѣми чинами его.

Періодъ мирной жизни Л.-Гв. Финляндскаго полка по возвращеніи его съ польскаго похода 1831 годъ продолжался почти 25 лѣтъ—до похода 1854—1855 годовъ—и обнималъ большую часть времени царствованія Императора Николая I.

Эти 25 лѣтъ спокойно протекли для Л.-Гв. Финляндскаго полка: полкъ служилъ и работалъ, участвуя, поскольку было возможно, въ развитіи дорогого для него военнаго дѣла. Мѣропріятія, принимаемыя тогда для дальнѣйшаго усовершенствованія русской арміи, живо интересовали всѣхъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка; нѣкоторыя же изъ нихъ, касавшіяся главнымъ образомъ стрѣлковаго дѣла, даже подвергались въ полку предварительно испытанію на практикѣ. Въ общемъ, можно сказать, что періодъ 30—40 годовъ былъ для Л.-Гв. Финляндскаго полка за всѣ сто лѣтъ его жизни наиболѣе тихимъ и спокойнымъ. Не считая Венгерскаго похода 1849 года, мирнаго по существу, Финляндцы все это время пробыли въ Петербургѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ, удаляясь отъ столицы развѣ только для участія въ нѣкоторыхъ торжествахъ.

Чрезвычайная любовь Императора Николая I къ своей арміи, недавнія сравнительно событія войнъ эпохи Императора Александра I и славныя дѣйствія русскихъ войскъ въ современныхъ войнахъ турецкой и польской, создали атмосферу весьма благопріятную для всевозможныхъ военно-историческихъ празднествъ; начался цѣлый рядъ торжествъ, посвященныхъ прославленію русскаго оружія, въ которыхъ принималъ участіе и Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

Этимъ праздненствамъ предшествовало торжество открытія въ С.-Петербургѣ памятника Императору Александру Благословенному; 30-го августа 1832 года произошла торжественная постановка этого памятника—Александровской колонны—на ея подножіе. Большой вѣсъ колонны въ 50 слишкомъ тысячъ пудовъ * требовалъ цѣлой системы рычаговъ и массы рукъ. 60 унтеръ-офицеровъ, 30 барабанщиковъ и 1,440 рядовыхъ гвардейскаго корпуса, распредѣленные на 60 рычаговъ, поднимали колонну. Л.-Гв. Финляндскій полкъ выставилъ 3 унтеръ-офицеровъ и 60 рядовыхъ.

* Гранитъ ея вѣсилъ 44,100 пудовъ, мѣдныя украшенія—8,000 пудовъ.

За нѣсколько дней до поднятія колонны производились репетиціи этой крайне сложной и искусстной работы, которой руководилъ архитекторъ Монферанъ.

Молебствіе въ Александро-Невской лаврѣ открыло начало торжества. Еще въ 9 часовъ утра собрались отъ всѣхъ полковъ нижніе чины, одѣтые въ парадную форму, но безъ киверовъ и аммуниціи, въ шапкахъ. Они были приведены своими офицерами и поставлены у рычаговъ по предварительнымъ расчетамъ.

По прибытіи Государя Императора всѣ нижніе чины обратились лицомъ къ Его Величеству. Барабанщики пробили на молитву; каждый помолился про себя. Затѣмъ по командѣ люди надѣли шапки, барабанщики пробили протяжную дробь и двѣ палки; по послѣдней изъ нихъ люди повернулись къ рычагамъ и по второму колокольному удару почти три тысячи рукъ сразу потянули ворота и колоссальная колонна тихо стала подниматься во всю свою величину передъ многими тысячами зрителей, не спускавшихъ съ нея глазъ.

Нижніе чины полковъ гвардіи, принимавшіе участіе въ поднятіи Александровской колонны, были наряжены изъ числа ветerановъ 1812—1814 годовъ, имѣвшихъ медали за Отечественную войну и за взятіе Парижа. Такихъ въ этотъ день въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку оказалось слѣдующее число: унтеръ офицеровъ—21, музыкантовъ—6, рядовыхъ—190, нестроевыхъ—11, денщиковъ—3, всего 231; въ инвалидной № 10 полуротѣ, состоявшей при полку, этихъ ветерановъ было 5 рядовыхъ.

Черезъ два года по поднятіи колонны, 30-го августа 1834 года послѣдовало торжество освященія ея.

Поэтому случаю былъ парадъ всѣмъ частямъ гвардіи и Петербургскаго гарнизона. Болѣе ста тысячъ человѣкъ было выстроено на улицахъ, прилегающихъ къ Дворцовой и Адмиралтейскимъ площадямъ. Въ рядахъ парадирующихъ войскъ были представители прусской арміи — офицеры и нижніе чины, распредѣленные по полкамъ. Къ Л.-Гв. Финляндскомъ полку былъ прикомандированъ прусской службы Поручикъ Моллеръ и нѣсколько нижнихъ чиновъ—всѣ изъ прусскаго гвардейскаго стрѣлковаго баталіона [31]. Поручикъ Моллеръ поставленъ былъ за ассистента къ знамени, а нижніе чины—въ замокъ за первымъ взводомъ.

Всего прусскихъ представителей прибыло 16 офицеровъ и 36 нижнихъ чиновъ. При отправленіи ихъ въ Россію былъ отданъ приказъ по прусскимъ войскамъ, гдѣ говорилось объ открытіи памятника Императору Александру I „и въ славу того незабвеннаго времени, когда союзныя прусскія и русскія войска, сокрушивъ могущество притѣснителя народовъ, возстановили въ Европѣ миръ и благоденствіе, и Пруссіи возвратили прежнюю ея самобытность и независимость“ [32].

Въ 11 часовъ утра три выстрѣла изъ конно-артиллерійскаго орудія, стоявшаго у Адмиралтейскаго бульвара, возвѣстили начало торжества; это былъ сигналъ для выступленія войскъ на Дворцовую и Адмиралтейскую площади изъ прилегающихъ улицъ. Всѣ войска въ стройныхъ колоннахъ расположились на громадномъ пространствѣ смежныхъ площадей, простирающемся отъ Зимняго Дворца до Конногвардейскаго бульвара; кавалерія стала въ ближайшихъ улицахъ. Всѣ войска были обращены лицомъ къ памятнику.

Государь Императоръ лично командовалъ парадомъ, который начался съ Высочайшаго объѣзда войскъ. По возвращеніи Государя къ громадной и роскошной баллюстрадѣ, спеціально выстроенной на высотѣ второго этажа дворца, надъ главными дворцовыми воротами, послѣдовалъ выходъ изъ внутреннихъ аппартаментовъ Государыни Императрицы въ сопровожденіи всего двора, пословъ и представителей дипломатическаго корпуса. Едва Государыня изволила выйти на баллюстраду, какъ всѣ 100 тысячъ парадировавшихъ войскъ отдали честь Ея Величеству... Картина была грандіозная... Въ 12 часовъ начался молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Послѣ многолѣтія, была провозглашена вѣчная память Императору Александру Благословенному и съ послѣдними словами протодіакона золотые орлы, поддерживавшіе занавѣсъ, склонились, занавѣсъ опустился и колонна открылась передъ многочисленными зрителями. Раздалось единодушное „ура" стотысячнаго войска и загремѣли выстрѣлы съ разставленныхъ въ строю пушекъ, съ кораблей и крѣпости. Торжественное шествіе двинулось съ балкона; крестный ходъ духовенства, а за нимъ Государыня Императрица, со всѣмъ Высочайшимъ Дворомъ, въ сопровожденіи по сторонамъ роты Дворцовыхъ Гренадеръ спустились съ балкона на площадь, и обошли памятникъ тихо и величаво.

Генералъ-Маіоръ С. С. Крыловъ.
Командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка 1846—1853 гг.

Затѣмъ войска построились къ церемоніальному маршу. Государь Императоръ, повелъ роту Дворцовыхъ Гренадеръ мимо памятника, ввелъ ее въ аркаду и поставилъ въ караулъ вокругъ памятника, а потомъ, въ сопровожденіи Принца Вильгельма Прусскаго и свиты, изволилъ проѣхать мимо памятника, отдавая ему честь, послѣ чего сталъ у подножія его. Государыня оставалась на балконѣ. Церемоніальный маршъ открывала гвардія, за которой слѣдовали гренадеры. За гренадерами шли военно-учебныя заведенія, потомъ армейская пѣхота—въ сомкнутыхъ полковыхъ колоннахъ, пѣшая артиллерія, кавалерія—въ сомкнутыхъ полковыхъ эскадронныхъ колоннахъ, конная артиллерія и піонерный эскадронъ [33].

Въ ознаменованіе открытія Александровской колонны, Государь приказалъ уволить

въ безсрочный отпускъ нижнихъ чиновъ, выслужившихъ къ этому дню 20-ти-лѣтній срокъ безпорочной службы.

За парадъ 30-го августа нижніе чины, принимавшіе въ немъ участіе, получили по 1 рублю на человѣка и на улучшеніе пищи—по 28¼ коп. [34].

Незадолго до открытія памятника Императору Александру I, 17-го августа 1834 года произошло торжество открытія Тріумфальныхъ воротъ, сооруженныхъ въ честь подвиговъ войскъ гвардейскаго корпуса въ войны 1812—1814 годовъ.

Тріумфальныя ворота эти были выстроены у Нарвской заставы, черезъ которую вступала гвардія въ Петербургъ по возвращеніи съ Наполеоновскихъ войнъ. На самомъ видномъ мѣстѣ, въ серединѣ аттики, помѣщена на нихъ надпись: „Побѣдоносной Россійской Императорской Гвардіи признательное отечество въ 18-й день августа 1834 года". Съ боковъ вмѣсто барельефовъ помѣщены названія сраженій, гдѣ болѣе всего отличалась гвардія въ 1812—1814 годахъ; надъ статуями четырехъ воиновъ, поставленныхъ на боковыхъ частяхъ воротъ, перечислены: на сторонѣ обращенной къ городу — полки гвардейской пѣхоты и между ними Л.-Гв. Финляндскій полкъ, на обратной сторонѣ — полки гвардейской кавалеріи [35]. Ворота были построены на средства командовавшаго гвардейскимъ корпусомъ Генерала Уварова, назначившаго для этой цѣли 400 тысячъ рублей, „въ знакъ своей искренней признательности къ подчиненнымъ своимъ гвардейскаго корпуса", и на пожертвованія с.-петербургскаго дворянства и купечества, произведенныя послѣ войны 1812 года [36].

На парадѣ, бывшемъ по случаю открытія Тріумфальныхъ воротъ, были собраны нижніе чины—ветераны 1812—1814 годовъ, получившіе въ вознагражденіе—унтеръ-офицеры по 10 рублей и рядовые по 5 рублей [37].

Изъ этихъ ветерановъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи составился 2-й сводный баталіонъ.

Въ память открытія Тріумфальныхъ воротъ была выбита медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ Всевидящаго Ока въ лучахъ и съ означеніемъ наверху 1812—1813—1814 годовъ, а на другой—Тріумфальныхъ воротъ [38].

Въ 1835 году, въ исторіи сношеній Россіи съ Пруссіей произошло знаменательное событіе: подъ Калишемъ, близъ прусской границы, состоялись извѣстные Калишскіе маневры въ присутствіи Государя Императора, Короля Прусскаго и Императора Австрійскаго. Маневры эти носили крайне своеобразный и исключительный характеръ по блеску, торжественности и по составу войскъ, въ нихъ участвовавшихъ. Произведены они были въ воспоминаніе совмѣстныхъ побѣдъ Россіи, Пруссіи и Австріи въ кампанію 1813 — 1814 годовъ; Король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ, единственный изъ коронованныхъ союзниковъ, доживишій до этихъ маневровъ, не только почтилъ ихъ своимъ присутствіемъ, но и прислалъ для участія въ нихъ часть своей гвардіи, которая вмѣстѣ съ русскими войсками, собранными тамъ, слилась въ одинъ отрядъ.

Современникъ Калишскихъ маневровъ, прусскій военный историкъ, Полковникъ Декеръ въ своемъ описаніи говоритъ о нихъ [39]: „Сборъ войскъ подъ Калишемъ лѣтомъ 1835 года сталъ всемірно-историческимъ событіемъ и уже по одной этой причинѣ вызываетъ къ себѣ интересъ каждаго образованнаго военнаго. Интересъ этотъ доходитъ, при

ближайшей оцѣнкѣ отношеній, до высоты, возбуждающей удивленіе и восхищеніе. Двѣ великія націи, различныя по языку, нравамъ, обычаямъ и религіи, соединяютъ войска свои, посреди глубокаго мира, не въ отдѣльныхъ корпусахъ, не въ разъединенныхъ отрядахъ, о, нѣтъ! а въ тѣснѣйшей тактической связи, какъ одинаковые члены одного и того же тѣла.

„Такое явленіе, такое событіе, едва ли повторяются два раза въ жизни, а потому, именно и представляютъ они интересъ историческій и заслуживаютъ быть занесенными въ скрижали военной исторіи Европы, дабы происшествіе дошло до свѣдѣнія современниковъ и было передано потомству, какъ памятникъ для грядущихъ поколѣній".

Если прусскій историкъ и преувеличиваетъ въ извѣстной мѣрѣ значеніе Калишскихъ маневровъ, то во всякомъ случаѣ необходимо признать, что они представляли собою дѣйствительно единственный фактъ въ военной исторіи XIX вѣка.

Мысль о соединеніи русской и прусской гвардій на этихъ маневрахъ явилась у Императора Николая I, по всей вѣроятности, послѣ прибытія въ Петербургъ прусской военной депутаціи, на открытіе Александровской колонны [40].

Мѣстомъ для маневровъ избранъ г. Калишъ, какъ одинъ изъ ближайшихъ къ Прусской границѣ городовъ съ окрестностями, удобными для маневрированія значительныхъ войсковыхъ массъ и ихъ расположенія лагеремъ; историческія воспоминанія то же указывали на него: здѣсь въ 1813 году былъ заключенъ договоръ Россіи съ Пруссіей, положившій начало освобожденію Германіи.

Русскія войска, собранныя въ Калишѣ для маневровъ, состояли изъ частей ближайшаго по квартированію 3-го пѣхотнаго корпуса и своднаго отряда частей гвардіи, гренадеръ и 1-го армейскаго корпуса съ прибавленіемъ еще нѣсколькихъ другихъ частей.

Гвардейскій отрядъ состоялъ изъ Своднаго Гвардейскаго пѣхотнаго полка, въ 2 баталіона, и гренадерскаго Короля Прусскаго Фридриха Вильгельма III полка въ полномъ составѣ; кромѣ того къ нему была придана гвардейская кавалерія и гвардейская артиллерія [41].

Гвардейскій Сводный пѣхотный полкъ былъ составленъ изъ взводовъ отъ пѣхотныхъ полковъ гвардіи; исключеніе составили Л.-Гв. Егерскій, Финляндскій и Волынскій полки, выдѣлившіе для этого по цѣлой ротѣ. Роты этихъ полковъ, а также взводы Л.-Гв. Финскаго Стрѣлковаго баталіона и Гвардейскаго Экипажа составили 2-й баталіонъ Своднаго полка.

Командированные взводы и роты имѣли въ своихъ рядахъ нижнихъ чиновъ преимущественно изъ числа людей поступившихъ на службу въ 1812—1815 годахъ.

Отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка была командирована рота Его Высочества, въ составѣ: 20 унтеръ-офицеровъ, 8 музыкантовъ, 218 рядовыхъ и 3 нестроевыхъ; денщиковъ было взято 6, а всего 259 рядовыхъ, что составило двухвзводную роту по 36 рядовъ въ каждомъ взводѣ (2 человѣка было запасныхъ). Офицерами въ ротѣ были: Капитанъ Гречъ Поручикъ Киновичъ, Подпоручикъ Миллеръ и Прапорщикъ графъ Соллогубъ [42]. Баталіономъ, въ который входила рота Л.-Гв. Финляндскаго полка, командовалъ Л.-Гв. Егерскаго полка Полковникъ Вяткинъ, бывшій финляндскій офицеръ и будущій командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Знамя и музыка при баталіонѣ были отъ Лейбъ-Егерей.

11-го іюля рота выступила изъ Краснаго Села, а 14-го въ Ораніенбаумѣ была произведена посадка на суда всѣхъ командированныхъ ротъ и взводовъ, съ тѣмъ, чтобы везти ихъ моремъ черезъ Кронштадтъ. „Послѣ напутственнаго молебствія, подъ открытымъ небомъ, передъ Ораніенбаумскимъ дворцомъ,—пишетъ очевидецъ,—Государь самъ повелъ всѣ знамена къ Своему катеру и въ то же время всѣ войска этого отряда направились по отдѣленіямъ къ шлюпкамъ, которыя должны были доставить ихъ къ назначеннымъ для ихъ перевозки пароходамъ. Это движеніе было исполнено съ чрезвычайною точностью, и видъ длиннаго ряда судовъ, наполненныхъ сверкающими штыками и постепенно, въ опредѣленныхъ интервалахъ, отдѣлявшихся отъ берега въ направленіи каждаго къ своему пароходу, представлялъ безподобное зрѣлище, котораго красоту увеличивало ярко сіявшее солнце" [43].

Морскіе суда 1-й Флотской дивизіи доставили гвардейцевъ черезъ 8 дней плаванія, въ Данцигъ. Рота Л.-Гв. Финляндскаго полка совершила этотъ переѣздъ на 80-ти пушечномъ кораблѣ „Полтава„ [44]. Всего было доставлено морскимъ путемъ 119 офицеровъ и 6 тысячъ нижнихъ чиновъ. Другая часть отряда шла въ Калишъ сухимъ путемъ.

22-го іюля въ Данцигѣ громъ орудій, звуки музыки и крики „ура" встрѣтили русскихъ гвардейцевъ; оффиціальными лицами при этомъ были командиръ 1-го Прусскаго армейскаго корпуса, Генералъ Нацмеръ, чины его штаба и всѣ офицеры данцигскаго гарнизона [45]. „Отрядъ съ музыкою вступилъ въ крѣпость и прошелъ церемоніальнымъ маршемъ мимо Генерала Нацмера, [46] — говоритъ участникъ калишскихъ маневровъ. — Улицы были такъ наполнены народомъ, что съ трудомъ можно было подвигаться по отдѣленіямъ; дома и балконы были увѣшаны коврами, драпировками, гирляндами изъ цвѣтовъ; изъ всѣхъ оконъ выглядывали любопытные, бросавшіе цвѣты и кричавшіе: „hoch".

Отъ Данцига до Калиша гвардейскій отрядъ шелъ походомъ большею частью черезъ Прусскія владѣнія. Маршрутъ отряда лежалъ черезъ Лангенау, Дершау, Марсеневеръ Грауденицъ и Торнъ. Этотъ походъ представлялъ собою одно сплошное тріумфальное шествіе: всюду торжественныя встрѣчи, привѣтственные возгласы, любезности гостепріимство и роскошныя угощенія.

По прибытіи на пункты квартированія, войска встрѣчались ландратами округовъ; офицеры приглашались къ завтраку изъ холодныхъ кушаній и хорошихъ ликеровъ; затѣмъ, чрезъ нѣсколько часовъ, обѣдали, причемъ тѣ которые не могли, по болѣзни, присутствовать при общемъ столѣ, получали тотъ-же обѣдъ у себя на квартирѣ. Офицеры ротъ, квартировавшихъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ назначенъ былъ столъ, пріѣзжали къ обѣду въ экипажахъ, нарочно за ними посылавшимися прусскими властями. О времени обѣда, прусскій офицеръ, прикомандированный къ отряду, справлялся у старшихъ начальниковъ.

Обѣдъ состоялъ изъ 5 блюдъ и дессерта. Вина подавались бордосскія и рейнвейнъ Послѣ обѣда тотчасъ предлагали черный кофе и ромъ.

Нижніе чины получали также отлично приготовленный столъ и, кромѣ того, 1 штофъ пива и $^1/_3$ кварты „отлично-хорошей водки" [47].

Все довольствіе какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ было отъ Его Величества Короля Прусскаго.

6-го августа состоялся переходъ прусско-русской границы и отрядъ вступилъ снова въ предѣлы Россіи, двигаясь черезъ Брестъ, Куявскъ, Турскъ, и 15-го августа прибылъ въ Калишъ [48].

Временный лагерь, раскинутый у Калиша для пѣхотныхъ частей тянулся почти на шесть верстъ; по серединѣ возвышался Императорскій павильонъ или бельведеръ, по обѣ стороны котораго поставлены были палатки для сводныхъ отрядовъ русской и прусской гвардіи. Лагерь былъ образцоваго устройства; даже вся мѣстность вокругъ него измѣнилась до неузнаваемости: проложенныя во многихъ направленіяхъ великолѣпныя дороги, перекинутые черезъ протекающую тамъ рѣку Просну мосты и цѣлый городокъ вновь возведенныхъ построекъ совершенно измѣнили окрестности бѣднаго провинціальнаго города съ 10-ю тысячами жителей, какимъ былъ тогда Калишъ.

Генералъ-Маіоръ Ф. Ф. гр. Ребиндеръ
Командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка 1853—1856 гг.

Оживленіе царило тамъ полное. Кромѣ значительнаго числа войскъ, съѣхалось очень много лицъ принадлежавшихъ къ дипломатическому корпусу и къ придворнымъ кругамъ; за чиновнымъ людомъ потянулись массы мелкихъ служащихъ, поставщиковъ и проч.

„Центромъ лагерной жизни былъ Императорскій павильонъ, большое деревянное зданіе, въ одинъ этажъ, построенное въ видѣ кіоска и вмѣсто крыши увѣнчанное балконами, изъ которыхъ одинъ, средній, былъ покрытъ и предназначался для Высочайшихъ особъ. Съ него открывался обширный видъ на всю долину Просны и совокупность лагеря. Главный корпусъ павильона занимала одна большая зала, украшенная воинскими трофеями, портретами членовъ русскаго и прусскаго царственныхъ домовъ и посрединѣ съ мраморнымъ бюстомъ короля Фридриха - Вильгельма III, на возвышеніи, подъ краснымъ бархатномъ балдахиномъ, увѣнчаннымъ королевскою короною. Залу освѣщали пять огромныхъ люстръ. Она имѣла служить только для офицеровъ русской и прусской гвардіи. Въ двухъ боковыхъ флигеляхъ помѣщались придворная прислуга, кухни и погреба.

„Общее число войскъ, имѣвшихъ размѣститься въ лагеряхъ, баракахъ и на кварти

рахъ въ Калишѣ и его окрестностяхъ, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: русскія войска: пѣхоты $57^1/_2$ баталіоновъ, конницы 54 эскадрона, при 128 орудіяхъ; прусскія войска: пѣхоты $3^1/_2$ баталіона, конницы $13^1/_2$ эскадроновъ, при 8 орудіяхъ; всего въ строю 58,347 человѣкъ" [49].

При такомъ значительномъ числѣ войскъ, собранныхъ на одномъ мѣстѣ, было весьма трудно поддержать должную дисциплину и порядокъ въ виду того, что всѣ части были сборныя; особыя мѣры принятыя по этому поводу дали блестящіе результаты: порядокъ не только нигдѣ не былъ нарушенъ, но былъ образцовый. Государь лично вникалъ въ это дѣло и, въ числѣ распоряженій, отдалъ, между прочимъ, такое, по которому нарушители дисциплины „безъ различія, не исключая и офицеровъ, должны были быть немедленно арестованы и отправлены съ нарочнымъ фельдъегеремъ въ С.-Петербургъ, къ командующему отдѣльнымъ Гвардейскимъ корпусомъ, при подробномъ донесеніи о винѣ или преступленіи, для преданія ихъ военному суду" [50].

Особою заботою Государя было продовольствіе прусскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, командированныхъ въ Калишъ; оно было вполнѣ роскошнымъ.

На Калишскихъ маневрахъ русская гвардія должна была предстать въ блестящемъ видѣ, что бы стройностью, красотой и сплоченностью своихъ рядовъ произвести надлежащее впечатлѣніе на иностранныхъ государей, принцевъ и ихъ многочисленную военную и дипломатическую свиту. Надо отдать справедливость, что въ этомъ отношеніи русскіе гвардейцы показали себя дѣйствительно высоко образцовыми и блестящими. Достигнуто это было, помимо общаго блестящаго состоянія фронтовой части въ Николаевское время вообще, еще и особой подготовкой въ Калишѣ. Ученья разводы и строевыя занятія были тамъ такъ часты, что глиняная почва передъ лагеремъ была утоптана, какъ помостъ молотильнаго сарая, отъ тысячъ солдатскихъ ногъ, постоянно отбивавшихъ шаги [51].

28-го августа Государь Императоръ и Государыня Императрица, въ сопровожденіи Высочайшихъ Особъ Императорской Фамиліи, прибыли въ Калишъ и Государь въ тотъ же день присутствовалъ на ученьяхъ.

Собственно празднества начались 30-го августа (11-го сентября) съ пріѣздомъ Прусскаго короля и принцевъ. Они завершились ихъ отъѣздомъ 10-го (22-го) сентября, слѣдовательно продолжались двѣнадцать дней.

Во второй день празднествъ, т. е. 31 августа, состоялась торжественная встрѣча отрядовъ союзныхъ армій; прохожденіе отрядовъ церемоніальнымъ маршемъ и отданіе чести на караулъ составили сущность обмѣна взаимныхъ почестей.

Въ третій день по всему лагерю совершались богослуженія по православному и лютеранскому вѣроисповѣданіямъ.

Въ четвертый день былъ большой парадъ всѣхъ соединенныхъ русско-прусскихъ войскъ. При прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ, который длился почти 3 часа, Государь проѣзжалъ мимо Короля Прусскаго во главѣ русскаго своднаго гвардейскаго отряда. Король же ѣхалъ передъ гренадерскимъ Своего Имени полкомъ. Оба монарха салютовали другъ другу.

Въ шестой день были маневры резервнаго корпуса.

Въ седьмой день были большіе маневры всѣхъ войскъ, подъ личнымъ начальствомъ Государя.

Вечеромъ восьмого дня была произведена заря съ церемоніей, въ которой принимало участіе до 2-хъ тысячъ музыкантовъ; послѣ зари состоялся фейерверкъ. стоившій болѣе 100 тысячъ рублей. Музыканты исполнили между прочими вещами маршъ, сочиненный Прусскимъ Королемъ, и слѣдующую пѣсню, составленную на Калишскія празднества трубачемъ Л.-Гв. Егерскаго полка Малышевымъ:

Русскій царь собралъ дружину
И велѣлъ своимъ орламъ
Плыть по морю на чужбину
Въ гости къ добрымъ Пруссакамъ!

* * *

Кровь царей насъ породнила,
Славный бой насъ подружилъ;
Самъ Творецъ, во браняхъ сильный,
Нашъ союзъ благословилъ!

* * *

Пусть завистники возстанутъ
Разорвать союзъ друзей, —
Тамъ слѣда враговъ не станетъ,
Гдѣ пройдутъ полки Царей!

* * *

Не на бой летимъ мы драться,
Не крамольныхъ усмирять,
Но съ друзьями повидаться,
Пруссаковъ спѣшимъ обнять!

* * *

Насъ лелѣетъ Царь Державный,
Слава Бѣлому царю!
Слава Руси православной
И родному Королю! [52].

Изъ прочихъ музыкальныхъ произведеній замѣчателенъ былъ гимнъ прусскаго поэта Винклера, сочиненный въ честь свиданія Монарховъ и дружественнаго соединенія русскихъ и прусскихъ войскъ подъ Калишемъ; гимнъ этотъ былъ исполненъ на нѣмецкомъ языкѣ русскими полковыми пѣсенниками [53].

На девятый день были произведены большіе маневры всѣхъ войскъ Калишскаго лагеря. Они окончились атакой Калиша.

Русская и прусская гвардія съ крикомъ „ура" ворвалась въ городъ и достигла до замка, на балконѣ котораго показалась Императрица съ бѣлымъ платкомъ въ рукѣ. То былъ сигналъ къ отбою [54].

На двѣнадцатый день торжества кончились; русскія и прусскія войска, отдавъ въ послѣдній разъ, взаимную честь выступили въ походъ.

Для Л.-Гв. Финляндскаго полка парады и маневры въ Калишѣ имѣли еще особое значеніе: въ эти дни, Шефъ полка, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ впервые находился въ строю — въ первомъ офицерскомъ чинѣ — прапорщикомъ, командуя взводомъ въ ротѣ Своего Имени [55]. Пребываніе Августѣйшаго Шефа въ рядахъ полка въ присутствіи Государя Императора и прочихъ Коронованныхъ Особъ еще болѣе увеличивало для Финлянцевъ блескъ Калишскихъ празднествъ, которые поэтому останутся имъ навсегда памятны.

По окончаніи торжествъ русскій гвардейскій отрядъ тѣмъ же путемъ возвратился по квартирамъ по-ротно, а нѣкоторые изъ офицеровъ, въ томъ числѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка Поручикъ Киновичъ, приглашены были Королемъ Прусскимъ въ Берлинъ, гдѣ они пробыли съ 2-го (14-го) по 1-е (13-е) ноября. „Во время пребыванія ихъ въ столицѣ Пруссіи,

„они были, для общества и для военныхъ, предметомъ постояннаго вниманія". Въ то же время и русскіе офицеры „во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ изъявляли то приличіе, и ту скромность, которыя должно было ожидать отъ молодыхъ людей исполненныхъ благородныхъ чувствъ" [56].

Въ расположеніи къ русскимъ войскамъ, Прусскій Король пожаловалъ на гвардейскій отрядъ 13 знаковъ „военнаго достоинства".

27-го сентября гвардейскій отрядъ сѣлъ въ Данцигѣ на суда и послѣ четырехдневнаго плаванія прибылъ въ Кронштадтъ.

Въ заключеніе описанія Калишскихъ маневровъ чувство справедливости требуетъ сказать, что, несмотря на весь ихъ блескъ и кажущееся полное соединеніе отрядовъ союзныхъ націй,—это соединеніе не было дѣйствительнымъ по внутренней связи: „настроеніе прусскихъ офицеровъ,—говоритъ изслѣдователь Николаевской эпохи, С. Татищевъ,—не было такъ дружественно и сочувственно, какимъ изображаетъ его оффиціальной историкъ Калишскихъ празднествъ".

На обратномъ пути изъ Калиша Государь Императоръ 17-го августа былъ въ Теплицѣ, гдѣ въ присутствіи Короля Прусскаго и Императора Австрійскаго, послѣдовало торжество освященія памятника воздвигнутаго въ честь русской гвардіи на Кульмскомъ полѣ, въ воспоминаніе подвиговъ ея въ 1813 году.

Въ 1838 году, 16-го октября, произошло торжество открытія Тріумфальныхъ воротъ въ С.-Петербургѣ, у Московской заставы, построенныхъ въ честь побѣдъ русскихъ войскъ въ Персидскую, Турецкую и Польскую кампанію 1826—1831 годовъ, какъ о томъ и свидѣтельствуетъ слѣдующая надпись на этихъ воротахъ: „Побѣдоноснымъ Россійскимъ войскамъ въ память подвиговъ въ Персіи, Турціи и при усмиреніи Польши въ 1826, 1827, 1828, 1829, 1830 и 1831 годахъ".

На парадѣ 16-го октября принимали участіе нижніе чины С.-Петербургскаго гарнизона и загородныхъ войскъ, имѣвшіе медали за означенныя кампаніи и польскій знакъ отличія. Отъ гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій было по баталіону [57]. Отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка было: 1 генералъ, 3 штабъ-офицера, 17 оберъ-офицеровъ, 133 унтеръ-офицера, 15 музыкантовъ и 692 нижнихъ чина [58]. Сводными баталіонами, по 8 взводовъ въ каждомъ, командовали полковые командиры. Всѣ войска были выстроены у открываемыхъ воротъ, по обѣ стороны Московскаго шоссе, развернутымъ фронтомъ. Войскамъ приказано было быть въ походной формѣ, имѣя кивера въ чехлахъ. Офицеры должны были имѣть ордена и медали 1826—1831 годовъ надѣтыми на сюртуки [59]. Парадъ былъ совершенъ въ Высочайшемъ присутствіи и законченъ прохожденіемъ войскъ черезъ новооткрытыя Тріумфальныя ворота.

Въ 1839 году Л.-Гв. Финляндскому полку пришлось принять участіе въ событіи имѣвшемъ весьма большое военно-патріотическое значеніе — въ открытіи Бородинскаго памятника на самомъ мѣстѣ Бородинской битвы. Полкъ участвовалъ также въ маневрахъ, произведенныхъ тамъ черезъ нѣсколько дней послѣ торжества открытія.

На празднества эти командирована была отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка карабинерная рота Его Высочества, составленная изъ старослуживыхъ участниковъ войнъ 1812—1815 годовъ и изъ нижнихъ чиновъ — уроженцевъ губерній ближайшихъ къ Москвѣ и къ

югу отъ Москвы находящихся. Гвардейская пѣхота выставила три гвардейскихъ сводныхъ баталіона, во второй изъ которыхъ вошла Финляндская рота. Составъ роты былъ въ 264 нижнихъ чина при двухъ офицерахъ, Поручикахъ Шмидтѣ и Своевѣ, подъ командою Штабсъ-Капитана графа Коновницына [60].

30-го іюня выступили сводные гвардейскіе баталіоны изъ Краснаго Села черезъ Ижору, Тосну, Любань, Чудово, Новгородъ, Валдай, Коломну, Вышній-Волочекъ, Торжокъ и Можайскъ и 12-го іюля прибыли къ селу Бородину, гдѣ и расположились лагеремъ

Транспарантъ къ Калишскимъ маневрамъ 1835 года.

Съ гравюры того времени.

вмѣстѣ съ прочими войсками, общею численностью до 120 тысячъ человѣкъ. Рота Л.-Гв. Финляндскаго полка расположилась лагеремъ при дер. Захарьиной.

Гвардейскій отрядъ шелъ въ Москву при крайне благопріятныхъ условіяхъ. „Слѣдованіе отряда, — говоритъ очевидецъ, — было похоже на торжественное шествіе. На пути, вездѣ предлагали всѣ удобства. Всѣ, какъ помѣщики, такъ и крестьяне, другъ передъ другомъ, соревновали въ гостепріимствѣ. Отъ обществъ отпускали лишнія порціи и водку. Ранцы и аммуницію везли на обывательскихъ подводахъ“ [61].

Государь прибылъ за нѣсколько дней и помѣстился во дворцѣ, отстроенномъ изъ бывшаго господскаго дома помѣщиковъ Воейковыхъ; дворецъ этотъ существуетъ и нынѣ подъ названіемъ Бородинскаго.

26-го августа состоялось, въ Высочайшемъ присутствіи, торжество открытія Бородинскаго памятника. Въ 9 часовъ утра всѣ войска стояли уже на своихъ мѣстахъ, занимая

ту самую мѣстность, гдѣ въ 1812 году было пролито столько крови, и нашей и непріятельской. По серединѣ расположенія войскъ возвышался холмъ съ открываемымъ памятникомъ. „Войска, видимыя съ вершины сего холма, представляли зрѣлище единственное: однимъ взглядомъ можно было окинуть всю пятидесяти-тысячную армію, сжатую въ густыя колонны, которыя амфитеатромъ одна надъ другою подымались. Пѣхота была неподвижна; по ружьямъ сверкало солнце и штыки ихъ казались блестящею щетиною огромнаго боевого чудовища. Гдѣ стояла конница, тамъ дымилось: конскія копыта подымали пыль; она колебалась надъ колоннами, какъ черная туча. Позади арміи разставлена была артиллерія. Въ срединѣ такого чуднаго амфитеатра возвышался памятникъ, у подошвы коего, внутри ограды, были собраны всѣ отставные, нѣкогда участвовавшіе въ славной битвѣ, изъ разныхъ мѣстъ собравшіеся на ея праздникъ. Между ними особенно замѣчательны были инвалиды, кто съ подвязанною рукою, кто съ повязкою на головѣ, кто безъ обѣихъ ногъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ ожиданіи торжества, сидѣли на ступеняхъ памятника; другіе, положивъ на землю клюки, отдыхали у Багратіонова гроба, и гробъ его одинъ на землѣ Бородинской, величественно тихій, въ виду арміи новаго поколѣнія, казался представителемъ поколѣнія прежняго, воины котораго положили здѣсь свои головы, прахъ котораго вѣчно живая природа съ такою любовью одѣла здѣсь своею свѣжею зеленью, своею благовонною жатвою“ [62].

Государь объѣзжалъ войска, встрѣчаемый неумолкавшими криками „ура“ и народнымъ гимномъ. По окончаніи объѣзда раздалась команда: „Къ ногѣ, стоять вольно, оправиться!“ Затѣмъ: „Смирно, баталіоны на плечо!“ Послѣ этого Государь скомандовалъ „Слушать Моей команды! Слушай на кра-улъ!“

Держа на караулъ, войска выслушали прочитанный имъ баталіонными, батарейными и эскадронными командирами Высочайшій приказъ объ открытіи Бородинскаго памятника слѣдующаго содержанія [63]:

„Ребята! Передъ вами памятникъ, свидѣтельствующій о славныхъ подвигахъ вашихъ товарищей! Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, за 27 лѣтъ передъ симъ, надменный врагъ возмечталъ побѣдить русское войско, стоявшее за Вѣру, Царя и Отечество. Богъ наказалъ безразсуднаго: отъ Москвы до Нѣмана разметены кости дерзкихъ пришельцевъ—и мы вошли въ Парижъ.

„Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. Итакъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ Императору Александру I. Его твердою волею спасена Россія; вѣчная слава падшимъ геройскою смертію товарищамъ нашимъ и да послужитъ подвигъ ихъ примѣромъ намъ и позднѣйшему потомству. Вы же всегда будете надеждой и оплотомъ вашему Государю и общей матери нашей Россіи“.

„Этотъ собственноручный приказъ (Государя) произвелъ въ войскѣ,—пишетъ очевидецъ,—большое одушевленіе“ [64].

По окончаніи чтенія Высочайшаго приказа раздалось громогласное „ура“. Въ то же время, при громѣ артиллерійскихъ орудій спустилась пелена окутывавщая памятникъ. Послѣ этого начались молебенъ и освященіе памятника, совершившіеся при участіи крестныхъ ходовъ изъ многочисленныхъ церквей.

По провозглашеніи многолѣтія Царствующему Дому, Государь скомандовалъ:

Ѳедотовъ

Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ.

Освященіе знаменъ послѣ пожара въ обновленномъ Зимнемъ Дворцѣ.
Съ акварели П. А. Ѳедотова.

Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ

„Баталіоны на колѣни"! Всѣ пѣшія войска преклонили колѣна, Государь также; была провозглашена „вѣчняя память воинамъ, за Вѣру, Царя и Отечество животъ свой на брани положившимъ". Торжество завершилось церемоніальнымъ маршемъ всѣхъ войскъ. Государь ѣхалъ впереди и отдавалъ честь памятнику.

„Погода, какъ нельзя болѣе благопріятствовала въ этотъ день,—пишетъ участникъ торжества; [65] — солнце яркимъ блескомъ освѣщало это истинно патріотическое военное торжество, увѣковѣчившее въ позднемъ потомствѣ преданіе о кровавомъ, но славномъ для русскаго оружія боѣ, положившемъ начало гибели Наполеона".

Рота Л.-Гв. Финляндскаго полка, какъ представительница всего полка, принимала въ этомъ торжествѣ вполнѣ достойное участіе, памятуя подвиги и дѣла бывшихъ Финляндцевъ — славныхъ участниковъ Бородинскаго сраженія.

Жалѣли только всѣ чины Л.-Гв. Финляндскаго полка объ отсутствіи на этомъ торжествѣ ихъ боеваго бывшаго командира, Генерала Крыжановскаго: 6-го мая его не стало; смерть постигла Генерала Крыжановскаго всего за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія памятника на томъ самомъ полѣ сраженія, на которомъ онъ со своими Финляндцами такъ отличился за 27 лѣтъ передъ этимъ.

„Многочисленныя служебныя занятія, — говорится въ біографическомъ очеркѣ Генерала Крыжановскаго, — истощили его здоровье, ослабленное ранами, которыя въ послѣдніе годы его жизни причиняли ему сильныя страданія. Онъ умеръ на 63 году отъ рожденія, отъ нервной горячки, полученной имъ при первомъ переѣздѣ черезъ Неву, съ донесеніемъ Государю Императору о вскрытіи ея. Онъ похороненъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ послѣдняго своего земного жилища, въ оградѣ Петропавловскаго Собора, въ С.-Петербургской крѣпости и положенъ въ гробъ въ мундирѣ того полка, который, бывъ имъ сформированъ, прошелъ съ нимъ рядъ битвъ отъ Бородина до Лейпцига, и потомъ, безъ него, съ честью участвовалъ въ войнѣ 1814 года, а также въ послѣднихъ двухъ войнахъ противъ турокъ и поляковъ. Имѣя, по занимаемымъ имъ мѣстамъ, право носить различные мундиры, Крыжановскій обыкновенно носилъ мундиръ Финляндскаго полка „крѣпко пришитый къ нему", какъ онъ однажды выразился, „непріятельскими пулями и ядрами". Сформированный Генераломъ Крыжановскимъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ отдалъ ему вмѣстѣ съ заслуженными и израненными воинами Чесменской военной богадѣльни послѣдній долгъ, сопроводивъ его до могилы. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, удостоивъ Своимъ присутствіемъ погребеніе, Самъ командовалъ полкомъ при возданіи послѣдней чести вѣрному слугѣ Государя и Отечества.

29-го августа были произведены подъ Бородинымъ маневры, возстановившіе Бородинское сраженіе на томъ участкѣ боевой позиціи, гдѣ кипѣла наиболѣе упорная битва въ 1812 году. Для болѣе точнаго изображенія картины боя, еще наканунѣ собраны были жалонеры частей войскъ съ офицерами генеральнаго штаба и самъ Государь, окруженный многочисленной свитой, лично указывалъ мѣста для размѣщенія войскъ, руководствуясь воспоминаніями князя Паскевича, Ермолова, графа Толя и князя Воронцова.

Во время же исполненія маневра „Государь, оставаясь на возвышенномъ холмѣ, гдѣ стоялъ Наполеонъ во время боя, наблюдалъ издалека за всѣми дѣйствіями и движеніями войскъ. Всѣмъ извѣстно съ какою страстностью и увлеченіемъ Императоръ

Николай I принималъ вообще участіе въ мирныхъ даже маневрахъ. Здѣсь же, на самомъ полѣ кроваваго боя, военное чувство невольно возбуждалось историческимъ для русскаго сердца воспоминаніемъ и потому, не довольствуясь одной обороной, какъ было въ 1812 г. дано было Государемъ приказаніе перейти въ общее наступленіе".

Наступленіемъ войскъ и атакой кавалеріи, двинутой въ обходъ, завершились Бородинскіе маневры: село Бородино и прилегающія къ нему позиціи были взяты маневрирующими войсками.

При разборѣ маневра Государь, собравъ всѣхъ начальниковъ, сказалъ, „обращаясь къ Ермолову, графу Толю и другимъ сподвижникамъ Кутузова въ 1812 году:

„Не находите ли вы, что если бы Фельдмаршалъ Кутузовъ дѣйствовалъ такъ, какъ мы сегодня, то послѣдствія сраженія были бы иныя"?

Общее молчаніе было отвѣтомъ на слова Государя, хотя по выраженію вопрошенныхъ лицъ легко было угадать ихъ отрицательное мнѣніе. Изъ окружающей же толпы въ свитѣ Государя послышался одинъ голосъ, довольно внятно произнесшій:

— „Да Государь забываетъ, что сегодня не было ни ядеръ, ни пуль и, главное, что не было противъ него Наполеона".

Правда эта вырвалась изъ устъ Генерала Давыдова (родного брата извѣстнаго партизана и поэта), стоявшаго вдалекѣ и не думавшаго, конечно, быть услышаннымъ Государемъ.

„Изъ описанныхъ дѣйствій и особенно словъ, произнесенныхъ Государемъ,—говоритъ очевидецъ [66], — нельзя не видѣть нѣкоторой доли увлеченія, но съ другой стороны, справедливость требуетъ признать, что приказаніе отданное войскамъ перейти отъ обороны въ наступленіе, имѣло хорошую и полезную сторону въ томъ, что, возвышая духъ въ войскахъ, оно вселяло въ нихъ увѣренность въ непобѣдимости"

2-го сентября былъ Высочайшій объѣздъ лагеря; Государь благодарилъ войска, останавливаясь у каждой дивизіи.

По окончаніи всѣхъ торжествъ у Бородина, сводные гвардейскіе баталіоны выступили въ Москву для участія въ новомъ историческомъ торжествѣ — церемоніи закладки храма Христа Спасителя—памятника Отечественной войны 1812 года. Послѣ этого, какъ офицеры, такъ и нижніе чины командированныхъ ротъ были уволены въ отпускъ; нижнимъ чинамъ отпускъ былъ данъ безсрочный — для выслуживающихъ къ 1-му января 1840 года 20 лѣтъ — и трехмѣсячный — для прочихъ. Офицерамъ отпускъ былъ данъ на 28 дней, а ротному командиру—графу Коновницыну на 4 мѣсяца [67].

Офицерамъ роты, принимавшей участіе въ Бородинскихъ торжествахъ, были пожалованы, слѣдующія награды: Штабсъ-Капитану гр. Коновницыну — орденъ Св. Станислава 2-й степени, Поручику Шмидту—чинъ Штабсъ-Капитана [68].

Изъ общеисторическихъ торжествъ въ царствованіе Императора Николая I слѣдуетъ отмѣтить открытіе памятника Императору Павлу I, бывшее 1-го августа 1851 года. Произошло оно по окончаніи маневровъ всего гвардейскаго корпуса, произведенныхъ въ Высочайшемъ присутствіи около Ропши. 31-го іюля, вечеромъ биваки гвардейцевъ, раскинутые близъ Гатчины, удостоились посѣщенія Государя Императора Николая Павловича, сопровождаемаго Великими Князьями и Августѣйшими гостями — Принцами Виртембергскимъ

Прусскимъ, Гессенскимъ и Герцогомъ Веймарнскимъ. Ночь Государь по обыкновенію провелъ въ палаткѣ, среди гвардейской пѣхоты, не смотря на то, что въ этотъ вечеръ былъ назначенъ пріемъ у Императрицы въ Гатчинскомъ Дворцѣ.

На другой день, 1-го августа состоялось торжество открытія памятника Императору Павлу Петровичу; въ одиннадцатомъ часу войска были разставлевы на плацу противъ Гатчинскаго Дворца и на прилегающей къ нему мѣстности. Государь Самъ скомандовалъ на караулъ и въ этотъ моментъ съ памятника было сдернуто покрывало при несмолкав-

Посадка русскихъ войскъ на суда въ Данцигѣ въ 1835 году.

шихъ крикахъ „ура" и стрѣльбѣ изъ орудій. Во время церемоніи освященія памятника на часахъ у него стоялъ малолѣтній Великій Князь Александръ Александровичъ, впослѣдствіи Императоръ Александръ III [69].

За время описываемаго періода произошли и другія событія, касавшіяся такъ или иначе Л.-Гв. Финляндскаго полка. Изъ числа этихъ событій первое мѣсто занималъ прискорбный случай гибели Зимняго Дворца.

Въ 1837 году, октября 17-го, произошелъ большой пожаръ въ Зимнемъ дворцѣ, начавшійся въ этотъ день и продолжавшійся цѣлыхъ три дня и три ночи. Дворецъ выгорѣлъ весь, остались лишь стѣны; но вся обстановка и всѣ вещи дворца, мебель, картины, посуда, платья и мелкія вещи—все было спасено, все было вынесено на площадь и сохранено тамъ нижними чинами гвардейскаго корпуса. Услуги гвардейцевъ въ данномъ случаѣ были тѣмъ болѣе значительны, что, дѣйствуя съ удивительнымъ самоотверженіемъ при тушеніи огня и при спасеніи вещей стоимостью въ нѣсколько милліо-

новъ рублей, они успѣли высказать при этомъ всю свою любовь и даже нѣжность къ Царю. Много трогательныхъ сценъ разыгрывалось при яркомъ пламени горѣвшаго дворца, во многихъ случаяхъ приходилось Государю удерживать солдатъ отъ дѣйствій явно грозившихъ смертью при спасеніи ими дворцоваго имущества; все было спасено все аккуратно вынесено на площадь и ни одна изъ малѣйшихъ вещицъ не пропала, несмотря на то, что работало нѣсколько десятковъ тысячъ солдатскихъ рукъ. Солдаты же отстояли сосѣднее ко дворцу зданіе Эрмитажа и тѣмъ спасли это драгоцѣнное хранилище древностей и искусства.

Пожаръ начался съ чердака; команды отъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ прибывали постепенно ко дворцу. Прежде всѣхъ пришли Преображенцы. „Потомъ, — пишетъ въ своихъ запискахъ офицеръ Л.-Гв. Преображенскаго полка, [70] — послѣдовательно стали подходить роты и прочихъ полковъ и всѣ пристраивались къ нашей ротѣ, въ совершенномъ мракѣ и тишинѣ и порядкѣ, какъ будто заранѣе вызванныя, въ ожиданіи долженствующихъ быть распоряженій.

„Въ это время я не усмотрѣлъ никакого начальства: ни военнаго, ни со стороны города. Всѣ пришедшіе офицеры съ командами, все это разсѣялось во мракѣ и мелькали около дворца и площади близь Александровской колонны; и всѣ недоумѣвали, что за причина всеобщаго вызова командъ всѣхъ полковъ, когда не видно никакого пожара ни около, ни въ самомъ дворцѣ?"

Въ дѣйствительности же, въ это время горѣло внутри дворца и огонь еще не показывался наружу, распространяясь постепенно съ чердака. Наконецъ запылали залы, стали проваливаться потолки огонь показался изъ оконъ.

„Я очень помню,—пишетъ очевидецъ Генералъ Самсоновъ,—что едва успѣли выйти прогоняемые солдаты и за ними Государь со свитой, провалился потолокъ бѣлой залы. Проходя изъ комнаты въ комнату, я увидалъ другое зарево пожара на Васильевскомъ острову и счелъ нужнымъ доложить о томъ Бенкендорфу. Графъ указалъ его Государю, который, оборотясь и увидавъ меня въ своей свитѣ, подозвалъ къ себѣ и сказалъ: „Поѣзжай немедленно туда; ты, вѣроятно, на дорогѣ встрѣтишь Финляндскій полкъ, еще сюда не прибывшій; останови его и скажи Офросимову, чтобы онъ шелъ съ полкомъ дѣйствовать на тотъ пожаръ, и что Я не могу, къ сожалѣнію, дать ему въ помощь ни одной трубы и ни одного человѣка,—всѣ здѣсь заняты".

„Я поскакалъ верхомъ на жандармской лошади и все исполнилъ по приказанію Государя. Въ Галерномъ порту горѣли какія-то лачуги, и молодцы Финляндцы безъ всякихъ инструментовъ, въ одно мгновеніе, растаскали горѣвшее и тѣмъ положили конецъ пожару".

Другой авторъ воспоминаній о днѣ 17-го декабря 1837 года пишетъ слѣдующее [71].

„Одновременно съ пожаромъ въ Зимнемъ Дворцѣ вспыхнулъ пожаръ въ Галерной на Васильевскомъ островѣ, среди бѣдныхъ жилищъ. Государь, безпокоясь о томъ, какъ бы пожарная команда и войска, спасая дворецъ и имущество Царя, не забыли бѣдныхъ людей, у которыхъ пожаръ уничтожалъ, быть можетъ, послѣднее ихъ достояніе, послалъ туда Великаго Князя Александра Николаевича. Дорогою у Него сломался экипажъ. Тогда Онъ сѣлъ на лошадь перваго попавшагося жандарма и верхомъ помчался далѣе. По рас-

Г.-М. Офросимовъ.

Освященіе знаменъ послѣ пожара въ обновленномъ Зимнемъ Дворцѣ.

Съ акварели П. А. Ѳедотова.

поряженію Его и при содѣйствіи прибывшаго туда Л.-Гв. Финляндскаго полка, пожаръ въ Галерной былъ вскорѣ потушенъ и Государь Наслѣдникъ вернулся на дворцовую площадь, гдѣ пробылъ при Родителѣ своемъ весь остатокъ роковой ночи".

Потушивъ пожаръ въ Галерной гавани, Л.-Гв. Финляндскій полкъ прибылъ ко дворцу, гдѣ и проработалъ всѣ послѣдующіе дни вмѣстѣ съ прочими полками.

Работы у Зимняго дворца продолжались весьма долгое время и были возобновлены осенью 1838 года. Почти весь сентябрь мѣсяцъ, по прибытіи изъ лагерей, всѣ нижніе чины полка, даже инвалиды, нестроевые и музыканты работали на пожарищѣ. За работу эту они были Высочайше вознаграждены: на каждаго нижняго чина было выдано по 1 руб. $19^1/_2$ коп, а на весь полкъ, за три недѣли работы—3,808 руб. [72].

Высочайшая благодарность за самоотверженныя дѣйствія чиновъ гвардейскаго корпуса была объявлена въ особомъ приказѣ гдѣ дѣйствія ихъ нашли себѣ весьма лестную оцѣнку Государя Императора.

Какъ бы въ связи съ военно-историческими торжествами 30-хъ и 40-хъ годовъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ тоже воздалъ должное своей исторической славѣ, создавъ описаніе блестящихъ дѣйствій своихъ предковъ— Императорцевъ и первыхъ Финляндцевъ — въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Въ 1846 году вышла въ свѣтъ первая исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка, составленная бывшимъ офицеромъ полка, Генераломъ Маринымъ. Трудъ этотъ, посвященный Августѣйшему Шефу полка Великому Князю Константину Николаевичу, былъ озаглавленъ такъ: „Краткій очеркъ исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка, или матеріалы въ воспоминаніяхъ и разсказахъ для полной исторіи полка, съ портретами и планами Бородинскаго и Лейпцигскаго сраженій. Составлено служившимъ въ баталіонѣ и полку съ 1808 по 1820 годъ, А. Маринымъ. С.-Петербургъ. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ 1846 г."

Сочиненіе это, объемомъ въ 320 страницъ, раздѣлялось на 2 части. Въ обѣихъ частяхъ помѣщены портреты Августѣйшихъ Шефовъ полка, Великихъ Князей Константина Павловича и Константина Николаевича, командировъ Императорскаго баталіона милиціи и Л.-Гв. Финляндскаго полка и нѣкоторыхъ офицеровъ—Императорцевъ и Финляндцевъ; затѣмъ приложены 2 плана сраженій подъ Бороцинымъ и Лейпцигомъ и нѣсколько иллюстрацій, касающихся общихъ военныхъ событій и происшествій боевой жизни полка.

Вообще, по внѣшности, для того времени изданіе можно назвать если не художественнымъ, то очень выдержаннымъ; въ особенности хороши портреты.

По отношенію къ содержанію „Краткій очеркъ исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка" является весьма интереснымъ, живо составленнымъ описаніемъ нѣкоторыхъ моментовъ преимущественно боевой жизни Императорцевъ и Финляндцевъ. Очеркъ читается тѣмъ съ большимъ интересомъ, что авторъ его участвовалъ почти во всѣхъ сраженіяхъ полка имъ описанныхъ, гдѣ получилъ много ранъ и отличій. Въ очеркѣ приводятся разсказы многихъ боевыхъ товарищей автора по полку, представляющихъ собою большую историческую цѣнность. Вошли въ очеркъ также стихотворенія и пѣсни непосредственно воспѣвающія дѣянія Л.-Гв. Финляндскаго полка и потому дорогія сердцу каждаго Финляндца.

Къ сожалѣнію, очеркъ исторіи охватываетъ лишь короткое время полковой жизни,

касаясь главнымъ образомъ описанія дѣйствій полка и нѣкоторыхъ чиновъ его въ сраженіяхъ эпохи Императора Александра I. Но для того времени, сочиненіе это, несмотря на свою сравнительную краткость, представляло собою весьма значительный факторъ въ исторіи развитія нашей военно-исторической литературы вообще и историко-полковой въ частности. Достаточно сказать, что исторія эта явилась первою исторіей русскаго полка, написанной сколько-нибудь живо, хотя по времени выхода въ свѣтъ она заняла четвертое мѣсто въ ряду полковыхъ исторій. Первыя три исторіи отдѣльныхъ войсковыхъ частей—краткая исторія 1-го Карабинернаго полка, исторія Л.-Гв. Гренадерскаго и Кавалергадскаго полковъ, изданныя незадолго до исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка,—представляли собою лишь сухой перечень оффиціальныхъ данныхъ, касавшихся важнѣйшихъ событій жизни этихъ полковъ съ подробнѣйшимъ описаніемъ формъ одежды и всѣхъ ея измѣненій. Поэтому исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка, составленная весьма жизненно, съ описаніемъ внутренней и духовной жизни полка, по существу является первой полковой исторіей.

Эти цѣнныя качества „Исторіи“ А. Марина обезпечили ей въ критической литературѣ того времени очень сочувственный пріемъ.

Рецензентъ „Русскаго Инвалида“ (1846 года, № 247) пишетъ по поводу этого труда: „Ревнуя къ славѣ русскаго оружія, мы отъ всей души желаемъ, чтобъ примѣръ г. Марина нашелъ многихъ подражателей въ нашей арміи... Авторъ „очерка“ исполнилъ дѣло свое весьма добросовѣстно и отчетливо“. Въ „Сѣверной Пчелѣ“—передовой тогда газетѣ, очеркъ исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ встрѣченъ слѣдующими сочувственными строками: „Генералъ Маринъ... даритъ своихъ прежнихъ сослуживцевъ прекрасною книжкою... Честь ему и благодарность за прекрасный трудъ, посвященный достойному чествованію полка съ его благороднѣйшими представителями! Желательно, чтобъ и другіе полки гвардіи имѣли свою исторію и передали потомству воспоминанія о своихъ доблестныхъ подвигахъ“. Прочіе органы современной печати, какъ-то — „Отечественныя Записки“, „Современникъ“, „Финскій Вѣстникъ“ и проч.—отнеслись также очень благожелательно къ труду Генерала Марина.

Въ полковой семьѣ исторія родного полка была встрѣчена еще болѣе сочувственно. Бывшій офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка, Статскій Совѣтникъ А. Ѳ. Ахлестышевъ писалъ Генералу Марину по поводу составляемой имъ исторіи: „Желаю отъ всей души, чтобы ты въ трудахъ своихъ имѣлъ полный успѣхъ. Благодарность за это прежнихъ, нынѣшнихъ и будущихъ офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка останется навсегда“.

Едва ли не первый критическій разборъ исторій полковъ вышелъ въ 1860 году. То была статья историка М. И. Семевскаго, помѣщенная во второй книжкѣ (мая мѣс.) журнала „Русскій Вѣстникъ“ подъ заглавіемъ „Полковые исторіографы“. Авторъ, разбирая около 30 полковыхъ исторій, признаетъ за трудомъ Генерала Марина извѣстныя достоинства, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ этотъ трудъ не лишеннымъ недостатковъ. Не считая себя въ правѣ входить въ критическій анализъ исторіи Генерала Марина, скажемъ только, что теперь, спустя болѣе чѣмъ полвѣка съ ея составленія, остается лишь пожалѣть, что исторія эта была нѣсколько кратка, обнимая лишь незначительное число лѣтъ жизни Л.-Гв. Финляндскаго полка и касаясь очень мало крайне интереснаго вопроса объ основаніи Л.-Гв. Финляндскаго полка, подъ именемъ Императорскаго баталіона милиціи, и вообще мирной жизни полка.

ВСТРѢЧА ВЪ ЛАГЕРѢ Л.-ГВ. ФИНЛЯНДСКАГО ПОЛКА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА въ 1837 году.

Съ акварели П. А. Ѳедотова.

(Собственность Л.-Гв. Финляндскаго полка).

Въ центрѣ этой живописной сцены виденъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ, справа отъ него спортретированы: Офросимовъ, Веймарнъ, Аминовъ, Фридрихсъ, Базинъ, Тулубьевъ, Максимовъ, Заварицкій, Симанскій и самъ Ѳедотовъ, зарисовывающій сцену. Слѣва отъ Великаго Князя — фельдфебель Егоровъ, затѣмъ Фацарди, Боассель, Гречъ, Лихонинъ, Киновичъ, Шепетковскій и Ганъ.

Ф. Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ

Генералъ Маринъ былъ авторомъ и другихъ произведенiй. Такъ, имъ составлена была книга, подъ заглавiемъ „Русскiе богатыри“, гдѣ изображены были въ стихахъ событiя отечественной войны. Въ 1848 году эта книга была поднесена Государю Императору, при чемъ „Его Величество повелѣть соизволилъ объявить сочинителю Свое удовольствiе“. Затѣмъ перу Аполлона Никифоровича принадлежало нѣсколько стихотворенiй, разбросанныхъ въ перiодическихъ журналахъ. Такимъ образомъ имя Генерала Марина было небезызвѣстнымъ въ нашей военной литературѣ 40—50 годовъ

Насколько сердечно относился къ полку первый исторiографъ, показываетъ его посмертный даръ полку образа, составлявшаго особую цѣнность въ фамилiи Мариныхъ, и 300 экземпляровъ собранныхъ имъ пѣсенъ и расказовъ для солдатъ. Скончался Аполлонъ Никифоровичъ 9-го августа 1873 года. 12-го же декабря 1872 года ему былъ Всемилостивѣйше пожалованъ мундиръ родного Л.-Гв. Финляндскаго полка, „въ память службы его и отличiй, оказанныхъ при Бородинѣ и Лейпцигѣ“ [73].

Генералъ А. Н. Маринъ.

Первая исторiя Л.-Гв. Финляндскаго полка тѣмъ болѣе дорога Финляндцамъ, что содержитъ въ себѣ поэтическiя произведенiя офицеровъ, воспѣвающiя свой родной полкъ. Во главѣ этихъ произведенiй надо поставить слѣдующую звучную пѣснь, сочиненную, вѣроятно, авторомъ исторiи [74].

Финляндцы! вы стяжали славу
Повсюду, гдѣ ходили въ бой,
Въ сраженьяхъ видѣли забаву,
Тамъ каждый былъ изъ васъ герой.
Стальною грудью проложили
Путь къ чести, — слава васъ вела;
Вспомянемъ, гдѣ враговъ вы били.
Вотъ ваши прежнiя дѣла!
Въ Семеновскомъ — вы удержали,
Въ Княжомъ — вамъ тысячи сдались,

Подъ Краснымъ — жезлъ Даву вы взяли,
Чудесно въ Госсѣ вы дрались.
Тамъ въ рукопашную валяли
Лихiе ваши егеря
И силу вражью разметали
Въ виду у батюшки - Царя.
Въ столицу Францiи безъ бою
Взошли и вы на общiй пиръ,
Куда нашъ Царь принесъ съ собою
Народамъ счастiе и миръ.

Изъ другихъ поэтическихъ произведеній замѣчательны „Пѣсня Л.-Гв. Финляндскаго полка о сраженіи въ с. Госсѣ 4-го октября 1813 года“, „Воспоминаніе сослуживцамъ и товарищамъ моимъ Л.-Гв. Финляндскаго полка“ и „Къ русскимъ 1806 года“. Послѣдніе стихи, посвященные ополченію 1806—1807 годовъ, принадлежатъ перу брата Генерала Марина, офицеру Л.-Гв. Преображенскаго полка, командовавшему въ кампанію 1807 года однимъ изъ баталіоновъ стрѣлковъ милиціи. Затѣмъ очень интересна „Солдатская пѣсня“, сочиненная въ 1841 году офицеромъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, впослѣдствіи знаменитымъ художникомъ П. А. Федотовымъ, воспѣвающая егерей, къ которымъ принадлежали Финляндцы [75].

Черезъ 10 лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ исторіи полка Генерала Марина, въ 1856 году было напечатано другое произведеніе, относящееся къ Л.-Гв. Финляндскому полку, озаглавленное „Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ сраженіи въ сел. Госсѣ подъ Лейпцигомъ. Историческія сцены 4-го октября 1813 года. Н. Лебедева. 1856 годъ. Издано иждивеніемъ П. Лазарева“. Надо полагать, что появленію этой книги полкъ обязанъ своему квартирмистру, П. Л. Лазареву, служившему въ полку по 1849 годъ * [76].

Произведеніе это представляетъ собою эпизоды сраженія при Лейпцигѣ, переданные въ разговорной формѣ для сценической постановки. Возможно, что оно давалось на солдатскихъ спектакляхъ въ полку, тогда довольно распространенныхъ.

Говоря о литературныхъ работахъ, касавшихся въ то время Л.-Гв. Финляндскаго полка, слѣдуетъ упомянуть, что славныя дѣйствія чиновъ его дали матеріалъ для предполагаемыхъ произведеній Н. В. Гоголя. Доблестный поступокъ Кореннаго нашелъ себѣ мѣсто въ записной книжкѣ поэта; набросокъ о Коренномъ вѣроятно предназначался Гоголемъ для помѣщенія во второй томъ „Мертвыхъ Душъ“. На страницахъ той же записной книжки записаны подвиги карабинера Чепыженко и рядового Гаврилова [77].

Изъ историческихъ матеріаловъ, которыми обогатился полкъ въ царствованіе Императора Николая I, являются копіи съ собственноручнаго списка Цесаревича Константина Павловича о гг. штабъ и оберъ-офицерахъ Императорскаго баталіона милиціи и копіи 13-ти акварельныхъ рисунковъ извѣстнаго художника Орловскаго, изображающихъ формы чиновъ того же баталіона. Копіи [78] эти были посланы въ полкъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ въ 1835 году.

Черезъ два года, въ 1837 году, полкъ былъ изображенъ на довольно большой картинѣ своимъ офицеромъ, впослѣдствіи академикомъ и знаменитымъ художникомъ П. А. Федотовымъ; картина эта, прекрасно нарисованная съ натуры, изображаетъ встрѣчу Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ своего горячо любимаго корпуснаго командира — Великаго Князя Михаила Павловича.

---

* Издатель книги П. Лазаревъ служилъ въ полку нижнимъ чиномъ и въ 1827 году былъ произведенъ въ первый классный чинъ. Авторъ книги былъ губернскій секретарь Н. Лебедевъ. Въ одномъ изъ приказовъ по полку сказано:

„6 ноября авторъ Губернскій Секретарь Лебедевъ представилъ ко мнѣ 200 экземпляровъ сочиненія его, „Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ сраженіи въ с. Госсѣ подъ Лейпцигомъ въ 1813 году“ для раздачи въ роты безденежно, почему предписываю гг. ротнымъ командирамъ принять отъ полкового казначея въ каждую роту по 15 экземпляровъ и о принятіи мнѣ донести“.

Другія произведенія Федотова, изображающія родной для него полкъ и чиновъ полка довольно многочисленны. Неподражаемо запечатлѣнные въ этихъ произведеніяхъ образы офицеровъ и нижнихъ чиновъ полка Николаевскаго времени сохранились навсегда какъ живые, представляя собою чудныя иллюстраціи прошлаго.

Вообще же можно сказать, что мирная жизнь Л.-Гв. Финляндскаго полка, какъ и всей гвардіи, за царствованіе Императора Николая I богата всякаго рода историческими торжествами, описаніе которыхъ приведено выше. Торжества эти составляютъ отличительную сторону этой эпохи. Обыденное же теченіе жизни полка въ царствованіе Императора Николая I составляетъ предметъ изложенія послѣдующихъ главъ.

Нарвскія ворота. *Бородинскій памятникъ*

Финляндцы въ Зимнемъ Дворцѣ.

Съ картины А. Іебенса 1850-хъ годовъ.

Глава VIII.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ царствованіе Императора Николая I.

Мирное время 1830—1850-хъ гг. Строевая служба.

„Исправный солдатъ ведетъ себя честно, трезво, порядочно; вѣренъ своему Государю, знаетъ твердо артикулы, послушенъ начальникамъ, содержитъ себя и аммуницію во всегдашней чистотѣ и исправности, умѣетъ правильно стоять, равняться, ворочаться, маршировать и ружьемъ своимъ дѣйствовать, знаетъ именовать всѣхъ своихъ начальниковъ, сроки всѣмъ вещамъ, сколько получаетъ жалованья и провіанта, притомъ долженъ быть бодръ и расторопенъ".

(Краткое наставленіе объ обязанностяхъ пѣхотнаго унтеръ-офицера и солдата 1832 года).

Служебныя требованія мирнаго времени царствованія Императора Николая I, по существу, мало отличались отъ требованій предыдущаго царствованія, особенно въ первой его половинѣ.

Такъ же какъ и раньше, показная сторона имѣла самое существенное значеніе; попрежнему парады, ружейные пріемы, шагъ нѣсколькихъ видовъ, сложныя построенія, караулы

и разводы съ церемоніями поглощали всѣ силы солдата и офицера и почти все ихъ время. Такъ же, если еще не болѣе, были велики и строгости. Нашлось даже лицо, безпощадно поддерживавшее эти строгости въ гвардейскихъ войскахъ, подобно тому какъ это дѣлалъ при Императорѣ Александрѣ I Цесаревичъ Константинъ Павловичъ; то былъ младшій братъ Цесаревича Великій Князь Михаилъ Павловичъ, весьма похожій на Него характеромъ. Та же суровость во внѣшности, тѣ же вспышки необузданнаго гнѣва и та же доброта и сердечность, таившіяся въ глубинѣ сердца, отличали Августѣйшаго командира гвардейскаго корпуса того времени.

Уставныя требованія и прочія официальныя руководства, которыми пользовалась русская армія въ царствованіе Императора Николая I были составлены вполнѣ въ духѣ предшествовавшаго времени. Только къ концу Николаевскаго царствованія они стали измѣнять свой характеръ и уклоняться отъ первоначальнаго направленія, хотя впрочемъ весьма незначительно.

Въ эпоху Императора Николая I военное дѣло привлекало къ себѣ много вниманія со стороны Государя Императора, искренно любившаго Свою армію, понимавшаго всѣ ея нужды и привязаннаго къ ней очень глубокими чувствами.

Слова духовнаго завѣщанія Императора Николая Павловича, дорогія и вѣчно незабвенныя для Русскаго воинства, показываютъ, какъ велика была любовь Его къ войскамъ. Послѣ благодарности Государя за спасеніе Россіи въ 1825 году, духовное завѣщаніе Его Величества говоритъ: „Я ихъ (т. е. войска) любилъ, какъ дѣтей своихъ: старался, какъ могъ, улучшить ихъ состояніе; ежели не во всемъ успѣлъ, то—не отъ недостатка желанія, но оттого, что или лучше не умѣлъ придумать, или не могъ болѣе сдѣлать“ [1].

Великій Князь Михаилъ Павловичъ, ближайшій исполнитель предначертаній и воли Своего Августѣйшаго брата, по отношенію къ гвардіи неуклонно проводилъ въ жизнь принципы и взгляды Государя и также сердечно относился къ войскамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Великій Князь обнаруживалъ при этомъ крайнюю требовательность и строгость. Для поддержанія порядка Его Высочество, да и весь генералитетъ того времени, считали необходимымъ обратить военную службу въ отправленіе ряда механическихъ упражненій, заполнивъ жизнь военнослужащаго цѣлой массой мелочей и формальностей, точное и безпрекословное выполненіе которыхъ, по взглядамъ того времени, только и свидѣтельствовало о настоящей дисциплинированности войскъ. Такимъ образомъ, по отношенію къ военной службѣ тогда придерживались взглядовъ временъ Императоровъ Павла I и Александра I, т. е. Фридриховской системы, плодами которой для Русской арміи явился печальный конецъ во образѣ Севастопольской эпопеи.

Исходя изъ этихъ взглядовъ, занятія войскъ вообще, и гвардейскихъ въ частности, были ведены въ томъ же духѣ, какъ и раньше. Особенно это было замѣтно до Польской войны 1831 года.

То же явленіе замѣчается и по отношенію къ Л.-Гв. Финляндскому полку: занятія его въ ближайшихъ послѣ 1825 года годахъ представляли собою сколокъ съ занятій Александровскаго времени. Даже приказы о нихъ имѣютъ значительное сходство съ прежними, сосредоточивая свое вниманіе на разводахъ и на разводныхъ ученьяхъ. Какъ на

примѣръ, можно указать на приказъ по пѣхотѣ гвардейскаго корпуса отъ 31-го января 1827 года [2], слѣдующаго содержанія:

„Его Императорское Высочество командующій корпусомъ, за бывшій сего числа разводъ отъ 1-го баталіона Л.-Гв. Финляндскаго полка, соизволилъ объявить совершенную благодарность свою: командиру 4-й гвард. пѣх. бригады Генералъ-Адъютанту Головину I, командиру Л.-Гв. Финляндскаго полка Генералъ-Адъютанту Воропанову, баталіонному командиру Флигель-Адъютанту Полковнику Моллеру, ротнымъ командирамъ, въ особенности роты Его Высочества — Капитану Вяткину и 1-й Егерской — Капитану Титову, первому за правильный шагъ, а второму за хорошую выправку людей, найденныя въ сихъ ротахъ, и всѣмъ гг. офицерамъ.

О чемъ и объявляю по ввѣренной мнѣ пѣхотѣ".

Какъ другой аналогичный примѣръ можно привести выдержку изъ сообщенія С.-Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Генералъ-Адъютанта Кутузова, отъ 3-го декабря 1827 г., въ штабъ гвардейскаго корпуса, слѣдующаго содержанія [3]:

„Его Императорское Величество объявляетъ Свое совершенное удовольствіе, командующему гвардейскимъ корпусомъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу, командующему всею пѣхотой Генералъ-Адъютанту Бистрому 1-му, бригадному командиру Генералъ-Адъютанту Головину, полковому командиру, Генералъ-Адъютанту Воропанову, баталіонному командиру, всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ, за сегодняшній разводъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка 2-го баталіона, Учебнаго Сапернаго баталіона и фурштатскихъ баталіоновъ, а нижнимъ чинамъ жалуетъ по фунту рыбы и по чаркѣ вина на человѣка".

Распредѣленіе времени занятій осталось, при неизмѣнившихся требованіяхъ, все такимъ же какъ и было; наибольшее время было отведено карауламъ, разводамъ и вообще строевымъ занятіямъ—фронтовымъ въ узкомъ смыслѣ этого слова; поэтому полевыя лагерныя занятія и стрѣльба въ цѣль находились на заднемъ планѣ; послѣдней посвящались, какъ и раньше, время „совершеннаго отдыха" людей и увольненія ихъ на вольныя работы, т. е. осенніе мѣсяцы [4].

Боевой опытъ кампаній 1828—1831 года мало имѣлъ вліянія на общее направленіе обученія войскъ. Такое явленіе вполнѣ понятно: армія наша, увѣнчанная успѣхами въ указанныя войны, тѣмъ самымъ какъ бы свидѣтельствовала доброкачественность системы обученія и воспитанія, которой она придерживалась до этихъ войнъ; а потому она продолжала придерживаться подобной системы и послѣ нихъ. Такимъ образомъ, понятія прежняго времени остались господствующими въ военной средѣ 30 — 50-хъ годовъ. Даже такой крайній взглядъ эпохи Императора Александра I, что война портитъ войска, продолжалъ существовать въ полной неизмѣнности: поспѣшное послѣ войны 1831 года сформированіе своднаго учебнаго гвардейскаго баталіона явилось подтвержденіемъ этого; сводный баталіонъ былъ образованъ съ цѣлью достиженія полнаго однообразія въ обученіи фронтовымъ тонкостямъ, несомнѣнно отошедшимъ за время военныхъ дѣйствій на второй планъ. Лучшіе нижніе чины отъ всѣхъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ были командированы въ этотъ баталіонъ и, окончивъ тамъ курсъ, вернулись въ свои полки, гдѣ черезъ посредство учебныхъ командъ, распространили во всей массѣ нижнихъ чиновъ всѣ усвоенныя ими тонкости фронтового искусства.

Всѣ эти знанія, передаваемыя въ такой строгой постепенности, касались, главнымъ образомъ, маршировки, разводовъ и карауловъ [5].

Отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ учебный баталіонъ были назначены 3 оберъ-офицера, 12 унтеръ-офицеровъ, 48 ефрейторовъ, 1 горнистъ и 1 барабанщикъ; вернулись они въ полкъ по окончаніи лагеря; такой порядокъ соблюдался и въ послѣдующіе годы [6].

Затѣмъ, въ самомъ началѣ царствованія Императора Николая I, была сформирована другая учебная часть—Образцовый Учебный батальонъ, развернутый въ скоромъ времени въ полкъ; ея назначенніе заключалось въ поддержаніи въ войскахъ совершенной „правильности и единообразія строя". Фактъ основанія этой части еще лучше показываетъ, какое значеніе придавалось въ то время внѣшности, и какъ стремились къ достиженію излишнихъ по существу дѣла „усовершенствованій по фронту" [7], заслонявшихъ истинно воинское дѣло.

Этотъ Образцовый Учебный полкъ (впослѣдствіи переформированный въ Офицерскую Стрѣлковую Школу) имѣлъ весьма видное значеніе для всей русской арміи, служа для нея дѣйствительнымъ образцомъ; поэтому преподаваемое въ немъ было обязательно для всѣхъ войскъ и его программа обученія была примѣрной. Но, къ сожалѣнію, программа эта тоже преслѣдовала, въ большинствѣ случаевъ, цѣли весьма мало производительныя, такъ какъ почти не касалась боевой подготовки войскъ, сосредоточиваясь исключительно на красотѣ строя и педантической отчетливости выполненія всѣхъ мелочныхъ требованій устава.

Если таково было обученіе Образцоваго Учебнаго полка, то легко можно себѣ представить, что дѣлалось во всей русской арміи. Одинъ изъ служившихъ тогда гвардейскихъ офицеровъ такъ описываетъ обученіе солдата того времени [8]:

„На первомъ планѣ стояла „шеренга" и „сомкнутый строй", а одиночная выправка усиливалась создать для этого строя щеголеватую, механическую фигуру—автомата, который бы могъ по командѣ быстро и темписто манипулировать ружьемъ и педантически-мѣрно передвигать ногами такъ, чтобы впослѣдствіи—десятки, а потомъ—сотни и тысячи ногъ ходили какъ одинъ человѣкъ".

Другой гвардеецъ, служившій тогда же, указываетъ въ своихъ запискахъ, [9] къ чему сводилась подготовка николаевскаго солдата: „разводы, смотры и парады убивали слишкомъ много времени. Все свободное время поглощалось подготовкой къ нимъ. На такой важный отдѣлъ обученія солдата, какъ стрѣльба, обращалось мало вниманія. Стрѣляли части очень плохо, чему, конечно, способствовало то обстоятельство, что ружья спеціально портились приноравливаніемъ ихъ къ дѣланію эффектныхъ ружейныхъ пріемовъ". Къ этому можно добавить, что и другіе отдѣлы боевой подготовки солдата, какъ гимнастика, фехтованье, дѣйствія въ разсыпномъ строю и проч. развивались весьма мало или были совсѣмъ изъяты изъ программы обученія солдата.

Уставъ пѣхотной службы 1831 года, мало измѣненный въ послѣдующихъ изданіяхъ, и особыя распоряженія по всей арміи и по войскамъ гвардейскаго корпуса, предъявляли требованія вполнѣ подходившія ко взглядамъ того времени; они были также въ соотвѣтствіи съ программой Образцоваго Учебнаго полка, преслѣдуя тѣ же цѣли „фронтового усовершенствованія".

Въ общемъ, указанія устава 1831 года выдвигали на первое мѣсто маршировку. Восемь различныхъ „маршей" или „шаговъ" устава показываютъ на вполнѣ господствовавшее

значеніе маршировки въ дѣлѣ обученія солдата того времени и на крайнее увлеченіе ею. Эти восемь „маршей или „шаговъ“ были слѣдующіе: первый учебный шагъ въ 3 пріема, второй учебный шагъ въ 2 пріема, третій учебный шагъ въ 1 пріемъ, тихій шагъ въ 70—72 шага въ минуту, скорый учебный шагъ въ 1 пріемъ, скорый шагъ въ 110 шаговъ въ минуту, бѣглый шагъ около 200 шаговъ въ минуту и вольный шагъ.

Изъ всѣхъ этихъ шаговъ для обыкновенныхъ передвиженій употреблялся скорый шагъ; на ученіяхъ, для стройности движенія, прибѣгали къ тихому шагу, а на всѣхъ боевыхъ перестроеніяхъ—къ скорому [10].

Ружейные пріемы были тоже весьма сложны; общее число ихъ, кромѣ пріемовъ для стрѣльбы, было 18, нѣкоторые были вновь введены и, такимъ образомъ, еще болѣе усложнили это дѣло; къ числу вновь введенныхъ относятся пріемы: ружье на перевѣсъ, на правое плечо, на молитву, рукавицы надѣть, рукавицы долой. Исполненіе пріемовъ производилось по командѣ и по счету, вмѣсто прежнихъ флигельмановъ. Выдержка между пріемами была тройная: тихая, скорая и учащенная — въ размѣръ шаговъ тихаго, скораго и „вдвое быстрѣе чѣмъ скораго“.

Расчетъ роты остался прежній, т. е. изъ двухъ взводовъ. Первыя роты батальоновъ были, какъ и раньше, составлены изъ карабинернаго и стрѣлковаго взводовъ,которые становились въ развернутомъ батальонномъ строю: первый—на правомъ флангѣ, послѣдній—на лѣвомъ. Расчетъ батальоннаго строя на взводы производился дѣленіемъ всѣхъ его рядовъ на 4, на 6 или 8 частей, не обращая вниманія на принадлежность людей къ ротамъ. Конечно, подобное нарушеніе ротнаго строя вело лишь къ подрыванію внутренней связи и нарушало чувство единства нижнихъ чиновъ къ своей ротѣ.

Офицеры становились: 5 въ первую шеренгу батальона, гдѣ тоже стояли всѣ ротные командиры, а остальные—въ замкѣ.

Сравнительно недавно введенные жалонеры, въ числѣ 8 на баталіонъ, имѣли въ строю только 3 значка; остальные были безъ значковъ.

Весьма важнымъ построеніемъ была взводная колонна роты, состоявшая изъ трехъ поставленныхъ въ затылокъ взводовъ роты (перваго и второго постояннаго расчета роты и третьяго—образованнаго изъ застрѣльщиковъ или людей третьей шеренги). Изъ этой колонны рота могла легче всего производить построеніе разсыпного строя,пріобрѣтавшаго тогда все бо̀льшее употребленіе.

Обученіе рекрутъ, при длинномъ срокѣ службы солдата того времени, было продолжительно. Съ 1829 года рекрутомъ считался каждый солдатъ въ продолженіи первыхъ шести мѣсяцевъ службы [11]; съ 1841 по 1851 годъ — въ продолженіи года [12]. Обученіе рекрута имѣло первоначальной цѣлью—„выправить“ его безъ ружья. Этому обученію предшествовало предварительное образованіе цававшееся рекрутамъ въ гарнизонныхъ баталіонахъ, откуда они поступали въ гвардейскіе полки [13].

До конца 30-хъ годовъ рекрута по прибытіи въ полкъ обучались въ своихъ ротахъ, послѣ же этого времени ихъ начали сводить при батальонахъ располагавшихся за городомъ. Сначала это практиковалось только во время расположенія полка въ лагеряхъ [14], а потомъ—съ сороковыхъ годовъ—такой способъ обученія былъ принятъ въ теченіе круглаго года [15].

П. Н. Киновичъ.
Съ портрета карандашемъ П. А. Ѳедотова.

И. Ф. Насѣкинъ.
Съ портрета карандашемъ П. А. Ѳедотова.

Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ

Во время лагерей 1847 и 1848 годовъ, а также и въ послѣдующіе годы, рекрута гвардейскихъ полковъ сводились по-дивизіонно, при чемъ отъ каждой дивизіи образовывался полкъ рекрутовъ [16].

Обученіе поручалось лучшимъ офицерамъ. При этомъ непремѣннымъ требованіемъ являлось сбереженіе здоровья рекрутъ. Объ успѣшности ихъ обученія полки должны были представлять еженедѣльно по воскресеньямъ командиру гвардейскаго корпуса особыя вѣдомости „объ успѣхахъ образованія рекрутъ по фронту въ теченіе недѣли" по слѣдующей формѣ:

Названіе полка.	Къ . . числу состояло.			Въ теченіе недѣли.				Къ . . числу состоитъ.			Состояніе здоровья рекрутъ.		
				Переведено въ высшій классъ.		Смѣщено въ низшій классъ.							
	Хорошо обученныхъ.	Посредственно обученныхъ.	Мало обученныхъ.	Изъ 2 класса въ 1-й.	Изъ 3 класса во 2-й.	Изъ 1 класса во 2-й.	Изъ 2 класса въ 3-й.	Хорошо обученныхъ.	Посредственно обученныхъ.	Мало обученныхъ.	Въ госпиталѣ.	Слабыми при командѣ.	Выздоровѣло.

Не меньшее вниманіе на обученіе рекрутъ обращалъ и Государь Императоръ, свидѣтельствомъ чего служитъ нижеслѣдующій приказъ по Л.-Гв. Финляндскому полку отъ 15 октября 1841 года: „Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: принять постояннымъ правиломъ, чтобы при Высочайшихъ смотрахъ войскъ непремѣнно представлеямы были рекруты не состоящіе еще во фронтѣ, которыхъ ставить для того въ послѣдней линіи, если не послѣдуетъ особаго приказанія о представленіи ихъ въ другое время".

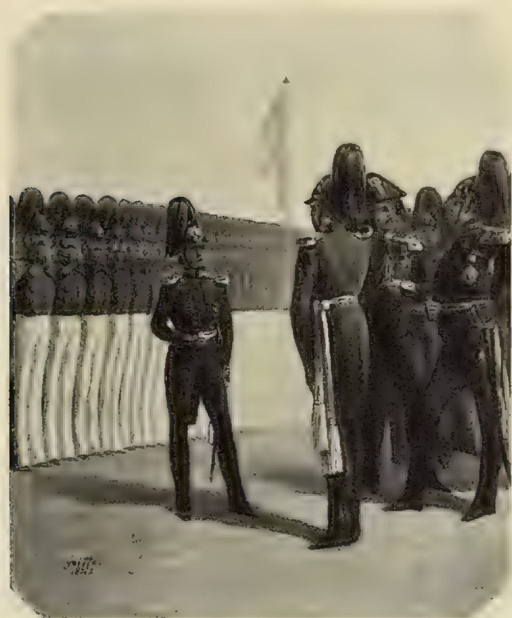
Обращеніе съ рекрутами, по свидѣтельству нѣкоторыхъ офицеровъ того времени, было хорошо: „ихъ держали и образовывали,—говоритъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ гвардейскихъ офицеровъ,—какъ воспитанниковъ какого-нибудь учебнаго заведенія" [17].

Другой гвардейскій офицеръ представляетъ обращеніе съ рекрутами въ нѣсколько иномъ видѣ [18]. „Большая часть унтеръ-офицеровъ не годилась въ учителя. Изъ десяти восемь были сами изъ рукъ вонъ слабы по фронту, а средствъ поощренія учениковъ не было, кромѣ кулачной расправы. Но этотъ стимулъ, при невѣжествѣ и безтактности учителя, еше болѣе сбивалъ съ толку молодого солдата. Кромѣ того унтеръ-офицеры хорошо понимали, что въ общемъ строю за все отвѣчаетъ ротный командиръ, а потому старались только протянуть до конца ученья и въ томъ только случаѣ, если капитанъ принимался распекать учителей,—и они брали за бока учащихся. Нельзя, однако же, безусловно сказать, чтобы съ рекрутами поступали жестоко. Настолько доставало смысла у самаго тупаго унтеръ-офицера, чтобы понять, что новаго человѣка нельзя брать съ первой же минуты въ служебные тиски, настолько доставало и чувства, чтобы видѣть въ рекрутѣ земляка и помнить, каково было въ рекрутствѣ ему самому. Вотъ почему унтеръ-офицеры

въ обращенiи съ рекрутами брали покровительственный тонъ и болѣе распространялись въ объясненiяхъ, показывая на практикѣ повороты и прiемы.

„Я не буду утверждать, чтобы всѣ унтеръ-офицеры, вообще, были въ родѣ сейчасъ описаннаго учителя. Встрѣчалось между ними не мало хорошихъ фронтовиковъ; особенно отличались „учебные" (изъ Образцоваго полка) и „карабинерные" (изъ карабинерныхъ полковъ), съ погономъ, обшитымъ кругомъ басонными лентами. Такiе умѣли вышколить молодого солдата. Но подобные учителя представляли собою меньшинство и хорошаго было вездѣ понемножку".

Въ 1845 году появилось указанiе о распредѣленiи обученiя рекрутъ по мѣсяцамъ [19].

Его Императорское Высочество Великiй Князь Константинъ Николаевичъ передъ своей Шефской ротой Л.-Гв. Финляндскаго полка, въ 1845 году.

Съ картины съ натуры.

На основанiи этихъ новыхъ правилъ, въ *первый* мѣсяцъ рекрутъ знакомился съ новымъ своимъ бытомъ, новыми товарищами и новымъ родомъ жизни. Въ это время дядька внушалъ рекруту, правила дисциплины, прiучалъ къ чистотѣ и содержанiю вещей, умѣнью обходиться съ ними, званiю своихъ начальниковъ и названiю составныхъ частей ружья.

Во второй мѣсяцъ, рекрута обучали: егерскимъ сигналамъ, вольному, ускоренному и бѣглому шагу, разсыпному строю безъ ружей, сначала по командѣ, а потомъ по сигналамъ, содержанiю передовой цѣпи и обязанностямъ въ ней часовыхъ.

Въ третiй мѣсяцъ происходило обученiе стойкѣ, поворотамъ, учебнымъ шагамъ, заряжанiю ружья по застрѣльщичьи безъ темповъ съ холостымъ патрономъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжались занятiя разсыпнымъ строемъ.

Въ послѣдующiе затѣмъ мѣсяцы рекрута совершенствовались во всемъ остальномъ главнымъ образомъ, въ маршировкѣ, прiемахъ, укладкѣ вещей въ ранецъ и сборкѣ и разборкѣ ружья.

Помимо того полковой священникъ долженъ былъ научить рекрутъ молитвѣ Господней и Символу Вѣры.

Всѣ занятія съ рекрутами предписывалось производить въ строгой постепенности, не переходя къ слѣдующему уроку, пока не будетъ усвоенъ предыдущій.

При обученіи рекрутъ кромѣ общихъ правилъ рекомендовалось, между прочимъ, наблюдать различіе въ обращеніи съ ними въ зависимости отъ ихъ національности. Въ правилахъ, изданныхъ по этому поводу [20], подробно описаны общія черты характера главныхъ племенъ, населяющихъ Россію съ указаніемъ тѣхъ слабыхъ сторонъ каждаго изъ нихъ, которыми долженъ былъ пользоваться обучающій и начальникъ, для достиженія лучшихъ результатовъ или предупрежденія возможныхъ недоразумѣній. Пунктъ 100-й этихъ правилъ говоритъ слѣдующее:

„Тайна доведенія солдатъ до возможной степени совершенства въ военномъ дѣлѣ,— преодолѣвать всѣ нужды, труды и опасности для одержанія побѣды надъ непріятелемъ, безъ возбужденія въ нихъ угнетающихъ страстей и ослабленія душевныхъ силъ, а слѣдовательно безъ нарушенія здоровья; сія тайна заключается въ искусствѣ управлять ихъ волею. Чтобы правильно управлять волею солдатъ, необходимо знать тѣ пружины, коими приводится она въ дѣйствіе; нужно знать ихъ способности душевныя и тѣлесныя, ихъ наклонности, характеръ, нужно имѣть полную ихъ къ себѣ довѣренность. Безъ сего познанія всѣ усилія къ образованію и сбереженію солдатъ будутъ только въ половину увѣнчаны успѣхомъ: ибо солдатъ съ упавшимъ, ослабѣвшимъ духомъ, не охотно берется за труды, а иногда не въ силахъ перенести ихъ и выбываетъ, за болѣзнію, изъ фронта. И въ томъ и въ другомъ случаѣ польза службы потеряна.

„По обширности пространства Россійской Имперіи, — говоритъ пунктъ 101-й,—народы, населяющіе оную, показываютъ разные оттѣнки въ своихъ свойствахъ и характерѣ"... Далѣе, въ слѣдующихъ пунктахъ, идутъ довольно мѣткія и подробныя указанія этихъ „оттѣнковъ"; напр., о малороссахъ говорится, что „ласкою (съ ними) можно сдѣлать все"; о полякахъ—„любятъ похвалы и изъ честолюбія рѣшатся на многое"; о татарахъ — „отличаются особенно честностію и вѣрностію" и т. п.

Въ заключеніе правила говорятъ:

„Обращеніемъ, основаннымъ на сихъ познаніяхъ духа народнаго, вниманіемъ и удовлетвореніемъ нуждъ, поданіемъ собою примѣра въ перенесеніи трудовъ и опасностей, заботливостію и попеченіемъ о больныхъ и раненыхъ, начальники легко снискиваютъ довѣренность солдатъ и пріобрѣтаютъ неограниченную надъ ними власть. Строгость въ начальникѣ не только никогда не препятствуетъ сему, если онъ притомъ справедливъ, но наоборотъ, солдаты вообще не любятъ начальниковъ слабыхъ и имъ не довѣряютъ".

Обученіе рекрутъ имѣло цѣлью создать солдата обученнаго и подготовленнаго согласно требованіямъ того времени. „Правила" для руководства солдату „о службѣ и внѣ оной", изданныя въ 1830 году, по повелѣнію Великаго Князя Михаила Павловича, и „Краткое наставленіе объ обязанностяхъ пѣхотнаго унтеръ-офицера и солдата" 1832 года [21] включали въ себѣ всѣ основы образованія Николаевскаго солдата. Приводимыя здѣсь выдержки достаточно могутъ охарактеризовать взгляды на „солдатскую науку" той эпохи.

Въ „правилахъ“ 1830 года указывалось солдату прежде всего соблюдать во всѣхъ случаяхъ „пристойную осанку“. Введеніе къ этимъ правиламъ говоритъ [22]:

„Пристойная осанка не требуетъ, чтобы солдатъ держался принужденно и казался одеревенѣлымъ; напротивъ того, онъ долженъ стоять и ходить ловко, свободно, сообразно естественному сложенію тѣла и стараться вести себя такъ, чтобы въ разговорѣ, взглядѣ, во всѣхъ дѣйствіяхъ и движеніяхъ его выражалась нѣкоторая относительно къ собственному его знанію довѣренность, смѣлость безъ наглости, откровенность съ благопристойностью и твердость безъ самонадѣянности и нахальства, и, наконецъ, ловкость и вѣжливость“.

Далѣе, въ главѣ „объ осанкѣ вообще“, говорится: „Кто во время разговора опускаетъ глаза внизъ, тотъ навлекаетъ на себя подозрѣніе въ лукавствѣ, боязни и нечистой совѣсти. Люди, съ хладнокровіемъ взирающіе на смерть, должны смѣло смотрѣть въ глаза каждому, какого бы званія онъ ни былъ, но притомъ не показывать наглости.

„Разинутый ротъ безобразитъ лицо и вообще означаетъ глупость.

„Неприлично сопровождать разговоры движеніями плечъ или рукъ, подбочениваться и разставлять ноги слишкомъ широко.

„Ничто такъ не безобразитъ какъ тяжелая и вялая походка. Солдатъ никогда не долженъ ходить съ согнутыми колѣнами и носками внутрь и вверхъ.

„Нѣкоторые смотрятъ съ любопытствомъ на всякій новый предметъ, останавливаются для того на улицѣ, или по неосторожности и разсѣянности задѣваютъ проходящихъ.

„Непристойно не давать никому дороги, а также и ѣсть на улицѣ. Каждый начальникъ обязанъ показать солдату какимъ образомъ онъ внѣ службы ходить долженъ и исправлять его ошибки“.

При разговорѣ съ начальникомъ солдатъ называлъ его по чину, т. е. господинъ полковникъ, господинъ маіоръ [23] и только генераловъ титуловалъ: по современному *. Членамъ „Царствующихъ Фамилій“ онъ долженъ былъ „давать титулъ приличный, напр., Ваше Императорское Высочество или Ваше Королевское Высочество“.

Отвѣчать на вопросы солдатъ долженъ былъ, „повторяя слово, означающее дѣйствіе, о которомъ его спрашивали, напр., былъ-ли въ такомъ-то мѣстѣ? отвѣчать: „былъ, г. капитанъ, или не былъ, г. маіоръ“. Унтеръ-офицерамъ же и старшимъ себя нижнимъ чинамъ, солдатъ долженъ былъ давать краткій отвѣтъ: „былъ-съ“ или „не былъ-съ“.

При разговорѣ съ начальникомъ надлежало „говорить не слишкомъ громко, не слишкомъ тихо“.

Пѣніе рекомендовалось солдату, такъ какъ оно „сокращаетъ пріятнымъ образомъ свободное время, облегчаетъ тягость походовъ и нерѣдко замѣняетъ другія удовольствія жизни“.

Въ одеждѣ требовалась чистота и соблюденія формы, а усы и бакенбарды, „украшающіе военнаго человѣка“, должны были быть не длинны, такъ какъ тогда они „напротивъ того безобразятъ лицо и даютъ ему видъ звѣрскій и часто даже отвратительный“.

Для отданія чести офицерамъ солдатъ, если онъ безъ ружья, долженъ былъ, остановившись въ 10-ти шагахъ, сдѣлать фронтъ, а если въ фуражкѣ, то снять ее лѣвою

* Это правило было отмѣнено въ 1853 году и съ тѣхъ поръ оберъ-офицеры титулуются — Ваше Благородіе (въ гвардіи—Ваше Высокоблагородіе), а штабъ-офицеры—Ваше Высокоблагородіе.

рукою. Проходя мимо унтеръ-офицера, солдатъ только снималъ фуражку и оборачивалъ къ нему голову и глаза. Передъ часовымъ, онъ также снималъ фуражку „въ доказательство, что чувствуетъ всю важность часового и уважаетъ званіе его столько-же сколько и собственное свое“.

Идя рядомъ съ начальникомъ, онъ долженъ былъ быть съ лѣвой стороны, „ибо правая почитается почетною“.

Стоя на часахъ, солдатъ отдавалъ честь за три шага до приближенія начальника.

Въ правилахъ объ обязанностяхъ „посылочнаго“ и „какимъ образомъ рапортовать“, весьма подробно указаны всѣ случаи, до мелочей, какъ и что долженъ солдатъ дѣлать, какъ говорить и какъ вести себя. Тамъ, напр., говорится, что „возвратясь, по исполненіи порученія, и входя съ отвѣтомъ въ комнату своего начальника, (солдатъ) долженъ осторожно отворить и затворить дверь, сдѣлать два шага впередъ, остановиться тихо и доложить“. Тамъ-же приведено довольно много примѣрныхъ докладовъ или отвѣтовъ.

Отправлявшійся съ приказаніями или въ домовой отпускъ обязанъ былъ „явиться къ каждому офицеру, на пути слѣдованія ему встрѣчавшемуся“.

Посланный съ бумагами или письмами, солдатъ долженъ былъ стараться не замарать ихъ „для сего долженъ онъ завернуть ихъ въ особую бумагу или въ чистый платокъ и на пути тщательно сохранять въ своемъ ранцѣ или подъ мундиромъ“. Унтеръ-офицеры должны были подавать бумаги „лѣвой рукою“, а солдатъ—„правою“;—такое различіе происходило вѣроятно отъ того, что унтеръ-офицеръ держалъ ружье въ правой, а рядовой въ лѣвой рукѣ.

Въ послѣдней главѣ подробно изложены обязанности солдата внѣ службы: обращеніе его съ товарищами, на квартирѣ, въ отпуску, въ публичныхъ мѣстахъ и во время богослуженія. И здѣсь, какъ и во всѣхъ остальныхъ пунктахъ, рекомендуется утонченная вѣжливость, съ сохраненіемъ собственнаго достоинства и скромности.

На основаніи этихъ правилъ, начальникомъ солдата признавался всякій офицеръ русской арміи; честь же отдавалась и офицерамъ иностранныхъ армій, наравнѣ со своими; „каждый солдатъ“,—говорится въ правилахъ,—„долженъ всѣми силами стараться показаться въ ихъ глазахъ образованнымъ, предупредительнымъ, вѣжливымъ, дабы войско, къ коему онъ принадлежитъ, было повсюду уважаемо“.

„Краткое наставленіе объ обязанностяхъ пѣхотнаго унтеръ-офицера и солдата“ 1832 года было составлено въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Основныя его положенія были слѣдующія [24].

Вопросъ. „Въ чемъ состоитъ исправный солдатъ“.

Отвѣтъ. „Исправный солдатъ ведетъ себя честно, трезво, порядочно; вѣренъ своему Государю, знаетъ твердо артикулы, послушенъ начальникамъ, содержитъ себя и аммуницію во всегдашней чистотѣ и исправности, умѣетъ правильно стоять, равняться, ворочаться, маршировать и ружьемъ своимъ дѣйствовать, знаетъ именовать всѣхъ своихъ начальниковъ, сроки всѣмъ вещамъ, сколько получаетъ жалованья и провіанта, притомъ долженъ быть бодръ и расторопенъ“.

Вопросъ. „Какъ правильно стоять“.

Отвѣтъ. „Стоять вольно и непринужденно, голову прямо, плечи ровно, то есть,

не зоворачивая и не опущая ни котораго, грудь впередъ, руки по ляшкамъ, мезинцы по шву, каблуки вмѣстѣ, носки противъ выемки плеча".

Вопросъ. „Какъ правильно равняться".

Отвѣтъ. „Въ строю въ грудь третьяго человѣка, держать при томъ свой корпусъ, какъ учили правильно стоять, не заворачивая ни въ которомъ случаѣ головы, плечи держать ровно и равняться въ сторону, куда сказана дирекція".

Вопросъ. „Какъ правильно ворочаться".

Отвѣтъ. „Ворочаться на каблукахъ, лѣваго каблука никогда съ мѣста не двигать, а правый къ оному придвигать".

Вопросъ. „Для чего лѣвый каблукъ никогда съ мѣста не двигается".

Отвѣтъ. „Чтобъ всегда линія вѣрная сохранилась".

Вопросъ. „Какъ должно правильно маршировать".

Отвѣтъ. „Сохраняя корпусъ, какъ учили стоять по уставу, на тихихъ учебныхъ шагахъ, подавъ всю тяжесть тѣла на правую ногу, выставляя лѣвую ногу такъ, чтобы каблукъ оной былъ наравнѣ съ носкомъ правой ноги, носокъ же какъ можно болѣе вытянуть и наклонить къ землѣ, не сгибая въ колѣнѣ и не выставляя бедра, вольно подносить ногу, какъ можно выше къ самому паху, вытянутымъ колѣномъ и носкомъ безъ напряженія, подавая тѣло нѣсколько впередъ, спокойно ставить оную на землю сперва на носокъ; на скоромъ шагу, сгибая нѣсколько лѣвую ногу въ колѣнѣ, выносить оную и становиться на всю ступню вольно и непринужденно и вмѣстѣ съ тѣмъ, подавая тѣло впередъ съ ногою, становить твердо и коротко на землю, подводя правую ногу къ лѣвой согнутымъ колѣномъ подборъ къ подбору".

Вопросъ. „Какъ правильно ружьемъ дѣйствовать".

Отвѣтъ. „Знавши твердо и вѣрно всѣ пріемы по уставу, дѣйствовать одними руками, сохраняя корпусъ, какъ сказано о стояніи, не гоняться корпусомъ при темпахъ за ружьемъ".

Таковы были основы „солдатской науки" времени Императора Николая I. Въ нихъ красной нитью проходитъ умѣнье солдата „правильно стоять, равняться, ворочаться, маршировать и ружьемъ своимъ дѣйствовать", при чемъ подъ „дѣйствіемъ ружьемъ" подразумѣвались лишь одни „пріемы по уставу". Въ соотвѣтствіи съ уставными требованіями находились и прочія требованія, прежде всего сосредоточивавшіяся на одиночномъ обученіи.

Одиночное обученіе производилось съ половины сентября до половины марта; хотя, казалось бы, что времени при этотъ срокѣ для него было достаточно, но на самомъ дѣлѣ дней занятій „одиночкой" было совсѣмъ немного; праздники, парады и разводы съ ихъ репетиціями, приготовленія къ инспекторскимъ смотрамъ и ученіямъ въ Высочайшемъ присутствіи, производившимся Государемъ въ Великомъ посту и послѣ Святой, всё это отнимало массу времени, такъ что собственно для одиночныхъ ученій оставалось сравнительно весьма небольшое число дней. Обыкновенно на этихъ ученіяхъ бывало не болѣе 35—50 человѣкъ [25], остальные находились въ отлучкѣ, должностными и проч.

„Если бы обученіе производилось толково и на разумныхъ началахъ,—писалъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ офицеровъ, служившихъ тогда въ гвардіи,—можно было бы пожалѣть о недостаткѣ времени, но жалѣть было не о чемъ. Мнѣ стоитъ только при-

помнить о тогдашней стойкѣ и держаніи ружья, въ которомъ было полпуда вѣсу, о 48 ружейныхъ пріемахъ съ подраздѣленіями, о маршировкѣ тихимъ, скорымъ, вольнымъ и бѣглымъ шагомъ, по пріемамъ и безъ пріемовъ. Исполненіе такихъ задачъ требовало времени, но право можно сказать: слава Богу, что его недоставало! Это скажетъ всякій, кто прочтетъ, или кто помнитъ, какъ одиночныя ученія производились на практикѣ". [26].

Государь Императоръ Николай I на ночныхъ маневрахъ гвардіи.

По изображенію того времени.

Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку эти ученья производились отъ 8 до 10-ти час. утра, пока позволяла погода—на Смоленскомъ полѣ, а потомъ—въ казармахъ; по окончаніи ихъ приказывалось „продѣлать къ осмотру ружей и заднія двѣ шеренги отступи, а послѣ того пройти церемоніальнымъ маршемъ тихимъ и скорымъ пошереножно, что и производить ежедневно". Такъ предписывалъ приказъ по Л.-Гв. Финляндскому полку 1841 года [27]. Младшіе офицеры на этихъ занятіяхъ не присутствовали [28].

При исполненіи ружейныхъ пріемовъ какъ на одиночныхъ, такъ и на общихъ ученіяхъ считалось щегольствомъ дѣлать ихъ съ силой, такъ чтобы ружья звенѣли и сту-

чали; это достигалось „темпистымъ“ ружьемъ, въ которомъ нарочно ослаблялись нѣкоторыя металлическія части.

Но однако, еще въ 1832 г. начали раздаваться осужденія противъ такого обращенія съ ружьемъ; такъ, командиръ гвардейской пѣхоты Генералъ-Адъютантъ Мартыновъ отдалъ противъ подобной порчи ружей слѣдующій приказъ [29].

„Прошу гг. полковыхъ командировъ предписать наистрожайше и самимъ неослабно наблюдать, чтобы никакія части ружей отнюдь не были ослабляемы на своихъ мѣстахъ для темпа, какъ сіе замѣчалось иногда понынѣ (въ подпилкѣ ружейныхъ гаекъ и штыковой трубки, въ подчисткѣ ложей и въ особенности въ томъ мѣстѣ, куда вкладывается шомполъ и пр.) и дабы нижнимъ чинамъ непремѣнно было внушено, что исправность каждаго изъ нихъ въ отношеніи къ ружью заключается единственно въ содержаніи онаго во всегдашней приличной чистотѣ и въ сохраненіи бережливымъ обращеніемъ въ томъ самомъ состояніи, въ какомъ оно получено, но отнюдь не въ силѣ темпа, и что напротивъ содѣланіе ружья темпистымъ, доказывая умышленное поврежденіе частей онаго, будетъ впредь взыскиваемо съ виновнаго“.

Далѣе, наибольшее вниманіе на „одиночкѣ“ обращено было на маршировку. Парады и разводы представляли собою какъ бы экзаменъ маршировки; не только нижніе чины, но и офицеры подвергались тамъ испытанію въ этомъ важнѣйшемъ тогда предметѣ обученія. Приказъ по Л.-Гв. Финляндскому полку 1839 года [30] даетъ по этому поводу слѣдующее весьма интересное указаніе: „Его Императорское Высочество командиръ корпуса на бывшемъ сего числа смотру изволилъ замѣтить, что г.г. Подпоручикъ Симанскій и прикомандированный къ сему полку Астраханскаго карабинернаго полка Подпоручикъ Смирновъ весьма неправильно маршировали, почему предписываю имъ заняться обученіемъ маршировки и не подвергать себя впередъ подобнаго рода замѣчаніямъ“.

На одиночныхъ же ученіяхъ повѣрялось умѣніе солдатъ одѣваться и правильно пригонять аммуницію, что при сложности тогдашней формы одежды достигалось не легко.

Одиночная выправка людей, или какъ тогда это называлось въ оффиціальной перепискѣ—„повѣрка и уравненіе фронтовой выправки, обмундировки и пригонки“—производилась въ Образцовомъ Пѣхотномъ полку. Для этой цѣли собирался ежегодно послѣ лагеря со всей гвардіи сводный учебный баталіонъ, который оставался при Образцовомъ полку до декабря мѣсяца. При этомъ баталіонѣ находились штабъ и оберъ-офицеры. Иногда Образцовый полкъ командировалъ въ полки гвардейской пѣхоты „для передачи правилъ фронта“ своихъ оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ; командировки эти производились съ 1829 года [31].

Ротныя, баталіонныя и полковыя ученія начинали производиться обыкновенно съ весны; на нихъ готовились къ Высочайшимъ парадамъ и смотрамъ, которые бывали по нѣскольку разъ въ годъ. Этимъ послѣднимъ предшествовали смотры высшихъ начальствующихъ лицъ, Наслѣдника Цесаревича и командира гвардейскаго корпуса Великаго Князя Михаила Павловича. Полки смотрѣлись по-баталіонно, самымъ подробнѣйшимъ образомъ.

Особенно грозны были смотры Великаго Князя Михаила Павловича. „Когда баталіоны, въ назначенные дни, шли въ манежъ на эти экзамены, — пишетъ въ своихъ запи-

16

10

13 11 9 8

4 5 6 7

1

17 12 2 3

15 14

Семья Ген.-Маіора А. С. Вяткина среди офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка,
въ Красносельскомъ лагерѣ, въ 1840 году.

Съ акварели П. А. Ѳедотова.

Внизу подпись: «Величайшее изъ всѣхъ удовольствій—дѣлать удовольствіе другимъ» Ѳедотовъ 1840

1) К-ръ полка Г.-М. Вяткинъ, 2) Е. А. Вяткина, 3) М. А. Вяткина, 4) М-lle Циммерманъ, 5) Ѳедотовъ, 6) Угрюмовъ, 7) Федоровъ, 8) Киновичъ, 9) Гречъ, 10) Гильденштубе, 11) Заварицкій, 12) Ганъ, 13) Лихонинъ, 14) Фридрихсъ, 15) Боассель, 16) Розе, 17) Макуаеръ.

скахъ участникъ этихъ смотровъ—[32], то надо правду сказать, на сердцѣ у баталіонныхъ командировъ было очень нехорошо".

О Высочайшихъ смотрахъ, если они производились для одного полка исключительно, посылалось наканунѣ предувѣдомленіе вродѣ слѣдующаго: „завтрашняго числа въ присутствіи Государя Императора имѣетъ быть произведено ученье Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка 1-му баталіону, въ 12 часовъ утра на Царицыномъ лугу". [33]. Иногда объявлялось такимъ образомъ: „Завтра, 22 мая, въ 8 часовъ утра Государь Императоръ изволитъ дѣлать полку ученье на Семеновскомъ парадномъ мѣстѣ. Во взводахъ имѣть по 24 ряда при 7 унт.-оф., а въ стрѣлковыхъ—по 8. Одѣтыми быть въ мундирахъ при караульной аммуниціи, въ новыхъ киверахъ съ кутасами" [34].

Высочайшіе смотры производились въ манежѣ Инженернаго замка [35], на Марсовомъ полѣ, у Зимняго Дворца, на Семеновскомъ плацу и рѣдко—на Смоленскомъ полѣ.

Вслѣдъ за полковыми отбывались бригадные и дивизіонные смотры, а въ лагеряхъ—всему гвардейскому корпусу.

Прапорщикъ Н. С. Ганецкій, начавшій службу въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку съ 1835 года, такъ описываетъ одинъ изъ бригадныхъ смотровъ [36].

„Помню бригадный (Павловскаго и Финляндскаго полковъ) смотръ на Царицинскомъ лугу въ іюлѣ 1840 г. Въ сороковыхъ годахъ этотъ смотръ производился всегда въ этотъ мѣсяцъ и на этомъ мѣстѣ. Начинался такой смотръ ружейными пріемами въ развернутомъ строю всѣхъ 4-хъ баталіоновъ; затѣмъ повороты и пальба холостыми патронами изъ развернутаго строя всей бригады, почему эти смотры назывались „смотрами съ порохомъ". Заканчивались они церемоніальнымъ маршемъ бригады, построенной въ колонну къ атакѣ, заднюю линію которой составляли карабинерныя роты. Такъ было и на этотъ разъ, но съ нѣкоторымъ прибавленіемъ. Императоръ Николай Павловичъ, пропуская эту колонну церемоніальнымъ маршемъ, вдругъ приказалъ музыкѣ и барабанщикамъ прекратить игру, а карабинерной ротѣ, уже поровнявшейся съ Государемъ,—остановиться. Затѣмъ Государь Самъ скомандовалъ ротѣ поворотъ къ Лебяжьей канавкѣ, вдоль которой проходила колонна церемоніальнымъ маршемъ, и, когда рота повернулась къ ней и къ Лѣтнему саду лицомъ, раздалась команда Государя „Ура". И вотъ рота, затянутая въ новенькіе мундиры, бѣлыя лѣтнія панталоны, только что вычищенныя, одѣтая во все самое новое, съ блестящей аммуниціей, по командѣ Верховнаго Вождя своего, съ крикомъ „Ура",—бросилась въ Лебяжью Канавку, наполненную тогда водою выше пояса, преодолѣла ее и очутилась въ Лѣтнемъ Саду, гдѣ и была остановлена. При тогдашней красотѣ формы, при исполнительности въ точности команды, при крикахъ „Ура" бѣгущей черезъ высокую воду роты, видъ ея производилъ, вѣроятно, очень сильное впечатлѣніе, особенно на иностранцевъ. Зная это, Императоръ, сзади котораго была большая свита, иностранные послы и сопровождавшія ихъ лица, показалъ передъ иностранцами дисциплину Своей гвардіи. Финляндскому и Павловскому полкамъ этотъ день долженъ быть особенно памятенъ".

Всѣ ученья и смотры заканчивались обыкновенно церемоніальнымъ маршемъ. Для „соблюденія правильности въ маршированіи" ученія и смотры производились предпочтительнѣе всего въ манежахъ и на „плацъ-парадныхъ полковыхъ мѣстахъ", т. е. на полковыхъ плацахъ. Манежи строились не только въ Петербургѣ, но и за городомъ, для бата-

льоновъ тамъ стоявшихъ; такъ, еще въ 1826 году въ с. Бабьемъ-Гонѣ, близъ Петергофа, существовалъ манежъ, выстроенный по Высочайшему повелѣнію, для обученія нижнихъ чиновъ Лейбъ-Гвардіи. Въ 1828 году такихъ манежей было нѣсколько въ деревняхъ Петербургскаго уѣзда [37]; изъ ветхости же ихъ можно заключить, что они существовали давно. Въ 1825 году Великій Князь Михаилъ Павловичъ построилъ на своей собственный счетъ 7 манежей для гвардейскихъ полковъ, каждый длиною въ 14 саженей и шириною въ $5^1/_2$ саженей [38].

Въ Петербургѣ наибольшее значеніе имѣлъ манежъ Инженернаго замка, иначе называемый Михайловскимъ; въ немъ производились разводы, смотры, церковные парады и тому подобныя торжества. Михайловскій манежъ игралъ тогда видную роль для всѣхъ военнослужащихъ, начиная съ послѣдняго рядового и кончая высшимъ генераломъ. Подъ классическими бѣлыми колоннами его совершались блестящія карьеры и созидались репутаціи военноначальниковъ того времени; тамъ же, при неудачѣ въ какомъ-либо построеніи или захожденіи, могла рушиться вся служба боеваго начальника; словомъ манежъ являлся важнѣйшей ареной военнаго человѣка той эпохи.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ не имѣлъ своего манежа до 1840 года, когда, наконецъ, послѣ долгихъ ходатайствъ, таковый былъ выстроенъ; первоначально манежъ полка былъ деревянный, лишь въ 1850 году, по Высочайшему повелѣнію, было приступлено къ постройкѣ каменнаго манежа, оконченнаго въ 1854 году, въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ существуетъ и теперь; манежъ обошелся казнѣ въ 27,485 рублей [39].

„Плацъ-параднаго мѣста" или учебнаго плаца въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку не существовало. Командиръ полка, Генералъ Вяткинъ, начиная съ 1840 года, весьма энергично хлопоталъ объ устройствѣ учебнаго плаца на участкѣ Смоленскаго поля между Большимъ и Среднимъ проспектами съ одной стороны и зданіемъ только что выстроеннаго тогда полкового манежа; отсюда плацъ предположено было протянуть на 240 саженей къ с. Галерной Гавани. Троекратное представленіе объ этомъ Генерала Вяткина осталось безъ результата, „по неимѣнію въ то время достаточныхъ денежныхъ способовъ" и потому что Смоленское поле было предназначено еще въ 1827 году подъ участки для жителей Галернаго селенія, а позднѣе—для владѣльцевъ дачъ, отошедшихъ подъ Ботаническій садъ [40].

Такимъ образомъ, полкъ за отсутствіемъ своего плаца долженъ былъ ходить или на Марсово поле, или въ 1-й Кадетскій Корпусъ, а иногда и въ Л.-Гв. Семеновскій полкъ; это вело „къ излишнимъ переходамъ", напрасно утомлявшимъ людей, какъ объ этомъ рапортовалъ командиръ полка [41].

Занятія въ лагеряхъ были довольно однообразны и заключались, главнымъ образомъ, въ линейныхъ ученьяхъ; хожденіе батальоновъ, полковъ, бригадъ и дивизій, выстроенныхъ въ гигантскіе квадраты, въ ногу, составляло главнѣйшее. Лагери были очень непродолжительны, сравнительно съ нынѣшними; до 30-хъ годовъ они длились около мѣсяца, а съ 1831 года — шесть недѣль [42]. Лагерь 1827 года былъ такъ кратковременъ, что войскамъ гвардейскаго корпуса приказано было по окончаніи его „во избѣжаніе вредныхъ послѣдствій на здоровье нижнихъ чиновъ... разбить на полковыхъ парадныхъ мѣстахъ, дворахъ, или по удобности близъ самыхъ казармъ, для каждой пѣхотной роты по 8 палатокъ, съ тѣмъ, чтобы часть людей поперемѣнно располагаема была въ сихъ палат-

кахъ" [43]. Приказаніе это было отдано въ виду того, что въ половинѣ іюля гвардейскіе полки уже вернулись изъ лагеря.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ, какъ принадлежащій къ составу легкой пѣхоты, стоялъ въ авангардномъ лагерѣ, рядомъ съ Л.-Гв. Егерскимъ полкомъ. Расположеніе войскъ въ лагерѣ тогда было слѣдующее: въ большомъ лагерѣ стояли 6 полковъ гвардейской пѣхоты и 4 роты гвардейской пѣшей артиллеріи, имѣя на правомъ флангѣ военно-учебныя заведенія; въ авангардномъ лагерѣ, кромѣ Л.-Гв. Егерскаго и Финляндскаго полковъ, стояли еще Л.-Гв. Финскій Стрѣлковый батальонъ и 2 легкія роты гвардейской пѣшей артиллеріи; въ укрѣпленномъ лагерѣ былъ расположенъ Л.-Гв. Саперный баталіонъ и учебныя части; кавалерія занимала Красное Село и ближайшія деревни [44]. Съ 1833 года Л.-Гв. Финляндскій полкъ перешелъ въ главный лагерь [45].

Полковая колонна со знаменными рядами по уставу 1831 года.

Съ гравюры 1837 года.

Въ 40-хъ годахъ лагери стали болѣе продолжительны, около 2-хъ мѣсяцевъ; начинались они въ серединѣ іюня, а кончались въ серединѣ августа [46].

Служебное положеніе гвардейцевъ въ лагеряхъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, представляется въ запискахъ одного изъ офицеровъ того времени слѣдующимъ образомъ [47]. „Вначалѣ оно было еще сносно; занимались устройствомъ лагеря, праздновались царскіе объѣзды, потомъ начинались ротныя, баталіонныя и полковыя ученья. Все это продолжалось часъ или два и было еще посильнымъ бременемъ. Но въ концѣ іюня начинались на военномъ полѣ дивизіонныя 12-ти рядныя ученья и потомъ дивизіонныя линейныя ученья (въ полномъ числѣ рядовъ), „съ порохомъ и артиллеріею", какъ говорилось въ приказахъ, то есть стрѣльба производилась холостыми зарядами. Если, напримѣръ, ученье было назначено въ 7 часовъ утра, то людей будили въ 4 часа, а къ пяти были уже готовы на линейкахъ. Этимъ начиналось утро, крайне тягостное для солдатъ, которыхъ начинали будить гораздо раньше помянутыхъ часовъ, предписанныхъ приказомъ. Конечно, не менѣе тягостно было утро для офицеровъ".

Къ этому слѣдуетъ еще добавить, что на всѣхъ ученьяхъ нижніе чины выходили съ полной укладкой ранцевъ по военному положенію; только нѣкоторые изъ нихъ по особымъ причинамъ освобождались отъ этого, съ объявленіемъ въ приказахъ. Такъ приказъ по полку отъ 14 іюля 1836 года говоритъ по этому поводу слѣдующее: „нижнимъ чинамъ, всего 5 фельдфебелямъ, 39 унтеръ-офицерамъ, 1 горнисту и 397 человѣкамъ рядовымъ, по слабому тѣлосложенію, за молодостью лѣтъ и послѣ болѣзни, дозволяется на ученьяхъ носить ранцы безъ укладки вещей“.

„Тягость служебныхъ трудовъ была все-таки мала, — продолжаетъ далѣе авторъ записокъ, — въ сравненіи съ тѣмъ невыносимо мучительнымъ настроеніемъ, съ какимъ офицеръ отправлялся на каждое ученье, зная напередъ, что за малѣйшую ошибку, даже такую, какъ напримѣръ, потеря дистанціи на церемоніальномъ маршѣ, его ждали выговоръ, лишнія дежурства или арестъ. Даже внѣ службы офицеръ вынужденъ былъ наблюдать за собою самымъ мелочнымъ образомъ, если онъ не хотѣлъ подвергнуться взысканіямъ или непріятностямъ“.

Въ концѣ лагернаго сбора обыкновенно производилась общая тревога, подававшаяся Государемъ Императоромъ; каждый полкъ, заслышавъ сигналъ, спѣшилъ изъ всѣхъ силъ придти первымъ на сборное мѣсто.

Послѣ тревоги обыкновенно наступалъ періодъ большихъ маневровъ, тогда какъ малые или линейные маневры къ этому времени обыкновенно уже кончались. Такъ было въ 40-хъ годахъ; въ болѣе же раннее время лагерные сборы начинались маневрами.

Приказъ по Л.-Гв. Финляндскому полку за 1838 годъ даетъ слѣдующее указаніе о маневрахъ [48]: „Для выступленія завтра на маневры баталіонамъ быть готову къ 12 час. дня. Полкъ разсчитать на 4 батальона. Изъ карабинерныхъ ротъ составить особый батальонъ, коимъ командовать Капитану Боаселлю. Одѣтымъ быть въ походной формѣ: гг. офицерамъ въ мундирахъ, лѣтнихъ панталонахъ и ранцахъ, а нижнимъ чинамъ въ мундирахъ... старой аммуниціи и ранцахъ... Людямъ имѣть по 10 боевыхъ патроновъ въ ранцахъ и по 60 холостыхъ въ сумкахъ. Взять съ собою зимнія панталоны и печенаго хлѣба на два дня. Лазаретной каретѣ и бричкѣ для больныхъ слѣдовать за полкомъ, батальонному лекарю Пацевичу быть верхомъ.

„Во время маневровъ цѣпямъ застрѣльщиковъ отнюдь не сходиться ближе 150 шаговъ, во время же слѣдованія къ мѣстамъ дѣйствія и самого боя отнюдь не проходить чрезъ засѣянныя поля, чрезъ огороды, сады и т. п., считая оныя не проходимыми мѣстами.

„При выступленіи полка чтобы не было ни одной солдатской жены, для чего нарядить нужное число рядовыхъ, приказавъ имъ смотрѣть за оными“.

На маневрахъ требовалось [49] „во всемъ соблюдать неослабный порядокъ, тишину и равненіе во фронтѣ, чтобы нижніе чины не опускались и всѣ движенія и построенія производили бы съ тою же чистотой и тщательностію какъ на ученьяхъ“.

Иногда маневры были довольно продолжительны; такъ, въ 1842 году они длились, судя по приготовленіямъ къ нимъ, около недѣли; людямъ было выдано печенаго хлѣба и крупъ на 6 дней, а холостыхъ патроновъ каждый нижній чинъ получилъ по 100 [50]; маневры 1847 года производились не только съ холостыми, но и съ боевыми патронами; послѣднихъ было выдано на каждое ружье по 10 штукъ [51]; лѣтніе маневры этого

Шульцъ. Іорданъ. Кн. Андрониковъ. Тизенгаузенъ. Кн. Орбеліани. Шмидтъ.

Офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Съ акварели П. А. Ѳедотова.

года были въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку два раза: 26 іюня — однодневный маневръ и съ 30 іюля—четырехдневный маневръ. „По окончаніи (послѣдняго) маневра,—говорится въ приказѣ по Л.-Гв. Финляндскому полку,—предписываю батальоннымъ командирамъ немедленно представить ко мнѣ краткое описаніе дѣйствій съ приложеніемъ всѣхъ подлинныхъ донесеній и съ обозначеніемъ частей войскъ и лицъ съ особенною удовлетворительностію исполнившихъ возлагаемыя на нихъ порученія".

Это указаніе приказа по полку, первое въ своемъ родѣ, показываетъ, что къ маневрамъ относились тогда настолько серьезно, что даже требовалось описаніе ихъ.

Маневры бывали не только лѣтомъ но и позднею осенью. Такъ, 24 и 25 сентября 1841 года Л.-Гв. Финляндскій полкъ участвовалъ на маневрахъ, окончившихся Высочайшимъ смотромъ у Пулкова [52]. Въ 1847 году полкомъ были произведены 20 сентября малые маневры: 1-му и 2-му батальонамъ—у Парголова, 3-му батальону—на Лахтѣ [53]. Въ 1846 году полкъ тоже участвовалъ на осеннихъ маневрахъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ [54].

Неудобства такихъ позднихъ по времени года маневровъ, когда по ночамъ заморозки не рѣдкость, сказывалось на здоровьѣ какъ нижнихъ чиновъ, такъ и офицеровъ; вѣроятно это и послужило причиной перенесенія этихъ маневровъ на начало августа мѣсяца [55].

На маневрахъ гвардейскаго корпуса обыкновенно присутствовалъ Государь Императоръ Николай Павловичъ, нерѣдко ночуя въ палаткѣ среди гвардейцевъ. По окончаніи маневровъ Государь всегда дѣлалъ подробный ихъ разборъ въ присутствіи всѣхъ начальствующихъ лицъ. Иногда о результатахъ маневровъ отдавалось въ приказахъ по корпусу или въ предписаніяхъ высшимъ начальникамъ. Такъ, въ предписаніи Генералъ-Адъютанту Бистрому, отъ 12 іюля 1835 года [56], представлено отличное состояніе гвардейскаго корпуса на маневрахъ 30-хъ годовъ, въ слѣдующемъ видѣ.

„На ежегодныхъ маневрахъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса,—говоритъ предписаніе,—Государь Императоръ, къ душевному утѣшенію Своему, постоянно изволилъ видѣть стремленіе войскъ сего корпуса къ достиженію возможной степени совершенства. Сіе же похвальное стремленіе замѣчено Его Императорскимъ Величествомъ и на лѣтнихъ сего года смотрахъ и маневрахъ. Гвардейскій корпусъ предсталъ на оные не только въ томъ же блистательнѣйшемъ и во всѣхъ отношеніяхъ отличномъ видѣ, который ему всегда и во всѣхъ случаяхъ свойственъ, но показалъ многія частныя улучшенія въ исполненіи движеній и въ подробностямъ службы вообще....

„Обращаясь собственно къ маневрамъ сего года, Государь Императоръ замѣчать изволилъ, что первое мѣсто на оныхъ по устройству своему и отличному исполненію всѣхъ движеній занимаетъ гвардейская пѣхота, и артиллерія какъ пѣшая, такъ и конная. Въ особенности была замѣчательна легкость, скорость и ловкость людей въ ходьбѣ. Послѣ продолжительныхъ маршей пѣхота и пѣшая артиллерія постоянно были находимы въ совершенной исправности и люди являли видъ бодрый и воинственный, какъ бы не подвергались никакимъ трудамъ и не чувствовали никакой усталости. По милостивому изреченію Государя Императора, Его Величество не изволитъ желать имѣть „лучшихъ въ семъ отношеніи молодцовъ", о чемъ и предоставляетъ Вашему Высокопревосходительству приказать отдать въ полковыхъ приказахъ гвардейской пѣхоты и всей артиллеріи. Кавалеріею гвардейскаго корпуса Государь Императоръ также изволилъ остаться весьма довольнымъ *....

„Наконецъ, при всей блистательности маневровъ сего года, Государь Императоръ съ неудовольствіемъ изволилъ замѣтить крайній безпорядокъ и неустройство полковыхъ офицерскихъ и частныхъ обозовъ въ ихъ составѣ и движеніи на маневрахъ."

Маневры, какъ и все касавшееся гвардіи, живо интересовали Государя Императора Николая Павловича; Высочайшія письма, часто затрагивая гвардейскій корпусъ, упоминали и о маневрахъ; такъ 19 іюля 1832 года Государь писалъ Генералъ-Фельдмаршалу Кн. Паскевичу [57]. „На прошлой недѣлѣ дѣлалъ ученія обоимъ пѣхотнымъ дивизіямъ гвардіи и былъ весьма доволенъ; также и всей кавалеріи; въ субботу же было большое ученье или маневръ всему корпусу; Я могу рѣшительно сказать, что лучшаго не видалъ. Иностранцы глядятъ и не вѣрятъ глазамъ; а Я счастливъ, видя войско въ такомъ блестящемъ положеніи и съ такимъ усердіемъ и готовностью". Черезъ 10 дней Государь писалъ: „Маневры у насъ (въ Петербургѣ) кончились благополучно; Я былъ весьма доволенъ всѣми войсками, но пѣхотой и артиллеріей особенно; мы дѣлали до 40 верстъ почти безъ приваловъ: и не было усталыхъ. Все прошло весело и съ хорошей погодой"... Въ слѣдующемъ году Государь снова превосходно аттестуетъ гвардію: „Маневры кончились къ совершенному Моему удовольствію,—говорится въ Высочайшемъ письмѣ,—пѣхота себя превзошла, ибо, несмотря на переходъ близъ 50 верстъ, я не видалъ ни одного усталаго"...

Л.-Гв. Финляндскій полкъ за маневры удостоивался весьма часто Высочайшихъ похвалъ и благодарностей [58], выказывая при этотъ свое „отличное состояніе", ему всегда присущее.

Но бывали на маневрахъ иногда и тяжелыя минуты, подобныя происшествію 1850 года, участникомъ котораго отчасти былъ и Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

Очевидецъ этого событія, офицеръ Л.-Гв. Преображенскаго полка, такъ описываетъ его [59]:

„На маневрахъ 1850 года... случилось происшествіе, изъ ряду выходящее; оно стоитъ подробнаго описанія, потому что тутъ характерно выступаетъ личность Императора Николая I. Необходимо замѣтить, что на двухсторонних маневрахъ строго наблюдалось, чтобы части, идущія въ атаку, отнюдь не сходились грудь съ грудью, а останавливались бы на пятьдесятъ шаговъ одна отъ другой и брали къ ногѣ.

„Происшествіе 5 августа 1850 года произошло именно отъ несоблюденія правила своевременной остановки. Это былъ послѣдній день маневровъ, когда, по обыкновенію, маневрирующія стороны сосредоточивались, и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря происходило генеральное сраженіе, то есть подобіе его, и тѣмъ все и кончалось. 5 августа наша сторона, бывшая въ отступленіи, послѣ полудня вдругъ дала отпоръ противнику, и вся линія перешла въ наступленіе. Преображенскій полкъ, на всѣхъ маневрахъ, всегда почти, ходилъ въ глубокомъ резервѣ. Зато, въ послѣдній день онъ выступалъ въ роли священной фаланги, рѣшающей участь войны, и производилъ эффектную, сомкнутую атаку. Такъ было и на этотъ разъ...

„Когда колонны пошли въ атаку было скомандовано: „Четвертый и пятый взводы на руку" (начало штурма), при чемъ застрѣльщики, по уставу, очистили мѣсто передъ фронтомъ колонны и пошли по флангамъ. Мы всѣ слышали, какъ послѣ команды „на руку" раздалась команда „ура"; по этому сигналу колонна обыкновенно пускалась бѣгомъ на

противника, при чемъ строй терялся и все смѣшивалось въ толпѣ, бѣжавшей и кричавшей до тѣхъ поръ, пока барабаны не ударяли отбой. Все это было прекрасно и безопасно на одностороннихъ маневрахъ противъ мнимаго непріятеля, гдѣ весь этотъ сумбуръ терялся въ пространствѣ, но, если уже противникъ изображался живыми людьми, слѣдовало разсчитать, когда начать атаку и когда остановить ее. Это сдѣлано не было и мы сошлись буквально лицомъ къ лицу съ батальономъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, стоявшимъ неподвижно на мѣстѣ. Солдаты, разгоряченные наступленіемъ, не на шутку сцѣпились съ противникомъ; послышались зловѣщій визгливый стукъ штыковъ, клинковъ и крики офицеровъ, черезъ силу разнимавшихъ расходившихся солдатъ. Среди этой суматохи вдругъ раздался вблизи конскій топотъ и всѣмъ знакомый, звонкій, все заглушающій голосъ Царя. Онъ поспѣшно скакалъ къ намъ съ своей огромною свитою, гдѣ находилось множество иностранцевъ. Лошадь государя отшатнулась было отъ шумящей толпы, но Онъ далъ ей шпоры и Самъ первый втиснулся въ самую середину схватки. Никогда не забуду лица Государя въ эту минуту. Оно такъ исказилось гнѣвомъ, что стало просто неузнаваемымъ. Онъ пожелтѣлъ, глаза налились кровью и сверкали, нижняя губа и подбородокъ выдвинулись впередъ и судорожно дрожали. „Что вы дѣлаете, — грозно кричалъ Императоръ, съ трудомъ протискиваясь и безпрестанно вонзая шпоры въ бока оторопѣлой лошади,—своихъ братьевъ рѣзать хотите что-ли. Назадъ, олухи, угорѣлыя кошки"...

„Это ужасно. Пятая рота! носки потеряла"!

Съ рисунка карандашемъ П. А. Ѳедотова.

„Солдаты переднихъ взводовъ поспѣшно подались назадъ, но встрѣченные напоромъ

остальной, толкавшейся за ними массы, опять хлынули подъ ноги царскаго коня. Государь принялъ это за колебаніе исполнить приказъ и совершенно вышелъ изъ себя:

—„Назадъ... говорю Я вамъ,—крикнулъ Онъ измѣнившимся отъ гнѣва, но твердымъ и громкимъ голосомъ,—первому, кто посмѣетъ выскочить впередъ,—расколю голову"...

„Съ этими словами Государь выдернулъ саблю, но на этотъ разъ толпа, пораженная ужасомъ, отхлынула назадъ всею массою, но, къ несчастію, одинъ ефрейторъ изъ 4-го взвода, какъ впослѣдствіи оказалось, самый смирный, трезвый и отличнѣйшій солдатъ, былъ въ эту минуту стиснутъ смятенными товарищами и буквально выброшенъ или выдавленъ ими передъ колонну. Императоръ съ размаху рѣзнулъ его по каскѣ саблею, но въ это время офицеры уже овладѣли оцѣпенѣвшими отъ ужаса батальонами, успѣли раздвинуть ихъ и устроить порядокъ. Пораженный Государемъ солдатъ спѣшилъ спрятаться въ ряды; онъ остался невредимымъ, спасенный шишакомъ каски, шишакъ этотъ оканчивался четырьмя бронзовыми лапками, лежавшими крестообразно на кожаномъ колпакѣ каски. Царская сабля ударила по передней лапкѣ, разрубила ее, но, къ счастію, не совершенно, потому что лапка выгнулась и вдавилась въ колпакъ, такъ что ударъ, ослабленный движеніемъ во внутрь бронзы и кожи, не дошелъ до головы. Послѣ этой страшной минуты Государь, немного успокоившись, отъѣхалъ на нѣсколько шаговъ, медленно вложилъ саблю въ ножны, потомъ вдругъ быстро вернулся къ батальону и проговорилъ уже совершенно спокойнымъ голосомъ:

— „Кого изъ преображенцевъ Я ударилъ,—выйди впередъ"...

„Всѣ машинально и хоромъ зашептали: „Выйди впередъ кого Государь ударилъ"...

Но солдатъ уже давно вышелъ впередъ. Государь смотрѣлъ на него пристально.

— „Хорошъ... хорошъ"...—проговорилъ Императоръ, возвышая голосъ съ гнѣвной ироніею. Но, видя кроткое и добродушное лицо солдата, спросилъ тихо и съ участіемъ:

— „Что я тебя больно ушибъ".

— „Никакъ нѣтъ, Ваше Величество",—отвѣчалъ ободренный ефрейторъ.

„Государь бросилъ недовѣрчивый взглядъ и подъѣхалъ къ нему ближе:

— „Точно ли правду говоришь"?

— „Точно такъ, Ваше Величество".

„Но въ это время Государь успѣлъ уже осмотрѣть каску и увѣриться, что ударъ дѣйствительно былъ безвредный. Едва успѣлъ Онъ отъѣхать, какъ всѣ начальники налетѣли козыремъ на несчастный нашъ батальонъ. Начались розыски и распеканціи.....

„Тотчасъ послѣ происшествія кончились маневры. Государь, сильно разгнѣванный этимъ несчастнымъ безпорядкомъ, велѣлъ нашему 2-му батальону отомкнуть штыки, взять ружья прикладами вверхъ и отмаршировать домой тихимъ шагомъ. Послѣднее повелѣніе было физически невозможно выполнить, такъ какъ мы находились въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря, но ружья все время несены были прикладами вверхъ, и въ этомъ странномъ положеніи мы прошли вдоль лагеря, подъ градомъ насмѣшекъ и остротъ встрѣчныхъ полковъ и отрядовъ"...

Иногда маневры устраивались зимой. Такъ, извѣстенъ большой зимній походъ 1837 г., продолжавшійся съ 12-го по 22-е февраля, названный практическимъ походомъ. Въ немъ участвовали войска всего гвардейскаго корпуса. Л.-Гв. Финляндскій полкъ сдѣ-

Переходъ въ бродъ на маневрахъ.
Съ акварели П. А. Ѳедотова.

лалъ во время этого похода $167^1/_2$ верстъ, по маршруту черезъ Б. Пулково, Ижору, Тосно, Царское Село, Гатчино, Кипень, Красное Село, Петербургъ; всего было восемь переходовъ при двухъ дневкахъ. Переходы простирались отъ 15 до $33^1/_2$ верстъ. Въ походъ были взяты всѣ мастера и откомандированные изъ ротъ; въ казармахъ оставалось лишь необходимое число нижнихъ чиновъ. Походъ полки совершали съ полнымъ обозомъ [60].

Въ слѣдующемъ, 1838 году, Л.-Гв. Финляндскій полкъ принималъ участіе въ практическомъ походѣ, предпринятомъ раннею весною, въ мартѣ мѣсяцѣ; походъ этотъ не былъ продолжителенъ, что видно изъ слѣдующаго его маршрута: Стрѣльна, Кипень, Касково, Красный Кабачекъ и С.-Петербургъ. При выступленіи люди получили по 10 боевыхъ патроновъ. Въ казармахъ оставлено лишь по 3 человѣка съ роты. Интересно слѣдующее распоряженіе, отданное въ приказѣ по полку, при выступленіи его въ походъ [61]: „Наистрожайше воспрещается, чтобы жены нижнихъ чиновъ отнюдь не провожали мужей своихъ, если будетъ замѣчено неисполненіе сего, то какъ выступающіе въ походъ, такъ и провожающія примѣрно будутъ наказаны“.

Въ числѣ общихъ распоряженій того времени о производствѣ занятій въ полкахъ гвардейскаго корпуса однимъ изъ важнѣйшихъ является секретное предписаніе по этому предмету, составленное Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ и разосланное всѣмъ командирамъ гвардейскихъ полковъ [62]. Этому предписанію * было придано значеніе особой важности, оно подлежало особому храненію у полковыхъ командировъ, подъ личнымъ ихъ надзоромъ и отвѣтственностью; передача этого предписанія при смѣнѣ командировъ полка должна была производиться особенно строго, съ донесеніемъ объ этомъ въ смѣнномъ рапортѣ; документъ этотъ предписано было хранить вѣчно.

Предписаніе Великаго Князя Михаила Павловича даетъ слѣдующія весьма интересныя и характерныя для того времени указанія о строевыхъ занятіяхъ въ связи „съ облегченіемъ ученій“, для сохраненія здоровья людей.

„Изъ доставленныхъ Мнѣ свѣдѣній,—говорится въ предписаніи отъ имени Его Высочества,—нерѣдко усматриваю Я, что въ нѣкоторыхъ полкахъ назначаются полковыя, баталіонныя и ротныя ученія въ день по два раза; и какъ для сихъ ученій солдатъ долженъ быть готовъ, по крайней мѣрѣ, за полчаса до назначеннаго времени и потомъ пройти до мѣста ученія и обратно довольно дальнее разстояніе, самыя же ученья продолжаются обыкновенно отъ $2^1/_2$ до 3 часовъ, то и слѣдуетъ, что онъ бываетъ въ аммуниціи съ ружьемъ, а во время лагеря и въ ранцѣ,—до десяти часовъ въ сутки.

„Отъ столь продолжительныхъ занятій на ученьяхъ солдатъ утомляется въ силахъ и физическихъ и нравственныхъ, что и бываетъ большею частію причиною неудачъ на ученьяхъ; ибо утомленный и разстроенный въ силахъ, онъ на ученьѣ не можетъ уже имѣть ни того вниманія и бодрости, которыя необходимы во фронтѣ. Если же по свойственному вообще русскому солдату усердію, онъ во все время ученья будетъ стараться и превозмогать свою усталость, то напряженіе это имѣетъ то вредное вліяніе на здоровье, которое почти безошибочно можно полагать одною изъ первыхъ причинъ его изнуренія и болѣзненности.

*) Подлинное предписаніе, за подписью Великаго Князя Михаила Павловича, хранится въ секретныхъ бумагахъ архива Л.-Гв. Финляндскаго полка.

„Останавливаясь на семъ заключенiи, Я предписываю къ непремѣнному и постоянному исполненiю, чтобы дивизiонныя, бригадныя, полковыя, батальонныя и ротныя ученiя производились въ сутки отнюдь не болѣе одного разу и по возможности по утрамъ, но не слишкомъ рано—когда послѣ отдыха люди бываютъ свѣжѣе въ силахъ, но и сiи ученья должны производиться не болѣе 2-хъ или $2^1/_2$ часовъ, полагая это время весьма достаточнымъ, если обучающiй начальникъ будетъ заниматься настоящимъ дѣломъ; въ особенности же много сдѣлаетъ облегченiя солдату утреннее ученье въ лѣтнее время, чрезъ что онъ избѣгнетъ онаго въ утомительный жаръ. Послѣ же обѣда, чтобы занять солдата, можно дѣлать легкiя не обременяющiя его ученья, хотя въ мундирахъ, но безъ киверовъ, какъ то: застрѣльщичьи, повторенiе сигналовъ, форпостную службу, обученiе линейныхъ унтеръ-офицеровъ, повѣрку офицеровъ со знаменными рядами и фланговыми унтеръ-офицерами, въ правильной ходьбѣ батальоновъ и для общихъ движенiй, и проч., все это въ городѣ на полковыхъ дворахъ, а въ лагерѣ предъ онымъ. Слѣдуя сему порядку, можно надѣяться, что польза продолжительныхъ ученiй, если оная и была, съ избыткомъ вознаградится охотою солдата къ ученiю, которое если будетъ исполняемо и съ полнымъ рвенiемъ, то по непродолжительности не ослабитъ силъ его, а чтобы болѣе прiохотить солдата ко вниманiю и старанiю во фронтѣ, то ввести, такъ сказать, въ обыкновенiе, чтобы г.г. полковые, бригадные и дивизiонные начальники тѣмъ частямъ войскъ, которыя представятся на ученьяхъ или смотрахъ преимущественно передъ прочими, давали бы по ихъ усмотрѣнiю, на день или на два отдыхъ, означая о семъ и въ дневныхъ свѣдѣнiяхъ представляемыхъ начальству.

„По смѣнѣ же съ городовыхъ карауловъ, по чрезвычайной дальности оныхъ, на другой день давать людямъ отдыхъ и никакихъ ученiй рѣшительно не производить.

„Наконецъ, Я предписываю Вашему Превосходительству обратить постоянное и особенное вниманiе на нравственное развлеченiе людей и для того полагаю необходимымъ: чтобы въ воскресные и праздничные дни солдатъ былъ совершенно свободенъ отъ занятiй по службѣ, кромѣ церковныхъ парадовъ, карауловъ и дежурствъ, и чтобы обыкновенiе дѣлать въ праздники строевые разсчеты, пригонку аммуницiи и обмундированiя, было рѣшительно запрещено; напротивъ же каждый хорошаго поведенiя солдатъ можетъ быть увольняемъ, если пожелаетъ, со двора, а послѣ божественной службы, люди могутъ имѣть нѣкоторыя развлеченiя и въ своихъ казармахъ и на дворахъ, т. е. надо стараться доставить способы и поощрить молодыхъ солдатъ, прiохотивъ ихъ постепенно къ играмъ, сообразнымъ званiю, но безъ всякаго къ этому принужденiя.

„Въ заключенiе Мнѣ остается присовокупить, что мѣры сiи, способствующiя къ сохраненiю здоровья людей, составляя первую и священную обязанность Вашего Превосходительства и ближайшаго начальства, за добросовѣстное исполненiе которой должно дать отвѣтъ Богу и Государю, требуютъ не одного только буквальнаго исполненiя предписаннаго; и если каждый изъ начальниковъ, будучи обязанъ пещись о ввѣренныхъ ему людяхъ, какъ отецъ о дѣтяхъ,—вникнетъ въ сiи требованiя высшаго начальства, то собственное благоразумiе и опытность откроютъ ему способы какъ къ тому, чтобы облегчить ученье, не ослабить фронтовой части, такъ и къ тому, чтобы доставить Высочайше ввѣреннымъ ему людямъ развлеченiе и удовольствiе, сохранить ихъ нравственность и Я только того изъ

г.г. полковыхъ командировъ и прочихъ частныхъ начальниковъ буду считать настоящимъ командиромъ своей части заслуживающимъ полное одобренiе и довѣренность начальства, кто съ доведенiемъ до отличнаго состоянiя ввѣренной ему части по фронту совершенно сбережетъ и людей.

„Предписанiе это хранить не при дѣлахъ полка, а лично у Вашего Превосходительства и при сдачѣ полка передать лично же прiемщикамъ".

Финляндцы въ лагерѣ въ 1851 году.

Съ картины А. Iебенса пожалованной полку Государемъ Императоромъ Александромъ II, въ 1880 году.

Такимъ образомъ это секретное предписанiе, глубоко проникнутое гуманностью, обрисовывая автора ея—Великаго Князя Михаила Павловича—съ самой лучшей стороны, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что уже съ начала сороковыхъ годовъ, положенiе солдата стало улучшаться и о немъ начали заботиться, хотя бы путемъ равномѣрнаго распредѣленiя занятiй. Послѣдующiе приказы по гвардейскому корпусу продолжаютъ развивать главныя основы предписанiя, вводя дальнѣйшiя облегченiя по службѣ; въ ряду такихъ распоряженiй явилось весьма важное по своему значенiю приказанiе объ отмѣнѣ занятiй „внѣ казармъ" при морозѣ свыше 15-ти градусовъ [63], а въ лагерное время при сильной жарѣ и т. п.

Тогда же строго воспрещалось производить строевыя занятiя по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; въ приказѣ по Л.-Гв. Финляндскому полку въ апрѣлѣ 1845 года, по этому поводу было объявлено слѣдующее: „Государь Императоръ вчерашняго числа къ удивленiю и совершенному неудовольствiю изволилъ замѣтить Лейбъ-Гвардiи полки: Ки-

расирскій Его Величества и Казачій учащимися на Семеновскомъ парадномъ мѣстѣ вопреки Высочайшаго приказа, въ коемъ сказано, что въ воскресенье и праздничные дни никакихъ ученій не производить. За таковое не простительное упущеніе Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть" наложить такія-то взысканія.

Но всѣ эти облегченія не достигали цѣли, нужна была коренная реформа для облегченія положенія службы солдата того времени.

„Тяжело говорить о жалкомъ житьѣ-бытьѣ этой забитой и только на смотрахъ блестящей массы людей,—пишетъ одинъ изъ гвардейскихъ офицеровъ, служившихъ тогда въ строю—[64]. Сколько бы я ни писалъ,—все же не могъ бы сдѣлать такой вѣрной и мѣткой характеристики тогдашняго военнаго быта, какую высказалъ, въ нѣсколькихъ словахъ, здравый смыслъ тѣхъ же бездольныхъ тружениковъ. Шли мы, какъ то разъ, учиться на Царицынъ лугъ. Въ рядахъ завязался разговоръ: 1-й солдатъ: „Вотъ теперь манежъ отдохнетъ, а Царицыну лугу достанется работы!"—2-й солдатъ: „Зато, братецъ ты мой, зимою манежъ проснется да вдвое отработаетъ!"—3-й солдатъ: „Уйдемъ въ лагерь, такъ и манежъ и плацъ отдохнуть"!—4-й солдатъ: „А вотъ мы такъ никогда не отдыхаемъ"... (общій хохотъ):—1-й солдатъ: „Небось, дай срокъ,—въ могилкѣ отдохнемъ!" (тяжелые вздохи)".

Таково было положеніе гвардейскихъ солдатъ въ царствованіе Императора Николая I, и главныя основы тогдашней фронтовой службы.

Что же касается до второстепенныхъ отдѣловъ обученія солдатъ, какъ-то гимнастики, фехтованія и плаванія, то они находились тогда въ соотвѣтствіи съ общимъ положеніемъ дѣла.

Предложеніе о введеніи въ гвардейскомъ корпусѣ гимнастики было впервые подано Полковникомъ Ростовцевымъ, впослѣдствіи главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній и извѣстнымъ дѣятелемъ царствованія Императора Александра II, а тогда штабнымъ офицеромъ. 20-го января 1837 года онъ представилъ начальнику штаба гвардейскаго корпуса, Генералъ-Адъютанту Веймарну * [66], слѣдующее ходатайство о введеніи гимнастики.

„Учитель гимнастики военно-учебныхъ заведеній Паули,—писалъ Полковникъ Ростовцевъ [67],—объясняя, что гимнастическія упражненія произвели великіе успѣхи въ войскахъ Франціи, Швеціи и нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, и что польза отъ того дѣлается тамъ ежедневно очевиднѣе, какъ то усматривается изъ газетъ особенно послѣдняго времени,—имѣетъ намѣреніе, предложить введеніе гимнастическихъ упражненій въ полкахъ Императорской гвардіи по примѣру Центральнаго Института въ Парижѣ и Стокгольмѣ, для чего учрежденный имъ Институтъ можетъ употребленъ быть здѣсь въ С.-Петербургѣ.

„Г. Паули, учитель гимнастики въ военно-учебныхъ заведеніяхъ въ С.-Петербургѣ, безъ сомнѣнія, есть лучшій въ своемъ знаніи. Преподаваніе имъ гимнастики въ заведеніяхъ доказало на опытѣ существенную пользу. По таковымъ уваженіямъ я обязанностію считаю обратиться къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою, не оставить упоминаемое предпріятіе г. Паули благосклоннымъ Вашимъ покровительствомъ и, какъ еще въ довольно новомъ у насъ предметѣ, особеннымъ вниманіемъ къ поддержанію его усилій на полезное дѣло".

Ходатайство это было отклонено въ виду того, что, какъ писалъ объ этомъ на-

---

* П. Веймарнъ служилъ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку въ 20-хъ годахъ; впослѣдствіи, будучи генераломъ, получилъ мундиръ полка [65].

чальникъ штаба гвардейскаго корпуса,—„при многочисленныхъ и разнообразныхъ занятіяхъ нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса всякая новая обязанность, на нихъ возлагаемая, была бы для нихъ обременительною, почему, несмотря на очевидную пользу предложенія г. Паули, командующій корпусомъ не предвидитъ возможности привести его въ исполненіе"[68].

Однако это предложеніе было все-таки принято; весною слѣдующаго 1838 года, по Высочайшему повелѣнію, было введено въ гвардіи „гимнастическое упражненіе рекрутъ", для чего въ видѣ предварительной мѣры были назначены „отъ каждаго полка по два рядовыхъ не старѣе 22 лѣтъ и по два кантониста не моложе 17 лѣтъ изъ самыхъ расторопныхъ и здороваго сложенія съ тѣмъ, чтобы они современемъ могли быть помощниками г. Паули въ обученіи прочихъ нижнихъ чиновъ".—„И такъ какъ число назначенныхъ нынѣ нижнихъ чиновъ,—говорится далѣе въ распоряженіи по этому поводу,—незначительно, то г. Паули находитъ возможнымъ обучать ихъ въ заведенномъ имъ Институтѣ, находящемся въ Большой Милліонной улицѣ въ домѣ купца Поцѣлуева, а потому и помѣстить ихъ въ Л.-Гв. Павловскомъ полку на жительствѣ"[69].

Лѣтомъ 1838 года сборная команда впервые обучалась гимнастикѣ въ теченіе всего лагернаго сбора, на спеціально выстроенномъ гимнастическомъ городкѣ у Краснаго Села. Съ осени начинались гимнастическія занятія и съ рекрутами.

Въ 1839 году Паули умеръ и вмѣсто него былъ назначенъ другой иностранецъ—Де-Ронъ, который для болѣе нагляднаго представленія пользы гимнастическихъ упражненій предложилъ сравнить на особо выбранныхъ рекрутахъ результаты ихъ обученія при преподаваніи гимнастики и безъ него. Но произведенное командиромъ гвардейскаго корпуса испытаніе было не благопріятно для гимнастики. Въ 1841 году было произведено вторичное ея испытаніе въ особой командѣ при гвардейскомъ корпусѣ, послѣ котораго начальникъ штаба корпуса, далъ слѣдующій неблагопріятный для гимнастическихъ упражненій отзывъ, окончательно отмѣнившій гимнастику въ гвардіи. Отзывъ этотъ говорилъ слѣдующее[70]:

„Сколько гимнастика полезна для приданія тѣлу гибкости и ловкости и укрѣпленія членовъ при упражненіи оной въ молодыхъ лѣтахъ, столько же она безполезна и трудна для людей совершенно взрослыхъ и въ особенности немолодыхъ уже лѣтъ; поэтому нельзя отвергнуть пользу гимнастики въ учебныхъ заведеніяхъ, въ школахъ кантонистовъ и учебныхъ карабинерныхъ полкахъ; но фронтовое образованіе рекрутъ посредствомъ гимнастики, какъ полагаетъ это учитель Де-Ронъ, по дѣланнымъ нынѣ опытамъ, оказывается весьма медленнымъ и совершенно непрактичнымъ. Люди, въ командѣ находящіеся, съ крайнимъ отвращеніемъ занимаются гимнастикой, весьма утомляются на оной, по неловкости получаютъ ушибы и вывихи членовъ, чувствуютъ вначалѣ боль во всемъ корпусѣ, почему при командѣ постоянно находится много слабыхъ и жалующихся на грудную боль. Успѣхи въ гимнастикѣ вообще удовлетворительные, но нельзя не повторить уже сказанное, что лучшіе въ этомъ предметѣ люди по большей части самые плохіе по фронту и сверхъ того, пріобрѣтенная ими ловкость есть какая-то фиглярская, вовсе неприличная солдату".

Приказъ по гвардейскому корпусу, отъ 11 августа 1843 года[71], объявилъ Высочайшее повелѣніе „отмѣнить дальнѣйшее обученіе нижнихъ чиновъ въ войскахъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса гимнастическимъ упражненіямъ"—и они остались лишь въ школѣ

кантонистовъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ въ скоромъ времени, польза гимнастики стала понемногу сознаваться вновь; указаніе на это даетъ „памятная книжка военныхъ узаконеній для штабъ и оберъ-офицоровъ“, Владиславлева, изд. 1851 года, гдѣ между прочимъ о гимнастическихъ упражненіяхъ говорится слѣдующее:

„Въ... свободное время должно занимать рекрутъ такими развлеченіями, кои бы укрѣпляли ихъ духъ и тѣло. Сюда относятся: гимнастическія упражненія, бѣганье, прыганье, борьба, игры въ городки, мушку, плаванье во время утренней и особливо вечерней зари, музыка, пѣсенники, въ кавалеріи, сверхъ того, проѣздка лошадей“.

Фехтованію во время царствованія Императора Николая I начали обучать въ войскахъ гвардейскаго корпуса съ начала 30-хъ годовъ.

Обученіе этому искусству носило всегда частичный характеръ, такъ какъ общая масса нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса никогда не обучалась фехтованію полностью, а назначались или отдѣльныя команды или выборные люди. Первоначально фехтованію обучались лишь по два нижнихъ чина съ каждаго полка; это происходило въ фехтовальной школѣ Маіора Вальвиля [72].

Съ 1834 года обученіе фехтованію было усилено: съ каждаго батальона полкъ долженъ былъ посылать по два рядовыхъ въ гвардейскую фехтовальную школу, гдѣ они обучались фехтованію на рапирахъ и рубкѣ саблями; занятія эти продолжались по 2 часа, три раза въ недѣлю [73].

Съ 1836 года обученіе фехтованію перешло къ шведской службы Капитану Ренгау, курсъ котораго отличался большой сложностью пріемовъ; напр., для отраженія ударовъ кавалериста указывалась цѣлая масса пріемовъ и движеній, исполнявшихся по весьма сложнымъ командамъ; трудность усвоенія этихъ манипуляцій нижними чинами была чрезвычайна; такъ, по командѣ—„въ бокъ скокъ“—первый пріемъ по слову „въ бокъ“—заключался въ перенесеніи лѣвой ноги на четверть аршина къ носку правой ноги, имѣя колѣни согнутыми и касаясь носкомъ лѣвой ноги земли; второй пріемъ по слову „скокъ“—заключался въ большомъ шагу лѣвой ноги, дѣлаемомъ съ размахомъ въ правую сторону (въ полъоборота направо), при чемъ лѣвая нога становилась только на носокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правая нога приподнималась на носкѣ, но оба колѣна оставались согнутыми; третій пріемъ заключался въ скачкѣ на три полныхъ шага въ правую сторону, при чемъ слѣдовало всѣмъ тѣломъ повернуться налѣво, послѣ чего встать въ прежнее положеніе на одни только носки; четвертый пріемъ заключался въ тихомъ опусканіи на обѣ ступни. Команда—„коли“—исполнялась въ 8 пріемовъ. Эти акробатическія упражненія не могли прійтись по вкусу русскимъ войскамъ, почему они и были впослѣдствіи сильно сокращены, войдя въ извлеченіи въ рекрутскій уставъ [74]. Впослѣдствіи же фехтованію обучались лишь тѣ нижніе чины, которые состояли въ числѣ застрѣльщиковъ; только разсыпной строй могъ дать болѣе или менѣе серьезное примѣненіе правиламъ фехтованія того времени, почему застрѣльщики и обучались нападенію и оборонѣ въ стрѣлковыхъ цѣпяхъ путемъ упражненій по правиламъ фехтованія [75].

Л.-Гв. Финляндскій полкъ, какъ примѣнявшій преимущественно егерскій и разсыпной строй, долженъ былъ особенно тщательно остановиться на обученіи своихъ чиновъ фехтовальному искусству. Повидимому это такъ и было, такъ какъ при Л.-Гв. Финляндскомъ

полку была составлена особая фехтовальная команда, помѣщавшаяся въ казармахъ полка; въ эту команду посылались по нѣскольку нижнихъ чиновъ отъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ. [76]. Завѣдывалъ ею Прапорщикъ Н. Ганецкій. Нижніе чины обучались фехтованію не только на штыкахъ, но и на рапирахъ, почему команда и называлась ими „лапирной“ (рапирной) [77].

Приказъ по Л.-Гв. Финляндскому полку отъ 27 ноября 1838 года указываетъ, что за зиму этого года въ полку выучено фехтованію на штыкахъ 112 человѣкъ, въ теченіе десяти зимнихъ мѣсяцевъ. Обученіе это производилось повидимому довольно тщательно, что можно заключить изъ того испытанія указаннымъ людямъ, которое производилъ Капитанъ Ренгау поодиночкѣ, „повѣряя ихъ знанія своего дѣла“. Послѣ этого обученіе приказано было и на будущее время производить два раза въ недѣлю по 2 часа.

Видъ Лагеря Гвардейскаго Корпуса при Красномъ Селѣ
со стороны Дудергофа, снятой 1827-го года.
(с: и р: корпуса топографовъ капитанъ Нѣкловъ).

Въ сороковыхъ годахъ фехтованіе мало-по-малу стало уменьшаться во всѣхъ полкахъ гвардейскаго корпуса и, наконецъ, уничтожилось совершенно, вытѣсненное исключительно фронтовыми требованіями, т. е. ружейными пріемами и маршировкой.

Обученіе плаванію тоже признавалось существенно полезнымъ, но попытки ввести его въ войскахъ гвардейскаго корпуса оказались неуспѣшными.

4-го ноября 1848 года [78], Главнокомандующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами получилъ предписаніе Военнаго Министра представить Государю Императору соображеніе, „на какихъ основаніяхъ и какими способами надлежало бы приступить къ учрежденію школъ плаванія“. На запросъ по этому предмету командиръ гвардейской пѣхоты подалъ слѣдующее свое мнѣніе [79], „соображенное съ отзывами гг. начальниковъ дивизій“:

„Для введенія въ войскахъ гвардейскаго корпуса школъ плаванія, полагаю ограничиться, на первое лѣто, образованіемъ учителей. Для чего собрать команду отъ гвардейской пѣхоты, назначивъ въ оную отъ каждой дивизіи по одному офицеру отъ полковъ, по одному унтеръ-офицеру и отъ каждой роты дѣйствующихъ баталіоновъ по одному рядовому, изъ числа умѣющихъ уже плавать и способнѣйшихъ къ тому нижнихъ чиновъ. Офицеры сіи и нижніе чины должны быть освобождены отъ всѣхъ прочихъ ученій и должностей“.

Занятія предполагалось производить съ первыхъ чиселъ іюня и до середины августа, школу устроить въ лагерномъ расположеніи на одномъ изъ озеръ, имѣющихъ большую глубину. Наблюденіе за здоровьемъ людей школы предполагалось поручить одному изъ медиковъ.

Далѣе командиръ гвардейской пѣхоты писалъ:

„По образованіи въ корпусной командѣ учителей изъ нижнихъ чиновъ, составить, на слѣдующій послѣ того годъ, команды въ каждой дивизіи изъ устроеннаго числа людей, назначивъ офицера отъ каждаго полка, которыхъ уволить только отъ нарядовъ въ должности; но не отъ учебныхъ лѣтнихъ занятій.....

„По образованію достаточнаго числа учителей для каждой роты, можно будетъ увеличивать въ полкахъ число обучающихся, сколько сочтется нужнымъ.....

„Сверхъ занятія нижнихъ чиновъ симъ искусствомъ по дивизіямъ, можно было бы держать постоянно въ маломъ числѣ обучающую команду отъ всѣхъ полковъ гвардейской пѣхоты, изъ способнѣйшихъ людей, кои, совершенствуясь въ искусствѣ плаванія, передавали бы пріобрѣтаемыя ими знанія и нововведенія въ дивизіонныя команды....

„Офицеры, входящіе въ составъ командъ, должны непремѣнно сами изучить сіе искусство, и быть примѣровъ для нижнихъ чиновъ.

„Весьма полезно бы было издать, хотя впослѣдствіи, правила и всѣ замѣчанія до искусства плаванія относящіяся".

Но всѣ эти предположенія и проекты не были утверждены. Въ отвѣтъ на нихъ командующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами получилъ слѣдующее извѣщеніе: „Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: учрежденіе школъ плаванія для гвардейскаго корпуса, по значительности для сего издержекъ, отложить до времени".

Такимъ образомъ и этотъ полезный отдѣлъ солдатскаго обученія былъ отброшенъ въ угоду строевымъ требованіямъ того времени.

Къ особымъ вспомогательнымъ занятіямъ того времени слѣдуетъ отнести обученіе всѣхъ нижнихъ чиновъ сигналамъ и боямъ, жалонерныя ученья и ученья тамбуръ-мажоровъ и музыкантовъ.

Обученіе сигналамъ и боямъ производилось сначала только по слуху; но усвоеніе значительнаго количества музыкальныхъ фразъ было весьма затруднительно для нижнихъ чиновъ; поэтому Великій Князь Михаилъ Павловичъ приказалъ подобрать ко всѣмъ сигналамъ и боямъ какія-нибудь подходящія по смыслу простыя слова, которыя облегчили бы запоминаніе ихъ солдатамъ. Въ февралѣ 1838 года всѣ полки гвардейскаго корпуса получили литографированные листы съ сигналами и со словами къ нимъ [80].

Занятія съ жалонерами или такъ называемыя жалонерныя ученья производились не только отдѣльно въ своемъ полку, но и при сведеніи жалонеровъ бригады и дивизіи. Значеніе придававшееся имъ въ то время господства парадовъ и сложныхъ построеній было велико: на жалонерныхъ ученьяхъ бывалъ даже Государь Императоръ Николай Павловичъ; такъ, жалонерное полковое ученье въ августѣ 1834 года было въ Высочайшемъ присутствіи [81].

Обученіе тамбуръ-мажоровъ гвардейскихъ полковъ пѣхоты производилъ учитель барабанщиковъ гвардейскаго корпуса; въ 1841 году должность эту занималъ иностранецъ Штохъ, который обучалъ всѣхъ тамбуръ-мажоровъ „тамбуръ-мажорскимъ пріемамъ и барабаннымъ боямъ" [82]; надо полагать, что указанные пріемы были очень трудны и требовали особыхъ свойствъ отъ назначеннаго въ тамбуръ-мажоры. Во всякомъ случаѣ выборъ въ тамбуръ-мажоры (изъ рядовыхъ) былъ настолько важенъ, что назначавшіеся въ нихъ особо представлялись корпусному командиру [83].

Обученіе музыкантовъ происходило въ полку, но передъ большими парадами и смотрами полковые музыкантскіе хоры сыгрывались между собою.

Особыхъ занятій съ унтеръ-офицерами не производилось, по крайней мѣрѣ приказы по полку не даютъ объ этомъ указаній.

„Краткое наставленіе объ обязанностяхъ пѣхотнаго унтеръ-офицера и солдата", 1832 года, указываетъ на слѣдующія обязанности унтеръофицера:

„Исправный унтеръ-офицеръ ведетъ себя прилично своему званію; знавши самъ совершенно правильно, стоять, равняться, съ терпѣніемъ долженъ всему тому учить ввѣренную ему команду; знаетъ должность свою въ караулахъ и дежурствахъ и вездѣ при прочихъ командировкахъ. Притомъ всегда и во всякомъ случаѣ долженъ быть бодръ, расторопенъ и разсудителенъ".

Къ особой категоріи занятій относились тогда „упражненія полевой службой", къ 50-мъ годамъ получившія названіе „аванпостныхъ ученій"; здѣсь изучались обязанности солдата „на передовыхъ постахъ, отводныхъ и наблюдательныхъ пикетахъ, въ патруляхъ и въ цѣпи". Занятія эти велись весьма рѣдко; упоминанія о нихъ встрѣчаются лишь въ 1827 году и въ 1854 году, т. е. въ годы предшествовавшіе выступленію полка въ походы. Въ 1827 году ихъ приказано было производить при вечерней перекличкѣ, въ продолженіе часа [84]. Въ 1854 году занятія эти производились уже въ присутствіи начальника дивизіи особо выбранной изъ полка ротой; всѣ прочіе полковые офицеры должны были на нихъ присутствовать [85]. Въ другіе годы эти занятія вѣроятно не производились.

Отдѣльныя фронтовыя занятія съ офицерами, такъ называемыя 8-ми и 12-ти рядныя ученья бывали очень часто, по нѣскольку разъ въ недѣлю. На этихъ ученьяхъ субалтернъ-офицеры изучали, подъ руководствомъ батальонныхъ командировъ, а иногда и командира полка, всѣ тонкости многочисленныхъ перестроеній и „эволюцій фронтового порядка"; это были единственныя, кромѣ церемоніальнаго марша, домашнія ученья, на которыхъ присутствовали младшіе офицеры; но вмѣстѣ съ тѣмъ эти ученья были очень трудны для нихъ, такъ какъ, при чрезвычайной сложности устава того времени, никогда и никто изъ самыхъ знатоковъ строевого дѣла не могъ за себя поручиться, чтобы не сдѣлать ошибки не только по „дистракціи", но и по незнанію. Эти ученья тѣмъ болѣе были непріятны, что командиры полковъ должны были каждый мѣсяцъ доносить по командѣ, кто изъ офицеровъ „оказался слабымъ по фронту" [86].

Помимо этихъ занятій младшіе офицеры участвовали еще въ „теоретическихъ занятіяхъ по уставамъ". Производились эти занятія въ дежурной комнатѣ подъ руководствомъ кого-либо изъ штабъ-офицеровъ. Въ 40-хъ годахъ ими руководилъ Полковникъ Масловъ, а въ 50-хъ—Полковникъ Яхонтовъ. Въ 1846 году Полковникъ Масловъ руководилъ не только своими офицерами, но и всѣми офицерами гвардейской пѣхоты, которые и собирались въ дежурной комнатѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка [87].

Участіе же младшихъ офицеровъ, а зачастую и ротныхъ командировъ, въ самомъ важномъ дѣлѣ—въ обученіи и воспитаніи нижнихъ чиновъ—было минимально: обученіе велось „дядьками" и младшіе офицеры не являлись совсѣмъ на занятія въ роты, кромѣ строевыхъ ученій ротъ въ полномъ составѣ.

Такимъ образомъ служба офицеровъ заключалась, главнымъ образомъ, въ несеніи нарядовъ, святое же дѣло обученія солдатъ было имъ чуждо.

Въ этомъ заключалась значительная разница съ тѣмъ положеніемъ, которое занимаетъ теперь офицерство въ развитіи своихъ подчиненныхъ.

Чины Л.-Гв. Финляндскаго полка, какъ офицерскіе, такъ и нижніе, имѣли нерѣдко командировки для показанія „правилъ фронта" въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Юнкеровъ, въ Павловскій корпусъ (Павловское военное училище) и въ Горный Институтъ [88], а также и въ полки легкой гвардейской кавалеріи. Прежде чѣмъ отправляться въ послѣднюю командировку надлежало отбыть особый сборъ при Образцовомъ Пѣхотномъ полку, гдѣ, для подготовки гвардейскихъ пѣхотинцевъ къ роли инструкторовъ для кавалеріи, имѣлся отдѣльный сводный батальонъ. Командировки въ кавалерію были значительны; такъ, въ 1836 году туда было командировано отъ полка 1 штабъ и 6 оберъ-офицеровъ и 70 нижнихъ чиновъ [89].

Иногда нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго полка командировались и въ пѣхотные полки „для основательнаго и точнаго усовершенствованія" нижнихъ чиновъ этихъ полковъ „въ одиночномъ ученіи"; такъ, въ февралѣ 1836 года для этой цѣли было командировано въ Л.-Гв. Гренадерскій полкъ 4 унтеръ-офицера и 8 ефрейторовъ [90]; а въ февралѣ 1839 года въ приказѣ по полку было объявлено слѣдующее:

„По приказанію Его Императорскаго Высочества командира отдѣльнаго гвардейскаго корпуса г. Поручикъ Шмидтъ назначается къ откомандированію въ 3-й батальонъ Л.-Гв. Московскаго полка для командованія ротою и съ нимъ предписываю г.г. батальоннымъ командирамъ 1 и 3 батальономъ назначить отъ каждой роты по одному унтеръ-офицеру и 2 ефрейтора изъ самыхъ лучшихъ, для отправленія къ командиру Л.-Гв. Московскаго полка Генералъ-маіору Штегельману".

Эти командировки, а также вообще и положеніе, занимаемое Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ въ строевомъ отношеніи во время царствованія Императора Николая I показываютъ, что полкъ въ то время стоялъ по строю однимъ изъ первыхъ во всемъ гвардейскомъ корпусѣ, поддерживая этимъ свою отличную репутацію, заслуженную много ранѣе, съ самаго своего основанія.

Глава IX.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ царствованіе Императора Николая I.

Стрѣлковое дѣло.

„Вчера смотрѣлъ Я по одной ротѣ въ стрѣльбѣ въ цѣль съ каждаго полка. На 150 шаговъ бат. огнемъ въ Финляндск. полку изъ 540 пуль нашлось въ мишени 383, въ Павловскомъ—320, а въ Семеновскомъ—до 300, въ прочихъ — отъ 180 до 250, что Меня весьма порадовало и чего Я не ожидалъ“.

Изъ письма Государя Императора Николая I, отъ 2 іюля 1834 г.

Состояніе стрѣлковаго дѣла русской арміи за время царствованія Императора Николая I въ схематическомъ видѣ представляется слѣдующимъ образомъ: сначала—сохраненіе условій предыдущей эпохи, т. е. весьма малое развитіе стрѣльбы въ войскахъ и полный застой при отсутствіи интереса къ этому дѣлу; потомъ, начиная съ 40-хъ годовъ, оживленная дѣятельность, постоянные опыты, нововведенія и усовершенствованія; въ концѣ концовъ стрѣлковое дѣло достигло хотя и крупныхъ, но все-таки весьма недостаточ-

ныхъ результатовъ: русская армія въ послѣдніе годы разсматриваемаго времени оказалась и хуже вооруженной и хуже стрѣлявшей, чѣмъ западно-европейскія арміи, что несомнѣнно составило для нея громадный минусъ, дорого оплаченный въ войну 1854—1855 годовъ.

Въ первые годы царствованія Императора Николая I идеи старыхъ временъ все еще жили въ русской военной средѣ; суворовское изрѣченіе—„пуля—дура, штыкъ—молодецъ"—находило себѣ массу послѣдователей. Хотя стрѣльба въ приказахъ того времени и считалась „важнымъ предметомъ" [1], но тѣмъ не менѣе, въ дѣйствительности, она продолжала быть въ загонѣ. Только успѣхи стрѣлковаго дѣла за границей, особенно во Франціи, послужили толчкомъ къ развитію и у насъ этой важнѣйшей отрасли военнаго дѣла, сосредоточившей на себѣ въ 40-хъ—50-хъ годахъ вниманіе всей интиллегентной части русской арміи.

Результаты этого вниманія не замедлили сказаться: въ 1844 году русская армія получила ударное ружье и разсталась съ кремневымъ, просуществовавшимъ въ русскихъ полкахъ около 150 лѣтъ, съ самаго основанія регулярной петровской арміи; въ 1854 году послѣдовало другое крупное измѣненіе: гладкоствольныя ружья отошли въ область преданія и нарѣзное оружіе завоевало себѣ всеобщее распространеніе.

Введеніе новаго усовершенствованнаго оружія составило весьма значительный прогрессъ, такъ какъ новыя улучшенныя ружья позволяли увеличить мѣткость, дальнобойность и скорострѣльность пѣхотнаго огня. *

Первые годы царствованія Императора Николая I русская армія была вооружена 7-ми линейными ружьями образца 1808 года. Въ 1826 и 1828 годахъ появились новые образцы ружей, представлявшіе собою тѣ же ружья 1808 года, но только нѣсколько укороченные для уменьшенія вѣса; были въ этихъ ружьяхъ и нѣкоторыя незначительныя измѣненія по сравненію съ образцомъ 1808 года, напр. болѣе косой прикладъ съ щекой. Ружья образца 1826—1828 годовъ поступили на вооруженіе послѣ кампаніи 1831 года, до этого же времени полки получали новыя ружья прежняго образца, имѣвшіяся на заводахъ въ значительныхъ запасахъ [2].

Л.-Гв. Финляндскій полкъ сдѣлалъ кампаніи 1828 и 1831 годовъ съ новыми ружьями прежняго образца 1808 года, полученными имъ съ Ижевскаго завода передъ выступленіемъ въ турецкій походъ [3]. Но незначительная часть нижнихъ чиновъ полка,—24 застрѣльщичьихъ унтеръ-офицера,—получили въ іюлѣ 1827 года штуцера образца Л.-Гв. Финскаго стрѣлковаго батальона 1827 года [4]. Введеніе финскихъ штуцеровъ въ полку, несмотря на ихъ крайне ограниченное число, явилось событіемъ весьма знаменательнымъ въ исторіи вооруженія полка.

Значеніе этого событія заключалось въ томъ, что указанные штуцера представляли собою первое нарѣзное оружіе русской арміи **, введенное для опыта по особому Высо-

---

* Развитіе ружейной техники влекло за собою развитіе стрѣлковой части въ войскахъ; такое положеніе особенно сильно проявилось въ эпоху Императора Николая I, почему описаніе развитія стрѣлковаго дѣла этой эпохи должно начаться съ описанія развитія ружейной части въ войскахъ того времени.

** Мы называемъ штуцеръ обр. 1827 г. первымъ нарѣзнымъ оружіемъ русской арміи, принимая во вниманіе, что онъ былъ введенъ сразу въ значительномъ числѣ; нарѣзныя ружья были въ русскихъ войскахъ еще въ царствованіе Императора Александра I (обр. 1805 г.), были и въ Императорскомъ батальонѣ милиціи, но они давались лишь въ единичныхъ экземплярахъ тогда какъ этотъ штуцеръ былъ выданъ на вооруженіе нѣсколькихъ частей полностью.

чайшему повелѣнію въ Л.-Гв. Финскомъ стрѣлковомъ батальонѣ, давшемъ свое наименованіе этимъ штуцерамъ, и въ Л.-Гв. Егерскомъ и Финляндскомъ полкахъ; финскія войска тоже получили этотъ штуцеръ.

По качествамъ своимъ, штуцеръ 1827 года стоялъ несравненно выше гладкоствольныхъ ружей; достаточно сказать, что мѣткость его была въ четыре раза болѣе; но онъ имѣлъ и значительный недостатокъ: скорость огня его была въ пять разъ меньше чѣмъ гладкоствольнаго ружья; причиной этому были медленность и трудность заряжанія. Послѣднее производилось слѣдующимъ образомъ: пулю, обмотанную намасленною тряпкою, вгоняли въ стволъ ударами молотка и досылали ее до пороховаго заряда помощью шомпола; при этомъ жирная тряпка, хотя и приносила большую пользу, вбирая въ себя при каждомъ выстрѣлѣ, накопившійся нагаръ и очищая такимъ образомъ каналъ ствола, но тѣмъ не менѣе она же и затрудняла заряжаніе, складываясь каждый разъ въ различныхъ складкахъ, мѣнявшихъ толщину обмотанной пули. [5].

Штуцера эти предназначались только для стрѣльбы; на маневрахъ и линейныхъ ученіяхъ унтеръ-офицеры Л.-Гв. Финляндскаго и Егерскаго полковъ ихъ не употребляли, имѣя ружья обыкновеннаго образца со штыками; тесакъ на штуцера приказано было „одѣвать тогда, когда надобность сего требуетъ", обыкновенно же они были безъ тесаковъ. Прицѣла эти штуцера не имѣли совсѣмъ.

По окончаніи войны 1831 года полки стали получать ружья образца 1826—1828 годовъ, такъ называемыя короткоствольныя. Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ эти ружья въ 1832 году [6].

Та же война показала значеніе стрѣльбы въ бою; польскіе стрѣлки, вооруженные лучшими ружьями, не могли не имѣть перевѣса надъ нашими застрѣльщиками. Важность стрѣльбы стала сознаваться, что сказалось прежде всего въ введеніи указаній по стрѣльбѣ, впервые помѣщенныхъ въ пѣхотномъ уставѣ 1831 года.

Тогда же начали принимать мѣры къ улучшенію вооруженія русскихъ войскъ. Въ полкахъ гвардейскаго корпуса плохое состояніе ружей обратило на себя вниманіе командующаго гвардейскою пѣхотою Генерала Бистрома, который подалъ въ 1836 г. военному министру докладную записку съ подробнымъ изложеніемъ причинъ этого нежелательнаго явленія; особенно представлялъ онъ въ своей запискѣ о вредѣ разрывовъ ружейныхъ стволовъ.

„Почитаю долгомъ присовокупить,—писалъ онъ,—что хотя разрывъ ежегодно нѣсколькихъ десятковъ стволовъ, повидимому, не есть обстоятельство большой важности, ибо происходящая отъ сего потеря казны весьма незначительна, но ежели принять въ соображеніе, что разрывъ каждаго ствола лишаетъ довѣрія къ ружью и отнимаетъ у солдата смѣлость вѣрно и спокойно прицѣливаться, то неизбѣжно надо согласиться, что разрывы могутъ имѣть вліяніе на нравственный духъ солдатъ".

Насколько часты были случаи подобныхъ разрывовъ стволовъ можно видѣть изъ таблицы приложенной къ запискѣ Генерала-Адъютанта Бистрома, гдѣ за два года—1835-1836 — въ пяти гвардейскихъ пѣхотныхъ полкахъ было 7 разрывовъ ружейныхъ стволовъ [7].

Помимо подверженности разрывамъ, ружья того времени имѣли много и другихъ

недостатковъ; такъ, по вѣдомости о ружейныхъ стволахъ, подлежащихъ къ отправленію на заводы отъ 1-ой и 2-ой гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій, въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку показано 20 негодныхъ стволовъ; изъ нихъ 11 погнутыхъ, 6 помятыхъ, 1 сдавленный и 2 съ пузырями [8].

Такое плохое состояніе ружей находилось въ зависимости почти исключительно отъ плохой ихъ выдѣлки на заводахъ, что указывалось и въ запискѣ Генерала Бистрома. Къ довершенію всего, заводы выдѣлывали ружья съ весьма значительными отклоненіями отъ Высочайше утвержденныхъ образцовъ. На это послѣднее обратилъ вниманіе Великій Князь Михаилъ Павловичъ и въ результатѣ появилось новое ружье строго опредѣленнаго образца 1839 года. Этотъ образецъ былъ послѣднимъ типомъ кремневаго ружья, просуществовавшаго въ русской арміи почти полтораста лѣтъ съ 1700 года.

Главнѣйшимъ недостаткомъ кремневаго гладкоствольнаго ружья были частыя осѣчки; при лучшемъ кремневомъ замкѣ бывало по 15-ти осѣчекъ на 100 выстрѣловъ; но когда боевая пружина ослабѣвала, а затравка загрязнялась, то число осѣчекъ значительно увеличивалось. Во время дождя порохъ на полкѣ отсырѣвалъ; во время же вѣтра его сдувало; почему въ обоихъ случаяхъ стрѣльба иногда становилась невозможной.

Всѣ эти недостатки кремневаго ружья заставили принять самыя рѣшительныя мѣры къ улучшенію вооруженія русской арміи.

Особо учрежденный „Комитетъ для рѣшительнаго заключенія о лучшемъ устроеніи штуцеровъ и ружей“ началъ производить изысканія по этому поводу. Масса различныхъ образцовъ ударныхъ и передѣланныхъ въ ударныя ружей была испытана этимъ комитетомъ.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ принималъ участіе въ его многочисленныхъ опытахъ вмѣстѣ съ прочими гвардейскими егерскими полками, т. е. съ Л.-Гв. Егерскимъ и Волынскимъ. Такъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1833 года Л.-Гв. Финляндскій и Егерскій полки командировали по 20 человѣкъ отличныхъ стрѣлковъ для опытовъ надъ присланными изъ Парижа ружьями „à la Robert“. „Опытами надъ сими ружьями,—говоритъ приказъ по Л.-Гв. Финляндскому полку [9],—механикъ Велле надѣется доказать не только величайшую пользу введенія оныхъ въ пѣхотѣ, но и превосходство таковаго же устройства мушкетоновъ и пистолетовъ въ кавалеріи, ибо оные легко и чрезвычайно скоро можно заряжать на скаку лошади“.

Въ 1842 году комитетъ остановился на опредѣленномъ способѣ передѣлки кремневыхъ ружей въ ударныя по французскому образцу. Ударная система съ капсюлемъ была принята въ виду значительнаго превосходства ея надъ кремневой системой. Капсюль былъ во много разъ лучше и удобнѣе кремня.

Французскій способъ передѣлки кремневаго ружья въ ударный заключался въ ввинчиваніи въ стволъ стального подстержника, на который насаживался затравочный стержень. Въ русской арміи, гдѣ калибръ и конструкція передѣлочнаго ружья не измѣнялись по отношенію къ кремневому ружью, передѣлка была тоже незначительна и заключалась въ перемѣнѣ курка и ввинчиваньи новой затравки. Работа эта не могла затруднять войска, почему и производилась ихъ собственными средствами.

Въ частности, передѣлка кремневыхъ ружей въ ударныя заключалась въ слѣдующемъ: огниво и подогнивная пружина снимались, полка срѣзывалась въ большей ея части, старая

затравка, расположенная на правой сторонѣ боковой грани, расширялась и завинчивалась винтомъ съ широкою головкою, головка этого винта упиралась въ желобчатую часть полки, чтобы стволъ при ударѣ курка не могъ поворачиваться въ стороны и тѣмъ не ослаблялъ бы казенника. Въ углѣ, образующемся соединеніемъ правыхъ: боковой и промежуточной граней, вваривался подстержникъ и старый курокъ замѣнялся обыкновеннымъ ударникомъ. Всѣ отверстія, остававшіяся отъ прежнихъ винтовъ, завинчивались и задѣлывались вровень съ замочной доской [10].

Л.-Гв. Финляндскій полкъ приступилъ къ передѣлкѣ кремневыхъ ружей въ ударныя въ 1842 году [11]. Но эта передѣлка производилась полкомъ не для его надобностей; она представляла лишь первоначальныя испытанія этихъ передѣлокъ. Передѣланныя ружья были отправлены полкомъ въ различныя мѣста, въ особо приготовленныхъ ящикахъ, послужившихъ образцомъ для такихъ укупорокъ.

Передѣлка же полкомъ ружей, состоявшихъ на его вооруженіи, произошла въ слѣдующемъ 1843 году. Эта передѣлка была одною изъ первыхъ и, можетъ быть, даже самой первой во всей русской арміи. Только въ слѣдующемъ 1844 году, августа 16-го, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о передѣлкѣ ружей во всѣхъ частяхъ русской арміи. Такимъ образомъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ этомъ отношеніи опередилъ, вмѣстѣ съ Л.-Гв. Волынскимъ полкомъ, гдѣ передѣлка ружей производилась одновременно съ нимъ, прочіе полки [12].

Для перевооруженія полка получены были изъ Сестрорѣцка всѣ принадлежности для новыхъ ружей, а отъ другихъ полковъ назначено было по одному—по два оружейника (всего 15 человѣкъ; потомъ добавлено еще 8). Мастерская была устроена въ нижнемъ этажѣ казармъ на углу 18 линіи и Финляндскаго переулка; тамъ поставленъ былъ особый горнъ.

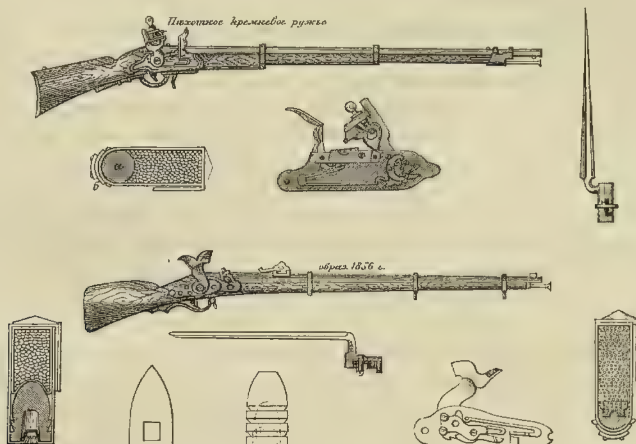
Самыя работы по передѣлкѣ ружей производились подъ наблюденіемъ Генералъ-Маіора барона Коссинскаго. Въ непродолжительномъ времени приготовлено было 752 ружья, а впослѣдствіи и остальныя. Передѣланныя ружья подвергались испытанію и должны были выдержать боевой выстрѣлъ съ 4-хъ золотниковымъ патрономъ. Кромѣ того, полковой командиръ лично долженъ былъ выбрать 10 ружей и изъ каждаго изъ нихъ приказать произвести по 100 выстрѣловъ холостыми патронами, причемъ не должно было быть ни осѣчекъ, ни вспышекъ.

На основаніи опытовъ, произведенныхъ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, сдѣлана была передѣлка кремневыхъ ружей и въ другихъ частяхъ гвардіи, а такъ какъ при этомъ требовалась усиленная дѣятельность „Комитета по улучшенію штуцеровъ и ружей“, то въ составъ членовъ былъ назначенъ командиръ полка, Генералъ-Маіоръ Вяткинъ.

Благодаря, вѣроятно, этому обстоятельству, Л.-Гв. Финляндскій полкъ приготовлялъ образцы различныхъ ящиковъ для укладки и разсылалъ ихъ по назначенію. Одновременно съ этимъ, онъ производилъ испытаніе капсюлей различныхъ образцовъ, пуль со шпеньками и 2-хъ золотниковыхъ патроновъ [13].

Надзоръ за исполненіемъ передѣлки ружей въ полку былъ возложенъ на гвардіи Поручика Лаврова и назначеннаго ему въ помощь оружейника Сестрорѣцкаго завода Молчанова [14].

Одновременно съ передѣлкой кремневыхъ ружей въ ударныя производились опыты надъ улучшеніемъ нарѣзнаго оружія, введеннаго въ 1827 году, т. е. штуцеровъ. Въ 1837 г. штуцера Л.-Гв. Финскаго стрѣлковаго батальона Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ замѣнить лучшимъ и удобнѣйшимъ оружіемъ. На основаніи этого приказанія Комитетъ по улучшенію штуцеровъ и ружей предпринялъ испытанія, которыя имѣли результатомъ введеніе вмѣсто штуцера 1827 года — Литтихскаго штуцера; это было въ 1840 году.

7-ми линейное гладкоствольное кремневое ружье, бывшее на вооруженіи Л.-Гв. Финляндскаго полка до 40-хъ годовъ и 7-ми линейное нарѣзное уборное ружье, введенное въ полку съ 50-хъ годовъ.

Литтихскіе штуцера заряжались легче, вслѣдствіе чего стрѣльба изъ нихъ производилась быстрѣе, чѣмъ изъ штуцеровъ 1827 года; этимъ былъ уменьшенъ главнѣйшій недостатокъ этихъ послѣднихъ.

Литтихскіе штуцера поступили на вооруженіе Л.-Гв. Финскаго стрѣлковаго батальона и, по всей вѣроятности, гвардейскихъ застрѣльщиковъ. Къ сожалѣнію, документами не выясняется, даны ли были эти штуцера, тотчасъ послѣ ихъ введенія, застрѣльщикамъ гвардейскихъ полковъ; извѣстно только, что въ началѣ 40-хъ годовъ у штуцеровъ гвардейскихъ застрѣльщиковъ замки были передѣланы на ударные, но какіе у нихъ именно были штуцера остается неизвѣстнымъ.

Съ 1845 года поступило предложеніе учителя цѣльной стрѣльбы при гвардейскомъ корпусѣ Гартунга о введеніи для застрѣльщиковъ гвардейскихъ полковъ штуцера его изобрѣтенія и въ 1847 году, въ каждый батальонъ гвардейскихъ егерскихъ полковъ было выдано по 24 штуки этихъ штуцеровъ [15].

Штуцера Гартунга, обладая сносными качествами по стрѣльбѣ, были втрое дешевле Литтихскихъ. По произведеннымъ испытаніямъ скорость ихъ стрѣльбы составляла 30 вы-

стрѣловъ въ 22 минуты. На разстояніи отъ 250—600 шаговъ они давали около 50% попаданія [16]. Нарѣзовъ, которые впрочемъ легко срывались, было два. Интересно отмѣтить, что при утвержденіи означеннаго штуцера Государь Императоръ приказалъ, „дабы штуцера сіи не блестѣли на солнцѣ, нужно имѣть при нихъ шомпола вороненые и всѣ блестящія мѣдныя части сдѣлать подъ цвѣтъ бронзы" [17]; штуцера же для застрѣльщиковъ гвардейскихъ полковъ приказано было приготовлять съ принадлежностями не мѣдными, какъ прежде дѣлалось, а желѣзными, которыя должны были ворониться.

Въ 1852 году число штуцеровъ Гартунга, имѣвшихся въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, доходило до 72-хъ. Изъ этого числа исправныхъ было только 23, а остальные были для стрѣльбы совершенно негодны; изъ всего числа штуцеровъ было съ раковинами и заржавленныхъ—22, со сломанными ложами—8, помятыхъ и избитыхъ—14, со слабыми казенниками—9, съ сорванными нарѣзами—3. Надо полагать, что ружья эти были плохо изготовлены, такъ какъ эти штуцера были въ такомъ же состояніи и въ другихъ полкахъ гвардейской пѣхоты [18].

Въ 1848 году явился проектъ снабженія штуцерныхъ стрѣлковъ гвардейскаго корпуса зажигательными ружейными гранатами датчанина Фосса.

Въ приказѣ по гвардейскому корпусу были объявлены правила стрѣльбы этими ракетами. Ракеты пускались на разстояніе до 600 шаговъ; степень углубленія ихъ въ поражаемый предметъ могла быть увеличена соотвѣтствующимъ увеличеніемъ заряда. На дальнихъ разстояніяхъ, напр. на 600 шаговъ, стрѣльбу рекомендовалось производить курьезнымъ образомъ. Для стрѣльбы на указанное разстояніе „надо употребить прицѣлъ,— говорятъ правила,—соотвѣтствующій 400 шагамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ наводить ружья около 4-хъ аршинъ выше точки пораженія".

На каждаго стрѣлка предполагалось выдать по 5 ракетъ, изъ которыхъ двѣ онъ долженъ былъ носить въ сумкѣ, а три хранить въ патронномъ ящикѣ.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ представилъ, въ числѣ другихъ полковъ гвардейскаго корпуса, списокъ своихъ лучшихъ стрѣлковъ, для снабженія ихъ ракетами, но по заявленію современниковъ ракеты не были выданы [19].

Въ 1852 году штуцерныя команды гвардейскихъ полковъ были снабжены для опыта новыми штуцерами Штабсъ-Капитана Эрнрота. Эти штуцера имѣли по 5 нарѣзовъ. Неудобство ихъ заключалось въ трудности передѣлки изъ гладкоствольныхъ ружей, почему они были оставлены лишь въ тяжелыхъ полкахъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Л.-Гв. Финляндскій полкъ принявъ ихъ въ мартѣ 1852 года даже не успѣлъ произвести ихъ испытанія, такъ какъ вскорѣ получилъ приказаніе сдать ихъ, обмѣнявъ на Литтихскіе штуцера [20].

Передѣланныя въ 1843 году изъ кремневыхъ въ ударныя ружья, которыми вооружены были всѣ нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго полка, не долго въ немъ продержались: въ 1849 году послѣдовала замѣна ихъ новыми ружьями образца 1845 года, изготовленными на Тульскомъ заводѣ [21]. Это были первыя ружья, которыя полкъ получилъ изготовленными сразу какъ ударныя. По своей конструкціи они отличались очень незначительно отъ передѣланныхъ изъ кремневыхъ; введеніе ихъ въ полки можно скорѣе всего объяснить необходимостью обновить прежнія ружья, прослужившія въ полку около 6 лѣтъ послѣ передѣлки.

Въ 1854 году послѣдовала новая и послѣдняя въ царствованіе Императора Николая I перемѣна ружей въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку. Въ этомъ году полкъ, подобно прочимъ полкамъ гвардейской пѣхоты, получилъ нарѣзныя ружья образца 1854 года и гладкоствольныя ружья образца 1852 года, которыя долженъ былъ передѣлать самъ въ нарѣзныя; другая часть гладкоствольныхъ ружей была оставлена безъ передѣлки [22].

Такимъ образомъ, въ 1854 году Л.-Гв. Финляндскій полкъ имѣлъ на своемъ вооруженіи: нарѣзныя ружья образца 1854 года; передѣланныя изъ гладкоствольныхъ образца 1852 года въ нарѣзныя—такъ называемыя „передѣлочныя" 1854 года; гладкоствольныя образца 1852 года, которыхъ было незначительное количество, и штуцера—по числу застрѣльщиковъ. Въ массѣ, вооруженіе полка было нарѣзнымъ, а къ концу года гладкоствольныхъ ружей было совсѣмъ мало; они были собраны для ротъ резервнаго батальона [23] со всѣхъ прочихъ батальоновъ; 11-го апрѣля 1855 года эта передача была совершенно окончена [24].

Въ итогѣ 1854 годъ имѣлъ огромное значеніе въ исторіи вооруженія полка; снабженіе почти всѣхъ чиновъ его нарѣзными ружьями представляло фактъ первостепенной важности. Несомнѣнно, что введеніе въ полку нарѣзнаго оружія должно было отразиться на всѣхъ сторонахъ полковой жизни и внести въ нихъ совершенно новыя начала, видоизмѣнившія многое до основанія и, разумѣется, въ лучшую сторону. Въ этомъ и заключалось значеніе этого факта для полка.

Нарѣзное ударное пѣхотное ружье образца 1854 года (новое) имѣло калибръ въ 7 линій, передѣлочное же — въ 7,1 линій. Разница между нарѣзными и передѣлочными ружьями была весьма незначительна. „Наставленіе къ обученію стрѣльбѣ въ цѣль и сбереженію оружія въ полкахъ" 1855 года говоритъ: „Нарѣзныя ружья въ главныхъ частяхъ одинаковы съ гладкоствольными, которыя могутъ быть обращены въ нарѣзныя нарѣзкою въ стволѣ винтообразныхъ дорожекъ или нарѣзовъ и приспособленіемъ къ стволу прицѣла".

И нарѣзное и передѣлочное ружья имѣли четыре нарѣза шириною 2,7 линіи и глубиною 1,5 точки, дѣлавшихъ по длинѣ ствола $^3/_4$ оборота. Прицѣлъ при обоихъ образцахъ былъ, такъ называемый, гессенскій, съ дѣленіями на разстоянія отъ 200 до 1200 шаговъ. Кромѣ мушки на дульной части ствола имѣлась еще дополнительная мушка на штыковой трубкѣ; дополнительная мушка была сдѣлана въ виду того, что при стрѣльбѣ на дальнихъ разстояніяхъ штыковая трубка примкнутаго штыка закрывала вершину мушки, прикрѣпленной къ стволу.

Пуля нарѣзнаго ружья была цилиндро-стрѣльчатая, Бельгійской системы, съ пустотою въ нижней части и приливомъ; на поверхности ея имѣлись три кольцеобразные желобка. Среднiй вѣсъ пули 11,5 золотника, діаметръ—6,9 линій. Патронъ бумажный, просаленный. Пороху въ зарядъ для пѣхотнаго ружья полагалось отъ $1^1/_{16}$ до $1^1/_{10}$ золотника [25].

Заряжалось это ружье съ дула и притомъ весьма сложно. Наставленіе указывало производить его слѣдующимъ образомъ:

„Для заряжанія ружья пулею Бельгійской системы должно сжать конецъ патронной гильзы между большимъ и указательнымъ пальцами правой руки, скусить бумагу у самыхъ пальцевъ и всыпать весь порохъ въ дуло, удерживая ружье въ вертикальномъ положеніи; потомъ оборотить патронъ и вложить пулю въ дуло до обвязки. Оставшуюся

сверху пустую гильзу оторвать отъ пули и ногтемъ сбросить обвязку. Пулю съ просаленною частью бумаги дослать шомполомъ до пороха, и нажать двумя легкими ударами шомпола, конецъ котораго не должно выпускать при этомъ пріемѣ изъ руки". Заряжаніе ружья при стрѣльбѣ лежа производилось еще сложнѣе. Разряжаніе ружья при не выстрѣленной пулѣ было тоже очень затруднительно.

„Для разряжанія,—говоритъ наставленіе,—слѣдуетъ снять капсюль со стержня, очистить его и опустить курокъ. Потомъ легкимъ ударомъ шомпола осадить пулю; навинтить на нее пыжевникъ на столько, сколько нужно, чтобы крѣпко ее захватить, вынуть оную, поворачивая слегка шомполъ въ ту сторону, куда онъ завинчивался, и затѣмъ высыпать изъ отвода пороховой зарядъ".

Содержаніе ружей въ русской арміи за царствованіе Императора Николая I подверглось значительнымъ измѣненіямъ и путемъ различныхъ мѣропріятій постепенно улучшилось въ весьма сильной степени.

Изъ распоряженій по этому поводу главнѣйшимъ являлось предписаніе, помѣщенное въ правилахъ о стрѣльбѣ въ цѣль, изданныхъ въ 1829 году, гдѣ указывалось, что каждый нижній чинъ во все продолженіе своей службы долженъ имѣть одно и то же ружье. Предписаніе это, весьма важное для стрѣльбы, не было однако приведено въ исполненіе; вѣроятно понятія того времени не признавали за нимъ надлежащаго значенія, почему оно нуждалось въ многократныхъ подтвержденіяхъ. Въ 1838 году предписывалось полкамъ гвардейскаго корпуса „придерживаться этого правила неизмѣнно" [26]. Въ 1847 году указанное предписаніе было повторено, причемъ въ правилахъ, изданныхъ по этому поводу выяснялась польза отъ выполненія его.

„Солдатъ,—говорилось въ правилахъ,—получа ружье, при поступленіи въ роту рекрутомъ, и зная, что онъ долженъ съ нимъ прослужить весь свой терминъ, будетъ имѣть о немъ гораздо болѣе попеченія, нежели нынѣ, когда при каждомъ переводѣ ему дается новое.—Переводы же бываютъ нерѣдки.

„Неразлучное служеніе солдата съ однимъ и тѣмъ же ружьемъ даетъ начальству полное право взыскать съ него за преждевременную порчу разныхъ частей онаго.

„Важнѣйшая же польза сей мѣры обнаружится при стрѣльбѣ.—Солдатъ чрезъ обращеніе въ продолженіи всей службы съ однимъ ружьемъ, вполнѣ ознакомится со всѣми свойствами его, приноровится къ недостаткамъ онаго, чѣмъ устранится вредное вліяніе ихъ на стрѣльбу" [27].

Но однако и эти правила не исполнялись въ точности: въ 1854 году снова встрѣчается указаніе въ приказѣ по полку о томъ, чтобы каждый нижній чинъ имѣлъ на всю службу одно ружье [28], которое онъ долженъ былъ сохранять при себѣ при переводѣ изъ роты въ роту и при командировкахъ.

Такимъ образомъ понадобилось почти 25 лѣтъ на то, чтобы указанное основное требованіе прошло бы въ жизнь.

Другой важнѣйшей мѣрой для сбереженія ружей являлось обученіе обращенію съ ними какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, посредствомъ командировокъ въ арсеналы и оружейные заводы; впервые такія командировки встрѣчаются съ 1829 года, когда одинъ унтеръ-офицеръ полка обучался сборкѣ и разборкѣ ружья въ С.-Петербургскомъ арсе-

налѣ [29]. Но командировки эти особенно развились съ 40-хъ годовъ, по мѣрѣ введенія въ полку новыхъ ружей. Такъ, въ 1842 году былъ командированъ въ Сестрорѣцкій оружейный заводъ „для ознакомленія съ оружейнымъ дѣлопроизводствомъ“ Подпоручикъ Вестеніусъ [30], которому и было ввѣрено завѣдываніе оружіемъ въ полку. Должность эту занимали впослѣдствіи Поручикъ Борейша и Подпоручикъ Котовъ, соединяя ее съ должностью полковаго казначея [31]. Въ 50-хъ годахъ командировки офицеровъ на ружейные заводы продолжались, и имъ, по прежнему, придавалось большое значеніе [32]; вмѣстѣ съ тѣмъ, тогда же назначались въ полку особыя команды „для занятій разбора и сбора оружія и правильнаго съ нимъ обращенія“; въ 1853 году такихъ командъ было приказано назначить по 2 съ каждаго батальона численностью каждая по 4 рядовыхъ при 1 унтеръ-офицерѣ; на время лагерей команда эта уменьшалась [33].

Съ конца 30-хъ годовъ, на состояніе ружей въ полкахъ гвардейскаго корпуса стало обращаться такое вниманіе, что осмотръ ихъ начали производить артиллерійскіе штабъ-офицеры; указаніе объ этомъ впервые встрѣчается въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку въ 1839 году: гвардейской конной артиллеріи Полковнику барону Коссинскому было предписано осмотрѣть всѣ ружья полка; осмотръ производился въ присутствіи полковаго казначея; ружья осматривались въ разобранномъ видѣ [34].

Одинъ изъ служившихъ тогда въ гвардейской пѣхотѣ офицеровъ пишетъ въ своихъ запискахъ: „эти осмотры не достигали цѣли“ [35]—и дѣйствительно, какъ показываютъ приказы по полку, они не вызывали никакихъ послѣдующихъ распоряженій; бо̀льшее значеніе въ дѣлѣ сбереженія оружія имѣли распоряженія, командира полка, Генерала Крылова. Въ приказахъ по полку, относящихся ко времени его командованія полкомъ, встрѣчается много указаній по стрѣлковой части вообще и по ружейной въ частности. Значеніе ихъ тѣмъ болѣе велико, что они являются почти впервые съ самаго основанія полка и весьма подробно касаются указаннаго предмета. Для характеристики указаній Генерала Крылова можно привести нижеслѣдующій приказъ отъ 22-го января 1847 года: „Усмотрѣвъ изъ многочисленныхъ поступающихъ ко мнѣ рапортовъ гг. ротныхъ командировъ о порчѣ и ломкѣ оружія, что нижнимъ чинамъ нисколько не внушена вся важность бережнаго обращенія, какъ съ ихъ ружьями такъ и со всею казенною аммуниціею, я не могу приписать этого ни чему другому, какъ недостаточному вниманію гг. ротныхъ командировъ къ этому предмету. А потому предписываю на будущее время представлять рапорты не иначе, какъ убѣдившись прежде посредствомъ личнаго изслѣдованія, дѣйствительно ли могущія случиться и впредь поврежденія въ оружіи и въ особенности ломка штыковъ произошли отъ случая или отъ неосторожности или даже небреженія и тогда уже представлять поврежденныя части, присовокупляя въ рапортѣ, что съ виновныхъ сдѣлано взысканіе, или, если не сдѣлано, то по какимъ именно уважительнымъ причинамъ.

„Равнымъ образомъ предписываю обратить вниманіе на содержаніе ружей въ чистотѣ не только по наружности, но и во внутреннихъ частяхъ ихъ, въ чемъ и убѣждаться, приказывая по временамъ отвинчивать замки и казенники у дулъ и, смотря сквозь дуло на свѣтъ, чѣмъ предупреждая накопленіе ржавчины, подобной оказавшейся въ нѣкоторыхъ ружьяхъ при послѣднемъ ихъ осмотрѣ въ полковой мастерской и которая, будучи за-

пущена долгое время, производитъ въ дулѣ раковины и дѣлаетъ ружье совершенно негоднымъ къ употребленію".

Черезъ два года, въ 1849 году, Подпоручикъ Борейша произвелъ детальный осмотръ всѣхъ ружей полка; результатомъ этого осмотра явился весьма подробный докладъ о состояніи ружей въ полку, выдержки изъ котораго, помѣщены были въ полковомъ приказѣ. Тамъ же указывались главнѣйшіе недостатки въ ружьяхъ, происходившіе отъ неумѣнья съ ними обращаться. „Нѣкоторые нижіе чины,—говорится въ приказѣ,—дозволяли себѣ разбирать безъ надобности замки, отъ чего во многихъ ружьяхъ ходы замковъ неисправны и даже въ одномъ замкѣ была сломана боевая пружина". „Отъ отвинчиванія винтовъ въ куркѣ и неумѣнья ставить курокъ на мѣсто,—указываетъ приказъ,—курокъ шатается во многихъ ружьяхъ и не бьетъ въ центръ гнѣзда".

Въ заключеніе тотъ-же приказъ по полку даетъ указанія о сборкѣ, разборкѣ и чисткѣ ружей, по которымъ солдату разрѣшалось отдѣлять слѣдующія четыре части ружья: штыкъ шомполъ, стволъ и замокъ; „разборка остальныхъ частей наистрожайше воспрещается"—говоритъ приказъ [36]; здѣсь же строго запрещалось употреблять при чисткѣ металлическіе предметы—гвозди и иголки и предписывалось замѣнить ихъ деревяшками, смазанными масломъ.

Всѣ данные приказа по полку по этому поводу были почерпнуты изъ „Наставленія для обращенія съ ударными ружьями" 1842 года; но, что касается до чистки ружей, то опредѣленныя правила для этого были установлены еще въ приказѣ по гвардейскому корпусу 1839 года [37].

Не смотря на цѣлый рядъ указаній о надлежащей чисткѣ ружей, изъ которыхъ послѣдними по времени въ царствованіе Императора Николая I являлись указанія „Наставленія для обученія стрѣльбы въ цѣль и сбереженія оружія въ полкахъ пѣхотныхъ и драгунскихъ", Высочайше утвержденнаго 30 января 1855 года,—чистка ружей продолжала производиться самымъ грубымъ способомъ при помощи кирпича и наждака. Еще въ 1855 году наставленіе находило нужнымъ подтверждать, „что сохраненіе прямизны ствола составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій нарѣзнаго оружія"; казалось что такая основная вещь не нуждалась въ подтвержденіи наставленія; но, принимая во вниманіе плохое обращеніе съ ружьями и особенно плохую ихъ чистку, оно было вполнѣ умѣстно. Чистка ружей „подъ блескъ" продолжала ихъ сильно портить; кирпичъ впрочемъ сталъ изгоняться изъ употребленія въ полку съ 1854 года, когда послѣдовало распоряженіе ружей не чистить до блеска, а смазывать несоленымъ саломъ [38].

Исправленіе порчи въ ружьяхъ полкъ производилъ въ своей оружейной мастерской; отъ казны слѣдовалъ на этотъ предметъ отпускъ годовой ремонтной суммы—на каждое ружье 31,$^{49}/_{160}$ коп. [39]; на эту сумму полкъ долженъ былъ исправлять всѣ поврежденія, кромѣ порчи стволовъ отъ разстрѣловъ и глубокихъ раковинъ [40], что уже исправлялось на заводахъ. Съ 40-хъ годовъ, по введеніи въ гвардіи штуцеровъ, для содержанія ихъ въ исправности былъ нанятъ вольнонаемный оружейный мастеръ для всего гвардейскаго корпуса [41]; въ полку же, хотя оружейный мастеръ и полагался по штату, но до 1834 года его совсѣмъ не было; помимо оружейнаго мастера, положены были для ухода за ружьями полковой ложникъ и при немъ 12 учениковъ; столько же учениковъ было и при оружейномъ мастерѣ [42]. По наставленію 1855 года оружейный мастеръ полка могъ быть вольнонаемнымъ.

Ружейная мастерская Л.-Гв. Финляндскаго полка, какъ стрѣлковой части, была настолько обширна въ то время, что могла принимать на себя такія большія работы, какъ напр. передѣлку ружей для всего полка изъ кремневыхъ въ ударныя, произведенную въ 1843 году.

Пули, употреблявшіяся полкомъ до 1855 года были, за малымъ исключеніемъ, круглыми; только къ штуцерамъ застрѣльщиковъ полагались остроконечныя продолговатыя пули, введенныя съ 1849 года. Для общаго состава чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, какъ и прочихъ полковъ, остроконечныя пули были введены въ мартѣ 1855 года, т. е. черезъ мѣсяцъ послѣ кончины Императора Николая I.

Императоръ Николай I и Великій Князь Михаилъ Павловичъ передъ цѣпью застрѣльщиковъ.

Съ картины того времени А. Iебенса.

Опыты съ продолговатыми остроконечными пулями производились въ русской арміи во все царствованіе Императора Николая Павловича, близко принимавшаго къ сердцу стрѣлковое дѣло Своей арміи. Они начались съ первыхъ лѣтъ по вступленіи Его на престолъ. Такъ, въ 1828 году въ Л.-Гв. Егерскомъ полку было произведено испытаніе стрѣльбы новоизобрѣтенными тогда, остроконечными, продолговатыми пулями фабриканта Грейссона. Самое производство этого испытанія показало въ какомъ младенческомъ состояніи находилось тогда стрѣлковое дѣло вообще и баллистика въ частности; опытная стрѣльба съ указанными пулями производилась при положеніи пули тупымъ, а потомъ уже острымъ концомъ впередъ! Послѣ такого „опыта“ пришли къ заключенію, выраженному впрочемъ не совсѣмъ рѣшительно, о томъ что слѣдуетъ стрѣлять направляя пулю острымъ концомъ впередъ. „Полагать можно, — говоритъ заключеніе, — что

положенная тупымъ концомъ къ пороху (пуля) удобнѣе къ дѣйствію“. Въ результатѣ было приказано отпустить въ гвардейскій корпусъ 300 новыхъ пуль Грейссона [43]. Надо полагать, что пули эти не долго продержались въ гвардіи, по крайней мѣрѣ указаній о нихъ болѣе не встрѣчается.

Въ дѣйствительности остроконечныя пули введены были много позднѣе. Работы заграничныхъ оружейниковъ подвинули этотъ вопросъ много впередъ; особенную заслугу оказали здѣсь французы, выяснившіе на дѣлѣ всю пользу остроконечныхъ пуль. 7-го декабря 1849 года, по представленію артиллерійскаго департамента, Высочайше повелѣно гыло „ввесть для штуцеровъ Литтихскихъ и системы Гартунга патроны съ остроконечною пулею“[44]. Эти пули введены были въ стрѣлковыхъ батальонахъ и для застрѣльщиковъ бвардейскаго корпуса. Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ ихъ въ половинѣ января 1850 года [45].

Такимъ образомъ, лучшіе стрѣлки русской арміи впервые перешли отъ круглыхъ пуль къ продолговатымъ.

Послѣдовавшее затѣмъ изобрѣтеніе Капитаномъ французской службы Минье цилиндрической остроконечной пули, со внутренней пустотой въ заднемъ ея концѣ, давшей при опытной стрѣльбѣ блестящіе результаты, произвело цѣлый переворотъ въ баллистикѣ того времени.

Комитетъ по улучшенію штуцеровъ и ружей имѣлъ въ виду принять пулю Минье въ нашу армію. Опыты указали, что и у нея имѣлся недостатокъ: она была нѣсколько сложна, состоя изъ двухъ частей. Вслѣдствіе этого, послѣдовало Высочайше повелѣніе „изготовить образецъ (пули) по... собственноручно начертанному Его Величествомъ (Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ) рисунку, со внутренней пустотою“, но состоящей изъ сплошной массы, не раздѣленной на части, какъ въ пулѣ Минье. Испытанія ея показали, что она была много выше по своимъ достоинствамъ, нежели пуля Минье.

Но пока производились окончательныя ея испытанія, послѣдовало новое изобрѣтеніе въ этой сферѣ—то была Бельгійская пуля, предложенная въ 1852 году, оружейникомъ Петерсемъ. Ея отличительнымъ свойствомъ являлся стержень, расположенный въ основаніи задняго углубленія пули; его роль была весьма значительна: обращенный назадъ, онъ принималъ на себя первое давленіе пороховыхъ газовъ, отражалъ его на стѣнки пульнаго углубленія, отчего давленіе выходило постепеннымъ и пулю не разрывало.

Первое испытаніе Бельгійской пули въ русской арміи было произведено съ кавалерійскими штуцерами. Результатъ получился болѣе чѣмъ блестящій, почему въ 1854 году и послѣдовало Высочайшее повелѣніе о принятіи ея для нарѣзнаго оружія [46].

Л.-Гв. Финляндскій полкъ началъ вводить у себя Бельгійскую пулю въ іюлѣ 1854 года [47]. Принята она была полкомъ не только для штуцерныхъ, но и для всѣхъ нарѣзныхъ и передѣланныхъ въ нарѣзныя ружей.

Такимъ образомъ завершилось постепенное улучшеніе технической части стрѣлковаго дѣла въ полку.

Остался, впрочемъ, неразрѣшеннымъ одинъ вопросъ этой области—вопросъ о патронахъ. Получивъ въ наслѣдіе отъ прошедшаго времени бумажный патронъ, русская армія, а

въ томъ числѣ и Л.-Гв. Финляндскій полкъ, вступила во вторую половину XIX вѣка съ тѣмъ же бумажнымъ примитивнымъ патрономъ, столь мало пригоднымъ для боевой службы.

Приготовленіе пуль и патроновъ лежало въ то время на полкахъ; гвардейскіе полки продолжали ихъ заготавливать не только для себя, но и для надобностей артиллерійскаго департамента—для снабженія мѣстныхъ парковъ и проч. [48].

Литье пуль и приготовленіе патроновъ производилось особыми „знающими" нижними чинами. Пули лились въ полковой мастерской, откуда выдавались въ роты по мѣрѣ надобности, патроны же приготовлялись въ ротахъ.

О заготовкѣ патроновъ въ приказахъ по Л.-Гв. Финляндскому полку обыкновенно отдавалось такое распоряженіе: [49] „Для пополненія ружейныхъ комплектныхъ боевыхъ патроновъ предписываю приготовить (въ продолженіе мѣсяца) въ каждой ротѣ по 8500 гильзъ со вклеенными пулями. Бумагу для однообразія въ цвѣтѣ и достоинствѣ принять отъ полкового квартермистра Губернскаго Секретаря Гребенюка, въ каждую роту по одной стопѣ, и пули брать изъ полковой мастерской по мѣрѣ изготовленія. Гильзы дѣлать подъ надзоромъ и отвѣтственностью ротныхъ каптенармусовъ. Г. полковому квартермистру, завтра въ 8 час. утра, повѣрить въ мастерской сходны ли съ образцами имѣющіяся въ ротахъ для свертыванія гильзъ палочки, а по изготовленіи патроновъ непремѣнно всѣ прокалибровать, строго браковать негодные и объ исполненіи мнѣ донести".

Палочки, о которыхъ упоминается въ приказѣ, служили для приданія бумажнымъ гильзамъ правильной формы; на нихъ свертывались патроны, потому размѣръ ихъ долженъ былъ быть точнымъ, о чемъ и говоритъ цитируемый приказъ.

Эти лабораторныя работы были обременительны для солдатъ, особенно въ 50-хъ годахъ, когда учебныя стрѣльбы участились и войска готовились къ военнымъ дѣйствіямъ на Финскомъ побережьѣ. Напримѣръ, въ приказѣ по полку отъ 18 февраля 1854 года указывалось: „Подпоручику Леонову завтра въ 8 часовъ утра въ полковомъ манежѣ произвести насыпку 86,580 комплектныхъ боевыхъ патроновъ". Черезъ десять дней слѣдовало указаніе о насыпкѣ снова того же количества боевыхъ патроновъ [50]. Въ апрѣлѣ того же года было предписано приготовить въ четыре дня каждой изъ ротъ дѣйствующихъ батальоновъ по 813 гильзъ для боевыхъ патроновъ [51].

О качествахъ изготовляемыхъ войсковыми частями патроновъ интересное свѣдѣніе даетъ слѣдующее объявленіе въ приказѣ по полку отъ 1843 года [52].

„Артиллерійскій департаментъ увѣдомляетъ, что присылаемыми въ лабораторію нижними чинами отъ гвардейской пѣхоты, въ числѣ 25 человѣкъ, съ 18 по 23 минувшаго сентября изготовлено 1978 патроновъ, изъ коихъ оказались годными только 769, а остальныя 1209 патроновъ признаются для мѣстныхъ парковъ негодными,—почему проситъ, чтобы въ лабораторіи нижніе чины присылаемы были совершенно знающіе дѣло приготовленія патроновъ, а для прекращенія непомѣрнаго числа порчи гильзъ полагаетъ происходящій отъ этого убытокъ казнѣ обращать на тѣ команды, отъ которыхъ присланы будутъ рабочіе, не умѣющіе дѣлать патроны, ибо такое незначительное число, 25 человѣкъ съ полка, по мнѣнію департамента, затрудненій въ этомъ предметѣ представлять не можетъ".

Такъ производились эти работы въ лабораторіи; въ полкахъ же, гдѣ присмотръ за ними былъ тщательнѣе и строже, приготовленіе патроновъ было, конечно, успѣшнѣе.

„Ученіе съ порохомъ“.
Съ акварели П. А. Ѳедотова.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ

Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку это дѣло было поставлено хорошо, что можно заключить изъ того что въ 30-хъ годахъ полку было поручено произвести изысканіе объ уменьшеніи заряда въ патронѣ; полагавшійся тогда $2^1/_2$ золотниковый зарядъ пороха признавался нѣкоторыми слишкомъ большимъ.

Поручикъ Ганъ (впослѣдствіи Генералъ-отъ-инфантеріи), которому было поручено это изысканіе [53], произвелъ его самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Результатомъ его наблюденій явился объемистый отчетъ, гдѣ съ большой точностью была доказана возможность уменьшенія количества пороха. Тѣ же изысканія были поручены и Л.-Гв. Семеновскому полку, гдѣ пришли къ противоположному рѣшенію. Ученый Комитетъ по артиллерійской части детально разобравъ этотъ вопросъ, склонился къ мнѣнію Поручика Гана и патронъ былъ уменьшенъ [54].

Помимо того Л.-Гв. Финляндскому полку поручались испытанія капсюлей особаго образца [55] пуль съ желѣзными шпеньками [56] и различнаго рода укладки патроновъ въ ящики для храненія и перевозки. Командиръ же полка, Генералъ-Маіоръ Вяткинъ, членъ Комитета по улучшенію штуцеровъ и ружей, весьма интересовался технической частью стрѣлковаго дѣла и изобрѣлъ четырехъ-колесный патронный ящикъ собственной конструкціи, который былъ представленъ Великому Князю Михаилу Павловичу, въ февралѣ 1846 года, уже по сдачѣ имъ полка [57].

Въ 1854 году, когда послѣдовало распоряженіе о введеніи въ войскахъ Бельгійскихъ пуль, весьма трудныхъ для отливки, вслѣдствіе сложности ихъ формы, нѣкоторые выборные нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго полка были посланы въ С.-Петербургскую лабораторію для изученія отливки этихъ пуль [58]. Изъ офицеровъ полка это было поручено Подпоручику Ждановичу [59]. Черезъ полтора мѣсяца послѣ начала ихъ обученія они получили приказаніе „изготовить полное комплектное число Бельгійскихъ пуль для нарѣзныхъ ружей“ полка [60]. Съ этою цѣлью Подпоручикъ Ждановичъ и нижніе чины его команды были командированы изъ Сестрорѣцка, гдѣ стоялъ тогда полкъ, въ Петербургъ; помѣщеніе имъ въ Петербургѣ было отведено въ казармахъ Л.-Гв. Литовскаго полка.

Отпускъ патроновъ, какъ боевыхъ, такъ и холостыхъ былъ по прежнему незначителенъ. По положенію отпускалось въ годъ по 10 боевыхъ учебныхъ патроновъ и 30 холостыхъ [61]. Такъ продолжалось до 50-хъ годовъ, когда послѣдовало нѣкоторое увеличеніе этого отпуска * [62]. Наставленіе 1855 года отпускало рекруту на 5 боевыхъ патроновъ въ годъ больше, а старослужащему тоже число, что и прежде [63].

Въ 1850 году было строго опредѣлено количество боевыхъ патроновъ на каждое ружье. Вышедшее тогда „положеніе о количествѣ патроновъ и капсюлей, назначенныхъ къ ударному оружію, объ укладкѣ оныхъ въ патронныхъ ящикахъ и ношеніи капсюлей на людяхъ“ указало, что на каждое ружье въ пѣхотномъ полку надлежало имѣть: 60 патроновъ въ сумкахъ и 40 въ патронныхъ ящикахъ, а всего—100 патроновъ. На каждый боевой патронъ было положено по 1 капсюлю (для ударныхъ ружей) и кромѣ того на 100 патроновъ по 20 запасныхъ капсюлей [64].

---

* На 1841 годъ въ видѣ опыта было отпущено для учебной стрѣльбы въ гвард. корпусѣ по 30 патроновъ на человѣка.

Патроны въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку „по неимѣнію въ полку порохового погреба“ хранились въ полковомъ цейхгаузѣ за отвѣтственностью ротныхъ командировъ. Нижніе чины, возвращаясь съ карауловъ, должны были сдавать патроны „въ присутствіи ротныхъ командировъ и завѣдывающихъ отдѣленіями офицеровъ“. Порохъ же хранился въ С.-Петербургской лабораторіи [65]. Такъ было до 50-хъ годовъ. Въ 1854 году полкъ уже имѣлъ свой пороховой погребъ, гдѣ и хранилъ какъ патроны, такъ и порохъ [66].

Къ вооруженію пѣхотныхъ полковъ въ 50-хъ же годахъ былъ прибавленъ пистолетъ. Л.-Гв. Финляндскій полкъ ввелъ у себя это оружіе въ началѣ 1850 года. Пистолетъ было положено имѣть адъютантамъ и прочимъ выѣзжавшимъ въ строй верхомъ [67].

Стрѣлковое ученье Л.-Гв. Финляндскаго полка 1840 года.

По рисунку того времени.

Въ общемъ вооруженіе Л.-Гв. Финляндскаго полка за вторую четверть столѣтія его жизни можетъ быть представлено слѣдующими двумя таблицами.

Таблица вооруженія общаго состава нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, за время царствованія Императора Николая I (1825—1855 г.г.) [68].

Время вооруженія общаго состава нижнихъ чиновъ полка.	НАЗВАНІЕ РУЖЬЯ.	Гладкоствольное или нарѣзное.	Замокъ.	Калибръ ствола.	Длина ствола.	Длина штыка.	Длина всего ружья.	Вѣсъ штыка.	Вѣсъ всего ружья.	Форма пули.	Діаметръ пули.	Вѣсъ пули.
1815—1827	7-ми линейное пѣхотное ружье образца 1808 года.	Гладкоствольное.	Кнемневый.	7 линій.	3 ф. 8 д. 9 1/2 л.	1 ф. 2 д. 4 3/4 л.	6 ф. 2 д. 3 л.	57 з.	11 ф. 19 з.	Круглая.	6,25 л.	6 з.
1828—1832	То же ружье, но изготовленія 1828 г.	Гладкоствольное.	Кремневый.	7 линій.	Д а	н н	ы я	т ѣ	ж е.	Круглая.	6,25 л.	5,59 з.
1832—1839	Укороченное 7-ми линейное пѣхотн. ружье образца 1828 года.	Гладкоствольное.	Кремневый.	7 линій.	3 ф. 5 д. 4 л.	1 ф. 8 д. 9 л.	Укорочено на 2 верш.	80 з.	11 ф. 56 з.	Круглая.	6,25 л.	5,59 з.
1839—1843	То же ружье, но изготовленія 1839 г.	Гладкоствольное.	Кремневый.	7 линій.	Д а	н н	ы я	т ѣ	ж е.			
1843—1849	То же ружье, но передѣланное въ ударное.	Гладкоствольное.	Ударный.	7 линій.	Д а	н н	ы я	т ѣ	ж е.	Круглая.	6,6 л.	6,56 з.
1849—1854	Ударное пѣхотное ружье образца 1845 г.	Гладкоствольное.	Ударный.	7,1 линій.	42 д. 6,6 л.	Длина лезвія штыка. 18 д. 1,7 л.	73 д. 1,4 л.	85 з.	11 ф. 46 з.	Круглая.	6,8 л.	7 з.
Съ 1854 года.	7-ми лин. гладкоствольное ружье образца 1852 года.	Гладкоствольное.	Ударный.	7,1 линій.	Д а	н н	ы я	т ѣ	ж е.	Круглая.	6,6 л.	6,65 з.
Съ 1854 года.	То же ружье, передѣланное въ нарѣзное, такъ назыв. „передѣлочное".	Нарѣзное въ 4 нарѣза.	Ударный.	7,1 линій.	Д а	н н	ы я	т ѣ	ж е.	остроконечная.	6,9 л.	11 1/2 з.
Съ 1854 года.	Нарѣзное ружье образца 1854 года.	Нарѣзное въ 4 нарѣза.	Ударный.	7 линій.	42 д. 6,6 л.	Длина лезвія штыка. 17 д. 9,7 л.	76 д. 2 л.	89 з.	11 ф. 82 з.	остроконечная.	6,9 л.	11 1/2 з.

Таблица вооруженія „застрѣльщиковъ“ или „стрѣлковъ“ Л.-Гв. Финляндскаго полка, за время царстованія Императора Николая I (1825—1855 г.г.) [69].

Время вооруженія „застрѣльщиковъ“ или „стрѣлковъ“ полка	НАЗВАНІЕ РУЖЬЯ.	Гладкоствольное или нарѣзное.	Замокъ.	Калибръ ствола.	Длина ствола.	Длина. штыка.	Длина всего ружья.	Вѣсъ штыка.	Вѣсъ всего. ружья.	Форма пули.	Діаметръ пули.	Вѣсъ пули.
1827—1840	Штуцеръ Л.-Гв. Финскаго стрѣлк. батальона образца 1827 г.	Нарѣзное въ 24 нарѣза.	Кремневый.	6 л.	28½ д.	Къ штуцеру полагался тесакъ, носимый отдѣльно.	43¼ д.		безъ тесака. 10 ф. 1 з.	Круглая.		
1840—1847	Штуцеръ Л.-Гв. Финскаго стрѣлк. батальона образца 1827 г. передѣланный въ ударный.	Нарѣзное въ 24 нарѣза.	Ударный.	Данныя тѣ же.								
1847—1854	Штуцеръ Гартунга для стрѣлк. батальоновъ образца 1843 г.	Нарѣзное въ 24 нарѣза.	Ударный.	7 л.	30 д. 1,4 л.	Длина лезвія штыка-тесака. 22 д. ½ л.	67 д. 4,4 л.	2 ф. 22 з.	12 ф. 87 з.	Круглая. и остроконечная съ ушками съ 1849 г.	6,7 л.	11 з. 6 д.
1848 годъ.	Не утвержденный проектъ снабженія штуцерныхъ зажигательными ружейными гранатами Фосса.											
Весьма короткое время въ 1852 году.	Штуцеръ Эрнрота 1851 г. передѣланный изъ гладкоств. ударн. пѣхотн. ружья образца 1845 г.	Нарѣзное въ 5 нарѣзовъ.	Ударный.	7,1 л.	42 д. 6,6 л.	Длина лезвія штыка. 18 д. 1,7 л.	73 д. 1,4 л.	85 з.	11 ф. 46 з.	остроконечная.		
Съ 1852 года.	Штуцеръ стрѣлк. батальоновъ образца 1843 г., Литтихскій.	Нарѣзное въ 2 нарѣза.	Ударный.	7 л.	30,14 дм.	тесакъ.	67 д. 4,4 л.		12 ф. 87 з.	Двѣ пули: круглая съ желобкомъ и остроконечная.		
Съ 1854 года.	Нарѣзное ружье образца 1854 года.	Данныя въ предыдущей таблицѣ.										

Стрѣльба въ войскахъ гвардейскаго корпуса въ царствованіе Императора Николая I испытала на себѣ тѣ же измѣненія, которымъ подверглось ружейное дѣло той эпохи. Въ началѣ, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, пока оружіе совершенствовалось незначительно, въ стрѣльбѣ было мало улучшеній и только, начиная съ 40-хъ годовъ, эта важнѣйшая отрасль военнаго дѣла стала совершенствоваться весьма замѣтно. Нѣкоторое благотворное вліяніе на развитіе оказали и войны, которыя велись тогда Россіей, особенно Польская кампанія 1831 года.

Вліяніе послѣдней сказалось въ томъ, что вышедшій послѣ этой войны уставъ пѣхотной службы 1831 года все касающееся стрѣльбы вынесъ изъ прибавленій и включилъ въ свой текстъ. Это одно уже было значительнымъ шагомъ впередъ въ развитіи стрѣлковаго дѣла: съ этого времени обученіе стрѣльбѣ становилось также обязательнымъ какъ маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ, будучи поставлено въ уставѣ рядомъ съ ними и написанное тѣми же буквами.

Введеніе тогда-же, т. е. послѣ кампаніи 1831 года, новаго вооруженія тоже должно было способствовать поднятію стрѣльбы. Въ маѣ 1834 года Государь Императоръ Николай I писалъ въ одномъ изъ писемъ къ Генералъ-Фельдмаршалу кн. Паскевичу: [70] „Стрѣльба въ цѣль у насъ вездѣ плоха; съ старыми ружьями можно сіе нѣсколько извинить, но съ новыми, отличными въ отдѣлкѣ и удобными для прикладки, нѣтъ уже никакой причины, могущей препятствовать довести сію часть до должной степени совершенства“.

Но къ сожалѣнію предположенія Государя и уставныя требованія остались почти не исполненными и стрѣльба до 40-хъ годовъ была по прежнему въ загонѣ.

Обученіе стрѣльбѣ въ концѣ 20-хъ годовъ, т. е. при началѣ разсматриваемаго періода, происходило на тѣхъ же основаніяхъ какъ и въ періодъ послѣ Наполеоновскихъ войнъ. Полки гвардейскаго корпуса обучали тогда лучшихъ людей у чиновника Агапова, при чемъ отъ каждаго полка назначалось по 1 унтеръ-офицеру и по 4 рядовыхъ [71]. Прекрасные результаты, обнаруженные этими командами естественно вызвали желаніе ихъ увеличить, что и было исполнено по приказанію Великаго Князя Михаила Павловича. „Имѣя въ предметѣ довести стрѣльбу постепенно до возможнаго совершенства“, Его Высочество предписалъ не только увеличить эти команды, но и подготовлять учителей по стрѣлковому дѣлу изъ нижнихъ чиновъ, прошедшихъ въ нихъ курсъ стрѣльбы [72]. Въ 30-хъ годахъ вмѣсто чиновника Агапова инструкторомъ стрѣльбы въ гвардейскомъ корпусѣ явился „учитель“ Гартунгъ [73].

Нижніе чины общаго состава гвардейскихъ полковъ принимали участіе въ прохожденіи курса стрѣльбы въ весьма ограниченномъ размѣрѣ—два, три раза въ годъ они выпускали по 2—3 пули. Дистанціямъ на которыхъ производилась стрѣльба, значенія особеннаго не придавалось и потому онѣ предоставлялись „на усмотрѣніе ротныхъ командировъ“. Но въ большинствѣ случаевъ стрѣляли на три дистанціи: 100, 150 и 200 шаговъ. Стрѣльба производилась по осенямъ, со второй половины августа до 1-го октября, т. е. по окончаніи лагерей и маневровъ, въ періодъ наибольшаго затишья, когда офицерство разъѣзжалось по отпускамъ, а нижніе чины увольнялись на вольныя работы. Мѣстомъ стрѣльбы въ полку обыкновенно назначалось поле за Смоленскимъ кладбищемъ. Иногда впрочемъ стрѣльба производилась и въ зимніе мѣсяца, изрѣдка и въ лагерѣ. Въ общемъ

въ 30-хъ годахъ упражненій въ стрѣльбѣ для полка назначалось не болѣе 20-ти, въ каждомъ изъ которыхъ участвовало по ротѣ, по двѣ.

Испытанія по стрѣльбѣ производились не всѣмъ нижнимъчинамъ, а выбраннымъ по 2 унтеръ-офицера отъ каждой роты; иногда присоединялось къ нимъ по 4—6 рядовыхъ. Затѣмъ число рядовыхъ было увеличено до 20. На нѣкоторыхъ испытаніяхъ присутствовалъ Государь Императоръ Николай Павловичъ; въ такомъ случаѣ они производились на Семеновскомъ плацу.

Въ 1834 году былъ введенъ новый видъ стрѣльбы—цѣлыми ротами въ особыя большія мишени, только что введенныя и продержавшіяся, кажется, не долгое время; по крайней мѣрѣ приказъ по полку не упоминаетъ болѣе объ этой стрѣльбѣ. Сохранившаяся вѣдомость одного изъ упражненій этого вида стрѣльбы показываетъ, что „въ полѣ" очутилось въ общемъ болѣе $^2/_3$ всѣхъ выстрѣленныхъ пуль. Въ деталяхъ же вѣдомость даетъ слѣдующія весьма интересныя указанія [74]:

Число.		Р А З С Т О Я Н І Е.												ВСЕГО.		
		На 150 шаг.				На 200 шаг.				На 250 шаг.						
Чиновъ.	Выстрѣловъ.	Въ цѣль.	Въ щитъ.	Въ полѣ.	Итого.	Въ цѣль.	Въ щитъ.	Въ полѣ.	Итого.	Въ цѣль.	Въ щитъ.	Въ полѣ.	Итого.	Въ цѣль.	Въ щитъ.	Въ полѣ.
1260	3780	304	337	614	1260	184	278	793	1260	105	273	882	1260	603	888	2289

Основнымъ указаніемъ при обученіи стрѣльбѣ въ то время явилось слѣдующее „главнѣйшее правило", приведенное въ приказѣ по пѣхотѣ гвардейскаго корпуса, отъ 23 февраля 1827 года. „Главнѣйшее правило въ пальбѣ всякаго рода,—говоритъ приказъ,—которое должно безпрестанно внушать людямъ и наблюдать за точнымъ исполненіемъ онаго, есть то, чтобы прикладъ упираемъ былъ въ плечо плотно и цѣль выстрѣла брана вѣрнѣйшимъ образомъ".

Виды стрѣльбы, тогда производившейся, остались почти безъ измѣненій сравнительно съ указанными уставами и инструкціями конца царствованія Императора Александра I: стрѣляли батальонами и дробными его частями; производилась также и стрѣльба рядами, при чемъ люди второй шеренги сгибали правое колѣно во время самаго производства выстрѣла [75], люди же третьей шеренги не стрѣляли вовсе, а заряжали свои ружья для людей второй шеренги.

Уставъ 1831 года далъ нѣкоторыя новыя указанія о производствѣ стрѣльбы. Дистанціи имъ были указаны слѣдующія: 40, 60, 100, 150, 200, 250, 300 и 350 шаговъ. Мишени были увеличены втрое. Даны точныя опредѣленія, какъ считать попаданія пуль въ мишени. Предъявлено къ офицерамъ требованіе въ умѣньи стрѣлять. Введена стрѣльба постепенная, съ малыхъ разстояній до большихъ, при чемъ указывалось не переходить къ послѣдующему разстоянію пока не будетъ усвоена стрѣльба на предыдущемъ.

Къ концу 30-хъ годовъ стрѣльба въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку стала подниматься, что можно видѣть изъ нижеслѣдующей вѣдомости [76]:

	Годы когда стрѣльба произведена. \ Дистанціи въ шагахъ.	120	140	150	200	250	360
Процентное число попавшихъ пуль.	1827 г.	60	41,5	—	—	—	26
	1834 г.	—	—	51	37	30	—
	1837 г.	—	—	77	54,5	34	—
	1838 г.	—	—	90	79	69	—

По отношенію же къ другимъ полкамъ гвардейскаго корпуса стрѣльба въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку стояла выше; въ этомъ отдѣлѣ солдатскаго обученія, Финляндцы соперничали съ Лейбъ-Егерями, гдѣ стрѣлковое дѣло было поставлено лучше чѣмъ въ прочихъ частяхъ. Весьма лестное для Л.-Гв. Финляндскаго полка показаніе о его стрѣльбѣ имѣется въ одномъ изъ писемъ Государя къ Князю Паскевичу, отъ 2 іюля 1834 года. „Вчера смотрѣлъ Я,—писалъ Государь,—[77] по одной ротѣ въ стрѣльбѣ въ цѣль съ каждаго полка. На 150 шаговъ бат. огнемъ въ Финляндскомъ полку изъ 540 пуль нашлось въ мишени 383; въ Павловскомъ—320, а въ Семеновскомъ — до 300, въ прочихъ — отъ 180 до 250; что Меня весьма порадовало и чего Я не ожидалъ“.

Въ 1841 году Государь Императоръ обратилъ особенное вниманіе на постановку стрѣльбы въ гвардейскомъ корпусѣ. Для того, „чтобы корпусъ и по сей части подалъ примѣръ арміи“, были изданы особыя правила, въ которыхъ указывалось слѣдующее:

Занятія стрѣльбой производить въ лагеряхъ, сзади лагерныхъ кухонь, увеличить на 1841 годъ отпускъ патроновъ, производить его и на офицеровъ; всѣмъ офицерамъ и командирамъ полковъ было вмѣнено въ обязанность „стараться собственнымъ примѣромъ вложить въ нижнихъ чиновъ соревнованіе и усердіе къ усовершенствованію въ сей полезной части“, почему всякая стрѣльба должна была начинаться съ командира полка и съ офицеровъ; кромѣ того офицеры „особенно одобрялись къ занятію стрѣльбою въ цѣль“ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; стрѣльбу приказывалось производить „въ свободное отъ фронтовыхъ ученій время и особенно тогда, какъ назначается частямъ войскъ послѣ смотровъ и ученій отдыхъ“; строго предписывалось участвовать въ стрѣльбѣ всѣмъ мастеровымъ безъ изъятія; передъ тѣмъ, чтобы стрѣлять нижніе чины должны были изучить на машинахъ „правила правильнаго прицѣливанія и прикладыванія по методѣ г. Гартунга“; введены призы нижнимъ чинамъ [79].

Но изданіе указанныхъ правилъ не принесло сразу ожидаемой пользы; вѣдомости стрѣльбы 1841 года показали, что результаты ея были „несравненно хуже противу прошлыхъ лѣтъ,—какъ о томъ доносилъ начальникъ штаба гвардейскаго корпуса командую-

щему пѣхотой этого корпуса,—не смотря (на то), что въ нынѣшнемъ году, для усовершенствованія въ семъ искусствѣ доставлено было гораздо болѣе средствъ, почему и предписывалось командирамъ полковъ обратить на обученіе стрѣльбѣ въ цѣль особенное вниманіе" [79].

Вслѣдствіе этого предписанія занятія стрѣльбой съ 1842 года были усилены и ихъ стали производить преимущественно въ лагеряхъ, на смотры стрѣльбы уже начали выводиться цѣлыя отдѣленія, а не попавшимъ на смотрахъ ни одной пули производились повторныя упражненія въ стрѣльбѣ [80].

Въ 1843 году стрѣльбу начали впервые производить въ лагерѣ всѣмъ полкомъ, а 4-го іюля смотровая стрѣльба Л.-Гв. Финляндскаго полка была произведена въ Высочайшемъ присутствіи [81]; съ этого года Государь Императоръ Николай Павловичъ нерѣдко производилъ Самъ годовые смотры стрѣльбы полковъ гвардейскаго корпуса. Не смотря на усилившіяся требованія къ стрѣльбѣ въ сороковыхъ годахъ, она все таки производилась не часто; такъ въ 1847 году Л.-Гв. Финляндскій полкъ прошелъ всего 19 упражненій, считая въ томъ числѣ и смотры, но за то на большинствѣ стрѣльбъ участвовало больше половины ротъ въ полномъ составѣ, чего ранѣе не замѣчалось [82].

Съ 1848 года на смотры стрѣльбы въ Высочайшемъ присутствіи назначались отъ гвардейскихъ полковъ роты по жребію; роты должны были имѣть по 24 ряда во взводѣ при 12 унтеръ-офицерахъ и полномъ числѣ офицеровъ [83].

Введеніе правилъ 1841 года и предъявленіе болѣе строгихъ требованій къ стрѣльбѣ не очень, однако, способствовали улучшенію стрѣлковаго дѣла, почему въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ оно все еще оставляло желать много лучшаго.

Офицеръ, служившій тогда въ одномъ изъ полковъ гвардейской пѣхоты, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ [84]. „Къ сожалѣнію стрѣлковое дѣло не развилось у насъ, и Суворовскій девизъ: „пуля-дура,—штыкъ молодецъ" преобладалъ въ нашей тактикѣ до самой Крымской войны.... Слово „отличный стрѣлокъ" въ 1848 году,—продолжаетъ онъ,—можно было понимать развѣ въ смыслѣ ироническомъ. Никакого техническаго руководства для стрѣльбы, ни словеснаго, ни письменнаго не было; уставъ совершенно умалчивалъ о практикѣ стрѣльбы. Офицеры не могли ей учить солдатъ потому, что сами не стрѣляли и не умѣли стрѣлять, хотя въ высшихъ классахъ военно-учебныхъ заведеній воспитанниковъ и заставляли дѣлать нѣсколько выстрѣловъ боевыми патронами въ мишени. Но это дѣлалось въ послѣднее лѣто передъ выпускомъ, и мы едва-ли могли выпустить болѣе десяти патроновъ. Объ унтеръ-офицерахъ и говорить нечего; они могли быть еще менѣе полезными, нежели въ дѣлѣ одиночной выправки. Солдаты стрѣляли изъ ружей, тогда какъ изъ нихъ по крайней мѣрѣ двѣ трети были негодны для стрѣльбы—разстрѣляны, перепорчены чисткою наждакомъ, ружейными пріемами и ржавчиною. Стрѣляли наугадъ, какъ кому заблагоразсудится, а на умѣ у всякаго было одно только желаніе, какъ можно скорѣе выпустить свои пули и пойти домой. Обнаружить несостоятельность подобнаго обученія могли бы инспекторскіе смотры, производившіеся въ октябрѣ и ноябрѣ. Но смотры эти, т. е. повѣрка и контроль обученія, хозяйства и управленія, производились на такихъ основаніяхъ, какія даже въ тѣ поры бросались въ глаза своею непрактичностью".

При подготовкѣ къ нимъ „предписывалось ротнымъ командирамъ обратить вниманіе на знаніе нижними чинами именъ всѣхъ начальниковъ и номеровъ принадлежащихъ имъ ружей". Предлагалось „озаботиться къ предстоящему смотру Наслѣдника Цесаревича, дабы люди держали ружье на плечѣ правильно, а то нѣкоторые слишкомъ тянутъ прикладъ назадъ. Обратить вниманіе на пригонку капсюльной сумки, чтобы петелька ея была на равнѣ съ пуговицами мундира. Чтобы пуговица касочной чешуи сверхъ козырька была непремѣнно съ правой стороны каски. Чтобы мундирные погоны лежали плотно по плечу". Насчетъ ружей требовалось только, „чтобы всѣ металлическія части блестѣли, что достигалось чисткою кирпичомъ (наждакомъ), кромѣ того, начальство добивалось, чтобы при ружейныхъ пріемахъ каждый пріемъ отчеканивался, а это возможно было тогда, когда ружье было расшатано, развинчено до степени дребезжанія".

Приведенная картина состоянія стрѣлковаго дѣла въ гвардіи въ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ вполнѣ сходится съ дѣйствительностью и подтверждается данными оффиціальной переписки того времени. Различные приказы, циркуляры и предписанія касались тогда преимущественно показной стороны, доходя въ этомъ отношеніи до удивительной пунктуальности; разрабатывалась не сущность стрѣльбы, а пріемы, употребляемые при стрѣльбѣ; масса приказовъ по этому поводу слѣдовали одинъ за другимъ. Какъ образчикъ этихъ приказовъ можно привести приказъ военнаго министра отъ 30 апрѣля 1840 года, за № 31, въ которомъ предписывалось нижнимъ чинамъ, при заряжаніи ружья безъ команды, вести счетъ темпамъ только до тѣхъ поръ, пока не насыпано пороху на полку, т. е. до окончанія счета „семь—восемь" и послѣ того продолжать заряжаніе какъ можно поспѣшнѣе, не соблюдая общаго счета; порохъ же на полки насыпать всегда безъ торопливости и суеты [85].

Самое заряжаніе вполнѣ соотвѣтствовало показнымъ требованіямъ того времени, такъ какъ производилось не болѣе не менѣе какъ въ 31 пріемъ. Это относилось впрочемъ къ полному заряжанію, такъ называемому „на 12 темповъ", помимо того существовали сокращенныя заряжанія—„на 4 темпа" (спѣшное) и „вольное", т. е. безъ команды.

Заряжаніе на 12 темповъ производилось по слѣдующимъ командамъ: 1) шеренга заряжай ружье, заряжанье на 12 темповъ, слушай къ заряду, 2) чехлы долой, 3) открой полку, 4) вынимай патронъ, 5) скуси патронъ, 6) насыпь, 7) закрой полку, 8) обороти ружье, 9) патронъ въ дуло, 10) за шомполъ, 11) бей (прибей), 12) въ ложу (шомполъ въ ложу).

Въ 1851 году это заряжаніе, а равно и „на 4 темпа", были отмѣнены на батальонныхъ и линейныхъ ученіяхъ [86].

Стрѣльба холостыми патронами на „ученіяхъ съ порохомъ" играла тогда, пожалуй, болѣе важную роль, чѣмъ боевая стрѣльба. Срываніе залповъ при батальонномъ огнѣ строжайше преслѣдовалось. „На ученіяхъ и смотрахъ,—говоритъ служившій тогда Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку Подпоручикъ Ганъ [87], — самымъ строгимъ образомъ наблюдалась одновременность залповъ, а при бѣгломъ огнѣ (пальба рядами) — безпрерывность и быстрота пальбы. Главное затрудненіе состояло въ досылкѣ патрона на мѣсто, такъ какъ пріемы съ шомполомъ, который надо было переворачивать, какъ при вынутіи изъ ложи, такъ и при вкладываніи его обратно, составляли причину неоднообразія въ строю. Чтобы

достигнуть желаемаго, холостые патроны приготовлялись длинными и очень тоненькими, которые не нуждались уже въ шомполѣ и свободно сами доходили до казенной части. Звуки выстрѣловъ доказывали быстроту стрѣльбы, а пороховой дымъ закрывалъ всѣ неправильности пріемовъ и заряжаніе безъ шомпола, или съ сокращенными на половину пріемами. Въ манежахъ же, при примѣрной стрѣльбѣ, безъ патрона, выдѣлывались всѣ темпы самымъ тщательнымъ образомъ, но и тутъ были свои уловки, чтобы дать солдату возможность, не торопясь, щегольнуть на глазахъ начальства правильнымъ исполненіемъ всѣхъ темповъ: отдѣленія, для стрѣльбы рядами, разсчитывались такъ, что вмѣсто 6 рядовъ, они составлялись изъ 7 или 8".

Приготовительныя къ стрѣльбѣ упражненія были поставлены въ 40-хъ годахъ на довольно правильныхъ началахъ: завѣдывающій стрѣльбой гвардейскаго корпуса оружейный мастеръ Гартунгъ изобрѣлъ особаго рода „машинку", представлявшую собою станокъ для прицѣливанія, который и былъ введенъ во всѣхъ полкахъ гвардейской пѣхоты. Занятія прицѣливаніемъ на указанномъ станкѣ производились одновременно со стрѣльбой или до стрѣльбы—преимущественно со слабѣйшими по стрѣльбѣ нижними чинами [88].

Стрѣлковое ученье Л.-Гв. Финляндскаго полка 30-хъ годовъ.

Сборникъ Висковатова.

Не было также забыто и глазомѣрное опредѣленіе разстояній до цѣли. Уставъ 1831 года указывалъ для этого представлять солдату всевозможные предметы на разстояніяхъ отъ 50 до 300 шаговъ и болѣе. Занятія должны были производиться сначала на мѣстности ровной, а потомъ пересѣченной и въ различную погоду. Въ 1849 году глазомѣрное опредѣленіе разстояній производилось по методѣ, предложенной Подпоручикомъ Л.-Гв. Измайловскаго полка Черкесовымъ [89], сущность которой заключалась въ томъ, что на каждые 100 шаговъ можно отыскать особыя примѣты, при усвоеніи которыхъ опредѣленіе разстояній могло производиться съ достаточной точностью. Испытаніе этого метода было произведено во всѣхъ полкахъ гвардейской пѣхоты.

Результаты двухъ-мѣсячныхъ опытовъ, произведенныхъ Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку, были обсуждены, вмѣстѣ съ донесеніями другихъ частей въ особой комиссіи, подъ пред-

сѣдательствомъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Капитана Бѣлокопытова, производившаго самые опыты. Комиссія эта пришла къ заключенію, что точныхъ опредѣленныхъ примѣтъ для каждой дистанціи, при различіи зоркости, погодѣ, мѣстности и т. п. обозначить нельзя. Съ этимъ согласились и начальники дивизій, провѣрявшіе въ лагерѣ, въ 1851 году, мнѣніе комиссіи, но такъ какъ вопросъ объ обученіи глазомѣрному опредѣленію разстояній признавался все-таки весьма важнымъ, то комиссія, разсмотрѣвшая предложеніе Подпоручика Черкесова, отклонила способъ примѣтъ и выработала методъ глазомѣрнаго опредѣленія разстояній, который впослѣдствіи, съ нѣкоторыми измѣненіями, помѣщенъ въ наставленіе для стрѣльбы 1855 года [90].

Особымъ видомъ стрѣльбы была въ то время стрѣльба „застрѣльщиковъ" и штуцерныхъ, тѣсно связанная съ развитіемъ разсыпнаго строя.

Разсыпной строй, существовавшій давно въ русской арміи, нашелъ себѣ особое развитіе въ уставѣ 1831 года; онъ указывалъ кромѣ обыкновенной стрѣльбы производить еще стрѣльбу „по застрѣльщичьи".

Сущность обученія этой стрѣльбѣ заключалась въ пріученіи стрѣлка къ свободной стрѣльбѣ съ примѣненіемъ къ мѣстности; производилась эта стрѣльба боевыми патронами въ мишени, а холостыми патронами во время егерскихъ ученій изъ разсыпанныхъ стрѣлковыхъ цѣпей.

Разсыпному строю въ полкахъ линейной пѣхоты обучались лишь одни застрѣльщики, т. е. по 2 унтеръ-офицера и по 24 рядовыхъ съ роты; Л.-Гв. въ Финляндскомъ же полку, какъ въ полку легкой пѣхоты, тому же обучались всѣ нижніе чины. Выдѣленіе въ этомъ отношеніи легкихъ или егерскихъ полковъ гвардіи было настолько значительно, что даже батальонамъ этихъ полковъ при вступленіи въ караулъ предписывалось разсчитывать „для егерскаго строя" [91], чего для другихъ полковъ не было.

Въ застрѣльщики назначались наиболѣе расторопные и ловкіе люди, способные къ стрѣльбѣ.

Половина всего ихъ числа составляла дѣйствующихъ, а остальные запасныхъ застрѣльщиковъ.

На обученіе застрѣльщиковъ обращено было особенное вниманіе.

Они должны были умѣть преодолѣвать всевозможныя искусственныя препятствія, примѣняться къ мѣстности, мѣтко стрѣлять и поддерживать другъ друга. Въ разсыпномъ строю они могли не заботиться о равненіи, ходьбѣ въ ногу и правильности шага, но должны были дѣлать всѣ движенія свободно, легко, не теряя „приличной солдату осанки" и сохраняя, „по возможности, данную имъ выправку".

Боевой порядокъ разсыпного строя состоялъ изъ цѣпи и ея резервовъ. Для защиты отъ нападающей кавалеріи люди разсыпного строя строили кучки, собираясь для этого вокругъ своихъ унтеръ-офицеровъ и становясь лицомъ въ поле.

Для управленія цѣпью введено было 26 сигналовъ на рожкѣ, но при этомъ предписывалось, по возможности, избѣгать ихъ, употребляя преимущественно словесную команду, какъ кратчайшую.

Застрѣльщики помѣщались въ третьей шеренгѣ съ праваго или лѣваго фланга каждаго взвода, что зависѣло отъ того, какъ ранжировалась рота. Они выходили по сигналу

или по бою передъ сомкнутый строй и разсыпались отъ середины впередъ и въ стороны. Съ ними шелъ впередъ офицеръ съ горнистомъ и барабанщикомъ. По первому распоряженію выходили дѣйствующіе застрѣльщики, къ начальнику которыхъ назначалось прикрытіе изъ 2 человѣкъ запасныхъ. Запасные застрѣльщики составляли резервъ цѣпи, долженствовавшій отстоять отъ самой цѣпи шаговъ на 50—80.

Когда резервъ разсыпался, то рота строила ротную колонну и составляла новый резервъ.

При движеніяхъ застрѣльщики держали ружья на изготовкѣ, а ротныя колонны: при движеніи—ружья на перевѣсъ, а стоя на мѣстѣ—у ноги.

Цѣпь застрѣльщиковъ могла наступать, отступать, стрѣлять, заходить направо и налѣво, ложиться, вставать, совершать переправу, перемѣнять фронтъ и быть смѣненной другою новою цѣпью, которая или пропускала старую цѣпь за себя или сама проходила ее, двигаясь впередъ.

Въ батальонномъ строю застрѣльщики становились въ 3-й шеренгѣ: въ ротахъ 1-го полубатальона—на правыхъ, а въ ротахъ 2-го полубатальона—на лѣвыхъ флангахъ взодовъ.

Трехъ-батальонный егерскій полкъ, каковымъ и былъ Л.-Гв. Финляндскій, строился для дѣйствія разсыпнымъ строемъ въ 2 линіи, первая изъ которыхъ состояла изъ одного батальона, поставленнаго въ ротныхъ колоннахъ, а вторая изъ остальныхъ двухъ въ полувзводныхъ колоннахъ изъ середины, въ 200 шагахъ за первою.

Ротная колонна состояла изъ двухъ своихъ взводовъ, поставленныхъ одинъ за другимъ, при чемъ третьи шеренги каждаго взвода, вздвоивъ четные номера за нечетные и образовавъ такимъ образомъ двухшереножный полувзводъ, составляли одинъ взводъ и становились сзади. Слѣдовательно ротная колонна того времени состояла изъ 3-хъ двухшереножныхъ взводовъ, изъ которыхъ сзади стоящій былъ изъ застрѣльщиковъ.

Всѣ построенія и дѣйствія роты въ сомкнутомъ строѣ по сигналамъ исполнялись бѣглымъ шагомъ. Противъ кавалеріи роты строили кучки или каре.

Сигналы были введены для обозначенія слѣдующихъ понятій: первая, вторая, третья и гренадерская роты, резервъ, егерскій батальонъ, правый и лѣвый фланги (т. е. правая и лѣвая половины фронта), застрѣльщики разсыпаться, полъ-оборота и цѣлый оборотъ направо и налѣво, во фронтъ, захожденіе, ложиться, впередъ, назадъ, сомкнуть и перемѣнить цѣпь, переправа, сборъ, стрѣлять, перестать стрѣлять, строить: фронтъ, колонну, кучки или каре и общій исполнительный сигналъ [92].

Обученіе застрѣльщиковъ поручалось младшимъ штабъ-офицерамъ. Занятія съ ними происходили частью въ лагеряхъ, а частью въ Петербургѣ, на Смоленскомъ и Волковомъ полѣ и въ Екатерингофѣ.

Надо полагать, что занятія эти велись рутинно, на что указываютъ приказы того времени. Такъ, приказъ по гвардейскому корпусу отъ 24-го декабря 1845 года предписывалъ къ исполненію довольно старую истину, составляющую къ тому же основу дѣйствій стрѣлка въ разсыпномъ строю. „Если на закрытой и пересѣченной мѣстности данъ будетъ застрѣльщичьей цѣпи сигналъ „ложиться“, — говоритъ приказъ, — то подтверждать, чтобы люди занимали ближайшіе удобные предметы мѣстности“ [93]. Подтвержденіе этого основного требованія разсыпного строя не могло бы, конечно, существовать при соблюденіи его

надлежащимъ образомъ, что позволяетъ прійти къ выводу, что занятія эти велись не такъ, какъ слѣдуетъ. Зато, на ученьяхъ разсыпнымъ строемъ старались больше наблюдать за правильностью расположеній застрѣльщичьихъ цѣпей и резервовъ, дабы они были расположены со всею точностью по установленнымъ требованіямъ, при чемъ стремились имѣть всѣ цѣпи параллельными „дирекціональной части“ [94].

Застрѣльщики были преимущественно вооружены штуцерами, поскольку хватало этихъ послѣднихъ. Впрочемъ, нижніе чины, имѣвшие въ вооруженіи штуцера, сводились для производства боевой стрѣльбы въ штуцерныя команды.

Помимо штуцерныхъ командъ назначались еще особыя команды „обучающихся цѣльной стрѣльбѣ подъ вѣдѣніемъ учителя Гартунга“; эти команды были введены съ 30-хъ годовъ, а съ 40-хъ годовъ появились учебныя команды для образованія учителей стрѣльбы фехтованія и гимнастики [95].

Застрѣльщики, вооруженные штуцерами, получили наименованіе „штуцерныхъ застрѣльщиковъ“. Число ихъ, постепенно увеличиваясь, по мѣрѣ увеличенія числа штуцеровъ въ полку, дошло къ концу 40-хъ годовъ до 78 человѣкъ.

Нижніе чины штуцерныхъ командъ обучались стрѣльбѣ много тщательнѣе прочихъ людей; такъ какъ штуцера были гораздо дальнобойнѣе гладкихъ ружей, то дистанціи для штуцерныхъ застрѣльщиковъ опредѣлялись значительно большія — на 1,000, 900 и 800 шаговъ. На штуцерныхъ застрѣльщиковъ возлагались въ 40-хъ годахъ большія надежды. Гвардейскій офицеръ того времени пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ по поводу ихъ слѣдующее: [96] „кстати упомяну объ одномъ въ высшей степени практичномъ начинаніи, относящемся къ описываемому времени: въ октябрѣ 1848 г. появился приказъ Наслѣдника Цесаревича, Командира гвардейской пѣхоты, „чтобы во всѣхъ полкахъ были исподоволь подготовлены вторыя и даже третьи смѣны штуцерныхъ командъ“. Это распоряженіе, если бы оно получило дальнѣйшее развитіе, могло повести къ коренному преобразованію системы обученія и предотвратить многія изъ послѣдствій Крымской войны. Къ сожалѣнію, Венгерская кампанія разыгралась быстро и кончилась побѣдоносно для русскаго оружія, и доброе начинаніе заглохло и уступило мѣсто господствующей системѣ военнаго образованія“.

Въ 1853 году, впрочемъ, послѣдовало увеличеніе штуцерной команды Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку; въ іюнѣ этого года было получено приказаніе „о составленіи двойнаго комплекта штуцерныхъ стрѣлковъ“ [97].

Насколько они пользовались успѣхомъ Л.-Гв. въ Финлядскомъ полку, служитъ доказательствомъ фактъ пожертвованія имъ денегъ на призы однимъ изъ офицеровъ, уже покинувшимъ полкъ; въ приказѣ по полку отъ 21-го декабря 1854 года по этому поводу было отдано слѣдующее: „Уволенный отъ службы Л.-Гв. изъ Финляндскаго полка Поручикъ Бурнашевъ, желая содѣйствовать усовершенствованію въ стрѣльбѣ въ цѣль штуцерныхъ нижнихъ чиновъ, прислалъ изъ Москвы сто рублей серебромъ, для раздачи въ видѣ преміи“.

Штуцерные Л.-Гв. Финляндскаго полка были подготовлены въ то время хорошо, а находившіяся въ резервѣ части полка не отступали отъ своихъ товарищей дѣйствующей части; такъ на смотровой стрѣльбѣ, произведенной въ маѣ 1854 года, штуцерные

Л.-Гв. Финляндскаго резервнаго полка очутились въ первомъ номерѣ сравнительно съ прочими полками гвардейской пѣхоты, почему завѣдывавшій ими Подпоручикъ Водаръ получилъ благодарность высшаго начальства [98].

Въ общемъ же, можно прійти къ выводу, что Л.-Гв. Финляндскій полкъ, выполняя всѣ требованія того времени по отношенію къ стрѣльбѣ, шелъ въ уровень съ передовыми понятіями той эпохи о стрѣлковомъ дѣлѣ: нижніе чины его стрѣляли, насколько было возможно, хорошо, неоднократно удостаиваясь полученія призовъ на смотровыхъ стрѣльбахъ, введенныхъ правилами 1841 года.

Такъ подошелъ полкъ къ серединѣ 50-хъ годовъ, когда стрѣлковое дѣло стало развиваться весьма быстро; наступившая затѣмъ Восточная война, неудачный исходъ которой въ значительной степени зависѣлъ отъ плохаго состоянія стрѣлковаго дѣла въ русскихъ войскахъ, заставила всѣхъ открыть глаза на эту важнѣйшую отрасль военнаго искусства и въ августѣ 1855 года, въ приказѣ Л.-Гв. по Финляндскому полку были объявлены слѣдующія знаменательныя слова командира гвардейскаго корпуса: „Согласно съ Высочайшею волею, я требую, чтобы въ настоящее время учили солдатъ преимущественно тому, что нужно для войны; нынѣшняя война указала всю важность искусной стрѣльбы и одиночной развязности и ловкости солдатъ“ [99].

Съ провозглашеніемъ такихъ принциповъ настала для русской арміи новая эра, прежде всего выдвинувшая впередъ стрѣлковое дѣло и поставившая его на должную высоту. Выполненіе этого пришлось на долю русской арміи въ царствованіе Императора Александра II; эпохѣ же Императора Николая I въ стрѣлковомъ отношеніи должно воздать многое: она подготовила почву для дальнѣйшаго развитія стрѣлковаго дѣла въ русскихъ войскахъ и въ этомъ ея значеніе.

Встрѣча Императора Николая I съ карауломъ Л.-Гв. Финляндскаго полка у Николаевскаго моста

По рисунку Шарлемань 1851 года.

Глава X.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ царствованіе Императора Николая I.

Караульная служба. Дисциплина. Грамотность. Положеніе офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Школа кантонистовъ.

Караульная служба эпохи Императора Николая I была основана на совершенно такихъ же принципахъ, какъ и въ предшествующее царствованіе, почему и характеръ ея остался безъ перемѣны. По прежнему разводы, мелочи и тонкости играли видную роль, а сущность дѣла страдала; по-прежнему караульная служба была очень тяжела для офицеровъ и для нижнихъ чиновъ; по-прежнему ей придавалось преувеличенное значеніе, вредно отражавшееся на боевой подготовкѣ солдата.

Формализмъ, крайній педантизмъ, неопредѣленность и неясность уставныхъ требованій увеличивали еще болѣе ея тягость, а крайняя строгость въ требованіяхъ къ карауламъ дѣлали эту отрасль службы до крайности отвѣтственной. Преданія суду и особенно дисциплинарныя взысканія за промахи и упущенія были очень часты. „Рѣдкій караулъ былъ, чтобы кому не нагорѣло здорово",—говоритъ въ своихъ разсказахъ одинъ изъ фельдфебелей [1].

Грозой всѣхъ карауловъ былъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ, хотя и Государь былъ тоже весьма строгъ въ этомъ отношеніи. Служившій Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку въ сороковыхъ годахъ Прапорщикъ В. А. Изъѣдиновъ приводитъ слѣдующій случай,

хорошо характеризующій требовательность Великаго Князя Михаила Павловича и отношеніе къ нему Государя.

„Я былъ въ караулѣ у адмиралтейства,—разсказываетъ онъ, [2]—караулъ былъ вызванъ для отданія чести Государю Императору, проѣзжающему мимо; у одного изъ солдатъ оказалась разстегнутой одна пуговица. Государь тотчасъ же увидалъ этотъ безпорядокъ, но вмѣсто замѣчанія ограничился лишь словами: „Великій Князь (Михаилъ Павловичъ) ѣдетъ".—Этимъ было сказано для меня очень многое".

„Требовательность въ караульной службѣ была очень велика,—продолжаетъ онъ,—ухищренія въ повѣркѣ карауловъ доходили до того, что, напримѣръ, второй комендантъ Генералъ И. Набоковъ, желая повѣрить неожиданно мой караулъ у Сената и ѣхавъ на дрожкахъ съ Васильевскаго Острова по Исаакіевскому мосту (этотъ мостъ упирался въ Исакіевскую площадь, у Сената), прятался все время за огромный дилижансъ, слѣдовавшій по тому же пути, съ тѣмъ, чтобы, поравнявшись съ карауломъ, неожиданно появиться противъ него. Только догадливость и изворотливость опытнаго караульнаго унтеръ-офицера, стараго служиваго, нагибавшагося чуть ли не до земли, чтобы высмотрѣть нѣтъ ли непріятеля за дилижансомъ, предупредили меня во-время отъ опасности".

Другой офицеръ, служившій тогда въ полку, Н. С. Ганецкій, впослѣдствіи Генералъ-отъ-Инфантеріи представляетъ караульную службу 30—40 годовъ въ томъ же видѣ: [3] „Что касается до службы вообще, то въ ней господствовала строгость и особенно въ караульной службѣ. При исполненіи нарядовъ этой послѣдней болѣе всего опасались Великаго Князя Михаила Павловича. Однажды Онъ встрѣтилъ офицерскій караулъ нашего полка, возвращавшійся въ казармы по отбытіи наряда, безъ офицера. За этотъ проступокъ офицеръ былъ переведенъ въ армію тѣмъ же чиномъ, что тогда было болѣе чѣмъ значительнымъ наказаніемъ; но потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ былъ прощенъ".

„Я лично,—продолжаетъ генералъ Ганецкій,—получилъ выговоръ корпуснаго командира, помѣщенный въ приказѣ по полку, за то что на постовой вѣдомости при подписи своей фамиліи не прибавилъ „2-й", т. к. насъ было двое братьевъ въ полку".

Приказы по полку того времени дѣйствительно заключали въ себѣ много выговоровъ и дисциплинарныхъ взысканій, налагавшихся почти исключительно за ошибки и промахи въ мелочахъ караульной службы. Взысканія эти поражаютъ своею строгостью; они налагались не только на молодыхъ офицеровъ, но даже и на опытныхъ штабъ-офицеровъ и капитановъ; даже командиры полковъ и бригадъ нерѣдко получали замѣчанія.

Слѣдующія выписки изъ приказовъ того времени иллюстрируютъ эти взысканія.

Въ приказѣ по пѣхотѣ гвардейскаго корпуса, отъ 13 октября 1827 года [4], было отдано слѣдующее:

„На бывшемъ сего числа разводѣ по 1-му отдѣленію отъ 3 батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка замѣчено:

1) Батальонъ выравненъ былъ невѣрно.

2) Послѣ построенія по карауламъ многіе изъ людей опустились и завалили ружья и

3) Шагъ не совершенно уравненъ, и нѣкоторые люди въ заднихъ шеренгахъ теряли даже кадансъ.

„Поставляя сіи недостатки на видъ командиру полка Г. Генералъ-Адъютанту Воропанову и на замѣчаніе батальонному командиру Полковнику Окулову, предписываю на исправленіе оныхъ въ скорѣйшемъ времени обратить строгое вниманіе.—Генералъ-Адъютантъ Бистромъ 1-й".

Приказъ по пѣхотѣ гвардейскаго корпуса отъ 19 Августа того же года [5], за неправильный разсчетъ караула—въ одномъ взводѣ было двумя рядами болѣе чѣмъ въ другомъ—говоритъ объ арестованіи караульнаго начальника, Прапорщика Фацарди, „на трое сутокъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ и съ исправленіемъ должностей".

Въ приказѣ отъ 28 Декабря того же года по пѣхотѣ гвардейскаго корпуса [6], за неполную укладку ранца и ветхую шинель у одного изъ вѣстовыхъ караула Л.-Гв. Финляндскаго полка, обнаруженныя при разводѣ въ Высочайшемъ присутствіи, объявлено было замѣчаніе бригадному и полковому командирамъ, строжайшій выговоръ батальонному командиру Флигель-Адъютанту—Полковнику Моллеру [7], ротный же командиръ—Капитанъ Вяткинъ [8] арестованъ на недѣлю на гауптвахтѣ.

Пунктъ 2-й этого приказа объявлялъ вторичное замѣчаніе бригадному и полковому командирамъ за неисправности при отбытіи караульной службы. „Приказомъ, отданнымъ мною,—говорится тамъ,—21 числа минувшаго Ноября, за № 58, предписано, чтобы вступающій въ караулъ по 1-му отдѣленію батальонъ не приводить въ экзерциргаузъ ни прежде ни позже какъ за полчаса до назначеннаго для развода часа—но сего числа 1-й батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка приведенъ былъ ранѣе опредѣленнаго времени, за что вынужденнымъ нахожусь сдѣлать гг. бригадному и полковому командирамъ замѣчаніе, подтверждая впредь исполнять отдаваемыя приказаніи во всей точности."

Насколько требованія къ караульной службѣ были своеобразны и какъ настойчиво они были проводимы, показываетъ слѣдующій приказъ по гвардейскому корпусу, отъ 27 Октября 1830 года: „По прошествіи нѣкотораго времени, въ продолженіе коего ординарцы и вѣстовые хотя и были мною принимаемы,—писалъ въ приказѣ Великій Князь Михаилъ Павловичъ,—но не подходили, Я вчерашняго числа приказалъ имъ являться и нашелъ всѣхъ ихъ, исключая кавалеріи и артиллеріи, къ особенному Моему удивленію и неудовольствію, весьма неисправными. Они подходили совершенно неправильно и не единообразно, шагъ у нихъ былъ принужденъ и до того натянутъ, что доходилъ до безобразія, а ружейные пріемы дѣлали несогласно съ установленными правилами. Одни только Л.-Гв. Преображенскаго полка ординарецъ и Л.-Гв. Измайловскаго полка вѣстовой совершенно знали свое дѣло; вѣстовой же Л.-Гв. Преображенскаго полка, ординарецъ Л.-Гв. Измайловскаго полка, ординарцы и вѣстовые полковъ Л.-Гв. Семеновскаго, Егерскаго, Московскаго, Гренадерскаго, Павловскаго и Финляндскаго были во всѣхъ отношеніяхъ весьма слабы, а Л.-Гв. Егерскаго полка вѣстовой, при входѣ въ дверь, поднималъ ноги, какъ бы переходя черезъ порогъ. Наряженные отъ артиллеріи ординарцы и вѣстовые представились въ совершенномъ порядкѣ.

„Надѣваніе и сниманіе ранцевъ произведено было совершенно правильно и ловко ординарцами и вѣстовыми только отъ Л.-Гв. полковъ Семеновскаго, Павловскаго, а въ особенности отъ артиллеріи; прочихъ же полковъ таковые нижніе чины исполняли сіе медленно и не по предписаннымъ правиламъ, а въ особенности Л.-Гв. Преображенскаго

полка, коимъ вовсе неизвѣстно было, съ какой стороны и какимъ образомъ должно надѣть ранецъ. Неисправность въ семъ отношеніи тѣмъ болѣе не извинительна, что по сдѣланному мною на сихъ дняхъ замѣчанію командующему гвардейскою пѣхотою Генералъ-Адъютанту Ушакову относительно неправильнаго надѣванія и сниманія ранцевъ отданъ отъ него въ 20 день сего Октября за № 40 приказъ въ подтвержденіе прежде объявленныхъ къ руководству правилъ.

„Соображая все сіе, Я заключить долженъ, что на приготовленіе ординарцевъ и вѣстовыхъ, равно на внушеніе правилъ надѣванія и сниманія ранцевъ не обращено было никакого вниманія, какъ со стороны командующаго гвардейскою пѣхотною и дивизіонныхъ начальниковъ, такъ равно и со стороны бригадныхъ и полковыхъ командировъ; ибо повидимому люди не были вовсе повѣрены, а Л.-Гв. въ Преображенскомъ, помянутый приказъ за № 40, оставленъ не только безъ всякаго исполненія, но даже безъ малѣйшаго вниманія.

„За всѣ сіи упущенія я объявляю крайнее мое неудовольствіе дивизіоннымъ начальникамъ, равно бригаднымъ и полковымъ командирамъ, а командующему гвардейскою пѣхотою Генералъ-Адъютанту Ушакову, за невниманіе къ прямой своей обязанности въ отношеніи къ повѣркѣ и соглашенію предписываемыхъ правилъ службы, равно за ненаблюденіе точнаго исполненія отдаваемыхъ приказовъ, дѣлаю строгое замѣчаніе; командующему же Л.-Гв. Преображенскимъ полкомъ Генералъ-Маіору принцу Ольденбургскому за совершенное незнаніе ординарцемъ и вѣстовымъ 3-й фузилерной роты ввѣреннаго ему полка, какъ надѣвать ранецъ, послѣ недавно отданнаго о семъ вновь по пѣхотѣ приказа, дѣлаю строжайшій выговоръ, равно и батальонному командиру Флигель-Адъютанту Полковнику Дебанъ-Скоротецкому, а ротнаго командира Штабсъ Капитана Потулова I и завѣдывающаго отдѣленіемъ Поручика Де-Симона предписываю арестовать перваго на одну, а послѣдняго на двѣ недѣли съ содержаніемъ на гауптвахтѣ. Между тѣмъ нужнымъ нахожу подтвердить командующему пѣхотою Генералъ-Адъютанту Ушакову, что, Я надѣюсь, впредь не поставитъ онъ въ непріятную необходимость дѣлать ему напоминанія и повторенія о настоящихъ его обязанностяхъ“.

Въ сороковыхъ годахъ царила та же строгость взысканій къ караульной службѣ. Такъ, въ приказѣ по полку 1841 года Октября 12-го было объявлено слѣдующее: „Его Императорское Высочество командиръ корпуса изволилъ вчерашняго числа замѣтить, что стоящій въ караулѣ на Главной Гауптвахтѣ Капитанъ Бельгардъ приказалъ черезъ унтеръ-офицера караулу выйти вонъ, тогда какъ слѣдовало ему, чтобы вызвать оный, приказать часовому у фронта зазвонить; когда же люди стали въ сошки и взяли ружье на плечо, то онъ, противно правиламъ гарнизонной службы, не скомандовалъ „отъ дождя,“ повернулъ караулъ по рядамъ на право и повелъ въ караульный домъ, имѣя полусаблю въ ножнахъ. За всѣ вышеозначенныя ошибки Капитанъ Бельгардъ арестовывается на три дня съ содержаніемъ на гауптвахтѣ“.

Въ позднѣйшее время строгости не уменьшались, какъ то можно видѣть изъ приказовъ; напримѣръ приказъ по полку отъ 21 Января 1849 года говоритъ слѣдующее: „Ввѣреннаго мнѣ полка Прапорщикъ Теннеръ арестовывается на 24 часа съ содержаніемъ на гауптвахтѣ за то, что, стоя 13 Января въ караулѣ во 2 военномъ сухопутномъ госпиталѣ, не донесъ своевременно высшему начальству о томъ, что съ его караула были посланы

унтеръ-офицеръ и 3 человѣка рядовыхъ, для спасенія утопавшаго въ майнѣ на Невѣ Гатчинскаго Императорскаго сада садоваго подмастерья Василія Дмитріева".

Вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же приказы показываютъ, что при несеніи караульной службы встрѣчались отступленія съ современной точки зрѣнія весьма значительныя. Такъ напр., караульные офицеры не только разрѣшали арестованнымъ принимать посѣтителей, но и сами приглашали къ себѣ гостей на гауптвахты. Для искорененія такихъ отступленій потребовалось отдать приказъ по арміи и два приказа по пѣхотѣ гвардейскаго корпуса, въ послѣднемъ изъ которыхъ была угроза „взысканія съ виновныхъ по всей строгости законовъ" [9].

Но иногда и оффиціальныя узаконенія того времени дѣлали войскамъ, вступающимъ въ караулы, послабленія очень страннаго характера; напримѣръ карауламъ разрѣшалось, по Высочайшему повелѣнію, ходить „по тротуарамъ, когда отъ ненастной погоды на улицахъ мокро, но только въ томъ случаѣ, если не будутъ мѣшать проходящимъ или гуляющимъ жителямъ" [10]. Распоряженіе это, впервые встрѣчающееся въ 1837 году, держалось долго: въ 1845 году оно было подтверждено, при чемъ приказано карауламъ даже при встрѣчѣ съ начальствующими лицами не сходить съ тротуаровъ. „Несмотря на неоднократно отдаваемыя мною приказанія,—говорится въ приказѣ по полку, [11]—сего числа одинъ изъ карауловъ при встрѣчѣ со мною сошелъ съ панели, отчего люди пошли по грязи и растянулись; въ отвращеніе сего на будущее время вновь подтверждаю, чтобы караулы при слѣдованіи по панели въ сырую погоду при встрѣчѣ съ начальниками для отданія чести съ панели не сходили и не растягивались".

Караульные наряды въ полку были не только тяжелы, но и многочисленны. Чаще всего полкъ несъ караулы по 1-му и 2-му отдѣленіямъ. Нарядъ по 1-му отдѣленію былъ самый обширный, по 2-му отдѣленію—уже меньше. О величинѣ караульныхъ нарядовъ въ царствованіе Императора Николая I можно судить по слѣдующей таблицѣ:

	1829 года [12].				1840 года [13].				1853 года [14].			
	офицеровъ.	унт.-офиц.	музыкант.	рядовыхъ.	офицеровъ.	унт.-офиц.	музыкант.	рядовыхъ.	офицеровъ.	унт.-офиц.	музыкант.	рядовыхъ.
Караулы I отдѣленія число наряжаемыхъ	24	74	30	961	22	57	19	685	18	—	—	—
Караулы II отдѣленія число наряжаемыхъ	11	36	9	471	7	33	4	412	9	—	—	—
Караулы I и II отдѣленій число наряжаемыхъ	35	110	39	1432	29	90	23	1097	27	—	—	—*

Случалось, что полкъ несъ караульный нарядъ по двумъ отдѣленіямъ сразу, т. е. по I-му и II-му. Въ такомъ случаѣ нарядъ былъ громадный: всѣ офицеры и почти всѣ нижніе чины полка попадали на службу. Но это бывало не часто, разъ пять въ году.

* Изъ приказовъ и дѣлъ полкового архива не удалось выяснить величину наряда въ 1850-ыхъ г.

Нарядъ же полка по I-му отдѣленію бывалъ отъ 20 до 25 разъ и по II-му отдѣленію около 10 разъ [15]. Въ общемъ, полкъ несъ въ годъ около 40 нарядовъ по обоимъ отдѣленіямъ вмѣстѣ; слѣдовательно, за вычетомъ лагернаго времени, нарядъ полка въ караулъ по одному отдѣленію приходился черезъ каждые 7—8 дней. Такой нарядъ нельзя не назвать весьма частымъ, а потому и очень обременительнымъ. Тяжесть его была тѣмъ болѣе велика, что полкъ постоянно имѣлъ въ Петербургѣ лишь два батальона (третій былъ за городомъ), которые и несли наряды за весь полкъ.

Императоръ Николай I-й и Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

По рисунку съ натуры 1846 года.

Караулы по III—V отдѣленіямъ выполнялись полкомъ въ рѣдкихъ случаяхъ, при прекращеніи сообщеній черезъ Неву, поэтому они играли второстепенную роль въ гарнизонной службѣ того времени.

Немалое значеніе имѣли караулы въ театрѣ и циркѣ; первый изъ нихъ былъ офицерскимъ, впрочемъ только до 30-хъ годовъ. Караулы эти были довольно часты; такъ, въ 1853 году полкъ выставилъ ихъ 33 раза [16].

Въ запискахъ о военной службѣ, времени Императора Николая I, одинъ изъ гвардейцевъ пишетъ [17], что всѣ караулы раздѣлялись офицерами весьма своеобразно на „спячки и горячки". „Къ первымъ причисляли всѣ караулы II-го отдѣленія: Петропавловскую крѣпость, три заставы (Московскую, Нарвскую и Шлиссельбургскую), Галерный портъ, Артиллерійскую лабораторію и 2-й военно-сухопутный госпиталь. Къ тому же разряду „спячекъ" относили нѣкоторые караулы I-го отдѣленія, расположенные внутри дворовъ или за рѣшетками, напримѣръ: Коммиссаріатское депо (теперь—Петербургское окружное интендантство), Голландію, Новое-адмиралтейство и проч. Эта странная классификація карауловъ сейчасъ разъяснится сама собою. Возьмемъ, напримѣръ, Галерный портъ...... Послѣ перехода (туда), напоминавшаго походъ или добрую военную прогулку, весь караулъ, начиная съ офицера, тотчасъ послѣ разстановки часовыхъ, погружался въ глубокій сонъ и приходилъ въ себя только вечеромъ, а по пробитіи зари опять отходилъ ко сну. Это было тѣмъ болѣе удобно, что въ Галерномъ порту и караулить-то было нечего. Я стаивалъ тамъ часто, но никогда не зналъ и не помню, что именно я тамъ охранялъ. Были, правда,

какіе-то сараи и при нихъ часовые, но я не могъ никогда добиться, что заключалось внутри: кажется какой-то старый корабельный хламъ.

„Помню, что былъ одинъ постъ, около лѣска, куда солдаты, особенно зимою, боялись становиться, увѣряя, что по ночамъ тамъ гнѣздилась нечистая сила. Поэтому можно судить о характерѣ захолустья. Насчетъ выбѣганья въ ружье въ Галерномъ порту офицеръ могъ также быть совершенно спокойнымъ, такъ какъ въ этой трущобѣ появленіе не только генерала, но и вообще прохожаго, было событіемъ необычайнымъ. Караулъ Галернаго порта заслуживалъ, по преимуществу, „названіе спячки".

„До каждой изъ трехъ заставъ разстояніе отъ нашихъ казармъ было развѣ не многимъ менѣе похода въ Галерный портъ. И наружныхъ постовъ тамъ было немного: у фронта и у шлагбаума, гдѣ, кромѣ часового, находился еще другой солдатъ, но безъ ружья. Онъ подскакивалъ ко всякому проѣзжающему и возглашалъ: „стой, позвольте спросить: откуда и куда изволите ѣхать." На это проѣзжій или отдавалъ свой письменный видъ или самъ шелъ въ караульный домъ расписываться. Затѣмъ солдатъ возвращался съ проѣзжающимъ и командовалъ часовому: „Бомъ двысь", и экипажъ проѣзжалъ. Если же проѣзжій появлялся на городскомъ извощикѣ или на вопросъ сторожевого отвѣчалъ, что „ѣдетъ съ дачи", тотъ пропускался безпрепятственно. Списки проѣзжающихъ за подписью караульнаго офицера, по окончаніи караула, отсылались въ орданансъ-гаузъ, при чемъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность каждому караульному офицеру, тотчасъ же послѣ смѣны, являться въ тотъ же ордонансъ-гаузъ, для повѣрки списковъ. Легко себѣ представить, что усталому офицеру, пришедшему домой въ шестомъ часу по-полудни, такая обязанность была просто невыносима. Къ счастью, въ ордонансъ-гаузѣ проживалъ нашъ общій благодѣтель, писарь Лысовъ. Вмѣстѣ съ рапортами посылался Лысову, въ особомъ пакетикѣ, традиціональный „полтинничекъ", послѣ чего казакъ привозилъ отъ Лысова отвѣтъ такого содержанія:

„Имѣю счастіе извѣстить дрожайшую особу Вашего Благородія, что рапорты получены и вы завтрашній день безпокоиться не извольте".

На подлинномъ всегда было подписано: „Вашего Благородія наивсепокорнѣйшій слуга писарь Лысовъ".

Кто не присылалъ „полтинничка", тотъ ѣздилъ и послѣ смѣны и на другой и на третій день, да еще наживалъ страшныхъ хлопотъ, потому что въ рапортахъ о проѣзжающихъ заключались обильнѣйшіе матеріалы для всякихъ придирокъ. На стѣнахъ караульнаго дома каждой заставы висѣли три или четыре табели въ рамкахъ подъ стекломъ. То были длиннѣйшіе списки опальныхъ, которымъ въ разное время былъ воспрещенъ въѣздъ въ столицу. Но вѣдь каждому изгнаннику стоило только остановиться за версту отъ заставы, сѣсть на городского извощика и объявить, что „онъ ѣдетъ съ дачи", и его бы пропустили безъ дальнѣйшихъ разспросовъ. Поэтому неудивительно, что офицеръ, послѣ утомительной военной прогулки до заставы, небрежно просматривалъ списки опальныхъ и махалъ на нихъ рукою, обезпеченный выдачей „полтинничка" и тѣмъ, что на заставахъ, особенно зимою, шляпы съ бѣлымъ или чернымъ султаномъ и съ витою кокардою *,

* Тогдашняя форма генераловъ.

появлялись рѣдко; офицеръ,—говорю по опыту,—поддавался усыпительному вліянію мѣстной обстановки и отправлялся на покой.

„Въ караулахъ, окрещенныхъ нами терминомъ „горячекъ“, спать было некогда, но и заняться чѣмъ бы то ни было тоже некогда. Если кто бралъ въ руки, напримѣръ, книгу, то легко могло бы случиться выскакнуть на платформу столь же разъ, сколько строчекъ на читаемой страницѣ.

„Вотъ форма донесенія, въ случаѣ неудачнаго пропуска начальства „его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Командиру гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ. Отъ стоящаго въ караулѣ №№ гауптвахты №№ полка (чинъ и фамилія)“.

„Вашему Императорскому Высочеству имѣю счастіе донести, что сего числа въ такомъ-то часу, караулъ опоздалъ выйти въ ружье такому-то начальнику, или случилось то-то и т. д. Караульный офицеръ №№.

„Когда наступали благодѣтельныя сумерки, отправишься, бывало, въ свою комнату. Въ большей части карауловъ офицеръ имѣлъ одну комнату и рѣдко гдѣ бывало ихъ двѣ. На Сѣнной площади, въ обоихъ адмиралтействахъ, въ арсеналѣ, словомъ, при очень многихъ караулахъ, содержались арестованные и чаще всего въ одной комнатѣ съ караульнымъ офицеромъ. Итакъ, войдешь въ свой уголъ, потрешь окоченѣвшія руки, съ обычнымъ шипѣніемъ и поскакиваньемъ иззябшаго человѣка, сядешь за трактирный обѣдъ и это первый благодѣтельный моментъ караульнаго быта. Счастьемъ можно было назвать, если удавалось заснуть часокъ послѣ обѣда, потому что арестованные пользуются случаемъ и пристаютъ съ разными просьбами, или же старшій унтеръ-офицеръ является съ вопросами и съ докладами. Съ горя возьмешь какой-нибудь романъ (о серьезномъ чтеніи не могло быть и рѣчи), но и легкое чтеніе имѣло результатомъ частое клеванье носомъ въ книгу. Въ 9 часовъ вечера—зоря,—опять надобно на улицу и ждать, пока барабанщикъ, обязанный почему-то ходить кругомъ караула съ зоревою музыкою, не кончитъ своей прогулки. Тогда вызывали караулъ, читали молитву, и послѣ новаго разсчета караула наступалъ второй благодѣтельный моментъ. Послѣ зори, по уставу, люди надѣвали шинели, а офицеры—сюртуки, что, при тогдашнихъ узкихъ мундирахъ, было сущимъ наслажденіемъ. Тутъ распивался чай и наступало сравнительно спокойное время ночи, хотя и оно не проходило безъ визитовъ плацъ-адъютанта, плацъ-маіора, второго коменданта и проч. На другой день, послѣ утренней зори, то-есть чуть свѣтъ приходилось опять одѣваться въ мундиръ и выходить на улицу, жадно ожидая смѣны, при чемъ каждая минута казалась часомъ. Въ бойкихъ караулахъ, то-есть въ „горячкахъ“, ночью никто не раздѣвался,—это было бы слишкомъ рискованнымъ дѣломъ,—а только ослабляли шарфъ, надѣвали мягкіе сапоги и приносили съ собою подушку, такъ какъ безъ нея, на черствомъ караульномъ креслѣ можно было повредить себѣ физіономію, и это я говорю не для краснаго словца, а потому, что я самъ не разъ наживалъ себѣ такимъ образомъ волдыри. Любимѣйшими офицерскими караулами были дворцы: Зимній, Константиновскій (Мраморный дворецъ) и Михайловскій (Вел. Кн. Елены Павловны). Въ Зимнемъ дворцѣ, на старшемъ караулѣ находились три офицера, а въ теченіе дня набиралась цѣлая компанія. Кромѣ того, во всѣхъ дворцахъ офицерамъ подавался придворный обѣдъ, ужинъ, чай и кофе; солдаты тоже продовольствовались роскошнымъ образомъ на счетъ двора. Въ караульной комнатѣ

Зимняго дворца меня съ перваго же разу поразили великолѣпные англійскіе часы, очень старинные, въ простомъ деревянномъ гнѣздѣ съ подставкой. Часы эти шли какъ хронометръ и отличались звонкимъ отчетливымъ боемъ. Они стояли на консолѣ, привѣшанномъ къ стѣнѣ, около окна, въ офицерской караульнѣ. По преданію часы эти были собственностью Императора Павла I-го и стояли въ его кабинетѣ, но Государь одинъ разъ опоздалъ на вахтъ-парадъ, разгнѣвался на часы и велѣлъ отправить ихъ на гауптвахту, гдѣ они и остались подъ вѣчнымъ арестомъ.

„Дворцовые караулы мы любили еще и потому, что всѣ они помѣщались во дворахъ, за рѣшетками, и выбѣгать приходилось рѣдко, а въ главныхъ караулахъ Зимняго дворца— почти никогда.

„Послѣ трехъ дворцовыхъ карауловъ самые сносные были все-таки такъ называемыя „спячки", потому что, хотя до нихъ и было четыре часа ходьбы, но зато такой караулъ можно назвать блаженствомъ въ сравненіи съ „горячками". Арестованные были тамъ неслыханною рѣдкостью, также какъ и вызовъ подъ ружье. Пообѣдать и заснуть до зори можно было безпрепятственно. На зорю,—хочешь выходи, хочешь нѣтъ, никто не увидитъ. Ночью можно было смѣло разстегнуть и даже снять сюртукъ, а въ такомъ благодатномъ караулѣ, какъ напримѣръ Коммиссаріатское депо, гдѣ ворота на ночь запирались, офицеръ располагался просто какъ дома. Утромъ можно было не вставать до свѣта, одѣться и напиться чаю, не торопясь.

„Въ заключеніе очерка караульной службы остается описать репитицію развода. Разумѣется, опущу пункты и §§ тогдашняго устава, то-есть шаблоны, по которымъ репетиція производилась, а отмѣчу только самыя характерныя черты учебной практики. Вся репетиція, вообще, была истязаніемъ для офицеровъ и солдатъ. Особенно несносно было выравниваніе. Несмотря на одиночныя и всякія ученья, рѣдкій солдатъ умѣлъ равняться самъ по себѣ, и надобно было выкрикивать почти каждаго по фамиліи. Начальникъ, прильнувъ головою къ фланговому человѣку, голосилъ: „Такой-то впередъ... Не отваливайся... Такой-то еще на волосъ впередъ... Такіе-то чуть-чуть назадъ... Самую малость" и проч.

„Батальонъ приходилъ въ манежъ за часъ до прибытія старшаго начальника, и во все это время равняли. Пріѣзжалъ начальникъ и почти всегда замѣчалъ, что плохо выравнены. Тогда опять всѣ набрасывались и отъ множества нянекъ дитя-солдатъ и въ самомъ дѣлѣ былъ безъ глазу, потому что терпѣливо ждалъ, чтобы его выдвинули или осадили, и сонно исполнялъ, что велятъ. Начинались, наконецъ, ружейные пріемы. Тутъ все должно было замереть и никто ни гугу. Чуть гдѣ-либо раздавался глухой кашель, невольно вырываясь изъ простуженной груди, начальникъ энергически кричалъ: „Не кашлять", а въ случаѣ повторенія страшно набрасывался на всѣхъ изъ-за одного: „Смирно, не кашлять. Что это за гадость такая завелась". Далѣе, по командѣ: „Господа оберъ и унтеръ-офицеры, на середину маршъ", начиналось уравниваніе шага этихъ господъ, шествующихъ со всѣхъ пунктовъ на середину. Не обходилось безъ того, чтобы ихъ не повернули разъ десять взадъ и впередъ. Уравнять шагъ унтеръ-офицерскихъ ногъ съ офицерскими то же, что согласить тактъ слоновой походки съ конскою, однако, добивались и этого. Потомъ офицеровъ учили являться поодиночкѣ, салютовать и рапортовать Государю. Суетливость, неловкость и неизбѣжные, часто смѣшные промахи выставляли напоказъ офицеровъ самымъ

непріятнымъ для нихъ образомъ. Чтобы не подвергать себя глумленію, мы часто практиковались сами по себѣ, рапортуя одинъ другому. Это было и веселѣе да чуть ли не полезнѣе, чѣмъ на репетиціи.

„Послѣ сбора на середину адъютантъ командовалъ: „Первый взводъ", и тогда батальонъ двигался въ сторону и разставлялся по карауламъ, при чемъ ворочались направо, и каждый караулъ отходилъ настолько, чтобы оставить мѣсто своему караульному офицеру и унтеръ-офицеру. Это построеніе доставалось съ великимъ трудомъ. Добивались, чтобы каждый караульный, каждый человѣкъ въ караулѣ двигался съ такимъ разсчетомъ, чтобы повернуться во фронтъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Размѣръ шага и поворотовъ во фронтъ долженъ былъ быть совершенно одинаковъ; повороты же во фронтѣ производились быстро, съ болѣе громкимъ, отрывистымъ счетомъ. На зрителя все производило престранное впечатлѣніе. На репетиціяхъ солдаты считали громко, и этотъ счетъ постепенно порывался рѣзкимъ, періодическимъ вскрикиваніемъ, и глазу казалось, будто множество клапановъ быстро и послѣдовательно запирались по всей линіи фронта. Эта часть продѣлывалась, пока не выходило „чисто". Потомъ командовали: „Господа оберъ и унтеръ-офицеры, на свои мѣста маршъ", и опять начиналось топтаніе, уравниваніе такта съ безпрестаннымъ остановленіемъ, пока, наконецъ, не раздавалось: „Повзводно на право-ди". Взводы заходили, при чемъ ихъ разъ пятнадцать ворочали на прежнее мѣсто и повторяли то же самое. Когда всѣ были измучены и запарены до крайности,—тутъ-то и начинался церемоніальный маршъ: тихимъ, скорымъ, вольнымъ и даже бѣглымъ шагомъ,—сначала шли фронтомъ, а подъ конецъ рядами. Послѣднее прохожденіе было совершенно каторгою. Длинную линію, вытянутую рядами, водили безъ конца вокругъ громаднаго прямоугольника манежа".

Таковы были разводы въ эпоху Императора Николая I, составлявшіе значительную часть дѣятельности полка въ зимнее время. Они находились вполнѣ въ соотвѣтствіи со взглядами на военное дѣло въ тотъ вѣкъ ретроградства.

Въ соотвѣтствіи съ этими взглядами находилась и другая область военной службы — дисциплинарная часть.

Дисциплина во все царствованіе Императора Николая I въ гвардейскомъ корпусѣ, какъ и во всей арміи, была жестокая, хотя нѣкоторыя наказанія и были смягчены сравнительно съ прежнимъ временемъ. Всѣ показанія современниковъ сходятся на томъ, что Николаевскому солдату было очень тяжело, а иногда таки прямо невыносимо переносить гнетъ желѣзной дисциплины своего времени, къ которой въ значительной степени примѣшивался произволъ. Вѣкъ крѣпостничества накладывалъ свою печать и на военный міръ. Въ предыдущее царствованіе либерализмъ, проявлявшійся въ нѣкоторые годы весьма сильно, велъ иногда за собою нѣкоторое смягченіе по отношенію къ солдатамъ; въ Николаевское же время ничего подобнаго быть не могло, а потому солдата давили равномѣрно и не переставая.

„Время моей службы въ полку было жестокое,—говорилъ Генералъ-Адъютантъ Ванновскій, служившій Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку съ 1840 года,—солдата очень били".

Битье было законное и незаконное. Подъ первымъ подразумѣвались наказанія шпицрутенами и розгами, подъ вторымъ—„рукоприкладство", бывшее въ большой модѣ.

„Что было прежде—страшно вспомнить,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ гвардейцевъ [18],—кулаки, палки, фухтеля, ружейный шомполъ, эфесъ офицерской сабли—все это было орудіемъ воспитанія солдата за носки, прикладъ, запоздалый темпъ въ ружейныхъ пріемахъ, за поднятіе не той ноги.

„И кто полвѣка назадъ не билъ бѣднаго солдата? Если офицеръ былъ гуманенъ, справедливъ, его аттестовывали слабымъ, неспособнымъ къ военной службѣ. Собачиться во фронтѣ считалось высшей военной доблестью. Многіе въ старину до того привыкали къ жестокому обращенію съ нижними чинами, что не могли пройти по фронту, чтобы нѣсколькимъ человѣкамъ не разбить зубы, такъ за „здорово живешь“ и то совершенно хладнокровно...

Типъ Финляндца.

По рисунку М. Микешина, 1853 года.

„Въ эти отдаленныя отъ насъ времена особенно жестоки съ солдатами были нѣмцы. Они умѣли разомкнуть шеренгу на руку дистанціи, поворотить во флангъ и производить маршировку тихимъ шагомъ съ тѣмъ, чтобы каждый задній солдатъ данной ему палкой билъ передняго; потомъ шеренга поворачивалась налѣво кругомъ и каждый колотилъ того, кто передъ тѣмъ колотилъ его. Это называлось взаимнымъ обученіемъ“.

Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку жизнь солдата была особенно тяжела во время командованія полкомъ Генерала Графа Ребиндера. Это былъ самый строгій изъ всѣхъ командировъ, стоявшихъ во главѣ полка за всѣ сто лѣтъ его существованія. „Своей чрезмѣрной требовательностью къ службѣ солдата, онъ,—по словамъ Генерала Ванновскаго,—еще болѣе увеличивалъ жестокость того времени, когда кулачная расправа была въ большой модѣ“.

Къ чести офицеровъ полка надо отнести то, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи далеко не всѣ изъ нихъ придерживались господствующаго тогда взгляда: многіе стояли за гуманность и потому были безгрѣшны въ модныхъ увлеченіяхъ того времени; но зато фельдфебеля и унтеръ-офицеры, въ большинствѣ случаевъ, воздѣйствовали на своихъ подчиненныхъ съ усердіемъ. „Начальство было строгое,—пишетъ служившій въ полку съ Венгерскаго похода рядовой Василенко*,—а особенно взводные унтеръ-офицеры и фельдфебеля, заставлявшіе усваивать службу внушительными пинками и затрещинами, отъ которыхъ зачастую нельзя было повернуть головы недѣлю“.

Но и такое воздѣйствіе не поощрялось въ полку, а по временамъ строго преслѣдовалось. Такъ, въ приказѣ по полку отъ 20 мая 1836 году по этому поводу было объявлено слѣдующее: „6-й егерской роты ефрейторъ Никита Истоминъ 30 числа минувшаго

* Отставной кандидатъ, состоящій на службѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, Мих. Акс. Василенко.

апрѣля, учивши маршировать рекрута Петра Колочинскаго, дозволилъ себѣ нѣсколько разъ его ударить за то, что онъ худо маршировалъ. За таковой непозволительный поступокъ ефрейтора Истомина предписываю наказать предъ ротою 150 ударами розогъ и штрафъ сей записать въ формулярный его списокъ, а ротному командиру Штабсъ Капитану Беру дѣлаю строжайшій выговоръ, и предписываю ротнымъ командирамъ имѣть строжайшее за онымъ наблюденіе".

Наказанія, которымъ подвергался тогда солдатъ, были почти тѣ же, что и во время царствованія Императора Александра I. Принципы, проводившіеся полевымъ уголовнымъ уложеніемъ 1812 года, были взяты за основаніе составителями военно-уголовнаго устава, вошедшаго въ Сводъ Военныхъ Постановленій изданія 1839 года. Главнѣйшее изъ смягченій послѣдняго узаконенія касалось смертной казни, отмѣненной для мирнаго времени, за нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями, и оставленной лишь для военнаго времени. Виды смертной казни приняли болѣе человѣческій характеръ; отсѣченіе головы, колесованіе, четвертованіе и сожженіе отошли въ область преданія; остались лишь повѣшеніе и разстрѣляніе. Изъ другихъ отмѣненныхъ постановленій прежняго времени слѣдуетъ указать на наложеніе штемпельныхъ знаковъ (пятнаніе желѣзомъ) и на вѣчную ссылку въ каторгу [19].

Изъ оставшихся въ силѣ наказаній самымъ страшнымъ были шпицрутены; они давались въ размѣрѣ отъ 500 до 6,000 ударовъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрѣшалось давать и болѣе 6,000 ударовъ [20]. Значительнымъ облегченіемъ, однако, являлось освобожденіе наказываемыхъ нижнихъ чиновъ отъ полнаго количества имъ назначенныхъ ударовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда жизни ихъ угрожала явная опасность умереть во время экзекуціи. Въ приказѣ Л.-Гв. по Финляндскому полку отъ 5 сентября 1854 года по этому поводу приведено такое постановленіе: „Его Императорское Высочество Главнокомандующій изволилъ повелѣть преступника Макара Змагу, которому по суду и конфирмаціи опредѣлено шпицрутенное наказаніе черезъ тысячу человѣкъ три раза, но онъ прошелъ сквозь строй только чрезъ 500 человѣкъ одинъ разъ и по слабости груди и кровохарканію, какъ засвидѣтельствовали медики, окончательнаго наказанія безъ явной опасности жизни пережить не можетъ, избавить на основаніи 123 ст. кн. I части V Свода Военныхъ Постановленій отъ дальнѣйшаго наказанія тѣлеснаго, а сослать только, согласно конфирмаціи, въ арестанскія роты инженернаго вѣдомства на двадцать лѣтъ".

Но, однако, указанное облегченіе примѣнялось не всегда и нижнихъ чиновъ иной разъ забивали на смерть; къ сожалѣнію, приходится отмѣтить существованіе такихъ случаевъ, правда исключительныхъ, и Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку. Такъ, въ приказѣ по полку отъ 26 декабря 1841 года говорится:

„Контора 2 ст. С.-Петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя увѣдомила, что находившійся въ ономъ госпиталѣ за болѣзнію, не выдержавшій шпицрутеннаго наказанія, опредѣленнаго по конфирмаціи Его Императорскаго Высочества командира корпуса, гвардейской инвалидной № 10 полуроты, при полку состоящей, рядовой Григорій Блиновъ 26-го числа сего мѣсяца отъ чахотки умеръ. Почему сего рядового изъ списковъ исключить".

Въ общемъ наказанія шпицрутенами въ полку были рѣдки, по 1 — 2 раза въ годъ; въ нѣкоторые же года ихъ совсѣмъ не было [21].

Въ большинствѣ случаевъ они назначались за побѣги, такъ что число наказаній шпицрутенами почти точно соотвѣтствовало числу побѣговъ нижнихъ чиновъ. Бывали, впрочемъ, единичныя преступленія тяжкаго характера, влекущія за собой указанное наказаніе. Такъ осенью 1841 года рядовой 1-й егерской роты Ивановъ былъ приговоренъ „за сопротивленіе противъ ротнаго командира" Штабсъ-Капитана Гана (впослѣдствіи Генерала-отъ-Инфантеріи) и сорваніе съ него эполетъ и брошеніе ихъ на землю „къ наказанію шпицрутенами черезъ тысячу человѣкъ три раза" [22]. Такой прискорбный случай былъ безусловно единственнымъ во всей жизни полка; къ сожалѣнію скудость архивныхъ указаній не позволяетъ выяснить причины его.

Наказаніе шпицрутенами соединялось обыкновенно съ лишеніемъ наказуемаго воинскаго званія и ссылки его въ Сибирь на каторгу.

Слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ были розги или „лозаны" по тогдашнему выраженію. Назначались онѣ чаще всего отъ 150 до 300 ударовъ за преступленія такого рода, какъ отлучка, кража, пьянство и вообще дурное поведеніе. Примѣнялось это наказаніе Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку немногимъ чаще, чѣмъ шпицрутены, исключая, впрочемъ, время командованія полкомъ Генерала графа Ребиндера, когда розги были въ большомъ ходу. Самое наказаніе розгами производилось подобно наказанію шпицрутенами, передъ фронтомъ всей роты или батальона, въ которыхъ состоялъ наказуемый. Оно влекло за собой удаленіе наказаннаго, „какъ недостойнаго служить въ гвардіи", въ армію. Кромѣ того, розги, какъ и прочія тѣлесныя наказанія, согласно постановленію 1842 года, влекли за собой, за каждое такое наказаніе продленіе обязательной службы на 2 года [23].

Изъ другихъ наказаній, на нижнихъ чиновъ полка налагаемыхъ, существовали арестъ, смѣщеніе со старшаго оклада, переводъ изъ карабинеровъ въ егерскія роты, наряды не въ очередь и переводъ въ армію. Для начальствующихъ нижнихъ чиновъ существовали особыя наказанія, состоявшія въ смѣщеніи на нѣкоторое время изъ высшаго званія въ низшее, въ разжалованіи и въ несеніи службы за рядового. По поводу послѣдняго наказанія говорится въ приказѣ по полку отъ 10 октября 1838 года слѣдующее: „предписываю фельдфебеля 6-й егерской роты Меркула Потапова употреблять на службу за рядового впредь до приказанія за то, что не послалъ сего числа унтеръ-офицера для узнанія о разводѣ, чрезъ каковое неисполненіе отданнаго приказа по полку, какъ гг. дежурные такъ и парадирующіе унтеръ-офицеры не могли прибыть къ параду".

Наложеніе крупныхъ взысканій на нижнихъ чиновъ полка зависѣло главнымъ образомъ отъ командира полка; полковой судъ, продолжая существовать на прежнихъ началахъ—имѣлъ весьма малое значеніе; главную роль въ немъ игралъ аудиторъ, назначенный изъ чиновниковъ.

Взысканія, налагавшіяся въ то время на офицеровъ, были по существу тѣ же, что и въ эпоху Императора Александра I. Въ общемъ, офицеры подвергались взысканіямъ чаще; особенно многочисленны были аресты. Это повлекло за собою распоряженіе командующаго гвардейскимъ пѣхотнымъ корпусомъ, отданное въ декабрѣ 1849 года [24], въ которомъ говорилось слѣдующее: „Гг. полковые командиры и прочіе частные начальники подвергаютъ гг. офицеровъ арестамъ съ содержаніемъ на гауптвахтахъ за ошибки во фронтѣ, упущеніе при отданіи чести въ караулѣ, незначительныя неисправности на дежурствахъ и тому подобное.

„Хотя таковыя оштрафованія для поддержанія порядка и строгаго исполненія каждымъ своей обязанности по службѣ необходимы, но отъ частныхъ арестованій, а тѣмъ болѣе за маловажныя упущенія, взысканіе это теряетъ свою силу и, отвлекая офицеровъ подвергнутыхъ сему отъ исправленія обязанностей службы, обременяетъ другихъ.

„Въ отвращеніе сего на будущее время (командующій гвард. пѣх. корпусомъ) приказать изволилъ: гг. полковымъ и прочихъ частей начальникамъ—наблюдать за симъ, чтобъ вмѣсто арестовъ за ошибки во фронтѣ и незначительныя неисправности по дежурству и въ караулѣ, гг. офицеры были наряжаемы на одну или нѣсколько очередей на дежурство или въ караулъ по усмотрѣнію начальства, не стѣсняясь, впрочемъ, если встрѣтятся обстоятельства, требующія увеличенія или уменьшенія степени взысканія съ виновнаго".

Причинами арестовъ офицеровъ Л.-Г. въ Финляндскомъ полку были почти исключительно „маловажныя упущенія", о которыхъ упоминаетъ цитированное предписаніе. Какъ на примѣры можно указать на слѣдующіе случаи, повлекшіе за собой арестованіе офицеровъ: Прапорщикъ Х. былъ арестованъ на неопредѣленное время за то, что „при прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ дозволилъ себѣ махать рукою" [25], одинъ изъ батальонныхъ адъютантовъ былъ арестованъ на сутки за то, что въ рапортѣ имъ поданомъ слово „покрытый" было написано съ опиской: вмѣсто ы въ первомъ случаѣ было поставлено о [26]; Полковники Г. и М., по приказанію начальника дивизіи, были арестованы „за сдѣланныя ими на ученьи ошибки", домашнимъ арестомъ, первый—до 9 часовъ вечера, а послѣдній — „до завтрашняго ученья". Полковникъ Г. за то, что „потерялъ интервалъ между батальонами", былъ арестованъ на сутки домашнимъ арестомъ [27].

За маловажные же проступки офицеры назначались безъ очереди на службу и получали выговоры въ приказѣ по полку; караульная служба особенно часто причиняла эти непріятности офицерамъ. Такъ, въ приказѣ по полку нерѣдко попадаются пункты въ родѣ нижеслѣдующаго [28]: „Прапорщика А. предписываю нарядить на 6 разъ безъ очереди во всѣ должности за то, что, стоя 1 марта въ караулѣ въ арсеналѣ, при проѣздѣ Его Высочества Главнокомандующаго командовалъ караулу „впередъ ра-вняйсь" вмѣсто „равняйсь", какъ бы слѣдовало по § 406 устава о службѣ въ гарнизонѣ".

Иногда взысканія на офицеровъ налагались по особымъ случаямъ. Такъ, осенью 1835 года С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ получилъ особое Высочайшее повелѣніе „брать подъ арестъ" офицеровъ гвардейскаго корпуса, „которые будутъ замѣчены въ провожаніи воспитанницъ (театральной школы) и въ прочихъ безпорядкахъ у актерскихъ подъѣздовъ" [29].

Къ особымъ же взысканіямъ слѣдуетъ отнести взысканія съ начальствующихъ лицъ за побѣги нижнихъ чиновъ изъ ввѣренныхъ имъ частей; если же этихъ побѣговъ не было за извѣстный промежутокъ времени, то начальствующимъ лицамъ полагались награды. [30] Узаконенія 1843 года по поводу этого заключились въ слѣдующемъ [31]:

а) Если въ полку, батальонѣ, или ротѣ не было два года бѣжавшихъ,—полковой и батальонные командиры награждались орденомъ, а ротные командиры получали годовой окладъ жалованья.

б) Если въ ротѣ, изъ 100 поступившихъ рекрутъ, не было бѣжавшихъ, то ротный командиръ получалъ годовой окладъ жалованья или орденъ.

в) Если, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ сряду, въ ротѣ бывало по 3 человѣка бѣжавшихъ въ мѣсяцъ, то ротный командиръ арестовывался на недѣлю.

г) Если, въ теченіе 2 лѣтъ сряду, изъ роты бѣжавшихъ было по 5 человѣкъ въ годъ, то командиръ ея отрѣшался отъ своей должности.

д) Если, въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ въ году, число бѣжавшихъ въ батальонѣ было таково, что два ротныхъ командира подвергались аресту, то батальонный командиръ также подвергался аресту на 3 дня.

е) Если бѣжавшихъ, въ теченіе года, было 50 человѣкъ въ полку, то командиръ подвергался комнатному трехдневному аресту. При подобномъ числѣ бѣжавшихъ въ теченіе двухъ лѣтъ сряду, командиръ отрѣшался отъ должности.

ж) Нижніе чины подвергались:

За первый побѣгъ — отдѣленію за особый столъ, въ теченіе отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года.

За второй побѣгъ—отдѣленію за особый столъ въ теченіе 4 лѣтъ; имъ, кромѣ того, нашивались на погонахъ два тонкіе сѣрые шнура.

За третій—нашивались три такихъ же шнура, и такъ далѣе за каждый разъ по одному шнуру.

Эти взысканія налагались на нижнихъ чиновъ помимо наказанія ихъ розгами или шпицрутенами.

Для молодыхъ солдатъ гвардіи взысканія за побѣги были нѣсколько уменьшены, въ виду обнаружившейся причины ихъ побѣговъ, заключавшейся въ желаніи быть переведенными въ армію, гдѣ служба была не такъ на виду и потому много легче.

Если въ то время строгость на службѣ была чрезвычайная, то и въ офицерской средѣ, внѣ служебной обстановки, она поддерживалась въ полку весьма ревниво. „При строгости въ службѣ,—говоритъ Генералъ Ганецкій,—[32] была строгость и въ обществѣ офицеровъ полка. Въ этомъ отношеніи выдѣлялись нѣкоторые офицеры, которые образовали какъ бы кружокъ, гдѣ роль старшаго игралъ Киновичъ, кружокъ состоявшій изъ Своева, брата и меня, Ѳедотова, Дрентельна, Ванновскаго и нѣкоторыхъ еще. Кто велъ себя маломальски неподходяще или неприлично удалялся изъ полка“.

Впрочемъ и служебныя требованія, касавшіяся взаимныхъ отношеній офицеровъ, были тоже весьма значительны. Рельефный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ случай, бывшій съ двумя офицерами 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Начальникъ этой дивизіи встрѣтилъ однажды по дорогѣ въ Ораніенбаумъ, ѣхавшихъ въ бричкѣ штабсъ-капитана—ротнаго командира и поручика—его субалтернъ-офицера, при чемъ послѣдній курилъ сигару. За неуваженіе младшаго офицера къ своему ротному командиру онъ былъ арестованъ на трое сутокъ, а ротный командиръ, за недостаточное поддержаніе своего авторитета—на четверо сутокъ. [33]

Въ заключеніе можно сказать, что дисциплина Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку въ царствованіе Императора Николая I стояла на должной высотѣ, будучи прочно привита солдату. Конечно, не жестокости наказаній и не кулачная расправа прививали тогда ее и поддерживали, но тотъ высокій духъ, который всегда былъ въ полку, а въ то царствованіе отличалъ Финляндцевъ за Балканами и въ мятежной Польшѣ.

Грамотность въ полкахъ гвардейскаго корпуса за время 1825—55 годовъ находилась въ очень плохомъ состоянiи. „Грамотныхъ между нами почти не было,—говоритъ служившiй въ полку въ 50-хъ годахъ рядовой Василенко [34];—если въ ротѣ было 2—3 человѣка умѣющихъ читать, то такая рота считалась грамотною, а были и такiя въ которыхъ даже и фельдфебеля не знали и „аза“. Показанiя другихъ современниковъ сходятся въ этомъ.

Причины такого грустнаго явленiя лежали весьма глубоко, заключаясь прежде всего въ современныхъ взглядахъ на просвѣщенiе русскаго народа вообще и грамотности солдата въ частности. Ланкастерскiя школы, показавшiя всю свою пользу въ короткое время ихъ существованiя въ 20-хъ годахъ, продолжали подвергаться гоненiю въ царствованiе Императора Николая I не только въ военномъ, но и въ гражданскомъ мiрѣ; на прочiя школы обращалось весьма мало вниманiя.

По отношенiю къ развитiю грамотности въ полкахъ гвардейскаго корпуса ограничивались созданiемъ школъ кантонистовъ, гдѣ по нѣскольку рядовыхъ отъ полка могли обучаться чтенiю и письму. Но вопросъ о подготовкѣ унтеръ-офицеровъ, для которыхъ знанiе грамоты признавалось желательнымъ, заставилъ обратить хотя нѣкоторое вниманiе на развитiе грамотности между рядовыми гвардейской пѣхоты. Составленная по этому поводу въ 1832 году особая комиссiя пришла къ слѣдующимъ заключенiямъ: въ каждой ротѣ обучать грамотѣ по 8 рядовыхъ изъ предназначенныхъ къ производству въ унтеръ-офицеры; 2-хъ способнѣйшихъ изъ нихъ посылать въ школу кантонистовъ,—для лучшаго изученiя грамоты. „Если же,—говорило постановленiе комиссiи,—окажутся желающiе обучаться грамотѣ и сверхъ назначеннаго числа людей, то таковымъ предоставлять къ сему всѣ способы, употребляя таблицы и прописи для обученiя нижнихъ чиновъ чтенiю и письму, изъ имѣющихся въ полковыхъ школахъ кантонистовъ“ [35].

Но постановленiя комиссiи, несмотря на поддержку со стороны Великаго Князя Михаила Павловича, не были проведены въ жизнь; число грамотныхъ не увеличивалось въ гвардейскомъ корпусѣ [36], и даже для унтеръ-офицеровъ грамотность не признавалась обязательной. Приказъ по пѣхотѣ гвардейскаго корпуса отъ 12 Ноября 1852 года говоритъ о грамотности унтеръ-офицеровъ слѣдующее: „Хотя это знанiе закономъ и не поставляется въ непремѣнную обязанность, но нельзя не признать, что унтеръ-офицеру знать грамоту весьма полезно“. Послѣднiй взглядъ находился—для гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ— въ зависимости отъ дальнѣйшаго ихъ движенiя по службѣ производствомъ въ офицеры армiи; въ этомъ послѣднемъ отношенiи, законоположенiя того времени высказывались довольно категорично; такъ, въ 1832 году было постановлено за правило „унтеръ-офицеровъ не знающихъ грамотѣ ни къ какимъ преимуществамъ за выслугу лѣтъ не производить“ [37]. Тѣмъ не менѣе унтеръ-офицеры въ большинствѣ были безграмотны за все время царствованiя Императора Николая I.

Хотя безграмотность въ полкахъ и была тогда массовой, но съ 40-хъ годовъ появилось стремленiе создать солдатскую литературу; въ 1848 году Штабсъ-Капитанъ Л.-Гв. Гренадерскаго полка Чекмаревъ сталъ издавать, съ Высочайшаго соизволенiя, журналъ, „цѣль котораго заключалась въ доставленiи нижнимъ воинскимъ чинамъ въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время, полезнаго и прiятнаго занятiя, могущаго споспѣшествовать ихъ нравственному образованiю“.

Въ объявленіи объ этомъ журналѣ, современное состояніе грамотности и цѣли преслѣдуемыя журналомъ были изображены слѣдующимъ образомъ [38].

„Въ каждой воинской командѣ находятся люди болѣе или менѣе грамотные, которые въ часы досуга принимаются за книгу. Русскій солдатъ уже ищетъ чтенія и читаетъ. Но что онъ находитъ въ чтеніи? что читаетъ? Или нелѣпыя сказки, часто не имѣющія никакого смысла, или онъ разбираетъ по складамъ книги, которыхъ содержаніе для просто-

Заступленіе на часы на бивакѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Съ картины Ладурнера 1852 года, принадлежавшей Императору Николаю I и пожалованной полку Императоромъ Александромъ II.

людина темно, безсвязно или совершенно непонятно, вещи, надъ которыми онъ можетъ только пріучаться къ механическому процессу чтенія и изъ которыхъ подчасъ вовсе некстати запоминаетъ чуждыя для него мысли и составляетъ себѣ превратныя, ложныя понятія. Нѣтъ сомнѣнія, что полезно было бы облегчить солдату трудъ выбора чтенія, указать на предметы достойные любознательности, предупредить въ этомъ важномъ дѣлѣ вредное вліяніе случайностей и невѣжественнаго произвола, доставить грамотному солдату книгу, которая бы постепенно утоляла его жажду знанія сообразно со степенью его умственнаго развитія и съ его назначеніемъ, книгу, которая замѣнила бы ему пріятнаго и дѣльнаго собесѣдника и въ то же время научала бы его обязанностямъ къ Богу, Госу-

дарю и Отечеству, книгу, которая служила бы ему забавою и вмѣстѣ источникомъ полезныхъ въ его быту практическихъ свѣдѣній. Редакція Чтенія для солдатъ, полагаясь на обѣщанное содѣйствіе многихъ литераторовъ и на благосклонный пріемъ всѣхъ людей благомыслящихъ въ особенности же военныхъ гг. Начальниковъ, предположила себѣ въ опредѣленные сроки издавать Сборникъ или Журналъ, который по возможности соотвѣтствовалъ бы изложенной цѣли. Это предположеніе такъ же какъ и программа изданія удостоились Всемилостивѣйшаго одобрѣнія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича и Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича".

Объявленіе это, помѣщенное въ приказѣ Л.-Гв. по Финляндскому полку 1848 года, уже показывало, что стремленіе къ просвѣщенію существовало въ то время, какъ и въ царствованіе Императора Александра I. Въ слѣдующемъ году, въ приказѣ по полку указывалось на чтеніе нѣкоторыми нижними чинами книгъ и устанавливался строгій надзоръ за этими книгами: ротнымъ командирамъ предписывалось „обращать самое бдительное вниманіе, чтобы кромѣ книгъ нравственныхъ и совершенно доступныхъ понятію людей, никакія другія книги читаемы не были".

Служебное положеніе солдата въ царствованіе Императора Николая I-го было значительно улучшено сравнительно съ прежнимъ временемъ. Цѣлый рядъ льготъ очень облегчилъ службу солдата и улучшилъ бытовую сторону его жизни.

Важнѣйшимъ мѣропріятіемъ въ этомъ отношеніи является сокращеніе срока службы нижнихъ чиновъ. Высочайшимъ повеленіемъ отъ 30-го Августа 1834 года, отданнымъ въ день открытія памятника Императору Александру I-му, срокъ дѣйствительной службы нижнему чину былъ сокращенъ до 20-ти лѣтъ, что составляло уменьшеніе ея на два года сравнительно съ прежнимъ положеніемъ; однако, помимо дѣйствительной службы, т. е. по истеченіи 20-ти лѣтъ, нижній чинъ того времени еще не прекращалъ совсѣмъ службы, будучи увольняемъ на 21-мъ году въ безсрочный отпускъ на два года. Во время нахожденія въ безсрочномъ отпуску каждый нижній чинъ могъ быть потребованъ на службу, если бы военныя обстоятельства къ этому вынуждали; по прошествіи же двухъ лѣтъ онъ получалъ паспортъ на „чистую" отставку. Находившіеся въ безсрочномъ отпуску были освобождаемы отъ всякихъ повинностей и имъ была предоставлена полная свобода дѣйствій, ограниченная лишь тѣмъ, что они могли призываться для строевыхъ занятій.

Благодѣтельная мѣра эта, радостно встрѣченная нижними чинами, имѣла громадное значеніе для войскъ: безсрочно отпускные по положенію 1834 года образовали собою первообразъ запасныхъ войскъ, развившихся со временемъ въ русской арміи въ значительныхъ размѣрахъ [39].

Въ виду того, что численность безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ не могла быть значительной для образованія достаточнаго количества запасныхъ войскъ, въ 1841 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ увольненіи въ безсрочный отпускъ достойнѣйшихъ нижнихъ чиновъ, безпорочно прослужившихъ семьнадцать лѣтъ, уроженцевъ губерній, изъ которыхъ гвардейскій корпусъ, по положеніямъ того времени, получалъ свои укомплектованія [40]. Въ 1851 году льготы въ отношеніи безсрочныхъ отпусковъ были еще болѣе расширены: По новому постановленію этого года нижніе чины увольнялись въ безсрочный отпускъ за 15 лѣтъ службы [41].

Кромѣ безсрочныхъ отпусковъ были установлены въ 1836 г. еще продолжительные и кратковременные отпуска. Продолжительные отпуска давались нижнимъ чинамъ, которые были слабаго здоровья, или истощили свои силы на службѣ; срокъ этого отпуска былъ годичный или полугодичный [42]. Кратковременные отпуска допускались до 6-ти мѣсяцевъ, въ видѣ награды людямъ отличнаго поведенія и твердымъ по фронту. Нижніе чины, находившіеся въ продолжительномъ отпуску, призывались въ случаѣ надобности въ учебные сборы къ полкамъ, ближе всего расположеннымъ къ ихъ мѣсту жительства, если только обстоятельства этого требовали [43].

Призывъ отпускныхъ нижнихъ чиновъ на службу требовался очень строго; въ 1848 году послѣдовало по этому поводу Высочайшее повѣленіе о преданіи уклонявшихся отъ явки на службу нижнихъ чиновъ военно-полевому суду, который долженъ былъ за опозданіе на двое сутокъ приговаривать къ смерти [44].

Отпусками, какъ безсрочными такъ и кратковременными, чины Л.-Гв. Финляндскаго полка пользовались въ весьма обширныхъ размѣрахъ.

Тогда же приняты были мѣры къ увеличенію жалованья и другихъ видовъ довольствія солдата.

Жалованье, получаемое нижними чинами гвардейской пѣхоты, было слѣдующее:

фельдфебеля	97 руб.	75 к.	ассигн. въ годъ.
унтеръ-офицера	57 „	$64^{1}/_{2}$ „	„ „ „
ефрейтора	22 „	$52^{1}/_{4}$ „	„ „ „
рядового старшаго оклада	22 „	$52^{1}/_{4}$ „	„ „ „
„ младшаго „	13 „	$96^{1}/_{2}$ „	„ „ „

Нѣкоторые унтеръ-офицеры были на фельдфебельскомъ окладѣ, а нѣкоторые — на ефрейторскомъ; рядовые переводились изъ младшаго оклада въ старшій за твердое знаніе службы и отличное поведеніе [45].

Помимо того, на каждаго нижняго чина гвардейской пѣхоты отпускалось:

мундирныхъ около	6 руб.	60 к.	ассигн. въ годъ.
именинныхъ	1 „	— „	„ „ „
аммуничныхъ	1 „	83 „	„ „ „
Всемилостивѣйшихъ, жалуемыхъ за парады, смотры и ученья	15 „	— „	„ „ „
Итого сверхъ жалованья	26 руб.	43 к.	ассигн. въ годъ.

Такимъ образомъ, рядовой младшаго оклада гвардейской пѣхоты получалъ въ общемъ, вмѣстѣ съ жалованьемъ въ годъ 40 руб. $25^{1}/_{2}$ к.

Изъ этихъ денегъ на продовольствіе свое онъ долженъ былъ отдавать въ годъ въ съѣстную артель 32 руб. 15 коп. [46], за вычетомъ которыхъ у него оставалось на рукахъ 8 руб. $10^{3}/_{4}$ коп. Изъ этихъ послѣднихъ денегъ онъ долженъ былъ покрывать расходы „по солдатскимъ надобностямъ" того времени, весьма многочисленнымъ и дорого стоившимъ. Въ итогѣ расходъ на эти „надобности" опредѣлялся въ 25 руб. 13 коп. Остающіеся у солдата 8 руб. $10^{3}/_{4}$ коп. не могли, конечно, покрыть указанный расходъ, почему у каждаго нижняго чина и являлся дефицитъ въ годъ въ 17 руб. $2^{3}/_{4}$ коп. [47].

Дефицитъ этотъ существовалъ лишь до 1850 года, т. е. до времени увеличенія отпуска мясныхъ порцій каждому солдату съ 2-хъ до 5-ти, что повлекло за собою уменьшеніе, въ весьма значительныхъ размѣрахъ, вычета изъ солдатскаго содержанія въ артели и тѣмъ уничтожило дефицитъ солдатскаго кармана.

„Солдатскія надобности", поглощавшія наибольшую часть солдатскихъ денегъ и расходы на нихъ, производимые каждымъ нижнимъ чиномъ въ годъ, были слѣдующія: [48]

Баня по одному разу въ недѣлю	2 руб.	8 коп.
Мыло	3 „	— „
Клей	1 „	80 „
Мѣлъ или воскъ	2 „	50 „
Подметки	1 „	20 „
3-я рубаха въ прибавокъ къ отпускаемымъ 75 к. еще	1 „	70 „
Рукавицы замшевыя	1 „	25 „
Шитье сапогъ и третьи новые сапоги	4 „	50 „
Нитки, дратва и иголки	1 „	— „
Вакса	1 „	— „
Фабра для усовъ	— „	40 „
Деревянное масло для ружья	— „	10 „
Кремни со свинцомъ	— „	40 „
Патронная бумага	— „	20 „
Содержаніе въ исправности постели	1 „	— „
Костяный зубокъ для симуляціи	— „	10 „
Горшечки для нагрѣванія клею	— „	10 „
Зеркальце и двѣ гребенки: фабренная и головная	— „	10 „
Щетки	1 „	20 „
Портянки	— „	50 „
Подштанники или холщевыя брюки	1 „	— „
Итого	25 руб.	13 коп.

Съ 1850 года всѣ указанные расходы солдатъ уже могъ покрывать безъ крайняго напряженія и такимъ образомъ съ этого времени его положеніе значительно улучшилось въ денежномъ отношеніи, какъ и въ продовольственномъ.

Въ 1840 году, при изданіи новыхъ штатовъ полковъ, получаемое нижними чинами жалованье было переведено на серебро. На основаніи этихъ штатовъ жалованье нижнихъ чиновъ было слѣдующее [49]:

фельдфебеля	27 руб.	75 коп.	сер. въ годъ.
унтеръ-офицера	16 „	20 „	„ „ „
ефрейтора	6 „	45 „	„ „ „
рядового старшаго оклада	6 „	45 „	„ „ „
„ младшаго „	4 „	5 „	„ „ „

Положеніе нижнихъ чиновъ по отношенію къ поддержанію общаго порядка въ полку въ то время было поставлено въ строго законныя формы; наблюденіе за солдатами касалось всѣхъ сторонъ ихъ жизни; на все были положены опредѣленныя правила, благодаря которымъ порядокъ въ ежедневномъ обиходѣ нижнихъ чиновъ полка поддерживался неизмѣнно.

Изъ общихъ распоряженій по полку въ этомъ отношеніи можно указать, напримѣръ на особенно строгое наблюденіе за нижними чинами, находившимися внѣ казармъ; такъ увольнявшіеся въ отпускъ нижніе чины осматривались въ ротахъ, затѣмъ представлялись дежурнымъ офицерамъ; по возвращеніи изъ отпуска они снова представлялись послѣднимъ, чтобы дежурные офицеры „могли удостовѣриться въ какомъ видѣ пришелъ обратно" каждый нижній чинъ; затѣмъ, около казармъ по вечерамъ ходили патрули, имѣвшіе назначеніемъ опрашивать всѣхъ встрѣчавшихся одиночныхъ нижнихъ чиновъ полка и тѣхъ изъ нихъ, которые „самопроизвольно ушли изъ казармъ", представлять дежурнымъ офицерамъ.

Посѣщеніе кабаковъ и „штофныхъ лавокъ" было запрещено нижнимъ чинамъ совершенно въ концѣ 30-хъ годовъ, водку же солдаты могли получать лишь въ ротахъ и то лишь при общей раздачѣ не болѣе какъ по чаркѣ на каждаго; для наблюденія же за тѣмъ, чтобы нижніе чины не посѣщали кабаковъ, наряжались унтеръ-офицеры. Въ лагеряхъ, чтобы по возможности меньше увольнять солдатъ въ отпуски и предоставить имъ большія удобства, существовали въ полку мелочныя лавочки, подобно городскимъ, расположеннымъ близъ казармъ: надъ этими лавками существовалъ контроль со стороны полка, и тамъ разрѣшалось продавать лишь „вещи необходимо нужныя солдату" [50].

Движеніе нижнихъ чиновъ по іерархической лѣстницѣ въ то время нѣсколько ускорилось сравнительно съ періодомъ второй половины царствованія Императора Александра I; причиной этого явленія были постепенныя сокращенія сроковъ дѣйствительной службы Николаевскаго солдата.

Положеніе офицеровъ въ царствованіе Императора Николая I улучшилось немногимъ сравнительно съ прежнимъ временемъ, хотя и принимались къ тому различныя мѣры.

Въ этомъ отношеніи, вопросъ о содержаніи штабъ и оберъ-офицеровъ былъ выдвинутъ Императоромъ Николаемъ I на первое мѣсто; непремѣнное желаніе Государя заключалось въ томъ, чтобы привести жалованье офицеровъ въ „ближайшую соразмѣрность съ дѣйствительными ихъ потребностями, чтобы каждому доставить способы къ приличному и безбѣдному содержанію". Вслѣдствіе этого увеличеніе жалованія офицерамъ послѣдовало въ 1834 и 1838 годахъ, а въ 1840 году оно было переведено на серебро.

Годовые оклады новаго содержанія сравнительно съ прежними были слѣдующіе [51]:

Оклады.	Чины: Полковникъ.	Капитанъ.	Штабсъ-капитанъ.	Поручикъ.	Подпоручикъ.	Прапорщикъ.	
1817 г.	1210 р. — к.	910 р. — к.	780 р. — к.	720 р. — к.	690 р. — к.	600 р. — к.	ассигнаціями.
1834 г.	1700 „ — „	1200 „ — „	1000 „ — „	900 „ — „	700 „ — „	— „ — „	ассигнаціями.
1838 г.	2000 „ — „	1500 „ — „	1200 „ — „	1000 „ — „	850 „ — „	— „ — „	ассигнаціями.
1840 г.	560 „ 55 „	419 „ 25 „	336 „ 30 „	307 „ 5 „	282 „ 75 „	238 „ 80 „	съ переводомъ на серебро.

Кромѣ жалованія офицерамъ полагались квартирныя и столовыя.

Несмотря на постепенное увеличеніе офицерское содержаніе было все-таки весьма недостаточно какъ для младшихъ, такъ и для старшихъ чиновъ. Въ 1836 году, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, прекрасно знавшій условія жизни подчиненныхъ ему гвардейскихъ офицеровъ, въ докладѣ на Высочайшее Имя, доносилъ, что казеннаго содержанія не хватало офицерамъ даже на то, чтобы имѣть „приличное гвардейскому офицеру обмундированіе для несенія служебныхъ обязанностей“ [52].

Однако увеличить офицерское содержаніе въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ правительство не находило возможнымъ, почему по отношенію къ гвардейскимъ офицерамъ былъ принятъ побочный способъ ихъ поддержки, способъ, практиковавшійся еще въ царствованіе Императора Александра I и заключавшійся въ выдачѣ офицерамъ денежныхъ пособій различныхъ размѣровъ изъ Кабинета Его Величества. Для большаго урегулированія этого дѣла, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, взявъ его въ свои руки, установилъ точный порядокъ испрашиванія офицерами гвардейскаго корпуса пособій и выдачи ихъ. По представленію Великаго Князя для означенной цѣли отпускалось ежегодно около 300 тысячъ рублей, которые и распредѣлялись между всѣми гвардейскими полками; каждому полку приходилось такимъ образомъ, среднимъ числомъ, около 10 тысячъ рублей, которые и распредѣлялись между офицерами, сообразно ихъ чинамъ и ихъ финансовому положенію [53].

Деньги выдавались офицерамъ два раза въ годъ, при чемъ полковники получали отъ 1,000 до 1,500 рублей, капитаны и штабсъ-капитаны около 500, прочіе офицеры отъ 300 до 500; выдача производилась 10—15 офицерамъ единовременно, въ годъ же она доставалась только половинному числу офицеровъ [54].

Съ кончиной въ 1849 году Великаго Князя Михаила Павловича, капиталъ для выдачи пособій офицерамъ не имѣлъ уже такихъ опредѣленныхъ размѣровъ и впослѣдствіи уменьшился до 50 тысячъ рублей. Вслѣдствіе этого выдачи офицерамъ были уменьшены, но распредѣленіе ихъ стало производиться между бо́льшимъ числомъ офицеровъ [55].

Всѣ указанныя пособія и прибавка жалованья, послѣдовавшая въ царствованіе Императора Николая I, хотя и увеличили офицерскій бюджетъ, но тѣмъ не менѣе, далеко не уровновѣсили его: офицеры по-прежнему были крайне стѣснены въ денежномъ отношеніи.

Что же касается до положенія офицерскаго состава по отношенію къ служебному движенію за время 1825—1855 годовъ, то оно не могло улучшиться сравнительно съ періодомъ послѣ Наполеоновскихъ войнъ, когда вслѣдствіе значительной убыли въ офицерскомъ составѣ, офицеры гвардейскаго корпуса дослуживались весьма быстро до чиновъ полковника и генералъ-маіора. Хотя въ Николаевское царствованіе войнъ было тоже достаточно, но онѣ, будучи менѣе кровопролитны, слабѣе отражались на служебномъ движеніи офицерскаго состава гвардейскихъ полковъ. По отношенію Л.-Гв. къ Финляндскому полку такая точка зрѣнія вполнѣ примѣнима: дослуживаясь раньше до полковничьяго чина на 10-мъ году службы, что, впрочемъ, и тогда было не часто, офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка въ разсматриваемое время достигали густыхъ эполетъ въ среднемъ на 15 году службы, при чемъ наименьшимъ срокомъ для этого было 11 лѣтъ и наиболь-

шимъ 20 лѣтъ. Среднимъ же срокомъ для полученія полка Финляндскому офицеру въ то время было 20 лѣтъ, меньшимъ срокомъ—16 лѣтъ и наибольшимъ—23 года [56].

Указанные сроки находились въ тѣсной зависимости отъ продолжительности пребыванія офицеровъ въ полку, которая за время 1825—1855 годовъ была очень незначительна: большинство офицеровъ уходило со службы въ молодыхъ годахъ. Уходъ этотъ являлся результатомъ суровости военной службы того времени, необезпеченности лицъ посвящавшихъ ей свои силы и, главное, „вольности дворянства", не находившаго нужнымъ слишкомъ сильно тревожиться и тянуть служебную лямку при обезпеченности его крѣпостнымъ трудомъ.

Дворцовый гренадеръ посѣщаетъ бывшую свою роту Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку.

Съ картины П. А. Ѳедотова.

Комплектованіе полка офицерами производилось въ 1825—1855 годахъ на прежнемъ основаніи, то выпускомъ изъ военно-учебныхъ заведеній, то производствомъ изъ своихъ юнкеровъ и переводомъ изъ армейскихъ полковъ. Относительно переводовъ офицеровъ изъ арміи были установлены весьма строгія положенія: представляемые къ переводу въ гвардію офицеры должны были быть отличными по службѣ; переводъ ихъ не могъ быть совершенъ ранѣе прослуженія ими 3-хъ лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ; испытаніе ихъ въ знаніи службы производилось весьма тщательно: помимо ближайшаго начальства, начальники дивизій должны были лично ихъ экзаменовать; представляемые къ переводу въ гвардію

офицеры должны были обладать отличной нравственностью и достаточнымъ состояніемъ для „пристойнаго содержанія себя въ гвардіи"; при этомъ отъ нихъ требовалось, чтобы они со всѣми вышеуказанными условіями „соединяли (бы) въ себѣ и наружность" [57].

Изъ военно-учебныхъ заведеній „школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ" * давала во все царствованіе Императора Николая I главный, послѣ кадетскихъ корпусовъ, контингентъ офицеровъ Л.-Гв. въ Финляндскій полкъ. Въ школу эту принимались только потомственные дворяне; числясь въ полкахъ, формы которыхъ они носили, молодые люди были въ школѣ на положеніи воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній; тамъ они обучались строю и военнымъ наукамъ и только по выдержаніи строжайшаго экзамена, лично производившагося Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, допускались къ выпуску въ офицеры гвардіи [58].

Комплектованіе нижними чинами въ царствованіе Императора Николая I производилось по-прежнему переводомъ изъ арміи лучшихъ солдатъ и рекрутскими наборами. Изъ этихъ двухъ источниковъ первый имѣлъ перевѣсъ надъ вторымъ въ началѣ разсматриваемаго времени; начиная же съ 40-хъ годовъ, рекрутскіе наборы выдвинулись на первое мѣсто. Третьимъ, несравненно меньшимъ по размѣрамъ источникомъ комплектованія, являлись нижніе чины изъ кантонистскихъ отдѣленій. Къ числу источниковъ комплектованія полка, какъ указываютъ его годовые рапорты, относятся также иностранцы, бродяги, арестанты и пойманные изъ бѣговъ; въ дѣйствительности поступленій изъ нихъ въ полку не было, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ, относившихся къ послѣдней рубрикѣ [59].

При переводѣ изъ арміи, а также при выборѣ рекрутъ въ полки гвардейскаго корпуса, представленные къ службѣ въ гвардію лично осматривались Государемъ и Августѣйшими командирами гвардейскаго корпуса, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ и Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Переводимые изъ карабинерныхъ и егерскихъ армейскихъ полковъ могли быть и не молодыми солдатами; въ 1842 году было объявлено по этому поводу, что „при выборѣ изъ арміи нижнихъ чиновъ на укомплектованіе отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, могутъ быть назначаемы люди, прослужившіе десять лѣтъ и болѣе, лишь бы они не оканчивали послѣднихъ лѣтъ службы" [60]. Переводились также и унтеръ-офицеры изъ арміи, при чемъ въ гвардію ихъ принимали рядовыми.

Переводившіеся изъ арміи и рекрута, предназначавшіеся на укомплектованіе гвардейскихъ полковъ, должны были удовлетворять многимъ, весьма строгимъ, требованіямъ: выбирались люди наиболѣе развитые, представительной наружности и опредѣленнаго типа для каждаго полка. Л.-Гв. для Финляндскаго полка установился издавна типъ брюнета, небольшого сравнительно роста для егерскихъ ротъ и высокаго роста для карабинерныхъ. За ростомъ нижнихъ чиновъ, вообще, было установлено тогда строжайшее наблюденіе; каждая рота въ полку имѣла свой минимальный и максимальный ростъ и ранжировки ротъ производились по нѣскольку разъ въ годъ; установлены были въ гвардейскихъ полкахъ особаго рода „мѣры", которыми повѣрялся ростъ нижнихъ чиновъ, изготовляемыя по точнымъ лекаламъ въ механическомъ заведеніи военно-топографическаго депо; зна-

---

* Школа эта основана въ 1823 году; преобразована была 1828 году и въ такомъ видѣ просуществовала до 1858 года.

чительная стоимость этихъ мѣръ—около 30 рублей каждой—показываетъ, что онѣ представляли собою довольно сложный аппаратъ, слѣдовательно измѣренія, ими производимыя, были очень точны [61].

Особенностью комплектованія Л.-Гв. Финляндскаго полка являлось предназначеніе въ полкъ рекрутъ съ вотчинъ Императорской фамиліи, продолжавшееся и въ царствованіе Императора Николая I, въ силу историческихъ традицій, относившихся къ основанію Императорскаго батальона милиціи—первообраза Л.-Гв. Финляндскаго полка. Какъ долго производилось это комплектованіе—неизвѣстно, послѣднее же упоминаніе о немъ оффиціальными документами относится къ 1827 году *.

Инвалиды Л.-Гв. Финляндскаго полка за время 1825—1855 годовъ оставались на томъ же положеніи что и въ предыдущее время. Они, по-прежнему, составляли при полку полуроту инвалидной № 10 роты, комплектуя ее на прежнихъ основаніяхъ; число ихъ и служба имъ назначаемая тоже осталась безъ значительныхъ измѣненій сравнительно съ прежними.

Численность инвалидовъ въ полку колебалась весьма незначительно; въ 1826 году инвалидовъ было: 2 оберъ-офицера, 8 унтеръ-офицеровъ и 68 рядовыхъ; въ 1841 году: 2 оберъ-офицера, 7 унтеръ-офицеровъ и 61 рядовой; въ 1854 году: 2 оберъ-офицера, 6 унтеръ-офицеровъ и 59 рядовыхъ [62].

Служба, которую несли инвалиды, распредѣлялась главнымъ образомъ между „полковыми хозяйственными заведеніями“ и полковымъ госпиталемъ; весьма малое число ихъ находилось въ командировкахъ. Состоявшіе по хозяйству исполняли всевозможнаго рода хозяйственныя работы и порученія: варили варку, пекли хлѣбы, приготовляли квасъ и кисель, возили воду, сторожили разныя помѣщенія и склады, топили печи и проч.; состоявшіе въ госпиталѣ ухаживали за больными; этихъ послѣднихъ было около 1/3 всѣхъ числившихся въ полку инвалидовъ [63]. Иногда инвалиды привлекались и къ строевой службѣ; такъ, во время Высочайшихъ смотровъ имъ поручалось „занятіе линій“.

Инвалиды полка состояли также въ отдѣльныхъ инвалидныхъ ротахъ и командахъ, основанныхъ главнымъ образомъ въ царствованіе Императора Александра I, напримѣръ, въ Павловскихъ и Гатчинскихъ ротахъ [65]. Съ 1827 года многіе инвалиды нашли себѣ пріютъ въ ротѣ дворцовыхъ гренадеръ, учрежденной въ этомъ году, „въ ознаменованіе особаго благоволенія къ нижнимъ чинамъ лейбъ-гвардіи, которые въ отечественную войну оказали свое мужество и во все продолженіе ихъ вѣрной службы до самаго истеченія узаконеннаго оной срока, отличали себя усердіемъ, честностью и примѣрнымъ поведеніемъ“. Поступавшіе въ роту дворцовыхъ гренадеръ „были обезпечены содержаніемъ на всю жизнь“, а „служба ихъ состояла только въ полицейскомъ надзорѣ во дворцахъ, гдѣ будетъ пребываніе Его Величества“. Комплектовалась рота дворцовыхъ гренадеръ отличнѣйшими отставными нижними чинами гвардіи или прослужившими на сверхсрочной службѣ и бывшими въ походахъ противъ непріятелей [66].

Нестроевыми числились въ полку въ разсматриваемое время слѣдующіе нижніе чины фурлейты (около 20 человѣкъ), фурштаты (около 5 человѣкъ), вагенмейстеръ, аптекарскій

* Объ этомъ подробнѣе упоминается въ I части этой исторіи полка.

помощникъ, надзиратель больныхъ, фельдшера (3), цирульники (12), лазаретные служители (10), писаря (5), ложники (12), оружейники (12), профосъ и денщики (около 60) [67].

Къ числу особой категорiи нижнихъ чиновъ, помимо юнкеровъ, подпрапорщиковъ и портупей-прапорщиковъ, слѣдуетъ отнести вольноопредѣляющихся, появившихся къ концу царствованiя Императора Николая I. Въ 1850 году послѣдовало распоряженiе о прiемѣ въ гвардiю вольноопредѣляющимися „дѣтей именитыхъ купцовъ или сыновей оберъ-офицерскихъ, которыхъ семейства извѣстны начальству во всѣхъ отношенiяхъ, съ ручательствомъ полковыхъ командировъ". Означенные вольноопредѣляющiеся по выдержанiи экзамена при школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ выпускались въ офицеры гренадерскихъ полковъ.

Кантонисты полка за перiодъ 1825—1855 годовъ содержались въ полку въ значительно большемъ числѣ, чѣмъ за предыдущее время. Въ послѣднiе годы царствованiя Императора Александра I ихъ было въ полку около 100 человѣкъ, а въ послѣднiе годы царствованiя Императора Николая I—около 600 человѣкъ. Такое рѣзкое увеличенiе численности полковыхъ кантонистовъ тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что убыль среди нихъ, вслѣдствiе значительной смертности, была огромная: въ среднемъ, убыль эта доходила въ годъ до 35 человѣкъ. Комплектованiе полка кантонистами происходило по-прежнему зачисленiемъ сыновей солдатъ полка; очень незначительный процентъ пополнялся переводомъ изъ другихъ частей [68]. Въ кантонисты зачислялись не только сыновья нижнихъ чиновъ, состоявшихъ на службѣ, но также и инвалидовъ и даже—сыновья отставныхъ солдатъ, рожденные по выходѣ ихъ въ отставку; зачисленiе въ послѣднемъ случаѣ дѣлалось впрочемъ по просьбѣ отцовъ. Обязательному же поступленiю въ кантонисты подлежали дѣти, родившiяся у солдатъ, состоявшихъ на службѣ.

Кантонисты зачислялись въ полкъ со дня ихъ рожденiя; если же отецъ вновь зачисленнаго кантониста увольнялся въ безсрочный отпускъ или въ отставку, то онъ могъ взять себѣ сына на воспитанiе до 14-ти-лѣтняго возраста, по достиженiи котораго долженъ былъ „представить сего кантониста... непремѣнно въ (свой) полкъ и отнюдь не оставлять долѣе при себѣ, подъ опасенiемъ строгаго за сiе взысканiя, какъ положено по законамъ за укрывательство бѣглыхъ". Отецъ съ сыномъ кантонистомъ должны были жить только въ томъ городѣ, который былъ указанъ въ билетѣ, выданномъ отъ полка. Вдовая мать могла тоже брать сына кантониста на воспитанiе на тѣхъ же условiяхъ [69]. Иногда, впрочемъ, дѣлались исключенiя и кантонисты не отдавались матерямъ, если онѣ жили далеко. Такъ, въ 1827 году француженка Бансъ, вдова рядоваго Л.-Гв. Финляндскаго полка Александрова, уѣзжая во Францiю по смерти мужа, просила о разрѣшенiи взять съ собою своихъ малолѣтнихъ дѣтей—дочь и сына; штабъ гвардейскаго корпуса положилъ по этому поводу слѣдующее рѣшенiе: „что касается до... сына ея... то, на основанiи законоположенiя, какъ военный кантонистъ прижитой отцемъ его на службѣ въ гвардiи, принадлежитъ гвардейскому корпусу, а потому при отъѣздѣ матери его долженствуетъ остаться Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку" [70].

По зачисленiи въ полкъ кантонисты распредѣлялись „по списочнымъ состоянiямъ ротъ", но жили въ родительскихъ семьяхъ или въ полковой школѣ; до 7-ми-лѣтняго возраста имъ производилась половинная дача мѣсячнаго провiанта.

Школы полковыхъ кантонистовъ, основанныя при Императорѣ Александрѣ I, существовали до 1832 года безъ строго опредѣленнаго положенія и потому были въ полкахъ неодинаковыми. 31 января 1832 года было издано положеніе о школахъ кантонистовъ при гвардейскихъ полкахъ, съ цѣлью подготовки „отличныхъ фельдфебелей, каптенармусовъ, унтеръ-офицеровъ, музыкантовъ, писарей, фельдшеровъ и мастеровыхъ всякаго рода".

Число учениковъ въ школѣ было 60, всѣ отъ 14-ти-лѣтняго возраста; обученіе продолжалось 4 года и заключалось, помимо грамотности, въ строевыхъ занятіяхъ, гимнастикѣ, фехтованіи, пріемахъ при артиллерійскихъ орудіяхъ—для чего при школѣ имѣлись деревянныя пушки [71], — Закону Божію и мастерствамъ. Книги и пособія школѣ полагались отъ казны, полкъ же изъ своихъ суммъ давалъ на содержаніе школы по 100 рублей въ мѣсяцъ [72].

Николаевскіе солдаты.

Съ акварели П. А. Ѳедотова.

6-го мая 1844 года вышло Высочайше утвержденное положеніе о школахъ военныхъ кантонистовъ гвардейскаго корпуса, по которому положеніе ихъ нѣсколько упрочилось въ матеріальномъ отношеніи отпускомъ отъ казны на каждаго кантониста старше 13-ти лѣтъ, находящагося въ школѣ, по 4 руб. 5 к. въ годъ, а для кантонистовъ моложе 13-ти лѣтъ по 2 руб. 70 коп. въ годъ. Тѣмъ же положеніемъ былъ опредѣленъ отпускъ и для кантонистовъ, находящихся при родителяхъ, а также и сиротамъ въ размѣрѣ отъ 3 руб. 50 коп. до 12 руб. въ годъ на каждаго [73].

По достиженіи кантонистами призывнаго возраста они зачислялись на дѣйствительную службу въ свой полкъ.

Завѣдывали школой два оберъ-офицера. Старшимъ завѣдывающимъ школой послѣ ея преобразованія былъ назначенъ Поручикъ Лихонинъ *, помощникомъ его—Подпоручикъ Заварицкій. Трудами названныхъ офицеровъ школа была поставлена такъ, что въ 1839 г. по своему „отлично-хорошему состоянію" удостоилась благодарности Августѣйшаго командира гвардейскаго корпуса [74]. Затѣмъ, обученіе въ школѣ стало вестись хуже; въ началѣ 40-хъ годовъ оно находилось на попеченіи нижнихъ чиновъ, пока завѣдываніе школою не перешло къ Штабсъ-Капитану Ганецкому 2-му. „При вступленіи моемъ,—говоритъ Генералъ Ганецкій, [75]—дѣло военнаго обученія стояло у нихъ плохо: унтеръ-офицеръ читалъ

---

* Поручикъ Лихонинъ былъ не чуждъ литературѣ: онъ перевелъ съ французскаго извѣстное тогда соч. Лалемана „Общія правила малой войны", за что былъ удостоенъ Высочайшей благодарности и награжденія брилліантовымъ перстнемъ въ 800 рублей.

имъ уставъ по книгѣ и этимъ все почти и ограничивалось. У меня явилась идея написать имъ солдатскую тактику, самую элементарную... Въ тогдашней военной литературѣ ничего подобнаго не имѣлось; я искалъ очень ретиво, даже былъ въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, но кромѣ „Вахтъ-Парада“ Суворова ничего не нашелъ тамъ. Наконецъ... я наткнулся на курсъ артиллеріи, написанный по-французски, на первой страницѣ котораго можно было найти лишь нѣкоторыя изъ необходимыхъ мнѣ свѣдѣній. Такъ желаніе мое и осталось не исполненнымъ“.

Если Штабсъ-Капитану Ганецкому и не удалось написать тактику для кантонистовъ, то школу отъ привелъ въ такое состояніе, что въ 1847 году она была найдена „въ лучшемъ порядкѣ и особенно отличалась во всѣхъ отношеніяхъ“ [76].

Во время завѣдыванія школой кантонистовъ Штабсъ-Капитаномъ Ганецкимъ инспекторомъ классовъ въ ней состоялъ Подпоручикъ А. В. Дружининъ, впослѣдствіи извѣстный писатель, критикъ и фельетонистъ.

Въ 1856 году, въ первый годъ по восшествіи на престолъ Императора Александра I, нижніе чины получили Монаршую милость, совершенно измѣнившую и значительно улучшившую участь кантонистовъ. Съ этого времени кантонисты не были обязаны къ непремѣнной военной службѣ [77] и не считались уже болѣе „принадлежавшими полкамъ“, гдѣ служили ихъ отцы; они причислялись въ свободныя сословія и поступали на службу по общему положенію. Такимъ образомъ былъ положенъ предѣлъ службѣ дѣтей за службу отцовъ.

Съ 1856 года кантонисты полка пополнялись исключительно по желанію ихъ родителей.

Число семейныхъ нижнихъ чиновъ Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку, благодаря продолжительнымъ срокамъ службы и долгому мирному періоду послѣ польской войны 1831 г., было весьма значительно. Такъ, въ апрѣлѣ 1828 года и въ декабрѣ 1832 года, въ казармахъ полка помѣщалось 353 и 256 солдатскихъ семей [78], да кромѣ того нѣкоторая часть ихъ жила еще на вольныхъ квартирахъ.

Принявъ во вниманіе, что внѣ казармъ жило не менѣе $^1/_4$ солдатскихъ женъ, и что численность нижнихъ чиновъ полка была въ тѣ годы въ три тысячи человѣкъ [79], количество семейныхъ солдатъ должно было составлять около $^1/_8$ общаго числа нижнихъ чиновъ. Несомнѣнно, что цифра эта должна была еще возрасти въ послѣдующіе годы мирной жизни полка, когда полкъ только что возвратился изъ польскаго похода. Все возраставшее къ 50-мъ годамъ число солдатскихъ дѣтей служило несомнѣннымъ подтвержденіемъ значительнаго увеличенія въ полку числа семейныхъ нижнихъ чиновъ. Основываясь на численности кантонистовъ, можно прійти къ выводу, что число семейныхъ солдатъ, къ концу царствованія Императора Николая I, доходило въ полку до $^1/_4$—$^1/_5$ общаго ихъ числа.

По отзывамъ современниковъ, жизнь семейныхъ нижнихъ чиновъ складывалась хорошо. Продовольствіе было хорошее, а служба не особенно тяжела [80]. Оффиціальные же документы указываютъ, что въ положеніи семейныхъ нижнихъ чиновъ того времени были темныя стороны, которыми являлись недостатокъ помѣщенія и, какъ слѣдствіе этого, огромная смертность солдатскихъ дѣтей. Помѣщенія для семействъ нижнихъ чиновъ

были недостаточны во всѣхъ полкахъ гвардейскаго корпуса до такой степени, что въ ноябрѣ 1839 года Государь нашелъ нужнымъ ограничить число нижнихъ чиновъ, желавшихъ жениться, а съ 1842 года послѣдовало распоряженіе разрѣшать женитьбу нижнимъ чинамъ только при наличности свободныхъ помѣщеній въ казармахъ [81]. Кромѣ того Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ гвардейскихъ полкахъ, разрѣшеніе на женитьбу давалось только представившимъ извѣстный реверсъ, въ нѣсколько сотъ рублей—для унтеръ-офицеровъ большій, для рядовыхъ меньшій.

Указанныя мѣры принимались исключительно ради пользы солдатъ, чтобъ избавить ихъ семьи отъ тяжелыхъ послѣдствій бѣдности. Но онѣ видимо были недостаточны: болѣзненность и смертность, развивавшіяся въ 40-хъ годахъ въ весьма сильной степени среди солдатскихъ дѣтей, доказывали это. По изслѣдованію корпуснаго штабъ-доктора Нагумовича * причинами подобнаго явленія были бѣдность въ семействахъ и тѣснота помѣщеній. „Дѣти нижнихъ гвардейскихъ чиновъ, — говоритъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Нагумовичъ, [82]—не пользуются самыми обыкновенными и вмѣстѣ необходимыми для здоровья условіями: хорошимъ воздухомъ, надлежащимъ присмотромъ и здоровою пищею“.

Для улучшенія положенія солдатскихъ дѣтей былъ поднятъ вопросъ о постройкѣ дѣтскихъ пріютовъ въ полкахъ гвардейскаго корпуса; но, вслѣдствіе тѣсноты помѣщеній во всѣхъ гвардейскихъ казармахъ, постройка ихъ была всюду отклонена. Командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка, на запросъ по этому поводу, доносилъ, что для помѣщенія дѣтскаго пріюта „потребовалось бы пространства въ полтора раза болѣе того, какое занимаетъ нынѣ рота полка, а потому очистивъ покои, занимаемые одной ротой, для размѣщенія людей необходимо было бы стѣснить другія роты, что при настоящей тѣснотѣ казармъ не представляется никакой возможности“ [83]. Такимъ образомъ устройство пріюта для солдатскихъ дѣтей въ полку было отклонено, но чтобы помочь, чѣмъ возможно, командиръ полка Генералъ Крыловъ опредѣлилъ выдавать ежегодно изъ полковыхъ суммъ по 100 рублей „на улучшеніе домашняго быта женатыхъ нижнихъ чиновъ и ихъ семействъ“ [84]. Деньги эти выдавались въ продолженіе всего царствованія Императора Николая I и въ 50-хъ годахъ расходовались „на слѣдующіе предметы“: на устройство новаго родильнаго пріюта, на улучшеніе содержанія родильницъ, на пеленки и бумазею для младенцевъ и на пособіе вдовамъ, остававшимся съ малолѣтними дѣтьми [85].

Семейные нижніе чины не принимали участія въ съѣстныхъ артеляхъ, довольствуясь не изъ общаго ротнаго котла, а у себя дома, вмѣстѣ съ своей семьей; получая паекъ на себя и на своихъ семейныхъ они готовили себѣ пищу по своему усмотрѣнію; лѣтомъ было иначе, въ виду того, что солдатскимъ женамъ не позволялось выступать съ мужьями въ лагери; это послѣднее соблюдалось строго и въ приказѣ по полку отдавалось по этому поводу слѣдующее: „предписываю имѣть строжайшее наблюденіе, чтобы жены нижнихъ чиновъ не приходили въ лагерь изъ С.-Петербурга“ [86].

Въ домашнемъ своемъ быту, въ свободное время нижніе чины, которыхъ большая часть были сапожники и портные, занимались частными работами, пріобрѣтая такимъ образомъ иногда довольно порядочныя деньги.

---

* Д. С. С. Нагумовичъ служилъ въ 20-хъ годахъ Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку.

Семейные нижніе чины, занимаясь также мастерствомъ, посылали своихъ женъ и подросшихъ дѣтей въ 1-ю линію Васильевскаго острова на фабрику щипать перья, для приготовленія перинъ и подушекъ. Тѣ же изъ солдатокъ, которыя были помоложе и искуснѣе, занимались шитьемъ платья, стиркою бѣлья и различными женскими работами; словомъ, обитатели Чекушъ, Гавани и, вообще, всего Васильевскаго острова могли всегда найти въ нихъ недорогихъ работницъ. Болѣе пожилыя, а иногда и болѣе достаточныя, занимались торговлею въ казармахъ. Здѣсь на каждомъ почти дворикѣ сидѣло по нѣскольку женщинъ, продававшихъ вареный картофель и внутренности битой скотины (сычугъ, печенки, легкія, рубцы, говядину, кисели и т. п.). Не менѣе распространена была также торговля молокомъ, но для этого необходимы были довольно большія средства, и потому занимавшихся этимъ было, сравнительно, немного. Но однако десятка два какихъ-то ломаныхъ и грязныхъ конуръ-хлѣвовъ существовало постоянно; это были кое-какъ сколоченныя, а иногда и срубленныя помѣщенія для двухъ-трехъ коровъ. Получавшееся молоко разбиралось потребителями и разносилось самими владѣльцами коровъ по обывателямъ Васильевскаго острова, которые съ удовольствіемъ его раскупали.

Всѣ эти занятія давали не только безбѣдное существованіе семейнымъ, но иногда доставляли и весьма хорошій заработокъ, до такой степени, что многіе изъ нижнихъ чиновъ составляли себѣ порядочный капиталъ" [87].

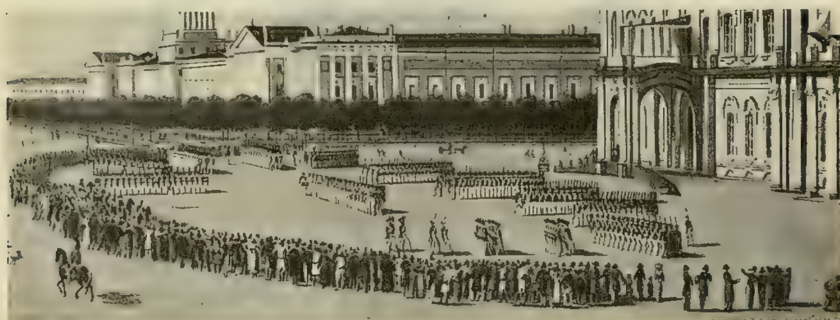
Въ свободное отъ службы и занятій время устраивались различныя театральныя представленія и игры, на что было обращено особенное вниманіе въ концѣ 1830-хъ и началѣ 1840-хъ годовъ.

Касаясь бытовой стороны жизни нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка времени царствованія Императора Николая I, нельзя не упомянуть объ одномъ изъ рядовыхъ—Александрѣ Маймадовѣ, поступившемъ въ полкъ по особому Высочайшему повелѣнію изъ одной изъ армейскихъ частей, расположенныхъ въ Финляндіи. Судьба этого нижняго чина настолько была интересна, своеобразна и полна приключеній, что описаніе ея составило цѣлую книгу въ 171 страницу, озаглавленную „Лезгинецъ Ассанъ. Написано подъ его диктовку" [88]. Кромѣ того ему же посвященъ напечатанный въ седьмомъ томѣ Современника" 1848 года „Разсказъ лезгинца Ассана о похожденіяхъ своихъ".

Лезгинецъ по происхожденію, магометанинъ по вѣрѣ, Ассанъ началъ съ разбойничества на Кавказѣ, но разбойничества, имѣвшаго цѣлью самую гуманную идею—спасеніе своихъ односельчанъ и бѣдныхъ всѣхъ окрестныхъ селеній отъ голода, свирѣпствовавшаго въ страшной силѣ около Кубы въ 30-хъ годахъ. Основавъ нѣчто въ родѣ общины, онъ кормилъ всѣхъ голодныхъ, стекавшихся къ нему во множествѣ, добывая хлѣбъ и деньги и взимая дань съ каравановъ, купцовъ и богатыхъ людей. Выданный однимъ изъ своихъ подчиненныхъ, онъ сталъ солдатомъ въ Финляндіи, бѣжалъ оттуда, жилъ въ Петербургѣ и принялъ христіанство; найдя высокихъ покровителей среди столичнаго общества, онъ получилъ прощеніе за бѣгство и черезъ нѣкоторое время въ 1844 году въ маѣ м-цѣ былъ переведенъ Л.-Гв. въ Финляндскій полкъ. Здѣсь слухи о его похожденіяхъ не только привлекли къ нему вниманіе многихъ офицеровъ и генераловъ, но и Великаго Князя Константина Николаевича. Сдѣлавъ съ полкомъ Венгерскій походъ Маймадовъ былъ опредѣленъ въ инвалиды Стрѣльнинскаго Дворца, удостоясь до этого представленія Государынѣ

Императрицѣ. Затѣмъ, послѣ женитьбы бывшій разбойникъ Ассанъ пошелъ въ монахи и проповѣдывалъ христіанство на родномъ ему Кавказѣ, гдѣ послѣднимъ его стремленіемъ было основать монастырь. Въ указанныхъ произведеніяхъ его чрезвычайныя приключенія описаны очень живо и интересно.

Касаясь въ своихъ запискахъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, въ рядахъ котораго служилъ этотъ видавшій многое на своемъ вѣку и много испытавшій человѣкъ, онъ относится къ полку очень хорошо, хвалитъ свое начальство и воздаетъ должное служебнымъ порядкамъ родной ему части. Такое свидѣтельство, написанное уже въ бытность его монахомъ и миссіонеромъ, не можетъ не быть правдивымъ; лестный отзывъ въ немъ, посвященный Л.-Гв. Финляндскому полку, весьма интересенъ и заслуживаетъ вполнѣ вниманія, показывая что въ полку, несмотря на суровость нравовъ того времени вообще, сердечное отношеніе офицера къ солдату сказывалось во многомъ, дѣлая его житейскую обстановку по возможности сносной; все это при суровомъ режимѣ той эпохи и при почти полномъ безправіи солдата являлось большимъ облегченіемъ тяжелаго креста, который представляла тогда служба каждаго нижняго чина.

Разводъ карауловъ въ царствованіе Императора Николая I.

Съ иллюстраціи того времени.

Гвардейскій киверный гербъ 1828 года.

Глава XI.

Мирное время царствованія Императора Николая I.

Организація.—Хозяйство.—Казармы.—Обозы.—Обмундированіе.—Санитарно-медицинская часть.—Церковь.—Музыка.

Организація Л.-Гв. Финляндскаго полка во все время царствованія Императора Николая I оставалась безъ измѣненій: полкъ какъ и въ прежніе годы состоялъ изъ 3-хъ батальоновъ, изъ которыхъ каждый былъ изъ 4-хъ ротъ—карабинерной и 3-хъ егерскихъ. Эти названія ротъ полкъ сохранилъ съ 1816 года. Помимо того при полку состояла инвалидная № 10 полурота.

Только въ самое послѣднее время царствованія Императора Николая I произошла въ организаціи полка нѣкоторая перемѣна, удержавшаяся, однако, весьма незначительное время: 10-го марта 1854 года запасный батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, развернувшійся изъ своего кадра * этого года, былъ перечисленъ въ 4-й дѣйствующій батальонъ. Впрочемъ, 4-хъ батальонный составъ Л.-Г. Финляндскаго полка, образовавшійся такимъ образомъ, просуществовалъ недолго: въ августѣ того же года, когда Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ приказаніе о выступленіи въ походъ къ западнымъ границамъ, 4-й батальонъ былъ отчисленъ отъ полка для образованія Л.-Гв. Финляндскаго резервнаго полка и такимъ образомъ Л.-Гв. Финляндскій дѣйствующій полкъ сталъ по прежнему 3-хъ батальоннымъ [1].

Кромѣ дѣйствующей части, Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку были созданы еще резервныя и запасныя части. Въ 1834 году Л.-Гв. Финляндскому полку, какъ и прочимъ полкамъ гвардіи, повелѣно было имѣть на военное время запасный полубатальонъ изъ безсрочно-отпускныхъ, а въ 1842 году—батальонъ, получившій наименованіе „4-го запаснаго батальона"; въ 1846 году 4-му батальону дана 6-ти сотенная организація. Въ 1848 году, марта 14-го, послѣдовало распоряженіе о дѣйствительномъ сформированіи 4-го запаснаго батальона, расформированнаго въ 1850 году. Въ началѣ 1854 года снова былъ сформированъ 4-й запасный батальонъ, а 10-го марта онъ былъ названъ дѣйствующимъ, взамѣнъ же него учрежденъ резервный № 5 и черезъ нѣкоторое время еще одинъ — запасный № 6. 17-го Сентября 1854 года всѣ три означенные батальона образовали Л.-Гв. Финляндскій резервный полкъ, расформированный 6 августа 1856 года.

Штатная численность полка за все время разсматриваемаго періода оставалась почти неизмѣнной. По положенію 30-хъ годовъ Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку было опредѣлено имѣть слѣдующее число чиновъ: генераловъ—2, штабъ-офицеровъ—5, оберъ-офицеровъ—55, чиновниковъ—8, унтеръ-офицеровъ—248, рядовыхъ—2,719, музыкантовъ—60, барабанщиковъ—39, флейтщиковъ—6, горнистовъ—39, нестроевыхъ—45, мастеровыхъ—26, фурлейтовъ—17, фурштатовъ—35, денщиковъ—155, всего—70 офицерскихъ чиновъ и 3,380 нижнихъ чиновъ.

Въ каждой же ротѣ полка было опредѣлено имѣть слѣдующее число чиновъ: оберъ-офицеровъ—4, унтеръ-офицеровъ—20, рядовыхъ—230, барабанщиковъ—3, флейтщиковъ—2 **, горнистовъ—3, нестроевыхъ—2, мастеровыхъ—2, всего—4 офицерскихъ чина и — 262 нижнихъ чина [2].

Списочная же численность Л.-Гв. Финляндскаго полка за время 1825—1855 годовъ подвергалась довольно значительнымъ отклоненіямъ отъ штатной численности. Слѣдующая таблица представляетъ списочную численность полка за указанное время [3]:

		Офицеры.				
Года.	Генералы.	Штабъ	Оберъ	Унтеръ	Музыканты.	Рядовые.
1826	2	11	58	235	108	2450
1835	4	7	74	212	115	2208

* 4-й Запасный батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка сформированъ 25-го янв. 1842 г.

** Полагались лишь въ карабинерныхъ ротахъ.

1854	5	5	77	237	159	2951
1845	4	8	97	223	149	2727

Хозяйственная часть Л.-Гв. Финляндскаго полка за время царствованія Императора Николая I оставалась на началахъ, выработаныхъ еще въ періодъ послѣ Наполеоновскихъ войнъ. Существенныхъ отклоненій отъ нихъ не было: продовольствіе солдатъ осталось безъ измѣненій; по-прежнему оно находилось въ вѣдѣніи ротъ и съѣстныхъ артелей; только къ концу разсматриваемаго періода размѣры отпуска продовольствія отъ казны были значительно увеличены, что вызвало значительный подъемъ всего хозяйства въ 50-хъ годахъ.

Общая система полкового хозяйства измѣнилась весьма незначительно; нѣкоторые его отдѣлы, какъ напримѣръ обозъ, огороды, порядокъ храненія денежныхъ суммъ и порядокъ отчетности подвергались перемѣнамъ лишь частнаго характера; система обмундированія осталась тоже прежней, т. е. обмундированіе, какъ и раньше, строилось въ полку; казарменная часть подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ: полкъ все больше входилъ въ роль хозяина въ этомъ отношеніи. Въ общемъ же строѣ хозяйства экономія по прежнему играла доминирующую роль; „начиная отъ высшаго начальства до ротнаго всѣ стремились къ экономіи,—пишетъ служившій тогда въ гвардіи кн. Н. Имеретинскій;—даже фельдфебеля, когда „они собирались вкупѣ и, совѣтъ сотвориша между собою“, судили о сребренникахъ, то солдатскому желудку приходилось плохо“ [4].

Важнѣйшій отдѣлъ хозяйства — продовольствіе солдатъ — въ эпоху Императора Николая I по размѣру отпуска отъ казны распадается на два рѣзкихъ періода: до 1850 года и послѣ этого времени.

Въ первый періодъ продовольствіе солдата оставалось такимъ, какъ его дали въ 1816 году, т. е. оно заключалось въ одномъ фунтѣ мяса въ недѣлю и въ приваркѣ весьма незначительнаго размѣра, а именно: муки по 2 четверика и крупы по $1^1/_2$ гарнца въ мѣсяцъ на человѣка. Такимъ образомъ, казна отпускала каждому нижнему чину въ недѣлю лишь двѣ порціи мяса, по $^1/_2$ фунта каждая. Такой отпускъ былъ совсѣмъ недостаточенъ, и поэтому вызывалъ необходимость расхода изъ артельныхъ суммъ, изъ которыхъ солдатамъ выдавались добавочныя порціи мяса или рыбы. Выдача изъ этихъ суммъ была такъ значительна, что полки гвардейскаго корпуса имѣли возможность приготовлять ежедневно къ обѣду—щи съ говядиною и кашу съ масломъ, къ ужину—щи съ саломъ; въ постные дни—къ обѣду—щи со снятками и кашу съ постнымъ масломъ, а къ ужину—щи со снятками; въ большіе же праздники пеклись пироги и отпускалась винная порція [5]. Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку, надо полагать, продовольствіе солдата было такое же. Приказъ по полку 1849 года [6] указываетъ ротнымъ командирамъ, что суммы, истраченныя ими за октябрь мѣсяцъ этого года, весьма значительны, въ среднемъ около 280 рублей на роту; тамъ же говорится: „требуется, чтобы приварокъ для нижнихъ чиновъ былъ сытенъ и здоровъ и чтобы покупаемые продукты были свѣжи и хорошаго качества“. Хлѣбъ нижніе чины ѣли съ лотка, т. е. сколько каждый хотѣлъ, а изъ напитковъ отпускался квасъ и сбитень, послѣдній—черезъ день; онъ замѣнялъ солдатамъ чай, и приготовлялся изъ имбиря и перцу разведенныхъ въ кипяткѣ [7].

Императоръ Николай I, въ непрестанныхъ заботахъ своихъ о благѣ солдата, обра-

щалъ особенно свое вниманіе на пищу нижнихъ чиновъ. Когда Государь бывалъ въ полкахъ, то часто пробовалъ солдатскую варку и иногда жертвовалъ той или другой ротѣ деньги на пищу. Такъ, напримѣръ въ донесеніи полкового адъютанта Л.-Гв. Финляндскаго полка въ дежурство гвардейскаго корпуса, отъ 6 іюля 1827 года значится [8]: „Его Императорское Величество соизволилъ пожаловать полка сего 3-й Егерской ротѣ сто рублей, во время проѣзда Его Величества сего числа мимо кухонь".

Артельныя суммы полка продолжали пополняться изъ тѣхъ же источниковъ, что и въ царствованіе Императора Александра I, т. е. вычетами съ заработанныхъ на вольныхъ работахъ денегъ, изъ части Всемилостивѣйше жалуемыхъ денегъ по разнымъ случаямъ, изъ денегъ жалуемыхъ Государемъ на надобности артелей, и кромѣ того вычетами изъ жалованья солдатъ и изъ части мундирныхъ денегъ * [9]. Въ виду того, что всѣ означенныя поступленія имѣли неопредѣленный характеръ, исключая послѣдняго, т. е. вычета изъ мундирныхъ денегъ, а также и въ виду все возрастающей дороговизны припасовъ, артельныя суммы полка подвергались значительнымъ колебаніямъ Такъ, въ 1830 году онѣ составляли 96083 рубля 72¼ коп. [10]; въ 1834 году—131,500 рублей [11], а въ 1836 году—104,369 рублей 17½ коп. [12].

Такое уменьшеніе ихъ къ послѣднему году вызвало ходатайство, существовавшаго въ 30-хъ годахъ, „Комитета для соображенія предположенія объ увеличеніи окладовъ жалованья нижнимъ чинамъ гвардіи" о передачѣ мундирныхъ денегъ полностью въ артели [13]. Но ходатайство это не было уважено, а для пополненія артельныхъ суммъ новыхъ источниковъ указано не было. Однако, съ теченіемъ времени, вопросъ объ артельныхъ суммахъ все обострялся, что вызвало прибавку отпуска на довольствіе солдата. Въ 1848 году всѣмъ нижнимъ чинамъ стали отпускать даромъ соль изъ казенныхъ магазиновъ, по 20 фунтовъ на каждаго человѣка въ годъ [14], что по тогдашнимъ цѣнамъ составило для артелей весьма значительную экономію около 1 рубля на человѣка въ годъ.

Наконецъ, 6 декабря 1849 года было приказано отпускать нижнимъ чинамъ всѣхъ войскъ по пяти полуфунтовыхъ порцій въ недѣлю вмѣсто прежнихъ двухъ. Такое увеличеніе казеннаго отпуска въ 2½ раза имѣло столь большое значеніе, что сразу поставило полковыя хозяйства и особенно продовольствіе нижнихъ чиновъ на совершенно новыя и прочныя начала. Поэтому мѣра эта была принята радостно и съ благодарностью, а по гвардейскому корпусу былъ отданъ слѣдующій, весьма знаменательный, приказъ [15].

„Г. Военный Министръ, 6 сего декабря за № 122, отдалъ по Военному Вѣдомству приказъ слѣдующаго содержанія:

„Высочайшимъ указомъ, у сего въ копіи прилагаемымъ, Государь Императоръ изволилъ значительно увеличить мясное довольствіе войскъ.

„Я счастливъ, что могу объявить Россійскому воинству о семъ новомъ знакѣ отеческаго о немъ попеченія Всемилостивѣйшаго Государя.

„Велика Монаршая милость Государя Императора къ вамъ, ребята, безпредѣльны истинно отеческія попеченія и заботы Его объ вашемъ благосостояніи и сохраненіи здоровья вашего;—усугубите же, съ чувствами благоговѣйной благодарности, ревность и усердіе ваше

* Мундирныя деньги отпускались войскамъ черезъ два года въ третій, т. е. въ тотъ годъ, когда отпуска матеріаловъ натурою не полагалось.

къ службѣ и попещитесь имп и безукоризненнымъ поведеніемъ содѣлаться достойными драгоцѣнныхъ попеченій объ васъ Его Императорскаго Величества. Молитесь Всемогущему Богу о здравіи и благоденствіи нашего Всемилостивѣйшаго Государя на многія лѣта, для счастія нашего славнаго Отечества".

„Приказъ этотъ, съ прилагаемымъ указомъ, прочитать во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ при собраніи всѣхъ нижнихъ чиновъ, отслуживъ молебны о здравіи и благоденствіи Государя Императора".

Отчетность по артельнымъ суммамъ производилась въ каждой ротѣ отдѣльно, т. к. варка пищи была по-ротно. Закупку припасовъ производилъ выборный ротный артельщикъ. До 1838 года вмѣсто одного ротнаго артельщика были четыре отдѣленныхъ [16].

Финансовая система въ ротѣ была очень проста; въ каждой изъ ротъ имѣлись: 1) артельная или основная сумма; она составляла фондъ ротнаго хозяйства и служила обезпеченіемъ отъ денежной несостоятельности, будучи резервнымъ капиталомъ на случай дороговизны и другихъ кризисовъ, 2) съѣстная сумма, расходуемая на ежедневное продовольствіе, 3) образная сумма, весьма незначительная, получавшаяся изъ пожертвованій на масло для лампадъ ротнаго иконостаса, 4) экономическая сумма, составившаяся изъ разныхъ остатковъ и расходуемая ротнымъ командиромъ безотчетно [17].

Полковыя суммы были многочисленнѣе; въ общемъ онѣ дѣлились на коммиссаріатскія и провіантскія; первыя находились въ вѣдѣніи казначея, вторыя—квартермистра.

Храненіе денежныхъ суммъ въ полку подлежало слѣдующимъ правиламъ [18]:

„Чтобы всѣ вообще казенныя и принадлежащія нижнимъ чинамъ деньги, равно билеты кредитныхъ установленій, хранились въ полковыхъ казенныхъ ящикахъ, и чтобы отнюдь никто, даже самое короткое время, у себя ихъ не держалъ.

„Хранящіяся въ ящикахъ полковыя денежныя суммы, не перемѣшивать между собою, а разсортировывать непремѣнно по статьямъ и каждой статьи деньги, а равно и билеты хранить въ особой оберткѣ съ надписью или въ мѣшкѣ съ ярлыкомъ, на коихъ количество денегъ должно быть прописываемо рукою казначея по принадлежности вѣдѣнію ихъ суммъ.

„Чтобы въ ротныхъ отдѣленіяхъ казеннаго ящика, хранились принадлежащія ротамъ билеты и деньги, также въ разныхъ оберткахъ, а звонкая монета въ мѣшкахъ съ ярлыками, на которыхъ рукою ротнаго командира должно быть означено количество находящихся въ оберткѣ или мѣшкѣ денегъ,—и чтобы каждый таковой внутренній ящикъ запирался и запечатывался ротною печатью, которая, равно какъ и ключъ, должны храниться у ротнаго командира.

„Чтобы внутренній сундукъ денежнаго ящика, въ коемъ хранятся всѣ вообще деньги, запирался ключомъ и укрѣплялся печатью полкового командира, которые хранить у него же, и затѣмъ казенный ящикъ запирать снаружи особымъ замкомъ и укрѣплять печатью.— Ключъ отъ сего замка и печать должны храниться у полкового казначея.

„По полученіи денегъ, казначей или квартермистръ должны представлять ихъ непремѣнно въ тотъ же день прямо полковому командиру, который приказываетъ казначею принести къ себѣ внутренній выдвинутый сундукъ. Казначей, взявъ изъ полкового караула ефрейтора и двухъ вѣстовыхъ, въ присутствіи дежурнаго по полку, отпираетъ ящикъ, вынимаетъ

внутреннiй сундукъ съ деньгами и приноситъ съ вѣстовыми къ полковому командиру; сей послѣднiй снимаетъ съ сундука свою печать, отпираетъ внутреннiй ящикъ и деньги вкладываются тѣмъ лицомъ, вѣдѣнiю котораго подлежали.

„Денежные ящики должны стоять возлѣ гауптвахты полковаго караула, подъ охраненiемъ часового отъ сего же караула, который никого къ ящику не допускаетъ безъ ефрейтора разводящаго на часы.

„Денежный ящикъ долженъ открываться полковымъ казначеемъ съ разрѣшенiя полкового командира.

Утро казначея Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Съ картины съ натуры, изображающей Штабсъ-Капитана Кн. К. Я. Шаховскаго, служившаго въ полку до 1833 года.

„Казначей долженъ укладывать полковыя деньги всегда въ присутствiи полкового командира и изъ нихъ тѣ, кои слѣдуютъ на присоединенiе къ имѣющимся уже въ ящикѣ суммамъ одинаковаго рода, прикладываетъ къ онымъ; и на оберткѣ, или на ярлыкѣ надписываетъ собственноручно *такого-то числа положено столько-то.*

„Дежурный по полку присутствуетъ при этомъ во все время, а равно при относѣ ящика въ свое мѣсто, гдѣ оный запирается съ приложенiемъ наружной печати.

„Для освидѣтельствованiя находящихся въ казенномъ ящикѣ суммъ и повѣрки оныхъ съ книгами, равно всей отчетности по денежной части, наряжать ежемѣсячно одного

штабъ-офицера и двухъ ротныхъ командировъ, кромѣ опредѣленной закономъ годовой повѣрки".

Въ 1840 году для всѣхъ суммъ полка и выдачъ военно-служащимъ установленъ разсчетъ на серебро вмѣсто прежняго разсчета на ассигнаціи; при этомъ серебряный рубль былъ принятъ за 3 р. 60 коп. ассигнаціями [19].

Большое подспорье хозяйству полка доставляли огороды, отведенные Л.-Гв. Финляндскому полку, какъ и прочимъ полкамъ гвардіи, еще въ 1823 году, близъ Лиговки; однако огороды начали приносить доходъ только къ 30-мъ годамъ, послѣ того какъ полку пришлось затратить много денегъ и труда на ихъ устройство. Работы, производившіяся тамъ были такъ обширны, что командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка вошелъ въ 1827 году съ ходатайствомъ о разрѣшеніи поставить на Лиговскомъ каналѣ 24 палатки для отряженной на огороды команды; осенью этого года численность команды посланной отъ полка была болѣе 400 человѣкъ; при ней находились также и подъемныя полковыя лошади. Земледѣльческія орудія были отпущены отъ казны, на весь гвардейскій корпусъ, на сумму болѣе 2000 рублей [20].

Отдаленность огородовъ отъ казармъ полка и трудность наблюденія за работами заставили въ 1844 году командира полка, Генералъ-Маіора Вяткина, просить о переводѣ огородной земли къ казармамъ полка, на Васильевскомъ Островѣ. 27 ноября 1845 года, послѣ длинной переписки по этому поводу, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ предписалъ С.-Петербургскому Генералъ-Губернатору „сдѣлать распоряженіе объ отводѣ изъ городской земли на Смоленскомъ полѣ, подъ огороды Л.-Гв. Финляндскаго полка 24 десятинъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности для города, половина этой земли т. е. 12 десятинъ, была возвращена въ распоряженіе Городской Думы" [21]. Означенная оговорка о возвращеніи половины огородной земли городу была весьма нежелательной для полка, тѣмъ болѣе, что прежній участокъ полковыхъ огородовъ на Лиговкѣ былъ въ 20 съ лишнимъ десятинъ „обработанной и хорошо удобренной земли", урожай съ которой едва былъ достаточенъ для артелей.

Въ 1846 году указанныя 24 десятины были отведены полку въ двухъ участкахъ: возлѣ лазарета 4020 кв. саж. и между Среднимъ и Малымъ проспектами—53580 кв. саж., а въ общемъ 57600 кв. саж. или 24 десятины.

Осенью того же года полкъ приступилъ къ обработкѣ отведенной ему земли съ помощью вольнонаемныхъ рабочихъ, прося вмѣстѣ съ тѣмъ оставить за нимъ на время этой обработки прежній участокъ огородовъ. Мотивировалъ это полкъ тѣмъ, что „земля отведенная подъ огороды на Смоленскомъ полѣ имѣетъ мѣстоположеніе низкое, болотистое, кочковатое съ большими ямами; къ тому же до пяти десятинъ этой земли завалено мусоромъ". Только съ 1849 года полкъ окончательно сталъ хозяиномъ новыхъ огородовъ [22].

Казармы Л.-Гв. Финляндскаго полка за время 1825—1855 годовъ не подвергались большимъ измѣненіямъ. Несмотря на постоянные передѣлки и ремонтъ, [23] онѣ въ общемъ, были попрежнему неудовлетворительны и недостаточно помѣстительны. Многіе семейные нижніе чины и болѣе половины офицеровъ продолжали помѣщаться на вольныхъ квартирахъ, по недостатку мѣстъ въ казармахъ.

Изъ новыхъ построекъ за это время слѣдуетъ указать на возведеніе въ 1840 году

деревяннаго манежа для полка. Въ 1854 году этотъ манежъ былъ перестроенъ въ каменный, въ томъ видѣ какъ онъ находится и нынѣ. Манежъ этотъ обошелся казнѣ въ 27,485 рублей. Въ 1837 году построенъ каменный цейхгаузъ на фуражномъ дворѣ; тамъ же, какъ и въ прочихъ мѣстахъ казармъ, было произведено еще нѣсколько небольшихъ построекъ, преимущественно деревянныхъ [24].

Въ самомъ началѣ царствованія Императора Николая I былъ поднятъ весьма важный вопросъ о передачѣ гвардейскихъ казармъ въ вѣдѣніе полковыхъ командировъ; по этому поводу былъ составленъ особый Высочайше утвержденный комитетъ, но дѣйствія его не привели къ окончательному разрѣшенію этого вопроса въ желательномъ для полковъ направленіи [25].

Въ 1834 году, во время бытности полка въ караулѣ, произошелъ въ казармахъ пожаръ, причинившій довольно значительные убытки—у нижнихъ чиновъ сгорѣло вещей на 1,822 руб. 27 коп.—но огню не дали сильно распространиться [26]. Въ слѣдующемъ году полкъ получилъ пожарный инструментъ и на пожаръ стали ежедневно наряжаться по 2 роты [27].

Обозъ Л.-Гв. Финляндскаго полка еще съ утвержденіемъ положенія о фурштатскихъ батальонахъ, т. е. со времени возвращенія полка изъ заграничнаго похода 1813—1815 годовъ, существовалъ въ весьма незначительныхъ размѣрахъ, состоя въ мирное время лишь изъ нѣсколькихъ повозокъ. Обозъ этотъ былъ такъ малъ, что не только походы 1828 и 1831 годовъ, но и маневры конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ полкъ совершалъ, пользуясь повозками фурштатскихъ батальоновъ.

Вѣроятно, практика указала на существенное неудобство малочисленности собственной перевозки тяжестей при маломъ обозѣ полка, поэтому, еще въ 1826 году, полкъ приступилъ къ передѣлкѣ своего обоза [28], и въ 1839 году значительно увеличилъ число собственныхъ повозокъ, построивъ почти весь обозъ заново [29].

Руководствомъ при постройкѣ обоза служило особое „Наставленіе и описаніе“. Обозъ этого образца состоялъ изъ троечныхъ, съ оглобельною упряжкою, обыкновенныхъ русскихъ телѣгъ (только церковная повозка запрягалась четверкою, въ дышло). Всѣ телѣги выкрашены были свѣтло зеленою краскою.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 20 апрѣля 1843 г. положенія въ полку имѣлось:

Ящиковъ	патронныхъ	12
	для денежной казны и дѣлъ	1
	аптечный	1
Телѣгъ	провіантскихъ	24
	для лазаретныхъ вещей	2
	„ инструментовъ	1
	казначейская	1
	походная кузница	1

Изъ нихъ ящики и кузница были на желѣзныхъ, а телѣги на деревянныхъ осяхъ. На тѣхъ и другихъ были сдѣланы соотвѣтствующія надписи черною краскою. Во время постройки полкового обоза, утвержденъ былъ образецъ и ротной артельной повозки.

Одновременно почти съ этимъ установлены были „правила построенія обоза на смотрахъ и движенія въ походѣ“, на время котораго весь обозъ раздѣленъ былъ на три разряда:

1-й разрядъ.	повозки для заболѣвающихъ		двигались непосредственно за полкомъ.
2-й разрядъ.	ящики	для казны и дѣлъ	слѣдовали въ хвостѣ колонны.
		патронные	
		аптечный	
	телѣги	казначейская	
		инструментальная	
		кузница	
		офицерскія повозки	
3-й разрядъ.	остальной обозъ		двигался въ 1/2 переходѣ за обозомъ 2 разряда.

По новому положенію, обозъ запрягался въ мирное время 75, а въ военное — 174 лошадьми, для управленія которыми и наблюденія за порядкомъ назначено было фурштатскихъ: унтеръ-офицеровъ 2 и рядовыхъ 43 человѣка.

Новый обозъ, построенный Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку, представленъ былъ, въ совершенно готовомъ видѣ, 5-го іюня 1839 г., въ Красномъ Селѣ командующему гвардейскою пѣхотою, Генералъ-Адъютанту Ушакову [30].

Въ 1846 году были изданы правила для содержанія въ полкахъ гвардейскаго корпуса офицерскихъ обозовъ, состоявшихъ изъ телѣгъ, подобныхъ провіантскимъ, но выкрашенныхъ вмѣсто зеленой въ желтую краску. Обзаведеніе этими обозами и ремонтъ ихъ лежали на офицерахъ, казна на это ничего не отпускала. Число повозокъ зависѣло отъ числа офицеровъ [31].

Вообще, въ концѣ сороковыхъ годовъ, на обозы обращалось весьма значительное вниманіе. Приказы по гвардейскому корпусу весьма часто затрагивали эту часть полкового хозяйства. Такъ напр., въ приказѣ по корпусу отъ 26-го августа 1848 года Великій Князь Михаилъ Павловичъ говорилъ о нихъ слѣдующее:

„Уже нѣсколько разъ повторялъ Я и повторяю теперь, что блестящій видъ полка во фронтѣ, еще не даетъ оному право считаться частію благоустроенною, для сего непремѣнно и необходимо должно, чтобы внутренній порядокъ и хозяйство соотвѣтствовало наружному виду, а къ этой части относятся преимущественно полковые обозы и принадлежащіе къ нимъ чины.

„На семъ основаніи, Я строго предписываю всѣмъ гг. частнымъ начальникамъ, обратить бдительное вниманіе и заняться приведеніемъ въ надлежащее благоустройство вообще хозяйственной части ввѣренныхъ имъ частей и въ особенности въ гвардейскомъ корпусѣ полковыхъ обозовъ, а равно фурштатскихъ подъемныхъ лошадей, наблюдая, чтобы ремонтное исправленіе повозокъ не ограничивалось одною окраскою и наружными задѣлками, но чтобы непремѣнно всѣ части повозокъ, которыя, приходя отъ времени въ ветхость, нарушаютъ прочность, составляющую первое и необходимое ихъ условіе,—были перемѣняемы совершенно годными“.

Съ 1850 года полки гвардейскаго корпуса стали выходить на Высочайшіе смотры съ обозомъ; такъ напр. Л.-Гв. Финляндскій полкъ на смотръ въ Высочайшемъ присутствіи 14-го декабря получилъ приказаніе выйти со своимъ обозомъ [32]. Въ 1852 году послѣдовало Высочайшее утвержденіе порядка построенія и слѣдованія обозовъ при смотрахъ гвардейскаго корпуса [33].

Обмундированіе солдата въ первую четверть девятнадцатаго столѣтія хотя и было очень красивымъ, но представляло, однако, значительныя неудобства, особенно для военнаго времени. Поэтому въ послѣдующее время, т. е. въ царствованіе Императора Николая I было обращено вниманіе на облегченіе солдата въ его обмундированіи и пригонкѣ амуниціи; цѣлый рядъ измѣненій въ формѣ одежды показывалъ, что къ намѣченной цѣли стремились энергично. Нѣкоторыя изъ этихъ нововведеній преслѣдовали внѣшнюю красоту одежды, но главною ихъ цѣлью было сбереженіе здоровья солдата. Въ этомъ отношеніи Императоромъ Николаемъ I сдѣлано очень много.

Введенная въ сороковыхъ годахъ свободная и просторная одежда нижнихъ чиновъ весьма много способствовала предотвращенію частыхъ случаевъ заболѣванія, не только весьма серьезныхъ но и нерѣдко смертельныхъ. Встрѣчающіеся въ прежнее время неизлѣчимые аневризмы большихъ сосудовъ, происходившіе отъ тѣсной одежды, а также завалы и другія болѣзни брюшныхъ органовъ, приписываемыя непомѣрному стягиванію въ таліи, встрѣчались при вновь введенной одеждѣ гораздо рѣже. Каска, замѣнившая киверъ, уменьшила число страдавшихъ головными, глазными и ушными болѣзнями. Особенно единодушно привѣтствовали офицеры уничтоженіе шляпъ: носить ихъ по формѣ составляло истинное мученіе и зачастую многимъ офицерамъ приходилось отсиживать цѣлыя недѣли на гауптвахтѣ за неправильное ихъ ношеніе. Отмѣна крагъ, особенно неудобныхъ и даже опасныхъ при зимнихъ походахъ, была тоже мѣрою весьма желательною.

Часть этихъ измѣненій была произведена тотчасъ по вступленіи на престолъ Императора Николая I, часть же – послѣ кампаній 1828, 1831 и 1848 года. Несомнѣнно, что боевой опытъ этихъ кампаній отразился благотворно на формахъ обмундированія. Такъ, въ декабрѣ 1832 года Генералъ-Адъютантъ Шиповъ представилъ „подробное предположеніе“ о перемѣнахъ въ обмундированіи и снаряженіи войскъ, основанное полностью на опытѣ только-что оконченной тогда польской войны [34].

„Поелику дѣйствующія войска,—говорится въ предположеніи,—собственно для войны предназначены и должны быть всегда готовы къ походу, то весьма было бы полезно, еслибъ они и въ мирное время употребляли ту же самую одежду, которую носятъ въ военное“. Исходя изъ этого принципа, Генералъ-Адъютантъ Шиповъ предложилъ: принять упрощенный клеенчатый киверъ, при которомъ носимые обыкновенно въ походѣ чехлы на кивера становились излишними; уничтожить султаны, помпоны, этишкеты, которые, составляя для солдата „излишнюю токмо ношу“, на войнѣ не употреблялись, уничтожить ненужныя аммуничныя вещи, какъ-то: темляки, чехлы на сумы и щиблеты. Почти все, предложенное Генераломъ Шиповымъ, было принято къ исполненію, и приказъ по гвардейскому корпусу отъ 16 января 1833 года ввелъ указанныя нововведенія въ гвардіи [35]. Но черезъ четыре дня послѣдовалъ приказъ военнаго министра [36]: „чехлы на киверахъ оставить по-прежнему“.

Приготовленія къ Восточной войнѣ 1853—1856 годовъ заставили тоже обратить вниманіе на бо̀льшую пригодность обмундированія къ условіямъ военнаго времени. Изъ распоряженій по этому поводу надо отмѣтить введеніе у офицеровъ гвардейскаго корпуса походныхъ шинелей, походныхъ портупей и чемодановъ на сѣдлахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, тенденціи мирнаго времени той эпохи были все-таки очень сильны и зачастую брали верхъ надъ требованіями боевой обстановки. По этому въ числѣ распоряженій того времени попадались, напримѣръ, такія: „когда полкъ вступаетъ въ караулъ, то если разводъ былъ назначенъ въ бѣлыхъ наушникахъ, то во все продолженіе того дня никому изъ нижнихъ чиновъ не снимать наушниковъ“ [37]; „при надѣваніи касокъ наблюдать, чтобы отдушники въ шишкахъ были или у всѣхъ открыты или у всѣхъ закрыты, т. е. въ теплое время открыты, а въ холодное закрыты“ [38]; въ парольномъ приказаніи отъ 15 октября 1854 года было отдано слѣдующее [39]: „чтобы гг. офицеры и классные медицинскіе чиновники въ городѣ походныхъ шинелей не носили, а употребляли бы оныя только по службѣ. О чемъ объявляя по полку, предписываю гг. офицерамъ походныхъ шинелей въ городѣ не носить, употреблять оныя только по службѣ“.

Самымъ же лучшимъ доказательствомъ того, какъ были сильны требованія мирнаго времени и, главнымъ образомъ, показной стороны въ гвардіи временъ царствованія Императора Николая Павловича, являются такъ называемыя „смотровыя вещи“.

Служившій тогда въ рядахъ гвардіи И. Вуичъ, въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующимъ образомъ описываетъ весьма характерный случай происшедшій со смотровыми вещами [40].

„Не знаю какъ было въ армейскихъ войскахъ, но въ гвардіи, въ началѣ 50-хъ годовъ, многихъ сильно занималъ вопросъ—о смотровыхъ вещахъ.

„Смотровыми вещами назывались всѣ принадлежности солдатскаго туалета, которыя помѣщались въ ранцѣ особымъ сверткомъ въ видѣ несессера: тутъ были гребенка, щетка головная, щетки для чистки платья и сапогъ, ножницы, ножикъ, гребенка металлическая для фабренія усовъ и бакенбардовъ, мыло, иголки, нитки, шило, дратва. Все это укладывалось въ суконной оберткѣ, въ опредѣленномъ порядкѣ, и, при инспекторскихъ смотрахъ, выкладывалось каждымъ солдатомъ для показанія инспектирующему: отсюда и названіе смотровыхъ вещей.

„Всѣ деревянныя части были окрашены въ одинаковую краску, въ каждой ротѣ, иногда и въ цѣломъ полку. Чтобы сохранить эту краску и представлять все въ одинаково нарядномъ видѣ, надобно было, конечно, отказаться отъ употребленія этихъ вещей. А какъ скоро отставлена была въ сторонѣ прямая цѣль, именно, чтобы солдатъ имѣлъ съ собою въ ранцѣ все то, что ему ежедневно можетъ понадобиться,—какъ скоро выступила другая цѣль, держать все это только для смотровъ, то пошли еще далѣе: стали все пригонять къ наиболѣе красивой укладкѣ, стали уменьшать объемъ каждой вещи до совершенно миніатюрныхъ размѣровъ; такъ что, наконецъ, пренарядно разложенныя смотровыя вещи являлись негодными ни къ какому употребленію. А вѣдь все были предметы для солдатъ необходимые; а потому, оставляя смотровыя вещи въ ранцѣ неприкосновенными, онъ заводилъ другой экземпляръ дѣйствительно годный для употребленія, но не имѣя уже мѣста въ ранцѣ, помѣщалъ его, вмѣстѣ со всякой другой неуказанной поклажей, въ какомъ-

нибудь безобразномъ мѣшкѣ, который въ походѣ кое-какъ умудрялся прикрѣплять подъ полою шинели.

„Такова была комическая сторона этого дѣла. Но оно имѣло и другую сторону — трагическую.

„Хотя, помнится, ни одною статьею военныхъ законовъ не оправдывалось требованіе смотровыхъ вещей, хотя не было дано никакихъ образцовъ, тѣмъ не менѣе требованіе это, по преданію, до того вкоренилось, что считалось одною изъ существенныхъ отраслей дисциплины. За неисправность смотровыхъ вещей, а тѣмъ болѣе за неимѣніе ихъ вовсе, нижніе чины строго наказывались. Между тѣмъ на заведеніе ихъ ничего не отпускалось. И не разъ молодой или недавно переведенный изъ арміи солдатъ бѣжалъ предъ инспекторскимъ смотромъ, отъ страха, что не успѣлъ обзавестись смотровыми вещами. За побѣгъ же изъ службы, хотя бы и въ первый разъ, слѣдовало по суду наказаніе, по меньшей мѣрѣ, 500 шпицрутеновъ и переводъ въ армію.

Аудиторъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.
Съ аквар. П. А. Ѳедотова.

„Всѣ видѣли и понимали безсмысленность, а слѣдовательно и зловредность подобныхъ распорядковъ, но никто не рѣшался взять на себя починъ устраненія ихъ.

„Въ 1852 году гвардейскою пѣхотою командовалъ Генералъ-Адъютантъ, Генералъ отъ-артиллеріи, Сергѣй Павловичъ Сумароковъ. Хотя ему и не подчиненъ былъ Образцовый пѣхотный полкъ, но онъ, чтобы ознакомиться съ разными подробностями пѣхотной службы, вступалъ при всякомъ удобномъ случаѣ въ бесѣду съ командиромъ Образцоваго полка, Генералъ-Маіоромъ Максимовичемъ. Въ одной изъ такихъ бесѣдъ Генералъ Максимовичъ развилъ передъ Генераломъ Сумароковымъ всю несостоятельность тогдашняго требованія отъ солдата смотровыхъ вещей. Генералъ Сумароковъ, рѣдко отступавшій передъ какими либо посторонними соображеніями, разъ убѣждался въ пользѣ какой-либо мѣры, переговоривъ съ начальниками дивизій и съ нѣкоторыми изъ гвардейскихъ полковыхъ командировъ, и получивъ отъ нихъ полное подтвержденіе мнѣнію Генерала Максимовича,—горячо принялся за это дѣло. Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, онъ устроилъ такъ, что было объ этомъ доложено Государю Императору Николаю Павловичу, и Государь дозволилъ представить Его Величеству въ Красномъ Селѣ смотровыя вещи въ томъ видѣ, какъ онѣ существовали и рядомъ съ ними такія вещи, которыя Сумароковъ,

въ согласіи со всѣми начальниками частей, считалъ годными къ употребленію и цѣлесообразными.

„Со страхомъ и трепетомъ ждали всѣ этого представленія, думали, что Государь гнѣвно встрѣтитъ попытку измѣнить обычай, считавшійся стародавнимъ.

„Къ назначенному времени, у Красносельскаго дворца, были собраны начальники всѣхъ частей гвардіи. Генералъ Максимовичъ стоялъ передъ ранцемъ, изъ котораго вынуты были и разложены на столикѣ смотровыя вещи, чистенькія, миніатюрныя, выкрашенныя и—ни къ чему негодныя: щеточки, пучочекъ бѣленькихъ, тоненькихъ ниточекъ, пучочекъ красивенькой дратовки, шильце,—все въ родѣ дѣтскихъ игрушекъ, — какъ выражались солдаты, „больше для блезиру“; а на другомъ столикѣ, рядомъ были положены настоящія щетки, не совсѣмъ чистыя, но здоровыя и годныя, пучокъ дратвы толстой некрасивой, но такой, какою можно чинить сапогъ солдатскій, пучокъ толстыхъ суровыхъ нитокъ и гребни настоящіе, бывшіе въ употребленіи,—предметы все неприглядные для глаза, привыкшаго къ изяществу, но такіе, на которые солдатскій глазъ могъ смотрѣть съ удовольствіемъ, какъ на вещи настоящія, добрыя, пригодныя.

„Казалось трудно было придумать болѣе злую насмѣшку надъ существовавшимъ тогда порядкомъ, какъ сопоставленіе этихъ двухъ столиковъ. И вотъ почему многіе тревожно ожидали появленія Того, Кто вообще шутокъ не любилъ.

„Когда Государь вышелъ, Генералъ Сумароковъ, а за нимъ Генералъ Максимовичъ, приступили къ объясненію подробнымъ образомъ негодности каждой изъ смотровыхъ вещей и къ указанію на то, что для солдата дѣйствительно необходимо. Государь призналъ справедливымъ все, что ему докладывали.

— „Да иначе и не разумѣлось“, — добавилъ Императоръ Николай Павловичъ: „Помню, когда Я командовалъ 2-ю дивизіею, въ Финляндскомъ полку, въ одной ротѣ (Государь назвалъ и роту и бывшаго командира ея), мнѣ показали вещи, особенно щеголеватыя и выкрашенныя въ одну краску, и я похвалилъ за это; но вещи были надлежащей величины и хотя новыя, но годныя къ употребленію. Неужели выраженнаго Мною тогда одобренія было достаточно, чтобы заставить нужныя для солдата вещи беречь только для смотровъ, и, гоняясь за щеголеватостію, довести ихъ по размѣрамъ до совершенной негодности? Безъ сомнѣнія, это надо отмѣнить. Надобно требовать отъ солдата, чтобы онъ имѣлъ все для него необходимое; но вмѣстѣ съ тѣмъ требовать, чтобы онъ выносилъ на смотръ только то, что онъ дѣйствительно употребляетъ и въ томъ самомъ видѣ въ какомъ употребляетъ“.

„Эти слова съ радостью были приняты къ исполненію. Такъ какъ не было никогда никакого печатнаго ни приказа, ни приказанія о заведеніи смотровыхъ вещей, такъ точно не послѣдовало ничего печатнаго и объ отмѣнѣ ихъ. Но требованіе смотровыхъ вещей для блезира, столько разъ оказывавшееся для солдата тягостнымъ, съ тѣхъ поръ прекратилось“.

Непригодность нѣкоторыхъ предметовъ обмундированія высказывалась даже въ мирное время; особенно много исторій было со шляпами. Въ приказахъ по полку, того времени встрѣчаются напримѣръ такіе пункты [41]: „сего числа при встрѣчѣ со мною Прапорщикъ М. имѣлъ шляпу съ поля, несмотря на мое ему приказаніе носить шляпу по формѣ за что предписываю нарядить его на 4 раза безъ очереди дежурнымъ“.

Соблюденіе формы одежды вообще требовалось тогда очень строго какъ съ офицеровъ, такъ и съ нижнихъ чиновъ. Приказъ по гвардейскому корпусу отъ 23 ноября 1827 года не останавливается даже передъ замѣчаніемъ командиру полка. Такъ въ этомъ приказѣ говорится слѣдующее [42]: „вчерашняго числа въ 3 часа пополудни встрѣченъ на Англійской набережной карабинеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка 2-й карабинерной роты Михайловъ въ шинели, въ киверѣ и въ собственныхъ холстинныхъ брюкахъ; а какъ о надлежащей формѣ нижнихъ чиновъ въ шинеляхъ и киверахъ неоднократно было уже подтверждено и наконецъ отдано о томъ въ приказѣ по пѣхотѣ 1 сентября сего года за № 37-мъ, то за не одно слово соблюденіе оной сказаннымъ карабинеромъ, я вынужденъ сдѣлать командиру полка Генералъ-Адъютанту Воропанову замѣчаніе, а ротнаго командира Капитана Бѣлевцова предписываю арестовать на 24 часа при полку".

Иногда бывали и значительныя отклоненія отъ формы одежды. Такъ въ приказѣ по полку отъ 1 сентября 1843 года по этому поводу было объявлено слѣдующее: „сего числа встрѣченъ былъ мною на Большомъ проспектѣ 6-й егерской роты рядовой Григорій Волковой безъ галстука и панталонъ, почему дѣлаю строжайшій выговоръ Поручику Гусеву за допущеніе ходить нижнимъ чинамъ, ввѣренной ему ротѣ въ столь непозволительномъ видѣ; Полковнику Гречу предписываю наказать рядового Волкового 200 ударами розогъ".

Впрочемъ подобный случай былъ, надо полагать, единичнымъ, по крайней мѣрѣ приказъ по полку другихъ указаній подобнаго рода не даетъ.

За постройкой обмундированія наблюдали тогда самымъ тщательнымъ образомъ; даже высшее начальство, въ лицѣ корпуснаго командира, лично повѣряло образцы мундирныхъ и амуничныхъ вещей, выходящіе изъ полковыхъ швалень [43]. Постройка мундировъ производилась изъ матеріаловъ, отпускаемыхъ полкамъ натурою на каждые два года; въ каждый третій годъ отпускалась, такъ называемая, „мундирная сумма", вмѣсто матеріаловъ въ натурѣ [44]. Портные, сапожники и прочіе мастера, строившіе амуничныя вещи, должны были знать свое дѣло очень хорошо, такъ какъ ихъ работа провѣрялась на инспекторскихъ смотрахъ. По положенію 1832 года, въ каждой ротѣ полагалось имѣть слѣдующее число „мастеровыхъ" [45]: портныхъ 50, сапожниковъ 30, басонщиковъ 2, этишкетчиковъ 2, султанщиковъ 5, плотниковъ 4, печниковъ 2 и цирульниковъ 5.

Офицеры шили себѣ мундиры и покупали офицерскія вещи до середины 30-хъ годовъ въ С.-Петербургской казенной фабрикѣ офицерскихъ вещей, находившейся въ вѣдѣніи коммиссаріатскаго департамента. Цѣны на вещи назначались по особой таксѣ и были конечно ниже, чѣмъ въ частныхъ фабрикахъ и магазинахъ, начинавшихъ въ то время появляться въ большомъ количествѣ; кромѣ того, казенная фабрика отпускала вещи въ кредитъ подъ жалованье, съ уплатою въ двѣ ближайшія трети. Офицерскія вещи дѣлались изъ чистаго серебра, поэтому цѣны на нихъ были значительны; напримѣръ, эполеты штабъ-офицерскія стоили около 160 рублей, оберъ-офицерскія — около 70 рублей. Стали вводиться тогда и мишурныя вещи, стоившія несравненно дешевле; такъ шарфъ серебряный стоилъ болѣе 150 рублей а мишурный—менѣе 40 рублей [46]. Въ обмундированіи офицеровъ нерѣдко замѣчалось несоблюденіе формы; вызывалось это стремленіемъ придерживаться моды, которая тогда имѣла довольно значительное число послѣдователей, несмотря на строгія взысканія и преслѣдованія за всякое уклоненіе отъ установленныхъ образцовъ въ одеждѣ.

Измѣненія въ формѣ одежды и снаряженія за 1825—1855 года заключались въ слѣдующемъ.

11-го февраля 1826 года—отмѣнены кожаныя краги съ прежними панталонами, а вмѣсто нихъ установлены—длинные панталоны по цвѣту мундировъ, съ краснымъ кантомъ, въ заборку въ сапоги. Подъ новыми панталонами положено имѣть полу-штиблеты съ пуговицами, застегивающимися на сапоги.

Штабъ-офицерамъ, а также полковымъ и генеральскимъ адъютантамъ и всѣмъ вообще чинамъ въ пѣхотѣ, носящимъ сапоги со шпорами других панталонъ носить не приказано; оберъ-офицерамъ же носить въ лѣтнее время въ строю бѣлые лѣтніе панталоны, какъ было ранѣе.

Штабъ и оберъ-офицерамъ, а также лекарямъ, аудиторамъ и квартермистрамъ, носящимъ по прежнему приказанію сѣрые рейтузы — разрѣшено донашивать таковыя до 1-го января 1827 года.

Всѣмъ пѣхотнымъ частямъ, безъ исключенія, имѣть мундиры вмѣсто двубортныхъ однобортные, съ 9-ю спереди пуговицами: полевымъ войскамъ—съ красными клапанами на рукахъ, а въ гарнизонныхъ—съ зелеными; въ войскахъ, которыя имѣютъ по положенію лацканы—таковые сохраняются.

Генераламъ гвардейскихъ полковъ повелѣно надѣвать бѣлые панталоны только съ генеральскими мундирами съ шитьемъ, въ остальныхъ случаяхъ — носитъ зеленые панталоны.

Писарямъ и вообще нестроевымъ нижнимъ чинамъ повелѣно имѣть сѣрые рейтузы безъ лампасовъ.

Отмѣнена носка шинелей во время похода черезъ плечо, а установлено имѣть ихъ свернутыми въ трубку сверхъ ранца въ особомъ чемоданѣ [47].

1826 г. сентября 15-го нижнимъ чинамъ, выслужившимъ безпорочно узаконенные годы и получившимъ право на отстатку но остающимся добровольно на службѣ, повелѣно носить на лѣвомъ рукавѣ, сверхъ установленныхъ, 29-го марта 1825 года нашивокъ изъ желтаго басона, еще одну, изъ золотого галуна.

1826 г. декабря 12-го—шпаги у офицеровъ замѣнены полу-саблями, одной формы со введенными 20-го августа 1830 года въ армейской пѣхотѣ [48].

1-го января 1827 года — офицерамъ на эполетахъ для различія въ чинахъ повелѣно имѣть кованыя звѣздочки—у прапорщиковъ по одной, у подпоручиковъ—по двѣ, у поручиковъ—по три, у штабсъ-капитановъ—по четыре, у генералъ-маіоровъ—по двѣ, у генералъ-лейтенантовъ по три; на эполетахъ же капитановъ, полковниковъ, какъ и полныхъ генераловъ,—звѣздочекъ не полагалось [49].

14-го февраля 1827 года—установлено въ полкахъ гвардіи: Московскомъ, Гренадерскомъ, Павловскомъ и Финляндскомъ и въ Л.-Гв. 2-й артиллерійской бригадѣ имѣть клапаны на мундирахъ—вмѣсто зеленыхъ—красные, въ полкахъ безъ выпушки, а въ артиллерійской бригадѣ—съ выпушкой [50].

1827 г. іюля 31-го—нумера и буквы на киверахъ и сумочныхъ чехлахъ, вмѣсто желтыхъ суконныхъ, повелѣно имѣть писанные желтою, масляною краскою.

1827 г. декабря 14-го—установленную, 15-го сентября 1826 тода, нашивку на лѣвомъ

Формы обмундированія Л.-Гв. Финляндскаго полка 1826—1855 гг.

рукавѣ у нижнихъ чиновъ повелѣно имѣть золотую или серебряную, по цвѣту унтеръ-офицерскаго галуна въ томъ полку, гдѣ выслужившій положенный срокъ къ отставкѣ останется добровольно на службѣ.

1828 г. марта 24-го—воспрещено имѣть у мундировъ нижнихъ чиновъ перетяжки.

1828 г. апрѣля 24-го—послѣдовали нижеслѣдующія перемѣны по части обмундированія и аммуниціи:

1) Даны новой формы кивера: высота $5^1/_2$ вершковъ, верхній діаметръ не менѣе $5^5/_8$ и не болѣе 6 вершковъ, нижній діаметръ по величинѣ головы; ширина верхняго, лакированнаго края—$^5/_{16}$ вершка.

2) Гербъ на киверѣ, по случаю увеличенія вышины кивера, повелѣно имѣть по новой, нѣсколько измѣненной формѣ, въ полкахъ: Л.-Гв. Егерскомъ и Финляндскомъ — съ изображеніемъ св. Георгія Побѣдоносца, въ щитѣ орла.

3) Этишкетъ данъ также новой формы, изъ бѣлаго шнурка кругомъ верха кивера, и изъ висящихъ, съ правой стороны, наравнѣ съ нижнимъ краемъ кивера, кисточекъ съ бантами: у рядовыхъ — совсѣмъ бѣлыхъ, у унтеръ-офицеровъ — бѣлыхъ съ чернымъ и оранжевымъ.

4) Ширина перевязей и портупей опредѣлена въ 2 вершка, ранцевыхъ плечевыхъ ремней—въ $1^1/_2$ вершка; нагруднаго ремня—въ $1^1/_8$ вершка.

5) Ранцы оставлены, по прежнему, изъ телячьихъ кожъ, но съ черною кожаною оторочкою; длина ранца положена въ 9 вершковъ, высота въ 8, толщина — въ $2^1/_2$ вершка; длинна крышки отъ верхняго края въ 6 вершковъ.

6) Всѣмъ вообще нестроевымъ унтеръ-офицерскаго званія, вмѣсто употреблявшихся ими мундировъ сѣраго цвѣта, даны темно-зеленые, однобортные сюртуки, съ такими же: воротниками, обшлагами и погонами, какъ у строевыхъ, а панталоны сѣрые, съ красною, въ боковыхъ швахъ, выпушкою.

7) Мастеровымъ нестроевымъ нижнимъ чинамъ, а также лазаретнымъ служителямъ, вмѣсто употреблявшихся ими мундировъ, повелѣно носить куртки сѣраго сукна, по образцу мундировъ, а панталоны какъ у предыдущихъ нестроевыхъ.

1829 г. мая 18-го — унтеръ-офицерамъ, представленнымъ отъ главнаго начальства къ производству, за выслугу лѣтъ, въ офицеры, дозволено носить серебряный темлякъ.

1829 г. декабря 26-го—всѣмъ чинамъ повелѣно имѣть пуговицы на мундирахъ, сюртукахъ и шинеляхъ съ выпуклымъ изображеніемъ двуглаваго орла, присвоеннымъ киверному гербу [51].

16-го января 1833 года — отмѣнены имѣющіяся во всѣхъ пѣхотныхъ частяхъ штиблеты.

Повелѣно не имѣть темляковъ на тесакахъ и полу-сабляхъ нижнимъ чинамъ, за исключеніемъ унтеръ-офицеровъ, получившихъ серебряные темляки.

Отмѣнена во всѣхъ войскахъ носка чехловъ на патронныхъ сумкахъ и киверахъ.

Установлена носка киверовъ точно также, какъ было до отмѣны чехловъ, т. е. снявъ съ нихъ султаны, помпоны, репейки и кутасы.

Повелѣно офицерамъ, одѣтымъ въ полной формѣ, не имѣть ремешковъ къ панталонамъ; въ остальныхъ случаяхъ—носить таковые съ ремешками.

20-го января 1833 года—послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы чехлы на киверахъ оставались по-прежнему во всѣхъ полевыхъ войскахъ [52].

1833 г. февраля 20-го—всѣмъ строевымъ чинамъ даны новой формы лѣтніе панталоны или брюки, безъ пуговицъ и козырьковъ, и тамбуръ-мажорамъ всѣхъ трехъ полковъ легкой гвардейской пѣхоты даны къ киверамъ красные, волосяные султаны, съ бѣлою верхушкою и оранжевою къ ней полоскою.

1834 г. сентября 26-го—нижнимъ строевымъ чинамъ повелѣно носить ранцы на двухъ крестообразно на груди лежащихъ, ремняхъ.

Финляндецъ.
По рис. М. Микьшина 1855 года.

1835 г. августа 25-го—приказано:

Офицерамъ носить ранцы на двухъ только плечевыхъ ремняхъ безъ поперечнаго или нагруднаго, имѣя ремни лакированными.

У ранцевъ нижнихъ чиновъ, съ наружной стороны, прилегающей къ спинѣ солдата, имѣть холщевой чехолъ, или карманъ, для фуражной шапки, строя его изъ подкладки выслуживщихъ сроки мундировъ.

У барабанщичьихъ ранцевъ имѣть, попрежнему, одинъ ремень, надѣвая его черезъ лѣвое плечо.

1836 г. января 31-го — на шинеляхъ нижнихъ чиновъ, вмѣсто десяти пуговицъ, повелѣно имѣть девять: по борту 6, на плечевыхъ погонахъ 2 и сзади, на клапанахъ 1.

1836 г. апрѣля 27-го—репейки повелѣно подшивать черною кожею.

1836 г. мая 30-го—подпруги у офицерскихъ сѣделъ повелѣно имѣть темно-зеленыя, съ красными полосками.

1836 г. октября 21-го—киверные султаны въ карабинерныхъ взводахъ и у музыкантовъ повелѣно имѣть вышиною отъ нижней тресовки волоса до верха 11 вершковъ; толщиною, въ окружности: вверху $5^2/_3$ вершка и внизу 4 вершка; вѣсомъ не тяжелѣе 54 золотниковъ.

Въ 1836 году — приказано гг. штабъ и оберъ-офицерамъ имѣть вышивку на воротникахъ и клапанахъ мундировъ по Высочайше утвержденному образцу 1835 г.

1837 г. января 24-го — древки шанцеваго инструмента, вмѣсто окраски масляною краскою, повелѣно покрывать по дереву лакомъ, и для пригонки этого инструмента утверждены правила.

1837 г. іюля 15-го — офицерамъ даны новой формы шарфы, не съ широкою, какъ прежде было, а съ узкою, серебряною тесьмою о трехъ полоскахъ изъ свѣтло-оранжеваго и чернаго шелка, повязываемою, во всю ея ширину, между двумя нижними пуговицами мундира.

1837 г. декабря 17-го — для введенія единообразія въ формѣ офицерскихъ эполетъ, утвержденъ точный образецъ ихъ, съ прибавленіемъ четвертаго, тонкаго витка.

1838 г. января 17-го—полковымъ штабсъ-горнистамъ, когда имъ, въ лѣтнее время, должно быть въ строю верхомъ, повелѣно носить зимніе брюки; вмѣсто ранцевъ имѣть имъ чемоданы, по кавалерійскому образцу, и лошадямъ ихъ быть съ уздечками, имѣя сѣдла по образцу ѣздовыхъ артиллеристовъ, безъ чепрака или вальтрапа [53].

1-го мая 1838 года—установлено имѣть на воротникахъ солдатскихъ шинелей петлички, длиною 1 верш., а шириною $^1/_2$ верш., которыя должны быть пришиты съ пуговицей по срединѣ края воротника [54].

1839 г. января 4-го — генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ на панталонахъ и брюкахъ повелѣно спереди бантовъ не имѣть и вообще носить ихъ совершенно гладкіе, согласно съ формою, установленною для нижнихъ чиновъ.

1839 г. марта 16-го—перевязи и портупеи у нижнихъ чиновъ, первоначально бывшія въ $2^1/_8$, а потомъ, съ 1828 года въ 2 вершка, повелѣно имѣть въ $1^1/_2$ вершка шириною. Барабанныя перевязи оставлены по-прежнему, въ $2^1/_2$ вершка.

1840 г. октября 16-го—нижнимъ чинамъ, пріобрѣвшимъ право на безсрочный отпускъ и по выслугѣ срока на отставку, оставшимся добровольно на службѣ, за послѣдующую затѣмъ службу повелѣно давать шевроны или нашивки изъ золотого или серебрянаго, по цвѣту пуговицъ, галуна, на лѣвый рукавъ, черезъ каждыя пять лѣтъ выслуги. На семъ же основаніи подобные же шевроны присвоены унтеръ-офицерамъ, отказавшимся отъ производства въ офицеры и получающимъ двѣ трети прапорщичьяго жалованья, по выслугѣ ими послѣ отказа пяти и болѣе лѣтъ.

1841 г. января 23-го большіе воротники офицерскихъ шинелей повелѣно имѣть длиною, начиная отъ нижняго края малаго воротника, въ одинъ аршинъ.

9-го ноября 1841 года — послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобы подкладка подъ мундирами и сюртуками г.г. офицеровъ была непремѣнно опредѣленной, по положенію формы, т. е. изъ стамеда и чтобы отнюдь не было подъ мундирами тафты, а подъ фалдами сукна.

Въ 1841 году—приказано офицерамъ во всѣхъ случаяхъ носить брюки со штрипками, которые до этого носили безъ штрипокъ.

1843 г. апрѣля 8-го:

Офицерамъ и нижнимъ строевымъ чинамъ даны новой формы кивера, въ $4^3/_4$ вершка вышиною, книзу немного вогнутые, и назначена новая мѣра для киверныхъ султановъ: длинна отъ нижней тресовки до верха $9^3/_4$ верш.; верхняя окружность $5^1/_4$ верш., нижняя окружность $3^1/_2$ вершка.

Въ тамбуръ-мажорскихъ эполетахъ, для большого ихъ отличія отъ генеральскихъ эполетъ, повелѣно имѣть красный шелкъ между канительными витками и въ висящей канительной бахромѣ.

Для взаимнаго отличія нижнихъ чиновъ гвардейской легкой пѣхоты, установлены нашивки на плечевыхъ погонахъ, съ нижеслѣдующимъ раздѣленіемъ:

У фельдфебелей—широкій золотой унтеръ-офицерскій галунъ, нашитый поперекъ погона въ одинъ разъ, ближе къ пуговичной петлѣ. У портупей-прапорщиковъ и подпра-

порщиковъ—узкій золотой галунъ, подлѣ краевъ погона. У отдѣленныхъ унтеръ-офицеровъ—узкій желтый, съ красными полосками, шерстяной басонъ, въ три ряда, поперекъ погона. У прочихъ унтеръ-офицеровъ—такой же и такъ же нашитый басонъ въ два ряда. У ефрейторовъ—такой же и также нашитый басонъ, въ одинъ рядъ.

1843 г. мая 10-го — крышки на патронныхъ сумахъ повелѣно имѣть безъ перелома вверху мѣрою (полагая крышку, пришитою къ ящику): длиною—5, въ ширину по верхнему краю $5^1/_2$, въ ширину по нижнему краю—6 вершковъ.

16-го октября 1843 г. — установлены золотые шевроны, для нижнихъ чиновъ, за отказъ отъ отставки и отъ производства въ офицерскій чинъ.

23-го декабря 1843 г. — утвержденъ нѣсколько иной образецъ фуражки для г.г. генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ.

1844 г. января 2-го—на околышкѣ офицерскихъ фуражекъ, спереди, повелѣно имѣть продолговатую металлическую кокарду, тѣхъ самыхъ цвѣтовъ, какіе присвоены кокардамъ офицерскихъ шляпъ.

1844 г. января 8-го—штабъ-горнистамъ, когда они бываютъ въ строю верхомъ, дозволено имѣть шпоры.

1844 г. мая 9-го—вмѣсто киверовъ повелѣно имѣть каски, изъ черной лакированной кожи, съ двумя козырьками, съ металлическимъ приборомъ по цвѣту пуговицъ, съ султаномъ, у музыкантовъ краснымъ, а у прочихъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка чернымъ, изъ конскаго волоса и съ прежнимъ гербомъ, по образцу касокъ, введенныхъ въ тяжелой гвардейской пѣхотѣ.

1844 г. мая 20-го—утверждено новое росписаніе о различіи фуражныхъ шапокъ нижнихъ чиновъ, на основаніи коего выпушку по верхнему краю повелѣно имѣть: въ 1-мъ батальонѣ—красную, во 2-мъ—бѣлую, въ 3-мъ—свѣтло-синюю. Околышки оставлены по прежнему темно-зеленые, съ двумя красными выпушками. Нумера ротъ и литеры на околышѣ оставлены просѣчные на желтомъ суднѣ. У офицеровъ выпушка по верхнему кругу фуражки красная.

1844 г. декабря 7-го—генераламъ, при полковыхъ мундирахъ, внѣ службы, повелѣно имѣть на шляпахъ бѣлые султаны, вмѣсто черныхъ.

1845 г. января 4-го—на офицерскихъ каскахъ, съ правой стороны, подъ чешуею, повелѣно имѣть металлическую кокарду, по образцу кокардъ, употребляемыхъ на шляпахъ.

1845 г. августа 9-го—при лагерной формѣ каски повелѣно носить безъ султановъ, хотя бы лица, коимъ онѣ присвоены, были въ мундирахъ.

1846 г. апрѣля 26-го—на жалонерскихъ значкахъ, вмѣсто копья, повелѣно имѣть мѣдный шаръ.

1846 г. іюня 23-го—по случаю введенія ружей съ ударными замками, утверждено описаніе пригонки капсюльной сумочки.

1847 г. мая 19-го—цирюльникамъ, церковникамъ, фурлейтамъ, профосамъ, лазаретнымъ служителямъ и мастеровымъ повелѣно имѣть фуражки сѣраго сукна, съ чернымъ кожанымъ козырькомъ и такимъ же подбороднымъ ремешкомъ, съ околышемъ изъ сѣраго же сукна и съ красною выпушкою по верхнему кругу тульи и по обоимъ краямъ околыша; писарямъ же, фельдшерамъ, аптекарскимъ ученикамъ, надзирателю больныхъ и

Видъ части Петербурга съ Васильевскимъ островомъ 1850-ыхъ годовъ.
Съ гравюры того времени.

Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ.

прочимъ нижнимъ нестроевымъ чинамъ: фуражки темнозеленыя, съ чернымъ кожанымъ козырькомъ и ремешкомъ, съ околышемъ и выпушками, сходными съ таковыми же нестроевыхъ нижнихъ чиновъ.

1847 г. ноября 29-го—портупей-прапорщикамъ и портупей-юнкерамъ, которые, на основаніи положенія о принятіи молодыхъ дворянъ на службу, по выдержаніи удовлетворительнаго экзамена въ наукахъ, исполняютъ въ полкахъ гвардіи, офицерскія обязанности, повелѣно носить, вмѣсто тесака, офицерскую полу-саблю.

1848 г. января 9-го—генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ въ тѣ дни, когда, послѣ развода, должно оставаться въ праздничной формѣ, дозволено надѣвать, для прогулокъ, сюртуки при каскѣ съ султанами.

9-го ноября 1849 г.—повелѣно каски имѣть шире прежнихъ такъ, чтобы онѣ надѣвались сверхъ верхней части ушей.

25-го ноября 1849 г.—установлена такая пригонка каски, чтобы, „будучи надѣта даже на большіе зимніе наушники, доходила нижними краями до верхушекъ ушей, и безъ наушниковъ нижніе края должны доходить до самаго основанія ушей. Надѣвается же каска всегда такъ, чтобы верхнія части ушей были подъ оной всегда спрятаны".

1849 г. декабря 17-го—въ гвардейскихъ егерскихъ полкахъ, на барабанныхъ перевязяхъ повелѣно имѣть по три гренады, по примѣру прочихъ полковъ гвардейской пѣхоты.

1849 г. декабря 24-го — у жалуемыхъ за храбрость золотыхъ полу-сабель повелѣно имѣть грифъ ефеса золотой.

6-го марта 1850 года—установлено, чтобы штабъ и оберъ-офицеры во время парадовъ, смотровъ, маневровъ и ученій,—имѣли вальтрапы изъ черной мерлушки.

1851 г. января 17-го—утверждено описаніе способа подбирать и заворачивать полы у шинелей.

Къ 1851 г. іюля 8-го—по случаю введенія въ войскахъ ударнаго оружія, съ чехлами или накладками на стержни, существовавшія до того времени полунагалища отмѣнены и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждены образцы и описаніе пѣхотнаго барабана, водоносной фляжки, шинельнаго ремня, портупеи, перевязи и чехла на стержень для ударныхъ ружей, во всемъ согласные съ утвержденными, въ тотъ же день, для гренадерскихъ полковъ и прочихъ частей армейской пѣхоты, съ тою только разницею, что въ гвардейской пѣхотѣ, кадло, или корпусъ барабана, полагается не изъ желтой, а изъ красной латуни и овалъ его герба болѣе, именно: въ длинномъ поперечникѣ 5½, а въ короткомъ 4 вершка.

1851 г. октября 20-го—утверждены списокъ и описаніе вещей, полагаемыхъ солдату въ ранцѣ.

1852 г. января 26-го—нестроевымъ нижнимъ чинамъ, имѣющимъ фуражки изъ сѣраго сукна, повелѣно имѣть околышъ изъ сукна по цвѣту воротника въ томъ полку или той части войскъ, гдѣ они состоятъ.

5-го апрѣля 1852 г.—послѣдовало распоряженіе о передѣлкѣ рукавицъ для нижнихъ чиновъ. Означенная передѣлка заключалась въ уничтоженіи двухъ пришивныхъ кантовъ.

1852 г. октября 17-го—генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и адъютантамъ, находящимся въ строю, повелѣно имѣть при парадной формѣ, прежняго образца, чепраки, а

при походной—нововведенные вице-чепраки, по образцу установленныхъ въ гвардейской тяжелой пѣхотѣ.

1853 г. января 3-го—нижнимъ нестроевымъ чинамъ, повелѣно имѣть сюртуки, длинною до нижней части колѣна.

1854 г. февраля 18-го—штабъ-офицерамъ, а также полковымъ и батальоннымъ адъютантамъ повелѣно имѣть, при сѣдлѣ, чемоданъ и шинель.

29-го апрѣля 1854 г.—генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ присвоены, на военное время, походныя шинели, къ которымъ приданы были послѣ того погоны, для отличія чиновъ.

1854 г. іюня 16-го — пятымъ запаснымъ батальонамъ повелѣно имѣть выпушку по верхнему кругу фуражки темно-зеленую [55].

Въ шинеляхъ нижнихъ чиновъ, съ внутренней стороны полъ, придѣланы два кармана для мелочныхъ вещей.

Въ 1854 году всѣмъ нижнимъ чинамъ Г. Гв. Финляндскаго полка присвоены тесаки; до того времени это оружіе полагалось только унтеръ-офицерамъ, музыкантамъ и рядовымъ первыхъ ротъ [56].

Въ соотвѣтствіи со строгими требованіями по обмундированію, приняты были въ то время такія же мѣры и по отношенію вообще внѣшности нижнихъ чиновъ, въ которой все должно было быть строго форменнымъ до послѣднихъ мелочей. Особымъ попеченіемъ пользовались усы, бакенбарды и способъ ношенія волосъ на головѣ. Въ приказахъ того времени существовала цѣлая литература, по поводу этихъ, казалось бы, несущественныхъ предметовъ.

До 1832 года усы вообще носить не позволялось; съ этого же года только одни офицеры получили разрѣшеніе ихъ носить. Одинъ изъ современниковъ той эпохи пишетъ [57]:

„Военныхъ людей на службѣ и въ отставкѣ отличали усы; усы—была ихъ привиллегія, и никто кромѣ нихъ не смѣлъ ихъ отращивать, кромѣ купцовъ и простолюдиновъ, не брившихъ бородъ. Права на усы—лишенъ былъ даже медицинскій персоналъ военнаго вѣдомства и капельмейстеры военныхъ оркестровъ, дирижировавшіе музыкантами съ усами. Сбривать усы были должны не только переименовавшіеся изъ военныхъ въ гражданскіе чины, но и поступавшіе на гражданскую службу съ сохраненіемъ военныхъ чиновъ“.

До 1847 года изъ нижнихъ чиновъ усовъ не имѣли права носить нестроевые.

Бакенбарды до 1836 года были не у всѣхъ нижнихъ чиновъ; въ однихъ ротахъ они существовали, въ другихъ—нѣтъ; въ 1853 году послѣдовало распоряженіе всѣмъ нижнимъ чинамъ имѣть и усы и бакенбарды.

Усы всѣ нижніе чины должны были фабрить не только на службѣ въ торжественныхъ случаяхъ, но и при отправленіи въ отпускъ.

Волосы на головѣ нижнимъ чинамъ приказывалось стричь коротко, у офицеровъ же волосы оставлялись нѣсколько длиннѣе, чтобъ можно было сдѣлать проборъ. Прическа для всѣхъ офицеровъ полагалась вполнѣ одинаковой. Малѣйшія отклоненія, особенно же модная въ 50-хъ годахъ прическа „à la moujik“, строго преслѣдовалась: за это на офицеровъ налагался арестъ и другія взысканія [58].

„Офицеры, которые позволяютъ себѣ сдѣлать хотя малѣйшее отступленіе въ при-

ческѣ волосъ будутъ неминуемо подвергаемы арестамъ"—говоритъ приказъ по полку отъ 26 февраля 1846 года.

Санитарно-медицинская часть въ полкахъ пользовалась особеннымъ вниманіемъ Императора Николая I. Съ 1828 года послѣдовалъ рядъ реформъ и законоположеній по этой части, изъ которыхъ положеніе о полковыхъ лазаретахъ, отъ 19-го іюля 1829 г., опредѣлило точнымъ образомъ все касающееся этого предмета. По этому положенію, лазареты находились въ вѣдѣніи командировъ полковъ, но въ ближайшемъ подчиненіи старшему врачу. Въ полковыхъ лазаретахъ пользовались преимущественно нижніе чины своей части, при чемъ на войсковыхъ начальниковъ возлагалось наблюденіе объ отправкѣ одержимыхъ нѣкоторыми трудно излѣчимыми болѣзнями въ госпиталя; въ случаѣ недостатка помѣщеній въ лазаретахъ, больные тоже подлежали отправкѣ въ госпиталя. На содержаніе больныхъ былъ опредѣленъ денежный отпускъ въ 1,500 р. для 3-хъ-батальоннаго полка; отчета комиссаріатскому департаменту въ этихъ суммахъ давать не полагалось.

Въ 1835 году вышло новое положеніе о войсковыхъ лазаретахъ, давшее указаніе въ общихъ чертахъ сходное съ предыдущимъ положеніемъ, но нѣсколько расширившее ихъ.

Въ общемъ, несмотря на расширеніе медицинской части въ войскахъ въ царствованіе Императора Николая I, она все-таки была недостаточна, что и обнаружилось въ кампаніяхъ 1828, 1831 и 1849 годовъ [59].

Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, гдѣ былъ усиленный лазаретъ, медицинская помощь была болѣе значительна, но въ походахъ, а также и во время эпидемій полкъ не располагалъ ею въ достаточной степени, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ случаѣ полковой госпиталь отворялъ свои двери и для заболѣвавшихъ жителей Петербурга.

Врачей въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку полагалось 4: штабъ-лекарь и 3 батальонныхъ [60]. Не столько недостаточность медицинскаго персонала, сколько плохія санитарныя условія солдатскаго быта того времени были причиной значительнаго числа больныхъ въ полкахъ гвардейскаго корпуса.

Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку болѣзненность выражалась слѣдующими цифрами: въ 1826 году среднее число больныхъ нижнихъ чиновъ за мѣсяцъ составляло около 130 человѣкъ или $^1/_{20}$ часть наличнаго состава [61]; въ 1835 году—около 140 человѣкъ; въ 1841 году—около 110 человѣкъ и въ 1853 году около 60 человѣкъ [62].

Смертность нижнихъ чиновъ въ полку выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ [63].

Года.	Отъ обыкновенныхъ болѣзней.	Отъ естествен. смерти и скоропостиж. умершихъ.	Всего въ абсолютн. цифрахъ.	Всего по отношенію къ наличному состоянію полка.
1836	62	5	67	$^1/_{40}$
1842	73	8	81	$^1/_{38}$
1846	69	8	77	$^1/_{47}$
1852	58	2	60	$^1/_{50}$

Цифры эти весьма значительныя сами по себѣ, приводятъ къ грустному выводу, что число умиравшихъ нисколько не уменьшалось въ полку къ концу царствованія Императора Николая I, сравнительно съ предыдущимъ временемъ, а напротивъ даже увеличилось.

Значительное число заболѣвавшихъ и умиравшихъ нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса вызывало со стороны начальствующихъ лицъ принятіе различныхъ мѣропріятій къ уменьшенію этого зла. Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ стояли „практическіе походы", т. е. походныя движенія нѣсколькихъ дней, производившіяся зимою. Польза отъ нихъ была весьма ощутительна. Въ февралѣ 1837 г. Государь Императоръ писалъ по этому поводу [64]: „равномѣрно и практическіе походы приносятъ видимую пользу, ибо Павловскій полкъ имѣлъ 2, а Финляндскій полкъ 5 больныхъ въ теченіе 11 сутокъ! тогда какъ здѣсь стоя, менѣе 5 въ сутки почти никогда не заболѣваетъ". Черезъ 2 года, въ 1839 году Государь писалъ: „Практическіе походы войскъ... имъ очень полезны и замѣтно уменьшаютъ число больныхъ; Я ими очень доволенъ".

Въ 1841 году Августѣйшій Командиръ гвардейскаго корпуса въ секретномъ предписаніи командирамъ полковъ перечисляетъ рядъ мѣръ къ сохраненію здоровья нижнихъ чиновъ. „Мѣры сіи, способствующія къ сохраненію здоровья людей—составляютъ первую и священную обязанность Вашего Превосходительства и ближайшаго начальства, за добросовѣстное исполненіе которой должно дать отвѣтъ Богу и Государю" [65]. „Большое число умирающихъ и заболѣвающихъ нижнихъ чиновъ въ войскахъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса,—говоритъ предписаніе,—налагаетъ священный долгъ на каждаго изъ начальниковъ, обратить вниманіе, на важнѣйшую изъ обязанностей, сбереженіе здоровья людей и сохраненіе ихъ для службы Государя Императора и, изыскавъ причины смертности и болѣзней, опредѣлить мѣры къ прекращенію оныхъ". Мѣры по указанію предписанія заключались въ производствѣ занятій безъ переутомленія нижнихъ чиновъ и въ „нравственномъ развлеченіи людей". Помимо того, въ другихъ приказахъ того времени разбросано много указаній о предохранительныхъ мѣрахъ, касавшихся сбереженія здоровья нижнихъ чиновъ.

Напримѣръ, въ сырые дни на ученья людямъ разрѣшалось выходить не иначе какъ въ набрюшникахъ; такъ было въ 1838 году [66]; въ зимнее время строго наблюдалось за тѣмъ, чтобы люди были тепло одѣты; каждую недѣлю для предупрежденія болѣзней производился медицинскій осмотръ всѣмъ людямъ полка; за пищею, особенно же за овощами и рыбой, имѣлось строгое наблюденіе; изданы были даже правила о занятіяхъ нижнихъ чиновъ въ мастерскихъ, точно регулировавшія число рабочихъ часовъ. Въ случаѣ появленія какихъ-либо заразныхъ заболѣваній предпринимались исключительныя мѣры: такъ, въ 1852 году было замѣчено большое число больныхъ гриппомъ; по этому поводу было приказано „всѣ команды возвращающіяся съ карауловъ или ученій строго осматривать, съ тѣмъ, чтобы если окажется у кого изъ людей промокшая обувь то немедленно снимать ее, вытирать ноги на-сухо суконками и замѣнять снятую обувь другою совершенно сухою" [67].

Но, несмотря на всю заботливость въ этомъ отношеніи, число больныхъ въ гвардіи было значительнымъ во все время царствованія Императора Николая I.

Причинами этого грустнаго явленія были тяжесть службы вообще и гарнизонной въ частности и суровость солдатскаго режима того времени. Къ тому же, въ силу продолжительности срока службы, возрастъ солдатъ былъ, въ среднемъ, далеко не молодой, а слѣдовательно, и болѣе подверженный заболѣваніямъ. Число больныхъ еще болѣе увеличивалось эпидеміями, которыя пришлось перенести войскамъ Петербургскаго гарнизона

Чины Л.-Гв. Финляндскаго полка въ концѣ царствованія Императора Николая I.

Полковой адъютантъ штабсъ-капитанъ Фохтъ. Полковникъ Н. Ганецкій. Командиръ полка генералъ-маіоръ графъ Ребиндеръ.

Съ картины въ Зимнемъ Дворцѣ.

Т-в Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ

въ 1831, 1848 и 1853 годахъ; особенно сильна была холера, хотя она не прекращалась и въ прочіе годы. Холерная эпидемія 1831 года коснулась Л.-Гв. Финляндскаго полка немного, въ виду того, что въ Петербургѣ въ то время оставался лишь одинъ батальонъ полка, да и число холерныхъ заболѣваній въ этомъ батальонѣ было невелико.

Въ эту эпидемію госпиталь Л.-Гв. Финляндскаго полка оказалъ большую помощь населенію Васильевскаго острова. 26-го іюня 1831 г., черезъ 4 дня послѣ извѣстнаго бунта на Сѣнной площади, усмиреннаго лично Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, появилось на улицахъ Петербурга слѣдующее объявленіе Генералъ-Губернатора [68]:

„По затрудненіямъ, встрѣтившимся въ помѣщеніи заболѣвающихъ холерою жителей Васильевскаго острова въ учрежденной тамъ временной больницѣ, Его Величество Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ очистить для помѣщенія означенныхъ больныхъ Васильевской части, госпиталь Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка".

Съ увеличеніемъ холерной эпидеміи и „оказавшихся на опытѣ разныхъ неудобствахъ къ успѣшному леченію больныхъ холерою въ частныхъ больницахъ", госпиталь Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ полностью предоставленъ страждущимъ отъ эпидеміи жителямъ. Попечитель Василеостровскаго комитета, учрежденнаго для принятія мѣръ противъ холеры, сенаторъ В. Болгарскій писалъ по этому поводу: „Государь Императоръ..... по безпримѣрному милосердію и отеческому сердоболію о вѣрныхъ подданныхъ, соизволилъ и въ семъ случаѣ столь много принять въ страждущихъ участія, что повелѣлъ до 150 человѣкъ, находящихся въ лазаретѣ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка больныхъ воинскихъ чиновъ, немедленно размѣстить по лазаретамъ другихъ полковъ, съ тѣмъ, чтобы оный весь и со всѣми къ нему принадлежностями оставался уже въ пользу только больныхъ холерою изъ обывателей Васильевской части, куда съ 25-го числа сего мѣсяца и стали оные поступать, а частныя больницы закрылись. Нельзя здѣсь описать, а надобно быть самовидцемъ того устройства, въ какомъ лазаретъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка находится, и въ доказательство того, сколь оный спасителенъ для страждущаго человѣчества, здѣсь приводится, что въ два только первые дня оказалось уже въ ономъ 26 человѣкъ надежныхъ къ выздоровленію".

Такимъ образомъ польза, приносимая усиленнымъ лазаретомъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, для жителей Васильевскаго острова оказалась на этотъ разъ, какъ и въ 1824 году послѣ наводненія, весьма значительной. Больные чины Л.-Гв. Финляндскаго полка отправлялись въ это время во временный лазаретъ, учрежденный на Выборгской сторонѣ [69].

Слѣдующая эпидемія холеры, которую пришлось пережить Петербургу, была въ 1848 году. Полкъ въ полномъ составѣ былъ въ то время въ городѣ, а къ лѣту выступилъ въ лагери. Благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ и улучшенной пищѣ—людямъ постоянно выдавались водка, черный кофе, перецъ, а по утрамъ сбитень,—холера не сильно распространялась въ полку, и число умершихъ было, сравнительно, незначительно: оказалось до іюля мѣсяца 47 человѣкъ [70]. Приказомъ по корпусу приказано было всѣмъ ихъ полкамъ немедленно доносить Государю о каждомъ заболѣвшемъ холерою офицерѣ и нижнемъ чинѣ. Болѣзнь болѣе всего разразилась во время нахожденія гвардіи въ лагеряхъ. Служившій въ то время въ гвардейскомъ корпусѣ Г. Щербачевъ пишетъ въ своихъ

воспоминаніяхъ: [71] „въ лагерѣ я жилъ въ Красномъ Селѣ близъ церкви и видѣлъ ежедневно до 20 похоронныхъ процессій, которыя проходили мимо моихъ оконъ".

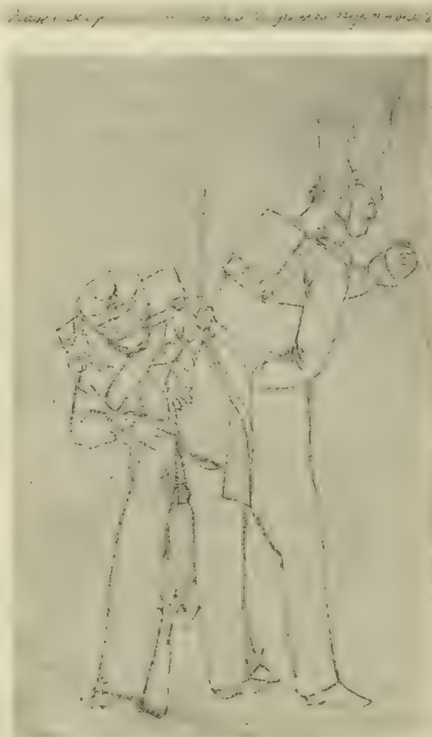
Къ началу іюля въ гвардіи холера уже почти прекратилась, хотя среди населенія Петербурга она находила себѣ еще много жертвъ. „Въ Красномъ Селѣ,— писалъ тогда Государь, [72]—войска блаженствуютъ, ибо видимо болѣзнь кончается; но зато бѣдные гренадеры въ городѣ потеряли изъ 600 больныхъ—болѣе 200".

Вслѣдствіе эпидеміи, Л.-Гв. Финляндскому полку было приказано послѣ лагеря и маневровъ расположиться по деревнямъ вблизи Ораніенбаума, гдѣ полкъ и пробылъ цѣлый мѣсяцъ [73].

Усиленный лазаретъ Л.-Гв. Финляндскаго полка и въ эту эпидемію оказалъ помощь населенію родного ему Васильевскаго острова: онъ принималъ больныхъ „вольнаго вѣдомства" во всякое время дня и ночи [74].

Холера не унималась и въ прочіе годы царствованія Императора Николая I, особенно усилившись въ 1853 году; въ этомъ году Л.-Гв. Финляндскій полкъ потерялъ умершими отъ нея 26 человѣкъ. Въ слѣдующемъ году болѣзнь начала ослабѣвать, хотя все-же 11 человѣкъ стали ея жертвами. [75].

Изъ другихъ, заразительныхъ болѣзней наблюдались въ полку глазныя болѣзни, гриппъ, цинга и венерическія.

„Какъ хорошо имѣть въ ротѣ портныхъ".
Съ рис. П. А. Ѳедотова.

Въ 1851 году при гвардейскомъ корпусѣ была учреждена команда въ ¼ роты, „для отысканія во время сраженія раненыхъ, поданія имъ помощи и погребенія убитыхъ". Эта новая часть была составлена „по примѣру существовавшаго въ Императорско-Королевской Австрійской Арміи госпитальнаго корпуса". Л.-Гв. Финляндскій полкъ выдѣлилъ въ эту команду одного цирюльника и трехъ рядовыхъ [76].

Въ заключенiе о медицинско-санитарной части времени Императора Николая I, можно сказать, что сдѣлано было по этой части весьма много, и что изъ борьбы съ эпидемiями войска гвардейскаго корпуса и въ числѣ ихъ Л.-Гв. Финляндскiй полкъ, вышли съ честью, благодаря постоянному вниманiю и влiянiю начальствующихъ лицъ гвардейскаго корпуса всѣхъ степеней. Но въ особенности назначенiе въ 1850 году улучшенной и болѣе сытной пищи имѣло самое благодѣтельное влiянiе на здоровье нижнихъ чиновъ и, укрѣпляя ихъ силы, предохраняло отъ повальныхъ болѣзней.

По отношенiю къ церкви Л.-Гв. Финляндскiй полкъ въ царствованiе Императора Николая I испыталъ значительную перемѣну: полагавшiйся по штату въ полку до 1833 года пасторъ былъ въ этомъ году изъятъ изъ штатнаго и наличнаго состава полка [77]. Такимъ образомъ, съ этого времени въ полку остался духовнымъ руководителемъ одинъ только православный священникъ. Подобная мѣра имѣла своей причиной то, что число протестантовъ въ полку къ 30-мъ годамъ было не столь значительнымъ, чтобы имѣть для нихъ особаго духовника. По сравненiю съ числомъ протестантовъ въ другихъ гвардейскихъ полкахъ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку численность ихъ была много значительнѣе, но въ общемъ она была не велика. Такъ, въ 1828 году число протестантовъ, съ раздѣленiемъ ихъ по нацiональностямъ было слѣдующее: нѣмцевъ—1 штабъ-офицеръ, 7 оберъ-офицеровъ, 1 унтеръ-офицеръ и 2 рядовыхъ; латышей—28 рядовыхъ, 1 нестроевой; эстовъ—2 рядовыхъ, финновъ—3 оберъ-офицера, 1 нестроевой; чухонъ—6 унтеръ-офицеровъ, 7 музыкантовъ, 104 рядовыхъ, 13 нестроевыхъ, 3 казенныхъ деньщика. Въ то же время въ другихъ полкахъ гвардейскаго корпуса протестантовъ было по нѣскольку человѣкъ, исключая Гвардейскаго эпипажа, гдѣ число ихъ было очень велико, болѣе тысячи человѣкъ [78].

Въ томъ же 1828 году пасторъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Швиндъ, несмотря на немногочисленность своей паствы, вошелъ съ ходатайствомъ въ консисторiальное засѣданiе юстицъ-коллегiи объ отводѣ мѣста подъ кирку въ казармахъ полка. Ходатайство это вначалѣ имѣло успѣхъ: начальство гвардейскаго корпуса, по совѣщанiю съ пасторомъ Швиндомъ, рѣшило построить просимую церковь. Но, по представленiю командира полка и инженернаго вѣдомства, это было отклонено за неимѣнiемъ свободнаго помѣщенiя въ полку и безъ того очень стѣсненномъ въ своемъ расположенiи въ казармахъ [79].

Относительно иновѣрныхъ вѣроисповѣданiй въ 1840 году послѣдовало распоряженiе тоже ограничительнаго характера: нижнихъ чиновъ унiатовъ по случаю присоединенiя греко-унiатской церкви къ православной, надлежало показывать православными [80]. Въ общемъ же Л.-Гв. Финляндскiй полкъ имѣлъ, подобно прочимъ полкамъ гвардейскаго корпуса, весьма малый процентъ иновѣрцевъ.

Въ 1829 году положенiе православнаго духовенства русской армiи было улучшено: Высочайшимъ указомъ 6 декабря этого года содержанiе священниковъ, какъ „не соотвѣтствующее ни важности носимаго ими сана, ни подвигамъ постояннаго усердiя въ назиданiе воинскихъ чиновъ“, было увеличено; а именно, всѣ войсковые священники получили жалованье, соотвѣтствующее окладамъ жалованья капитановъ тѣхъ войскъ, въ которыхъ они состояли на службѣ [81]. Помимо того, полковые священники получали нѣкоторую часть доходовъ изъ церковныхъ суммъ.

Церковныя суммы Л.-Гв. Финляндскаго полка, въ царствованiе Императора Николая I

были незначительны. „Полковая церковь... помѣщенная... въ части города весьма мало населенной и въ сосѣдствѣ пяти домовыхъ церквей, не имѣя прихожанъ,—доносилъ въ 1845 году командиръ полка, Генералъ-Маіоръ Крыловъ,—не могла имѣть значительныхъ доходовъ". Въ девятилѣтній періодъ 1835—45 годовъ ежегодный приходъ церковной суммы простирался до 615 рублей серебромъ, расходъ же доходилъ до 500 рублей серебромъ. На лицо состояло къ 1 ноября 1845 года—церковной суммы 3065 рублей 38 копѣекъ серебромъ (около 10 тысячъ рублей ассигнаціями) [82].

Одновременно съ увеличеніемъ содержанія полковыхъ священниковъ, въ 1829 году всѣ полки пѣхоты гвардейскаго корпуса получили денежный отпускъ на заведеніе церковныхъ наметовъ для устройства по очереди дивизіонной церкви, въ лагеряхъ; стоимость каждаго намета была въ 800 рублей [83].

На полковыхъ пѣвчихъ въ то время обращалось весьма большое вниманіе; такъ въ Л.- Гв. Финляндскомъ полку для обученія ихъ въ 1830 годахъ, состоялъ служившій въ придворной капеллѣ коллежскій секретарь Яновскій, которому полкъ платилъ за это 500 рублей въ годъ [84]. Пѣвчіе тогда должны были имѣть во всѣхъ полкахъ „напѣвъ совершенно сходный съ напѣвомъ придворныхъ пѣвчихъ" [85]. Въ 1847 году придворная пѣвческая капелла принимала участіе въ правильной постановкѣ церковнаго пѣнія въ полкахъ гвардейскаго корпуса, обучая по одному лучшему пѣвцу изъ каждаго хора [86].

Музыкантскій хоръ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ самомъ началѣ царствованія Императора Николая I, подвергся значительному измѣненію. 11 апрѣля 1826 г. Великій Князь Михаилъ Павловичъ возвѣщалъ „волю Государя Императора: чтобы въ полкахъ Л.-Гв. Егерскомъ и Финляндскомъ были заведены вмѣсто нынѣ имѣющихся хоровъ музыки такіе, которые состояли бы изъ однихъ мѣдныхъ инструментовъ по примѣру музыки Л.-Гв. Сапернаго баталіона, начавъ сіе нынѣ же въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку" [87]. Указанное Высочайшее повелѣніе состоялось во время нахожденія части Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Москвѣ на коронаціи Императора Николая I.

Распоряженіе это, касавшееся музыки гвардейской егерской бригады имѣло особенное значеніе, выдѣляя музыку Финляндцевъ и Лейбъ-Егерей отъ прочихъ полковъ. Согласно этому Высочайшему повелѣнію, особенность музыки Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго и Егерскаго полковъ заключалась въ томъ, что она вся была духовая, изъ мѣдныхъ инструментовъ, состоя изъ корнетовъ, трубъ, облигатовъ, принципаловъ, волторновъ, басъ-горновъ и прочихъ трубныхъ инструментовъ; барабановъ же отнюдь не полагалось [88].

Въ серединѣ апрѣля 1826 года послѣдовало распоряженіе Начальника Главнаго Штаба Его Величества о предвареніи Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго и Егерскаго полковъ, „чтобы они своихъ музыкантовъ приготовляли играть на мѣдныхъ инструментахъ". Въ іюлѣ того же года, полковой адъютантъ Л.-Гв. Финляндскаго полка доносилъ въ дежурство гвардейскаго корпуса, что 13-го числа Государь Императоръ изволилъ слушать на Елагиномъ острову „полка сего вновь заведенную музыку"; Государь остался доволенъ музыкой и пожаловалъ музыкантамъ по рублю на человѣка [89].

Такимъ образомъ, егерская музыка, впервые, заведенная послѣ Л.-Гв. Сапернаго батальона въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, произвела на Государя Императора такое хорошее впечатлѣніе, что черезъ нѣсколько лѣтъ въ 1830 году былъ поднятъ вопросъ о вве-

деніи во всѣхъ Егерскихъ полкахъ музыки, подобной гвардейской егерской бригады [90]".
Что же касается до Л.-Гв. Финляндскаго полка, то духовая музыка его, введенная тогда стала для него традиціонной: три четверти вѣка съ ея основанія полкъ сохранилъ ее почти безъ измѣненія.

Число музыкантовъ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, согласно Высочайшаго повелѣнія отъ 4-го мая 1826 года было какъ и въ прочихъ полкахъ гвардейской пѣхоты, въ 60 человѣкъ; изъ нихъ 35 музыкантовъ полагалось унтеръ-офицерскаго званія, 7—званія рядовыхъ и остальные восемьнадцать—изъ кантонистовъ [91].

Комплектованіе музыкантскаго хора происходило на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ царствованіе Императора Александра I, т. е., главнымъ образомъ, изъ кантонистовъ; иногда бывали поступленія ихъ въ полкъ по особому случаю: такъ, въ февралѣ 1827 года при уничтоженіи музыкантовъ въ полкахъ Л.-Гв. Кирасирскомъ, Драгунскомъ, Уланскомъ и Конно-Егерскомъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ изъ нихъ 10 человѣкъ [92].

Наблюденіе за хорами музыки гвардіи лежало на капельмейстерѣ гвардейскаго корпуса, которому полагался помощникъ. Въ 40-хъ годахъ помощникомъ капельмейстера гвардейскаго корпуса былъ титулярный совѣтникъ Чапіевскій, который обучалъ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ хоровъ и хоръ музыки Л.-Гв. Финляндскаго полка, за что получалъ отъ полка жалованья 1,200 р. въ годъ ассигнаціями [93].

Состояніе музыки Л.-Гв. Финляндскаго полка въ разсматриваемый періодъ не оставляло желать ничего лучшаго. Имя Поручика Титова, завѣдывавшаго музыкой до 1830 г., обезпечивало это. Вліяніе этого талантливаго музыканта еще долго сохранялось въ полку и благотворно отозвалось на развитіи музыкальности въ полковой средѣ.

Въ 1827 и 1828 годахъ, когда духовой оркестръ Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ только что сформированъ, и ни въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, ни въ армейскихъ Егерскихъ полкахъ такихъ оркестровъ еще не было, музыка Л.-Гв. Финляндскаго полка наряжалась на всѣ разводы Егерей въ Высочайшемъ присутствіи; Высочайшія пожалованія наградныхъ денегъ музыкантамъ полка за эти разводы, отпускаемыя каждый разъ, служили несомнѣннымъ доказательствомъ того, что новый хоръ музыки Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ весьма хорошъ [94]; онъ же удостаивался „ангажементовъ въ Зимній Дворецъ для игры въ Высочайшемъ присутствіи на маскарадахъ и балахъ".

Изъ распоряженій по музыкальной части того времени слѣдуетъ отмѣтить введеніе въ 48-мъ году англійскихъ рожковъ, вмѣсто состоявшихъ до этого въ пѣхотѣ обыкновенныхъ сигнальныхъ рожковъ, вслѣдствіе глухого тона этихъ послѣднихъ [95].

Изъ прочихъ распоряженій по этому поводу обращаетъ на себя вниманіе приказъ по гвардейскому корпусу отъ 31-го декабря 1833 года, гдѣ между прочимъ было сказано нижеслѣдующее: [96]

„Государю Императору благоудно было изъявить свое соизволеніе, чтобы на парадахъ, смотрахъ, разводахъ и въ прочихъ случаяхъ, вмѣсто употребляемаго нынѣ гимна взятаго съ національнаго англійскаго (Боже Царя Храни) играли музыканты, вновь сочиненную на сей же гимнъ музыку (Львова)".

Въ бытовомъ отношеніи можно отмѣтить, что у музыкантовъ гвардейскихъ полковъ въ царствованіе Императора Николая I существовалъ престранный обычай ходить подъ

Новый годъ съ поздравленіемъ по частнымъ домамъ, мелочнымъ лавкамъ и разнымъ заведеніямъ; повидимому начальство ничего не имѣло противъ этого обычая [97], тѣмъ болѣе, что онъ практиковался и у пѣсенниковъ гвардейскихъ полковъ. Они отпускались пѣть въ разныя мѣста командами въ 15—20 человѣкъ, при унтеръ-офицерѣ, преимущественно въ Екатерингофъ, на Крестовскій и другіе острова; отпуски эти были такъ часты, что Л.-Гв. Финляндскій полкъ отправилъ восемнадцать разъ своихъ пѣсенниковъ за время съ половины іюля до половины августа 1826 года [98].

Августѣйшій Шефъ полка—Георгіевскій кавалеръ.

По изображенію 1870-хъ годовъ.

Глава XII.

Венгерскій походъ 1849 года. Оборона Балтійскаго побережья 1854 года.—Походъ 1854—1855 гг.—Запасныя и резервныя части Л.-Гв. Финляндскаго полка за время царствованія Императора Николая I.

1849 годъ русская армія провела въ военныхъ дѣйствіяхъ съ Венгерскими мятежниками, возставшими противъ своего законнаго Государя, — Императора Франца Іосифа I, только что вступившаго тогда на соединенный Австро-Венгерскій престолъ. Правительство Австро-Венгріи находилось въ то время въ такомъ положеніи, что для поддержанія своего дальнѣйшаго существованія не могло обойтись безъ посторонней помощи. Помощь эта и была подана ему со стороны Россіи. Императоръ Николай I, всегда стоявшій на сторонѣ законности, въ данномъ случаѣ остался вѣренъ принципу легитимизма и на первую просьбу, обращенную къ нему со стороны Австріи, поддержалъ ее вооруженною рукою.

Сначала австрійское правительство просило лишь о сосредоточеніи русскихъ войскъ у границъ Галиціи и Буковины, съ тѣмъ, чтобы войска эти, въ случаѣ надобности, могли бы вступить въ предѣлы Австрійской Имперіи и воздѣйствовать тѣмъ на мятежныхъ венгровъ; но затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія успѣховъ венгерскаго оружія, русскія войска были

двинуты въ Галицію и Буковину, чтобы дать возможность австрійскимъ войскамъ, занимавшимъ эти области, дѣйствовать въ Венгріи и Трансильваніи [1]. Такова была общая обстановка къ веснѣ 1849 г.

Въ Петербургѣ въ это время слово „война" не сходило съ устъ, въ особенности въ военной средѣ; гвардія съ минуты на минуту ожидала похода. Наконецъ приказаніе о выступленіи было лично объявлено Государемъ Императоромъ на майскомъ парадѣ. „Передъ началомъ парада,—пишетъ участникъ его, [2] — Государь въѣхалъ въ интервалъ второй гвардейской (пѣхотной) дивизіи и объявилъ войску о венгерскомъ возстаніи и поздравилъ съ походомъ. Рѣчь Его... была краткая и душу шевелящая".

Взглядъ Государя на предстоящій походъ и участіе въ немъ русскихъ войскъ нашли себѣ выраженіе въ Высочайшемъ приказѣ по дѣйствующей арміи. Приказъ [3] гласилъ слѣдующее:

„Ребята. Новые труды, новые подвиги вамъ предстоятъ, мы идемъ помочь союзнику усмирить тотъ же мятежъ, который, попранный вами за восемнадцать лѣтъ въ Польшѣ, вспыхнулъ вновь въ Венгріи. Съ помощью Божіею вы явитесь тѣми же православными воинами, какими Русскіе всегда и вездѣ были: страшными врагамъ всего священнаго, великодушными къ мирнымъ жителямъ. Вотъ чего ждетъ отъ васъ вашъ Государь и наша Святая Россія.—Впередъ, ребята, за нашимъ Варшавскимъ героемъ *—на новую славу, съ нами Богъ".

Гвардейскій корпусъ было приказано придвинуть къ западной границѣ, гдѣ онъ долженъ былъ составлять резервъ расположенныхъ тамъ войскъ, частью направляемыхъ въ Венгрію. Кромѣ того, въ виду возможности возстанія въ польско-литовскихъ губерніяхъ, гвардейскій корпусъ долженъ былъ, въ такомъ случаѣ, воздѣйствовать на мятежниковъ. Непосредственно передъ гвардіей былъ поспѣшно двинутъ на западъ гренадерскій корпусъ [4].

Приготовленія гвардіи были не долги. Къ отправленію въ походъ были назначены всѣ батальоны гвардейскихъ полковъ, кромѣ четвертыхъ запасныхъ; поэтому 1-й батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка прибылъ въ началѣ мая изъ своего загороднаго расположенія [5]. Прибыли къ полку и всѣ находившіеся въ командировкахъ люди. На подборъ нижнихъ чиновъ было обращено не малое вниманіе; въ этомъ отношеніи оказалъ большую помощь запасный батальонъ, впервые исполнявшій для Л.-Гв. Финляндскаго полка свое прямое назначеніе — пополнять людьми дѣйствующіе батальоны при приведеніи ихъ на военное положеніе: онъ далъ дѣйствующимъ батальонамъ нижнихъ чиновъ младшихъ сроковъ службы и рекрутъ, прошедшихъ шестинедѣльный срокъ обученія; вмѣстѣ съ тѣмъ нижніе чины, которымъ приближался срокъ выслуги къ отставкѣ были перечислены въ запасный батальонъ. Такимъ образомъ, укомплектованіе ротъ, благодаря запасному батальону, было произведено болѣе тщательно, чѣмъ при предыдущихъ походахъ. Правда были взяты въ походъ и инвалиды, но они состояли исключительно при полковомъ лазаретѣ, гдѣ для ухода за больными положено было имѣть на походѣ 7 человѣкъ инвалидовъ. Офицеры,

---

* Главнокомандующій Князь Варшавскій графъ Паскевичъ Эриванскій.

находившіеся въ постоянныхъ командировкахъ и одинъ въ отпуску по болѣзни—были тоже зачислены въ 4-й батальонъ.

Въ хозяйственной части полка происходили въ то время усиленныя работы: шла подготовка обмундированія, производились покупки недостававшихъ для обоза лошадей. Офицеры пріобрѣтали себѣ повозки и вьюки; покупка послѣднихъ дѣлалась на тотъ случай, „дабы повозки можно было оставить безъ затрудненія" [6]. Медицинская часть послужила предметомъ должнаго вниманія: отъ комиссаріата полкъ истребовалъ для устройства походнаго лазарета вещей по разсчету на 36 больныхъ [7]. Однако врачей въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, какъ и въ прочихъ полкахъ было мало, по причинѣ общаго ихъ некомплекта въ то время. Полкъ могъ взять въ походъ только трехъ врачей, въ число которыхъ входилъ и штабъ-лекарь [8]. Для большаго удобства въ пути, полку назначенъ былъ маркитантъ отъ С.-Петербургской городской думы [9]. Офицерамъ было выдано не въ зачетъ: имѣющимъ верховыхъ лошадей полугодовой, а неимѣющимъ—третной окладъ жалованья [10].

Одинъ изъ участвовавшихъ въ походѣ 1849 года такъ описываетъ свои впечатлѣнія во время сборовъ къ походу: [11] „гвардейскій корпусъ готовился выступать къ границамъ Венгріи, на защиту погибавшей Австріи, и все, что было военнаго въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, встрепенулось. Ученья прекратились; для занятія карауловъ въ городѣ назначены морскіе экипажи, гарнизонные и запасные батальоны. Дежурныя комнаты полковъ сдѣлались средоточіемъ, куда собирались офицеры полка, чтобы узнать о новѣйшихъ распоряженіяхъ. Офицеры каждой роты составляли между собою артели для организаціи походнаго хозяйства; они по-ротно могли имѣть одну повозку, которая, до границы сопутствуя имъ, должна была замѣниться вьюками на лошадяхъ; слѣдовательно каждому приходилось заботиться и о лошади, и о вьюкахъ, и о дорожныхъ вещахъ".

Въ общемъ, приготовленія къ венгерскому походу носили совершенно такой же характеръ, какъ и къ походамъ турецкому 1828 года и польскому 1831 года.

Распоряженія по всему гвардейскому корпусу касались прежде всего распредѣленія частей его въ походныхъ колоннахъ. Самое движеніе гвардіи приказано было произвести въ двухъ колоннахъ, въ правую изъ которыхъ—подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Штрандмана, была назначена 2-я гвардейская пѣхотная дивизія, два полка 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, кавалерійскія и артиллерійскія части. Эта колонна была направлена по Рижскому тракту, лѣвая же колонна—по Бѣлорусскому тракту. Первому эшелону гвардіи было приказано выступить изъ Петербурга 15-го мая, послѣднему—3-го іюня. Л.-Гв. Финляндскій полкъ вошелъ въ составъ перваго эшелона [12].

14-го мая объявлено было въ приказѣ по полку слѣдующее: „Завтрашняго числа ввѣренный мнѣ полкъ выступитъ въ походъ, почему предписываю батальонамъ быть совершенно готовымъ для молебствія противъ казармъ въ линіи, къ 7 часамъ утра, построившись справа колоннами".

13-го мая, за два дня до выступленія полка, выступили его квартирьеры, подъ командою Подпоручика Буха, въ числѣ 12 унтеръ-офицеровъ и 48 рядовыхъ; передъ отправленіемъ они были представлены на смотръ Августѣйшему командиру гвардейскаго корпуса, Великому Князю Михаилу Павловичу, во дворцѣ Его Величества [13]. Хлѣбопеки выступили еще раньше квартирьеровъ.

Въ 9½ часовъ утра 15-го мая выстроился полкъ въ полной готовности къ выступленію у Нарвской заставы, фронтомъ вдоль Петергофскаго проспекта и правымъ флангомъ къ площади; на лѣвомъ флангѣ вытянулись въ одну линію всѣ повозки обоза съ офицерскими деньщиками [14].

Здѣсь полкъ ожидалъ прибытія Государыни Императрицы Александры Феодоровны, выразившей желаніе проститься съ нимъ, а также Супруги Августѣйшаго Шефа полка, Великой Княгиня Александры Іосифовны. Государя Императора въ Петербургѣ не было— Его Величество уже отбылъ въ западный край.

Въ этотъ знаменательный день Л.-Гв. Финляндскій полкъ имѣлъ честь видѣть своего Шефа въ рядахъ полка: Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ въ строю и лично командовалъ полкомъ, отправляя его на борьбу съ мятежниками, возставшими противъ юнаго Австрійскаго Императора.

Великій Князь былъ взволнованъ отправляя свой полкъ на защиту интересовъ Императора Франца-Іосифа, котораго незадолго передъ этимъ Его Высочество лично ѣздилъ поздравлять въ Ольмюцъ съ возсшествіемъ на престолъ.

Множество зрителей и провожавшихъ толпились у Нарвскихъ воротъ; среди послѣднихъ было много родственниковъ офицеровъ полка и солдатскихъ женъ.

Не успѣлъ полкъ вполнѣ разобраться и стать по мѣстамъ, что затруднялось обозомъ и массою публики, какъ изволила прибыть Ея Величество Государыня Императрица, предшествуемая Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

Торопимые Августѣйшимъ командиромъ корпуса, Финляндцы быстро построились и въ самыхъ искреннихъ возгласахъ „ура!“ выражали Государынѣ свою признательность за добрыя пожеланія.

Слѣдуя дальше, по шоссе, подъ командою Великаго Князя Константина Николаевича, въ сопровожденіи Его Августѣйшей Супруги, Л.-Гв. Финляндскій полкъ остановился въ Красномъ кабачкѣ на привалъ.

Отдыхъ у Краснаго кабачка оставилъ у присутствовавшихъ самыя пріятныя воспоминанія. Великая Княгиня Александра Іосифовна, сидя на барабанѣ среди окружившихъ Ея Высочество офицеровъ и нижнихъ чиновъ, милостиво съ ними бесѣдовала. Великій Князь, тутъ же присутствовавшій, удостаивалъ многихъ своимъ вниманіемъ. Незамѣтно пролетѣли памятные полчаса и Финляндцамъ пришлось проститься съ Ихъ Императорскими Высочествами и двинуться по нарвскому шоссе къ г. Бѣльску, куда полкъ и прибылъ 25 іюля [15].

Маршрутъ полка былъ составленъ до Бѣльска, черезъ Ямбургъ, Нарву, Юрьевъ, Ригу, Поневѣжъ, Ковну и Гродно.

Численность полка при выступленіи его въ походъ была слѣдующая: генераловъ—1, штабъ-офицеровъ—4, оберъ-офицеровъ—44, нижнихъ чиновъ—2,460; итого 2,509 человѣкъ. Лошадей при полку было 156 [16].

Не долго однако продолжался походъ гвардіи; не прошло и трехъ мѣсяцевъ, со времени ея выступленія изъ Петербурга, какъ пришло извѣстіе о подавленіи возстанія венгровъ русскими штыками; войнѣ былъ положенъ предѣлъ. Вслѣдствіе этого гвардія была пріостановлена и расположилась на нѣкоторое время въ западномъ краѣ.

Походъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ 1849 году, въ виду вышеизложеннаго, уподобился военной прогулкѣ [17].

Для полка венгерскій походъ ознаменовался впрочемъ участіемъ Августѣйшаго его Шефа въ сраженіяхъ при Вайценѣ, у Тисса-Фюрста и подъ Дебречиномъ — въ іюлѣ мѣсяцѣ 1849 года. Въ этихъ сраженіяхъ Его Императорское Высочество, какъ о томъ говорится въ Высочайшей грамотѣ, находился „подъ смертоноснымъ дѣйствіемъ непріятельскихъ батарей" и „подъ самымъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, отличаясь мужествомъ и самоотверженіемъ", за что и былъ пожалованъ орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени.

Е. И. В. Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

Съ аквар. П. А. Федотова.

Такое боевое отличіе Августѣйшаго Шефа было радостно привѣтствовано Финляндцами, какъ только извѣстіе о немъ дошло до полка при возвращеніи его съ похода, осенью 1849 года.

Движеніе полка изъ Петербурга было легко: благодаря хорошимъ условіямъ похода, лѣтней погодѣ, обильной пищѣ, хорошимъ квартирамъ и небольшимъ сравнительно переходамъ. Единственное чувствительное обремененіе въ походѣ составляла педантичная требовательность при исполненіи всѣхъ служебныхъ обязанностей, особенно тяжелая при походной жизни.

Требованія эти одинаково строго предъявлялись какъ къ офицерамъ, такъ и къ нижнимъ чинамъ; можно сказать даже, что по отношенію къ офицерамъ требованія были нѣсколько значительнѣе, чѣмъ къ нижнимъ чинамъ. Такъ, въ этомъ походѣ офицерамъ строжайше воспрещалось быть верхами въ строю, а за малѣйшія неисправности ихъ деньщиковъ, они подвергались значительнымъ взысканіямъ; такъ напримѣръ: на второй день по выступленіи полка изъ Петербурга Прапорщикъ графъ Татищевъ былъ арестованъ впредь до распоряженія, за то, что „состоящій при немъ казенный деньщикъ не по формѣ одѣтъ" [18].

Большую часть пути полкъ шелъ по-ротно, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ походныхъ движеній; въ каждой ротѣ выставлялся свой авангардъ и арьегардъ; „если двѣ роты

сойдутся вмѣстѣ,—говоритъ по этому поводу приказъ по полку,—то арьегардъ передней и авангардъ задней уничтожаются" [19]. Для движенія каждой роты былъ опредѣленъ слѣдующій порядокъ [20]. „Впереди ефрейторъ, держа ружье по унтеръ-офицерски, за нимъ два рядовыхъ; въ 25 шагахъ за ними унтеръ-офицеръ и 4 рядовыхъ въ двѣ шеренги; въ 100 шагахъ за ними слѣдуетъ рота; за ротою въ 4 шагахъ дежурный унтеръ-офицеръ и за нимъ 2 дневальныхъ, имѣя на правомъ флангѣ дежурнаго барабанщика; другой дежурный барабанщикъ идетъ передъ ротою впереди горнистовъ, сзади роты въ 100 шагахъ унтеръ-офицеръ съ 4 рядовыми, а за нимъ ефрейторъ съ 2 патрульными.

„На привалахъ, которые должно дѣлать не въ селеніяхъ, но по близости оныхъ дежурные и дневальные остаются въ аммуниціи и скидываютъ одни ранцы; при ружьяхъ ставить часоваго на правомъ флангѣ, заболѣвающихъ людей отнюдь не оставлять однихъ, но непремѣнно при дневальномъ, который долженъ отвести его къ дежурному лекарю".

За Ригой порядокъ былъ нѣсколько измѣненъ и мѣры предосторожности были усилены въ значительной степени. Приказъ по полку даетъ относительно этого слѣдующія указанія [21]:

„Въ каждой ротѣ имѣть постоянно унтеръ-офицерскій караулъ, а если рота занимаетъ деревню то ставить еще ефрейторскіе караулы на въѣзды.

„Отъ карауловъ, особенно въ ночное время, посылать кругомъ своего расположенія патрули, которымъ забирать людей подозрительныхъ.

„Вообще нижнимъ чинамъ не очень сближаться съ жителями.

„Аммуниція и оружіе на ночлегахъ должны быть около людей и непремѣнно при часовыхъ.

„Въ обозѣ часовыхъ удвоить.

„На случай тревоги непремѣнно должны быть назначены въ ротахъ и батальонахъ сборные пункты. Сборный пунктъ роты—есть ротный штабъ. Сборный пунктъ батальона—есть рота, находящаяся ближе къ полковому штабу. Сборный пунктъ полка—полковой штабъ".

Хотя люди шли съ полной укладкой ранцевъ, но принимались возможныя мѣры для облегченія ихъ; такъ, часть патроновъ „сколько окажется возможнымъ", было предписано положить въ патронные ящики [22]; зимнія шаровары были положены туда же, запасная же пара лѣтнихъ шароваръ и мундиры срока 1848 года люди несли на себѣ.

Во все время пути полкъ довольствовался получая на каждаго человѣка по 3 мясныхъ и по 4 винныхъ порціи [23]; хлѣбопеченіе обезпечивалось высылавшейся впередъ командой хлѣбопековъ, заготовлявшей хлѣбъ на 4—8 сутокъ при каждой остановкѣ [24].

Первыя двѣ недѣли полкъ совершилъ походъ при временно-командовавшемъ полкомъ Полковникѣ Масловѣ 3-мъ; командиръ же полка Генералъ Крыловъ прибылъ лишь къ началу іюня.

Проходя черезъ Ригу полкъ получилъ приказаніе сдать имѣвшіеся у него старые патроны, но съ такимъ разсчетомъ, чтобъ на каждаго нижняго чина осталось бы по 30 патроновъ [25].

Не доходя до Поневѣжа полку было предписано принять къ руководству, только что составленное тогда генералъ-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи Генералъ-Лей-

тенантомъ Фрейтагомъ „Наставленіе для военныхъ дѣйствій въ горахъ“ [26]. При бѣдности тогдашнихъ тактическихъ руководствъ это наставленіе, безъ сомнѣнія, было весьма желательно, особенно въ виду того, что на тактику въ то время смотрѣли весьма пренебрежительно. Объ этомъ свидѣтельствовалъ и приказъ по Л.-Гв. Финляндскому полку; страницы его, за время движенія полка въ венгерскомъ походѣ, не посвящаютъ ни одной строки тактическимъ вопросамъ, кромѣ указаній объ авангардѣ и арьергардѣ.

Въ послѣднихъ числахъ іюля и въ первыхъ числахъ августа войска гвардіи постепенно вступали въ назначенныя имъ квартиры въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Ковенской и частію Минской. Вторая гвардейская пѣхотная дивизія расположилась вмѣстѣ съ третьей дивизіей въ Гродненской губерніи, при чемъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ занялъ г. Бѣльскъ. Въ этомъ городѣ расположился штабъ полка, а батальоны раскинулись довольно широко, имѣя свои штабы въ разстояніи болѣе 40 верстъ отъ полкового [27].

Квартированіе полка въ Бѣльскѣ, продолжавшееся съ 25-го іюля до 1-го сентября, прошло тихо и спокойно. Полкъ несъ караулы, входя въ общую очередь полковъ 2-й дивизіи и Гвардейскаго Экипажа, въ раіонѣ Гродны и Бѣлостока [28]. Стоянка эта для полка, какъ и для всего гвардейскаго корпуса, была ознаменована весьма горестнымъ событіемъ—кончиной Августѣйшаго командира гвардейскаго корпуса Великаго Князя Михаила Павловича. 28-го августа 1849 года Его Высочество скончался въ Варшавѣ. Получивъ эту печальную вѣсть, всѣ полки гвардейскаго корпуса, такъ долго находившіеся подъ командой Его Высочества, были повергнуты въ истинную и глубокую печаль. Покойный Августѣйшій Командиръ гвардейскаго корпуса былъ не только начальникомъ, но и настоящимъ отцомъ своихъ подчиненныхъ, которыхъ онъ любилъ отъ всего сердца.

Русскій солдатъ, всегда чуткій ко всему доброму, высоко цѣнилъ прекрасныя качества своего горячо любимаго, хотя и очень строгаго Августѣйшаго начальника. Солдатская пѣсня Л.-Гв. Московскаго полка, въ которомъ Его Высочество былъ Шефомъ, слѣдующимъ образомъ охарактеризовала доброту Великаго Князя Михаила Павловича:

„Онъ съ солдатомъ на распашку—
(Не лежи лишь на боку!)
И готовъ отдать рубашку
Сослуживцу бѣдняку!“ [29]

Духовное завѣщаніе Великаго Князя, составленное еще въ 1843 году, показываетъ какъ велики были чувства Его Высочества къ командуемому Имъ гвардейскому корпусу и еще нѣкоторымъ частямъ. Они „пребудутъ для меня дороги, — говоритъ въ завѣщаніи Великій Князь Михаилъ Павловичъ,—до самой смерти Моей и Я сойду въ гробъ съ полною къ нимъ признательностью и любовью“.—„Если Я кого-либо обидѣлъ или изъ Моихъ подчиненныхъ или по другимъ Моимъ соотношеніямъ, то отъ всей души и искренно, прошу ихъ простить Меня,—говорятъ заключительныя слова завѣщанія,—и вѣрить Мнѣ, что Я никогда не хотѣлъ огорчить ихъ съ умысломъ“.

Въ знакъ любви къ гвардейскому корпусу Его Высочество изволилъ оставить „самую драгоцѣнную и заслуженную свою награду—брилліантовую шпагу, заслуженную въ польскую кампанію 1831 г.“ [30].

Замѣстителемъ Великаго Князя Михаила Павловича по командованію гвардейскимъ

корпусомъ былъ назначенъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, впослѣдствіи Императоръ Александръ II. Его Высочество командовалъ до этого между прочими частями—2-й гвардейской пѣхотной дивизіей, а за послѣднее время—гвардейскимъ пѣхотнымъ корпусомъ; этотъ корпусъ былъ образованъ изъ гвардейской пѣхоты, съ присоединеніемъ къ ней 2-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи и легко-конной гвардейской № 3 батареи. Цесаревичу, какъ бывшему командиру гвардейской пѣхоты, было присвоено съ мая 1849 года званіе Командира гвардейскаго пѣхотнаго корпуса.

По поводу своего новаго назначенія Цесаревичъ отдалъ слѣдующій знаменательный приказъ [31]: „Высочайшимъ приказомъ благоугодно было Всемилостивѣйше пожаловать Меня командующимъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами.

„Не нахожу словъ къ выраженію глубочайшей вѣрноподданнической признательности Моей за этотъ новый знакъ Монаршаго довѣренія ко Мнѣ Государя Императора, и сколько лестно Мнѣ командовать этими корпусами, постоянно удостоивавшимся Всемилостивѣйшаго вниманія Его Императорскаго Величества, славныхъ военными подвигами, примѣрныхъ духомъ и святымъ исполненіемъ своего долга. Эти высокія доблести воинскихъ чиновъ суть плоды благихъ попеченій и безпрерывныхъ заботъ о благосостояніи войскъ въ Бозѣ почившаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, Главнокомандовавшаго ими, и соревнованія гг. частныхъ начальниковъ. Почтимъ же незабвенную память Его сперва молитвою къ Всемогущему Богу о упокоеніи души Его, а потомъ непремѣннымъ и строгимъ исполненіемъ всего порядка службы, Имъ требованнаго, всѣхъ обязанностей, Имъ каждому указанныхъ; этимъ только возможно достигнуть счастья заслуживать и впредь Всемилостивѣйшее вниманіе Государя Императора. Я увѣренъ, что всѣ вообще чины корпусовъ, раздѣливъ чувства эти, потщатся исполнять свои обязанности съ такимъ же усердіемъ и ревностью и сохранить ту же безукоризненную нравственность, которыми отличали себя во все время командованія въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Михаила Павловича, и убѣжденъ, что всѣ гг. начальники будутъ ревностными мнѣ сотрудниками".

Вещественной памятью о Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку остался капиталъ имени Его Высочества, положенный офицерами полка на вѣчныя времена, съ цѣлью ежегодной выдачи процентовъ съ него „одному изъ старослужащихъ нижнихъ чиновъ, достойнѣйшему какъ по нравственности и усердію къ службѣ, такъ и по оказанному отличію" [32]. Капиталъ этотъ называемый „Михайловскимъ", состоящій изъ 400 руб. сер., причисленъ къ общему офицерскому капиталу. Указанные проценты съ него выдаются ежегодно 8 ноября, въ день Тезоименитства покойнаго Великаго Князя одному изъ фельдфебелей, по выбору батальонныхъ командировъ [33].

22 августа былъ отданъ Высочайшій приказъ по дѣйствующей арміи объ окончаніи войны съ венграми; въ немъ говорилось, что храбрые русскіе воины „узрѣли наконецъ рѣдко бывалое событіе: вся вражеская сила повергла... оружіе, безусловно предаваясь милосердію нашему" [34]. Послѣ такого оповѣщенія приказано было возвратить всѣ войска на ихъ постоянныя квартиры.

Обратное движеніе гвардейскаго корпуса изъ западныхъ губерній началось 1-го сентября и было произведено тремя колоннами. Л.-Гв. Финляндскій полкъ шелъ въ средней

колоннѣ, черезъ Гродно, Вильно, Динабургъ, Псковъ, Гатчино и на Петербургъ [35], выступивъ 1-го сентября. Этотъ походъ былъ труднѣе лѣтняго; осеннее время давало себя чувствовать: распутица затрудняла переходы, а непогода заставляла забираться на дневкахъ въ курныя избы [36].

Несмотря на это, гвардія сохраняла свой постоянный отмѣнный порядокъ, какъ о томъ свидѣтельствовалъ одинъ изъ адъютантовъ Цесаревича, Полковникъ Паткуль, имѣвшій порученіе осматривать гвардейскія части на походахъ. „Считаю долгомъ донести Вашему Императорскому Высочеству,—рапортовалъ онъ, [37]—что Гвардейскій корпусъ какъ во все время похода, такъ и нахожденія его на квартирахъ отличался примѣрною нравственностью и строгимъ исполненіемъ всѣхъ правилъ и обязанностей, отличающихъ всякое благоустроенное войско, а въ особенности Гвардію Его Императорскаго Величества. Мѣстное начальство, помѣщики и даже крестьяне всѣ единогласно отзываются съ восторгомъ о пребываніи гвардіи въ ихъ губерніяхъ; ни одной жалобы не поступило, ни со стороны войска, ни со стороны жителей“.

Въ такомъ же порядкѣ дошелъ и Л.-Гв. Финляндскій полкъ до Петербурга. Какъ на отличительную черту этого похода слѣдуетъ указать на малые маневры, назначавшіеся обыкновенно наканунѣ дневокъ, по приказанію Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Въ Лугѣ полкъ встрѣченъ былъ Августѣйшимъ Шефомъ [38], а 7-го ноября 1849 года полкъ, въ составѣ 4-й гвардейской пѣхотной бригады, вступилъ въ Петербургъ въ 1 ½ часъ дня. Л.-Гв. Финляндскій полкъ прошелъ прямо на Дворцовую площадь, гдѣ соединившись со своимъ 4-мъ запаснымъ батальономъ, остававшимся въ Петербургѣ, предсталъ предъ Государемъ Императоромъ [39]. Полкъ представился Его Величеству „въ отличномъ во всѣхъ частяхъ порядкѣ и состояніи“, заслуживъ Высочайшую благодарность.

Затѣмъ полкъ вступилъ послѣ почти полугодовой отлучки, въ свои казармы на Васильевскомъ островѣ.

По возвращеніи полка на постоянныя квартиры онъ долженъ былъ „приступить къ слѣдующимъ мѣрамъ“, вызваннымъ только что миновавшимъ походомъ: уволить отъ службы всѣхъ людей, дослуживавшихъ 22 года къ 1-му января 1850 года, отпустить до 1-го апрѣля 1850 года всѣхъ нижнихъ чиновъ, прослужившихъ 20 лѣтъ; добавить къ отпускаемымъ и нижнихъ чиновъ младшихъ сроковъ службы, но съ такимъ разсчетомъ, что бы общее число отпускаемыхъ на вышеуказанный срокъ не превышало бы на полкъ 80 унтеръ-офицеровъ и 920 рядовыхъ; штабъ и оберъ-офицеровъ уволить въ отпускъ до 1 апрѣля 1850 года, первыхъ — три, а послѣднихъ—двѣнадцать человѣкъ; продать подъемныхъ лошадей военнаго времени [40]. Этимъ и кончились распоряженія, касавшіяся Венгерскаго похода послѣ чего полкъ зажилъ мирной жизнью.

Впрочемъ, послѣ Венгерскаго похода, Л.-Гв. Финляндскому полку пришлось не долго пожить спокойной жизнью. Уже съ 1852 года направленіе политики въ Восточномъ вопросѣ указывало на готовящееся разрѣшеніе его силой оружія въ самомъ недалекомъ будущемъ. Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда дипломатическихъ столкновеній, Русское правительство поставлено было въ необходимость объявить войну Турціи, поддерживаемой тогда Франціей и Англіей. Высочайшій манифестъ отъ 24-го октября 1853 года возвѣстилъ начало

новой борьбы. „Россія вызвана на брань,—говорилъ манифестъ [41],—ей остается, возложивъ упованіе на Бога, прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы понудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, коими отвѣчала она на самыя умѣренныя Наши требованія и на законную заботливость Нашу о защитѣ на Востокѣ православной вѣры, исповѣдуемой и народомъ Русскимъ". Черезъ три мѣсяца съ небольшимъ послѣдовалъ полный разрывъ сношеній съ Англіей и Франціей, выступившими уже открыто въ качествѣ нашихъ враговъ. Высочайшимъ манифестомъ 15-го апрѣля 1854 года [42] была объявлена война и этимъ государствамъ, „сбросившимъ всякую личину" и преслѣдовавшимъ одну общую цѣль—обезсиленіе Россіи.

Петербургская каланча съ сигналами.
Съ рисунка 1850 хъ годовъ.

Военныя дѣйствія первоначально завязались въ Придунайскихъ княжествахъ, а потомъ сосредоточились, главнымъ образомъ, на югѣ Россіи, въ Крыму, гдѣ Севастопольская эпопея привлекла къ себѣ вниманіе всего міра. Однако, военныя дѣйствія, хотя и незначительныя, происходили и на сѣверѣ, у береговъ Балтійскаго моря, гдѣ противникъ угрожалъ самой столицѣ русской. Для защиты ея была предназначена гвардія и въ числѣ полковъ ея—Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

Съ апрѣля мѣсяца 1854 года начались обширныя работы по оборонѣ Балтійскаго побережья. Государь Императоръ и Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, назначенный начальникомъ этой обороны, вникали во всѣ подробности дѣла. Хотя весною 1854 года было мало вѣроятія, чтобы непріятель отважился на высадку въ значительныхъ силахъ вблизи Петербурга, тѣмъ не менѣе можно было ожидать, что онъ предприметъ небольшія высадки, переносясь съ одного пункта на другой, и будетъ дѣйствовать какъ бы морскими набѣгами. Для противодѣйствія этому, предпринятъ былъ цѣлый рядъ оборонительныхъ мѣръ, клонившихся къ защитѣ Петербурга, его окрестностей, Кронштадта, Выборга и прочихъ болѣе или менѣе значительныхъ пунктовъ Финскаго залива.

Оборонительныя работы по защитѣ Петербурга заключались въ постройкѣ батарей по берегамъ Невской дельты. Всего было построено 12 батарей, изъ нихъ 5—на Васильевскомъ островѣ, на участкѣ обращенномъ къ морю; батареи строились, въ среднемъ, каждая на 12 орудій. Постройка ихъ, начавшаяся ранней весной 1854 года, когда вездѣ стояли лужи, а земля была еще до того мерзлая, что съ трудомъ откалывалась ломами, представляла громадную и весьма трудную работу. Больше 100 тысячъ нижнихъ чиновъ Петербургскаго гарнизона и частью вольнонаемныхъ рабочихъ принимало участіе въ ихъ сооруженіи.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ тоже принималъ участіе въ постройкѣ невскихъ батарей, высылая на нихъ своихъ людей командами при офицерахъ.

Наряды рабочихъ отъ полка производились тогда въ очень обширныхъ размѣрахъ; помимо постройки Крестовской, Галерной, Петровской, Гутуевской и другихъ батарей, нижніе чины работали еще въ вещевомъ складѣ Петербургскаго гарнизона и въ Петербургскомъ арсеналѣ. Насколько значительны были въ то время упомянутые наряды полка показываютъ слѣдующія данныя о числѣ рабочихъ, высылавшихся полкомъ: въ январѣ 1854 года полкъ выслалъ 900 рядовыхъ, 36 унтеръ-офицеровъ при 12 оберъ-офицерахъ; въ февралѣ — 1,200 рядовыхъ, 48 унтеръ-офицеровъ при 16 оберъ-офицерахъ; въ мартѣ — 2,500 рядовыхъ, 98 унтеръ-офицеровъ при 27 оберъ-офицерахъ; въ апрѣлѣ — 2,830 рядовыхъ, 111 унтеръ-офицеровъ при 34 оберъ-офицерахъ; въ маѣ — 5,410 рядовыхъ, 153 унтеръ-офицера при 60 оберъ-офицерахъ [43].

Работы, производившіяся на батареяхъ были тяжелы и въ нравственномъ и въ физическомъ отношеніяхъ; первое было весьма понятно: солдаты рвались въ бой съ врагомъ, но вмѣсто этого должны были выполнять подготовительныя, имъ непривычныя, работы; тяжесть рытья батарей, какъ физическаго труда, увеличивалась вслѣдствіе очень трудныхъ условій: постройка батарей производилась на весьма низменныхъ мѣстахъ, возвышавшихся надъ уровнемъ ординарной воды фута на 2 и потому часто затопляемыхъ; особенное затрудненіе доставляло рытье пороховыхъ погребовъ. За работы эти нижніе чины получали денежное вознагражденіе.

Въ виду тревожнаго, весьма понятнаго настроенія, охватившаго весною 1854 года петербургскихъ жителей, постройка невскихъ батарей, какъ и все связанное съ военными дѣйствіями, привлекала къ себѣ вниманіе всѣхъ; „даже модныя весеннія поѣздки петербургскихъ дамъ на острова,—пишетъ современникъ той эпохи, [44]—приняли названіе поѣздокъ на Невскія батареи“.

Надо полагать, что Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ половинѣ апрѣля расположился по обывательскимъ квартирамъ Васильевскаго острова [45] именно для того, чтобы удобнѣе принимать участіе въ постройкѣ батарей, отстоявшихъ отъ казармъ на довольно значительномъ разстояніи.

Къ 1-му мая состоялось подробное распредѣленіе войскъ Петербургскаго гарнизона въ прикрытіе къ Невскимъ батареямъ и въ резервы къ нимъ; назначены были мѣста сбора войскъ на случай тревоги по особымъ сигналамъ, выкидываемымъ на каланчахъ. Распредѣленіе войскъ было таково: на батареи—гренадерскія части; въ боевой резервъ, долженствующій собираться на Петровской площади, а при наведеніи Дворцоваго моста, на Дворцовой площади — сборныя части; въ главный резервъ, собиравшійся по тревогѣ на Царицыномъ лугу—гвардейскія части [46].

Положеніе, переживаемое войсками Петербурга весною 1854 года было весьма безпокойнымъ: каждую минуту можно было ожидать тревоги, каждую минуту войска могли быть двинуты въ походъ; при этомъ полнѣйшая неизвѣстность о направленіи похода еще болѣе увеличивала трудности тогдашняго положенія; но, во всякомъ случаѣ, гвардія должна была быть готова двинуться и къ южнымъ границамъ, и къ западнымъ границамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, до выступленія въ дальній походъ, она должна была дать защиту столицѣ,

или непосредственно въ чертѣ города, или на любомъ пунктѣ Финскаго залива. „Берега Финскаго залива, при теперешнихъ обстоятельствахъ,—говорилось въ приказѣ по Л.-Гв. Финляндскому полку, отъ 30-го апрѣля,—сдѣлались театромъ войны, и нельзя никакъ достовѣрно опредѣлить, гдѣ произойдетъ столкновеніе съ непріятелемъ въ близкомъ или дальнемъ разстояніи отъ столицы".

Въ виду такой неопредѣленности положенія, гвардейскимъ полкамъ пришлось принять самыя рѣшительныя мѣры къ полнѣйшей готовности къ совершенію форсированныхъ маршей; „войска, составляющія главный резервъ,—говоритъ тотъ же приказъ,—могутъ быть внезапно двинуты къ какому-нибудь изъ угрожаемыхъ непріятельскимъ десантомъ пункту, а потому и походъ сей долженъ быть совершенъ войсками по возможности быстро". Мѣры, клонившіяся къ достиженію „возможной быстроты", заключались, главнымъ образомъ, въ сокращеніи обоза; весь офицерскій обозъ приказано снарядить вьючнымъ, „допустивъ однако же имѣть офицерамъ... по одной повозкѣ на батальонъ". На случай тревоги были даны самыя подробныя указанія. Форма одежды была упрощена и приноровлена для военнаго времени; съ 15-го апрѣля послѣдовало приказаніе носить всѣмъ походную форму [47].

Близость похода чувствовалась во всемъ, состояніе духа войскъ гвардіи было приподнятое; порывъ былъ такъ значителенъ, что даже старые солдаты, уволенные за полную выслугу лѣтъ въ отставку, поступали добровольно на службу; въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку такими ветеранами явились унтеръ-офицеры Ануфріевъ, Перевалихинъ и рядовые Шевелевъ и Агѣевъ *.

Офицерство гвардіи проявляло самое сильное желаніе участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ. Еще съ осени 1853 г. начались ходатайства офицеровъ о командировкахъ въ дѣйствующую армію; желающихъ было очень много, но начальство разрѣшило командировать отъ каждаго гвардейскаго пѣхотнаго полка лишь только трехъ офицеровъ по жребію: по одному отъ ротныхъ командировъ, поручиковъ и подпоручиковъ—совмѣстно и прапорщиковъ. Изъ ротныхъ командировъ жребій палъ на Капитана Ванновскаго (впослѣдствіи генералъ-адъютанта и военнаго министра) изъ субалтернъ-офицеровъ — на Поручика Борейшу и Прапорщика Головачева [49]. Эти офицеры были причислены къ 11-й пѣхотной дивизіи, кромѣ Прапорщика Головачева, причисленнаго къ 4-й пѣхотной дивизіи.

Отличительной чертой того времени является масса строевыхъ занятій, различныхъ смотровъ, парадовъ и репетицій, устраиваемыхъ въ частяхъ гвардіи. Нужно удивляться какъ, при тревожности того времени и массѣ различныхъ работъ, лежавшихъ на полкахъ, находилось время для различныхъ 8-ми и 12-ти-рядныхъ ученій, полковыхъ ученій въ манежахъ и бригадныхъ ученій „съ порохомъ и безъ пороха" [50]. На разводы съ церемоніей по прежнему обращалось большое вниманіе; въ этой области чистоты отдѣлки придерживались по прежнему, включительно до приступанія парольныхъ унтеръ-офицеровъ. Это было тѣмъ болѣе затруднительно, что тогда же въ полкахъ гвардіи происходили формированія резервныхъ и запасныхъ батальоновъ. Въ Л.-Гв. Финляндскомъ

---

* Они были награждены золотыми медалями, съ надписью „за усердіе", для ношенія въ петлицѣ на Андреевской лентѣ, и кромѣ того, каждому изъ нихъ было выдано единовременно по 10 рублей серебромъ [48].

полку шла, вслѣдствіе этого, весьма лихорадочная дѣятельность, усиленная еще прибытіемъ изъ Москвы въ первой половинѣ апрѣля 4-го батальона; батальонъ этотъ, за неимѣніемъ помѣщенія въ казармахъ, пришлось расположить въ полковомъ манежѣ [51].

Насколько часты были полковыя и бригадныя ученья можно видѣть изъ слѣдующихъ указаній, даваемыхъ приказами по полку: 2-го мая предписывалось произвести 8-рядное ученье на плацу I-го Кадетскаго корпуса; 4-го мая—ученье съ порохомъ 4-й бригады на Семеновскомъ плацу, 6-го и 7-го мая—8-рядныя ученья на плацу I-го Корпуса, 9-го мая—ученье безъ пороха 4-й бригады на Семеновскомъ плацу, въ Высочайшемъ присутствіи, 13-го мая—инспекторскій смотръ полка командиромъ бригады, 17-го мая—12-рядное ученье полка на плацу I-го Корпуса, 18-го мая—12-рядное ученье 4-й бригады на Царицыномъ лугу, 21-го мая—инспекторскій смотръ полка начальникомъ дивизіи [52]. Всѣ эти ученья и смотры производились тогда полкомъ въ цѣломъ составѣ; если прибавить къ нимъ ученья частями полка и наряды въ караулы и различныя назначенія, то легко можно представить, какая масса труда лежала въ тѣ тревожные дни на солдатѣ и офицерѣ. Къ этому надо еще добавить, что ученья продолжались обыкновенно очень долго, начиная съ 5½ часовъ утра, а строгости на нихъ были весьма велики.

Изъ тактическихъ нововведеній того времени, принятыхъ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку можно указать на двухбатальонныя карре, вводимыя весьма настойчиво [53], и на особый пріемъ для отраженія ожидавшагося десанта, изъ взводныхъ колоннъ ротъ, заключавшійся въ слѣдующемъ: головной взводъ роты долженъ былъ дать залпъ, послѣ чего раздѣлиться по-полувзводно, отойти за колонну и пристроиться въ хвостѣ ея; слѣдующій за нимъ взводъ дѣлалъ то же самое и т. д. [54].

Съ теченіемъ времени оборону побережья Финскаго залива признано было необходимымъ усилить: все пространство его отъ Петербурга, на сѣверъ до Сестрорѣцка и далѣе до Біерк-э-зунда, а на югъ до Бронной горы и далѣе до Красной горки, приказано было охранять кавалерійскими кордонами, подкрѣпленными пѣхотными резервами съ полевою артиллеріею. Оборона дальнѣйшихъ отъ Петербурга пунктовъ залива была предоставлена особымъ отрядамъ.

Изъ ближайшихъ къ Петербургу пунктовъ обращалъ на себя вниманіе Сестрорѣцкъ, военные заводы котораго могли представить для противника, въ случаѣ ихъ взятія, немалую добычу. Къ этому пункту и былъ направленъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

28-го мая, наканунѣ выступленія полка въ Сестрорѣцкъ, была произведена, въ присутствіи начальника дивизіи, репетиція этого выступленія, а 29-го мая, въ 9 часовъ утра полкъ дѣйствительно выступилъ въ походъ послѣ молебна на Румянцевской площади и смотра Главнокомандующаго на Каменоостровскомъ проспектѣ. На смотру этомъ батальоны стояли развернутымъ фронтомъ, а полковой обозъ былъ вытянутъ въ одну повозку; при немъ находились деньщики и крѣпостные служители офицеровъ. На нестроевыхъ тогда обращено было большое вниманіе, слѣдили весьма строго за соблюденіемъ ими формы одежды, при чемъ у деньщиковъ требовались бѣлыя перчатки. „За малѣйшую неисправность въ одеждѣ или несвоевременное прибытіе деньщиковъ, — говорится въ приказѣ по полку отъ 28 мая 1854 года, Г. Поручику Котову предписываю виновнаго наказать розгами,

а Г. Штабсъ-Капитану Бѣлоцерковцу приказать приготовить розогъ" [55]. Полкъ выступилъ въ походъ, имѣя полный обозъ, какъ казенный, такъ и артельный и офицерскій.

30-го мая, по прибытіи въ Сестрорѣцкъ полкъ выдѣлилъ 3-й батальонъ въ д. Макслаксу, отстоящую отъ Сестрорѣцка на нѣсколько верстъ; черезъ мѣсяцъ, 29-го іюня туда же былъ направленъ и 4-й батальонъ, а 1-й и 2-й батальоны въ началѣ іюля расположились въ Муринѣ, Новой деревнѣ, Петербургѣ и Лисьемъ носу, составляя резервъ Сестрорѣцкаго отряда [56].

Пребываніе Л.-Гв. Финляндскаго полка на Финскомъ побережьѣ прошло для него безъ столкновеній съ противникомъ, не рисковавшимъ высадиться на берегъ далеко отъ входа въ Финскія воды. Ближе къ этому входу столкновенія были, но въ большинствѣ случаевъ они ограничивались незначительными дѣйствіями, раздуваемыми впрочемъ англичанами, крейсировавшими тамъ. Такъ, командовавшій англійской эскадрой, вице-адмиралъ Непиръ, въ своемъ донесеніи отъ 20-го мая, представилъ дѣло при Экенесѣ (7—8 мая), гдѣ англійскій десантъ былъ отбитъ храбрыми дѣйствіями Л.-Гв. Финскаго стрѣлковаго батальона, какъ полную побѣду англичанъ, при которой, якобы, цѣлые полки русскіе были разбиты и разогнаны [57].

Тѣмъ не менѣе, почти постоянное пребываніе англійскихъ судовъ совсѣмъ близко отъ береговой линіи, заставляло Л.-Гв. Финляндскій полкъ быть на-сторожѣ, въ непрестанномъ ожиданіи. Аванпостная цѣпь, выставляемая по очереди батальонами полка, служила первымъ его прикрытіемъ. Тревога была произведена только одинъ разъ, но и та ничѣмъ не кончилась. Начальникомъ береговыхъ отрядовъ былъ въ то время Генералъ-Адъютантъ Демидовъ; безъ разрѣшенія его нельзя было принимать никакихъ серьезныхъ мѣръ, а потому о приближеніи непріятельскаго судна послано было къ нему съ донесеніемъ, но такъ какъ квартира Генерала Демидова находилась верстахъ въ 50-ти отъ мѣста появленія корабля, то пока получено было приказаніе, непріятель уже давно скрылся изъ вида [58].

Несмотря на близость противника, представлявшаго немаловажную силу, занятія въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку были вполнѣ мирныя. Согласно указаній командира полка, Генералъ-Маіора графа Ребиндера, шереножныя и взводныя ученія были рѣшительно на первомъ планѣ. Изрѣдка бывала стрѣльба въ цѣль, но больше ходили церемоніальнымъ маршемъ и дѣлали ружейные пріемы [59], да провѣряли нижнихъ чиновъ въ знаніи сигналовъ [60]. Впрочемъ пріемъ отраженія противника постепенной стрѣльбой взводовъ колонны роты не переставалъ практиковаться.

Пока части Петербургскаго гарнизона охраняли побережье Балтійскаго моря отъ соединенной англо-французской эскадры, на южномъ фронтѣ происходили грозныя событія, война была перенесена въ предѣлы Россіи. Такой оборотъ дѣла требовалъ усиленія тамъ нашей арміи. Въ виду этого Императоръ Николай Павловичъ намѣревался направить всю гвардію къ южной границѣ.

Часть ея уже стянулась къ Петербургу. Л.-Гв. Финляндскій полкъ прибылъ въ Петербургъ въ началѣ августа и расположился въ ожиданіи выступленія въ походъ по обывательскимъ квартирамъ Васильевскаго острова. За время пребыванія въ городѣ, прошедшаго спокойно, офицеры и нижніе чины отдохнули отъ постояннаго напряженія.

Между тѣмъ событія шли впередъ. 3-го августа было Высочайше рѣшено отправить гвардію въ походъ. „Наступило, нахожу Я время,—писалъ Государь [61],—двинуть гвардію къ границѣ, постепенно и безъ торопливости. Движеніе начать со 2-й гвардейской дивизіи... направивъ на Динабургъ, для дальнѣйшаго слѣдованія, ежели приказано будетъ, или для расположенія подъ Вильной, быть можетъ на зиму". Первую гвардейскую дивизію предполагалось оставить въ Петербургѣ до выясненія дѣлъ съ десантомъ въ Финляндіи, послѣ чего направить ее въ Брестъ или Гродно. Третьей дивизіи были назначены зимнія квар-

Батареи на взморьѣ близъ Петербурга, возведенныя въ 1854—1855 гг.

Съ акварели съ натуры Лагоріо.

тиры въ Ригѣ. Черезъ нѣсколько дней это предположеніе было отмѣнено; было и другое предположеніе, тоже отмѣненное; въ общемъ же положеніе гвардіи оставалось неопредѣленнымъ большую часть августа мѣсяца 1854 года.

За это время Л.-Гв. Финляндскій полкъ стоялъ частью въ Петербургѣ, частью въ ближайшихъ деревняхъ, составляя резервъ Сестрорѣцкаго отряда. Наконецъ вопросъ о скоромъ движеніи полка въ западныя губерніи выяснился вполнѣ.

Отбывъ инспекторскій смотръ и смотръ Наслѣдника Цесаревича Александра Нико-

лаевича, Л.-Гв. Финляндскій полкъ выступилъ изъ Петербурга 9-го сентября въ $5^1/_2$ часовъ утра [62] и направился къ западнымъ границамъ, въ числѣ прочихъ полковъ гвардіи.

Приготовленія къ походу были такія же какъ и въ 1849 году; только наблюденіе за полнѣйшей готовностью обоза было усилено, а во время маршей каждой повозкѣ опредѣлялось ея мѣсто самымъ строжайшимъ образомъ.

12-го сентября полкъ проходилъ черезъ Гатчину, гдѣ представился Государю Императору. Для наилучшаго представленія полка на Высочайшемъ смотру Генералъ-Маіоръ графъ Ребиндеръ обратилъ особое вниманіе на достиженіе полкомъ блестящаго вида, почему внѣшности было придано наибольшее значеніе; но особенно сильно командиръ полка налегъ на маршировку. Вслѣдствіе этого, движеніе полка отъ Петербурга до Гатчины представляло собою одинъ сплошной церемоніальный маршъ; въ особенности трудно было людямъ около Краснаго Села. Дойдя до него безъ остановокъ, безъ отдыха, даже не снимая ружей съ плеча, полкъ сразу же началъ репетировать церемоніальный маршъ. Вѣроятно, вслѣдствіе крайней усталости, маршъ не удавался. Тогда командиръ сталъ водить полкъ церемоніальнымъ маршемъ пошереножно. Не удовлетворившись и здѣсь, онъ приказалъ задней шеренгѣ, при движеніи полка на переднюю, идти вслѣдъ за передней и бить прикладами людей первой шеренги: при обратномъ движеніи вторая шеренга принимала на себя страдательную роль своихъ товарищей, превращаясь изъ палачей въ жертвы. Чѣмъ бы кончилась эта бойня — неизвѣстно, но многіе офицеры не имѣли силъ болѣе оставаться въ строю, что и послужило причиной окончанія этого памятнаго въ исторіи полка церемоніальнаго марша [63].

Фактъ подобный вышеприведенвому кажется болѣе чѣмъ рѣзкимъ въ наше время, но тогда онъ представлялъ лишь значительную строгость, но не болѣе. Правда, что и командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка, графъ Ребиндеръ, пользовался тогда во всемъ гвардейскомъ корпусѣ репутаціей грознаго начальника.

Наконецъ, 12-го сентября въ 9 часовъ утра полкъ привѣтствовалъ Государя Императора Николая Павловича и получилъ отъ Его Величества напутственное благословеніе.

Государь въ сопровожденіи Великихъ Князей и свиты объѣхалъ фронтъ полка выстроеннаго по-батальонно на плацу Гатчинскаго дворца; затѣмъ былъ отслуженъ въ Высочайшемъ присутствіи напутственный молебенъ, послѣ котораго полкъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ.

Бывшіе въ то время въ полку разсказываютъ, что смотръ этотъ былъ непохожъ на другіе; онъ особенно какъ то былъ грустенъ и унылъ. Привыкшіе видѣть своего Государя олицетвореніемъ энергіи, силы и бодрости, замѣчали слѣды усталости и озабоченности на лицѣ Его Величества и невольно поддались печальнымъ предчувствіямъ разлуки; и дѣйствительно, состояніе духа не обмануло ихъ—это былъ послѣдній смотръ Государя, послѣднее „ура", которымъ старики усачи встрѣтили и проводили своего Императора.

Въ строю роты Его Высочества былъ дворцовый гренадеръ, 70-лѣтній старикъ Ануфріевъ, служившій когда-то въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку и пожелавшій идти въ походъ вмѣстѣ со своими молодыми однополчанами. При прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ, онъ былъ вызванъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, милостиво обласканъ и удо-

стоенъ Царскаго поцѣлуя. Ануфріевъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, умеръ во время пребыванія полка въ Литвѣ.

Послѣ смотра въ Гатчинѣ, всѣ штабъ-офицеры были приглашены къ Высочайшему обѣденному столу [64].

Въ дальнѣйшемъ походѣ, совершаемомъ уже болѣе спокойно, полкъ долженъ былъ руководствоваться слѣдующими указаніями:

„Выступать по-ротно до особаго приказанія.

„Ротамъ слѣдовать въ порядкѣ, соблюдая, чтобы всѣмъ быть впереди караульной роты.

„О часѣ выступленія караульной роты будетъ ежедневно объявляемо въ приказѣ по полку.

„При караульной ротѣ слѣдовать: знаменамъ, всему обозу, лазарету, музыкантамъ и нестроевымъ.

„Караульной ротѣ смѣняться послѣ дневки на первомъ привалѣ".

„При дежурной ротѣ постоянно слѣдовать всей штуцерной командѣ, подъ командою г. Поручика Яковлева и подъ общимъ надзоромъ командира караульной роты" [65].

27-го сентября полку объявлено было Высочайшее повелѣніе о производствѣ на маршѣ малыхъ маневровъ, но при условіи—„отнюдь не удаляясь отъ дороги въ стороны" [66]. Къ этому времени полкъ прошелъ Псковъ, гдѣ былъ встрѣченъ весьма радушно.

Далѣе, во время марша, 19-го октября въ приказѣ по полку было объявлено слѣдующее:

„Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, при прощаніи изволилъ поручить господину корпусному командиру поклониться Финляндцамъ отъ Его Высочества. Долгомъ считаю объявить по полку, для свѣдѣнія всѣмъ и каждому о милостивомъ вниманіи къ намъ Августѣйшаго Шефа".

Въ Динабургѣ полкъ получилъ новый маршрутъ—черезъ Ковно на Вильну, куда и прыбылъ 5-го ноября, окончивъ этимъ первую часть своего похода.

Насколько отличенъ былъ порядокъ въ полку на маршѣ можно видѣть изъ слѣдующей благодарности, объявленной командиромъ полка, въ полковомъ приказѣ отъ 8-го ноября.

„Пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю себѣ благодарить,—писалъ командиръ полка,—гг. батальонныхъ и ротныхъ командировъ, за соблюденіе во всѣхъ ротахъ, постоянно отличнаго порядка въ теченіе всего 2-хъ-мѣсячнаго похода отъ Петербурга до Вильно. Я всегда видѣлъ роты слѣдующими въ порядкѣ: люди шли молодцами, аммуниція и ранцы пригнаты ловко, все было опрятно вычищено, съ Божьей помощью люди сбережены и заболѣвшихъ было немного".

Но однако вѣдомость о числѣ больныхъ полка, приводимая тамъ же, показываетъ, что число ихъ было довольно значительно, а именно—196 человѣкъ, изъ которыхъ 16 было оставлено въ госпиталяхъ, 17—состояло при ротахъ, а остальные выздоровѣли.

Въ общемъ походъ 1854 года былъ очень труденъ и число заболѣвшихъ на походѣ было велико. Насколько походъ былъ труденъ для нижнихъ чиновъ доказываетъ слѣдующее показаніе одного изъ его участниковъ въ рядахъ полка [67]: „Что намъ пришлось

перенести за этотъ походъ—никогда не изгладится изъ памяти; переходы были большіе, погода при слѣдованіи туда была дурная (осень), нести на себѣ приходилось болѣе 2-хъ пудовъ (ружье, сума съ бо-ю тяжелыми патронами, ранецъ съ бѣльемъ, шанцевый инструментъ, шинель, мундиръ, запасные сапоги, каска, фуражка, хлѣбъ и сухари). Прибавя къ сему массу нарядовъ, приходившихся на долю каждаго солдата и требующагося дисциплиной молодецкаго и форменнаго вида отъ всякаго изъ насъ, получится вѣрная картина тогдашняго похода".

Л.-Гв. Финляндскій полкъ расположился въ Вильнѣ на широкихъ квартирахъ; въ самомъ городѣ сталъ только штабъ полка, караульная рота и штуцерные; остальныя части полка заняли близъ лежащія деревни. Силою обстоятельствъ, нежданно для Финляндцевъ стоянка, полка въ этомъ городѣ затянулась на очень долго.

Въ ожиданіи дальнѣйшаго похода время проводилось тамъ спокойно и пріятно, благодаря гостепріимству Генералъ-Губернатора Генералъ-Адъютанта Бибикова и коменданта Вильны, бывшаго командира Л.-Гв. Финляндскаго полка, Генералъ-Лейтенанта Вяткина, а также и окрестныхъ помѣщиковъ. Полковой праздникъ прошелъ тихо и скромно. Въ то время какъ въ Петербургѣ недавно сформированный Л.-Гв. Финляндскій резервный полкъ парадировалъ въ Высочайшемъ присутствіи въ Михайловскомъ манежѣ, Л.-Гв. Финляндскій дѣйствующій полкъ встрѣчалъ его въ чуждой для него обстановкѣ: бывшая въ городѣ въ караульномъ нарядѣ 2-я егерская рота отбыла на Доминиканской улицѣ, въ Благовѣщенской церкви, парадъ, на которомъ присутствовали находившіеся въ то время въ городѣ офицеры полка [68]. Черезъ нѣсколько дней послѣ праздника, въ приказѣ по полку [69] было объявлено слѣдующее: „Командующій Л.-Гв. Финляндскимъ резервнымъ полкомъ Полковникъ Ганецкій, въ день полковаго праздника удостоился лично отъ Государя Наслѣдника Цесаревича получить порученіе поздравить отъ имени Его Высочества всѣхъ насъ съ полковымъ праздникомъ.

„Принявъ съ благоговѣніемъ этотъ новый знакъ милостиваго вниманія Его Императорскаго Высочества, я спѣшу раздѣлить его со всѣми чинами полка. Увѣренъ, что каждый изъ нихъ, въ настоящее время горитъ желаніемъ кровію своею запечатлѣть чувства вѣрноподданнической преданности и сдѣлаться достойнымъ тѣхъ высокихъ милостей, какими мы имѣемъ счастіе постоянно пользоваться".

Новый 1855 годъ былъ встрѣченъ полкомъ грустно; событія на театрѣ военныхъ дѣйствій, неблагопріятныя для нашего оружія, тяжело отражались на умахъ и сердцахъ всѣхъ представителей полка. Грустной встрѣчѣ соотвѣтствовало весьма печальное и горестное начало наступившаго года. 18-го февраля 1855 года Россія содрогнулась: ея Государь Императоръ Николай I безвременно почилъ въ разгаръ борьбы съ врагами во время Крымской кампаніи.

Приготовленія Россіи къ войнѣ 1854 — 1855 годовъ вызвали къ жизни въ весьма обширныхъ размѣрахъ новый видъ войсковыхъ единицъ — резервныя и запасныя части, въ числѣ которыхъ явился и Л.-Гв. Финляндскій резервный полкъ.

Хотя въ кампаніяхъ прежняго времени резервныя и запасныя части и существовали, но размѣръ ихъ и значеніе имъ придававшееся, было много меньше чѣмъ въ пятидесятыхъ годахъ. По отношенію къ Л.-Гв. Финляндскому полку происходило то же самое. Въ кам-

паніи 1812—1814 годовъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ имѣлъ свои резервный и запасный батальоны. Формированіе ихъ одновременно съ военными дѣйствіями послужило причиной того, что эти батальоны весьма мало удовлетворяли главному своему назначенію—пополненію рядовъ дѣйствующихъ батальоновъ полка. Поэтому, въ послѣдующія кампаніи 1828 и 1831 годовъ былъ принятъ для Л.-Гв. Финляндскаго полка, какъ и для прочихъ полковъ, новый способъ пополненія дѣйствующихъ батальоновъ: полкъ, во время этихъ кампаній оставилъ въ Петербургѣ по одному изъ своихъ дѣйствующихъ батальоновъ, въ турецкую войну—3-й батальонъ, а въ Польскую—2-й. Эти батальоны, оставаясь только по наименованію дѣйствующими, въ дѣйствительности исполняли назначеніе запасныхъ батальоновъ: принимая рекрутъ, они, при помощи кадровъ, подготовляли значительное число молодыхъ воиновъ, которыми комплектовали по мѣрѣ надобности дѣйствующіе батальоны.

Но и такой порядокъ вещей имѣлъ свои серьезные недостатки.

Содержа, въ мирное время, полкъ 3-хъ-батальоннаго состава, изъ хорошо подготовленныхъ людей, неразсчетливо было ослаблять дѣйствующую часть выдѣленіемъ изъ нея цѣлой трети, для составленія резервовъ. Поэтому рѣшено было имѣть запасъ войскъ, не содержимыхъ въ мирное время, но обязанныхъ являться подъ знамена, по первому распоряженію. Для этого, воспользовались сокращеніемъ обязательнаго срока службы на два года, произведеннымъ въ 1834 году, когда Императоръ Николай Павловичъ уменьшилъ срокъ дѣйствительной службы съ 22-хъ лѣтъ на 20. Въ эти два года солдатъ считался въ безсрочномъ отпуску и, состоя въ спискахъ военнаго вѣдомства, получалъ чистую отставку только по ихъ истеченіи. Эти-то безрочно-отпускные и составили контингентъ, долженствовавшій образовывать, въ военное время, запасные полубатальоны *.

На походѣ.

Для составленія гвардейскихъ запасныхъ полубатальоновъ, назначались безсрочно-отпускные нѣкоторыхъ центральныхъ русскихъ губерній [70]. Они, въ случаѣ призыва, собирались въ Москву. Безсрочно-отпускные гвардейскихъ полковъ прочихъ губерній были на особомъ счету и причислялись, въ случаѣ надобности, къ дѣйствующимъ батальонамъ. Но такъ какъ, съ прибытіемъ ихъ, въ частяхъ оказался бы сверхкомплектъ, то, въ мирное время, всѣ полки, а въ числѣ ихъ и Л.-Гв. Финляндскій, не содержали по 150 человѣкъ т. е. столько людей, сколько увольнялось изъ полка въ безсрочный отпускъ въ тѣ губерніи, которыя, по росписанію, не были назначены для формированія запасныхъ батальоновъ.

---

* Описаніе резервныхъ и запасныхъ частей Л. Гв. Финляндскаго полка имѣетъ въ своей основѣ изслѣдованіе о нихъ взятое изъ Исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка Ф. Ростковскаго, 1881 года.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ, увольняя своихъ людей въ безсрочный отпускъ, руководствовался общими по этому предмету положеніями, сущность которыхъ состояла въ слѣдующемъ. Ежегодно составлялись команды по губерніямъ и путямъ слѣдованія, изъ нижнихъ чиновъ, имѣвшихъ право на отпускъ. Команды эти, отправлявшіяся по мѣстамъ ихъ назначенія, вручались офицерамъ, желавшимъ воспользоваться отпускомъ, а при неимѣніи таковыхъ, особо назначавшимся для этой цѣли. Составленіе командъ и распредѣленіе офицеровъ по партіямъ дѣлалось въ дивизіонныхъ и корпусныхъ штабахъ. Безсрочно-отпускные увольнялись въ казенномъ платьѣ (мундиръ, панталоны, шинель, шапка и ранецъ), которое они должны были, по возможности, сохранить въ исправности, до полученія отставки, что награждалось выдачею денежныхъ премій.

Чтобы безсрочно-отпускные не отставали отъ службы и не забывали всѣхъ ея требованій, установлены были ежегодные ихъ сборы. По назначенію военнаго министерства, безсрочно-отпускные прибывали къ указаннымъ имъ, ближайшимъ къ мѣсту ихъ жительства, полкамъ; пробывъ тамъ нѣкоторое время, они снова распускались по домамъ послѣ лѣтнихъ или осеннихъ занятій войскъ.

На время этихъ сборовъ, комиссаріатскія депо доставляли обмундированіе для безсрочно-отпускныхъ, которымъ они пользовались только во время своей службы. На то же время артиллерійское вѣдомство снабжало ихъ изъ своихъ складовъ оружіемъ.

По прибытіи людей на сборные пункты одежда ихъ осматривалась и тѣмъ изъ нихъ, которые безукоризненно сохранили ее, выдавалось отъ казны 4 р., а прочимъ, одежда которыхъ признавалась настолько хорошей, что могла прослужить все время сбора, по 1 руб. на человѣка [71].

На время сборовъ безсрочно-отпускныхъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ, какъ и другіе полки, командировалъ въ нѣкоторые пункты своихъ офицеровъ, обязанныхъ вести всѣмъ занятіямъ особые журналы, представлявшіеся, по ихъ прибытіи къ полку, высшему начальству по командѣ. Въ 1842 г., положено было имѣть для каждаго изъ гвардейскихъ, а въ томъ числѣ и Л.-Гв. Финляндскаго полка, по одному полному батальону изъ безсрочно-отпускныхъ въ „кадренномъ составѣ" [72].

Для замѣщенія въ запасныхъ батальонахъ офицерскихъ должностей, установлены были, въ 1841 году, и для офицеровъ безсрочные отпуски, которыми имѣли право воспользоваться: штабъ-офицеры, прослужившіе въ этомъ чинѣ пять и оберъ-офицеры, прослужившіе всего 15 лѣтъ.

Такимъ образомъ, уже съ 1842 года Л.-Гв. Финляндскій полкъ, въ случаѣ похода, не имѣлъ болѣе надобности оставлять въ мѣстѣ своего квартированія одинъ изъ батальоновъ: сформированіе кадра запасной части вполнѣ обезпечивало возможность обученія рекрутъ и пополненіе убыли полка. Мало того, запасный батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, имѣя свое знамя *, могъ, безъ всякаго затрудненія, быть 4-ымъ батальономъ дѣйствующимъ.

Безсрочно-отпускнымъ дѣлались смотры и такъ какъ вообще результаты были очень хороши, а притомъ признано было полезнымъ увеличить численный составъ запаса, то,

* Знамя освящено было 9-го мая 1837 г. Оно было такого же рисунка какъ и другихъ баталіоновъ полка (см. пр. по Гв. Кор. 1837 г. №№ 108 и 113 и по Л.-Гв. Финл. п. 6-го мая 1837 г.).

въ 1845 году, послѣдовало распоряженіе объ оставленіи на родинѣ „впредь до повелѣнія" нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ то время въ годичномъ отпуску и, кромѣ обыкновеннаго назначенія въ безсрочный отпускъ, уволены были въ годовой всѣ женатые, не имѣвшіе при себѣ семействъ (кромѣ Сибирскихъ и Астраханской губерній, Кавказа, Бессарабіи и Финляндіи), прослужившіе отъ 13 до 19 лѣтъ, а въ случаѣ неимѣнія таковыхъ даже до 5 лѣтъ службы [73]. Это распоряженіе имѣло цѣлью увеличить запасъ безсрочныхъ и уменьшить, на мирное время, составъ дѣйствующихъ частей. Слѣдовательно, въ 1845 г., Л.-Гв. Финляндскій полкъ, впервые, различалъ свой военный и мирный составъ, по числу содержимыхъ подъ ружьемъ нижнихъ чиновъ.

Съ увеличеніемъ числа запасныхъ войскъ, явилась необходимость увеличить для нихъ и число офицеровъ. Поэтому въ 1843 году, облегчены были условія для полученія офицерами права на безсрочный отпускъ, каковое, съ этого времени, пріобрѣталось: штабъ-офицерами, состоявшими въ этомъ чинѣ не менѣе 3 и оберъ-офицерами, прослужившими не менѣе 8 лѣтъ [74]. Увольняемые на этихъ основаніяхъ офицеры зачислялись: штабъ-офицеры, состоявшіе въ чинѣ 5 лѣтъ и оберъ-офицеры, прослужившіе 10 лѣтъ, въ запасные батальоны, а всѣ прочіе въ резервныя части запасныхъ батальоновъ.

Къ этому необходимо прибавить, что при сформированіи запасныхъ частей не предполагалось комплектовать ихъ исключительно нижними чинами своего полка, уволенными въ безсрочный отпускъ; въ ихъ ряды могли попадать люди и другихъ полковъ потому, что, по положенію 1834 года, запасные батальоны составлялись по губерніямъ. Такъ, 8-й запасный батальонъ, т. е. Л.-Гв. Финляндскаго полка, составлялся изъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, проживавшихъ въ губерніяхъ Тульской, Орловской и Черниговской [75].

Въ 1846 году (30-го марта) запасные батальоны приведены были въ шестисотенный составъ, сверхъ положеннаго числа унтеръ-офицеровъ, музыкантовъ и нестроевыхъ [76].

Въ февралѣ 1848 года, вслѣдствіе предвидѣвшихся военныхъ дѣйствій, послѣдовало распоряженіе о сформированіи въ Москвѣ двухъ запасныхъ батальоновъ для 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій [77].

Для составленія ихъ собраны были безсрочно-отпускные изъ губерній: Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Пермской, Вятской, Оренбургской, Казанской, Симбирской, Саратовской и Нижегородской и распредѣлены, согласно росписанію губерній, по дивизіямъ, при чемъ люди 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи составили 1-й, а 2-й дивизіи—2-й батальонъ. Въ то время, вслѣдствіе неимѣнія желѣзнодорожныхъ путей сообщенія, люди могли быть собраны, а слѣдовательно и оба запасные батальона могли быть сформированы, не ранѣе какъ черезъ $4^{1}/_{2}$ мѣсяца послѣ Высочайшаго о томъ повелѣнія.

Каждая рота этихъ двухъ батальоновъ служила кадромъ для батальона своего полка; такъ, 4-я рота 2-го батальона была Л.-Гв. Финляндскаго полка. Офицеры, назначенные въ составъ этой роты были: Подпоручикъ де-Ливронъ и Прапорщикъ Борейша 1-й. Въ то же время, на случай формированія запаснаго батальона въ полномъ его составѣ, назначены были, кромѣ указанныхъ офицеровъ, Полковникъ Ганецкій—1-й командиромъ, а на должности ротныхъ командировъ и субалтернъ-офицеровъ Поручики: Ковалинскій и Вернеръ,

Подпоручики: Фридрихсъ и Шустовъ и Прапорщики: кн. Вадбольскій и Яковлевъ. Сформированные въ Москвѣ два запасные батальона составили сводный полкъ, которымъ командовалъ Генералъ-Маіоръ Бахтинъ. 2-мъ батальономъ, въ составѣ котораго была рота, образовавшая изъ себя впослѣдствіи запасный батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, командовалъ Л.-Гв. Московскаго полка Полковникъ Масловскій.

14-го марта 1848 года послѣдовало распоряженіе о сформированіи отдѣльныхъ запасныхъ батальоновъ для каждаго изъ гвардейскихъ полковъ, а въ томъ числѣ и для Л.-Гв. Финляндскаго, и о доведеніи ихъ комплекта до состава дѣйствующихъ батальоновъ [78]. Это вызвало немедленное командированіе назначенныхъ офицеровъ * въ Москву, куда должны были собраться и всѣ безсрочно-отпускные. Офицеры были командированы изъ дѣйствующаго полка и частью взяты изъ безсрочнаго отпуска; послѣдніе должны были прибыть изъ мѣстъ своего жительства. На основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 29-го марта 1848 года таковыми оказались въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку Штабсъ-Капитаны Дурново и Симанскій, давно уже проживающіе въ своихъ имѣніяхъ [79].

1-го іюня 1848 г. запасный батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка уже явился на смотръ командира 6-го пѣхотнаго корпуса, Генералъ-отъ-Инфантеріи Тимофѣева, въ слѣдующемъ составѣ **: штабъ-офицеровъ—1, оберъ-офицеровъ—6, унтеръ-офицеровъ—17, музыкантовъ—7, рядовыхъ—412.

Представляя строевыя записки о численномъ составѣ запасныхъ батальоновъ, Генералъ Тимофѣевъ доносилъ, что „нашелъ сіи превосходныя войска по всѣмъ частямъ въ отличномъ состояніи. Люди во фронтѣ имѣютъ видъ бодрый, здоровый и веселый, церемоніальный маршъ былъ отлично хорошъ и люди исполняли во фронтѣ свои обязанности и всѣ движенія столь правильно и съ отчетливостью, какъ это могло быть произведено только войсками постоянно занимающимися фронтовымъ образованіемъ и недавнее ихъ нахожденіе въ отпуску почти не было замѣтно“.

Вскорѣ послѣ этого смотра, а именно 15-го іюня, батальонъ Полковника Ганецкаго выступилъ изъ Москвы; въ то время люди, предназначенные для пополненія рядовъ его, не всѣ еще прибыли, почему въ Москвѣ оставлено было, отъ всѣхъ батальоновъ, нѣсколько офицеровъ, которые должны были привести послѣ прибывшихъ безсрочно-отпускныхъ, въ составѣ отдѣльныхъ командъ, въ Петербургъ, къ своимъ батальонамъ.

Съ прибытіемъ запасныхъ батальоновъ въ Петербургъ, они расквартировывались въ его окрестностяхъ. Батальонъ Полковника Ганецкаго размѣстился у Царскаго Села въ дер. Кошелевой. Во время лагеря 1848 года, запасный батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, именовавшійся иногда 4-мъ батальономъ, расположенъ былъ около Кирхгофа. Онъ составлялъ временно, съ тремя дѣйствующими батальонами, одинъ 4-хъ батальонный полкъ, будучи вполнѣ подчиненъ какъ въ строевомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ командиру Финляндцевъ, Генералъ-Маіору Крылову [80].

---

* Офицеры эти не переводились въ запасный батальонъ, по Высочайшему приказу, а считались въ командировкѣ.

** По штату полагалось въ запасномъ батальонѣ: фельдфебелей 4, портупей-юнкеровъ 1, юнкеръ 1, каптенармусовъ 4, унтеръ-офицеровъ 72, барабанщиковъ 9, горнистовъ 9, флейтщиковъ 2, рядовыхъ 500 и нестроевыхъ нижнихъ чиновъ 35, а всего 637 человѣкъ.

4-го августа Государь Императоръ Николай Павловичъ дѣлалъ смотръ гвардейскимъ запаснымъ батальонамъ въ Царскомъ Селѣ, а 15-го того же мѣсяца часть людей ихъ передана была въ свои полки, съ оставленіемъ только кадра запасныхъ батальоновъ въ слѣдующемъ числѣ [81]: оберъ-офицеровъ—10, унтеръ-офицеровъ—80 и рядовыхъ—320.

Кадръ запаснаго батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ составленъ, подобно другимъ такимъ же частямъ, изъ всѣхъ безсрочно-отпускныхъ, бывшихъ въ этомъ батальонѣ и нижнихъ чиновъ дѣйствующихъ батальоновъ, выслуживающихъ сроки для полученія права на этотъ отпускъ. Всѣ же нижніе чины, поступившіе въ запасный батальонъ, изъ числа бывшихъ въ годовомъ отпуску, переведены были въ дѣйствующіе батальоны.

Въ кадръ назначались „лучшіе ефрейторы, знающіе правильно, внятно и съ терпѣніемъ обучать людей"; это было необходимо потому, что въ запасный батальонъ назначены были всѣ рекруты набора 1848 г.

Такимъ образомъ тогдашній запасный батальонъ отличался отъ прочихъ только своимъ составомъ и назначеніемъ обучать рекрутъ; во всемъ же остальномъ онъ былъ не болѣе какъ 4-й батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Е. И. В. Великая Княгиня Александра Іосифовна.
Съ портр. въ музеѣ полка.

Запасный батальонъ, въ новомъ его составѣ, былъ сформированъ [82] въ сентябрѣ 1848 г.

Съ выступленіемъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ 1849 г. въ походъ, запасный его батальонъ остался въ Петербургѣ, подъ командою Полковника Яхонтова.

Когда Л.-Гв. Финляндскій полкъ возвратился въ Петербургъ, запасный его батальонъ опять присоединился къ нему [83], а въ 1850 году, послѣ лагеря, онъ былъ совершенно расформированъ: знамя сдано въ с.-петербургскій арсеналъ, а оружіе въ артиллерійское вѣдомство; лошади были проданы, люди распущены [84] съ такимъ разсчетомъ, чтобы положенное штатное число чиновъ кадроваго состава запаснаго батальона, числясь въ отпуску, было всегда въ готовности явиться въ полномъ комплектѣ. Съ этою цѣлью, на случай убыли изъ состоящихъ въ запасѣ въ отставку или по другимъ при-

чинамъ, уволено было нѣкоторое число нижнихъ чиновъ въ годовой отпускъ. Нижніе же чины, не подлежавшіе затѣмъ къ отпуску, зачислены были въ дѣйствующіе батальоны; такихъ было только 179 человѣкъ [85]. Одновременно съ этимъ, число не содержимыхъ въ мирное время было увеличено: вмѣсто прежнихъ 150 человѣкъ положено имѣть въ постоянныхъ отпускахъ въ мирное время 300 человѣкъ въ полку [86].

Два года спустя, явилась необходимость вновь сформировать кадры запасныхъ батальоновъ, что и было выполнено въ 1853 году въ Москвѣ [87].

Кадръ батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка по этому новому положенію былъ составленъ изъ слѣдующаго числа чиновъ: унтеръ-офицеровъ — 4, барабанщикъ — 1, горнистъ — 1, рядовыхъ — 16, нестроевыхъ—5, фурштатовъ—2.

Люди эти выбраны были изъ числа прослужившихъ отъ 7 до 12 лѣтъ и знающіе портняжное и сапожное мастерство.

Главное назначеніе кадровъ состояло въ присматриваніи за доставленными изъ Петербурга въ Москву складами обмундированія, вооруженія и обозовъ, по полному составу запасныхъ батальоновъ.

Изъ офицеровъ назначены были Капитанъ Тизенгаузенъ и Поручикъ Гладышевъ.

Кадры всѣхъ 12 гвардейскихъ батальоновъ ввѣрены были Л.-Гв. Финляндскаго полка Полковнику Яхонтову 2-му, который, пользуясь правами полковаго командира и вполнѣ завися отъ Е. И. Высочества главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, былъ подчиненъ, „по наружности“, командиру 6-го корпуса, квартировавшаго въ Москвѣ.

Офицеры кадровъ запаснаго батальона считались въ командировкѣ, а нижніе чины были вовсе исключены изъ списковъ, но, въ видахъ сокращенія интересовъ казны, вакансіи этихъ исключенныхъ людей не замѣщались *.

Въ такомъ состояніи оставались кадры запаснаго батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка до сформированія изъ нихъ въ 1854 году запаснаго батальона. Распоряженіе, по этому предмету, состоялось въ началѣ означеннаго года и въ росписаніи войскъ того времени, исправленномъ по 25 февраля, запасный батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка показанъ, квартирующимъ вблизи г. Москвы въ с. Марфино, подъ командою Полковника Ганецкаго I. Тогда батальонъ былъ силою въ 600 человѣкъ.

10 марта того же 1854 года онъ былъ перечисленъ [88] въ 4-й дѣйствующій и окончательно укомплектовался по прибытіи въ Петербургъ. Лѣто 1854 года батальонъ провелъ въ авангардномъ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ. Въ то же время сформированъ былъ новый батальонъ, названный 5-мъ запаснымъ въ составѣ: 10 офицеровъ, 620 строевыхъ и 35 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ. Онъ фармировался въ Петергофскомъ уѣздѣ въ сел. Русское Капорское и сосѣднихъ селахъ [89]. Въ августѣ 1854 г., когда Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ приказаніе о выступленіи въ походъ къ западнымъ границамъ Имперіи, 4-й батальонъ былъ отъ него откомандированъ и, составивъ вмѣстѣ съ 5 батальономъ сводный полкъ [90], подчиненъ былъ Полковнику Ганецкому 1. 14-го августа того же года выдѣлены были кадры для новаго 6-го запаснаго батальона, и отпра-

* Въ это время не содержалось въ мирное время въ Л.-Гв. Финл. п. 510 нижнихъ чиновъ, такъ что само собою являлось два состава: мирнаго и военнаго времени.

влены въ Красное Село; въ то же время 5-й батальонъ былъ переименованъ [91] въ резервный и доведенъ до 1000-го состава, а гвардейская запасная дивизія переименована была въ гвардейскую резервную, состоявшую изъ трехъ резервныхъ бригадъ. Каждая изъ нихъ состояла изъ четырехъ 5-ыхъ резервныхъ и четырехъ 6-ыхъ запасныхъ батальоновъ. Такимъ образомъ, 4-ые и 6-ые батальоны 1-й дивизіи составляли 1-ю бригаду, такіе же батальоны 2-й дивизіи—2-ю, а 3-й—3-ю гвардейскія резервныя бригады; батальоны Л.-Гв. Финляндскаго полка входили слѣдовательно въ составъ 2-й бригады.

Въ резервные батальоны Л.-Гв. Финляндскаго полка назначены были офицеры: въ 5-й по 1000-му составу—14, а въ 6-й по 600-му—10 человѣкъ на батальонъ; 4-й же дѣйствующій былъ тогда уже вполнѣ укомплектованъ, какъ офицерами такъ и нижними чинами наравнѣ съ прочими батальонами полка. Разсчетъ этотъ былъ принятъ какъ нормальный, но въ то же время допущено было, въ видѣ временной мѣры, уравнять, по усмотрѣнію ближайшаго начальства, какъ численность офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ между батальонами. Обозъ былъ также уравненъ, полагая за норму въ каждомъ батальонѣ: резервномъ—8 повозокъ; въ запасномъ—4 повозки [92].

Съ выступленіемъ гвардіи въ походъ, въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ остались слѣдующія части Л.-Гв. Финляндскаго полка: 4-й батальонъ дѣйствующій, расположенный въ с. Макслаксѣ (недалеко отъ Выборга, на берегу Финскаго залива), 5-й резервный и 6-й запасный батальоны. Всѣ они 17 сентября 1854 года составили Л.-Гв. Финляндскій резервный полкъ.

Батальоны прочихъ полковъ были также соединены въ соотвѣтствующіе резервные полки, которые, вмѣстѣ съ Л.-Гв. Финляндскимъ резервнымъ, составили три резервныя гвардейскія пѣхотныя дивизіи, образовавшія гвардейскій резервный пѣхотный корпусъ [93].

Хотя Л.-Гв. Финляндскій резервный полкъ составленъ былъ всецѣло изъ безсрочно-отпускныхъ и частью рекрутъ, со включеніемъ небольшого кадра изъ дѣйствующихъ батальоновъ *, но первые изъ нихъ во время своей прежней долголѣтней службы, настолько усвоили всѣ тогдашнія требованія, а молодые были настолько хорошо подготовлены, подъ руководствомъ опытнаго въ дѣлѣ обученія солдатъ командира Л.-Гв. Финляндскаго резервнаго полка, что смотры и парады, въ которыхъ приходилось имъ участвовать, доставляли удовольствіе Императору Николаю Павловичу, всегда благодарившему, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, Полковника Ганецкаго. Такъ, на Высочайшемъ смотру 23 сентября 1854 года, Его Величество нашелъ эти части въ столь блестящемъ во всѣхъ отношеніяхъ видѣ, что онѣ „не только удовлетворили ожиданія" Государя, „но даже превзошли ихъ" [94]. Особенность же, отличавшая людей Л.-Гв. Финляндскаго резервнаго полка, была увѣренность въ себѣ, бойкость и извѣстнаго рода развитость въ изложеніи своихъ отвѣтовъ передъ начальствомъ. Это очень нравилось Государю и Его Величество, на церковномъ парадѣ, по случаю полкового праздника въ 1854 году, сказалъ Полковнику Ганецкому: „Я тебя благодарю не за церемоніальный маршъ и смотръ, которые у тебя всегда хороши, а за тотъ молодецкій видъ, молодцеватость твоихъ солдатъ и ихъ разумные отвѣты".

* Каждая рота дѣйствующихъ батальоновъ отдѣлила, какъ для 4-го такъ и для 5-го резервнаго батальоновъ по 5 унтеръ-офицеровъ, 15 ефрейторовъ, 1 барабанщику и 1 горнисту.

Л.-Гв. Финляндскій резервный полкъ, со времени своего сформированія, составилъ совершенно отдѣльную единицу. Онъ имѣлъ свое отдѣльное хозяйство *, свой обозъ и даже свою музыку **, а батальоны его имѣли свои знамена ***.

Лѣто и осень 1854 года были проведены резервными частями Л.-Гв. Финляндскаго полка въ формированіи 5-го и 6-го батальоновъ [95] и составленіи изъ нихъ и 4-го дѣйствующаго батальона Л.-Гв. Финляндскаго резервнаго полка.

Осенью того же года, занявъ казармы дѣйствующаго полка, резервный полкъ размѣстилъ свои 4-й и 5-й батальоны въ Петербургѣ, а третій былъ то въ Парголовѣ, то въ казармахъ Л.-Гв. Литовскаго полка, то въ С.-Петербургской крѣпости. Команда штуцерныхъ резервнаго полка помѣщалась нѣкоторое время въ казармахъ Своднаго Казачьяго полка, которыя и очистила 22 октября, перейдя въ казармы Л.-Гв. Финлядскаго полка.

Полковой праздникъ 1854 года былъ первый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и славный смотръ, на которомъ всѣ чины Л.-Гв. Финляндскаго резервнаго полка удостоились особенно милостивыхъ словъ благодарности Императора. Послѣ этого Высочайшаго смотра, 6-й батальонъ выступилъ, подъ командою Полковника Перловскаго, въ загородное расположеніе, въ село Путилово, Шлиссельбургскаго уѣзда, а 4 и 5 батальоны остались для защиты столицы.

Съ осени 1854 года Л.-Гв. Финляндскій резервный полкъ находился весьма далеко отъ дѣйствующаго, отправленнаго тогда въ Литву; походъ этотъ продолжался до самой коронаціи Императора Александра II, когда обѣ части Л.-Гв. Финляндскаго полка соединились вновь. До этого же Л.-Гв. Финляндскій резервный полкъ, оставаясь въ Петербургѣ, входилъ въ составъ войскъ, предназначенныхъ для обороны столицы, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же посылалъ укомплектованія въ дѣйствующій полкъ; такъ, въ мартѣ 1855 года была имъ отправлена команда въ 600 нижнихъ чиновъ.

По общему росписанію войскъ С.-Петербургскаго раіона, къ 15 апрѣля 1855 г., всѣ силы его распредѣлялись слѣдующимъ образомъ [96].

1) Гарнизонъ Петербурга (Генерала Фролова) — 7³/₄ бат. 8¹/₂ эск. 20 ор. 2) Подвижной резервъ въ С.-Петербургѣ и окрестностяхъ (Генерала Арбузова) — 13¹/₂ бат. 15 эск. 56 ор. (сюда входили 4 и 5 батальоны 2-й гвард. пѣхотной резервной дивизіи, а въ ихъ числѣ и Л.-Гв. Финляндскій резервный полкъ). 3) Промежуточный отрядъ къ сторонѣ Выборга (у Макслакса, Сестрорѣцкаго завода и Новой Кирки) (Генералъ Матрасенко)—3¹/₄ бат. 4 эк. 8 ор. 4) Промежуточный отрядъ къ сторонѣ Нарвы (Капорскій, Ораніенбаумскій

Медаль кампаніи 1853—1856 гг.

* До соединенія баталіоновъ въ резервный полкъ, каждый изъ нихъ имѣлъ своего казначея и квартермистра въ одномъ лицѣ и свое отдѣльное хозяйство.

** Въ пр. по Гв. Кор. 1855 г. № 356 за сформированіе хора музыки объявлена благодарность Ген.-М. Ганецкому.

*** Пр. по Гв. Кор. 1854 г. № 220 и Арх. Шт. Пет. в. Окр. Дѣло 1855 г. Отд. 2 № 41 и 1854 г. Отд. резерв. № 8. Знамена были выданы: 4 и 5 баталіонамъ въ 1854 г., при ихъ сформированіи, а 6-му—10-го іюня 1855 г. также при сформированіи этого баталіона (рапортъ командира Л.-Гв. Финл. п. 1858 г. № 2377).

и Петергофскій) (Генерала Ланскаго) — $9^1/_2$ бат. 16 эск. 32 ор. и 5) Въ гарнизонахъ Выборга, Нарвы и Ревеля — 16 бат. 8 ор. Всего — 50 бат. $43^1/_2$ эск. 124 ор.

При объявленіи нѣкоторыхъ частей Петербурга (Нарвская, 4-я Адмиралтейская, Васильевская, Петербургская и Выборгская) на военномъ положеніи, на Васильевскомъ островѣ, какъ и въ другихъ частяхъ города, установлено было особое военное губернаторство, назначенъ былъ главный караулъ въ галерномъ портѣ и разъѣзды по острову. Вмѣстѣ съ тѣмъ установлены были нѣкоторыя правила предосторожности, вызывавшіяся военнымъ положеніемъ участка и составлены были предположенія: о перемѣщеніи жителей въ другія, болѣе отдаленныя части столицы, приведеніи нѣкоторыхъ домовъ въ оборонительное положеніе, размощеніи улицъ, усиленіи пожарныхъ командъ, назначеніи перевязочныхъ пунктовъ и т. п.

Такъ какъ въ то время 6-й батальонъ еще не былъ окончательно сформированъ, то въ нарядъ на службу, для содержанія карауловъ, сначала назначались только 4-й и 5-й батальоны Л.-Гв. Финляндскаго резервнаго полка, входившіе въ составъ подвижного резерва С.-Петербурга. Изъ этихъ двухъ батальоновъ 5-й занималъ караулъ на островахъ, очередуясь со 2-мъ учебнымъ карабинернымъ полкомъ такимъ образомъ, что изъ 8-ми дней два дня стоялъ караулъ 5-го батальона Финляндскаго резервнаго полка, а остальные 6 дней—отъ ротъ Карабинернаго полка.

На случай приближенія непріятеля, сдѣланы были весьма подробныя указанія о размѣщенія войскъ подъ Петербургомъ [97]:

Лѣто 1855 г. Л.-Гв. Финляндскій резервный полкъ провелъ частью въ лагерѣ на Смоленскомъ полѣ (въ 1-й и 3-й очереди), частью въ казармахъ. При немъ временно состояла Новгородская № 8 дружина (дружины №№ 5, 6 и 7 состояли при остальныхъ полкахъ 2-й гвард. резерв. дивизіи).

Время, пережитое Л.-Гв. Финляндскимъ резервнымъ полкомъ въ составѣ войскъ, оборонявшихъ Петербургъ, было замѣчательно массой новыхъ указаній и распоряженій, касавшихся самыхъ существенныхъ сторонъ военнаго дѣла, главнымъ образомъ, стрѣльбы и тактическихъ пріемовъ. Всѣ многочисленныя нововведенія, проводимыя тогда въ войска, переносились прямо съ театра военныхъ дѣйствій по опытамъ, бывшимъ у всѣхъ на виду. Поэтому, эти реформы вводились настойчиво, а при ихъ многочисленности и разнообразіи онѣ вызывали непрестанные труды, которые приходилось тогда преодолѣвать Л.-Гв. Финляндскому резервному полку.

Осенью 1855 года Л.-Гв. Финляндскій резервный полкъ былъ отправленъ въ Москву, что было вызвано предположеніемъ, какъ говорили тогда, двинуть его на театръ военныхъ дѣйствій; однако, начавшіеся переговоры, а потомъ—заключеніе мира остановили дальнѣйшее его движеніе.

Передвиженіе полка въ Москву было совершено по желѣзной дорогѣ; это былъ первый случай пользованія Финляндцами новымъ способомъ передвиженія.

5-го сентября состоялся этотъ переѣздъ; подъ всѣ роты вмѣстѣ съ новгородскою № 8 дружиною ополченія, слѣдовавшею съ Финляндцами, было отведено семь поѣздовъ.

Въ Москвѣ полкъ расположился частью въ городѣ, въ Хамовническихъ казармахъ и частью въ Звенигородскомъ и Дмитровскомъ уѣздахъ. Въ началѣ ноября 1855 года, онъ

былъ расположенъ въ 60-ти верстахъ отъ Москвы, въ гор. Вознесенскѣ. Въ томъ же мѣсяцѣ два батальона переведены были въ Москву въ Хамовническія казармы, а одинъ батальонъ оставленъ въ Вознесенскѣ.

Въ Москвѣ резервный полкъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ празднествъ, по случаю торжества священнаго коронованія Ихъ Величествъ. По отбытіи Императора Александра Николаевича изъ Москвы, Л.-Гв. Финлядскій резервный полкъ былъ 28 сентября 1856 года расформированъ [98]. Большинство людей, состоявшихъ въ немъ, какъ прослужившіе 13, 14 и 15 лѣтъ, были, на основаніи послѣдовавшаго тогда повелѣнія, распущены по домамъ, а остальные переданы въ дѣйствующій полкъ. Офицеры резервнаго полка были тоже переведены въ дѣйствующій [99].

Такимъ образомъ слились оба полка и составили попрежнему одинъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ 3-хъ батальоннаго состава.

Соединеніе это нельзя было не привѣтствовать; существованіе раздвоенности въ полку, гдѣ все должно быть объединено властью одного командира, весьма вредно отражалось прежде всего на службѣ, а потомъ и на духѣ полка; сепаратизмъ невольно проскальзывалъ въ отношеніяхъ между представителями резервнаго и дѣйствующаго полковъ. Переписка того времени подтверждаетъ это вполнѣ, а слѣдующая приводимая полностью бумага рельефно показываетъ, какъ неправильна была въ своей основѣ идея раздѣленія полка и до какой степени отношенія между двумя командирами частей полка обострялись.

14 января 1855 года, въ бытность Л.-Гв. Финляндскаго дѣйствующаго полка въ Вильнѣ, командиръ его Генералъ-Маіоръ графъ Ребиндеръ писалъ слѣдующее командовавшему резервнымъ полкомъ, Полковнику Ганецкому [100].

„Предписаніемъ, даннымъ Вашему Высокоблагородію 8 сентября 1854 года за № 5324, я поставилъ Васъ въ извѣстность, что согласно съ волей Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, объявленной по командѣ въ предписаніи дежурства 4 Гвардейской пѣхотной бригады отъ 5 сентября 1854 года за № 3724, я поручилъ завѣдываніе всей хозяйственной и экономической частью полка полковому казначею г. Поручику Котову и просилъ Ваше Высокоблагородіе приказать доставлять ко мнѣ ежемѣсячно отчеты по части полкового казначея и квартермистра.

„Нынѣ, по дошедшимъ до меня извѣстіямъ, завѣдываніе полковыми дровами передано г. Поручику Бухвостову въ противорѣчіе сдѣланнымъ мной на сей предметъ распоряженіямъ.

„По сему предписываю Вашему Высокоблагородію донести мнѣ, съ полученія сего:

1) По какой причинѣ и по чьему распоряженію, безъ предварительнаго сношенія со мной Поручикъ Котовъ передалъ завѣдываніе дровами.

2) На основаніи какихъ распоряженій начальства, повидимому опровергающихъ содержаніе вышеупомянутаго предписанія дежурства 4 гвардейской пѣхотной бригады за № 3724, Ваше Высокоблагородіе ввели систему раздѣленія общей экономіи по хозяйству на двѣ категоріи: дѣйствующаго и резервнаго полка, совершенно въ противность моего предписанія даннаго Вамъ 8 сентября за № 5324?

3) Почему г. Поручикъ Бухвостовъ, состоящій въ должности полкового квартермистра резервнаго полка, до сихъ поръ не представилъ мнѣ ни одного отчета по своей

части, несмотря на предписанія, данныя: Вашему Высокоблагородію отъ 8-го сентября за № 5324, и повторенное г. Поручику Бухвостову 29 октября истекшаго года за № 5567".

Подобнаго рода предписанія могли конечно существовать только при ненормальномъ раздѣленіи полка на дѣйствующій и резервный. Вотъ почему расформированіе резервнаго полка явилось въ принципѣ весьма желательнымъ.

Время расформированія Л.-Гв. Финляндскаго резервнаго полка относится къ началу царствованія Императора Александра II, т. е. ко вступленію Л.-Гв. Финляндскаго полка въ третью четверть его вѣковой службы.

Оглядываясь же на только что минувшую тогда для полка вторую четверть его служенія, заключавшуюся между 1825 и 1855 годами, т. е. во все продолженіе царствованія Императора Николая I, можно придти къ выводу, что за означенное время служба Финляндцевъ были славной и доблестной какъ въ мирѣ, такъ и на войнѣ: первое было доказано днемъ 14-го декабря 1825 года, второе—подвигами полка въ сраженіяхъ подъ Варной въ 1828 году и подъ Варшавой въ 1831 году.

Такимъ образомъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ за вторую четверть своего служенія пріобрѣлъ себѣ новые лавры и еще болѣе поднялъ свое славное имя.

Первое передвиженіе гвардейцевъ по желѣзной дорогѣ
Съ иллюстраціи 1850-хъ годовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧАСТИ II-ой.

ГЛАВА I.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ день 14-го декабря 1825 года.

ГЛАВА II.

Мирное время передъ походами 1828—1829 г.г. и 1831 года.—Жизнь батальоновъ полка, оставшихся въ С.-Петербургѣ за время Турецкой и Польской войнъ 1828—1831 годовъ.

ГЛАВА III

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ войнѣ съ Турціей 1828 года.

ГЛАВА IV.

Выступленіе въ походъ.—Дѣйствія у Остроленки.—Дѣло у Соколова (Якаца) 5-го мая.—Дѣло у д. Рунки 8-го мая.

ГЛАВА V.

Сраженіе у Тыкочина 9-го мая.—Окончаніе отступательнаго маршъ-маневра гвардіи.—Движеніе къ Варшавѣ.—Августѣйшіе Шефы полка Цесаревичъ Константинъ Павловичъ и Великій Князь Константинъ Николаевичъ.—Полкъ подъ Варшавой.

ГЛАВА VI.

Штурмъ Варшавы 25-го и 26-ое Августа — Окончаніе войны.

ГЛАВА VII.

Мирное время 1830—50 г.г. — Положеніе полка. — Командиры. — Августѣйшій Шефъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. — Важнѣйшія событія. — Первая исторія Л.-Гв. Финляндскаго Генерала А. Марина 1846 года.

ГЛАВА VIII.

Мирное время 1830-1850 г.г. — Строевая служба.

ГЛАВА IX.

Стрѣлковое дѣло 1825-1855 г.г.

ГЛАВА X.

Караульная служба 1825-55 г.г.—Дисциплина.—Грамотность.—Положеніе офицеровъ и нижнихъ чиновъ.—Школа кантонистовъ.

ГЛАВА XI.

Организація полка 1825-55 г.г.—Хозяйство.—Казармы.—Обозы.—Обмундированіе.—Санитарно-медицинская часть.—Церковь.—Музыка.

ГЛАВА XII.

Венгерскій походъ 1849 года.—Оборона Балтійскаго побережья 1854 года.—Походъ 1854-1855 г.г.—Запасныя и резерныя части Л.-Гв. Финляндскаго полка за время царствованія Императора Николая 1-го.

ГЛАВА I.

1.—Донесеніе слѣдственной Комиссіи, отъ 30-го мая 1826 года. Библіотека Стрѣльнинскаго Дворца.

2.—М. Фонъ-Визинъ „Обозрѣніе проявленій политич. жизни въ Россіи". М. Семевскій 1905 г. „Обществ. движ. въ Россіи".

3.—Послужной списокъ Имп. Николая I Арх. Канц. Воен. Мин. 1831 г., № 132/2459.

4.—„Русскій Инвалидъ" 29 ноября 1825 г., № 284.

5.—Записки бар. Е. Розена 1870 г., Лейпцигъ.

6.—Добавленіе къ приказу по Л.-Гв. Финл. полку 1825 г. ноября 27-го и прик. по полку 7-го декабря 1825 года.

7.—Прик. по Гвард. Корпусу 1825 г. декабря 11-го.

8.—Прошеніе Цесаревича на Высоч. Имя 14 янв. 1822 года. Арх. Канц. Воен. Мин-ства, 1825 г., № 42/116.

9.—Н. Шильдеръ „Императоръ Николай I" 1903 г. Т. I, стр. 281.

10.—Происшествіе 14-го дек. 1825 г. и участіе въ немъ Л.-Гв. Финляндскаго полка написаны на основаніи слѣдующихъ источниковъ: Приказъ по Л.-Гв. Финляндскому полку 1825 г. декабря мѣсяца. Подробное описаніе составленное въ Главномъ Штабѣ (Московское Отдѣл. Арх. Главн. Шт. опись 183, связка 529, дѣло № 133 и Архивъ Канцеляріи Воен. Минист. 1831 г. дѣло № 132/2452). Камеръ-Фурьерскій журн. 1825 года декабря 14-го (Общ. Арх. Минист. Имп. Двора опись 28/1618, кн. № 128). Послужной списокъ Императора Николая I. (Арх. Канц. Воен. Мин. 1831 г. дѣло № 132/2452). Высочайшіе приказы 1825 г. декабря мѣс. Высочайш. Указы Капитулу Россійск. Орденовъ (Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. I. Отд. II. 1825 г. Инспекторскаго Департ. № 1226, оп. 153 В. Св. 8, листъ 2), Донесеніе Слѣдств. Комис. 30-го мая 1826 года (Библ. Стрѣльн. Дворца). Дѣла Госуд. Арх и Дѣла Арх. Департ. полиціи, указан. ниже. Записки нѣкоторыхъ декабристовъ. Сочиненія Н. Шильдера „Императоръ Николай I". Исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка Ф. Ростковскаго и источники, указанные въ выноскахъ.

11.—Прик. по Л.-Гв. Финляндскому полку 1825 г. декабря 13-го.

12.—Ibid. декабря 12-го.

13.—Ф. Ростковскій. Истор. Л.-Гв. Финляндскаго полка Отд. I, стр. 285, прим. 5-е.

14.—Прик. по Л.-Гв. Финляндскому полку 1825 г. декабря 13-го.

15.—Ф. Ростковскій. Истор. Л.-Гв Финляндскаго полка Отд. I, стр. 286.

16.—Н. Шильдеръ. „Императоръ Николай I" 1903 г. Томъ I, стр. 282.

17.—Подробное описаніе происшествія 1825 г. декабря 14-го. Архивъ Канц. Воен. Мин. Дѣло № 132—2452 1831 года.

18.—Записки В. И. Фелькнера. „14 декабря 1825 года" „Русская Старина" 1870 г. № 8.

19.—Общ. Арх. Мин. Импер. Двора. Камеръ-Фурьерск. журн. Его Величества 1825 г. дек. 14. Опись 28—1618, книга № 128

20.—Арх. Канц. Воен. Мин. 1831 г. Дѣло № 132—2452.

21.—Н. Пестриковъ. Ист. Л.-Гв. Московскаго полка. 1905 г, т. II, стр. 34.

22.—Записки барона В. Штейнгеля. „Общест. движеніе въ Россіи въ первую половину XIX вѣка", т. I. 1905 г. В. Семевскій, Богучарскій и П. Щеголевъ.

23.—„Л.-Гв. Конный полкъ 1825 г. декабря 14-го". Записка Князя Алекс. Суворова. „Русск. Стар." 1881 г. № 2. стр. 209.

24.—Рапортъ Л.-Гв. Финляндскаго полка 1825 г. декабря 15-го № 5070. Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1826 г. III Отд. 15 предм. № 289.

25.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1826 г. III Отд. 15 предм., № 290.

26.—Ibid. № 289.

27.—Памятныя замѣтки Е. Н. Моллеръ. „Русская Старина“, 1890 г. № 5.
28.—Высочайшій прик. 17-го декабря 1825 г.
29.—Прик по Л.-Гв. Финляндскому полку 24-го декабря 1825 г.
30.—Исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка, Ф. Ростковскій, отд. I, стр. 290 и Исторія Л.-Гв. Московскаго п. Н. Пестриковъ, 1905 г. Томъ II, стр. 42.
31.—„Военн. Сборн.“ 1896 г. № 7.
32.—„Собственноручная записка Императора Александра I“ 1824 г. „Русская Старина“ 1883 г. № 12, стр. 659.
33.—Архивъ Департ. Полиціи, дѣло № 19, часть 3, 1822 года. Арх. Канц. Воен. Мин. дѣло № 16, I арміи, 1826 г.
34.—Арх. Канц. Воен. Мин., дѣло № 16, I арміи 1826 года и Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1822 г. 3079, № 2.
35.—Ibid.
36.—Арх. Канц. Воен. Мин., секрет. отд. I арміи 1825 г. Дѣло № 9.
37.—Арх. Деп. Полиціи дѣло № 61, часть I 1826 г., экспед. I.
38—Донесеніе слѣдственной комиссіи 30-го мая 1896 г. Библ. Стрѣльн. дворца.
39.—Арх. Департ. Полиціи, дѣло № 61, часть II 1826 г. Экспед. I.
40.—Записки Н. А. Бестужева „Истор. Вѣстн.“ 1904 г. № 4, стр. 128

ГЛАВА II.

1.—Приказъ по Л.-Гв. Финляндскому полку 1825 г. 17-го декабря.
2.—Прик. Начальн. Шт. Е. Имп. Вел. 18-го января 1826 г. № 5. Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр., 1825 г. № 75, 3-го отдѣла.
3.—Прик. по Гвард. Корп. 1826 г. № 27 и 35. Арх. Общій Мин. Имп. Двора, 1827 г., оп. 352, № 92, Выс. Указъ № 1446.
4.—Н. Шильдеръ. Имп. Александръ I, т. IV, стр 441.
5.—Вход. и исх. журн. Л.-Гв. Финляндскаго полка 1826 г. № 730 и № 866.
6.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1826 г. 3 отд. 10 предм. № 44.
7.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Инсп. Деп. 1831 г. 3 ст., 2 отд., № 934, ч. 1-я, св. 874.
8.—Ibid.
9.—Вход. и исход. Журн. Л.-Гв. Финляндскаго полка 1826 г., № 67.
10.—Вход. и исход. Журн. Л.-Гв. Финляндскаго полка 1826 г., № 68, 219, 228.
11.—Арх. Канц. Воен. Мин-ства, 1826 г. № 161/52.
12.—Ibid.
13.—Напечатанное отдѣльной книжкой „Росписаніе войскъ Московскаго отряда Гвард. Корп. 26 го іюля 1826 г.“ Библіот. Стрѣльнинскаго Дворца.
14.—Ibid.
15.—Арх. Канц. Воен. Мин. 1826 г., № 161/52.
16.—Воспоминанія Н. А. Титова. „Древняя и Новая Россія.“ 1878 г., т. III., № 12.
17.—Записки офицера подъ заглавіемъ: „25 лѣтъ въ Л.-Гв. Егерскомъ полку.“ „Воен. Сборникъ“. 1877 г. № 1.
18.—Записки кн. Н. С. Голицына. „Русская Старина“. 1881 г., № 1, стр. 39 и 40.
19.—Арх. Общій Минист. Импер. Двора, опись 352, № 91, указы 13 и 23 сент. 1826 г.
20.—Прик. по Гвард. Корп. 1826 г. № 122.
21.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 3 отд. № 205, предм. 18, 1825 г.
22—Воспоминанія Н. А. Титова.
23.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Инсп. Департ. 4 ст., 2 отд., св. 719, № 1151, 1828 г.
24—Высоч. Грамата 30 сентября 1828 года.
25.—Воспоминанія Н. А. Титова.
26.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Мѣс. рап. полка 1827 г., № 9257.
27.—Воен. Сборн. 1877 г. № 1 „25 лѣтъ въ Л.-Гв. Егерскомъ полку“.
28.—Ibid.

29.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1828 г., 2-го отд., 3-го предм., квартирм. части и мѣс. рап. полка № 10149.

30.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. мѣсячн. рапортъ Л.-Гв. Финляндскаго полка 1827 г., № 9257.

31.—Ibid.

32.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финляндскаго полка отд. I, стр. 293.

33.—Ист. Л.-Гв. Егерск. п. 1896 г. стр. 197.

34.—И. Барсуковъ „Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій" 1896 г. Кн. I, стр. 9.

35.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финляндскаго полка, отд. I, стр. 324.

36.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Мѣсячн. рап. Л.-Гв. Финляндскаго полка 1828 г.

37.—Ibid.

38.—Ibid.

39.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Округа 1829 года, 3 отд. 8 предм. № 12.

40.—Русскій Инвалидъ 1828 года, № 246.

41.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финляндскаго полка, отд. I, стр. 325.

42.—Русскій Инвалидъ 1828 года, № 267.

43.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финляндскаго полка отд., I, стр. 326.

44—Ibid.

45.—Прик. по Л.-Гв. Финляндскому полку 1-го іюня 1831 г.

46.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Инспект. Департ. 3 стр., 2 отд., 1831 г., № 1079, св. 876.

47.—Приказы по Л.-Гв. Финляндскому полку 1830 года и Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., Мѣсячные рапорты Л.-Гв. Финляндскаго полка за 1830 годъ.

48.—Составлено на основаніи прик. по Л.-Гв. Финляндскому полку 1830 г. Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка, отд., I. стр. 328.

49.—Ф. Ростковскій. Истор. Л.-Гв. Финляндскаго полка, отд. I, стр. 327.

50.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Мѣсячные рапорты Л.-Гв. Финляндскаго полка 1830 г.

51.—Ibid.

52.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Мѣсячные рапорты 2-го батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка 1831—32 годовъ.

53.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финляндскаго полка, отд. II, стр. 17.

54.—„Холера въ С.-Петербургѣ въ 1831 г." Разсказъ очевидца. И. Р. Фонъ-Деръ-Ховенъ. „Русская Старина." 1884 г., № 11, стр. 393.

55—Н. Пестриковъ. Ист. Л.-Гв. Московскаго полка, т. II, стр. 128.

56.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Мѣсячн. рапорты 2-го баталіона Л.-Гв. Финляндскаго полка 1831—32 г.

57.—Исход. Журн. Л.-Гв. Финляндскаго полка 1831 года, № 107.

58.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Послужной списокъ Генерала Офросимова.

59.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Инсп Департ. 3 ст, 2 отд, № 602, св. 871, 1831 года.

60.—Высоч. Приказъ 17-го іюня 1831 года. „Русскій Инвалидъ" 1831 г., № 157.

61.—Н. Шильдеръ. Императоръ Николай I, т. II, 1903 г. стр, 367.

62.—Моск. Отд Арх. Гл. Шт. Мѣсячн. рапорты 2-го батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка 1831 г.

63.—„Русскій Инвалидъ" 1831 г. № 157.

64.—Ibid, № 207.

65.—Арх. Гатчинскаго Дворц. Правл, 1831 года, № 10.

66.—Арх. Главн. Управл. Удѣловъ, дѣло С.-Петерб. Удѣльн. Окр., св. 35, № 1244.

67.—Е. Карновичъ. „Цесаревичъ Константинъ Павловичъ." 1899 г.

68.—„Русскій Инвалидъ" 1831 года № 211.

69.—Ibid. № 256.

70.—Н. Шильдеръ. Императоръ Николай I, т. II, 1903 года, стр. 376.

72.—Исх. Журн. Л.-Гв. Финляндскаго полка 1832 года №, 272.

71.—Ibid. № 292.

ГЛАВА III.

1.—Энциклоп. воен. и морск. наукъ Леера, т. VII, вып. I, стр. 2.

2.—Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. отд. 2, № 2583.

3.—„Русскій Архивъ", 1901 г. № 12. „Медаль на объявленіе войны туркамъ". А.

4.—„Русская Старина“ 1896 г. іюнь. „Нѣсколько словъ въ память Императора Николая I“. Н. Д.
5.—Предпис. команд. гвард. корп. 22 февр. 1828 г. Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр., 1828 г. 2 отд., 1 предм., № 1.
6.—Ibid и исход. журн. Л-Гв. Финл. п. 1828 г., № 317.
7.—Ф. Ростковскій. — Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. I, стр. 294.
8.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1828 г. 2 отд., 1 предм., № 1.
9.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1827 г., 1 отд., 4 предм., № 10.
10.—Арх. шт. Петерб. воен. окр. 1827 г., 3 отд., 1 предм., № 45.
11.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Дкр. 1827 г., 3 отд., 1 предм., № 81 и списки офицеровъ полка.
12.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. I, стр. 294.
13.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1828 г., 3 отд., 10 предм., № 25.
14.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 20 и 22 марта 1828 г.
15.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. I, стр. 294.
16.—Ibid.
17.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1828 г., 2 отд. 3 предм. № 1, и военно-учен. арх. гл. шт., отд. 2, № 2583.
18.—Арх. Шт. Петер. Воен. Окр. 1828 г., 2 отд., 3 предм., № 1.
19.—Вход. и исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1828 г., № 367 и 1361.
20.—Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. отд. 2, № 2583.
21.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. I, стр. 294.
22.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1828 г., 2 отд., 3 предм., № 24.
23.—Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. отд. 2, № 2583.
24.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1828 г. 2 отд., 1 предм., № 1.
25.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. мѣсячн. рап. Л.-Гв. Финл. п. 1828 г., № 10149.
26.—Строев. рапортъ 3 апрѣля 1828 г. Частная переписка Вел. Кн. Михаила Павловича. Ораніенб. дворецъ.
27.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. мѣсячн. рап. Л.-гв. Финл. п. 1828 г., № 10149. Частная переписка Вел. Кн. Мих. Павл. Ораніенб. дворецъ.
28.—Строев. рап. 3 апр. 1828 г. Частн. переп. Вел. Кн. Мих. Павл. Ораніенб. дворецъ.
29.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1828 г., № 762.
30.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. мѣс. рап. Л.-Гв. Финляндск. полка 1828 г., № 10149.
31.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. I, стр. 295.
32.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр 1828 г., 2 отд., 1 предм., № 1; Моск. Отд Арх. Гл. Шт. мѣс. рап. Л.-Гв. Финл. п. 1828 г., № 10149 и Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. отд. 2, № 2584.
33.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. I, стр. 297.
34.—Ibid.
35.—Письмо Капитана П. П. Румянцева Подпоручику Н. А. Титову отъ 2-го іюля 1828 г.
36.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерскомъ полку“. „Военный Сборникъ“ 1877 года, № 2, стр. 366.
37.—Арх. С.-Петербургской городской Думы, опись дѣлъ къ хран. 1831 года, № 212, св. 18. Арх. С.-Петерб. город. Думы, опись дѣлъ къ хран. 1830 г., № 222, св. 14.
38.—Письмо Капитана П. П. Румянцева Подпоручику Н. А. Титову отъ 30 іюля 1828 г.
38.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. I, стр. 297.
39.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. мѣс. рап. Л.-Гв. Финл. п. 1828 г., № 10149.
40.—Приказы по гвард. корпусу 1828 г. № 49, 50 и 56.
41.—Записки кн. Н. С. Голицына. „Русск. Старина“ 1881 г., № 9, стр. 100—108.
42.—Война Россіи съ Турціей. Переписка Имп. Никол. Павлов. съ гр. Дибичемъ въ авг. 1828 г. „Русская Старина“ 1880 г. № 4.
43.—Записки кн. Н. С. Голицына. „Русская Старина“ № 10, стр. 101—108.
44.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. I, стр. 300.
45.—Ibid.
46.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 18 августа 1828 г. и по гвард. корп. 1828 г., № 62.
47.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. I, стр. 300.
48.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. мѣс. рап. Л.-Гв. Финл. п. 1828 г., № 10149.
49.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерскомъ полку“. „Военный Сборникъ“ 1877 г., № 2, стр. 366.
50.—Арх. Петерб. воен. окр. 1828 г. 3 отд. 10 предм. № 54.
51.—Записки кн. Н. С. Голицына. „Русская Старина“ 1881 г., № 10, стр. 101—108.
52.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1828 г. авг. 23.
53.—Русскій Инвалидъ, 9 сент. 1828 г., № 224, прибавленіе.
54.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. формул. списокъ Полковника Моллера, по архиву № 9149.

55.—Записки кн. Н. С. Голицына. „Русская Старина“ 1881 г., № 10, стр. 101—108.
56.—Арх. Петерб. воен. окр. 1828 г., 4 отд., 2 предм., № 27.
57.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерскомъ полку“. Воен. Сборн. 1877 г., № 2, стр. 367—369.
58.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1828 г., 4 отд., 2 предм., № 27.
59.—Описаніе мѣстности по извлеченію исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка Ф. Ростковскаго (отд. I, стр. 302) изъ Военно-топографическаго обозрѣнія, составленнаго гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикомъ Львовымъ (Военно-Ученый архивъ Главнаго Штаба, отд. 2, № 2737).
60.—„Воспоминанія объ осадѣ Варны и о пребываніи тамъ Императора Николая I“ А. Веригина. „Русская Старина“ № 3, 1879 года.
61.—Русскій Инвалидъ 1828 года, сент. 18, № 233.
62.—„Воспоминанія объ осадѣ Варны и о пребываніи тамъ Императора Николая I“. А. Веригинъ. „Русская Старина“ № 3, 1879 г.
63.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерскомъ полку“. Воен. Сборн. 1877 г., № 2.
64.—Русскій Инвалидъ 1828 г. сент. 15, № 230
65.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерскомъ полку“. Воен. Сборн. 1877 г., № 2.
66.—„Воспоминанія объ осадѣ Варны и о пребываніи тамъ Императора Николая I“. А. Веригина. „Русская Старина“ № 3, 1879 года.
67.—Ibid.
68.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. мѣс. рап. Л.-Гв. Финл. п., 1828 г. № 10149, вѣдомость больныхъ нижнихъ чиновъ полка за сентябрь.
69.—Ibid.
70.—Письмо Государя Николая I къ гр. Дибичу, съ корабля „Парижъ“, 11-го сент. 1828 г. „Русская Старина“ 1880 г. № 12, стр. 911.
71.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Округа, 1828 г., 3 отдѣл., № 37.
72.—Воспомин. А. Веригина. „Русская Старина“ № 3, 1879 г.
73.—„Подъ Варною“. „Русская Старина“ 1876 г., № 2, стр. 364 и далѣе.
74.—„Русская Старина“ 1880 г., № 12, стр. 911.
75.—Отношеніе отъ 17 сент. 1828 г., № 304. Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1828 г., 3 отд., № 37.
76.—Со словъ генер.-лейтен. Киновича. Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. п. отд. I, стр. 306.
77.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. форм. сп. Л.-Гв. Финл. п., № 9149.
78.—Ibid.
79.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1828 г., № 854.
80.—Воен.-Учен. Арх. Гл. Шт., отд. 2, № 2735 и 2742.
81.—Письмо отъ 8-го февраля 1880 г. Ист. Л.-Гв. Финл. п. Ф. Ростковскаго, отд. I, стр. 307.
82.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. I, стр. 307.
83.—Ibid. Со словъ участника сраженія, Прапорщика Л.-Гв. Финл. п. П. А. Максимова.
84.—Ibid.
85.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. I, стр. 308. Лукьяновичъ Описаніе войны 1828—1829 г. т. II.
86.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. I, стр. 309.
87.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. опись Инсп. д-та., 4 ст., 2 отд., св. 719, № 1151. 1828 г.
88.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерскомъ полку“. Воен. Сборн. 1877 г., № 2.
89.—Формул. списокъ Шт.-Капит. Зейфорта
90.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. оп. Инсп. деп., 4 ст., 2 отд., св. 719, № 1151. 1828 г.
91.—Ibid.
92.—А. Маринъ. Краткій очеркъ Ист. Л.-Гв Финл. полка, ч. I, стр. 60, 1846 г.
93.—Н. Лукьяновичъ. Біогр. Ген.-Ад. Бистрома, 1846 г., стр. 26.
94.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. оп. Инсп. деп., 4 ст., 2 отд., св. 719, № 1151, 1828 г.
94.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п., отд. I, стр. 311.
95.—Ibid, стр. 310.
96.—Н. Лукьяновичъ. Біогр. Ген.-Ад. Бистрома, 1841 г., стр. 26.
97.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. оп. Инсп. деп., 4 ст., 2 отд., св. 719, № 1151, 1828 г.
98.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п., отд. I, стр. 310.
99.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. оп. Инсп. деп., 4 ст., 2 отд., св. 719, № 1151, 1828 г.
100.—Н. Лукьяновичъ. Біогр. Ген.-Ад. Бистрома, 1846 г., стр. 104.
101.—Историко-статистическое описаніе Преображенскаго всей гвардіи собора. П. Зиновьевскій, 1879 г., стр. 82.
102.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. оп. Инсп. деп., 4 ст., 2 отд., св. 719, № 1151, 1828 г.

103.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. оп. Инсп. деп., 4 ст., 2 отд., св. 719, № 1151, 1828 г.

104.—А. Веригинъ. Воспом. объ осадѣ Варны и о пребываніи тамъ Импер. Николая I. „Русск. старина" № 3 1871 г.

105.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерскомъ полку" Воен. Сборн. 1877 г., № 2.

106.—Н. Лукьяновичъ. Біограф. Генер.-Адъют. Бистрома, стр. 36, изд. 1846 г.

107.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. книги формул. списковъ Л.-Гв. Финл. полка, 1828 г., № 9149 и мѣсячн. рап. Л-Гв. Финл. полка 1828 г., по архиву № 10149.

108.—Со словъ Полковника Максимова. Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка, отд. I, стр. 312.

109.—Ист. Л.-Гв. Егерскаго полка 1896 года, стр. 224 и „25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерск. полку". Военный Сборникъ 1877 г. № 2, стр. 397.

110.—Разсказъ очевидца кн. А. Суворова „Русская Старина" 1871 г. № 1, стр. 61 — 63. Черта къ характеристикѣ Имп. Николая I.

111.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка отд. I, стр. 312.

112.—Со словъ Ген.-лейтен. Бѣлевцова, Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. I, стр. 313.

113.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. книга формул. списковъ Л.-Гв. Финл. полка 1828 года, по архиву № 9149 и прик. по Л.-Гв. Финл. полку 7-го и 18-го марта 1829 года. — Моск. отд. Арх. Гл. Шт., дѣло Инсп. департ., 4 ст., 2 отд., св. 758; № 1467, 1829 года. — Ibid. св. 753, № 911.

114.—Прик. по Л.-Гв Финл. полку 1829 года февр. 13-го.

115.—Прик. по Л.-Гв Финл. полку 1829 г. декабря 25-го и исход. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1828 г. № 984 и 24900 и 1829 г. № 94.

116.—П. Зиновьевскій. Историко-статистическое описаніе Преображенскаго всей гвардіи собора, 1876 г. Ив. Пушкаревъ. Описаніе С.-Петербурга и уѣздныхъ городовъ С.-Петербургской губерніи, 1839 г.

117.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1828 г., кварт. части, № 31, рапортъ команд. всей пѣхотой гвард. корпуса, 10-го октября.

118.—Ibid.

119.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерск. полку". Воен. Сборн. 1877 г., № 2.

120.—Ibid.

121.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1828 г. 2 отд. 3 предм. № 21.

122.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерскомъ полку". Военный Сборникъ 1877 г., № 2, стр. 400.

123.—Военно-Ученый Архивъ Гл. Штаба, отд. 2, № 2582.

124.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. Инспект. департ., 4 ст., 2 отд., св. 758, № 1467, 1829 г.

125.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. мѣсячн. рапортъ Л.-Гв. Финл. полка 1828 года, по арх. № 10149, рапортъ отъ 23-го окт., за № 2113.

126.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1828 г., № 29, 4 отд., 2 предм.

127.—Ibid. Вѣдомость больныхъ Л.-Гв. Финл. полка отъ 12-го сент. 1828 г.

128.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1828 г., № 31, по части квартирмейстерской.

129.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерскомъ полку". Военный Сборникъ, 1877 г., № 2.

130.—Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. полка, отд. I, стр. 317.

131.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. мѣс рап. Л.-Гв. Финл. полка 1828 г. по арх. № 10149, рап. № 2216.

131.—Военно-Ученый Архивъ Гл. Штаба, отд. 2, № 2582.

132.—Ibid.

133.—Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финляндск. полка, отд. II, стр. 317.

134.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерскомъ полку". Военный Сборникъ 1877 г., № 2, стр. 407.

135.—Описаніе пребыванія полка въ лагеряхъ въ Тульчинѣ и дальнѣйшій походъ до Смоленска взято изъ исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка Ф. Ростковскаго, отд. I, стр. 318—320.

136.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерскомъ полку". Военный Сборникъ 1877 г., № 2, стр. 409.

137.—Ibid.

138.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. I, стр. 322.

V1

ГЛАВА IV.

1.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись Высоч. повел. и указовъ, дѣло № 162а, 1830 г.
2.—Разсказъ очевидца И. фонъ-деръ-Ховена. Русская Старина 1884 г., № 11, стр. 400.
3.—Н. Шильдеръ. „Импер. Николай I". 1903 г., т. II, стр. 322—324.
4.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1830 г., № 5, предм. 27, отд. 2.
5.—Ibid.
6.—А. Пузыревскій „Польско-Русская война 1831 г."
7.—Арх. Шт. Петерб Воен. Окр. 1830 г., № 5, предм. 27, 2 отд.
8.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1830 г., № 5, предм. 27, 2 отд. и Арх. Канц. Воен. Мин. 1830 г., № 189 и 163.
9.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1830 г., № 5, предм. 27, 2 отд. и Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 3-го и 15-го декабря 1830 г.
10.—Со словъ Генерала-отъ-Инф. Гана. Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. I, стр. 331.
11.—Ibid.
12.—Приказы по Л.-Гв. Финл. полку, 1830 г. декабрь мѣсяцъ.
13.—Записка унт.-оф. Андр. Иванова, служившаго тогда въ полку Ф. Росковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. I, стр. 332.
14.—Мѣс. рап. Л.-Гв. Финл. полка на Высоч. имя 26-го дек. 1831 г. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. мѣс. рап. Л.-Гв. Финл. полка 1831 г., по арх. № 12804.
15.—Ibid и исх. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1830 г., № 3025.
16.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. I, стр. 333.
17.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1830 г., № 5, предм. 27, 2 отд.
18.—Воен.-Учен. Арх. Гл. Шт. отд. 2, № 1346 (А).
19.—Арх. Канц. Воен. Мин—ства, 1832 г., № 220—203.
20.—Мѣс. рап. Л.-Гв. Финл. п. 1831 г.
21.—„25 лѣтъ Л. Гв. въ Егерскомъ полку". Воен. Сборн. 1877 г., № 3.
22.—„Русская Старина" 1890 г., № 11, стр. 471—472.
23.—„Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій". И. Барсуковъ. Москва 1891 г., стр. 33—35.
24.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт., Инсп. деп., 3 столъ, 2 отд., 1831 г., № 443, св. 848 и № 549, св. 850.
25.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1831 г. Янв. и февр.
26.—Мѣс. рапор. Л.-Гв. Финл. п. 1831 г.
27.—А. Пузыревскій. Польско-русская война 1831 г., стр. 37.
28.—А. Пузыревскій. Польско-русская война 1831 г., стр. 36—37.
29.—Воен. Учен. Арх. Гл. Шт., отд. II, № 3146 (А.)
30.—Ист. Л.-Гв. Егерскаго полка 1896 г., стр. 237.
31.—Мѣс. рапор. Л-Гв. Финл. п. 24-го февр. 1831 г.
32.—Ф. Ростковскій. Ист. Л-Гв. Финл. п., отд. I, стр. 335.
33.—Исх. Журн. Л.-Гв. Финл. п. 1831 г., № 332.
34.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п., отд. I, стр. 335.
35.—Мѣсячный рапортъ Л.-Гв. Финляндскаго полка 1831 г., марта 14.
36.—Всеподдан. рапортъ Ген. Дибича отъ 19-го марта 1881 г. „Русская Старина", 1885 г., № 9 и А. Волькенштейнъ. Ист. Л.-Гв. Сапернаго баталіона, 1852 г., стр. 84.
37.—А. Пузыревскій. Польско-русская война 1831 года, стр. 194.
38.—„Переписка Импер. Никол. I съ Дибичемъ". Русская Старина, 1885 г., № 9.
39.—Всепод. рап. 19-го марта 1831 г. „Русская Старина" 1885 г., № 9.
40.—Предписаніе К-ру Л.-Гв. Финл. полка отъ Генер. Ушакова, 16-го марта 1831 г. Архивъ Л.-Гв. Финл полка. Секретн. дѣла.
41.—Ibid.
42.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п., отд. I., стр. 337.
43.—Лееръ. Энцикл. воен. и морск. наукъ. т. VI, стр. 92.
44.—Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. отд. 2, № 3416.
45.—Ibid.
46.—А. Пузыревскій. Польско-русская война 1831 г., стр. 197.
47.—Ibid.
48.—Исх. и вход. журн. Л.-Гв. Финл. полка 19-го апр.—21 іюня 1831 г.
49.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. мѣс. рап. Л.-Гв. Финл. полка 1831 г. и Прик. по полку отъ 21 Іюня 1831 г.

50.—Воен.-Учен. Арх. Гл. Шт., отд. 2, № 3091.
51.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. мѣсячн. рап Л.-Гв. Финл. полка, 1831 г. май.
52.—А. Пузыревскій. Польско-русская война. 1831 г., стр. 225.
53.—Ibid., стр. 139.
54.—Ibid., стр. 205.
55.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр., 1831 года, часть генер. Штаба, разр. III, кн. 2, № 1.
56.—Ibid. и „Краткое описаніе дѣйствій гвард. корпуса съ 30 апрѣля по 13 мая". Русскій Инвалидъ 1831 г. № 130.
57.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Инспект. деп., 3 ст., 2 отд., № 566, 1831 г. св. 850.
58.—„Краткое описаніе дѣйствій гвардейскаго корпуса съ 30-го апрѣля по 13-е мая". Приложеніе къ рапорту главнокомандующаго отъ 19-го мая 1831 года. Русскій Инвалидъ 1831 года, № 130.
59.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Инспект. депар., 3 ст., 2 отд., № 556, 1831 г., св. 850.
60.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Инсп. департ., 3 ст., 2 отд., № 566, 1831 г., св. 850.
61.—Пузыревскій. Польская война 1831 года, изд. 1886 года, стр. 208.
62.—Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка, отд. I, стр. 339.
63.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. дѣло Инсп. департ., 3 ст., 2 отд., № 566, 1831 г., св. 850.
64.— Русскій Инвалидъ 1831 г. № 130.
65.—Письмо отъ 31-го мая 1831 г. Русскій Инвалидъ 1831 г., № 133.
66.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. I, стр. 340.
67.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерскомъ полку". Воен. Сборникъ 1877 г., № 4.
68.—Дѣйствія ротъ, ввѣренныхъ Капитану Тулубьеву, описаны на основаніи записки Подпоручика П. Максимова. Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. 1 стр. 340 и далѣе.
69.—Приложеніе къ рапорту главнокомандующаго отъ 19-го мая 1831 года. „Русскій Инвалидъ" 1831 г. № 130.
70.—Письмо офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка къ брату, отъ 31-го мая 1831 г. „Русскій Инвалидъ" 1831 г. № 133.

ГЛАВА V.

1.- Описаніе дѣйствій Гвард. Корпуса 30 апр — 14 мая 1831 г. «Русскій Инвалидъ» 1831 г. № 130.
2.—Н. Лукьяновичъ. Біограф. Ген.-адъют. Бистрома. 1841 г. стр. 58.
3.—„25 лѣтъ Л.-Гв. Егерск. полку". Воен. Сборн. 1877 г., № 3.
4.—А. Волькенштейнъ. Ист. Л.-Гв. Сапернаго б-на. 1852 г., стр. 95.
5.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п., отд. I, стр. 347.
6.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финляндск. полка, отд. I, стр. 347.
7.—Записка Генер.-отъ-инфантеріи Гана. Ibib, стр. 348.
8.—Ibid.
9.—Описаніе Тыкочинскаго дѣла взято изъ Исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка Ф. Ростковскаго, (Отд. I стр. 350) какъ изложенное со словъ и писемъ участвовавшихъ въ немъ: Ген.-отъ-Инфантеріи Гана, Ген.-Ад. гр. Аминова, Ген.-Л. Киновича и Полковника Максимова и на основаніи краткаго описанія, составленнаго въ 1831 г. въ Л.-Гв. Финл. п. Описаніе это нѣсколько разнится отъ описанія, изложеннаго въ Исторіи польскаго возстанія Ф. Смита (томъ 2 стр. 289 и 290), но помѣщено нами какъ болѣе подробное, достовѣрное и засвидѣтельствованное очевидцами.
10.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерскомъ полку". Военный сборникъ 1877 г. № 3.
11.—Русскій Инвалидъ 1831 г. № 130.
12.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Инсп. Департ., 3 Ст., 2 Отд., № 566, 1831 г. св. 850.
13.—Военный Сборникъ 1878 г. № 10, стр. 43, статья кн. Н. С. Голицина.
14.—Письмо офицера Л.-Гв. Финл. полка 31 мая 1831 г. „Русскій Инвалидъ". 1831 г. № 133.
15.—Ibid.
16.—Воен. Учен. Арх. Гл. Шт., Отд. II, № 3146.
17.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка отд. I., стр. 353.
18.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1831 года, 10 и 11 мая.
19.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1831 года, іюля 20 и дѣла инспект. Департ. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1831 г.

20.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. I, стр. 359.

21.—Описаніе дѣйствій гвардейскаго корпуса съ 30 апрѣля по 13 мая 1831 года. Приложеніе къ рапорту Главноком. отъ 19 мая 1831 г. Русскій Инвалидъ 1831 г. № 130.

22.—Письмо офицера Л.-Гв. Финл. полка 31 мая 1831 г. Русскій Инвалидъ № 133.

23.—А. Пузыревскій. Польско-русская война 1831 г., стр. 250.

24.—Всеподданнѣйшій рапортъ Главноком. 19 мая 1831 г. Русскій Инвалидъ 1831 г. № 129.

25.—Записки П. А. Тучкова. Русская Старина 1881 г., № 11, стр. 503.

26.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1831 г. май.

27.—Рапортъ Главнокоманд. 19 мая 1831 г. Русскій Инвалидъ 1831 г. № 129.

28.—Приказъ по Л.-Гв. Финл. полку 1831 года.

29.—Приказъ по Л.-Гв. Егерскому полку 1 іюня 1831 года. Русскій Инвалидъ 1831 года, № 185.

30.—Записки П. А. Тучкова. Русская Старина 1881 г., № 11, стр. 503.

31.—Цесар. Конст. Павл. Біогр. очеркъ Е. Карновича, 1899 г.

32.—А. Маринъ. Кр. оч. Исторіи Л.-Гв. Финлянд. полка, ч. 2-я, стр. 145, 1846 годъ.

33.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. I, стр. 360.

34.—Прик. по 2-му батальону Л.-Гв. Финл. полка 1831 г. авг. 16.

35.—Записки П. А. Тучкова. Русская Старина 1881 г. № 11.

36.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1831 г., май—іюнь.

37.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 26 мая 1831 г.

38.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 23 мая 1831 г.

39.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 26 мая 1831 г.

40.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 3 іюня 1831 г.

41.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 14 іюня 1831.

42.—Записки П. А. Тучкова. Русская Старина 1881 г. № 11

43.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 15 іюня 1831 г.

44.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 26 мая 1831 г.

45.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 22 мая 1831 г.

46.—Со словъ Ген.-Ад. гр. Амшнова. Ист. Л.-Гв. Финл. п. Ф. Ростковскаго, отд. I, стр. 355.

47.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 19 іюня 1831 г.

48.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 8 іюня 1831 г.

49.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, май и іюнь 1831 г.

50.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1 іюня 1831 г.

51.—А. Пузыревскій. Польско-русская война 1831 г. стр. 359.

52.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1831 г. іюня 22—25.

53.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1831 г. іюня 26.

54.—А. Пузыревскій. Польско-русская война 1831 г. стр. 360.

55.—Ист. Л.-Гв. Егерскаго полка, 1896 г. стр. 251.

56.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1831 г. іюнь и іюль м-цы.

57.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1831 г. іюля 6.

58.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1831 г. іюля 1.

59.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1831 г. іюля 8.

60.—А. Пузыревскій. Польско-русская война, 1831 г. стр. 367.

61.—Исход. журн. Л.-Гв. Финл. полка, 1831 г. № 380.

62.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1831 г. іюль—августъ.

63.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1831 г. іюль—августъ.

64.—Ibid.

65.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1831 г. іюля 19.

66.—А. Пузыревскій. Польско-русская война 1831 г. стр. 384—388.

67.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1831 г. іюля 25-го.

68.—А. Волькенштейнъ. Ист. Л.-Гв. Саперная батальона 1852 г. стр. 110, ч. I и Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1831 г. августъ.

69.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1831 г. августа 8—20-го.

70.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1831 г. августа 10—17-го.

71.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1831 г. августа 9—21.

72.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1831 г. августа 21 и 22.

73.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1831 г. августа 21-го.

74.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1831 г. августа 22.

75.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1831 г. августа 13—21-го.

76.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финляндск. полка отд. II стр. 6—7.
77.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1831 г. іюля 29 и 30-го.
78.—Прик. по Гвард. Корпусу 1831 г. № 108.
79.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1831 года 28-го іюля и 19-го августа.
80.—Прик. пи Л.-Гв. Финл. полку 1831 года 26-го іюля и 2-го августа.
81.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1831 года 28-го іюля и 19-го августа.

ГЛАВА VI.

1. -А. Пузыревскій. Польско-русская война 1831 г. стр. 403.
2.—А. Пузыревскій, Польско-русская война 1831 г. и Ф. Смитъ. Исторія польскаго возстанія 1830—1831 г. т. III.
3,—Ф. Смитъ. Исторія Польскаго возстанія, 1830—1831 года, т. III стр. 465.
4.—А. Пузыревскій. Польско-русская война 1831 года стр. 400.
5.—Ф. Смитъ. Исторія польскаго возстанія 1830—1831 года, т. III, стр. 173—174.
6.—Ibid., стр. 474.
7.—Ibid.
8.—Н. Лукьяновичъ. Біографія Генер.-Адъют. Бистрома, 1841 г., стр. 92.
9.—Корреспонденція. „Еще письмо изъ арміи". „Русскій Инвалидъ" 1831 г., № 271.
10.—Арх. Шт. Петерб. воен. округа, 1831 г., 2 отд., № 23. Описаніе подписаное командиромъ 4-й гвардейской пѣхотной бригады, Генер. Полешко, подъ названіемъ „Анекдоты войскъ 4-й гвард. пѣхотной бригады."
11.—Ф. Смитъ ист. польскаго возстанія 1831 г. и Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финляндскаго полка отд. II. стр. 8.
12.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., Инст. Департ. 3 ст. 2 отд. 1831 г. № 1079, св. 876.
13.—Ibid. и „25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерск. полку". Воен. Сборн. 1877 г. № 4.
14.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1831 г. 2 отд. пред. 19, № 19, рап. Полк. Романовича.
15.—Диспозиція на 24-е августа по Русской арміи. Ф. Смитъ. Исторія польскаго возстанія 1830—1831 года, т. III, стр. 753.
16.—Ф. Смитъ. Ист. польск. возст. 1830—31 года, т. III, стр. 475.
17.—Письмо участника штурма Варшавы 1831 года, Прапорщикъ Л.-ФГв. пнляндскаго полка „Военный Сборникъ", 1903 года № 2, стр. 249. По сообщенію сына автора письма, бывшаго предсѣдателя Совѣта Министровъ и члена Государственнаго Совѣта И. Л. Горемыкина.
18.—Ф. Смитъ. Ист. польскаго возстанія 1830—31 г. стр. 475—476.
19. Ibid.
20.—Ibid.
21.—Ф. Смитъ. Исторія польскаго возстанія 1830—1831 г., т. III стр. 757.
22.—Письмо участн. штурма Варш. 1831. Воен. Сборникъ 1903 г. № 2.
23.—Ibid.
24. Описаніе движеній и дѣйствій войскъ состоящихъ подъ общ. командой Генер.-Лейт. Полешко 1-го, 25 и 26 авг. 1831 г. Арх. Шт. Петерб. Воен. Округа, 1831 года, 2 отд. 19 предм., № 19.
25. Реляція о движеніи 5 гвар. пѣх. бриг. 25 и 26 авг. Арх. Шт. Петер. Воен. Округа, ibid.
22.—См. ссылку 24.
27.—См. ссылку 17.
28—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Инсп. Департ. 3 столъ, 2 отд. 1831 г. № 1079 св. 876.
29.—А. Пузыревскій. Польско-русская война 1830—1831 г. стр. 410.
30.—Диспозиція для вечера 25-го августа. Ф. Ситъ. Исторія польскаго возстанія 1830—1831 года т. III стр. 579.
31.—Ibid, стр. 759.
32.—А. Пузыревскій. Польско-русская война 1830—1831 года, стр. 412—413.
33.—Добавленіе къ диспозиціи на 26 августа.
34.—А. Пузыревскій. Польско-русская война 1830—1831 г., стр. 414.
35.—Описаніе движеній и дѣнствій 4-й бригады 25 и 26 августа 1830 года. Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1831 года, 2 отд., 19 предм., № 19.

36.—Письмо Прапорщика П. Л. Горемыкина.
37.—Описаніе движ. и дѣйст. 4-й бригады 25 и 26 августа 1831 года. Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1831 г. № 19, 2 отд. предм. 19..
38.—Корреспонденція. Еще письмо изъ арміи. Русскій Иинвалидъ, 1831 года, № 271.
39.—Рапортъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Полковника Романовича. 30 августа 1831 года. Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1831 г., № 19, 2 отд. предм. 19.
40.—Исторія второй половины Польской войны 1831 года. Г.-м. Окунева, 1835 года. „Библіот. Стрѣлинск. Дворца и описаніе 4-й бригады.
41.—А. Пузыревскій. Польско-русская война 1831 года, стр. 414.
42.—Описаніе движеній и дѣйствій 4-й бригады 25-го и 26-го августа 1831 года.
43.—Ibid.
44.—Ibid.
45.—Военный Сборникъ, 1860 г., т. XV, стр. 138—139, статья: „Штурмъ Варшавы 1831 года и нѣкоторыя замѣчанія о Польской войнѣ“ А. Веригина. Авторъ этой статьи былъ Генералъ-Лейтенантомъ въ 1860 году.
46.—Описаніе движ. и дѣйств. 4-й бриг. 25-го и 26-го авг. 1831 года.
47.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Инсп. деп. 3 ст. 2 отд. 1831 г. № 1079, св. 876.
48.—Письмо участника штурма Варшавы 1831 г. „Военный Сборн.“ 1903 г. № 2.
49.—Корреспонденція. Еще письмо изъ арміи. „Русскій Инвалидъ 1831 г. № 271.
50.—Описаніе движ. и дѣйств. 4-й бриг. 25 и 26 авг. 1831 года.
51.—Военно-ученый Архивъ Главн. Шт., отд. 2, № 3091 (А).
52.—„Русская Старина“ 1892 г. № 11, стр. 353 и „Русск. Инвал.“ 1831 г. № 256.
53.—„Русская Старина“ 1892 года, № 11, стр. 359.
54.—„Военный Сборникъ“ 1873 г. № 9, стр. 23, „Штурмъ Варшавы 25 и 26 авг. 1831 г.“ Разсказъ очевидца бывш. личн. адъют. гр. Толя, В. Ѳ. фонъ-деръ-Лауница.
55.—Воен. Учен. Архивъ Гл. Шт. Отд. 2, № 3901 (А).
56.—Корреспонденція. Еще письмо изъ арміи. Русскій Инвалидъ 1831 года, № 271.
57.—Высочайшая грамота 12 декабря 1832 года. Высочайшій приказъ 6 декабря 1831 года.
58.—Арх. Канцел. Воен. Минист. 1832 года, № 323 и 445.
59.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1832 г. 3 отд. 1 предм. № 502. Моск. отд. Арх. Гл. Шт. Инсп. департ. 1831 г. 3 ст. 2 отд. № 934 ч. 1-я св. 874 и № 1181 св. 877.
60—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Инспект. департ. 3 ст. 2 отд. 1831 года, № 1079 св. 876.
61. Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1831 г. 2 отд. № 23. „Анекдоты 4-й гвард. пѣх. бригады“ за подписью к-ра бриг. Ген. Полешко.
62.—См. ссылку 60.
63.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1831 г. 2 отд. 19 предм. № 19, рапортъ 30 августа № 94.
64. Н. Лукьяновичъ. Біографія Генер.-адъют. Бистрома, 1841 г., стр. 92.
65.—См. ссылку 60.
66.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Инст. деп., 3 ст., 2 отд., 1831 г., № 1079, св. 876—1.
67.—Ф. Ростковскій, Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. II, стр. 13.
68.—Военно-Ученый Арх. Гл. Шт., отд. II, № 3091 (А).
69.—Прик. по Л.-Гв. Финляндскому полку 1831 г. ноября 27 и 1832 г.; Моск. отд. Арх. Гл. Шт., инсп. департ. 3 ст. 2 отд. 1836, № 1079, св. 876 и форм. списки офицеровъ.
70.—Высоч. грамота 18 окт. 1831 года. „Русск. Инв.“ 1831 г. № 298.
71.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1833 г. № 57, 2 отд. и прик. по Л.-Гв. Финл. полку 20 окт. 1831 г.
72.—Вход. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1831 г., № 464.
73—Прик. по дѣйств. арм. 1831 г. дек. 31 и Высоч. Ук. того же числа.
74.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1833 г. 3 отд. № 1, предм. 12.
75.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1833 г. 3 отд. № 3, предм. 12.
76.—А. Пузыревскій. Польско-русская война 1831 г., т. I, стр. 418.
77.—„Русскій Инвалидъ“ 1831 г. № 225 прибавленіе.
78.—Воспоминанія А. Зеланда. „Русская Старина“ 1892 г. № 11, стр. 349.
79.—Ibid.
80.—Ibid.
81.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финляндск. полка, отд. II. стр. 12.
82.—Воспоминанія А. Зеланда. „Русская Старина“ 1831 года № 11, стр. 349.
83.—„Военный Сборникъ“ 1903 года № 2. Письмо участника штурма Варшавы 1831 г.
84.—Ibid.

85.—А. Луганинъ. Опытъ исторіи Л.-Гв. Волынскаго полка 1884 г. стр. 212.
86.—Исх. жур. Л.-Гв. Финляндскаго полка 1831 года авг. 31. № 526.
87.—Ibid. Сент. 30. № 589.
88.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерскомъ полку". „Военный Сборникъ" 1877 года № 4.
89.—Письмо изъ арміи 7-го октября 1831 г. „Русскій Инвалидъ" 1831 г. № 266.
90.—Кн. Н. Щербатовъ. „Генералъ-фельдмаршалъ Кн. Паскевичъ", томъ IV стр. 119.
91.—Письмо изъ арміи 18-го октября 1831 г. „Русскій Инвалидъ" 1831 г. № 268.
92.—Приказъ отъ 27-го октября 1831 года, № 548. „Русскій Инвалидъ" 1831 г. № 248.
93.—Исх. Журн. Л.-Гв. Финляндскаго полка 1831 года № 555.
94.—Высоч. приказы 25-го іюня, 22-го августа и 6-го октября 1831 года.
65.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финляндскаго полка, отд. II стр. 18.
96.—Ibid. стр. 17.
97.—Ibid. стр. 18.
98.—Входящ. журналъ Л.-Гв. Финляндскаго полка 1831 г. № 109 и 123.
99.—Кн. Щербатовъ: „Генералъ-фельдмаршалъ Кн. Паскевичъ", прилож. къ V тому 1896 года стр. 11.
100—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финляндскаго полка, отд. II, стр. 17.
101.—Ibid. стр. 18.

——

ГЛАВА VII.

1.—Письмо отъ 7-го февраля 1839 года. Генер.-лейт. Князь Щербатовъ: „Генералъ-фельдмаршалъ Князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность". 1896 г. Прилож. къ V тому, стр. 387.
2.—Письмо отъ 2-го октября 1840 года. Ibid., стр. 443.
3.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись Инспект. Департ. 1850 г. 1 ст., 2 отд., св. 1612.
4.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв Финл. полка, отд. III, стр. 451.
5.—Моск. отд. арх. Гл. Шт. формул. спис. генер. Офросимова.
6.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. II стр. 55.
7.—Статья Н. Рѣшетова: „Люди и дѣла давно минувшихъ дней". Русскій Архивъ 1886 г. № 12.
8.— Моск. отд. арх. Гл. Шт. формул. списокъ Генерала Вяткина.
9.—„25 лѣтн. Л.-Гв. въ Егерскомъ полку". „Военный Сборникъ" 1877 г. № 2.
10.—См. ссылку 8.
11.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. Послужн. списокъ генерала Крылова.
12.—Со словъ дѣйств. статск. совѣтн. В. А. Изъѣдинова.
13.—Со словъ отставного кандидата М. Василенко.
14.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. Послужн. списокъ генерала гр. Ребиндера.
15.—Со словъ генерала-адъютанта П. С. Ванновскаго, служившаго тогда въ полку.
16.—Со словъ фельдфебеля Мизернюка, служившаго тогда въ полку.
17.—Записки К. К. Мердера, 4 іюля 1832 года. „Русская Старина", 1885 г. № 12.
18.—Ibid, 16-го апрѣля 1832 года.
19.—Ibid, 30-го апрѣля 1832 года.
20.—Высоч. прик. 25-го іюня 1831 года.
20.—Прик. по гвар. корп. 1842 — 1844 гг.
22.—Послужной списокъ Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича. Арх. Морск. Мин. Инспект. департ., статист. отд., дѣло № 21, стр. 43—56.
23.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. II, стр. 83.
24.—Послужной списокъ Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича.
25.—Очерки военнаго быта сороковыхъ годовъ Я. Бутковскаго. Литературныя приложенія къ журналу „Нива", 1897 года, № 11.
26.—Послужной списокъ Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича.
27.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1848 г., 3 отд., № 298 и 1847 г., отд. Ин. Шт. № 159.
29.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1852 года, января 17.
29.—Телеграмма Вел. Кн. Константина Николаевича Командующему Л.-Гв. Финлядскимъ полкомъ Флигель-адъютанту Полковнику Теннеру.

30.—И. Пушкаревъ. Описаніе С.-Петербурга и уѣздн. городовъ С.-Петерб. губ. 1839 года.

31.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1832 г. 1 отд., 2 предм., № 55. Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. II, стр. 48.

32.—Приказъ Короля Фридриха Вильгельма прусскимъ войскамъ. Ист. Л.-Гв. Егерскаго полка 1896 г., прилож. II къ гл. X.

33.—И. Пушкаревъ. Описаніе С.-Петербурга и уѣздн. городовъ С.-Петерб. губ. 1839 года.

34.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 26-го окт. 1834 года.

35.—Арх. канцел. Воен. Минист. 1834 года № 116—15.

36.—И. Пушкаревъ. Описаніе С.-Петербурга и уѣздныхъ городовъ С.-Петерб. губ. 1839 г.

37.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 26-го окт. 1834 года.

38.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 3070. 2 предм. № 7, 1834 года.

39.—С. Татищевъ. Императоръ Николай I и иностранные дворы. Историческій очеркъ 1889 года, стр. 344 и далѣе.

40.—Ibid.

41.—Военно-Ученый Архивъ Гл. Штаба, 1835 г. № 793.

42.—Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. полка, отд. II, стр. 49.

43.—Записки А. Х. гр. Бенкендорфа. Историч. Вѣстникъ 1903 года № 1.

44.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финляндск. полка отд. II, стр. 49.

45.—С. Татищевъ. Имп. Николай I и иностр. дворы.

46.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерскомъ полку“ Военный Сборникъ 1878 г.

47.—Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финлянд. полка отд II, стр. 50.

48.—Арх. Шт. С.-Петерб. воен. округа, 1835 г. III разр. № 39.

49.—С. Татищевъ. Имп. Николай I и иностр. дворы.

50.—Ф. Ростковскій Ист. Л.-Гв. Финлянд. полка, отд. II, стр. 50.

51.—С. Татищевъ. Импер. Николай I и иностр. дворы.

52. -Ibid.

53.—Малышевъ. Русская патріотическая библіотека. Русское воинство. 1870 г., стр. 22, т. I, кн. 1.

54.—С. Татищевъ. Импер. Николай I.

55.—Арх. Морск. Мин—ства. Инсп. деп. статист. отд. № 21. Послужн. списокъ Вел. Кн. Конст. Николаевича.

56.—Донесеніе Императору Николаю I изъ Берлина Ген.-м. Мансурова 6 ноября 1835 г. Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. II, стр. 50.

57.—Прик. по Гвард. Корп. 1834 года № 175 и № 180.

58.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1838 г., III отд., № 131.

59.—Прик. по Гвард. Корп. 1838 года, № 181.

60.—Прик. по Гвард. Корп. 1839 г., № 123 и 132.

61.—Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка, отд. II, стр. 60.

62.—Н. Полевой. Повѣсть о великой битвѣ Бородинской 1844 г. стр. 179.

63.—„Бородинское поле сраженія въ его прошл. и настоящ. Изд. М. Б.

64.—Записки А. И. В. Русская старина, 1885 г., № 4, стр. 132.

65.—Ibid.

66.—Ibid.

67.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1839 года, 28 октября.

68.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1839 года, 17 и 20 сентября.

69.—С. Рождественскій. Столѣтіе города Гатчины 1796—1896 годъ, т. II, 1896 года.

70.—„Русская Старина“ 1883 г., № 11, стр. 333—334.

71.—Воспоминанія Самсонова. Русскій Архивъ, 1884 г., № 2. По поводу полувѣка со времени возобновленія Зимняго дворца. К. Корсунскій. Русскій Архивъ, 1889 г., № 3.

72.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1838 г. октября 5.

73.—А. Маринъ. Краткій очеркъ исторіи Л.-Гв. Финл. полка, 1846 г., кн. II, стр. 116, примѣч. Арх. Канц. Воен. Мин. Общ. Оп., 1848 г., № 32—162. Приказъ по Л.-Гв. Финл. полку 1873 г., декабря 16. Телеграмма Военнаго Министра Генералу Марину, отъ 12-го декабря 1872 г., за № 3357.

74.—Ibid., кн. I, стр. 70—71.

75.—Ibid., кн. I, стр. 92—94.

76.—Приказъ по Л.-Гв. Финл. п. 1856 г., за ноябрь мѣсяцъ.

77.—Н. В. Гоголь. Полное собраніе сочиненій, подъ редакціей Тихонравова. Изд. 15-е 1900 года.

78.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1835 г., февр. 21-го.

ГЛАВА VIII.

1.—Воен. Сборникъ 1896 г. № 7, статья Н. Д. „Кратк. обз. состоян. Русск. арм. въ царств. Ник. I".
2.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1827 г. I отд. 1 предм. № 14.
3.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. мѣсячн. рапортъ Л.-Гв. Финл. полка, за 1827 г., по арх. № 9257.
4.—Прик. по Гвард. Корп. 27 іюля 1827 г. № 77.
5.—„25 лѣтъ Л-Гв. въ Егерскомъ полку". Воен. Сборн. 1877 г., № 12.
6.—Прик. по Л.-Гв. Финляндскому полку 1832 г., 8 мая и прик. по Гвард. Корп. 1832 г. № 100 и 1833 г. № 127.
7.—Арх. Офицерской Стрѣлковой Школы. Обзоръ 25-лѣтія Образцоваго Пѣх. полка 1826—1851 г.
8.—Изъ записокъ стараго преображенца. „Русская Старина" 1893 г. № 4, стр. 26.
9.—Записки Ген. Балговута, служившаго въ Л.-Гв. Моск. полку. Ист. Л.-Гв. Московскаго полка. Н. Пестриковъ, Томъ II, стр. 165.
10.—Карцевъ. Тактика 1850 г. ч. I, стр. 18.
11.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. II, стр. 22 прим. № 2.
12.—Приказъ по Л.-Гв. Финляндскому полку 1841 г. окт. 7-го и Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1851 г. I отд. № 27.
13.—Записки стараго преображенца „Русская Старина". 1893 г., № 4.
14.—„25 лѣтъ въ Л.-Гв. Егерскомъ полку." Воен. Сборникъ.1878 г. № 1.
15.—Прик. по Гвард. Корп. 1842 г. № 53, по указ. Исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка, Ф. Ростковскій. отд. II стр. 27 прим. 13.
16.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерскомъ полку". Воен. Сборн. 1878 г., № 1 и Истор. Л.-Гв. Волынскаго полка. А. Луганинъ. 1884 г. стр. 279.
17.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерск. полку". Воен. Сборн. 1878 г., № 1.
18.—Изъ записокъ стараго преображенца. „Русская Старина" 1893 г. № 4.
19.—Ф. Ростковскій. Истор. Л.-Гв. Финляндскаго полка Отд. II, стр. 28, прик. по Гвардейск. Корп. 1845 г. № 109.
20.—Св. Воен. Постан изд. 1838 г. ч. III кн. I прилож. V. „Объ обращеніи съ солдатами". По извлеченію ист. Л.-Гв. Финляндскаго полка, Ф. Ростковскаго, отд. II, стр. 33 и прил. 2.
21.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка отд. II, стр. 30 и Прик. по Гвард. Корпусу 1832 г., сент. 7, № 37.
22.—Ф. Ростковскаго. Ист. Л.-Гв. Финл. полка отд. II, стр. 30—33.
23.—Пр. по Гв. Корп. № 22. 1853 г.
24.—Прик. по Гвард. Корп. 1832 г. сент. 7, № 37.
25.—Изъ записокъ стараго преображенца. „Русская Старина" 1893 г., № 4.
26.—Ibid.
27.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 15-го сент. 1841 г.
28.—Со словъ Д. С. С. В. А. Изъѣдинова, служивш. въ полку съ 1846—1850 годъ.
29.—Прик. по пѣхотѣ Гвард. Корп. 1832 г. дек. 29 за № 57.
30.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 18 апр. 1839 года.
31.—Арх. Офицерск. Стрѣлк. Школы. Обзоръ 25-лѣтія Образц. Пѣх. п. 1826—1851 г.
32.—„25 лѣтъ Л.-Гв. въ Егерскомъ полку". Воен. Сборникъ 1878 г., № 1.
33.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. мѣсячн. рапортъ Л.-Гв. Финлянд. полка, за 1827 годъ, по архиву № 9257.
34.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1837 года, мая 21-го.
35.—Прик по Л.-Гв. Финл. полку, 1837 г., февр. 4-го.
36.—Записано со словъ Генер.-отъ-инфантеріи Н. С. Ганецкаго.
37.—Арх. Ораніенб. Дворц. Правл., 1826 г., № 46, пачка 2.
38.—Арх. Гл. Управл. Удѣловъ, отд. I, столъ 2, № 146. св. 5 и № 1361, св. 34.
39.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п., отд. III, стр. 244.
40.—Арх. Петерб Воен. Окр. 1840 г., № 87, 6 отд.
41.—Ibid.
42.—Арх. Канц. Воен. Мин., 1830 года, № 90/45.
43.—Арх. Петерб. Воен. Окр. II Отд., 13 предм., дѣло № 7, 1827 г., Прик. по Гвард. Корп. 27 іюля 1827 г. № 77.
44.—Арх. Канц. Воен. Мин. 1830 г. № 90/45. Прик. по Гвард. Корп. 7 іюня 1830 г.
45.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п., отд. III. стр. 247.
46—Прик. по Л.-Гв. Финляндскому полку 1843—1848 годовъ.

47.—Изъ записокъ стараго преображенца „Русская Старина" 1893 г. № 3.
48.—Прик. по Л.-Гв. Финляндскому полку 1838 г. іюня 9-го.
49.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1842 года, іюня 12-го.
50.—Прик. по Л.-Гв. Финляндскому полку 1843 г., іюня 19-го.
51.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1847 г. іюня 25-го и іюля 29-го.
52.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1841 г. сент. 23-го.
53.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1843 г., сент. 19-го.
54.—Со словъ Дѣйст. Статск. Совѣтн. В. А. Изъѣдинова.
55.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. Журн. важн. событій Л.-Гв. Финл. п. 1850 г.
56.—Арх. Канц. Воен. Мин-ства, 1835 г. № 22/101. Журн. важн. событій Л.-Гв. Финл. п. Событій полка 1850 г. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт.
57.—Кн. Щербатовъ: „Генералъ-Фельдмаршалъ Паскевичъ". Прил. къ V тому 1896 г. стр. 33—34.
58.—Послужные списки командировъ полка и Журн. важн. Л.-Г. Финл. п.
59.—Изъ записокъ стараго преображенца, Кн. Н. Имеретинскаго. „Русская Старина" 1900 г. № 11.
60.—Арх. Петерб. Воен. Окр. 1837 г. № 78, отд. II и Арх. Гатч. Дворц. Управл. 1337 г. № 39.
61.—Прик. по Л-Гв. Финл. полку 1838 г., марта 10-го.
62.—Архивъ Л.-Гв. Финл. полка.
63.—Арх. Петерб. Воен. Окр. 1847 г., № 33, отд. 1.
64.—Изъ записокъ стараго преображенца. „Русская Старина". 1893 г. № 4.
65.—Списки офицеровъ Л.-Гв. Финл. п.
66.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1837 г., 5 отд., № 48.
67.—Ibid.
68.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1838 г. апрѣля 6-го.
69.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1843 г., № 125.
70.—Ibid.№ 131.
71.—Н. Пестриковъ. Ист. Л.-Гв. Московскаго полка. Т. II, стр. 170.
72.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1834 г., сент. 29-го.
73.—Н. Пестриковъ. Истор. Л.-Гв. Московск. п. томъ II, стр. 170-я.
74.—Сводъ Воен. Пост. 1838 г., часть III, статья 762.
75.—Ист. Л.-Гв. Финл. полка Ф. Ростковскаго. Отд. II, стр. 30-я.
76.—Со словъ Генерала-отъ-Инф. Н. С. Ганецкаго.
77.—Арх. Петерб. Воен. Окр., 1848 года, I отд. № 187.
78.—Ibid.
79.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1838 г, февр. 20 и Ист. Л.-Гв. Егерскаго полка 1896 г., стр. 274.
80.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1834 г. авг. 7-го.
81.—Прик. по Л-Гв. Финл. полку 1841 г. декабря 26-го.
82.—Прим. по Л.-Гв. Финл. полку 1842 г. марта 26-го.
83.—Арх. Петерб. Воен. Окр. 1827 г., № 14, отд. I, предм. 1.
84.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1854 г. авг. 22-го.
85.—Журн. исх. бумагъ Л.-Гв. Финл. п. 1853 г. янв. 16-го.
86.—Приказъ по Л-Гв. Финл. п. 1846 года; января 23 и 1850 года, октября 24-го.
87.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1838 г. нояб. 14-го и 1850 г. сент. 20-го.
88.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1834 года сент. 11-го, 1837 г. авг. 31-го, 1843 г., августъ и Арх. Офицерск. Стрѣлк. Школы. Обзоръ 25-лѣтія Образц. Пѣхотн. полка 1826—1851 г. и журналъ важн. событ. Образц. Пѣхотн. полка 1849—1856.
89.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1836 года февр. 24-го.
90.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1839 г. февр. 16-го.

ГЛАВА IX.

1.—Прик. по Гвард. Корпусу 1827 г. іюля 27-го.
2.—В. Федоровъ. „Ручное огнестрѣльное оружіе русской арміи за XIX вѣкъ". Оружейный Сборникъ 1901—1902 г.
3.—Исход. Журн. Л.-Гв. Финляндскаго полка 1828 г., № 96.

4.—Арх. Петерб. Воен. Окр., 1827 г., II отд., 21 предм. № 130.

5.—Арх. Петерб. воен. окр. 1827 г., II отд., 21 предм., № 130 и В. Федоровъ. „Ручн. огнестр. оружіе за XIX вѣкъ".

6.—Вход. Журн. Л.-Гв. Финляндскаго полка 1832 г., ноября 24-го.

7.—В. Федоровъ. „Ручное огнестрѣльное оружіе русской арміи за XIX вѣкъ".

8.—Арх. Петерб. Воен. Окр. 1839 г, отд. II, № 94.

9.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1833 г., окт. 19-го.

10.—В. Федоровъ. „Ручное огнестрѣльное оружіе за XIX вѣкъ".

11.—Вход. Журн. Л.-Гв. Финл. полка 1842 г. № 879.

13.—Арх. Канц. Воен. Мин. 1843 г., № 93/108 общаго отдѣла.

13.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. II, стр. 69; составлено на основаніи Арх. Петерб. Воен. Окр. 1846 г., отд. II, № 92, вход. и исход. Журн. Л.-Гв. Финл. полка. Приказы по Гвард. Корп. 1844 г. № 149.

14.—Арх. Канц. Воен. Мин—ства, 1843 г., № 93—108 общаго отдѣла.

15. В. Федоровъ. „Ручное огнестрѣльное оружіе за XIX вѣкъ" на основаніи Арх. Главн. Артил. Управленія.

16.—Ibid.

17.—Ibid.

18.—Ф. Ростковскій. Истор. Л.-Гв Финляндскаго полка Отд. II, стр. 71.

19.—Арх. Петерб. Воен. Окр. 1848 года, II отд., № 183. Прик. по Гвард. Корп. 1848 года № 66 и Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка отд. II. стр. 70.

20.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1852 г. апр. 5. Исх. Журн. полка 1862 г. № 1705 и Вход. Журн. полка 1852 г. № 1831 и 1941.

21.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1849 г. февр. 8-го и вход. и исход. Журн. Л.-Гв. Финл. полка. 1849 г. № 235 и 536.

22.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1854 г. іюля 28, 30, авг. 4-го.

23.—Прик. по Л.-Гв. Финл. резервн. полку 1854 г. декабря 29-го.

24.—Прик. по Л.-Гв. Финл. резервн. полку 1855 г. апрѣля 11-го.

25.—Наставленіе къ обученію стрѣльбѣ въ цѣль и сбереженію оружія въ войскахъ 1855 г.

26.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1838 г. янв. 29-го.

27.—Прик. по Гвард. Корп. 1847 г., дек. 28-го.

28.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1854 г., сент. 21-го.

29.—Вход. и исх. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1829 г., № 28.

30.—Вход. и исх. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1842 г., № 2180.

31.—Вход. и исх. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1842 г. № 955 и прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1854 г. октября 3-го.

32.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1854 г., сент. 1-го.

33.—Вход. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1853 г., № 2613 и прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1854 года іюля 14-го.

34.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1839 г., января 9-го.

35.—Изъ „Записокъ стараго преображенца". „Русская Старина" 1893 г. № 4.

36.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1849 г., апрѣля 15-го.

37.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1842 г., ноября 19-го.

38.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1854 г., декабря 1-го.

39.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1834 г., № 388.

40.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр., 1839 г., 2 отд., № 94.

41.—Прик. по Гвард. Корп. 1846 г., № 316.

42.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., мѣсячные рапорты Л.-Гв. Финл. полка 1836—1855 гг.

43.—Арх. Петерб. Воен. Окр., 1828 г., II отд., 3 предм., № 15.

44.—Прик. по Воен. Мин. 24 декабря, 1849 г.

45.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 17 янв. 1850 г.

46.—В. Федоровъ. „Ручное огнестр. оружіе" стр. 116.

47.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1854 г. іюля 28-го.

48.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1833 г. іюня 1-го, 1843 г. окт. 16-го.

49.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1854 г., января 29-го.

50.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1854 г., февр. 28-го.

51.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1854 г., апр. 23-го.

52.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1843 г., окт. 16-го.

53.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1839 г., августа 1-го.
54.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. II, стр. 75.
55.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1842 г., окт. 29-го, № 3375.
56.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1842 г., сент. 28, № 2698.
57.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1846 г., февр. 13-го.
58.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1854 г., мая 17-го.
59.—Ibid.
60.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1854 г, іюля 28-го.
61.—Арх. Канц. Воен. Мин., 1842 г. № 134/207.
62.—Арх. Канц. Воен. Мин. 1841 г., № 12/50.
63.—Наставленіе для обуч. стрѣльбѣ 1855 г., стр. 47.
64.—Прик. по Гвард. Корп. 1 іюня 1850 г.
65.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1833 года, февр. 13, № 37. Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 11 марта 1834 года.
66.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1854 г. февр. 28-го.
67.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1850 г. февр. 21-го.
68.—Табл. эта, составлена на основаніи приказовъ по Л.-Гв. Финляндскомъ полку, исх. и вход. журналовъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, наставленія для обученія стрѣльбѣ 1855 года и труда В. Федорова. „Ручное огнестрѣльное оружіе русской арміи за XIX вѣкъ". Оружейный Сборникъ 1901—1902 г.
69.—Ibid.
70.—Кн. Щербатовъ. „Генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ". 1896 года, приложенія къ V тому, стр. 234.
71.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1825 г., № 79 и 82.
72.—Прик. по Гвард. Корп. 1827 г., № 5.
73.—Прик. по Л-Гв. Финл. п. 1835 г. окт. 25-го.
74.—Исход. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1834 г., № 555.
75 Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1827 года, I отд., 1 предм., № 14. Прик. по пѣх. Гвард. Корп. 1827 г., № 17.
76.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п., отд. II, стр. 75.
77.—Кн. Щербатовъ: „Генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ" 1896 года, приложенія къ V тому стр. 236.
78.—Арх. Канц. Воен. Мин, 1841 г., № 12/50.
79.—Арх. Л.-Гв. Финл. п. предписаніе командира 4 гв. бриг. отъ 27 нояб. 1841 г. за № 2626.
80.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1842 г.
81.—Прик. по Л.-Гв. Финл п. 1843 г. іюля 4-го.
82.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1847 г.
83.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1848 г. іюля 18-го.
84.—Изъ „Записокъ стараго преображенца". „Русская Старина" 1893 г., № 4.
85.—Арх. Офицерской Стрѣлковой Школы, отдѣлъ V, дѣла объ измѣненіяхъ 1840—1845 годовъ.
86.—Прик. по Гвард. Корп. 1841 г., № 35.
87.—Записано со словъ Ген.-отъ-Инфантеріи Гана. Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. II, стр. 77.
88.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1840-ыхъ годовъ.
89.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1843 г., мая 4 го.
90.—Со словъ Генералъ-Лейтенанта Бѣлокопытова. Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. II, стр. 78.
91.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. I Отд. 2 предм. № 57, 1827 г.
92.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. II, стр. 26—27.
93.—Арх. Офицерской Стрѣлковой Школы, отдѣлъ V, дѣло объ измѣненіяхъ 1840—1845 годовъ.
94.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1853 г., іюля 1-го.
95.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1830—1845 годовъ.
96.—Изъ „Записокъ стараго преображенца". „Русская Старина" 1893 г., № 4.
97.—Вход. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1853 г., № 2405.
98.—Прик по Л.-Гв. Финл. резервн. полку 1854 г., мая 14-го.
99.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1855 авг. 18-го.

ГЛАВА X.

1.—Н. Пестриковъ. Ист. Л.-Гв. Московск. полка, т. II, стр. 75.
2.—Со словъ д. с. с. В. А. Изъѣдинова.
3.—Со словъ Генерала Н. С. Ганецкаго.
4.—Арх. Петерб. воен. окр. 1827 г. № 14, отд. I, предм. 1.
5.—Ibid.
6.—Ibid.
7.—Ibid.
8.—Ibid.
9.—Арх. Петерб. воен. окр. 1827 г. № 14, отд. I, предм. 1.
10.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1837 г., марта 18.
11.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1845 г., апрѣля 18.
12.—Щукинскій сборникъ, вып. I, „О петербургскихъ караулахъ 1829 года".
13.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1840 г.
14.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1853 г.
15.—Выведено изъ данныхъ прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1830—1853 г.
16.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1853 г
17.—„Изъ записокъ стараго Преображенца". „Русская Старина" 1900 г. № 11.
18.—Воспоминанія Теобальда. „Русская Старина" 1889 г. № 2.
19.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. II, стр. 51.
20.—Арх. Канц. Воен. Мин—ства, 1830 г., № 2, секр. опись и Арх. шт. Петерб. воен. окр. № 102 1830 г. предм. 9.
21.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1825 — 1854 годовъ и Вѣдомости о нижнихъ чинахъ 2-й гвард. пѣхотн. дивизіи бывшихъ подъ судомъ (Арх. Шт. Петер. воен. окр, отд. аудитор). 1825 — 1854 годовъ.
22.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1841 г., окт. 16.
23.—Вход. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1842 г. № 4.
24.—Предписаніе командиру Л.-Гв. Финл. полка отъ командира 4-й гв. пѣх. бригады Вел. Кн. Конст. Николаевича, отъ 14 дек. 1849 г., за № 2986 Исторія Арх. Л.-Гв. Финл. полка.
25.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1838 г., окт. 3.
26.—Ibid., 1851 г., окт. 1.
27.—Ibid., 1853 г. мая 14.
28.—Ibid., 1853 г. іюля 26.
29.—Ibid., 1846 г. марта 3.
30.—Ibid., 1835 г. сент. 11.
31.—Ф. Ростковскій, Ист. Л.-Гв. Финл. полка отд. II, стр. 81, на основаніи прик. по гвард. корп. 1843 г. № 11.
32.—Записано со словъ Генерала Н. С. Ганецкаго.
33.—А. Луганинъ. Опытъ исторіи Л.-Гв. Волынскаго полка 1884 г., стр. 371.
34.—Записано со словъ отставного кандидата М. Василенко.
35.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка отд. II, стр. 43.
36.—Ibid.
37.—Исх. и вход. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1832 г. № 1732.
38.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1847 г. августа 24.
39.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. II, стр. 47.
40.—А. Луганинъ. Опытъ исторіи Л.-Гв. Волынскаго полка часть I, стр. 317, 1884 г.
41.—Прик. по Гвард. корп. 1851 г. № 80.
42.—Сводъ военныхъ постановл. 1838 г. часть II, стр. 1163, 1194, 1198.
43.—Арх. Канц. Воен. Мин-ства. 1847 г. № 4/15.
44.—Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1848 г. сент. 5.
45.—Арх. Канц. Воен. Мин—ства, части секретн. 1835 г. № 96.
46.—Ibid.
47.—Арх. Канц. Воен. Мин—ства, секр. часть, 1831 г. № 96.
48.—Idib.
49.—С. Пестриковъ. Исторія Л.-Гв. Московск. полка, ч. II, стр. 185.
50.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1838 г. декабря 31, 1845 г. января 19 и 1852 г. марта 10. Арх. Шт. Петерб. воен. окр., 2 отд. № 442, 1851 г.

51.—Прик. по Гвард. корп. 21 сентября 1834 г., № 133 и 9 декабря 1838 г., № 171 и прик. по военному вѣдомству: 30 августа 1834 г. № 133 и 6 декабря 1838 г., № 117.

52.—А. Луганинъ. Опытъ исторіи Л.-Гв. Волынскаго полка 1884 г., стр. 338, т. II.

53.—Арх. Канц. Воен. Мин—ства, части секретн. 1836 г. № 52.

54.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1836—1850 г.

55.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1854 г. отд. 2, № 337.

56.—Списки о прохожденіи офицерами полка службы и на основаніи приказовъ по полку 1825—1855 г.

57.—Истор. Арх. Л.-Гв. Финл. п. Предписанія к—ра 4-й гв. пѣх. бриг. 1841 г. № 359 и № 2688, 1843 г. № 231, 1848 г. № 3701 и 1851 г. № 2492.

58.—„Русская Старина" май 1883 г., стр. 273—276 Записки Ген.-Лейт. Д. Г. Колокольцова и „Русская Старина" янв. 1884 г. стр. 203—205. Воспоминанія одного изъ воспитанниковъ.

59.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. мѣсячн. и годовые рапорты Л.-Гв. Финл. полка.

60.—П. С. З. т. XVII ст. 16192.

61.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1847 г. отд. 3 № 306.

62.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. мѣсячн. и годов. рапорты Л.-Гв Финл. полка 1826—1855 г.

63.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1826 г., 1 отд., 4 предм. № 8.

64.—Истор. Арх. Л.-Гв. Финл. п. Предписаніе шт. 2-й гв. пѣх. див. 7 мая 1854 г. № 3481.

65.—Арх. Канц. Воен. Мин—ства 1829 г. № 103/156.

66.—Г. Лееръ. Энциклоп. воен. и морск. наукъ, т. II, стр. 584.

67.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. мѣсячн. рап. Л.-Гв. Финл. полка.

68.—Ibid.

69.—Арх. Л.-Гв. Финл. полка. Билетъ кантонисту 1853 г.

70.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1 отд. 5 предм. № 16, 1827 г.

71.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1845 г. отд. 6, № 415.

72.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1848 г. отд. аудиторское, № 52.

73.—Историч. Арх. Л.-Гв. Финл. полка. Дѣло хозяйств. комитета 1863 г. о кантонистахъ.

74.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1839 г. авг. 7.

75.—Записано со словъ Генерала Н. С. Ганецкаго.

76.—Прик. по гвард. корп. 1847 г. № 68.

77.—Высоч. маниф. 26 авг. 1856 г.

78.—Исход. журн. Л.-Гв. Финл. полка, 1832 г., № 730 и 1828 г. № 736.

79.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. мѣсячн. рап. Л.-Гв. Финл. полка 1832 г. декабрь.

80.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. III, стр. 449.

81.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1839 г., ноября 9 и 1842 г. января 24.

82.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1847 г., 6 отд. № 146, т. I.

83.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1845 г., 4 отд., № 169.

84.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1848 г., отд. аудиторское, № 52.

85.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1854 г., янв. 4.

86.—Ibid. 1849 г., іюля 14.

87.—Ф. Ростковскій. Ист. Л-Гв. Финл. полка, отд. III, стр. 450.

88.—„Лезгинецъ Ассанъ". Написано подъ его диктовку. С.-Петербургъ. Печатано въ Военной Типографіи. 1865 годъ.

ГЛАВА XI.

1.—П. С. З. Р. И. 1854 г. Стат. 27,999 и Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1854 г. № 286.

2.—Мѣс. рапортъ Л.-Гв. Финл. п. 1836 г. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Хрон Росс. арміи. за 1852 г. часть I, стр. 77. Общ. Арх. Главн. Штаба.

3.—Моск. отд. Арх. Гл. штаба. Мѣсячн. и годовые рапорты Л.-Гв. Финл. полка 1826—1854 г.

4.—Изъ записокъ стараго Преображенца Кн. Н. К. Имеретинскаго. „Русская Старина" 1900 г. № 11.

5.—Арх. Канц. Воен. Мин—ства, по части секретн. 1835 г. № 96.

6.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1849 года, ноября 5.

7.—Ibid. 1848 г. іюля 7.

8.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 3 отд. 10 предм. дѣло № 101, 1827 года.

9.—Арх. Канц. Воен. Мин—ства, по части секретн. 1835 г. № 96.

10.—Моск. отд. Арх. Гл. Шт. Мѣсячные рапорты Л-Гв. Финл. полка 1830 г. по Архиву № 12110.

11.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1834 г. окт. 17.

12.—Арх. Канц. Воен. Мин-ства, по части секретн., 1835 г. № 96.

13.—Ibid..

14.—Прик. по Гвард. Корп. 1848 г. № 7.

15.—Прик. по гвард. корпусу 9 Декабря 1849 года № 276.

16.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка отд. II, стр. 44.

17.—Изъ записокъ стараго Преображенца Кн. Н. К. Имеретинскаго. „Русская старина" 1900 г. № 11.

18.—Предписаніе Генералъ-Фельдцейхмейстера отъ 29 Мая 1845 г. № 500.

19.—Прик. по гвард. Корп. 1839 г. № 37 и прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1839 г. авг. 29.

20.—Арх. Канц. Воен. Мин—ства, 1827 г. № 203/89. Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 5 отд. 9 предм., 1827 г. № 15 и 17 Ibid., 6 отд., 1836 г. № 190.

21.—С.-Петербургскій Общій Полицейскій Архивъ, опись дѣлъ Губернатора, дѣло № 61, 1844 г.

22.—Ibid. и Арх. Шт. Петерб. воен. окр., 6 отд. 1847 г. № 535 и 174 и Приказы по гвард. корп. 1843 г. № 108 и 1847 г. № 170.

23.—Арх. Шт. Петерб. Воен. окр., 5 отд., 4 предм., 1825 г. № 1, 1826 г. № 1. Арх. канц. Воен. Мин—ства, 1834 г., № 277/143.

24.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. III. стр. 244—245.

25.—Арх. Канц. Воен. Мин—ства, дѣло № 74/107, 1826 г.

26.—Вход. и Исх. журналъ Л.-Гв. Финл. п. 1834 года № 1513.

27.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1835 г. авг. 11 и прик. по гвард. корп. 1835 г. № 112.

28.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1826 г., № 1, 2 отд.. 16 предм. и 1827 г., № 15, 2 отд., 18 предм.

29. Арх. Канц. Воен. Мин—ства, отд. 2, ст. 2, № 289/414, 1837 г. Ф. Ростковскій. Ист. Л-Гв. Финл. полка, отд. II, стр. 58—59.

30.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. II, стр. 58—59.

31.—Прик. по Гвард. Корп., 1846 г., № 118.

32.—Отношеніе Л.-Гв. Финл. полку изъ Шт. 2-й Гвард. пѣх. дивиз., отъ 13 дек. 1850 г., за № 6068.

33.—Прик. по Гвард. Корп. 1852 г., янв. 23, № 17.

34.—Арх. Канц. Воен. Мин—ства., дѣло № 335/466, 1832 года.

35.—Ibid.

36.—Прик. Воен. Министра отъ 20 янв. 1833 года.

37.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1838 г., февр. 18.

38.—Ibid. 1851 г., окт. 22.

39.—Ibid. 1854 г. окт. 15.

40.—„Императоръ Николай Павловичъ". Сообщилъ П. Вуичъ. „Русская Старина", 1883 г., № 7, стр. 408—410.

41.—Прик. по Л.-Г. Финл. полку 1843 г., окт. 31.

42.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1827 г. № 14, отд. 1. предм. 1.

43.—Прик. Л.-Гв. Финл. полку 1841 г. Декабря 29.

44.—Арх. Канц. Воен. Мин—ства, статсъ-секретаря. 1835 г. № 29.

45.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. II., стр. 43.

46.—Арх. Канц. Воен. Мин—ства, 1837 г. № 331/38.

47.—Арх. Канц. Воен. Мин. д. № 194/50, 1826 г. Прик. Н-ка Гл. Шт. Е. И. В. 11 февр. 1826 г.

48.—Висковатовъ. Историч. описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ.

49.—Прик. Воен. Министра, 1 янв. 1827 г.

50.—Арх. Канц. Воен. Мин—ства, д. № 194/50, 1826 г. Прик. Н-ка Гл. Шт.

51.—Висковатовъ.

52.—Арх. Канц. Воен. Мин. д. № 335/446. 1832 г. Пр. Н-ка Гл. Шт. Е. И. В. 1833 г. 20 янв.

53.—Висковатовъ. Историч. описан. одежды и вооруж. Росс. войскъ.

54.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1838 г. мая 1.

55.—Висковатовъ.

56.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка отд. II. стр. 127.

57.—Записки И. Шимана. Русскій Архивъ, 1902 г. № 3.

58.—Прик. Воен. Мин. 8 іюня 1832 г. Прик. по Л.-Гв. Фин. полку 14 янв. 1836. Прик. по Гвард. Корп. 24 ноября 1847 г. Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 17 дек. 1850 г. Ibid. 27 февр. 1853 г. Ibid. 30 нояб. 1853 г. Ibid. 15 янв. 1847 г. Ibid. 6 марта 1853 г.

59.—Столѣтіе Военнаго Министерства, Главн. Военно-Санитарн. Комитетъ томъ, III, стр. 27—37.
60.—Моск. отд. Арх. Гл. Штаба. Мѣсячн. рапортъ Л.-Гв. Финляндского полка 1826—855 годовъ.
61.—Ibid.
62.—Ibid.
63.—Ibid.
64.—Кн. Щербатовъ: „Генералъ-Фельдмаршалъ“ Кп Паскевичъ. 1896 г. прилож. къ V тому, стр. 321.
65.—Арх. Л.-Гв. Финл. п. Предписаніе отъ 13 іюня 1841 г. за № 495. Командиру Л.-Гв. Финл. п.
66.—Прик. по полку 9 окт. 1838 года.
67.—Предпис. Командиру Л.-Гв. Финл. п. отъ Командующаго 4-й Гвард. пѣх. бриг. 13 марта 1852 г. № 886.
68.—„Русскій Инвалидъ“ 1831 года № 164.
69.—Арх. Канц. Воен. Мин-ства, 1830 г., № 160/333.
70.—Прик. по Гвард. Корп. 1848 г. іюня 27, № 109.
71.—Воспом. Г. Щербатова. „12 лѣтъ молодости“, „Русскій Архивъ“ 1890 г., кн. 2, стр. 224.
72.—Кн. Щербатовъ; „Генералъ-Фельдмаршалъ, Кн. Паскевичъ“ 1896 г. прилож. къ V тому стр. 238.
73.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка отд. II стр. 91.
74.—Прик. по С.-Петерб. воен. окр. 1848 г. 12 іюля, № 122.
75.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1853 и 1854 годовъ.
76.—Прик. по Гвард. Корп. 1851 г. № 254.
77.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. мѣсячн. рапорты Л.-Гв.Ф инл. полка.
78.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1828 г. 4 отд. 7 предм. № 2.
79.—Арх. Шт. Петерб. воен. Окр. 1828 г. 5 отд. 5 предм № 7.
80.—Предписаніе к-ра 4 бригады, отъ 24 апр. 1840 г. № 890.
81.—Арх. Канц. Воен. Мин—ства, 1829 года, дѣло № 159/358.
82.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1845 г. 4 отд. № 169.
83.—Арх. Шт. Петерб. воен окр. 1842 г. 2 отд. № 131.
84.—Ibid. 1830 г. 4 отд. 8 предм. № 9.
85.—Ibid. 1840 г. № 94.
86.—Отношеніе к-ра Гв. пѣх. корп. Нач-ку Шт. отъ 30 нояб. 1847 г. № 167.
87.—Арх. Шт. Петерб. Военн. Окр. 1826 года 3-го Отд. 18 Предм. № 63.
88.—Арх. Канц. Воен. Минист. 1832 г. № 244/250.
89.—Арх. Шт. Петерб. Военн. Окр. 1826 г. II отд. 25-й предметъ № 55.
90.—Арх. Канц. Воен. Минист. 1832 г. № 244/250.
91.—Арх. Канц. Воен. Минист. 1826 г. № 105/148.
92.—Ibid.
93.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1845 г. V отд № 64.
94.—Арх. Мин. Имп. Двора. Именные указы Его Величества по Кабинету Его Вел. 1826—1827 г.
95.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1848 г. II Отд. № 93.
96.—Ibid. 1834 г. V Отд. 5 Предм. № 15.
97.—Ibid. 1840 г. III Отд. № 17.
98.—Ibid. 1826 г. I Отд. 2 Предм. № 50 и III отд. 18 Предм. № 97.

ГЛАВА XII.

1.—Военно-Ученый Архивъ Главнаго Штаба, отд. 2 № 4431 и 4432.
2.—Разсказъ очевидца И. фонъ-деръ-Ховена. „Русская Старина“ 1884 г. № 11 стр. 400.
3.—Приказъ 1 іюня 1849 годъ. Г. Варшава.
4.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1849 г. стр. 28.
5.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1849 г., № 284, отд. I.
6.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1849 годъ, май м—цъ.
7.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1849 г. № 204, отд. I.
8.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1849 г. мая 11.
9.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1849 г. № 223 отд. I.

10.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1849 года мая 5.
11.—Я. Бутковскій. Очерки военнаго быта сороковыхъ годовъ. Прилож. къ „Нивѣ" 1897 г. № 11.
12.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1849 г. № 284, отд. I.
13.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1849 г. мая 12.
14.—Ibid. мая 14.
15.—Арх. Морского Минист. инсп. департам. статист. отд. дѣло № 21, 1880 года. Послужной списокъ Вел. Кн. Константина Николаевича.
16.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финляндск. полка, отд. II стр. 86.
17.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1849 г. № 204, отд. I.
18.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1849 г. мая 15.
19.—Ibid.
20.—Ibid. мая 15.
21.—Ibid. іюня 25.
22.—Ibid. мая 15.
23.—Ibid. іюня 7 и Арх. Канц. Воен. Мин—ства, секр. отд. № 70, 1849.
24.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1849 г. № 204, части Генер. Шт. предм. 15.
25.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1849 года, іюня 2.
26.—Ibid. іюня 29.
27.—Военно-Ученый Архивъ Главнаго Штаба, отд. II № 3278.
28.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1849 года № 284, отд. I.
29.—С. Пестриковъ. Ист. Л.-Гв. Московскаго полка, т. II стр. 217.
30.—Арх. Канц. Воен. Мин—ства, I отд. 3 ст. № 37/170, 1849 года.
31.—Прик. по Гв. и Гр. Корп. 20 сент. 1849 года.
32.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1851 г., окт. 16.
33.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финляндскаго полка, отд. II, стр. 89.
34.—Прик. по Запасному батальону Л.-Гв. Финл полка 1849 г. сент. 2.
35.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1849 г. № 216, предм. 16., по части Генер. Штаба.
36.—Со словъ и писемъ участниковъ похода. Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка отд. II стр. 88.
37.—Арх. Шт. Петерб. Воен. окр. 1851 г. № 410, отд. 3.
38.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка отд. II, стр. 88.
39.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1849 г. № 227, Генер. Шт., предм. 16 Прик. по Запасн. бат. Л.-Гв. Финл. полка 1849 г. ноября 6.
40.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1851 г. № 410, 3 отд.
41.—Собраніе донесеній о военныхъ дѣйствіяхъ и дипломатическихъ бумагъ и актовъ относящихся до войны 1853—1856 годовъ. С. Петербургъ. 1858 годъ, стр. 23.
42.—Ibid. стр. 122.
43.—В. Кренке. Оборона Балтійскаго прибрежья въ 1854—1856 годахъ. 1887 г. стр. 39. и Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1854 года февр.—май м—цы.
44.—Ibid, стр. 39.
45.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1854 г. апрѣля 14.
46.—В. Кренке. Оборона Балтійскаго прибрежья въ 1854—1856 годахъ, 1887 г. стр. 42.
47.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1854 г. апр. 15 и марта 21.
48.—Ibid. 1854 г., марта 7.
49.—Со словъ Генералъ-Адъютанта Ванновскаго.
50.—Ibid.
51.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1854 г. апрѣля 8.
52.—Прик. по Л.-Гв. Финл полку 1854 г. май м—цъ.
53.—Ibib. мая 9.
54.—Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. полка, отд. II стр. 117.
55.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1854 года мая 28-го
56.—Ibid, 1854 г. май—іюнь м-цы.
57.—В. Мамышевъ. Русская патріотическая библ. 1870 г. Жизнеописаніе Генер.-Ад. Рамзая.
58.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финляндск. полка отд. II стр. 117.
59.—Ibid., стр. 117.
60.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1854 г. іюня 5.
61.—Арх. Шт. Петерб. воен. окр., 1854 г., отд., II, № 299 по части ген. шт.
62.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1854 г. сент. 8.

63.—Записка Генералъ-Лейтенанта Е. К. Теппера, офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка съ 1854 г. и командира его съ 1881 года.

64.—С. Рождественскій „Столѣтіе города Гатчины 1796—1896“ 1896 года, т. II. Ф. Ростковскій Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. II, стр. 120.

65.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1854 г. сент. 11 и 15.

66.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1854 г. сент. 27.

67.—Записано со словъ отставного кандидата М. Василенко.

68.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. II, стр. 121.

69.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1854 г. декабря 20.

70.—П. С. З. Р. И. 25 января 1842 г. ст. 15237.

71.—Прик. по Гвард. Корпусу 1842 г. № 18. 1843 г. №№ 37 и 183 и 1846 г. № 7 и жур. вход. бум. Л.-Гв. Финл. п. 1842 г. № 2192.

72.—Прик. по Гвард. Корп. 1842 г. № 18 и П. С. З. Р. И. 1842 г. 25 января ст. 12537.

73.—Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1845 г. 7 марта.

74.—Прик. по Гвард. Корп. 1843 г. № 3.

75.—Прик. в. м-ра 1834 г. № 130.

76.—Хроника Росс. Имп. арміи (изд. 1852 г.) Ч. I. стр. 81.

77.—Арх. Шт. в. гв. и Пет. в. Окр. Дѣло 1848 г. Отд. 4, № 362.

78.—П. С. З. Р. И. ст. 22087.

79.—Библ. Стрѣльн. Двора. Списокъ офицеровъ гвардіи, призываемыхъ изъ отпусковъ въ 1848 г.

80.—Пр. по Гв. Корп. 1848 г. № 211.

81.—Арх. Шт. в. гв. и Пет. в. Окр. 1848 г. Отд. 4, № 456.

82.—Пр. по Л.-Гв. Финл. п. 1848 г.

83.—Пр. по Гв. Кор. 1849 г. № 233.

84.—Арх. Шт. в. гв. и Пет. в. Окр. 1859 г. Отд. 3, № 266; пр. по Гв. Кор. 1850 г. № 177 и жур. вход. и исход. бум. Л.-Гв. Финл. п. 1850 г. №№ 1530, 3512 и 3673.

85.—Арх. Шт. в. гв. и Пет. в. Окр. 1850 г. Отд. 5, № 366.

86.—Хроника Росс арм. (изд. 1852 г.) Ч. I. стр. 81.

87.—Пр. по Гв. Кор. 1852 г. №№ 130, и 346 1853 г. № 10.

88.—П. С. З. Р. И. 1854 г. ст. 27999 и Пр. по Гв. Кор. 1854 г. № 100.

89.—Арх. Шт. Пет. в. Окр. Дѣло 1854 г. Отд. Ген. Шт. № 82.

90.—Арх. Шт. Пет. в. Окр. Дѣло 1854 г. Отд. резерв. № 165 и Пр. по Гв. Кор. 1854 г. № 286.

91.—Пр. по Л.-Гв. Финл. п. 14 августа 1854 г. и Пол. Собр. Зак. Росс. Имп. 1854 г. ст. 28491.

92.—Арх. Шт. в. гв. и Пет. в. Окр. Дѣло 1854 г. Отд. резервн. № 8.

93.—Пр. по Гв. Кор. 1854 г. №№ 314 и 323.

94.—Пр. по Гв. Кор. 1854 г. № 321.

95.—Жур. вход. бум. Л.-Гв. Финл. резерв. п. 1855 г. № 1713.

96.—Арх. Шт. Пет. в. окр. 1855 г. № 178, отд. 1.

97.—Арх. Шт. Пет. в. окр. 1855 г. Особое отд. № 9.

98.—Прик. по Л.-Гв. Финляндск. полку 1856 года сентября 29.

99.—Ibid.

100.—Предписаніе за № 136.

2007113371